

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

~~С. П. Верна~~
ПУТЕШЕСТВІЕ НА СЪВЕРЪ

ВДОЛЬ НОРВЕЖСКАГО БЕРЕГА

НА

ЕОРДКАПЪ ОСТРОВЪ ЯНЪ-МАЙЕНЪ И ИСЛАНДІЮ

ПРЕДПРИНЯТОЕ СЪ МАЯ ПО ОКТЯВРЬ 1861

Д—МЪ ГЕОРГОМЪ ВЕРНА

ВЪ СОПРОВОЖДЕНІИ

К. ФОГТА Г. ГАССЕЛЬГОРСТА А. ГРЕСЛИ И А. ГЕРЦЕНА

И ОПИСАНОЕ

КАРЛОМЪ ФОГТОМЪ

Съ научными прибавленіями и съ полнѣнами рѣзаними на деревѣ съ оригинальныхъ рисунковъ А. Гассельгорста

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1867 ✓

Vogt — VOGT
* G.F.

23500A

LIBRARY
OF THE
UNITED STATES
DEPARTMENT OF
AGRICULTURE

Типографія Куколь-Яснопольскаго,
на углу Малой Мѣщанской и Столярнаго переулка, домъ № 6/14.

ВВЕДЕНІЕ.

Быстро проходитъ молодость и наступаетъ наконецъ та пора жизни, когда мимолетныя влеченія втѣсняются въ узкую рамку опредѣленнаго призванія, когда приходится вступить на поприще, на которомъ установленныя правила даютъ путеводную нить и гдѣ уже не можетъ быть двигателемъ какая нибудь прихоть или минутное увлеченіе тѣмъ или другимъ.

Чѣмъ меньше оставалось впереди прекрасныхъ дней юности, тѣмъ сильнѣе становилось во мнѣ желаніе еще разъ уклониться и какъ можно далѣе отъ предназначеннаго пути, еще разъ отрѣшиться отъ окружающихъ обстоятельствъ и посмотрѣть на міръ съ совершенно иной точки, какая мнѣ суждена судьбою.

Такимъ образомъ я рѣшился разстаться со всѣмъ, что было мило и дорого и пуститься въ дальній свѣтъ. Рѣшеніе было твердое; но какъ выполнить его, чтобы оно доставило мнѣ такое сокровище, которымъ я могъ бы наслаждаться всю жизнь?

Хотя меня занимало все интересное и возвышенное для ума, но все же я не считалъ себя достаточно подготовленнымъ для того, чтобы посвятить путешествіе исключительно изученію иску-

ства, нравовъ, обычаевъ и политическаго устройства чужихъ народовъ. Въ этомъ путешествіи мое вниманіе привлекала больше всего природа, особенно наслажденія величавыми впечатлѣніями мірозданія.

Я выбралъ послѣднее потому, что оно издавна привлекало меня и потому, что я чувствовалъ къ нему наиболѣе расположенія.

Въ началѣ марта 1861 года я обратился къ г. профессору Карлу Фогту, прося его быть руководителемъ и двигателемъ моего предпріятія, такъ какъ я вполне сочувствовалъ міросозерцанію, изложенному имъ въ своихъ сочиненіяхъ. Мы согласились вовсе покинуть наши края и направиться на дальній сѣверъ: его мало посѣщаемыя страны уже давно возбуждали мое любопытство, а сѣверный климатъ казался мнѣ самымъ лучшимъ для моего организма.

Профессоръ Фогтъ пригласилъ гг. Грессли и доктора медицины Герцена — помогать ему при изслѣдованіяхъ; я же просилъ г. художника Гассельгорста, чтобы при помощи его искусства запастись видами посѣщенныхъ мѣстностей.

День нашего отъѣзда изъ Гамбурга былъ назначенъ 15 мая 1861 года. Мартъ и апрѣль мы употребили на необходимыя приготовления. Профессоръ Фогтъ взялся за сборъ всего необходимаго для его науки; Гассельгорстъ того, что требовало его искусство; я же взялъ на себя заготовленіе всего нужнаго для путешествія.

Въ Гамбургѣ мнѣ помогалъ, какъ истинный другъ, баронъ Эрнстъ Меркъ. Ему я обязанъ — и приношу ему сердечную благодарность — что наше путешествіе состоялось такъ пріятно и съ такимъ довольствомъ въ негостепріимныхъ краяхъ.

Съ достаточнымъ количествомъ людей и вполне снабженная всѣмъ необходимымъ для насъ, стояла въ гамбургской гавани го-

v

любая шкуна Іоахимъ Гинрихъ изъ Вланкенезе, подъ командою капитана Ганса Штера.

29 мая мы сѣли на корабль и въ тотъ же день маленькій винтовой пароходъ довель насъ до Букстафена, откуда рано утромъ на другой день мы должны были выйти въ море.

И теперь, когда мы покинули твердую землю и уже начали путешествіе, я передаю его описаніе болѣе достойному перу того человѣка, который такъ много способствовалъ успѣху поѣздки, который съ одной стороны своими познаніями разъяснилъ намъ такъ много чудеснаго въ природѣ и обратилъ наше вниманіе на явленія, обыкновенно скрытыя отъ глазъ непосвященнаго; а съ другой — развлекалъ насъ своимъ неистощимымъ юморомъ въ грустные часы бури и сѣверныхъ тумановъ.

Мнѣ остается упомянуть еще объ одномъ — это о сѣверномъ гостепріимствѣ, о приѣмѣ, который мы нашли во всѣхъ городахъ, гдѣ останавливались. Насъ встрѣчали вездѣ съ радушіемъ и предупредительностью, какъ будто въ тѣхъ странахъ сердцу людей дана двойная теплота, которой лишены природа и климатъ.

Я могу только высказать желаніе мое и моихъ спутниковъ, имѣть возможность отплатить когда нибудь нашимъ хозяевамъ тѣмъ же.

Дай Богъ, чтобы каждому путешественнику также удалось его предпріятіе, какъ и мнѣ; дай Богъ, чтобы каждый, довольный своимъ успѣхомъ, нашелъ и на родинѣ здоровыми тѣхъ, кого онъ оставилъ съ тяжелымъ сердцемъ.

Георгъ Верна.

Дача Бюдестгеймъ, осень 1862 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мнѣ остается прибавить очень немного къ словамъ моего друга Верна.

Глубокихъ научныхъ изслѣдованій не потребуютъ конечно отъ поѣздки, которая почти на лету коснулась втеченіи короткаго сѣвернаго лѣта множества прибрежныхъ пунктовъ и протянулась болѣе чѣмъ на 1000 часовъ пути. Пусть на насъ смотрятъ какъ на туристовъ, которые обращали вниманіе преимущественно на природу суши и моря и собрали такимъ образомъ наблюденія и впечатлѣнія, на которыя другія путешественники не обратили бы, быть можетъ, никакого вниманія. Можетъ быть впоследствии намъ удастся подробнѣе обработать нѣкоторые собранные матеріалы и предложить плоды этой обработки другой не столь многочисленной публикѣ.

Здѣсь же я имѣлъ въ виду представить вѣрное, неподраженное описаніе видѣннаго и прожитаго. Наше путешествіе быть можетъ въ Германіи единственный примѣръ предпріятія, которое вѣроятно найдетъ послѣдователей. Съ неограниченною честностью предоставилъ намъ частный человѣкъ случай и средства, безъ по-

мощи и надзора правительствъ и корпорацій, посѣтить въ своемъ сообществѣ и на собственномъ кораблѣ берега и страны, которыя должны были заинтересовать насъ въ высшей степени.

Нашъ другъ говоритъ о сѣверномъ гостепріимствѣ. Мы, спутники его, можемъ только утверждать, что никакой сѣверянинъ не могъ бы превзойти его самого въ этомъ отношеніи. Его кочующій домъ былъ нашимъ; всякое вскользь высказанное желаніе было выполнено, а гдѣ приходилось устранить что нибудь непріятное или подвергаться опасности, тамъ нашъ другъ Берна бралъ на себя первое мѣсто и большую долю. Его неустанной заботливости обязаны мы тѣмъ, что путешествіе наше доставило намъ пріятности, какія только можно пожелать.

Мои спутники имѣли бы полное право сердиться на меня, еслибы я не высказалъ здѣсь того, что у каждаго было на душѣ.

Карлъ Фогтъ.

Женева, осень 1862 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе	III
Предисловіе	VII

Первая книга. — Норвегія.

Глава I. Изъ Гамбурга черезъ Ставангеръ въ Бергенъ	3
” II. Бергенъ	33
” III. Изъ Бергена черезъ Мольде въ Несъ	61
” IV. Поѣздка сухимъ путемъ. Ромсдаленъ. Доврефьельдъ. Снеегетаннъ. Дронгтеймъ.	86
” V. Дронгтеймъ. Лофоденскіе острова. Бере.	127
” VI. Тромсе	153
” VII. Пинпертиндъ. Гавнесъ. Скьерве	171
” VIII. Лоппенъ. Гаммерфестъ	195
” IX. Отъ Гаммерфеста до Нордкапа.	218
” X. Гьесферъ. Гаммерфестъ	234

Вторая книга. — Янъ-Майенъ.

” XI. Прибытіе и высадка	255
” XII. Старья и новья свѣдѣнія.	278

Третья книга. — Исландія.

” XIV. Рейкьявикъ	297
” XV. Тингвама. Лаугарватнъ. Гейзиръ	315
” XVI. Гейзиръ. Хруни. Лаугарделиръ. Рейкиръ. Рей- кьявикъ. Грннокъ	337

Научныя приложенія.

I. Изъ Геологiи Норвегiи.

1. Кристаллическія горныя породы	361
2. Поднятіе материка	379
3. Образование глетчеровъ	382

II. Вулканическія формации.

Общее !	391
А. Исландія	395
В. Янъ Майенъ	409

Рисунки.

Отъездъ изъ Гамбургской гавани	Къ стр.	1
Планъ шкуны.	"	6
Внутренность большой каюты	"	7
Занятія на палубѣ.	"	10
Триглы.	"	14
Ловля сельдей. }	"	24
Горы около Бергена. }	"	24
Доцманъ	"	71
Корабль на буксирѣ	"	76
Ромсдальсгорнъ	"	77
Поѣздка въ одноколкахъ	"	87
Дворъ въ Беркиндѣ	"	105
Очагъ для печенія лепешекъ	"	107
Проломившійся олень	"	118
Дронтеймъ	"	127
Бере	"	150
Хижини лапландцевъ	"	159
Головы лапландцевъ	"	162
Лапландская семья	"	167
Лингенфьордъ	"	175
Прибрежные лапландцы въ хижинѣ	"	178
Охота на орловъ	"	191
Прибрежные лапландцы	"	201
Група на Нордкагѣ	"	230
Обвалъ	"	238
Гаммерфестъ	"	239
Памятникъ въ Гаммерфестѣ	"	243
Капитанъ въ роли нестоваго Роланда	"	264
Полярныя лисыцы	"	276
Корабль при наступленіи бури	"	299
Дѣвухи на лошади въ Рейкьявикѣ.	"	308

Поперечный разръзъ долины Тингваллы. {		
Продольный разръзъ долины Тингваллы. }	. . . къ стр.	325
Ночлеъ въ лаугарделирской киркѣ.	"	350
Медвѣдъ и собака	"	357
У восточнаго берега Янъ-Майена	"	411
Кратеръ Берна	"	413

Пассажиры Юахима Гинриха.

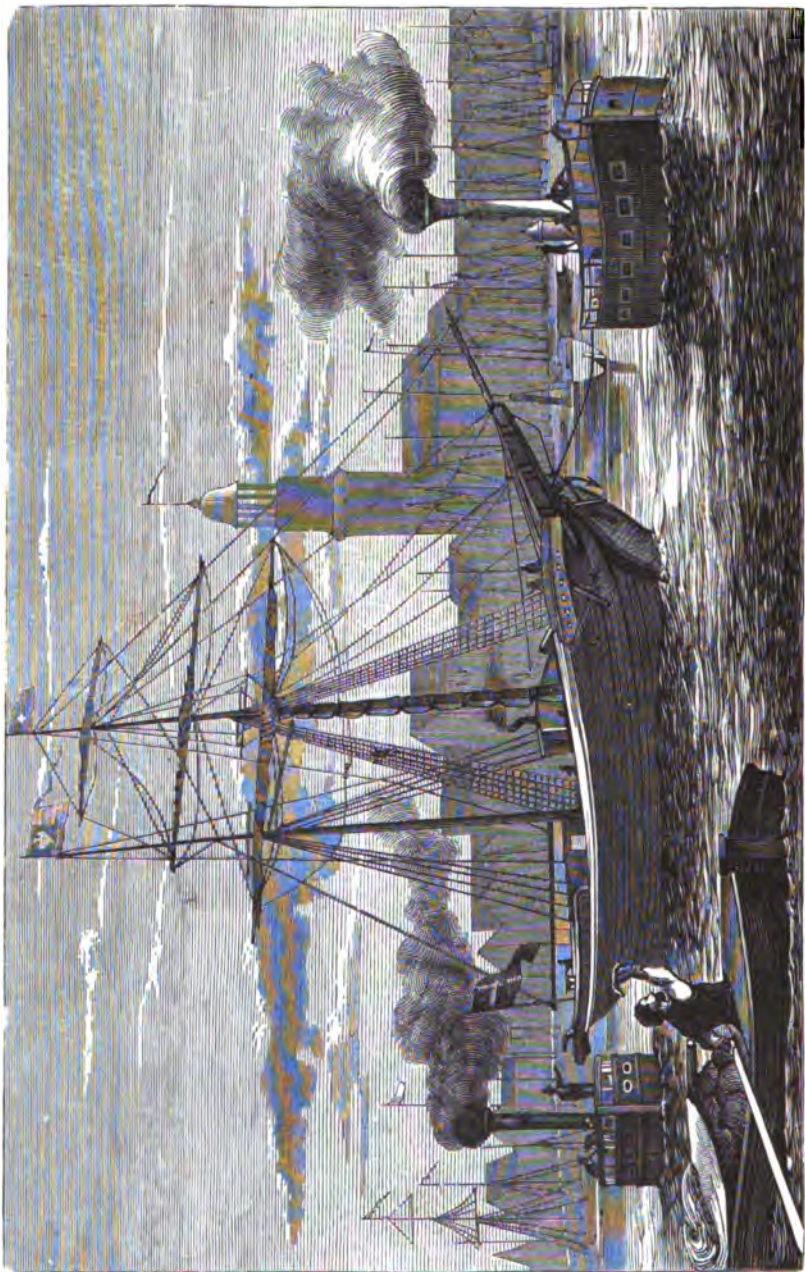
Путешественники и прислуга.

Георгъ Верна.
Карль Фогтъ, профессоръ.
Гейнрихъ Гассельгорстъ, художникъ.
Амаандъ Грессли, геологъ.
Александръ Герценъ, докторъ.

Губертъ, охотникъ изъ Богеміи.
Поварь, изъ Берлина.
Штурманъ, изъ Гамбурга.
Булочникъ, изъ Мекленбурга.

Экипажъ корабля.

Гансъ Штеръ, капитанъ, изъ Бланкенезе.
Иванъ Гейндъ, штурманъ, голштинецъ.
Фридрихъ, первый матросъ, норвежець.
Янъ, второй матросъ, датчанинъ.
Иванъ, третій матросъ, норвежець.
Павель, юнга, голштинецъ.
Гансъ, поварь, голштинецъ.
Эдуардъ, поваренокъ, полевая крыса изъ Саксенъ Альтенбурга.

Отъездъ изъ Гамбургъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

НОРВЕГІЯ.

Мелодія: *Es waren einmal drei Reuter.*

Nach Norwegen lass uns ziehen,
Wo der Fels zum Himmel schreit!
Wo der Ocean sich brandet,
Wo der Lootse fröhlich strandet,
Und von fern der Hekla speit!

(Fliegende Blätter.)

Въ Норвегію идемъ,
Гдѣ скала взмываетъ къ небу,
Гдѣ бушуетъ океанъ,
Гдѣ весело на берегъ чалитъ лоцманъ
И Гекла издали плещетъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Изъ Гамбурга черезъ Ставангеръ въ Бергенъ.

29 мая 1861 г. шкуна *Иоахимъ Гинрихъ*, въ 57 датскихъ торговыхъ тастовъ, подъ начальствомъ капитана Ганса Стера снялась съ явора во внутренней гавани Гамбурга, чтобы перенести насъ къ норвежскимъ берегамъ. Шкуна эта была кровный нѣмецкій корабль, ибо выстроена была красавица-шкуна въ Бланкенезе; владѣтели ея происходили всѣ изъ этой же удивительной деревни, родины моряковъ; нагружена она была въ Гамбургѣ. Тѣмъ не менѣе на кормѣ развѣвался огромный флагъ съ датскимъ крестомъ и на главныхъ балкахъ былъ выжженъ датскій королевскій гербъ съ короною, такъ что толтый слой масляной краски едва могъ покрыть его. Капитанъ говорилъ намъ, что лѣтъ 12 тому назадъ плавалъ онъ и подъ другимъ флагомъ, подъ трехцвѣтнымъ-чернымъ, краснымъ и золотымъ съ крапивнымъ листомъ, и что въ Италіи весь свѣтъ сбѣгался подивиться на великолѣпный флагъ, хорошо видный и издали. Но вскорѣ флагъ этотъ былъ отмѣненъ и теперь судно должно плавать опять подъ тѣмъ же самымъ флагомъ, отъ котораго оно въ то время спасалось на отмели. Онъ прибавлялъ впрочемъ, что и датскій флагъ тоже очень хорошій флагъ, съ хорошей репутаціей въ моряхъ, и что вездѣ можно найти консуловъ, которые принимаютъ живое участіе въ своихъ корабляхъ, между тѣмъ какъ въ 1848 г. нельзя было найти ни

одного человѣка, который защитилъ бы въ чужихъ гаваняхъ права трехцвѣтнаго черно-красно-золотаго флага. Чтобы ступевать не особенно пріятный намъ датскій флагъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усладить наши патріотическія сердца, подняли мы на главной мачтѣ флагъ вольнаго города Франкфурта, а на передней—флагъ Швейцарскаго Союза, которые вѣроятно впервые показались въ сѣверныхъ моряхъ. Никто не могъ оспаривать у насъ права совмѣстнаго употребленія этихъ флаговъ, такъ какъ всѣ участники въ экспедиціи одни по рожденію, другіе по натурализаціи были гражданами этихъ двухъ континентальныхъ республикъ, которыя вѣроятно не станутъ спорить за владѣніе единственнымъ, никому не принадлежащимъ островомъ, къ которому приставалъ нашъ корабль на пути.

Собралось много друзей, чтобы проводить насъ до Бланкенезе или Глюкштадта. Одинъ буксирный пароходъ плылъ впереди, другой прицѣпился съ боку и мы стрѣлой пролетѣли мимо великолѣпнаго берега Эльбы, съ котораго дачи и парки богатыхъ купцовъ посылали намъ прощальныя привѣтствія флагами и пальбою изъ маленькихъ мортиръ. Въ Гамбургѣ всѣ считали, что наша экспедиція есть нѣкоторымъ образомъ дѣло чести для всей Германіи, и для Гамбурга въ особенности, и поэтому до того радушно содѣйствовали намъ со всѣхъ сторонъ, что мы съ нѣкоторой грустью думали о той минутѣ, когда свободный и могущественный ганзейскій городъ скроется изъ нашихъ глазъ за волнами Нѣмецкаго моря.

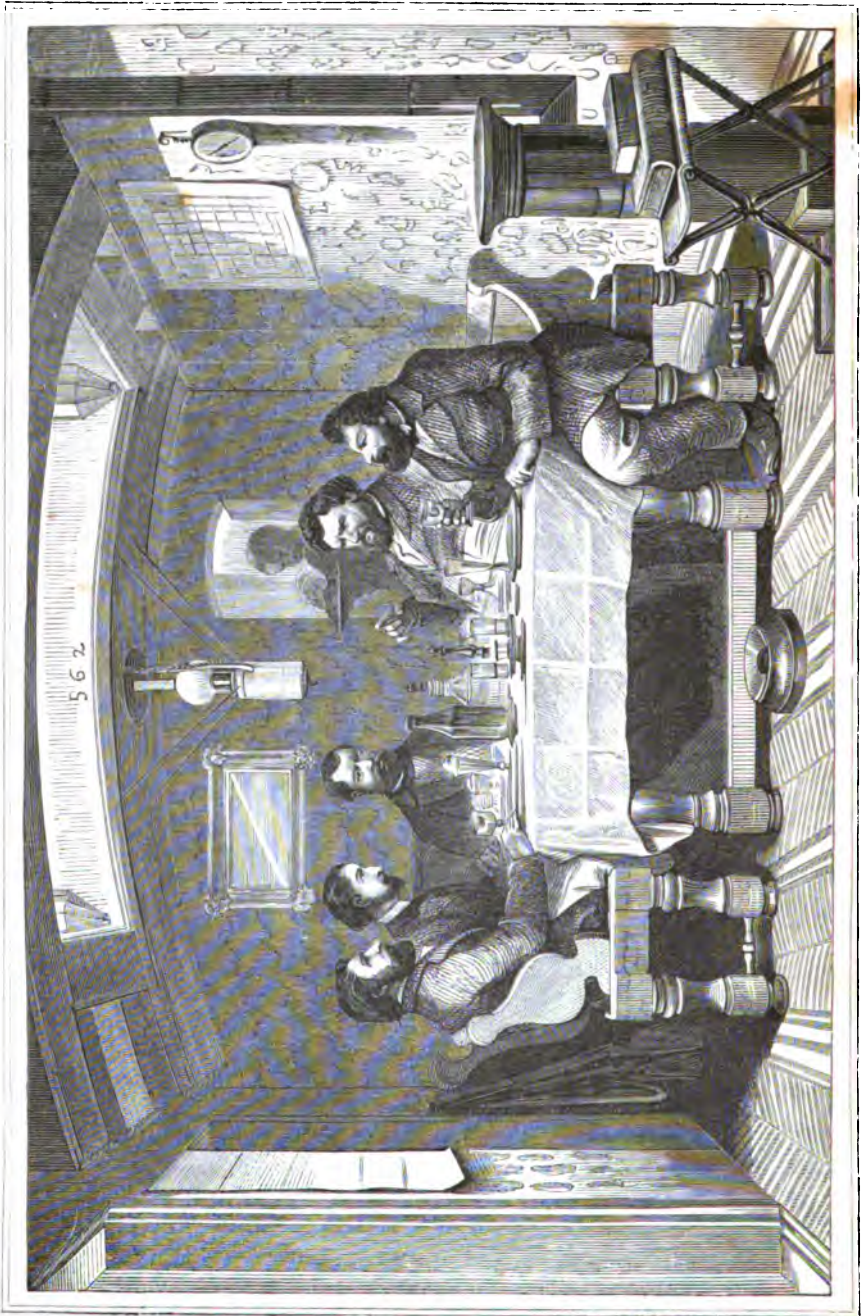
Но не надолго приходилось намъ предаваться этимъ чувствамъ, и то только тогда, когда кто-нибудь изъ нашихъ друзей съѣзжалъ отъ насъ на берегъ: намъ было пропасть хлопотъ по устройству и пригонкѣ всего на мореходный ладь. Плотники и столяры работали еще на палубѣ, доканчивая нашу кухню и еще другое помѣщеніе, которое обыкновенно не называютъ и которое матросы замѣняютъ воздушнымъ сидѣніемъ на канатахъ бугшприта. Маляры бѣгали съ красками и кистью, и вездѣ были протянуты веревки чтобы не запачкаться. Окраска нашего корабля была радостью и гордостью капитапа и экипажа, и отчаяніемъ живописцевъ: корпусъ небесно-голубой съ бѣлыми полосками, части надъ палубой свѣтло-зеленыя и бѣлыя, мачты ярко желтыя, — нельзя

было выбрать сочетанія, болѣе противнаго законамъ гармоніи цвѣтовъ. Гассельгорсть испустилъ вопль отчаянія, увидавши шкуну въ первый разъ, а извѣстный морской живописецъ Мельби полагае, что хотя и можно соединить эти цвѣта въ картинѣ, но это задача все-таки не легкая.

За то въ гамбургской гавани всѣ знали голубую шкуну, на которую мы втеченіе двухъ недѣль натаскали, какъ муравьи, такую бездну вещей, что старые морскіе волки и лодочники только покачивали многозначительно головой. Большіе стеклянные сосуды, поставцы со стклянками, горшками и другою утварью, пропасть хрупкихъ вещей, съ большою осторожностью переносимыхъ, одна за другою, въ лодку и съ лодки на каравль, казались имъ совершенно излишними вещами, которыя разобьются при первой качкѣ, а большіе невода съ тяжелыми желѣзными рамками разсматривались ими какъ неудачныя попытки ученой спѣси, которая не хочетъ слушаться опыта. Имъ казалось совершенно непонятнымъ, какъ мы можемъ надѣяться ловить рыбу такими жалкими орудіями, а по ихъ мнѣнію океанъ не содержитъ ничего годнаго для моряка, кромѣ рыбы.

У Глюкштадта пароходъ съ послѣдними друзьями оставилъ насъ и только родственники капитана провожали его до Куксгафена. Каждый изъ насъ устраивалъ свою каюту смотря по личному взгляду на комфортъ и изящество. Со всѣхъ сторонъ стучали молотками и буравили стѣны и только изрѣдка тотъ или другой выскакивалъ весь въ поту и съ засученными рукавами изъ люка, чтобы взглянуть мелькомъ на плоскій берегъ, мимо котораго коравль неслышно скользилъ на всѣхъ парусахъ. Но необходимо нарисовать читателямъ картину внутренняго устройства нашего коравля, который гостепріимно пріютилъ насъ на нѣсколько мѣсяцевъ, пока мы не разстались съ нимъ, какъ съ старымъ знакомымъ.

Наша шкуна — обыкновенный двухмачтовый купеческій коравль въ 95 футовъ длины и 30 футовъ ширины; съ полнымъ грузомъ онъ сидитъ до 10 ф. въ водѣ; все внутреннее пространство назначено собственно для товаровъ. Это одно изъ тѣхъ легкихъ на ходу судовъ, которыя употребляются преимущественно на то, чтобы зимой привозить апельсины изъ Мессины, а лѣтомъ та-

Бюроисполн. Селанс и парт.

ты — через большой люкъ; отдѣленіе прислуги — через маленькій передній люкъ. Большой люкъ, въ который обыкновенно опускаютъ товары, раздѣленъ и большая его часть покрыта стекляннымъ колпакомъ, который, пропускаетъ свѣтъ и воздухъ въ нашу залу; подлѣ этой стеклянной крыши ведетъ въ наши покои лѣстница, довольно широкая для корабля, узкая и крутая для избалованнаго городского жителя; входъ, какъ водится на судахъ, можно плотно задвинуть покрышкой сверху и створчатой боковой дверью снизу и этимъ защитить себя отъ дождя и бури.

Если спуститься съ лѣстницы (d), то направо, лицомъ къ задней части корабля, ведетъ дверь въ каюту (e) коммодора Берны, налѣво дверь въ большую общую залу (k), въ 24 ф. длины и 16 ф. ширины. По серединѣ стоитъ массивный столъ (q), привинченный толстыми ножками къ полу, покрытому простымъ ковромъ; по обѣимъ сторонамъ стола двѣ скамейки (г), обитыя краснымъ бархатомъ; ихъ спинки можно по желанію переставлять направо и налѣво, какъ это дѣлается у скамеекъ вагоновъ американской системы. И эти скамейки привинчены къ полу для того, чтобъ не двигались при сильной качкѣ. Дверь въ глубинѣ залы ведетъ въ помѣщеніе прислуги; подлѣ двери стоитъ диванъ (г), надъ нимъ виситъ зеркало. Здѣсь прѣдсѣдательствуетъ коммодоръ, который отправляетъ за столомъ должность отца семейства; тутъ же можетъ помѣститься и почетный гость. На скамейкѣ, по лѣвую сторону отъ президента, сидятъ Фогтъ и Гресли; по правую — Герценъ и Гассельгорстъ; когда капитанъ доставляетъ намъ удовольствіе отобѣдать съ нами по воскресеньямъ или послѣ общей охоты, то онъ садится съ узкой стороны стола, наспротивъ коммодора. Къ большому столу мы собираемся за общимъ обѣдомъ, при игрѣ въ шахматы или въ вистъ, при чтеніяхъ и другихъ болѣе серьезныхъ занятіяхъ во время дурной погоды; потому что при хорошей погодѣ мы сидимъ больше на палубѣ, гдѣ также дѣлаются приспособленія для работы и занятій. По продольнымъ стѣнамъ зала идутъ двери въ каюты, шириною въ 5 ф., длиною въ 7, а вышиною въ человѣческой ростъ. Кровати расположены вдоль наружныхъ стѣнъ каютъ и стѣны обиты, чтобы предохранить отъ непосредственнаго соприкосновенія съ холоднымъ деревомъ; подъ узкой и жесткой кроватью остается мѣсто для чемодана и ящи-

ковъ; надъ нею между балками палубы растянута сѣтка, куда можно прятать разную мелочь. У изголовья стоитъ умывальный столъ съ принадлежностями и подсвѣчникъ, вдѣланный въ свинецъ, съ матовымъ колпакомъ для ночнаго освѣщенія, въ которомъ намъ впрочемъ нѣтъ надобности въ Норвегіи. Каждый изъ насъ устроился въ своей каютѣ, какъ кому надо! одинъ воспользовался пространствомъ между дверью и стѣной для платянаго шкапа, другой умудрился, изъ каучуковыхъ ремней и дощечекъ отъ сигарныхъ ящичковъ, искусно устроить полки. Каюты освѣщаются сверху толстыми стеклянными призмами, которыя вдѣланы въ палубу и совершенно непонятнымъ образомъ даютъ свѣта настолько, что можно читать.

Кабюта коммодора (е), устроена насупротивъ залы по другую сторону лѣстницы; она гораздо больше остальныхъ и имѣетъ достаточно мѣста для дивана, письменнаго столика и шкапчика съ книгами, преимущественно трактующими о Норвегіи. Тутъ часто ведутся разговоры, въ особенности вслѣдствіе продолжительной морской болѣзни нашего предводителя, заставляющей его находиться постоянно въ горизонтальномъ положеніи. Въ этотъ гостепріимный уголокъ удаляется тотъ, кто хочетъ безъ помѣхи читать или писать. Остальное время каждый проводитъ у себя въ каютѣ, которая тотчасъ же даетъ понятіе о характерѣ хозяина. У художника любовь къ механикѣ выражается въ странно придуманныхъ приспособленіяхъ: крышки отъ сигарныхъ ящичковъ, дощечки и каучуковые ремни пошли у него на устройство заслонокъ, ширмочекъ и полокъ для книгъ. Каюта профессора отличается изобиліемъ мягкой рухляди для поддержанія животной теплоты, и обыкновенно изъ дверей каюты свирѣпо выглядываетъ въ залу пара громадныхъ мѣховыхъ сапогъ. Грессли доказываетъ свою любовь къ горами даже устройствомъ каюты, въ которой онъ съ видимой опасностью для жизни перелѣзаетъ черезъ ящики и шкапулки къ кровати, подъ которою пропадаетъ, какъ полевая мышь, когда ему нужно сыскать что-нибудь. Я живо помню въ моемъ дѣтствѣ шкапъ въ домѣ одного изъ дядей: въ этотъ шкапъ пряталось все, что не знали куда сунуть; если кто искалъ чего, то всегда говорили: посмотри-ка въ шкапу! и можно было биться объ закладъ, что нужнаго не найдется, не смотря на тщательное переворачиваніе

всего, въ немъ находящагося. Каюта Грессли часто напоминала мнѣ этотъ шкапъ. Хотя необыкновенная ловкость, съ которой онъ нырялъ подъ кровать или за огромный сундукъ, и вознаграждала нѣкоторымъ образомъ неприятность, которую причиняло ему постоянное лазанье, но нельзя было не согласиться, что его каюта представляла полную картину основательнаго геологическаго переворота. Каюта доктора представляла совершенную противоположность: нельзя было не замѣтить въ ней нѣкоторой художбы и только большая охотничья сумка, которая, какъ маятникъ, широко раскачивалась у стѣны, давала знать о страсти хозяина.

Зала и каюты были обиты выбошкой, обвѣшены коврами, высоки, просторны, свѣтлы и настолько комфортабельны, что художникъ Мельби, который по профессіи изучилъ подробно корабли всѣхъ націй, и всѣ моряки, видѣвшіе наше помѣщеніе, очень хвалили наше устройство, которое и на линейномъ кораблѣ не могло быть лучше и удобнѣе. Сначала разумѣется намъ казалось, что помѣщеніе мало, тѣсно и низко, потому что когда мы вытягивались, то могли доставать рукою до потолка, — но вскорѣ мы привыкли, и когда впоследствии въ гавани Гринока мы осматрѣли каюты громаднаго почтоваго парохода "Ганзы", который величиною и красотою внутренняго устройства превосходить всѣ прочіе пароходы, снующіе между Европой и Америкой, то мы должны были признать, что наши опытные друзья не льстили намъ своею похвалою. Но могло-ли быть иначе, когда нашъ другъ, австрійскій генеральный консулъ, въ Гамбургѣ, баронъ фонъ Меркъ взялъ на себя снаряженіе нашего корабля!

Между залой и провіантской камерой (n), отдѣленный отъ своего владыки только тонкой досчатой стѣной, охотникъ нашъ, Губертъ, устроилъ кровать въ помѣщеніи (m), которое назначено было кромѣ того для храненія ученыхъ аппаратовъ. Тамъ, на широкомъ столѣ стояли ящики и ящички съ микроскопами, анатомическими и физическими инструментами, корзинки съ сосудами, а подъ столомъ тяжелые невода, ломы и заступы. Тамъ же выказывалась въ особенности благотворная дѣятельность тѣхъ, которые не страдали морской болѣзью и спасали отъ разрушенія всѣ хрупкія вещи, какъ только начиналась качка.

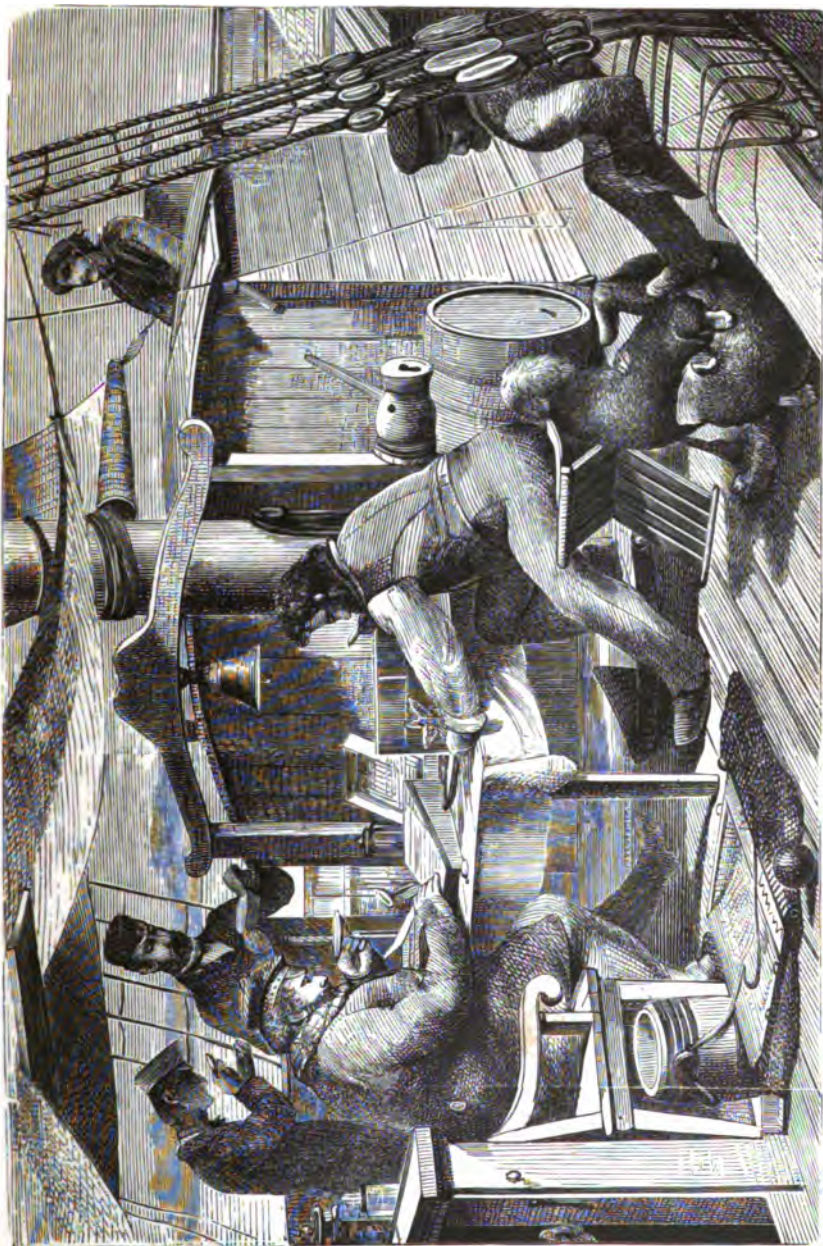
Занятя на палубѣ.

Въ пространствѣ около передней мачты (1) живетъ наша прислуга: расторопный и на всякое дѣло пригодный поваръ, въ опредѣленіи національности котораго мы могли сначала колебаться, но который на другой же день достаточно высказалъ свое померанское происхождение энергической фразой, обращенной къ поваренку: „Ich werde dich gleich mal hinter die Löffel kommen“ *); разсудительный и угодливый дневальный, который, бывши рулевымъ на почтовомъ пароходѣ, достигъ нѣкоторой виртуозности въ уходѣ за больными морской болѣзвью, и здоровеннѣйшій булочникъ, которому его маленькое отечество Мекленбургъ (котораго, по увѣреніямъ повара, „нельзя найти и на картѣ“) причиняло много горя и печали, что, однако, какъ и мѣсеніе тѣста, не мѣшало ему раздаваться въ объемѣ.

Но не на одно только внутреннее помѣщеніе простиралась наша организаторская дѣятельность. На палубѣ, подлѣ большой мачты, стоитъ вѣроть, посредствомъ котораго нагружаютъ и выгружаютъ товары. Къ его крѣпкимъ устоямъ прислоненъ большой съладной столъ, передъ нимъ скамейка, гдѣ могутъ въ случаѣ нужды, помѣститься три человѣка. Здѣсь при хорошей погодѣ устроивается ученая обсерваторія. Подъ столомъ стоятъ большія круглыя корзины съ широкими стеклянными кубами, гдѣ помѣщаются пойманныя низшія морскія животныя и выживаютъ иногда цѣлыя недѣли, благодаря заботливости Грессли. Съ лѣвой стороны стола профессоръ, какъ только позволяетъ погода, устанавливаетъ свой микроскопъ и анатомическій приборъ и старается защищаться отъ дѣйствія солнечныхъ лучей растянутыми парусами; по правую сторону садится кто-нибудь, кому для занятій нужно быть на палубѣ. Грессли выказываетъ особенное пристрастіе къ устройству временныхъ заведеній, которыя онъ сооружаетъ во всякомъ удобномъ и неудобномъ мѣстѣ. Его сигарные ящики, наполненные землею и засаженные живыми растеніями изъ разныхъ посѣщенныхъ имъ мѣстностей, покрываютъ всѣ площадки, какъ висячіе сады Семирамиды; къ сожалѣнію буря унесла ихъ въ послѣдствіи всѣ въ море, а до этого медвѣжонокъ, съ юношескимъ легкомысліемъ, не разъ относился къ нимъ очень неуважительно.

*) Вотъ я тебѣ сейчасъ дамъ затрещину.

и тебе встать да въ отрещицу.

Баня на пароубъ.

Баня на палуѣ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

Послѣ тяжелой работы мы снялись вечеромъ при довольно благопріятномъ вѣтрѣ съ явора въ Куксгафенѣ, чтобы утромъ вмѣстѣ съ отливомъ выйти въ море. Низменный берегъ скрылся вскорѣ изъ нашихъ глазъ; башни Нейверка, плывущій маякъ въ устьѣ Эльбы потонули въ волнахъ и только вечеромъ засвѣтился издали Гельголандъ. Вплоть до утра былъ у насъ въ виду этотъ плоскій островъ съ крутыми берегами, и такъ какъ море было совершенно спокойно и вѣтеръ очень слабъ, то мы и рѣшили здѣсь же съ корабля забросить невода и испытать нашу ловкость. Хотя Гельголандъ былъ далеко отъ насъ на западѣ, такъ далеко, что лежащую на нашей сторонѣ отмель мы различали только вооруженнымъ глазомъ, тѣмъ не менѣе мы тронули дно на незначительной глубинѣ; добытый песокъ удостовѣрилъ насъ, что даже на разстояніи нѣсколькихъ миль морское дно состоитъ изъ наноснаго матерьяла, постоянно отмываемаго отъ острова. Постепенное уменьшеніе этого нѣмецкаго клочка земли, на которомъ впрочемъ развѣвается англійскій флагъ, есть неопровержимый фактъ, и можно бы даже вычислить время, въ которое Гельголандъ совершенно поглотится волнами, а песокъ, его составляющій, разнесется по широкому дну Нѣмецкаго моря. Ибо весь островъ состоитъ изъ слоевъ рыхлаго зеленого песчаника и другихъ породъ мѣловаго періода; они подмываются снизу до тѣхъ поръ, пока нависшая скала, лишенная опоры, скатывается, разламывается и уносится водою. Въ гелльголандскихъ породахъ нѣтъ тѣхъ твердыхъ кремневыхъ комковъ бѣлаго мѣла, которые отдѣляются при размываніи породъ, скопляются у подошвы скалъ и образуютъ наконецъ насыпь, которая защищаетъ мѣстность отъ дальнѣйшаго разрушенія, разбивая напоръ волны и задерживая дальнѣйшее размываніе, какъ это легко можно видѣть на нормандскомъ и англійскомъ берегахъ, также какъ и на островѣ Рюгенѣ. Въ гелльголандскомъ же зеленомъ песчаникѣ нѣтъ твердыхъ частей, валуны не накопляются и не защищаютъ подошвы скалъ, и никакое человѣческое искусство не въ силахъ остановить разрушенія.

Закинувши трижды нашъ неводъ, мы вытащили на палубу цѣлое населеніе обитателей песчанаго дна: множество змѣехвостокъ (*Ophiogen*) червеобразно извивали свои тонкіе лучи и стара-

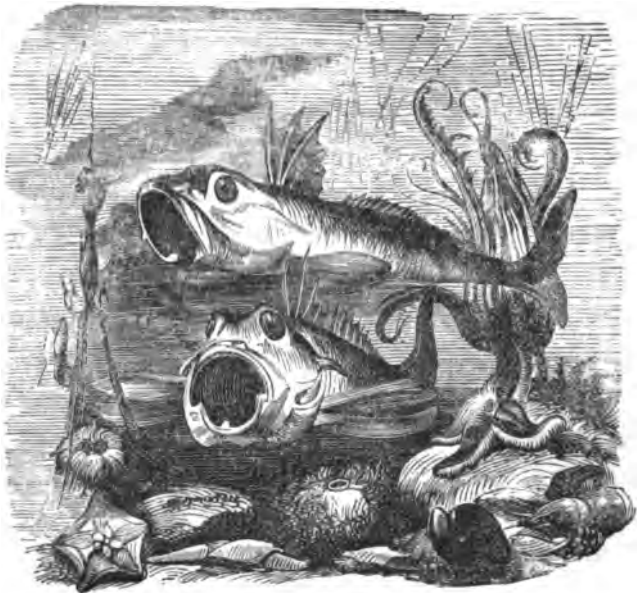
лись их острыми концами найти точку опоры въ песокѣ, который всюду раздавался и снова скрывалъ ихъ отъ нашихъ глазъ. Между ними ползали болѣе крупныя морскія звѣзды (*Astrea*), нѣсколько морскихъ ежей и разнообразная морская тварь, болшею частью поломанная; всѣ старались спрятаться въ песокъ, который мы промывали. Въ особенности обращали на себя наше вниманіе маленькіе червячки живущіе въ трубкахъ, извѣстно слѣпленныхъ изъ зернышекъ песку, въ формѣ слегка изогнутаго, снизу и сверху открытаго рога изобилія; изъ его верхняго, болѣе широкаго отверстия выглядывало нѣсколько щетинокъ, блестящихъ какъ золото. Это была, какъ легко было убѣдиться, златовласая амфитрита (*Amphitrite auricoma*), маленькій трубчатникъ, скорлупу котораго знаютъ у Нѣмецкаго моря подъ именемъ *Sandkõcher*, а червь употребляется часто какъ приманка для маленькихъ рыбъ. Доселѣ мы ловили только на Средиземномъ морѣ и въ Океанѣ, поэтому и не знали амфитриты и были очень рады увидѣть это маленькое животное, которое, осторожно нащупывая, выдвигало сперва изъ трубочки, подобно опускаемъ рѣшоткамъ, оба золотистые, твердые, щетинистые гребня, а потомъ, подъ ихъ защитой, приводило въ движеніе длинныя нитевидныя щупальцы, которыя образуютъ густой пучекъ на его широкой головѣ. Только тогда, когда червь убѣждался, что нѣтъ никакой опасности, выпускалъ онъ и переднія шейныя кольца съ древесовидными жабрами и въ ихъ кустообразныхъ вѣтвяхъ было ясно видно движеніе красной крови. Но при малѣйшимъ сотрясеніи всѣ эти части мгновенно скрывались и проходило много времени, пока у животнаго хватало настолько довѣрія, что оно рѣшалось снова выдвинуть изъ скорлупы свою переднюю часть.

Море было такъ тихо, вѣтеръ такъ слабъ, что мы скользили какъ бы по озеру; не чувствовали ни малѣйшей тошноты и весьма удобно работали съ микроскопомъ на палубѣ. Разная тварь плавала въ морѣ и наши тонкія сѣти, прикрѣпленныя къ длиннымъ шестамъ, давали намъ возможность ловить прямо съ палубы. Мы поймали много медузъ, которыя въ стеклянныхъ сосудахъ скоро расправили свои парусики и плавали по всѣмъ направлениямъ. Впрочемъ болшею частью попадалась *Cyanea capillata*, которая выплывала тамъ и сямъ со дна. Это была наша старая знакомка и въ Балтійскомъ морѣ и въ Океанѣ, гдѣ она, какъ въ Киль-

скомъ заливѣ, преслѣдуетъ стаи обыкновенныхъ медузъ (*Medusa aurita*) и, кажется, питается ими. Эта самая медуза встрѣчается, какъ мы замѣтили впоследствии, во всемъ Нѣмецкомъ морѣ до послѣдняго градуса широты, какого мы достигли; намъ попадались громаднѣйшія особи, которыхъ объемъ доходилъ до 2 футовъ въ поперечникѣ и въ такомъ множествѣ, что море буквально казалось окрашеннымъ ими. Суапеа Балтійскаго моря также какъ и видѣнная нами близъ Гельголанда, были большею частью великолѣпнаго голубаго цвѣта, который и далъ имъ это названіе (Суапе): вскорѣ стали попадаться желтоватыя экземпляры, а въ полярныхъ широтахъ синіе экземпляры были рѣдкостью; господствующій цвѣтъ былъ красно-желтый. Суапеа напоминаетъ хорошо снаряженный военный корабль, который гордо плыветъ между разновалибернымъ купеческимъ флотомъ. Подъ широкимъ, глубоко-вырѣзаннымъ парусомъ, который то стягивается въ шаръ, то такъ раскрывается, что поверхность его является вогнутою, висятъ многолопастные, собранные въ складки, какъ у вапустаго листа, хватальные органы, окруженные множествомъ жгучихъ волосковъ; нѣкоторыя изъ нихъ, отличающіяся толщиной, имѣютъ темный буровато-красный цвѣтъ. Длина, до которой могутъ вытягиваться эти органы, невѣроятна: мы видѣли Суапеае, которыя тянули ихъ за собой точно хвостъ кометы, футовъ на 20 и наполняли до верху рыболовный сакъ этой массой перепутанныхъ органовъ. Удивительна также игра этихъ нитей: то онѣ располагаются кругомъ, какъ лучи, то образуютъ острый хвостъ или два боковыхъ пучка, среди которыхъ колеблется тѣло. Намъ и тогда уже казалось страннымъ, что обыкновенно одна маленькая рыбка, повидимому не заботясь объ опасности, сопровождала каждую медузу, переплывала между ея хватальными органами и часто толкалась въ ея парусы, какъ будто хотѣла направить ее къ извѣстному мѣсту. Когда мы приближались съ сѣтью, рыбка стрѣлой отплывала прочь и только впоследствии намъ удалось поймать нѣсколько экземпляровъ и убѣдиться въ томъ, что молодыя рыбки изъ тресковаго семейства обращаются такимъ образомъ съ Суапеа и повидимому нѣсколько не преслѣдуются ими. Обыкновенно на картинкахъ для юношества мы видимъ нарисованную Суапеа, которая держитъ полупроглоченную рыбку въ трубчатой пасти. Мы должны сознаться, что

сколько мы ни изслѣдовали Суапеа, мы никогда не находили остатковъ рыбокъ въ ихъ желудкѣ, и вслѣдствіе этихъ наблюдений сомнѣваемся въ справедливости упомянутаго показанія.

Въ то время, какъ мы по своему брали дань съ моря, нашъ экипажъ былъ тоже не безъ дѣла и бросалъ во всѣ стороны удочки, которыя по нашимъ понятіямъ были приготовлены довольно грубо. Кусочекъ свинца, нескладно вылитый въ форму рыбы и ярко выскобленный, прикрѣпленный къ удочкѣ съ тремя крючками, быстро носился по водѣ и скоро на палубѣ лежала красивая *trigla gupnandus*, которая раскрывала свою широкую пасть съ такими

характеристическимъ выраженіемъ, что Гассельгорсть не могъ удержаться, чтобы не срисовать ее. „Я не могу только понять“, сказалъ онъ капитану, который смотрѣлъ съ большимъ любопытствомъ на эскизъ, „какъ глупа эта рыба, если она кидается на такую грубую приманку, какъ эта свинцовая рыба.“ — „Боже мой!“ отвѣчалъ капитанъ своимъ сухимъ, капризнымъ тономъ, который мы изучили впоследствии такъ хорошо, „триглы еще глупѣе, чѣмъ вы думаете: можно поймать ихъ не только на свинцовую рыбку, но и на кусочекъ полотна, привѣшенный къ удочкѣ. Когда она ви-

дять бѣдную трыпочку, она думаетъ: дай-ка проглочу эту трыпочку— вѣдь нельзя знать, что это такое; если это непереваримое полотно, то можно его выкинуть, если же это лакомый кусочекъ, то можно скушать на здоровье. Это мы увидимъ потомъ. А потомъ и выходитъ, что къ трыпочкѣ прикрѣпленъ крючокъ, и что тригла проглотила его и должна прогуляться изъ воды на палубу, гдѣ мы ее проглотимъ.*

Только въ воскресенье, 1-го іюня, когда мы находились при входѣ въ Скагеръ-Рагъ, проливъ между южною оконечностью Норвегіи и сѣвѣрною оконечностью Ютландіи, мы впервые познакомились съ муками плаванья, а до тѣхъ поръ наслаждались только теплой, ясной погодой и спокойнымъ моремъ. Морскимъ свиньямъ (*Delphinus phocaena*), игравшимъ вокругъ корабля, было, какъ казалось, гораздо лучше, чѣмъ намъ, такъ какъ мы были болѣе или менѣе больны отъ противнаго вѣтра, сильнаго волненія и постоянного дождя—лежали въ своихъ койкахъ и платили дань новичковъ Нептуну. Только Грессли держался какъ старый мореходъ; онъ и впоследствии не заболѣвалъ никогда отъ вѣтра и волнъ, тогда какъ Берна, Герценъ и я страдали въ значительной степени. Между тѣмъ какъ нашъ бѣдный коммодоръ и впоследствии страдалъ невыносимо при всякомъ сколько нибудь значительномъ волненіи, я, послѣ двухдневной борьбы съ природой, вышелъ побѣдителемъ и только иногда меня неодолимо клонило ко сну, какъ дитя, укачиваемое въ люльбѣ.

2-го іюня, послѣ обѣда, мы впервые увидѣли сквозь туманъ и дождь норвежскій берегъ въ видѣ низкой полосы, тянувшейся волнообразно на горизонтѣ. Мы находились вблизи Ставангера и такъ какъ мы могли надѣяться собрать въ главномъ пунктѣ норвежской сельдяной ловли, нѣсколько свѣдѣній объ этомъ важномъ промыслѣ, то мы и рѣшили измѣнить нашъ первоначальный планъ и остановиться здѣсь, а не въ Бергенѣ, какъ мы сначала предполагали. Можетъ быть и увѣренія капитана, что въ фьордахъ море спокойнѣе, а потому и страданія наши уменьшаются, имѣли существенное вліяніе на пережѣну нашего плана. Судно было направлено на Ставангеръ и на слѣдующее утро насъ разбудили въ 4 часа, когда приняли на борть лоцмана, вызваннаго подпятымъ нами флагомъ. Передъ нами въ ясномъ солнечномъ сіяніи ле-

жалъ голый скалистый берегъ съ маякомъ на одной изъ возвышенностей. Входъ въ фьордъ былъ почти запертъ множествомъ голыхъ острововъ, состоящихъ изъ сѣрыхъ скалъ, на которыхъ зелень проглядывала только мѣстами въ ущельяхъ, а у подошвы тянулась желтая полоса, обнаженная отливомъ. „Норвежскій берегъ некрасивъ“, замѣтилъ капитанъ, „я видѣлъ его еще у Тромзѣ, гдѣ онъ иначе смотреть; но и здѣсь онъ не лучше. Вѣдь все это возникло само собою: камни и скалы, какъ въ началѣ было. Въ Сициліи тоже самое: голые камни и грязные города. Вѣдь этого и сравнить нельзя съ мѣстностью отъ Гамбурга до Бланкенезе; тамъ гораздо лучше: сейчасъ видно, что люди живутъ. Копенгагенъ — прибавилъ онъ — тоже хорошъ; въ Копенгагенѣ пьютъ самый лучший кюммель.“

Это впоследствии сдѣлалось у насъ поговоркой.

Не смотря на презрительный отзывъ капитана, мы не могли не радоваться при видѣ земли, которая такъ ярко разстилалась передъ нашими глазами и которой придавало особенную прелесть чудное голубое море, съ безчисленными заливами и островами. Мы тихо приближались ко входу во фьордъ, который открылся передъ нами къ обѣду и представлялъ спокойную поверхность воды, надъ которою, на заднемъ планѣ, высились продолговатыя горы, большею частью покрытыя снѣгомъ, а съ нихъ, какъ намъ казалось, спускалось нѣсколько глетчеровъ вплоть до самой воды. Намъ чудилось, что горы эти свѣтились въ большомъ отдаленіи, въ родѣ того, какъ видѣются Альпы съ Юры. Но это были не смѣлыя остроковечныя формы Альпъ, которыя каждой вершинѣ придаютъ особый, индивидуальный характеръ; тутъ не было того разнообразія формъ, которымъ мы восхищаемся въ снѣжныхъ вершинахъ континентальной цѣпи горъ, а представлялась скорѣе плоская возвышенность, прорѣзанная нѣсколькими перерывами, рисовавшая глазу растянутыя очертанія съ незначительнымъ разнообразіемъ плоскостей. Передніе холмы всѣ были округлены на подобіе сопокъ въ окрестностяхъ Гримзельскаго озера, которыя покрыты такою скудною растительностью. Заднія горы похожи были на гигантскіе саркофаги и гробницы, покрытыя бѣлыми саванами и взгроможденныя одна на другую. Но если видъ и форма горъ не особенно останавливали вниманіе, то цвѣтъ и освѣщеніе ихъ были

восхитительны. Легкое освѣщеніе, смягченное дымкой тумана, разливалось по холмамъ и морю, именно вслѣдствіе недостатка рѣзкости въ очертаніяхъ, горы представляли широко раздавшіяся массы свѣта и тѣни, по которымъ самыя изящныя краски разливались въ нѣжныхъ оттѣнкахъ. Правда, что тому, кто хоть два дня проведетъ на открытомъ морѣ, всякая, даже некрасивая, мѣстность покажется въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ тому, кто не покидалъ твердой земли; правда, что намъ не разъ приходилось впоследствии сознаваться, что норвежскіе берега, какъ мы ихъ видѣли вначалѣ, совершенно не соответствуютъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя мы составили себѣ о нихъ на основаніи прочитанныхъ путешествій,—но вѣрно одно: мы были въ восхищеніи, находили все новымъ и поразительнымъ и радовались какъ дѣти, когда на слѣдующій день пристали на лодкѣ къ маленькому острову напротивъ Ставангера и увидѣли въ первый разъ этотъ городъ. Еще наканунѣ, приближаясь къ берегу, мы усердно ловили тонкими сѣтями, и вмѣстѣ съ иломъ добыли много маленькихъ морскихъ блохъ (*amphipoda*), которые подъ микроскопомъ возбудили въ сильной степени восторгъ и удивленіе всего экипажа. Животныя работали подъ стекломъ усиками, ногами и хвостовыми ворсинками, какъ будто хотѣли сокрушить стѣны своей тюрьмы и профессору было не легко окончить свои рисунки, потому что любопытные выжидали каждую минуту, когда онъ отводилъ глаза отъ окуляра инструмента, чтобы самимъ бросить взглядъ на чудовищъ, копошившихся подъ микроскопомъ. Наконецъ была готова лодка, и мы направились на ближній островъ, который обѣщалъ намъ богатую добычу на прибрежьи, обнесенномъ вѣнкомъ желтоватаго морскаго ила. Скоро всѣ были заняты на берегу: кто отворачивалъ камни, кто копался въ пескѣ, кто собиралъ морскія растенія, кто ловилъ раковъ въ лужахъ, оставшихся послѣ отлива. Тотъ, подобравъ платье выше колѣнъ, бродилъ босыми ногами по скользкому илу; другой протянулся во всю длину на выдавшейся скалѣ и старался отдѣлать актиніи (*Actinia*), чашечекъ (*Patella*) и морскихъ желудей (*Balanus*) отъ скалы, къ которой они присосались; третій наконецъ находилъ, что съ лодки легче проникнуть въ расщѣлины скалъ и багромъ и веслами старался добыть морскихъ звѣздъ и морскихъ ежей. Вскорѣ всѣ захвачен-

ные съ собою стаканы и бутылки наполнились животными разнаго рода и всѣ собрались около художника, который помѣстился на возвышенномъ мѣстѣ подъ скалою и началъ срисовывать городъ съ окрестностями.

Норвежскій прибрежный городъ имѣеть своеобразный видъ; всѣ они похожи одинъ на другой, и если вы видѣли одинъ, то вы исчерпали съ небольшимъ исключеніемъ все, что представляетъ норвежская архитектура. Эти городки лежатъ обыкновенно у подошвы холма въ углубленіи какого-нибудь фьорда или залива, который представляетъ удобную гавань, и всѣ смотрятъ такъ, какъ будто какое-нибудь испанское дѣтя высыпало ящикъ съ нюрнбергскими игрушечными домиками, чтобы разставить ихъ на томъ мѣстѣ. Вдоль моря тянутся мрачные амбары, изъ которыхъ зіяютъ на воду широкіе люки съ висящими надъ ними кранами; за ними, побольшей части амфитеатромъ, громоздятся другъ надъ другомъ большіе и маленькіе деревянные дома со множествомъ мелкихъ оконъ, съ низкими этажами и крутыми крышами, выкрашенные преимущественно масляной бѣлой, свѣтло-сѣрой, желтой или бурой краской. Послѣдній цвѣтъ, переходящій часто даже въ кровавой, употребляется повидимому предпочтительно для амбаровъ и жилищъ рыбаковъ и крестьянъ. Нигдѣ не видно наружнаго архитектурнаго украшенія, только тамъ и сямъ стоитъ около двери слабенькая колонна, поддерживающая фронтонъ или вычурный карнизъ надъ окномъ. Вообще же на всей этой деревянной архитектурѣ легла печать самаго трезваго, плоскаго однообразія и никого это такъ не поражаетъ, какъ швейцарца, который привыкъ, чтобы даже на самой обыкновенной постройкѣ было какое-нибудь, хотя бы мелочное и робкое украшеніе. Норвежскій домъ — это просто деревянный ящикъ, величина котораго растетъ съ богатствомъ владѣльца и съ числомъ дѣтей, но на внѣшности дома богатство выказывается только старательнымъ окрашиваніемъ. Чутье изящнаго у жителей — если оно вообще существуетъ, что очень рѣдко случается — проявляется только во внутренности дома, гдѣ чувство красоты у германскаго племени высказывается по крайней мѣрѣ въ старательномъ уходѣ за цвѣтами. Нѣтъ ни одного окна, даже на самомъ крайнемъ сѣверѣ, изъ-за котораго не выглядывалъ бы заботливо воспитанный гер-

ній, розанъ, вербена; нѣтъ уголка даже въ бѣднѣйшей хижинѣ, гдѣ бы не стояла полочка съ горшкомъ цвѣтовъ.

На маленькомъ островѣ, къ которому мы пристали, была бѣдная хижина, около которой паслось нѣсколько тощихъ и мелкихъ коровъ и пара овецъ. Трава была скудная, только въ низинахъ, казалось растительность могла развиваться нѣсколько болѣе; за скалистыми возвышеніями вода собралась въ маленькое болото. Насколько бѣднымъ казался островъ въ этомъ отношеніи, настолько богатъ онъ былъ птицами: чайки на всѣхъ скалахъ, пиголицы, кулики и турухтаны на мху, гагары и морскія кривки у берега и вороны всюду—привѣтствовали насъ оглушительнымъ крикомъ. Въ особенности раздражали нашихъ охотниковъ морскія кривки (*Himantopus ostralegus*) съ красными клювами и ножками, лѣпившіяся по скаламъ съ пескомъ, похожимъ на звуки флейты, но не подпускавшія охотниковъ на выстрѣлъ.

Такимъ образомъ провели мы часть послѣ-обѣденнаго времени, радуясь, что подъ ногами твердая земля, и вернулись затѣмъ на корабль, который бросилъ якорь въ тихой и укромной бухтѣ, въ часовомъ разстояніи отъ Ставангера. Нѣсколько рыбаковъ тоже пристали къ борту и предлагали намъ товары — и страшно — не за деньги, а за хлѣбъ. Уже при входѣ во фьордъ, больше чѣмъ на часъ разстояніи отъ берега, подплыла къ намъ лодка съ четкою, похожею скорѣе на новозеландцевъ, чѣмъ на европейцевъ. Долговязый мужчина, обнаженный до пояса, худой до невѣроятія, темнокоричневый, какъ орѣховое дерево, съ всклокоченными рыжими волосами, подходящими скорѣе къ головному убору Стѣпки-Растрѣпки, чѣмъ къ человѣческой причeskѣ, и не менѣе длинная женская фигура, облаченная въ какую-то матерію, совершенно неузнаваемую подъ массою ворвани и грязи — причалили къ кораблю и просили на языкѣ, совершенно непонятномъ для нашихъ, хотя и говорившихъ по-датски, матросовъ, немного хлѣба, который имъ съ готовностью дали. У нихъ не было въ лодкѣ ни рыбы, ни рыболовныхъ снастей, и потому мы заключили, что они имѣли въ виду только насъ, отправляясь въ море. Велика должна быть бѣдность, что изъ-за куска хлѣба работать два часа веслами въ полу-развалившейся лодкѣ. О бѣдности этой свидѣтельствовали и рыбаки, привезшіе къ намъ на

борть свой уловъ. Они предложили намъ за нѣсколько кусковъ хлѣба до 20 штукъ трески и керчи, каждая въ полфунта вѣсомъ: этой рыбы хватило на обѣдъ для всѣхъ насъ. Мы дали имъ кусокъ совѣтѣмъ засохшаго хлѣба изъ Гамбурга, фунта въ 2 вѣсомъ, и только что собирались дать имъ еще, какъ они поспѣшно отчалили со своимъ сокровищемъ и привезли черезъ часъ нѣсколько горшковъ мелкаго песку, котораго капитанъ потребовалъ для мытья палубы на кораблѣ. Такъ велика была ихъ привязанность за нашу щедрую плату! Понятно, что мы дали тому, кто привезъ песокъ, еще огромный ломоть хлѣба и рюмку водки. Тутъ благодарности не было границъ; рыбакъ подошелъ къ бочкѣ съ водой, вымылъ себѣ руки, обошелъ всѣхъ на палубѣ, пожималъ руку каждому, начиная съ капитана до послѣдняго юнга, говоря: „Menge dank“ (премнога благодаренъ) съ такимъ чувствомъ, что видно было, что онъ говорилъ это отъ души.

Мѣсто, гдѣ мы стояли на якорѣ, называлось Дузавинка и это было такое тихое, укромное мѣстечко между гладкихъ сѣрыхъ скалъ, которыя окружали болотистую, медленно поднимающуюся равнину, что мы не могли удержаться, чтобы не переименовать его въ „Дузельвинкель“ (уголокъ дремоты). Ставангеръ, казалось, былъ такъ близко, что художникъ съ Гресли и докторомъ рѣшились еще вечеромъ съѣздить въ городъ, чтобы закупить свѣжихъ припасовъ. Сбились ли они съ дороги, или заблудились — только вернулись далеко за-полночь, страшно усталые и едва могли сопровождать Берну и меня на утренней прогулкѣ, которую мы тоже направили къ Ставангеру.

Характеръ страны монотонный и однообразный. Бругловатыя гранитныя скалы съ отлогими пастбищами, маленькими, чрезвычайно каменистыми, полями, которыя обрабатываются мотыкой и засѣваются ячменемъ и картофелемъ. Болота, переполненные пиялицами и тиркушками, тамъ и сямъ деревянный домикъ, выкрашенный красной или бѣлой масляной краской, окруженный заборомъ, за которымъ гуляютъ куры и утки. Вблизи города встрѣчаются садики, окруженные стѣнами, съ цвѣтущими сливами и яблонями и кустами сирени въ полномъ цвѣтѣ. Самый городокъ съ узкими и кривыми улицами, круто спускается къ гавани; населеніе было видимо въ нѣкоторомъ волненіи, по случаю неожиданнаго

прїѣзда иностранцевъ въ такое время, когда ловля сельдей и торговли въ Ставангерѣ почти прекращаются. Мы направляемся къ церкви, которую хвалить Муррей въ своемъ „Путеводителѣ“ за красивую аллею, находящуюся на церковномъ дворѣ. Дѣйствительно мы и находимъ красивую липовую аллею, а въ концѣ мрачное зданіе съ немногими благочестивыми украшеньями вокругъ хоровъ. Дверь въ церковь открыта; мы входимъ и видимъ на заднемъ планѣ пастора, посреди 20 или 30 русскихъ головокъ, которыхъ онъ обучаетъ. Мы хотимъ тотчасъ же удалиться, чтобы не мѣшать, но пасторъ идетъ къ намъ на встрѣчу, привѣтствуетъ очень любезно, показываетъ намъ древнія избирательныя таблицы, которыя висятъ въ церкви и обложены безвкусными и дрянными украшеньями въ готическомъ стилѣ; показываетъ внутреннія архитектурныя украшенія хоровъ въ томъ же стилѣ и гипсовый снимокъ Торвальдсенова Христа, надъ алтаремъ. Ободренные этимъ, мы спрашиваемъ наконецъ, нѣтъ ли гдѣ, поблизости божьяго дома, чортова жилища, и не пуститъ ли насъ хозяина такого дома на завтракъ, въ которомъ мы послѣ утренней прогулки ощущаемъ значительную потребность. Господинъ пасторъ отвѣчаетъ намъ, что онъ съ недавняго только времени здѣсь на кѣ и что не знаетъ, какъ благодарить за это судьбу, такъ какъ онъ до этого былъ пасторомъ въ Финмаркѣ около Тромзѣ, и что его богоугодное занятіе, становилось тамъ весьма тягостнымъ для здоровья. Намъ удалось однако узнать отъ него, что вблизи есть Hotel du Nord, подлѣ почтовой и телеграфной станціи. Это большой домъ съ широкой лѣстницей и огромной вывѣской; изъ оконъ смотрятъ совершенно спокойно на наши напрасныя попытки проникнуть туда нѣсколько личностей, повидимому гости и прислуга. Въ самомъ дѣлѣ, дверь была крѣпко заперта и, какъ оказалось впоследствии, даже забаррикадирована съ внутренней стороны и попасть туда было тѣмъ болѣе невозможно, что ни одна душа ни съ улицы, ни изъ гостинницы не хотѣла показать даже кивкомъ или знакомъ, какимъ образомъ мы можемъ достигнуть до желаннаго завтрака. Мы держимъ военный совѣтъ. Младшіе предлагаютъ штурмовать закрытыя окна, — старшіе, которыхъ болѣе умѣренное мнѣніе одерживаетъ наконецъ верхъ, склоняются къ тому чтобы попробовать обходъ. Мы проходимъ наконецъ по узкому

переулку къ заднимъ дверямъ, и между навозными кучами, черезъ дворъ, попадаемъ въ домъ. Голова женскаго существа, показавшаяся было на минуту въ окнѣ, отскакиваетъ какъ-бы укушенная тарантуломъ, какъ только мы дѣлаемъ видъ, что хотимъ обратиться къ ней. Мы входимъ въ домъ; вездѣ заперты двери. Мы поднимаемся по лѣстницѣ, бродимъ по большимъ пустымъ заламъ, которыя, какъ видно, употребляются для баловъ и концертовъ, и попадаемъ наконецъ въ боковую комнату, гдѣ столъ и стулья представляютъ намъ мѣсто отдыха. На нашъ шумъ появляется слуга, который, даже при помощи лексикона, рѣшительно не можетъ понять, чего мы требуемъ. Наконецъ приходитъ развязный малый, въ жилахъ котораго, какъ кажется, течетъ нѣсколько южной крови ибо онъ понимаетъ выразительныя жесты и неправильно выговариваемыя слова. Такимъ образомъ мы получаемъ наконецъ великолѣпный завтракъ, состоящій изъ копченаго лосося, морскихъ раковъ и бивштекса, пива изъ Христианіи и бордо нѣсколько сомнительнаго происхожденія; мы принимаемъ рѣшеніе, распивая его, извѣстить нашихъ друзей на родинѣ телеграфической депешей о нашемъ прибытіи въ Норвегію.

Мы отвергаемъ дверь и открываемъ въ глубинѣ комнаты окруженнаго густымъ дымомъ чиновника, который долженъ передать нашу телеграмму. Тутъ мы разгадали культурно-историческую загадку, которою уже съ давнихъ поръ занимается политическая экономія. Цивилизація, вводя новое, немилосердно искореняетъ старое или гонитъ его въ изгнаніе. Мопсы вымерли; послѣдній придворный мопсъ красуется въ аурбаховомъ народномъ календарѣ. Такъ же точно и настоящая ульмская труба, необходимая для осѣдлаго гражданина въ дополненіе къ кружкѣ пива, исчезла теперь совершенно съ нѣмецкой земли, а съ нею вмѣстѣ и невозмутимое спокойствіе души, съ которымъ это поколѣніе созерцало по вечерамъ всемірныя происшествія сквозь поднимающейся дымъ своей трубки. Безпокойно тлѣющая сигара замѣнила ульмскую и неуклюжую пѣнковую трубку къ безконечному вреду для принципа божественнаго права. Но она не уничтожила ихъ совершенно. Какъ Гейневы боги въ изгнаніи, онѣ скрылись въ Норвегію въ тихіе уголки въ глубинѣ фьордовъ, въ молчаливыя конторы, и, словно для того, чтобы утраченное владычество возмѣстить большою

энергією, дымятся тамъ цѣлый день, между тѣмъ какъ въ Германіи имъ посвящался прежде только вечеръ. Первый телеграфный чиновникъ курилъ четырехъугольную пѣнковую трубку въ 2 кулака объемомъ и соразмѣрной вышины; писарь курилъ ульмскую трубку классической формы, и съ обѣими трубками обращались съ такимъ почтеніемъ, откладывали ихъ въ сторону такъ осторожно, когда приходилось употреблять въ дѣло одну руку, что ясно было, что онѣ считаются принадлежностью должностнаго лица. Несмотря на трубку и на высокую цѣну, (мы заплатили за 12 словъ въ Гамбургъ 3 талера безъ 1 шиллинга) служба исполнялась съ величайшей точностью и вечеромъ того же дня депеша наша дошла благополучно во Франкфуртъ и Женеву.

Мы возвращались въ наемной лодкѣ въ самомъ веселомъ настроеніи духа, при полнѣйшемъ штилѣ, среди множества острововъ, которые своими сѣрыми, темными скалами представляли печальный контрастъ свѣтлымъ краскамъ воды и воздуха. Тамъ и сямъ виднѣются далеко въ глубинѣ фьорда тянущіяся полосы темнаго лѣса, — иногда вблизи красный домикъ выгянетъ какъ бы изъ игрушечнаго ящика, а на горизонтѣ все тѣже плоскорастянутые хребты и отлогости, до низу покрытыя бѣлой пудрой. Замѣчательна также и мертвая тишина, которая царитъ надъ этими водами. Гагары, чомги и утки плаваютъ неслышно на поверхности и исчезаютъ также неслышно подъ водою, когда ловятъ рыбку; чайки кружатся безъ крика и только къ вечеру съ раздрающимъ крикомъ ссорятся онѣ за ночлегъ. Послѣ полудня мы тщетно пытались выйти подъ парусами изъ нашего „уголка дремоты“. Какъ только море начинало рябить немного вдали какъ, капитанъ отдавалъ приказаніе поднимать паруса и сниматься съ якоря; но едва все было готово, какъ снова стихалъ вѣтерокъ и поверхность становилась гладкою, какъ зеркало. Въ награду за наше терпѣніе пріѣхало нѣсколько лодокъ, которыя забросили широкимъ полукругомъ длинную сѣть, а собирались тянуть ее съ берега. „Они будутъ ловить сельдей,“ объяснилъ намъ лодманъ, и мы конечно не пропустили случая посмотреть на эту ловлю. Въ сѣти попадають не одни сельди, а вообще всякая плавающая и ползающая морская тварь, такъ что можно всегда надѣяться получить интересную добычу при подобныхъ ловляхъ.

Около десяти лодокъ было занято выбрасываніемъ большой сѣти, такъ что она погружалась въ глубину въ видѣ огромнаго полумѣсяца на нѣкоторомъ разстояніи отъ земли; потомъ лодки пристали съ обѣихъ сторонъ къ берегу, прикрѣпили веревки, которыми надо было вытягивать сѣть и высадили около сорока мужчинъ и женщинъ, которые съ трудомъ взобрались по гладкимъ, голымъ скаламъ и разстановились по мѣстамъ. Не безъ крика, и, какъ казалось, не безъ серьезныхъ ссоръ шло дѣло, потому что оставшіеся на лодкахъ хотѣли командовать, между тѣмъ какъ бывшіе на берегу хотѣли дѣлать по своему. Наконецъ толпа на берегу раздѣлилась на двѣ партіи: мужчины на одной сторонѣ, женщины на другой. Тянули они изо всѣхъ силъ, криками и шутками ободряя другъ друга, и различныя положенія, какія принимали они, отыскивая точку опоры на гладкихъ скалахъ, представляли при великолѣпномъ закатѣ солнца оживленную, блестящую картину. Жаль только, что всѣ женщины, почти безъ исключенія, были довольно некрасивы и нестатны, да и мужчины не росли, и сверхъ того въ безобразномъ одѣяніи. Въ особенноти насъ поразили сначала шляпы мужчинъ; намъ показалось, что на многихъ надѣты были низенькія красныя шапочки съ большимъ зеленымъ зонтикомъ въ родѣ того, какъ носятъ наши кабинетные ученые, ослабившіе глаза свои занятіями при лампѣ. Только при ближайшемъ осмотрѣ мы убѣдились, что эти странныя покрывки были вывернуты на изнанку такъ-называемые „зюдвестеры.“ Это чрезвычайно практичная шляпа, которую носятъ всѣ моряки съ-вера; она защищаетъ одинаково хорошо отъ солнца, вѣтра, непогоды и дождя и должна была бы служить образцомъ для солдатскаго головнаго убора вмѣсто всѣхъ глупыхъ касокъ, чакъ, кепи и т. п. вздора; этотъ истинный типъ практичной шляпы состоитъ снаружи изъ мягкой глянцевитой кожи, не пропускающей воду, а изнутри — изъ зеленой или красной шерстяной матеріи или войлока. Теперь, когда грѣло солнце, наши норвежскіе рыбаки вывернули свои зюдвестеры, такъ что зеленая и красная подкладка была наружу.

Съ несказанными усиліями, скользя и падая, вытащили наконецъ сѣть на берегъ и вынули добычу. Намъ было жаль бѣдныхъ людей, потому что за исключеніемъ десятка молодыхъ сель-

дей въ палецъ длиною, которыхъ они съ презрѣніемъ бросили назадъ въ море, не было ничего хорошаго для нихъ въ сѣти. Но и для насъ, естественнспытателей, не было ничего, потому что безчисленныхъ медузъ, наполнявшихъ сѣти, мы могли достать неповрежденными и гораздо легче, черпая ихъ стаканомъ съ нашей корабельной лѣстницы, а нѣсколько морскихъ звѣздъ, пойманныхъ вмѣстѣ съ медузами, принадлежали къ самымъ обыкновеннымъ породамъ. Съ немалымъ удивленіемъ смотрѣли рыбаки на рвеніе, съ какимъ мы выискивали этихъ презрѣнныхъ тварей и мы слышали нѣсколько разъ, между насмѣшками и шутками надъ нашей глупостью, зловѣщее слово: „Trollfisker,“ которое въ средніе вѣка было бы губительно для насъ. Troll называются вѣдьмы и колдуны, Trollfisker—вся та нечистая тварь, которую норвежская фантазія населила море, или которой она приписываетъ чарующее вліяніе на рыбную ловлю. Акалефы, медузы, морскія звѣзды, ракообразныя, даже скаты, которыхъ охотно ѣдятъ на другихъ берегахъ, принадлежать къ породѣ Trollfisker, не говоря уже о морскомъ змѣѣ и другихъ мнѣческихъ животныхъ, которыя показываются чуть не каждый годъ въ разныхъ мѣстахъ. У насъ однако не было времени для дальнѣйшихъ разъясненій о нашемъ Trollfisker'ствѣ и мы старались убраться какъ можно скорѣе изъ нашего „уголка дремоты,“ такъ какъ мы убѣдились по этой неудачной ловлѣ, что не найдемъ здѣсь ничего для нашихъ цѣлей.

На другое утро поднялся свѣжій вѣтеръ, который живо перенесъ насъ черезъ широкое устьѣ Буке-фьорда въ Кармзундъ, не представлявшій ничего интереснаго на своихъ берегахъ. Вездѣ видѣлись тѣ же низменные берега съ округленными скалами и мы напрасно искали глазами слѣдовъ глетчеровъ или древнихъ поднятыхъ береговыхъ линій, которыя впоследствии такъ занимали насъ. По характеру мѣстности, казалось, что голья горы погрузились тутъ до своихъ plateaux въ море, надъ которымъ возвышаются лишь нѣкоторые волнообразные изгибы поверхности. Вѣтеръ сдѣлался противнымъ. Мы лавировали въ узкомъ проливѣ вблизи старой церкви въ Скаарѣ и были принуждены наконецъ бросить якорь у Хегезунда.

Вечеръ былъ прекрасный, погода теплая и вѣтеръ утихъ совершенно. Таможенный чиновникъ, который пріѣхалъ къ намъ, и

съ чрезвычайною вѣжливостью благодарилъ за то, что у насъ на кораблѣ нѣтъ никакихъ товаровъ, которые онъ долженъ былъ бы осматрѣть, сказалъ намъ, что хотя охота въ это время и запрещена, но что мы, какъ естествоиспытатели, можемъ стрѣлять гдѣ угодно, и что на ближнихъ скалистыхъ островахъ, которые онъ намъ указалъ, есть очень много дичи, которую мы можемъ бить сколько душѣ угодно. Мы тотчасъ же снарядились на охоту и пока вынимали и заряжали свои двустволки, пришелъ капитанъ съ исполинской винтовкой, которую онъ могъ бы употреблять вмѣсто абордажной пика и къ которой онъ питалъ особенную вѣжливость именно за то, что она велика. Не читавъ сочиненія Карлейля, о герояхъ, нашъ капитанъ имѣлъ особенное пристрастіе ко всему великому и каждый разъ, когда кто-нибудь изъ насъ показывалъ какую-нибудь вещь, капитанъ смирялъ его замѣчаніемъ, что у него есть еще больше этой. Винтовка выходила изъ всякой мѣры, ее нельзя было заряжать на ровномъ мѣстѣ; капитанъ становился для этого на пригоркѣ или на скамьѣ и Гассельгорстъ не пропустилъ случая нарисовать карикатуру, какъ капитанъ старается на вершинѣ горы запустить зарядъ въ дуло, между тѣмъ какъ винтовка прикладомъ уперта во дно фьорда.

Выйдя на берегъ, капитанъ тащилъ свое орудіе по скаламъ и ущельямъ со стойкостью, которой нельзя было не удивляться, и старался между тѣмъ всѣми мѣрами убѣдить насъ въ превосходствѣ своего оружія. Въ летъ бить изъ винтовки, разумѣется, нельзя было, потому что она была слишкомъ тяжела; но если хорошо нацѣлить въ сидячую дичь, то, по своей длинѣ, она бьетъ на такое разстояніе, какое и представить себѣ трудно. Сверхъ того она имѣла то преимущество, что въ нее можно было положить какой угодно зарядъ: она ни за что не лопнула бы „Когда мы однажды стояли близъ Кадикса,“ рассказывалъ капитанъ, „былъ совершенный штиль, такъ что мы не могли плыть. До тридцати рыбацкихъ лодокъ стояло около насъ; все португальцы. Отъ нихъ мы не ждали ничего хорошаго, потому что португальцы сѣверный народъ, они еще хуже испанцевъ, а эти еще злѣе итальянцевъ. Мы зарядили все что было у насъ на кораблѣ вплоть до самаго дула: винтовку, маленькую пушку и два пистолета, да у рулеваго былъ еще старый кавалерійскій пистолетъ съ

Семилѣтней войны, мы и его зарядили. Португальцы не приходять, а на другое утро поднялся вѣтеръ, такъ что они не могли догнать насъ. Тогда мы привязали винтовку, потому что она была заряжена сильнѣе остальнаго оружія и мы боялись, что она лопнетъ. Потомъ прицѣпили проволоку къ курку; спрятались за мачту и выстрѣлили. Раздался страшный выстрѣлъ: вотъ надѣлалъ бы дѣла между португальцами! Она не лопнула, осталась цѣлехонька, только соскочили три кольца съ шомпола. Хорошо, что такъ сошло: было бы плохо, еслибъ она лопнула. Но я непремѣнно выстрѣлилъ бы въ португальцевъ, потому что это дрянной народъ.“ Говоря такъ, онъ зарядилъ двойнымъ зарядомъ и выстрѣлилъ въ чайку, которая видѣлась только бѣлою точкою и радовался грому, который повторило эхо. „Она была слишкомъ далеко, неправда ли, Губертъ, спросилъ онъ охотника, который пожалъ только плечами и проворчалъ: „Жаль хорошаго пороха!“

Мы застрѣлили нѣсколько кривоѣ и крачеѣ (Sterna) и возвратились съ заходомъ солнца на корабль, къ которому въ одно время съ нами присталъ одинокій гость въ лодочкѣ. Господинъ объявилъ намъ, что онъ корреспондентъ одной изъ газетъ, издаваемыхъ въ Христианіи, и что онъ почелъ долгомъ посѣтить насъ съ цѣлью получить вѣрныя свѣденія на счетъ нашей экспедиціи, дѣлающей одинаковую честь и Норвегіи и Германіи. Телеграфы въ Ставангерѣ, корреспонденты въ Хегезундѣ, захоlustь въ 50 домовъ—куда же бѣжать, наконецъ, чтобы избавиться отъ благъ и золъ цивилизаціи?

Утромъ 6-го іюня былъ густой, холодный туманъ, который сдѣлалъ бы честь и Лондону, потому что видѣть можно было только на двадцать шаговъ. Нашъ лоцманъ объявилъ намъ, что ему не найти пути при такихъ обстоятельствахъ и что мы должны остановиться и подождать, пока не прояснѣетъ, потому что въ узкихъ фьордахъ, по которымъ надо плыть къ Бергену компаса недостаточно. Было холодно и сыро: мы рѣшили однако опустить неводъ покрайней мѣрѣ по близости корабля — и что же! мы находимъ на глубинѣ нѣсколькихъ саженъ богатую добычу ползущихъ и сидячихъ животныхъ: разные виды морскихъ звѣздъ (Asterias), плащеносокъ (Ascidia), множество червей, даже морскіе зайцы (Aplysia) и другіе слизи наполняютъ наши стаканы. Мы

устраиваемъ пару акваріумовъ и намъ удается продержать многіе экземпляры нѣсколько дней живыми. Морская трава, которую мы вытаскиваемъ, совершенно обсажена маленькими трубчатниками (*Spirorbis*), устраивающими себѣ спиральную бѣлую известковую трубку, изъ которой выглядываетъ голова, обсаженная толстыми хоботцами. Случай благоприятствуетъ нашимъ микроскопическимъ наблюденіямъ: одно изъ этихъ животныхъ кладетъ яйца, или вѣрнѣе рождаетъ. Бурныя яйца выходятъ спереди у головы изъ стекловидной прозрачной трубки и образуютъ въ то же мгновеніе, какъ попадаютъ въ воду, передній свѣтящійся вѣнчикъ, посредствомъ котораго они, крутясь обращаются въ водѣ. При болѣе внимательномъ наблюденіи видно темнокрасное глазное пятно въ передней части тѣла, но больше нѣтъ никакихъ слѣдовъ внутреннихъ органовъ въ зернистомъ тѣлѣ этихъ молодыхъ, которые прочемъ, сходны съ извѣстными молодыми трубчатниками.

Мы тихо входимъ въ Боммельскій фьордъ, подходя справа и слѣва вплотъ къ самымъ скаламъ, опускающимся круто въ воду и переѣзжаемъ огромныя стаи медузъ, которыя придаютъ водѣ видъ смоченнаго атласа. При входѣ въ Гардангерскій и Страндскій фьорды, мы восхищаемся великолѣпными видами величавой горной природы, которая тонетъ въ огненныхъ лучахъ заходящаго за горами солнца. Еще на слѣдующій день, при тихомъ ходѣ, тянется передъ нашими глазами картина горныхъ цѣпей материка съ болѣе альпійскимъ характеромъ. Мы ищемъ напрасно на нашихъ картахъ названія могучей горной вершины, которая, круто и высоко подымаясь, покрыта снѣгомъ до подошвы. Можетъ быть это Собачье ухо (*Hundsoira*), вышину которой обозначаютъ въ 5600 футовъ и которая возвышается на сѣверѣ надъ длинной, похожей съ виду на гробницу, цѣпью съ глетчерами, которую мы должны принять за извѣстную цѣпь Фольгефонденъ. По настоящему намъ слѣдовало бы завернуть въ Гардангерскій фьордъ, чтобы посѣтить классическія мѣста Фритъофсаги, которыя къ тому же на глаза многихъ туристовъ, представляютъ лучшіе виды норвежской горной природы. Но тогда наши желанія были устремлены на одну только Норвегію; мы были убѣждены, что вернемся съ нашей поѣздки на сѣверъ въ Бергенъ, а оттуда пройдемъ черезъ Гардангерскій фьордъ въ Христіанію. Такъ мы и отложили это

посѣщеніе, тѣмъ болѣе, что должны были торопиться какъ можно скорѣе въ Бергенъ по случаю сильной раны на рукѣ у одного изъ нашихъ матросовъ. Къ счастью у насъ былъ на кораблѣ запасъ льду, который, какъ нельзя болѣе, пригодился для раненаго; но мы должны были въ интересахъ его самого сдать его какъ можно скорѣе въ бергенскую больницу.

Холодный вѣтеръ дулъ съ сѣверо-востока намъ на встрѣчу и заносилъ насъ иногда въ опасную близость скаль, но яркій свѣтъ солнца позволялъ видѣть издали опасность. Лоцманъ стоялъ безсмѣнно у руля впродолженіе 36 часовъ; едва давалъ онъ себѣ время пить и ѣсть; усталые его сѣро-голубые глаза смотрѣли че-

резъ бугшпритъ на шхеры, которыя угрожали каждую минуту закрыть намъ выходъ. Наконецъ 8-го іюня вечеромъ мы подходимъ къ Бергену и поднимаемъ съ гордостью наши флаги, когда въ глубинѣ фьорда, на разстояніи почти полуторы немѣцкихъ миль, мы увидѣли городъ передъ нашими глазами. Но нельзя было и думать плыть дальше. Вѣтеръ стихъ совершенно, и водовороты, которые, въ особенности при вѣздѣ къ Бергену, такъ сильны, что даже глубокосидящіе корабли могутъ пройти лишь при силь-

ночь попутномъ вѣтрѣ, понесли насъ, съ цѣлой флотиліей судовъ, отъ скалы къ скалѣ и намъ предстояла не малая опасность удариться о ту или другую. Странно было видѣть, какъ различные корабли и кораблики, которые кружились вмѣстѣ съ нами въ заколдованномъ зундѣ, то перегоняли насъ въ кругу, то отставали; какъ одинъ пытался пристать здѣсь, другой тамъ, и какъ они дѣлали напрасныя усилія воспользоваться слабымъ вѣтромъ, который врвался изъ бокового ущелья, чтобы подразнить храбрыхъ моряковъ и затихнуть черезъ нѣсколько мгновений. Вскорѣ мы убѣдились, что легкія рыбацкія суда влекутся другимъ теченіемъ, чѣмъ тѣ, которыя какъ наше, сидятъ въ водѣ болѣе 6 ф. Между тѣмъ, какъ при полнѣйшемъ безвѣтріи и безполезности руля, легкія барки несло вправо, насъ тащило влѣво и несло на скалы противоположной стороны. Лоцманъ прыгаль какъ бѣлка по бугшприту и табелажу; онъ видимо боялся потерять плоды своихъ трудовъ отъ какой-нибудь несчастной случайности, и нѣсколько разъ всѣ вызывались на верхъ, чтобы баграми и веслами предупредить сокрушительный ударъ о скалы. Еслибъ волненіе было сильнѣе, стихія сыграла бы тутъ съ нами скверную штуку. Но поверхность воды была гладка, какъ зеркало, и только сила невидимаго теченія носила насъ неудержимо по этой глади. Наконецъ, усталые отъ тщетной борьбы, мы выбрали удобную минуту, протѣснились за выдавшуюся скалу и прикрѣпили корабль съ обѣихъ сторонъ канатами, послѣ тщетныхъ усилій буксировать его дальше посредствомъ нашихъ весельныхъ лодокъ.

Теперь добрый совѣтъ былъ дорогъ. На кораблѣ у насъ былъ раненый, который чувствовалъ себя очень нехорошо въ тѣсной матросской каютѣ, тѣмъ болѣе, что было ужасно жарко. Дальше мы не могли ѣхать, потому что парусъ и руль отказывались служить. И наука покинула насъ; закинутый неводъ такъ спутался отъ теченій, которыя перекрещивались въ различныхъ направленіяхъ, что не царапалъ дна. Онъ вѣроятно и не хваталъ до дна, такъ какъ теченіе было такъ сильно, что держало его въ наклонномъ положеніи на извѣстной глубинѣ.

Морякъ никогда не затрудняется: „Высадитесь на берегъ, господа“, сказалъ капитанъ, „вы вѣдь можете перепрыгнуть съ борта; взберитесь на эту вершину, гдѣ вы можете наслаждаться

великолѣпнымъ заходомъ солнца и выкурите тамъ хорошую сигару, которая прогонитъ вашу меланхолю. Я же возьму маленькую лодку съ лодманомъ и однимъ матросомъ и отправлюсь въ Бергенъ. Тамъ долженъ же быть какой-нибудь пароходъ: невозможно чтобъ не было буксирнаго парохода, который бы оказалъ услугу кораблю, застрявшему въ гавани съ 25,000 жителей, ведущихъ такую значительную торговлю. Завтра рано утромъ въ пять часовъ подкачу я на всѣхъ парахъ и выручу васъ изъ этой западни, не представляющей никакихъ гарантій для нашего корабля.“

Мы послушались совѣта капитана, взобрались на крутой берегъ, состоявшій изъ ясно наслонившихся пластовъ гнейса, которые, упираясь въ фьордъ, образовали гигантскія ступени, по которымъ можно было взобраться на вершину. Тамъ простирались во всѣ стороны длинныя горныя цѣпи, которыя какъ-бы ополчились на подступающее къ нимъ море и блистали въ великолѣпнѣйшемъ освѣщеніи. Эти горы, хотя онѣ и выше чѣмъ около Ставангера, несутъ на себѣ тотъ же отпечатокъ однообразія и если бы не гранитная площадка, на которой мы сидѣли, и не море, плескавшее у нашихъ ногъ, то можно бы подумать, что мы перенесены въ высокую Юру; такъ были сходны формы, такъ соответственны отдѣльныя отертанія. Грессли, который посвятилъ свою жизнь тщательному изученію Юры и зналъ эту горную цѣпь лучше кого-нибудь другаго, не переставалъ подтверждать это соответствие. Вездѣ онъ находилъ цѣльные или лопнувшіе своды съ той же смѣной круто оторванныхъ скалистыхъ стѣнъ и крутыхъ косогоровъ, образованіе которыхъ обусловлено известковыми скалами и мергелевыми наслоеніями Юры, и онъ съ поднятыми къ нему руками восторженно клялся: „Es isch byggescht grad wie der Jura by Olte!“ *)

Но чтобы настаивать на этомъ сходствѣ, надо было забыть, что стоишь на каменныхъ породахъ, которымъ отказывали до сихъ поръ въ какомъ либо наслоеніи, которыя не содержатъ никакихъ окаменѣlostей и которыхъ кристаллическая природа противилась до сихъ поръ всякой попыткѣ подведенія ихъ подъ систему слон-

*) Грессли здѣсь шутя говоритъ престонародной рѣчью: Ей-Богу, вѣдь это точно Юра у Ольтена.

стных породъ. Не легкое дѣло оторваться отъ предвзятыхъ мнѣній; не легкое дѣло дать въ сознаниі своемъ мѣсто для наблюденій и фактовъ во всей силѣ ихъ непосредственности, когда они идутъ въ разрѣзъ глубоко укоренившимся мнѣніямъ, подкрѣпленнымъ кажущимися доказательствами. Но аналогія была слишкомъ поразительна, чтобы не возбудить и не потрясти умъ. Уже раньше возбужденныя сомнѣнія насчетъ вулканической природы гранита получили новую пищу и нельзя было не имѣть этого обстоятельства постоянно въ виду и не приближаться шагъ за шагомъ къ его разъясненію.

Послѣ недавняго заката, сопровождаемаго свѣтлымъ сумракомъ, а не полною темнотою, снова поднялось солнце, сіяя на чистомъ небѣ. Когда мы проснулись въ шесть часовъ утра, было уже довольно жарко и день грозилъ быть чисто тропическимъ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ терпѣливаго ожиданія показался капитанъ съ пароходомъ изъ за ближняго угла скалы, взялъ насъ на буксиръ и еще до обѣда мы стали на якорь во внѣшней гавани, въ Гольмахъ, передъ Бергеномъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Бергенъ.

„А что въ Бергенѣ все еще идетъ дождь?“ спросилъ, говорить, нѣмецкій капитанъ своего товарища, прибывшаго изъ гавани, въ которой спрашивавшій провель, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, два лѣтнихъ мѣсяца, не видѣвши ни разу солнца. Рассказываютъ даже, что голландскій капитанъ, постоянно посѣщавшій Бергенъ семь лѣтъ сряду, на восьмой годъ не узналъ города, когда увидѣлъ его при солнечномъ свѣтѣ, и въ бѣшенствѣ отколотилъ лоцмана за то, что онъ не туда завезъ его. Намъ пришлось самимъ только въ послѣдствіи увидѣть городъ въ будничномъ одѣяніи. Въ воскресенье же, когда мы стали на якорь, на сѣверномъ небѣ пѣло тропическое солнце: пыль поднималась на улицахъ и мы взяли зонтики, чтобы защищать свои головы отъ палящихъ лучей. Мы тотчасъ же отправились изъ гавани, называемой „in den Holmen“, въ городъ, находящійся на разстояніи четверти часа. Уже на значительномъ отдаленіи запахъ трески и ворвани, который дѣлался все разительнѣе, далъ намъ понять, какія главные статьи торговли Бергена, и когда мы наконецъ дошли до такъ-называемаго Нѣмецкаго моста, то сначала не могли постичь, какъ можно жить съ удовольствіемъ въ такой атмосферѣ.

Мы не могли не замѣтить, что находимся въ сѣверномъ городѣ въ воскресенье. Когда мы еще по утру плыли фьордомъ, насъ

Фонтъ. Пут. на Сѣв.

восхищало множество лодокъ, которыя со всѣхъ сторонъ направлялись къ маленькой церкви, скромно и уютно стоявшей въ зеленой бухтѣ на берегу; подлѣ нея, подъ тѣнистыми деревьями, народъ ждалъ уже начала богослуженія. Лодки съ наряженными по воскресному мужчинами и женщинами, въ одеждѣ которыхъ преобладали преимущественно яркіе цвѣта — красный и свѣтло-зеленый, и яркіе рукава рубашекъ у мужчинъ, — праздничная, теплая яркость красокъ, скользившихъ по водѣ и отдохавшихъ въ освѣжительной тѣни деревьевъ, на берегу журчащаго ручья, — мягкая игла, дрожавшая надъ горами и сливавшая ихъ очертанія съ яснымъ небомъ, — все это представляло такую благодатную, счастливую, любезную душѣ картину, что мы въ состояніи были жалѣть, что нашъ пароходъ не опоздалъ на нѣсколько часовъ и не далъ намъ возможности присоединить и нашу лодку къ тѣмъ, которыя плыли въ церковь.

Городъ же представлялъ совершенно другую картину. Все было пусто и мертвенно: большая часть домовъ заперта, или же оставалась только одна служанка, выраженіе лица которой ясно говорило, какъ странно ей кажется, что спрашиваютъ въ воскресенье господъ, неизбѣжно проводящихъ этотъ день на дачѣ. Послѣ тщетныхъ разспросовъ во всѣхъ домахъ, гдѣ жили купцы, консулы и естествоиспытатели, къ которымъ мы были рекомендованы, мы побродили нѣсколько времени по городу, осмотрѣли мѣстность, гавань и сады, и старались подавить нетерпѣніе, охватывавшее насъ, когда мы думали о нашемъ раненномъ на кораблѣ.

Мѣстность вокругъ Бергена врядъ ли можетъ назваться красивой. Скалистыя темныя горы, съ глубокими лощинами между ними, придвинулись почти вплотъ къ самому городу и только съ одной стороны долина раздвигается немного, чтобы дать мѣсто за городомъ маленькому озеру, содержащему солоноватую воду, которая бываетъ солонѣе во время прилива и прѣснѣе во время отлива. Самыя горы обнажены, на отвѣсныхъ крутизнахъ совершенно голы, на покатостяхъ покрыты лишь скудною травой. Сплошныя массы съ отвѣсными крутизнами состоятъ изъ гнейса, болѣе отлогія покатости въ глубинѣ долины изъ легко вывѣтривающагося слюдястаго сланца. Въ образовавшихся такимъ образомъ глубокихъ лощинахъ, которыя по строенію и внѣшнему виду соотвѣтствуютъ

комбанъ Юры (гнейсъ производитъ формы, подобныя крѣпкой извести, а слюдястй сланецъ производитъ формы, подобныя легче вывѣтривающимся слоямъ мергеля), развилась богатая, сочная зелень, на которую великолѣпныя группы деревьевъ бросаютъ густую тѣнь. По обѣимъ сторонамъ фьорда, на порядочномъ разстояніи отъ Бергена, находятся одинокія дачи, которыя кокетливо выглядываютъ своей свѣтлой краской изъ за густыхъ деревьевъ, ихъ окружающихъ. Липы, каштаны, яворы и другія деревья нашего континентальнаго климата, при постоянной сырости, которая насыщаетъ воздухъ и землю, растутъ здѣсь съ неменьшимъ великолѣпіемъ, какъ въ Англіи, и исключая персиковъ, абрикосовъ и винограда, для послѣванія которыхъ не достаточно кратковременной солнечной теплоты, вы найдете всѣ фруктовыя деревья нашего климата въ садахъ около Бергена. Ландыши, фіалки, незабудки, сирень, нарциссы и другіе цвѣты, которые я оставилъ расцвѣтшими въ Женевѣ, больше чѣмъ за мѣсяць до этого, распустились здѣсь всюду, и при душной жарѣ, которая тяготѣла надъ мѣстностью, при дыханіи горячаго пара, которымъ солнце обдавало все — можно было бы подумать, что находишься на югѣ, еслибъ не безвкусныя деревянныя дома и запахъ рыбы, который какъ чадъ стоялъ надъ всѣмъ городомъ и мгновенно сводилъ всякія мечтанія въ сѣверную рамку.

Гуляя, мы подошли къ озеру, о которомъ я уже упоминалъ и, по красивой тѣнистой липовой аллеѣ, къ пивоваренному заводу, который мы нашли тоже запертымъ. Мы спустились къ вонючей водѣ и нѣкоторое время ловили раковъ подъ каменьями, которые казались лиловыми отъ миллионовъ ракушекъ (*Mytilus*) поселившихся на нихъ. Не смотря на то, что вода была едва солоня и при опредѣленіи ареометромъ, очень мало перевѣшивала содержаніемъ соли обыкновенную воду, ракушкамъ, казалось, было также хорошо, какъ и пузырчатому фукусу (*Fucus vesiculosus*), покрывавшему все дно, равно какъ и морскимъ ракамъ, которые тамъ и сямъ мелькали между каменьями. Всюду по скаламъ и растеніямъ ползали *Littorinae* и пустыя скорлупки доказывали, что оба вида Разинокъ (*Mya agenaria* и *truncata*), которыя находятся въ сѣверныхъ моряхъ должны были имѣть свои жилища глубже въ рыхломъ песчаномъ днѣ. На нѣкоторой высотѣ надъ берегомъ озера, Грессли нашель,

послѣ долгихъ поисковъ, нѣсколько кусочковъ раковинъ между гальками, дрсвой и пескомъ, что могло служить доказательствомъ прежняго высокаго уровня воды. Но въ этомъ предположеніи возможна ошибка, потому что береговья птицы, также какъ и чайки и вороны, имѣють привычку выносить на берегъ словенныя ими раковины, улитокъ и морскихъ ежей, если не могутъ сразу раскусить ихъ, или бросаютъ съ значительной высоты на скалы и камни, гдѣ раковины и разбиваются. Попадаются иногда скалы, усѣянныя разломанными ракушками и можно бы потеряться въ догадкахъ надъ этимъ явленіемъ, если бы первая услужливая чайка не разъяснила загадку.

И внутри города есть нѣсколько хорошихъ видовъ на фьордъ и гавань съ двухъ возвышенныхъ пунктовъ, гдѣ возведены шанцы и поставлены пушки. Вообще же надо сознаться, что Бергенъ, не смотря на свои 25,000 жителей, на обширную торговлю и на любезность жителей, представляетъ ужасное гнѣздо для иностранца. Не говоря уже объ общественныхъ удовольствіяхъ — ихъ не существуетъ, врядъ ли найдете въ узкихъ кривыхъ улицахъ гостинницу, кофейную или ресторацію. Единственная гостинница ужасаетъ своими затхлыми комнатами, гадкой прислугой и горькимъ масломъ; помимо этого можно найти комнату со столомъ у нѣкоторыхъ дамъ въ городѣ, которыя смотрять такъ, какъ будто принимаютъ иностранца изъ милости только, и у которыхъ живешь за большую плату весьма скверно и стѣсненно. Затѣмъ есть только матросскіе кабаки на половину подъ землей, оттуда несетя невыразимый запахъ, отбрасывающій человѣка на три шага въ сторону. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней мы рѣшили позавтракать въ городѣ на собственный счетъ; но несмотря на двухчасовые поиски и на львиный голодъ, не могли пересилить себя и взойти въ такое помѣщеніе. Только по просьбѣ одного изъ друзей удалось намъ получить въ задней комнатѣ одной кондитерской немного копченой лосося и сыру, со стаканомъ хереса.

Есть всего одна только улица, гдѣ тѣснятся одинъ возлѣ другаго большіе магазины. Подумаешь, что можно тутъ записаться всеѣмъ, и входишь направо и налево, чтобы пополнить ту или другую статью дорожныхъ надобностей; но скоро убѣждаешься, что въ магазинахъ находится только все негодное изъ гамбургскихъ

магазиновъ и за это спрашиваются цѣны, которыя даже въ Парижѣ и Лондонѣ были бы неслыханными. Талеры летятъ изъ кармана, какъ цванцигеры, и если поддашься на убѣжденія продавцовъ и продавицъ и возьмешь товаръ, то при болѣе тщательномъ осмотрѣ окажется, что онъ гдѣ-нибудь попорченъ, и какъ вещь негодная для Гамбурга, является въ Бергенѣ. Не дешевле и ручная работа. Только съ недѣлю, какъ мы оставили Гамбургъ въ блестящемъ бѣломъ бѣльѣ, а тѣмъ не менѣе стирка нашего столоваго и носильнаго бѣлья стоила намъ цѣлыя восемь талеровъ. Мы забыли устроить нѣсколько досокъ для прессовыхъ растений, но въ Бергенѣ, въ пунктѣ лѣсной торговли Норвегiи, нашелся милосердый столяръ, который согласился выстругать намъ четыре еловые доски, каждая въ футъ ширины и полтора фута длины, за полтора талера со штуки! Поваръ хотѣлъ возобновить запасъ свѣжаго мяса и переговорилъ съ мясникомъ о покупкѣ телятины, баранины и говядины. „Телятъ совсѣмъ нѣтъ“, отвѣчалъ мясникъ, „а если вы хотите говядины, то я поѣду завтра за городъ и куплю тамъ быка, котораго вы должны взять всего, потому что остальное намъ некуда будетъ дѣвать“. Также точно цѣликомъ надо было брать одного или нѣсколькихъ барановъ. Къ счастью весь быкъ вѣсилъ всего 4 центнера, такъ что мы могли надѣяться, что покончимъ съ нимъ во время пути, благодаря значительному развитiю аппетита вслѣдствiе морскаго воздуха. Иностранецъ, предполагающiй, что можетъ путешествовать по Норвегiи, какъ по Германiи или по Швейцарiи, безъ знакомствъ и рекомендацiй, сильно разочаруется, побывавши въ Бергенѣ. Почти невѣроятно, чтобы могли существовать подобныя отношенiя въ городѣ, издревле знаменитомъ и ведущемъ въ продолженiе нѣсколькихъ вѣковъ истинно всемирную торговлю. Если разсмотрѣть однако этотъ предметъ поближе, то можно по крайней мѣрѣ понять, какъ развились эти отношенiя. Бергенъ окруженъ только высокими горами и не имѣетъ плодородной земли, которая удовлетворила бы его жизненнымъ потребностямъ и давала бы предметы для промѣна на иностранные товары. Онъ лежитъ отрѣзанный, какъ бы на острову, на краю горнаго узла, который почти совершенно окруженъ Гардангерскимъ фьордомъ и Согнефьордомъ, внѣ всякаго сухопутнаго сообщенiя съ Христианiей, Дронтеггемомъ и лежащими между ними

земледѣльческими мѣстностями. Везъ корабля и лодки нельзя добраться до этой ганзейской колоніи. За то Бергенъ лежитъ какъ разъ по срединѣ между обими большими рыболовными округами западнаго берега: между сельдянымъ ловомъ на югѣ и тресковымъ ловомъ на сѣверѣ, и все еще образуетъ средоточіе торговли рыбою, которая идетъ изъ протестанской Норвегіи въ католическія страны Средиземнаго моря. Въ Бергенъ ѣдетъ сѣверный житель, чтобы привезти на базаръ свою треску, въ Бергенъ является испанецъ и итальянецъ, чтобы отвезти ее на югъ. Не смотря на то, что городъ понесъ очень много потерь въ послѣдніе годы, и что всѣ жаловались на уменьшеніе его торговли, все-таки въ Бергенѣ есть еще значительное число богатыхъ негоціантовъ, которые составляютъ здѣсь высшее общество и даютъ отпечатокъ цѣлому городу.

Но вы ошиблись бы, еслибъ подумали, что торговля Бергена такъ самостоятельна, какъ она кажется на первый взглядъ. Нѣтъ страны, въ которой система кредита являлась бы въ такомъ распространенномъ, и, можно сказать, въ такомъ вредномъ видѣ, какъ на норвежскомъ западномъ берегу. Бѣдный рыбакъ сѣвера, съ минуты, когда онъ можетъ двигать руками и ногами, находится въ болшемъ подчиненіи и болшей крѣпостной зависимости отъ двойной бухгалтеріи сосѣдняго торговаго мѣста, чѣмъ русскій мужикъ отъ своего барина. Купецъ на сѣверѣ въ свою очередь крѣпче прикованъ къ книгѣ своего поручителя въ Бергенѣ, чѣмъ яхта его въ гавани, нагруженная рыбою и жиромъ; и купецъ въ Бергенѣ ждетъ съ такимъ же нетерпѣніемъ листочка съ гамбургскимъ курсомъ, какъ биржевой спекулянтъ во Франціи — листочка съ парижскимъ курсомъ, потому что цѣна на сѣверные товары устанавливается не въ Бергенѣ, а на гамбургской биржѣ. Гамбургскій вексель — чистыя деньги и врядъ ли есть въ Бергенѣ хоть одинъ купецъ, который не имѣлъ бы бланковъ на кредитъ у какого-нибудь гамбургскаго торговаго дома и не состоялъ бы въ самомъ обязательномъ подчиненіи этому мѣсту. Есть негоціанты, которые ѣздятъ каждый годъ зимою въ Гамбургъ, когда торговля останавливается въ Бергенѣ и лично устраиваютъ тамъ свои дѣла; нѣтъ конечно ни одного, который не посѣтилъ бы Гамбурга нѣсколько разъ въ жизни и не жила бы тамъ мѣсяцы и годы.

Такимъ образомъ Гамбургъ для Бергена представляетъ торговую и денежную биржу и съ тѣхъ поръ, какъ устроено правильное пароходство, въ Гамбургъ ѣздятъ, если нужно заново меблировать домъ или приготовить приданое для дочери; исполняютъ тамъ порученія друзей и получаютъ такимъ образомъ прямо изъ Гамбурга то, что пришлось бы покупать втридорога въ Бергенѣ. Удивительно ли послѣ этого, что магазины здѣсь представляютъ складъ всего негоднаго и залежавшагося, и существуютъ развѣ для иностранца, а не для жителей? Пріѣзжающій иностранецъ, большую часть купецъ или капитанъ корабля, разсчитываетъ на гостепріимство своего компаньона въ дѣлѣ. Гостепріимство же развито здѣсь въ высочайшей степени, о которой мы не имѣемъ понятія. Наконецъ, отличительному характеру Бергена лѣтомъ сильно способствуетъ то обстоятельство, что несмотря на постоянно дождливую погоду, у купцовъ есть дачи, куда они удаляются въ ясные лѣтніе вечера, чтобы на другое утро снова вернуться въ свою контору. Такимъ образомъ Бергенъ имѣетъ лѣтомъ самую дѣловую фізіономію, между тѣмъ, какъ зимою здѣсь царствуетъ, говорятъ, оживленное веселіе, которому съ тѣмъ большею свободою могутъ предаваться всѣ, что буря и холодъ прекращаютъ всякія дѣла.

Мы были настолько счастливы, что встрѣтили въ воскресенье же, въ день нашего пріѣзда, одного изъ господъ, къ которымъ были рекомендованы; этимъ всѣ злополучія наши были сразу же прекращены. Было сдѣлано все для принятія нашего раненнаго въ больницу, прежде даже, чѣмъ мы успѣли совершенно разъяснить наши желанія, и скоро мы увидѣли себя втянутыми въ круговоротъ самой предупредительной любезности, которая могла бы заставить насъ предположить, что мы составляемъ средоточіе, около котораго вертѣлся весь городъ впродолженіе нѣсколькихъ дней.

На другое утро нашей первой заботой было поздороваться со своимъ ремесломъ, какъ говаривалъ мой отецъ. Бергенъ не безславно записанъ въ исторіи новѣйшихъ изслѣдованій природы. Простой сельскій священникъ, Зарсъ, посвятилъ свободное отъ своей должности время (а всякій знаетъ, что эта должность оставляетъ свободнаго времени больше всякой другой) на собираніе многочисленныхъ наблюденій у морскихъ береговъ, развилъ въ своихъ землякахъ охоту къ изслѣдованію природы, возбудилъ ихъ къ по-

жертвова́ннѣ, и добился помощи со стороны купечества, городского управленія и правительства. Изъ уединеннаго пасторскаго дома на пустомъ острову вблизи Бергена производились наблюденія, показывающія глубокой взглядъ на міръ морскихъ животныхъ и ихъ сокровенный образъ жизни, а въ тоже время устранился музей, сокровищамъ котораго могутъ позавидовать богатѣйшія хранилища этого рода. Зарсъ первый доказалъ происхожденіе авалефовъ отъ маленькихъ недвижныхъ полиповъ и этимъ далъ совершенно другой оборотъ всему взгляду на происхожденіе и размноженіе низшихъ животныхъ. Не менѣе замѣчательны его труды надъ развитіемъ морскихъ звѣздъ, червей, голыхъ морскихъ улитокъ и другихъ обитателей бездны, которыхъ онъ наблюдалъ съ неутомимымъ терпѣніемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Зарса разлучили съ прежнимъ кругомъ дѣятельности и опредѣлили профессоромъ естественныхъ наукъ въ университетъ въ Христіаніи.

Его стремленія нашли себѣ достойныхъ послѣдователей въ лицѣ двухъ извѣстныхъ естествоиспытателей, докторовъ Даніельсена и Корена. Они приняли насъ какъ старыхъ друзей и повели въ богатый музей, который хотятъ перевести, какъ они увѣрили, въ новое, болѣе достойное его сокровищъ, зданіе. Здѣсь соединено все, что природа и искусство произвели замѣчательнаго на сѣверѣ, и такъ какъ при образованіи музея ограничились исключительно произведеніями родины, то есть много такого, чего напрасно будешь искать въ другомъ мѣстѣ. Сѣверныя моря заключаютъ въ своихъ нѣдрахъ самыя рѣдкія формы животныхъ, которыя съ одной стороны напоминаютъ о давно исчезнувшихъ существахъ, а съ другой—нѣкоторыя гигантскія формы китовъ и акулъ пробуждаютъ въ воображеніи тѣ чудовищныя преувеличенія и вырожденія фантазій, которыми полны сѣверныя саги. Великолѣпныя коралловые стволы, стройныя, гибкіе и развѣтвленные на тончайшія вѣтки, которыя сломятся отъ малѣйшаго толчка, вынуты посредствомъ невода съ величайшимъ трудомъ и осторожностью съ глубины нѣсколькихъ сотъ футовъ и такъ хорошо поставлены, какъ бы живые. Едва достигаемыя бездны Гардангерскаго фьорда доставили два экземпляра страшно длинной лучистой морской звѣзды, которая разламывается, какъ стекло, свои лучи въ тысячи кусковъ, какъ только почувствуетъ себя въ сѣтяхъ, такъ что соединеніе и

восстановление экземпляра стоило одному догадливому и чрезвычай-
 ной искусному другу Даниельсена нѣсколькихъ мѣсяцевъ усид-
 чивой работы. Скоро для всѣхъ насъ нашлось поприще, соответ-
 ствующее специальной дѣятельности каждаго. Докторъ изучаетъ
 сѣверныхъ птицъ, коллекція которыхъ, впрочемъ, очень невелика,
 между тѣмъ какъ Грессли разбираетъ критически раковины, вы-
 носенныя на свѣтъ сѣтями; Берна, при видѣ нѣсколькихъ камен-
 ныхъ сѣкиръ и бронзовыхъ колецъ, углубляется во времена скан-
 динавскихъ аборигеновъ, которые до Фричьофа и берсеркеровъ, вели,
 у морскихъ береговъ и озеръ, кажется, такую же жизнь, какъ и
 обитатели свайныхъ построекъ въ Швейцаріи. Гассельгорстъ срисо-
 вываетъ какія-то дверныя притолки съ великолѣпными арабесками
 особаго стиля, относящіяся къ героическому періоду морскихъ раз-
 боевъ Норвегіи и напоминающія греческіе и арабскіе образцы, съ
 которыми морскіе короли познакомились, вѣроятно, во время набѣ-
 говъ на средиземныя страны. Въ его альбомѣ попадаетъ и чудо-
 вищный самострѣлъ, висящій подлѣ лѣстницы, — колоссальное ору-
 жіе, употребленіе котораго съ трудомъ вообразимо. Громадный бере-
 зовый сукъ составляетъ лукъ, сосновое бревно въ бедро толщиною —
 стволъ этого первобытнаго метательнаго орудія, которое стрѣляетъ
 деревянною стрѣлою съ желѣзнымъ остриемъ въ футъ длины и ко-
 торое натягивается посредствомъ рычага, толщиною въ руку. Еще и
 теперь — по крайней мѣрѣ такъ говорили наши любезные путе-
 водители — можно найти кое-гдѣ такіе самострѣлы у прибрежныхъ
 крестьянъ, которые употребляютъ ихъ при ловлѣ китовъ. Если китъ
 приближается къ берегу, гдѣ онъ спитъ спокойно на поверхности
 цѣлые часы, то приволокутъ эту машину, неизвѣстно какъ прила-
 дятъ и натянутъ (обыкновенныхъ человѣческихъ силъ на это не
 хватитъ) и пускаютъ, наконецъ, стрѣлу въ кита, въ спину кото-
 раго она глубоко вонзается. Если намѣтили хорошо, то онъ медленно
 истекаетъ кровью отъ раны и прибивается волною куда-нибудь на
 берегъ. По знаку, вышженному на древкѣ стрѣлы, узнается, кто
 пустилъ смертоносную стрѣлу, и счастливцу выдается извѣстная
 доля при дѣлѣжѣ выручки за кита. Надо сознаться, что довольно
 трудно согласить чудесные рассказы про суевѣрное почитаніе, ка-
 кимъ будто бы преисполнены сельдяные промышленники къ киту —
 съ подобнымъ способомъ его ловитвы.

Что касается меня, то немногихъ часовъ, удѣленныхъ намъ для посѣщенія музея, было недостаточно даже для поверхностнаго его обзора. Съ какимъ удовольствіемъ я изслѣдовалъ бы многочисленныя зародыши кита, которые наглядно представляютъ главнѣйшія ступени внутренняго развитія этихъ животныхъ отъ длины одного дюйма, до длины нѣсколькихъ футовъ! Смотри на эту коллекцію ясно понимаешь, что путешествующій естествоиспытатель не можетъ глубже проникнуть въ дѣло, а долженъ предоставить это туземцамъ, которые могутъ выжидать съ терпѣніемъ время и обстоятельства, чтобы подмѣтить рѣдкія явленія. Каждый годъ убиваютъ нѣсколько длинноносыхъ китовъ (*Balaenoptera longirostra*) въ водахъ Бергена, — чтобы вытопить изъ нихъ жиръ; только половина изъ нихъ самки и только у очень немногихъ экземпляровъ обстоятельства позволяютъ добраться до внутренностей, вынуть плодъ и изслѣдовать его. Если странствующему естествоиспытателю и удастся воспользоваться такимъ случаемъ, то у него все-таки есть только одинъ фазисъ развитія, который не позволяетъ ему составить себѣ понятіе о всемъ развитіи.

Мы видѣли и „сельдянаго короля“ (*Sild-konge* по-норвежски), про котораго романисты и суевѣрные рыбаки рассказываютъ такія странныя вещи. Даже Мюгге рассказываетъ еще про сельдяныхъ королей, предводительствующихъ стаями и плывущихъ впереди въ своемъ серебряномъ вооруженіи, — что эта рѣдкая ленточная рыба, въ 10 футъ длины, въ самомъ дѣлѣ, какъ князь или герцогъ, предводительствуетъ зачастую крестовымъ походомъ и напередъ изслѣдуетъ тѣ мѣстности, куда намѣрена послать свои стаи на слѣдующій годъ. По истинѣ удивительно, какъ человѣкъ старается ввести свои собственныя общественныя отношенія въ жизнь животныхъ и создавать изъ этого романы, въ которыхъ нѣтъ и тѣни правды. Такъ называемый „сельдяной король“ (*Gymnetrus Grillii*) есть, дѣйствительно, рѣдкая ленточная рыба, блестящая какъ серебро, подобно всѣмъ ленточнымъ рыбамъ, съ своеобразно устроенными красными плавниками, изъ которыхъ нѣсколько отдѣльно стоящихъ на головѣ перьевъ, образуютъ какъ бы гриву. Глаза огромныя, круглыя, какъ тарелки; тѣло, достигающее иногда 16 — 18 футъ длины, такъ сдавлено съ боковъ, что представляетъ широкую серебряную ленту безъ замѣтной толщины.

Можетъ быть отдѣльные экземпляры, добываемыя на норвежскомъ берегу, заносятся сюда изъ южныхъ странъ, потому что родные и ближайшіе родственники этой рыбы принадлежать Средиземному морю и тропическимъ странамъ, и я имѣлъ часто случай изслѣдовать ихъ въ Ниццѣ, гдѣ нельзя предводительствовать сельдями. Быть можетъ и случается, что такая ленточная рыба заплываетъ иногда въ стаю сельдей, и попадаетъ вмѣстѣ съ ними въ сѣти. Но немногіе экземпляры, пойманные доселѣ на сѣверѣ, попадались въ такое время и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было указать ни на малѣйшее отношеніе ихъ къ сельдямъ.

Въ новѣйшее время этому „сельдяному королю“ приписали совершенно иную роль, приведа его въ соотношеніе съ пресловутымъ морскимъ змѣемъ. Мы будемъ имѣть случай упоминать объ этомъ сказочномъ чудовищѣ впоследствии, говоря о мѣстѣ его родины, Мольдскомъ фьордѣ. Здѣсь мы скажемъ только, что Нильсонъ, уважаемый шведскій естествоиспытатель, считаетъ „сельдянаго короля“ героемъ басни, которая пополнила пустое мѣстечко не одному фельетонисту. Тѣло, достигающее длины 18 футовъ, лентовидное, блестящее какъ серебро, плавающее, извиваясь какъ змѣя, у поверхности воды, гривоподобныя лучи плавниковъ на спинѣ, глаза въ тарелку величиною — все конечно могло подать поводъ къ такому мнѣнію; но бергенскіе естествоиспытатели оспариваютъ его тѣмъ, что „сельдяной король“ слишкомъ хорошо извѣстенъ для того, чтобы можно было смѣшивать его съ такимъ сказочнымъ животнымъ.

Вообще удивительно, какимъ страннымъ образомъ естественная исторія сельдя, этой столь распространенной въ Нѣмецкомъ морѣ рыбы, переврана и искажена рыбаками и романистами. Внезапное появленіе огромныхъ стай сельдей у сѣверныхъ береговъ Европы и Америки, скопленіе этихъ стай въ извѣстное время года и таинственное исчезновеніе ихъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ они прежде водились въ изобиліи — подало поводъ ко множеству басенъ, которыя все еще въ ходу въ популярныхъ книгахъ и учебникахъ, не смотря на самое основательное разъясненіе со стороны естествоиспытателей. Судя по этимъ баснямъ, сельдь обитаетъ далеко на сѣверѣ, въ таинственныхъ глубинахъ того открытаго полярнаго моря, въ которое тщетно пытались проникнуть

сезонъ ледяную ограду мрачныхъ проливовъ, погубившихъ столько храбрыхъ мореплавателей. Оттуда трогается эта рыба, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ истребителей въ извѣстное время года, въ неизмѣримыхъ массахъ и приплываетъ къ южнымъ берегамъ метать икру. Движеніе это слѣдуетъ вдоль береговъ Гренландіи и дѣлится у сѣвернаго берега Исландіи на двѣ группы, изъ которыхъ западная частью спускается вдоль береговъ Америки, частью же посѣщаетъ Великобританію и Ирландію и сѣверные берега материка; при этомъ она дѣлится будто бы на множество мелкихъ отдѣловъ; а восточная, главная группа, направляется къ Нордкапу и слѣдуя вдоль береговъ Норвегіи, пробирается въ Каттегатъ и Балтійское море. По окончаніи метанія икры, за которое итъ, будто бы, приходится заплатить жителямъ побережья 10% своей численности, сельди возвращаются, но уже не въ такомъ стройномъ порядкѣ, въ свои лѣтнія полярныя мѣстопробыванія.

Такова басня. То, что еще прибавляется сюда про сельдей-посланныхъ съ таинственными руническими знаками на тѣлѣ, смыслъ которыхъ толковали какъ указаніе на предстоящій незначительный уловъ — принадлежитъ, понятно, исключительно царству вымысла и не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ опроверженій; но надо серьёзно противиться распространенію басенъ о походахъ сельдей, такъ какъ подобное пониманіе этой стороны естественной исторіи сельди имѣетъ громадное національно-экономическое значеніе.

Сельдь не живетъ предпочтительно въ полярномъ морѣ и не дѣлаетъ дальнихъ походовъ. Онъ обитаетъ въ глубинахъ тѣхъ морей, у береговъ которыхъ онъ мечетъ икру; ловится тамъ во всякое время отдѣльными индивидами и именно такими орудіями, которыя достигаютъ наибольшей глубины, и поднимается изъ этой глубины только въ то время, когда мечетъ икру, чтобы подойти къ берегамъ, у которыхъ кладетъ свои яйца. Такимъ образомъ ловятъ сельдей прямо у берега, напр. въ Мольдскомъ фьордѣ, въ продолженіе цѣлаго года и даже главная ловля бываетъ тамъ въ іюль, когда сельди необыкновенно жирны и когда въ нихъ нѣтъ ни яицъ, ни молока.

Взглянувши на карту морскаго дна въ Нѣмецкомъ морѣ, легко убѣдиться, что Великобританія лежитъ на пространной равнинѣ дна, которое нигдѣ не имѣетъ глубины болѣе 600 фут. и простирается такъ далеко, что Франція, Голландія, Сѣверная Германія и Данія могли бы соединиться съ Англіей въ одинъ материкъ, еслибъ только уровень моря понизился на 600 фут. Этотъ материкъ простирался бы съ восточной стороны Англіи почти до Норвегіи, но отдѣлялся бы отъ этой страны глубокимъ и узкимъ каналомъ, который огибаетъ южную оконечность Норвегіи на нѣкоторомъ отъ нея разстояніи. На западной же сторонѣ Англіи равнина идетъ только миль на десять дальше береговъ Ирландіи и Бретани, и потомъ круто опускается въ глубь океана.

Эта глубь и есть мѣсто жительства сельди. Отсюда онъ направляется, именно во время метанія икры, на равнину, которая представляетъ мѣсто вывода для яицъ и приближается къ самому берегу, гдѣ болѣе мелкая вода представляетъ болѣе удобствъ для метанія икры. Такое устройство морскаго дна прямо объясняетъ, почему на восточномъ берегу Англіи ловля сельдей очень незначительна, между тѣмъ какъ на шотландскомъ и ирландскомъ берегахъ, въ Каналѣ и у Норвегіи она чрезвычайно богата.

Время метанія икры, въ продолженіе котораго ловля самая значительная, бываетъ въ зимніе мѣсяцы; но повидимому и оно разнится часто на цѣлыя недѣли и мѣсяцы, смотря по погодѣ и другимъ малоизслѣдованнымъ причинамъ. У рыбаковъ есть различныя примѣты, по которымъ они судятъ о приближеніи сельдей, но онѣ такъ неточны, что голландцы говорятъ, что они дали бы съ удовольствіемъ боченокъ золота за вѣрное указаніе времени и мѣста, гдѣ должны появиться стаи сельдей. Да и годъ на годъ не приходится. Въ одну зиму появляются въ извѣстномъ мѣстѣ огромныя массы, а на слѣдующую зиму попадетъ въ сѣть только нѣсколько штукъ. Но слѣдуетъ ли удивляться этому, если мы знаемъ, что намъ не удалось еще открыть причины, отчего въ нашихъ озерахъ и рѣкахъ лосось и семга представляютъ совершенно тѣ же самыя явленія и отчего въ постоянную вершу города Женевы, напримѣръ, въ одну зиму ловится столько же фунтовъ лососины, сколько въ другую центнеровъ?!

Привести доказательства против предполагаемых походов сельдей из полярнаго моря очень легко, и они неопровержимы. Сѣверо-американскій сельдь, который ловится по всему побережью вплоть до самаго Нью-Йорка, совершенно другой породы, чѣмъ сельдь европейскихъ береговъ и отличенъ естествоиспытателями названіемъ длиннаго сельдя (*Clupea elongata*). Между европейскими сельдями отличаютъ тоже много породъ, хотя спеціальнаго различія между ними указать нельзя. Сельдь Балтійскаго моря — самый маленькій и тощій, голландскій и англійскій — побольше, между тѣмъ какъ сельдь Шетландскихъ острововъ и норвежскаго побережья — самый большой и жирный. Сами прибрежные рыбаки, точно также, какъ и рыбаки, занимающіеся ловлей лосося въ устьяхъ рѣкъ, отличаютъ береговаго сельдя, который держится вблизи берега и бываетъ, обыкновенно, хотя и жирнѣе, но не такого тонкаго вкуса, отъ морскаго сельдя, который приплываетъ къ берегу изъ болѣе далекихъ мѣстъ. Если бы рассказъ о стаяхъ, приплывающихъ изъ одного общаго сборнаго мѣста въ полярномъ морѣ, былъ вѣренъ, то было ли бы возможно, чтобы различныя стаи отдѣлялись такъ точно по величинѣ, формѣ и внутреннимъ качествамъ и чтобы онѣ являлись въ извѣстное время къ своему сборному мѣсту, подобно полкамъ и батальонамъ войска, и чтобы всепокоряющая любовь не смѣшала бы эти стаи?

Окончательно же разрушаетъ это воззрѣніе, съ одной стороны, относительная рѣдкость сельдей въ сѣверныхъ странахъ, а съ другой — разница во времени ихъ появленія въ разныхъ мѣстахъ. Около Гренландіи, мимо которой одинъ изъ главныхъ двухъ отдѣловъ долженъ проходить въ Америку, сельди такъ рѣдки, что многіе естествоиспытатели не приводятъ ихъ между рыбами этой страны. У береговъ Исландіи, у которыхъ вся масса должна дѣлиться на двое, сельди хотя и извѣстны, но отнюдь не въ такомъ количествѣ, чтобы возможенъ былъ спеціальнй ихъ ловъ; то же самое надо сказать и о норвежскихъ Финнмаркахъ, гдѣ ловится такъ мало сельдей, что жители не трудятся даже солить ихъ, между тѣмъ какъ на южной половинѣ, между Дронтгеймомъ и мысомъ Линдеснесомъ, особенно же въ окрестностяхъ Ставангера и Мольде ловля сельдей представляетъ почти единственный источникъ жизни прибрежныхъ жителей. Было ли бы воз-

можно такое распределение сельдей, если бы они приходили съ съ-
вера?!

Возможно ли было бы также, чтобы сельди являлись у юж-
ных береговъ, у Голландіи и Ставангера раньше, чѣмъ у шот-
ландскихъ и ирландскихъ береговъ, какъ это было часто замѣ-
чено? Наконецъ, было ли бы возможно ловить сельдей всякой ве-
личины у береговъ, во всё время года, если бы они не рождались,
не выростали и не умирали вблизи этихъ береговъ?

Приводили въ доказательство странствованія сельдей и то об-
стоятельство, что прежде производилась весьма значительная ловля
ихъ въ Балтійскомъ морѣ, именно у шведскаго берега около Го-
тенбурга, между тѣмъ какъ теперь она такъ сильно уменьшилась,
что рыбаки впали въ крайнюю бѣдность. Именно это обстоятель-
ство и кажется намъ доказательствомъ нашего взгляда. Нельзя
было бы найти причины, почему сельди не посѣщаютъ болѣе
Балтійскаго моря или надо было принять за причину ихъ исчез-
новенія пароходы, которые ходятъ по Каттегату. Балтійское мо-
ре — очень ограниченный и къ тому же очень неглубокій бас-
сейнъ и его такъ выловили, что сельди, о сбереженіи и распо-
ложеніи которыхъ нѣсколько не заботились, почти истреблены въ уз-
кихъ водахъ готенбургскихъ шхеръ, или по крайней мѣрѣ ихъ
стало очень мало. Норвежскимъ же сельдямъ и въ голову не при-
ходитъ пробраться кругомъ мыса Линдеснеса въ бассейнъ Бал-
тійскаго моря и пополнить убыль, и если шведы хотятъ опять
имѣть сельдяную ловлю, то имъ слѣдуетъ совершенно запретить
на нѣкоторое время ловлю этой рыбы, чтобы дать ей время на
воспроизведеніе, — а не пребывать въ благочестивой надеждѣ на
благоволеніе какого нибудь сельдянаго короля и поджидать стай,
которыя онъ снова вздумаетъ откомандировать къ ихъ берегамъ.

При входѣ въ большой Буке-фьордъ, между Ставангеромъ и
Хёгезундомъ, производится, весной, въ февралѣ, самая главная
ловля сельдей, которая и доставляетъ жирныхъ норвежскихъ
весеннихъ сельдей. Самки переполнены тогда яйцами, гораздо
болѣе рѣдкіе самцы — молоками, и насчитываютъ до 20,000
человѣкъ на 4000 лодкахъ, которые впродолженіе 1½ мѣсяца
заняты ловлею на всемъ пространствѣ побережья между Ставан-
геромъ и Бергеномъ. Владѣльцы острововъ и подворьевъ на бе-

регу получаютъ значительную наемную плату съ рыбаковъ, которые устраиваютъ здѣсь свои склады, спѣшать съ своими неводами на встрѣчу сельдямъ и возвращаются на берегъ, когда лодка наполнится. Иногда сельди касаются такъ близко поверхности воды и въ такихъ огромныхъ массахъ, что замѣтно ихъ сверканіе на поверхности. Часто также присутствіе стаи въ глубинѣ обозначается жирноватымъ или слизистымъ веществомъ, которое англійскіе рыбаки принимаютъ за молоки самцовъ, а голландскіе, съ бѣльшей справедливостью, за печеночный жиръ, который, вслѣдствіе своей бѣльшей удѣльной легкости, поднимается на поверхность воды изъ сельдей, разрываемихъ тысячами акулъ. На первый взглядъ это кажется преувеличеніемъ; и все-таки это мнѣніе покажется вѣроятнымъ тому, кто разсудитъ, что сельдей гонять къ берегу, кромѣ потребности размноженія, еще потребность спасенія отъ враговъ. Ибо все, что сильнѣе, старается пропитать себя на счетъ сельдей. Съ крикомъ и дракою несутся большія сельдяныя чайки, бакланы, буревѣстники надъ стаею сельдей и горе несчастной рыбинѣ, которая покажется у поверхности воды. Кайры (Uria), чистики (Alca), гагары (Colymbus) и топороки (Mormon) неустанно заняты добываніемъ добычи изъ глубины, гдѣ разные виды трески (*Gadus morghua*, *Aeglefinus* и *Callagias*) и акулы соперничаютъ въ истребленіи съ дельфинами, бѣлухами и тюленями. Самый же прожорливый врагъ есть, кажется, одинъ видъ длинноплавниковыхъ китовъ (*Balaenoptera musculus*), достигающій величины 100 фут. и болѣе, который, по разсказамъ путешественниковъ, встрѣчается рыбаками съ радостью и живетъ, будто бы, съ ними въ нѣкоторого рода дружбѣ, такъ какъ онъ имъ загоняетъ часто рыбу въ сѣти или въ заливы, при входѣ въ которые онъ ложится живымъ заплотомъ и не прежде оставляетъ свое мѣсто, пока послѣдній сельдь не будетъ пойманъ рыбаками или съѣденъ имъ.

Мнѣ все какъ то кажется, что въ этихъ разсказахъ играетъ большую роль Мюнхгаузенъ, который вообще недалеко ушелъ отъ норвежцевъ, что мы впоследствии будемъ имѣть случай подтвердить примѣрами. Можетъ быть эти киты и преслѣдуютъ стаю сельдей самымъ ревностнымъ образомъ, — по крайней мѣрѣ хищники приближаются въ это время къ берегу въ большемъ количествѣ,

и даже заносятся въ жару преслѣдованія на берегъ, гдѣ и гибнутъ; можетъ быть также, что ихъ частое появленіе у береговъ имѣетъ свое значеніе для рыбаковъ на ряду съ остальными прикѣтами. Но отсюда до дружескихъ привѣтствій киты, до пощады чудовища, которое поглощаетъ сельдей цѣлыми тоннами — большой шагъ, и колоссальный самострѣль, который мы видѣли въ бергенскомъ музеѣ, тоже не похожъ на орудіе, созданное для осуществленія этой дружбы. Киты попадаются во всякое время у норвежскихъ береговъ, и мы видѣли достаточное количество ихъ во время нашей поѣздки, но не замѣчали, чтобы прибрежные жители привѣтствовали ихъ съ особенной радостью.

Во всякомъ случаѣ, ловля сельдей бываетъ въ одномъ году значительнѣе, нежели въ другомъ, и 1861 году, когда мы посѣщали эти берега, она была чрезвычайно незначительна, такъ что не добыто и четвертой доли обыкновеннаго числа тоннъ. И довольно было одного неудачнаго года, чтобы привести весь этотъ прибрежный край въ такую крайнюю бѣдность, что намъ рассказывали въ Бергенѣ даже про случаи голодной смерти, и мы поняли тогда, почему рыбаки выѣхали намъ навстрѣчу въ море за нѣсколько миль изъ-за куска хлѣба и промѣнивали его на цѣлый грузъ рыбы.

Норвежцы вообще имѣютъ свойство портить, какъ можно болѣе, хорошіе продукты, данные имъ природою, даже если это такіе продукты, на сбытъ которыхъ въ чужихъ краяхъ они могутъ рассчитывать. Норвежскіе свѣжіе сельди крупнѣе, жирнѣе, лучше на вкусъ чѣмъ всѣ остальные; норвежскіе же соленые сельди не расходятся по всему свѣту, какъ голландскіе, а продаются съ трудомъ и по дешевой цѣнѣ въ Померанію и Остзѣйскія провинціи. Они частію извѣстны въ продажѣ подъ именемъ гамбургскихъ сельдей и вездѣ цѣнятся ниже, чѣмъ голландскіе, за ихъ непріятный, прогорклый и затхлый вкусъ.

Разница заключается единственно и исключительно только въ способѣ ихъ приготовленія. Сельдь, какъ и всѣ сродныя ему рыбы удивительно нѣженъ и умираетъ большею частью въ сѣти; его мясо и внутренности начинаютъ разлагаться немного часовъ спустя послѣ смерти. Онъ похожъ въ этомъ отношеніи на форелей, нѣжное мясо которыхъ также разлагается весьма быстро. Такъ какъ нор-

вежскій сельдь жирнѣе и крупнѣе, то нуждается въ заботливомъ обращеніи и вѣрнѣе солени еще болѣе, чѣмъ маленькій и тощій голландскій сельдь. Голландцы же употребляютъ всевозможныя средства для того, чтобы очистить и посолить сельдя какъ можно скорѣе. Если лодка мала и находится недалеко отъ берега, то рыбаки спѣшатъ скорѣе на берегъ, и рыба, пойманная ночью, взрѣзывается, очищается и солится женщинами рано утромъ. Если же лодка больше, стоитъ дальше отъ берега и нагѣревается продолжать ловлю, то днемъ солить на самой лодкѣ то, что поймано ночью, или перекладываютъ на маленькія суда, которыя спѣшатъ къ берегу, и рыба очищается еще во время переправы. Съ чрезвычайною заботливостью выбираютъ боченки, чтобы рыба не отзвѣдалась деревомъ и вообще все дѣло производится такъ, что прямо обличаетъ въ людяхъ сознаніе, что отъ аккуратности и точности, зависитъ цѣнность и доброта продукта. И до такой степени получили голландцы перевѣсъ въ этомъ дѣлѣ, что въ новѣйшее время французскимъ рыбакамъ, которымъ прежде запрещено было брать съ собою въ море соль, необходимую для соленія, разрѣшено теперь солить на лодкахъ. Норвежцы — же настойчиво продолжаютъ идти по разъ проторенной дорожкѣ, не заботясь объ указаніяхъ опыта. Они имѣютъ странное убѣжденіе, что отъ пищи, находящейся въ кишкахъ рыбы, зависитъ ея порча и что рыбу надо выпотрошить прежде соленія. Въмѣсто того, чтобы вынуть разомъ всѣ кишки вмѣстѣ съ ихъ содержаніемъ, норвежцы складываютъ рыбу на нѣсколько дней, до тѣхъ поръ, пока газы, образующіеся въ кишкахъ, не истребятъ въ нихъ часть нечистоты. Въмѣсто того, чтобы сейчасъ же пластать рыбу, пойманную въ ночь, они отвозятъ ее часто за нѣсколько миль, гдѣ живетъ купецъ, который въ продолженіе года давалъ рыбакамъ задатки впередъ въ счетъ будущаго лова. Тамъ ее разгружаютъ, пересчитываютъ, записываютъ и снова нагружаютъ на барки для отправки въ Ставангеръ, Хёгезундъ или Бергенъ, гдѣ уже наконецъ ее пластаютъ и солить, предварительно давъ пролежать еще нѣсколько дней. Внутренности раздавлены, разложеніе усилилось, жиръ изъ мягкой печени, который уже самъ по себѣ имѣетъ горькій вкусъ, пропиталъ мясо, къ этому прибавляется еще горькая желчь, — и все это должна поправить соль: прекратить дѣйствіе начавша-

гося разложенія и возвратить свѣжій вкусъ рыбѣ! Можетъ быть и можно бы было еще достигнуть этого, еслибъ только какъ слѣдуетъ солили рыбу и не клали ее въ свѣжіе еловые боченки, которые придаютъ рыбѣ еще вкусъ смолы.

Здѣсь происходитъ тоже самое, что и въ винодѣльныххъ мѣстностяхъ, гдѣ готовятъ вина непрочныя, которыя и пьются вслѣдствіе этого только въ самой мѣстности и ближайшихъ окрестностяхъ. Съ этой непрочностью вина мирятся до тѣхъ поръ, пока не найдется свѣтлая, предприимчивая голова, которая съумѣетъ обращаться какъ должно съ виномъ и рѣшится на это, несмотря на существующія предубѣжденія—и что же! вино вдругъ дѣлается прочнымъ и годнымъ къ пересылкѣ. Въ Норвегіи же считается, какъ видно, нѣкотораго рода патріотизмомъ дѣлать именно такъ, какъ это дѣлалось изстари, и есть люди, которые принимаютъ замѣчаніе насчетъ этого за личное оскорбленіе имъ, какъ норвежцамъ.

Бергенъ есть также главное складочное мѣсто и для трески, ловъ которой производится далѣе къ сѣверу, въ одно время съ ловомъ сельдей, т. е. въ февралѣ, и преимущественно у Лофоденскихъ острововъ. Весенніе сельди уже давно разосланы и эта спекуляція окончена, когда приходитъ флотилія съ сѣвера и привозитъ треску съ сушиленъ сѣвернаго берега. Мы пали гавань заставленную нескладными яхтами, которыя частью были еще нагружены треской до самыхъ мачтъ, частью же заняты были нагрузкою обратнаго товара. Нордландская яхта — неуклюжее, широкодонное, одномачтовое судно съ прямо отрѣзанной кормой и съ обращеннымъ вверхъ, въ формѣ камня, форштевенемъ, вмѣсто бугшприта. У нея всего только одинъ большой четырехугольный парусъ, который спускается и поднимается по мачтѣ посредствомъ блока и не можетъ быть поставленъ наискось, такъ что съ нимъ невозможно лавировать, а можно только пользоваться вѣтромъ, дующимъ прямо сзади. Еще болѣе, чѣмъ голландскій куфъ, о которомъ каждый морякъ отзывался не иначе, какъ съ пренебреженіемъ, нордландская яхта представляетъ безпомощную неуклюжую посудину, которая едва осмѣливается выйти въ открытое море и съ трудомъ подвигается даже въ фьордахъ; но и эти неуклюжіе ящики отстаиваются съ патріотическимъ ожесточе-

нѣмъ, и только въ новѣйшее время опытъ понудилъ нѣкоторыхъ купцовъ завести болѣе сподручныя парусныя суда, которыя соотвѣтствуютъ правиламъ новѣйшаго кораблестроенія.

Съ норвежской треской поступаютъ совершенно также, какъ и съ сельдями. Норвежская треска и доршъ нисколько не уступаютъ въ добротѣ и вкусѣ нью-фундлендскимъ, между тѣмъ какъ употребляется только простымъ народомъ въ Россіи и по берегамъ Средиземнаго моря и по цѣнѣ стоитъ гораздо ниже нью-фундлендской. Въ Германіи и Франціи никому не прійдетъ въ голову дотронуться до рыбы, которую норвежцы такъ успѣшно умѣютъ превращать въ несъѣдомое дерево, между тѣмъ какъ нью-фундлендская треска подается у всѣхъ за столомъ. И все-таки норвежское побережье выше Бергена живетъ только треской, и жизнь въ сѣверномъ Финнмаркѣ была бы просто невозможна безъ этого продукта. Но, какъ видно изъ путешествія Л. фонъ-Буха, много труда и усилій стоило ввести въ употребленіе при рыбной ловлѣ на Лофоденскихъ островахъ вмѣсто негодныхъ норвежскихъ удочекъ хорошія англійскія, на которыя рыба въ самомъ дѣлѣ попадаетъ, столько же труда стоило завести сѣти вмѣсто удочекъ, заставить вытапливать изъ трески жиръ, такимъ образомъ, что его цѣна удешевилась, употреблять остатки, какъ навозъ и гуано; всему этому способствовали англійскіе и нѣмецкіе промышленники; но до сихъ поръ не было еще и рѣчи объ улучшеніи приготовленія трески, ибо этимъ занимаются до сихъ поръ только норвежскіе рыбаки и купцы.

Во время промѣна трески, — потому что торговлею этого называть нельзя, — царствуетъ въ Бергенѣ величайшая дѣятельность. Магазины и конторы открыты до поздняго вечера, а въ гавани шумъ и гвалтъ идетъ всю ночь напролетъ. Испанцы, португальцы, итальянцы и нѣмцы причалили шкуны, бриги и барки къ ступенямъ кладовыхъ, вѣроты которыхъ постоянно спускаютъ массы трески. Обыкновенно эти иностранныя суда приходятъ съ балластомъ, иногда они дѣлаютъ небольшой крюкъ, захватывая каменный уголь въ Англии и перевоза его въ Норвегію. Только нѣмцы привозятъ чаще другихъ значительные грузы колоніальныхъ товаровъ и мануфактурныхъ издѣлій, а корабли Средиземнаго моря привозятъ обыкновенно нѣкоторое количество соли. Въ самой Нор-

вѣги нѣтъ соли, ея горная формація такого рода, что въ ней нѣтъ залежной соли, а для того, чтобы добыть этотъ необходимый для жизни продуктъ изъ морской воды, не достааетъ солнечной теплоты, которою Средиземное море пользуется даромъ.

Въ то время, какъ иностранные корабли нагружаются рыбою, которую укладываютъ весьма страннымъ образомъ, нордландскія яхты нагружаются въ свою очередь въ возвратный путь такимъ разнороднымъ хламомъ, о которомъ не имѣетъ понятія самая домовитая хозяйка и самый требовательный поварь. Крайній норвежскій сѣверъ не производитъ ничего, кромѣ рыбы и жира, поэтому всѣ жизненные припасы должны быть доставляемы съ юга, какъ для бѣднѣйшей хижины, такъ и для запасливаго купеческаго дома; а такъ какъ люди тамъ слишкомъ бѣдны для того, чтобы дѣлать разомъ большія закупки, то существованіе сѣвернаго жителя всецѣло зависитъ отъ свободнаго плаванья въ этихъ моряхъ. Нельзя себѣ представить, какъ ужасна можетъ быть для жителей этой мѣстности, напримѣръ, долгая блокада вслѣдствіе войны, и извѣстно, что во время большихъ войнъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, блокирующія суда, тронуты бѣдствіемъ блокируемыхъ, пропускали къ нимъ иногда съѣстные припасы.

Кромѣ музея, мы посѣтили красиво расположенный госпиталь для больныхъ проказою, который показывалъ намъ докторъ Даніельсенъ, директоръ этого заведенія. Это свѣтлое, веселое, со всѣхъ сторонъ открытое зданіе поднимается надъ маленькимъ озеромъ, о которомъ мы упоминали прежде и представляетъ весьма красивый видъ на городъ и гавань. Комнаты большія, не только хорошо, но даже богато убранныя, содержатся хорошо и чисто; но видъ больныхъ по истинѣ ужасенъ и, несмотря на то, что между нами нѣкоторые были какъ-бы застрахованы наукой и дипломомъ отъ подобныхъ впечатлѣній, мы не могли удержаться отъ содроганья, выйдя на чистый воздухъ изъ этихъ ужасныхъ сферъ. Еще не рѣшенъ вопросъ, какимъ образомъ голодъ, нищета, тяжелый трудъ въ бурю и непогоду, гадкая пища и пренебреженіе всякой заботливости о чистотѣ, производятъ въ этихъ прибрежныхъ мѣстностяхъ такую ужасную болѣзнь; но извѣстно, что эта эпидемія проявляется въ чрезвычайныхъ размѣрахъ и что можетъ быть до 100,000 человѣкъ на протяженіи всего берега вплоть до самого Дронтгейма

болѣнн ея. Эта болѣзнь, которую считаютъ за истинную проказу, за Лерга среднихъ вѣковъ, не заразительна; но она зачастую свирѣпствуетъ въ семействѣ до тѣхъ поръ, пока не перегубить всѣхъ его членовъ. И къ несчастью, она проявляется обыкновенно въ такомъ возрастѣ, когда люди, которые уже имѣли ее въ крови, произвели уже потомство и передали ее своимъ дѣтямъ. Мы видѣли также и нѣсколько дѣтей въ госпиталѣ и Даніельсенъ полагалъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ можно считать выздоровѣвшими, между тѣмъ, какъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ наука можетъ только облегчить, но не выдѣлать человѣка, заболѣвшаго этой болѣзью.

Отличаютъ два вида болѣзни: пятнистую и шишковатую. Въ первой болѣнне имѣютъ свѣжій и здоровый видъ и только рѣдкія красноватая пятна, которыя появляются тамъ и сямъ на тѣлѣ и бывають такъ неясны, что ихъ можно открыть только при самомъ внимательномъ изслѣдованіи, даютъ знать о врагѣ, который уже работаетъ внутри. Страшнѣйшія боли пронизывающіе тѣло и отдѣльные его члены, возбуждаютъ глубокое внутреннее разстройство периферическихъ нервовъ, неудержимо возрастающее и поражающее сначала чувствующіе нервы. Внѣшнія ощущенія притупляются, пораженная часть тѣла становится наконецъ совершенно безчувственною, между тѣмъ какъ внутри ея боли продолжаютъ и суставы страшно сводятся. Эти корчи, появляющіяся и въ другихъ нервныхъ болѣзняхъ, доходятъ до ужасающей степени и кончуются постепеннымъ омертвѣніемъ и антоновымъ огнемъ въ оконечностяхъ. Суставы отдѣляются и среди несказанныхъ мукъ это постепенное омертвѣніе подступаетъ къ позвоночному столбу, пока наконецъ смерть не закончитъ драмы, которая тянется иногда десятки лѣтъ. Какъ незамѣтенъ этотъ пятнистый видъ болѣзни при первомъ своемъ появленіи, такъ же упорно противится онъ до сихъ поръ всѣмъ попыткамъ къ излѣченію.

Гораздо ужаснѣе въ своемъ внѣшнемъ проявленіи шишковатая форма, которая однако кончается иногда выздоровленіемъ посредствомъ нагноенія. Толстая, твердая шишка появляется на всѣхъ частяхъ тѣла и больше всего на лицѣ, лопаются, разрастаются съ отвратительнымъ гноестеченіемъ, обезображивающимъ лицо самымъ страшнымъ образомъ. Но внутреннія боли и разстройство нервовъ далеко не такъ значительны, какъ въ пятнистой формѣ и поло-

женіе больныхъ гораздо сносите, не смотря на видѣнное безобразіе.

Мы оставались въ этой обители страданія не дольше, какъ сколько было необходимо и отправились оттуда къ художнику Лостингу, который съ такимъ мастерствомъ нарисовалъ гравюры къ большому сочиненію объ этой замѣчательной болѣзни, изданному докторомъ Даніельсеномъ, въ сообществѣ съ профессоромъ Вѣкомъ въ Христианіи. Этотъ даровитый художникъ показалъ намъ еще нѣсколько акварельныхъ рисунковъ изъ своего портфеля, которые представляли тотъ же сюжетъ въ различныхъ формахъ, но доказалъ намъ также, что онъ не ограничивается однимъ изображеніемъ страждущей человѣческой природы, а предается и другимъ отраслямъ искусства. Лостингъ завѣдуетъ маленькимъ собраніемъ художественныхъ произведеній, которыми обладаетъ Бергенъ; оно заинтересовало насъ тѣмъ болѣе, что могло дать намъ понятіе о новѣйшемъ искусствѣ норвежцевъ.

Только съ недавняго времени стали обращаться къ этой странѣ, какъ источнику художественнаго вдохновенія, частью нѣмецкіе мастера, а частію и норвежскіе художники, послѣдователи преимущественно дюссельдорфской школы. Мы видимъ норвежскія побережья и фьорды, полуночныя солнца и лунныя сіянія въ достаточномъ количествѣ на всѣхъ выставкахъ и повидимому еще во многихъ мѣстахъ держатся того мнѣнія, что Норвегія — страна пейзажей и представляетъ художнику больше красивыхъ видовъ, чѣмъ всякое другое мѣсто. Если же ближе осмотришь страну, то скоро убѣдишься, что изъ всѣхъ извѣстныхъ европейскихъ горныхъ странъ Норвегія представляетъ всего меньше для художника; здѣсь, больше чѣмъ гдѣ-нибудь онъ долженъ искать и прибавлять своего собственнаго, чтобы произвести что нибудь порядочное. Къ этому надо прибавить еще, что все спеціально норвежское въ пейзажѣ вообще не соотвѣтствуетъ представленію, которое составляютъ себѣ объ этой странѣ, такъ какъ прекрасное въ природѣ встрѣчается и въ другихъ странахъ въ совершенно такой же формѣ, и вслѣдствіе этого норвежскій пейзажъ лишентъ прелести новизны и своеобразности. Есть великолѣпныя мѣстности въ Норвегіи, которыя — въ одномъ мѣстѣ смѣлостью горныхъ вершинъ, разорванными отрогами, глубокими ущельями и множествомъ водопадовъ — напоми-

наютъ Швейцарію; въ другомъ — обнаженными дикими скалами, вдаль уходящимъ кругозоромъ и горячими тонами неба и земли, — напоминаютъ Италію. Но обыкновенно мѣстности эти лишены контраста, производимаго очаровательною прелестью роскошной растительности или творческою рукою человѣческой цивилизаціи. Въ тому же красивые виды рѣдки и разсѣяны на большихъ пространствахъ, на которыхъ даже и гениальный художникъ напрасно искалъ бы вдохновенія для своей творческой дѣятельности. Специально норвежскаго въ пейзажѣ нельзя передать на полотнѣ; оно дѣйствуетъ только общимъ своимъ впечатлѣніемъ на того, кто самъ непосредственно созерцаетъ эту природу. Уже на Альпахъ художникъ вынужденъ сознаться самому себѣ, что величіе предмета совершенно исчерпываетъ его средства, и что ему врядъ ли когда удастся вызвать своею картиною то особенное, почти сладострастное, чувство сердечнаго трепета, которое овладѣваетъ зрителемъ такъ обаятельно и непреодолимо. Но на Альпахъ отдѣльныя вершины имѣютъ все-таки еще свою опредѣленно выраженную, индивидуальную фізіономію, свои самостоятельныя, имъ однимъ принадлежащія, подробности и группируются въ массы, которыя именно этимъ отпечаткомъ опредѣленнаго, индивидуальнаго характера даютъ художнику значительныя опорныя точки для творческаго воспроизведенія. Не то въ Норвегіи, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе посѣщаемыхъ туристами южныхъ частяхъ ея. Далеко протяженные хребты горныхъ цѣпей поражаютъ именно только этою величиной и протяженіемъ, этимъ однообразіемъ, преобладающимъ въ нихъ, этой ширью въ распредѣленіи отдѣльныхъ тоновъ и безконечно растянутыми массами свѣта и тѣни. Эти „Fielde“ на самомъ дѣлѣ поля, а не горы въ обыкновенномъ смыслѣ. Они только части одной безличной, равномерно выработанной, только тамъ и сямъ прорѣзанной глубокими впадинами платформы, и потому самому даже враждебны всякой попыткѣ художественнаго воспроизведенія.

Такимъ образомъ мы врядъ ли ошибемся, если не предскажемъ никакой великой будущности пейзажной живописи въ Норвегіи и выскажемъ даже убѣжденіе, что она должна будетъ въ скоромъ времени сойти съ высоты той задачи, какою задалась теперь. Отнюдь нельзя отрицать и въ области искусства того замѣчательнаго, даже поразительнаго развитія, какое видно въ Норвегіи во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ со времени ея самостоятельности и свобод-

ной формы правленія. Въ пейзажной живописи блестятъ почтенныя имена, Гуде и Мортонъ Мюллеръ (одну превосходную картину послѣдняго имѣетъ бергенскій музей) и множество молодыхъ художниковъ пребываетъ въ Дюссельдорфѣ и Римѣ. Великіе, необыкновенные таланты пробьютъ себѣ дорогу всюду, во всякой странѣ, и приобрѣтутъ извѣстность, и мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что знаменитые норвежскіе художники живутъ внѣ своей страны, изъ которой заимствовали большую часть своихъ сюжетовъ. Но таланты средней руки, которыхъ конечно больше, поддерживаются теперь уже только тѣмъ узкимъ патріотизмомъ, который считаетъ великодушнымъ все, что происходитъ изъ Норвегіи. И такое пониманіе, вполне законное во времена національнаго возрожденія, перейдетъ со временемъ въ болѣе трезвое воззрѣніе, которое будетъ признавать прекрасное прекраснымъ за его сущность, а не за его происхожденіе.

Мнѣ сдается, что и жанристъ — потому что вѣдь такой художникъ только и можетъ существовать въ наше время — долженъ чувствовать себя стѣсненнымъ въ Норвегіи точно также, какъ и пейзажистъ. Картины Тидеманда извѣстны и въ Германіи и вполне заслуживаютъ извѣстность, какою пользуются; но едва ли можно представить внутреннія душевныя состоянія, если онѣ не выступаютъ наружу посредствомъ внѣшняго проявленія. На фізіономіи насѣкомаго нельзя, какъ у человѣка, замѣтить выраженія боли, которую оно испытываетъ, потому что оно не можетъ ни двигать глазами, ни измѣнять черты лица. Крѣпкій панцырь, покрывающій его голову, представляетъ одинаковое выраженіе при радости и горѣ, при сильнѣйшемъ внутреннемъ движеніи и самомъ глубокомъ мертвенномъ снѣ. Почти тоже самое проявляется у норвежскаго народа; едва замѣтишь, какъ онъ двигается, а внутреннихъ его мыслей никогда не выдастъ ни одна черта наружной неподвижной маски. У южнаго человѣка всякому звену внутренней гальванической цѣпи мыслей соответствуетъ и движеніе органическаго телеграфа. Можно вовсе не слышать двухъ итальянцевъ, разговаривающихъ между собою, и вполне имѣть понятіе о чемъ они говорятъ; я знаю случаи, когда подслушивали тайные разговоры двухъ личностей посредствомъ телескопа и отгадывали все, о чемъ была рѣчь. Эти-то натуры и представ-

ляют настоящее поле для художника, такъ какъ онъ можетъ схватить всегда только одно мгновеніе. На сѣверѣ же, гдѣ семейная жизнь, равно какъ и работа, уходитъ внутрь дома и прячутся по возможности отъ всѣхъ постороннихъ взглядовъ, тамъ и жизнь индивида скрывается внутрь и выходитъ наружу ровно на столько, на сколько необходимо, чтобы ее поняли. Сѣверный житель едва открываетъ ротъ, когда говорить, его лицо не оживляется никакими жестами. Тидемандъ нарисовалъ превосходную картину, въ которой старый охотникъ рассказываетъ въ хижинѣ свое приключеніе съ волкомъ, котораго онъ убилъ. Охотникъ поднимаетъ правую руку; но глядя на картину чувствуешь, что это движеніе руки — прибавка, которую художникъ необходимо долженъ былъ позволить себѣ, чтобы сдѣлать сколько-нибудь понятною свою картину, и что старина, служившій моделью Тидеманду, безъ всякаго сомнѣнія сидѣлъ при разсказѣ объ опасности, которой онъ подвергался, также спокойно и неподвижно, какъ если бы онъ спрашивалъ у слушающей его женщины стаканъ пива или молока. Возможно ли, чтобы у такого народа, жизнь котораго разыгрывается нѣкоторымъ образомъ за ширмами неподвижности и безучастія — возможно ли, спрашиваемъ мы, чтобы изображающее искусство приняло значительные размѣры? Иногда приходится въ голову, что норвежскіе жанристы находятся въ положеніи того художника, который долженъ былъ написать обладателю нагой красоты завѣсу передъ нею, чтобы не оскорбить чувство приличія зрителя. „Напишите завѣсу сплошь: я вѣдь знаю, что находится за нею.“ Такъ и норвежскій жанристъ долженъ рисовать только завѣсы, а зритель долженъ знать, что находится за ними.

Сѣверное гостепримство не имѣетъ ничего подобнаго себѣ въ тѣхъ странахъ, въ которыя цивилизація приводитъ чужестранцевъ болѣе легкими путями сообщенія, и исполнено такого радушія, которому можно только удивляться, но нельзя отплатить. Хозяинъ, которому отрекомендуютъ гостя, совершенно исчезаетъ въ своемъ гостѣ; кажется, онъ живетъ только для него и готовъ всякую минуту исполнить малѣйшія желанія, какія можетъ имѣть гость. Надо остерегаться высказывать громко свое желаніе, которое дало бы поводъ хозяину оказать услугу; потому что подѣ

конец чувствуешь себя пристыженнымъ пожертвованіемъ времени и заботъ, какое оказываетъ хозяинъ. Такъ было и въ Бергенѣ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы останавливались; мы считали себя иногда въ нѣкоторомъ отношеніи счастливыми, когда были опять дома, на кораблѣ, который давалъ намъ возможность быть какъ можно меньше въ тягость нашимъ хозяевамъ.

Но нужна и здоровая натура, чтобы выдерживать сѣверное гостепріимство. Въ честь насъ былъ данъ большой обѣдъ, на который собрались у хозяина всѣ знатнѣйшіе граждане города. Высшіе чиновники всякаго рода, естествоиспытатели, купцы, пасторы и кандидаты помѣщались за длиннымъ столомъ, который чуть не ломился подъ тяжестью яствъ и питій. Удивительнымъ могло казаться намъ только то обстоятельство, уклоняющееся отъ нашихъ нравовъ и обычаевъ, что женщины, которыя всюду ставятся такъ высоко германскимъ племенемъ, занимали скромное мѣстечко за нижнимъ концомъ стола, а не составляли центра всего общества. Въ остальномъ же, здѣшніе обычая имѣютъ въ себѣ нѣчто патриархально-благодущное. Хозяинъ дома встаетъ и обращается къ своимъ гостямъ: добро пожаловать къ обѣду! и эти слова составляютъ знакъ общей атаки. Только что обнесли первое блюдо, какъ хозяинъ и хозяйка дома начинаютъ всячески поощрять гостей къ храброму натиску, даже требовать этого настоятельно. Почти постоянно обходить они столъ и истощаютъ все свое вкрадчивое краснорѣчіе на то, чтобъ убѣдить гостя взять еще и еще. Мужское общество въ это время ближе знакомится съ винами, которыя очень хороши, но большею частью тяжелы и горячительны. Хозяинъ дома встаетъ и въ пышной рѣчи провозглашаетъ здоровье тѣхъ почетныхъ гостей, въ честь которыхъ устроенъ обѣдъ. Гости, разумеется, худо-ли, хорошо-ли, должны отвѣчать, потому что на нихъ имѣютъ въ это время большія притязанія. Каждый, сидящій за столомъ, полагаетъ, что погрѣшнить противъ обычая, если не осушить стакана съ каждымъ почетнымъ гостемъ, или не выпеть „Skål“, какъ здѣсь выражаются „Skål г. N. N“, слышится съ одного конца стола и видишь сіяющее улыбкою лицо, которое держитъ въ рукѣ стаканъ бордо. Скорѣе наполняешь свой стаканъ и отвѣчаешь: „Skål господинъ“ и а tempo исчезаетъ вино въ стаканѣ. Но уже другой поднимаетъ свой стаканъ хереса, третій

стаканъ портвейна и, если — полный боязливаго сомнѣнія на счетъ возвращенія на корабль и головной боли съ похмѣлья — попытаться углубиться всецѣло въ свою тарелку, то сосѣдъ легкимъ толчкомъ локтя навѣрное не преминетъ обратить ваше вниманіе на зачинщика, пьющаго „Skål“. Такимъ образомъ каждый долженъ подобно Леониду при Термопилахъ, выдерживать нападеніе въ двадцать разъ бѣльшей силы, передъ которой не помогутъ никакая стратегическая уловка и никакое правильное отступленіе. Наконецъ бросаешься въ бой съ храбростью отчаянія, не отводишь удары, а раздаешь ихъ на всѣ стороны; вызываешь на всевозможныя оружія: портвейнъ, бордо, рейнвейнъ, хересъ и шампанское — „Alles durcheinander, wie Mäusedreck und Koriander“ *), какъ говаривалъ бывало Негеле въ Гейдельбергѣ. Уже не думаешь ни о будущемъ, ни о мучительной головной боли и мигрени, которыя непремѣнно появятся завтра, а воодушевляешься только боемъ и побѣдой и поддержаніемъ національной чести противъ сѣверныхъ богатырей. На мгновеніе бой умоляетъ, послѣ того, какъ онъ свирѣпствовалъ нѣсколько часовъ сряду. Каждый перешилъ „Skål“ со всѣми нѣсколько разъ, такъ что вычисленіе привело бы къ безконечнымъ квадратнымъ числамъ, какъ на шахматной доскѣ. Всѣ встаютъ, подають руку хозяину и хозяйкѣ дома, говоря „на здоровье“ и выражая свою благодарность за обѣдъ. Бофе и сигары успокаиваютъ нѣсколько сердца. Но скоро выступаетъ свѣжее войско: различные ликеры, водки, гроги бѣльшей или мѣньшей тяжести, теплые и холодные пунши — однимъ словомъ, разнообразіе спиртныхъ напитковъ, о которыхъ мы не имѣемъ и понятія на югѣ.

Какъ мы пришли домой? — неизвѣстно, только слабо мелькаютъ въ памяти шаткія дороги, шаткія тропинки, шаткія лодки и шаткіе корабли.

Слѣдующее утро застало насъ въ морѣ.

*) «Все въ перемежку, какъ мышія калъ и кишинецъ.»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Изъ Бергена черезъ Мольте въ Несъ.

Бергенъ принялъ свой обыкновенный видъ въ послѣдніе дни нашего пребыванія: за истинно-тропической жарой послѣдовала постоянная дождливая погода. Вѣтеръ былъ сильный, когда мы снялись съ якоря; но онъ дулъ съ югозапада, почти прямо намъ въ спину и былъ крайне благопріятенъ для нашего плаванія. Мы летѣли со скоростью парохода по узкимъ фьордамъ, поверхность которыхъ была покрыта только легкой зыбью, и уже такъ сдружились съ нашимъ кораблемъ, что принимали живѣйшее участіе въ его скорости и весело рукоплескали, когда нагоняли какую-нибудь съверную яхту, перегоняли ее, и вскорѣ теряли изъ виду. Мы дѣлали 10, даже 11 узловъ въ часъ, и движеніе корабля отъ этого нисколько не дѣлалось неприятнымъ; черезъ четыре часа мы вышли въ открытое море, которое имѣло издали видъ не совсѣмъ привлекательный. Волненіе было сильное, рѣзкій вѣтеръ гналъ бѣлую пѣну по поверхности, и на горизонтѣ висѣли грозныя тучи. Одинъ за другимъ потихоньку исчезали съ палубы, гдѣ мы до этого сидѣли, весело разговаривая и покуривая сигары, и старался сопротивляться осиливавшей его морской болѣзни въ горизонтальномъ положеніи. У меня на этотъ разъ не дошло до обыкновеннаго результата, но я находился въ со-

стояніи ребенка, котораго укачивали впродолженіе нѣсколькихъ часовъ, да еще сверхъ того дали макового соку. Въ полуснѣ, не вполне сознавая то, что вокругъ меня происходитъ, я дремалъ сначала на палубѣ, потомъ, когда начался сильный дождь и буря, въ моей каютѣ до слѣдующаго утра, когда мы снова вошли въ болѣе спокойныя фьорды у Аалезунда и качка нѣсколько уменьшилась. Впродолженіе ночи, мы, при самомъ благопріятномъ вѣтрѣ, прошли значительную часть пути, проплыли мимо маяковъ Штадтланда и Рундб, указывающихъ кораблямъ дорогу и достигли рано утромъ спокойныхъ водъ у входа въ Мольдефьордъ, который и былъ временною цѣлью нашего плаванія. Во многихъ путешествіяхъ—и въ особенности у Мюгге, говорится съ такимъ увлеченіемъ о картинныхъ окрестностяхъ Мольдефьорда, что одного этого было достаточно, чтобы направить сюда нашъ путь. Кромѣ того Мюгге видѣлъ здѣсь громадныя стаи медузъ и описалъ ихъ такъ привлекательно, что я не могъ не сдѣлать заключенія о нѣкоторомъ богатствѣ морскихъ животныхъ въ этомъ заливѣ. Даніельсенъ и Коренъ подтвердили намъ въ Бергенѣ это предположеніе. Они пробывши здѣсь съ Зарсомъ нѣсколько недѣль въ предшествующемъ году и добыли изъ морской глубины богатую добычу. „Можетъ быть вы будете такъ счастливы,“ сказалъ мнѣ, смѣясь, Даніельсенъ, „что увидите во время вашего пребыванія въ Мольде и морскаго змѣя, специальная родина котораго находится именно въ этомъ фьордѣ. Окрестные жители Мольдефьорда считаютъ его своею движимою собственностью, и изъ десяти члвкъ въѣзъ найдется по крайней мѣрѣ одинъ, который готовъ божиться, что онъ видѣлъ, какъ змѣй вынырнулъ вблизи его лодки, съ страшными глазами, вздымался гребнемъ и извивался змѣеподобными движеніями,—но къ счастью проплылъ мимо его на нѣкоторомъ разстояніи. Намъ, сѣвернымъ естествоиспытателямъ, еще не выпало на долю счастье познакомиться съ нимъ лично и впередъ придется вѣроятно знать о его существованіи только по однимъ слухамъ. Но иностранцы видятъ въ Норвегіи столько такихъ вещей, которыхъ не знаютъ туземцы, что вамъ можетъ быть и удастся видѣть морскаго змѣя не только умственнымъ, но и тѣлеснымъ окомъ.“ Мы спросили, нельзя ли достать въ Бергенѣ нѣсколько экземпляровъ „Constitutionnel’я, который былъ

бы такъ удобенъ для закрыванья морскаго змѣя, и готовились убить чудовище большою винтовкою капитана.

Вѣтеръ почти совершенно стихъ, когда мы были вблизи Аалезунда, маякомъ котораго служить конусообразная гора, называемая Сахарной Головой (Zukkertoppen). Корабль двигался такъ тихо и такимъ ровнымъ ходомъ, что мы рискнули бросить неводъ. Я потому говорю — рискнули, что когда корабль движется даже очень тихо, тообладаетъ все-таки такою страшною силою, вслѣдствіе своей массивности, что веревки, которыя держатъ неводъ, мгновенно рвутся, когда встрѣтится какое-нибудь сопротивленіе. И какъ легко можетъ случиться, что камень или скала образуютъ на днѣ моря выступъ, за который можетъ зацѣпиться неводъ, то отцѣпить его возможно только обратнымъ движеніемъ корабля.

Мы были счастливѣе нежели могли бы ожидать. На глубинѣ 20 фут. былъ плотный песчаный грунтъ, усыянный раковинами, червями, морскими звѣздами и морскими ежами. Въ особенности же обрадовались мы, нашедши нѣсколько морскихъ кубышекъ или голотурій, такой величины, какой я не видалъ и въ Средиземномъ морѣ. Ихъ было нѣсколько видовъ, и у одной изъ нихъ спина была такого великолѣпнаго краснаго, какъ киноваръ, цвѣта, что Гассельгорстъ не могъ удержаться и посвятилъ ей одинъ изъ своихъ большихъ своихъ листовъ, на которомъ она красуется теперь въ натуральную величину и въ полномъ блескѣ красокъ. Не смотря на то, что самый лучшій экземпляръ былъ такъ длиненъ, что не могъ вытянуться въ самомъ большомъ сосудѣ нашемъ, все таки въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ онъ чувствовалъ себя повидимому очень хорошо. То онъ вытягивалъ свои щупальца, похожія на капустный листъ и стоящія вѣнцомъ кругомъ рта, тихо и осторожно ощупывалъ ими кругомъ и высовывалъ ихъ наконецъ съ такимъ напряженіемъ, что самые тонкіе концы надувались въ видѣ пуговокъ. То онъ расправлялъ свои ложноножки (pedicellaria), стоящіе въ рядъ на болѣе свѣтлой сторонѣ живота, и двигалъ ими тихо по дну сосуда, между тѣмъ какъ изъ задняго круглаго отверстія струя воды то выбрасывалась съ значительной силою, то снова стремилась внутрь. Другіе еще долго наблюдали эту жвняющуюся игру жизни, между тѣмъ какъ я уже давно вернулся къ своему микроскопу, чтобы срисовать тамъ одно

ракообразное, котораго я еще не зналъ и которое, казалось, принадлежало къ семейству дафнидъ. Прозрачная овальная оболочка около трехъ миллиметровъ длины, хрупкая какъ стекло и значительно выгнутая, окружаетъ красивое маленькое животное, которое весело выглядываетъ своими темно-коричневыми, рядомъ стоящими глазами въ водный мiръ, въ которомъ оно проворно двигается своими длинными плавательными щупальцами и короткими ножками. Къ несчастью намъ попались только два экземпляра, такъ что нельзя было рассмотреть внутренней организаціи, ибо животное очень мало и оболочка очень хрупкая; но мы старались воспользоваться тѣмъ, что было у насъ, и такъ какъ отсутствіе вѣтра позволяло спокойно работать на палубѣ, то можно было, по крайней мѣрѣ, вполне изучить всѣ части, необходимыя для классификаціи и срисовать ихъ.

Вдругъ подходитъ одинъ изъ спутниковъ и приноситъ странное существо, которое онъ нашелъ, говоритъ, въ одномъ изъ сосудовъ. „Посмотрите-ка, профессоръ, на курьезнаго желтаго червяка, который закрутился въ клубокъ, укрѣпился тонкими нитями въ своихъ извивахъ и имѣетъ на одномъ концѣ прозрачную прицѣпку, который постепенно извивается и крутится, какъ перерѣзанный дождевой червь? Что-бы это было за странное животное? Я никогда еще не слыхалъ о такомъ червѣ.“

„И я тоже,“ отвѣтилъ профессоръ, бросивши бѣглый взглядъ на такъ называемаго червя. Потомъ онъ начинаетъ бормотать: „Такъ эти бестіи уже успѣли себя выдавить! Положите же скорѣе оставшіяся голотуріи въ спиртъ, чтобы спасти по крайней мѣрѣ нѣкоторыя внутренности.“

„А мой червь, профессоръ?“

„Ну да, вашъ червь не болѣе какъ выдавленные кишки голотуріи. У этихъ бестій привычка: какъ только ихъ поймутъ, такъ они начинаютъ извиваться и корчиться, сдавливать себя до тѣхъ поръ, пока оторвется кишка у глотки; тогда онѣ выбрасываютъ ее изъ задняго отверстія съ висящимъ при ней такъ называемымъ легкимъ.“

„Это — внутренности?! Посмотрите-ка, какъ это вертится, извивается и сжимается; тутъ должна быть самостоятельная жизнь.“

„Да, на нѣкоторое время. Развѣ вы не видѣли, какъ сокращаются мускулы только что убитаго животнаго? То же самое явленіе повторяется и здѣсь. Это прозрачное легкое, прикрѣпленное къ кишкѣ, обладаетъ способностью сокращенія впродолженіе нѣсколькихъ дней, оно извивается и корчится до тѣхъ поръ, пока его ткань не станетъ разлагаться и не начнетъ гнить. Посмотрите сами: здѣсь на верху виситъ у кишки мѣшечекъ, похожій на желтую бобовую шелуху и часто такъ сильно сокращающійся, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видны стягивающія нити. Вы видите такой же оторванный мѣшечекъ, свободно лежащій въ водѣ; это не болѣе, какъ ячичникъ, который оторвался при сильномъ сокращеніи отъ мѣста своего прикрѣпленія и выброшенъ теперь животнымъ. Посмотрите: я разрѣзаю его и оттуда выходятъ бѣлыя зернышки. Подъ микроскопомъ вы сейчасъ же убѣдитесь, что эти зернышки — яйца, желтокъ которыхъ уже потерпѣлъ нѣкоторыя перемѣны.“

Въ то время, какъ мы заняты своею добычей, корабль плыветъ медленно мимо острова Гудѣ въ узкій входъ Мольдефьорда. Горныя очертанія дѣлаются величественнѣе, выступаютъ болѣе рельефно, принимаютъ болѣе альпійскій, швейцарскій характеръ. Между тѣмъ, какъ я рисую въ альбомѣ абрисъ горы, которая имѣетъ поразительное сходство съ Модемъ у Женевы, Грессли указываетъ мнѣ другую сторону фьорда, весьма похожую на Бекенридь, у озера четырехъ кантоновъ. Иногда мы подходимъ такъ близко къ голымъ скаламъ, что можемъ различать бугры, шлифы и полосы, которые принимаются за неопровержимые признаки прежде бывшихъ глетчеровъ. Островъ Гудѣ отличается прекрасной террасой, простирающейся далеко въ море съ едва замѣтной пологостью; одинъ край ея значительно поднятъ моремъ, между тѣмъ какъ на другой сторонѣ она примыкаетъ къ зубчатымъ горамъ. Терраса весьма плодородна, она покрыта великолѣпной зеленью, а мѣстами и пашнями, примыкаетъ къ крутоспускающимся горамъ легкимъ откосомъ, уходя въ море плоскою косою, на концѣ которой выстроены маякъ Гогстенъ. При проѣздѣ мы замѣчаемъ, что терраса состоитъ изъ горизонтальныхъ слоевъ песку, хряща и галекъ; значить вода принимала дѣятельное участіе въ ея образованіи. Кажется также, что она продолжается и на противоположномъ берегу фьорда — обстоятельство, говорящее въ пользу

мнѣнія, что уровень моря былъ здѣсь прежде значительно выше и мало по малу понижался. Это не удивительно, потому что явленія, указывающія на постепенное пониженіе морскаго уровня, или вѣрнѣе, на постоянное, медленное поднятіе норвежскаго материка изъ моря, уже достаточно извѣстны. Мы надѣемся скоро изслѣдовать эти террасы въ часы досуга съ нашей яворной стянки и плывемъ дальше въ Мольдефьордъ.

Утромъ 14-го іюня мы уже были въ виду Мольде, красные дома котораго ласково блестяли черезъ широкій фьордъ; но вдругъ наступилъ полнѣйшій штиль и корабль, подхваченный водоворотами на различныхъ глубинахъ, началъ снова то скучное круженіе, съ которымъ мы уже достаточно познакомились въ Бергенѣ. Тутъ не доставало только товарищей въ несчастіи — яхтъ и шкунъ, которыя вертѣлись бы за одно вмѣстѣ съ нами; только нѣсколько рыбачьихъ лодокъ скользило на большомъ разстояніи мимо насъ, подъ сильными ударами весель. „Вотъ вамъ и парусное судно!“ восклицаетъ Гассельгорстъ. „Одинъ гамбургскій купецъ, посѣщавшій Норвегію, рассказывалъ мнѣ, что англійскія яхты гниютъ иногда цѣлыя мѣсяцы на жарѣ въ какомъ-нибудь несчастномъ фьордѣ до тѣхъ поръ, пока вѣтеръ не выручитъ ихъ или не прекратитъ ихъ существованія, разщепляя ихъ о скалы. Какъ бы съ нами того же не случилось!“ Но не смотря на свое ворчаніе, онъ все-таки повинуется необходимости и всецѣло предается наслажденію красотою великолѣпнаго вида, абрисъ котораго Грессли съ неутомимымъ жаромъ заноситъ на свой длинный свертокъ бумаги.

Нашъ достойный геологъ, кажется, намѣренъ въ самомъ дѣлѣ ввести новый принципъ въ теорію пейзажа. Можно назвать этотъ принципъ просто принципомъ безконечной понораны. Не заботясь о томъ, движется ли корабль или стоитъ, переимѣняется ли мѣсто наблюденія или нѣтъ, Грессли прислоняется то тамъ, то здѣсь къ борту со своей зрительной трубой и рисуетъ очерки, которые примыкаютъ одинъ къ другому, сливаются въ одну длинную линію, обходятъ фьорды, уходятъ въ море, проникаютъ въ глубь страны и все растягиваются въ длину, куда бы ни шелъ нашъ путь. У насъ уже готова непрерывная панорама отъ Ставангера чрезъ Хегезундъ въ Бергенъ, чрезъ Статландъ и Аалезундъ въ Мольде, на разстояніи четырехъ слишкомъ градусовъ широты, и если дѣло

будетъ такъ продолжаться, то, съ божіею помощію, безконечный свертокъ бумаги истощится прежде, чѣмъ мы достигнемъ Нордкапа.

Усталые отъ круженья, стоимъ мы нѣсколько времени на якорѣ и намѣреваемся сойти на берегъ, какъ вдругъ снова поднимается вѣтерокъ, который приноситъ насъ еще до полудня къ желанной стоянкѣ, къ городку Мольде.

Мѣстность въ самомъ дѣлѣ великолѣпная. Деревянные домики веселаго городка, встаютъ изъ тихой воды, на 'склонѣ довольно крутой горы, покрытой тамъ и сямъ чудеснымъ, хотя и низкимъ, лѣсомъ, среди котораго видны роскошные луга, даже нѣсколько садовъ и нивъ, засѣянныхъ ячменемъ. Колыхающихся хлѣбныхъ полей, и садовъ полныхъ фруктовыми деревьями, которые видѣла здѣсь фантазія Мюгге, мы открываемъ, правда только слабыя слѣды, но великолѣпная панорама фьорда настолько приковываетъ насъ, что мы забываемъ объ этихъ маленькихъ ошибкахъ.

У насъ уже 14 іюня, а горы на видъ такія, какъ въ Швейцаріи въ маѣ или апрѣлѣ. Снѣгъ лежитъ въ углубленіяхъ и ущельяхъ ближайшихъ горъ, едва достигающихъ высоты 1000 фут., вплоть до самаго уровня моря; а отроги на заднемъ планѣ, покрыты кажется не только снѣгомъ, но скрываютъ даже настоящіе глетчеры. Самый фьордъ представляетъ широкое водное пространство, которое тянется на востокъ, югъ и западъ мили на четыре и являетъ удивительное пестрое смѣшеніе красокъ и отраженій. Острова, лежащіе на переднемъ планѣ, невысоко поднимаются надъ уровнемъ воды своими округленными формами и поросли большею частью низкимъ сосновымъ лѣсомъ. Въ отдаленіи безчисленныя вершины, острія и зубцы высятся другъ надъ другомъ и напоминаютъ свою формою самыя смѣлыя альпійскія скалы, но производятъ живописнаго впечатлѣнія вслѣдствіе своей отдаленности, также какъ и далеко тянущаяся панорама Альпъ, какую видишь напр. изъ Нейенбурга. „Я не знаю фьорда болѣе красиваго и болѣе богатаго красотою природы, нежели Мольдскій“, говоритъ одинъ писатель; „еслибъ художникъ срисовалъ его, то возбудилъ бы удивленіе.“ Первая фраза пожалуй вѣрна; вторая же доказываетъ непониманіе задачи пейзажнаго искусства. Если бы кто вздумалъ срисовать фьордъ, то на картинѣ въ 20 футовъ длины всѣ эти великолѣпныя горы, смѣлыми очертаніями которыхъ мы восхи-

щаеся, были бы — по большей мѣрѣ — въ дѣйствѣ величиною и не произвели бы никаго впечатлѣнія на зрителя. Нарисовать же отдѣльныя части фьорда — это задача, за которую можетъ взятыся художникъ и которую, какъ мы знаемъ, нѣкоторые и исполнили съ успѣхомъ.

Городокъ Мольте на видъ кажется даже зажиточнымъ и такъ какъ достатокъ выражается всегда въ устройствѣ жилищъ, то мы и видимъ здѣсь по крайней мѣрѣ начало значительнаго ихъ улучшенія, напр. у нѣкоторыхъ, почти въ самое море выдающихся амбаровъ, которые очень живописно выдѣляются своимъ темнымъ колоритомъ на далекой, нѣжной лазури неба, горъ и моря, придѣлано нѣсколько колоннъ къ фронтону, вмѣсто прямыхъ бревенъ, какія мы видѣли въ Бергенѣ и Ставангерѣ. Мы рассматриваемъ пока городокъ только съ рейда и заняты приготовленіями къ охотѣ и рыбной ловлѣ на ближайшихъ островахъ.

Голыя скалы кишатъ птицами. Маленькія крачки (*Sterna*) съ длинными заостренными крыльями, скорый взмахъ которыхъ словно подталкиваетъ на лету ихъ маленькое тѣлцо, выются стаями вокругъ чаекъ и кривонокъ, которыя живутъ на самыхъ скалахъ.

Охотники зарятся въ особенности на кривонокъ; ихъ красный клювъ и ноги кажутся имъ чѣмъ то необыкновеннымъ. Они встрѣчаются рѣже чаекъ, держатся всегда попарно и, какъ, кажется, очень хорошо знаютъ опасность, которая имъ угрожаетъ, потому что почти всегда держатся вѣв выстрѣла. Охотники употребляютъ всевозможныя хитрости, подкрадываются изъ за скалъ, одинъ съ правой стороны, другой съ лѣвой, прячутся за большими камнями, бѣгають и скачуть, какъ будто бы дѣло шло о потерѣ дворянскаго достоинства; но каждый разъ, какъ охотникъ начинаетъ прицѣливаться, раздается меланхолическое: „туть, тутъ!“ и птица несется по водѣ на другую высокую скалу, съ которой ей видна грозящая опасность.

Мы вѣхали на лодкѣ въ мелкую бухту; песчаное дно ея покрыто водорослями, похожими на густой кустарникъ, плоскія, широкія листья которыхъ достигаютъ поверхности. Для невода здѣсь мало добычи. Съ лодки можно видѣть все, что происходитъ въ прозрачной водѣ, можно наблюдать нѣжныхъ колокольчатыхъ (*Campanularia*), какъ онѣ, прикрѣпившись кучками къ

листьямъ водорослей, расширяются и играютъ своими щупальцами въ водѣ; можно увидѣть тамъ и самъ морскую звѣзду, когда она тихо ползетъ по дну съ выгнутыми лучами. Гресси подбираетъ платье и ловитъ раковъ между камнями; остальные же спутники расположились на мягкомъ мху подъ тѣнью деревь и вкушаютъ *dolce farniente*; художникъ выбралъ себѣ живописное мѣстечко и набрасываетъ эскизъ. Его красная блуза служитъ сборнымъ пунктомъ для охотниковъ, которые разсѣялись по всѣмъ направленіямъ.

Вечеръ великолѣпенъ. Бухта лежитъ уже глубоко въ тѣни, такъ что тутъ преобладаютъ коричневые и темно-фіолетовые цвѣта, тогда какъ фіордъ блеститъ въ яркомъ сіяніи заходящаго солнца. Легкій паръ, который не предвѣщаетъ ничего хорошаго на завтра, покрываетъ небо и горы прозрачной дымкой тумана. Всюду тихо, пустынно и торжественно; въ такія минуты вспоминаются мѣстности, прежде видѣнныя, которыя сравниваешь съ этою; вспоминаются и милые сердцу, сокрушающіеся въ заботахъ о нашемъ благополучномъ плаваніи.

Охотники мѣняются таинственными знаками и по отрывочнымъ ихъ восклицаніямъ можно заключить, что стая утокъ плыветъ черезъ бухту. Ужъ видно какъ нѣсколько крупныхъ птицъ, за которыми слѣдуютъ выводки, плывутъ по прямой линіи къ заднему плану бухты, гдѣ щелканье курковъ возвѣщаетъ, что ихъ ждетъ непріятная встрѣча. Вдругъ показывается изъ-за большого камня Гресси, похожій на морскаго бога, описаннаго у Гейне *). Онъ снялъ съ себя все платье, не исключая и рубашки и штановъ; при видѣ этого бѣлаго существа, громовымъ голосомъ возвѣщающаго охотникамъ, съ трепетомъ ждавшихъ появленія утокъ: Вотъ онѣ!—утки поварачиваютъ направо и уплываютъ со всевозможною скоростью изъ бухты. Онѣ держатся середины, и ярость охотниковъ раздражается нѣсколькими безвредными выстрѣлами.

Дождь начинаетъ накрапывать прежде, чѣмъ мы достигаемъ борта, но, несмотря на облачное небо, ночь въ этихъ широтахъ, (болѣе чѣмъ на 3 градуса ниже полярнаго круга) такъ свѣтла, что можно читать печатное даже въ полночь. Мы ложимся спать поздно, потому что долго обсуждали различные планы путешес-

*) На немъ была куртка изъ желтой фланели...

твіа и съ ужасомъ открываемъ, что приближается самый долгій день, а полярный кругъ съ полуночнымъ солнцемъ еще далекъ отъ насъ. Болѣе продолжительное пребываніе въ Мольде, дало бы, можетъ быть, богатую жизнь для зоологическихъ изслѣдованій, но мы начинаемъ сомнѣваться, можно ли будетъ тогда достигнуть крайняго сѣвера въ надлежащее время.

Маленькую бухту, называемую Gjötøpinen (козлиная мѣка), рекомендовали намъ наши друзья-натуралисты въ Бергенѣ, какъ особенно богатую морскими животными. На слѣдующій день послѣ обѣда мы беремъ большую лодку съ возможно большимъ количествомъ людей и плывемъ на западъ, чтобы достигнуть интересной бухты, входъ въ которую находится противъ большаго острова Отерѵ. Огромная птица сидитъ на скалѣ и кричитъ удивительно странно, съ замѣтнымъ усиленіемъ откидывая назадъ голову и вытягивая шею. Только въ минуту, когда она улетаетъ, мы признаемъ ее за вѵрона, который видимо имѣлъ намѣреніе предвѣщать намъ несчастіе. Сѣверъ вообще благословенъ птицами изъ породы вѵронъ. Большой вѵронъ, который у насъ теперь рѣдкость, встрѣчается здѣсь, наравнѣ съ галками и сороками, большими стаями вблизи деревень, городовъ и отдѣльныхъ дворовъ и считается даже столь вреднымъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Норвегіи назначена плата за каждаго убитаго вѵрона. Этотъ вѵронъ опустошаетъ въ особенности рыбныя сушильни составляющія необходимую принадлежность каждаго дома и истребляетъ такимъ образомъ у норвежцевъ запасы, въ которыхъ они крайне нуждаются зимою.

Птица была права. Неводъ отказался вовсе служить сегодня и, не смотря на усиленные старанія, такъ заворачивался и перепутывался отъ теченій, что не хваталъ дна. Бываютъ же въ жизни такіе дни, когда ломаешь и опрокидываешь все, что попадаетъ подъ руку, когда какое-то особенное несчастное созвѣздіе управляетъ всѣмъ, что предпринимаетъ! Такой день, казалось, и нынче стоялъ на нашемъ горизонтѣ. Охотники видѣли только издали нѣсколько большихъ утокъ, которыя уплыли отъ ихъ выстрѣловъ наканунѣ; зоологи напрасно искали рѣдкихъ животныхъ: только самое обыкновенное представлялось ихъ взглядамъ; художникъ, кажется, тоже былъ не совсѣмъ доволенъ мѣстами, на которыя взби-

рался. А все-таки жаль было расстаться съ этимъ мѣстомъ, потому что Грессли открылъ нѣсколько раковинъ и трубчатниковъ на днѣ мелкаго канала, почти высохшаго по случаю отлива; онъ слѣдилъ за ними удивительно усердно, такъ что самыя настоятельныя просьбы не могли убѣдить его отстать отъ этой вязкой охоты. Напрасно кричать, просить, даже ругаютъ его: онъ стоитъ себѣ какъ цапля на пруду съ согнутой шеей передъ кучкой песку, изъ которой раковина высовываетъ свои дыхательныя трубки, и выжидаетъ удобной минуты поддѣть ее на лопатку. У него есть уже дюжина этихъ раковинъ, но ему надо и тринадцатую,

потому что она можетъ представлять что-нибудь особенное. Хуже всего то, что Грессли недостижимъ. Бухта слишкомъ мелка, чтобы можно было пробраться на лодкѣ, и слишкомъ глубока, чтобы добраться до дезертира, не засучивъ панталонъ. Докторъ садится въ покорномъ смиреніи на скалу и ждетъ, вытянувши шею, съ ружемъ на колѣняхъ, воронъ, которая попрыгиваетъ на камнѣ на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Профессоръ же приходитъ въ свирѣпую ярость и переступаетъ границы умѣренности, отыскивая камень и пуская ихъ въ слишкомъ усерднаго естествоиспытателя, съ крикомъ: „Выходи вонъ! выходи сейчасъ вонъ!“ Только такими сильными понудительными мѣрами удается, наконецъ залучить отсталаго, сперва на землю, а потомъ и въ лодку.

За обѣдомъ, къ которому мы собрались послѣ экскурсіи, мы сидимъ всё въ совершенномъ уныніи. Мольдефьордъ уже не кажется намъ столь богатымъ животными и красотами природы, какъ мы сначала предполагали. Почти невозможно оставаться здѣсь долѣе, потому что съ каждымъ закатомъ солнца отрѣзывается у насъ часть скупо отмѣреннаго времени. Послѣ долгихъ споровъ мы рѣшаемъ отплыть какъ можно скорѣе, войти внутрь фьорда и начать оттуда путешествіе сухимъ путемъ черезъ Ромсдаленъ и Доврефилдъ въ Дронтегемъ; судно наше должно идти моремъ въ эту бывшую королевскую резиденцію. Но все это обсуждается не съ тою веселостью, какъ бывало прежде, ибо обманутыя надежды не сразу забываются. Профессоръ втихомолку сердится, когда вспоминаетъ, что можетъ упустить что-нибудь интересное для своихъ занятій; художникъ думаетъ о нѣкоторыхъ товарищахъ по искусству, которые собрали въ Мольде великолѣпные этюды и кромѣ того играли нѣкоторую роль въ обществѣ. И хотя всё видятъ необходимость послушаться голоса разсудка и сократить пребываніе въ Мольде, но все-таки считаютъ долгомъ внутренне роптать и протестовать противъ общаго рѣшенія.

Великіе люди всегда выказываются во времена всеобщаго унынія. Геройскій поступокъ восстанавливаетъ и укрѣпляетъ тогда довѣренность, ободряетъ духъ и оживляетъ снова общество. Трое Вильгельмовъ Теллей, которые должны были спасти насъ отъ малодушія и унынія, были на лицо. Докторъ, капитанъ и егеръ объявляютъ, что они рѣшились предпринять большую охоту ночью. „Мы должны добыть во что бы то ни стало, мертвыми или живыми“, говорятъ они, „этихъ большихъ утокъ, которыя снѣжались надъ нами такъ торжественно вчера и сегодня. Днемъ онѣ не подпускаютъ къ себѣ, ночью же мы накроемъ ихъ врасплохъ: онѣ должны же спать когда-нибудь и не могутъ же проводить всё 24 часа въ плаваніи. Такъ идемъ же и предадимся благородной охотѣ; можетъ быть покровитель охоты будетъ къ намъ сегодня благосклоннѣе вчерашняго фавна!“

Охота въ полночь! — оригинальное предложеніе развеселяетъ всёхъ, и охотники отправляются въ маленькой лодкѣ, сопровождаемые пожеланіями счастья. На другое утро они съ триумфомъ раскладываютъ передъ нами свою добычу. Три большія сѣрыя утки,

составляющія нѣчто среднее между уткой и гусемъ, и великолѣпная четвертая, съ бѣлой спиной, съ чернымъ брюхомъ и крыльями, съ бѣлымъ надплечьемъ и шеей, съ блѣдно-зелеными крапинами на щекахъ и съ черной хохлатой головкой — лежатъ на столѣ, подлѣ различныхъ кривокъ, чаекъ и акатокъ. „Я убилъ двухъ“, кричитъ одинъ изъ счастливыхъ Нимвродовъ. „Прошу извинить“, отвѣчаетъ другой, „это я ее убилъ.“ — „Помилуйте“, возражаетъ первый, „я попалъ въ нее, но эти бестіи всегда летятъ еще нѣсколько, прежде чѣмъ упадутъ, а въ это-то время вы и пустили въ нее нѣсколько дробиннокъ.“ — „Я могъ бы сослаться на того человѣка, который стоялъ недалеко на берегу“, возражаетъ противная сторона, „и смотрѣлъ на насъ въ зрительную трубу.“ — „Да, это чудной какой то человѣкъ“, вступается егеръ Губертъ, „едва мы приблизились къ острову, какъ онъ появился изъ лѣса съ своей длинной зрительной трубой, которую мы сначала приняли за оружіе, и слѣдовалъ за нами по пятамъ. Чего бы ему надо было?“

„Донести на васъ и општрафовать“, говоритъ профессоръ, который въ это время поднимается изъ каюты послѣ завтрака. „Развѣ вы не видите, что это гаги? Желтовато-сѣрыя—это самки, а красивый экземпляръ — самецъ. Развѣ вы уже совсѣмъ забыли, что намъ говорили еще въ Бергенѣ, что охота на гагъ запрещена, и что именно здѣсь, въ Мольде, одинъ предпримчивый купецъ получаетъ значительный доходъ отъ того, что устроилъ мѣста для высиживанія яицъ на принадлежащихъ ему островахъ во фьордѣ и держитъ сторожей, которые должны охранять яйца и птицъ? Развѣ вы забыли, что за каждую убитую гагу платятъ 50 талеровъ штрафа, а за каждый послѣдующій убитый экземпляръ штрафъ усиливается на 50 талеровъ? Ваша гениальная охота обойдется намъ въ 300 талеровъ, и весь вопросъ теперь только въ томъ, ктѣ этотъ несчастный, который убилъ этихъ послѣднихъ птицъ, потому что ему придется заплатить больше всѣхъ.“

Это было конечно раздуто. Законы не такъ строги въ Норвегіи. Но такъ какъ всѣ видѣли, какое впечатлѣніе произвела рѣчь профессора на охотниковъ, то и поспѣшили поддержать профессора въ его мрачныхъ предсказаніяхъ съ тѣмъ тавтоомъ, который проявляется въ обществѣ въ подобныхъ случаяхъ. Какъ прежде

каждый из охотников хотѣлъ доказать, что убилъ именно онъ, такъ теперь каждый старался убѣдить, что онъ плохой стрѣлокъ. Тихо и незамѣтно исчезли гаги съ палубы, на которой были прежде торжественно разложены. Каждую лодку, отчаливавшую отъ берега и направлявшуюся къ нашему кораблю, разсматривали издали: все посматривали — не сидитъ ли въ ней фатальный сторожъ гагъ съ длинной трубкой, или самъ владѣлецъ ихъ, жилище котораго намъ указали, или вообще человекъ, облеченный полицейскою властью. Съ лоцмана и матросовъ, которые видѣли гагъ, взяли торжественную клятву глубочайшаго молчанія, а повару, который хотѣлъ употребить къ столу одну изъ птицъ, слишкомъ разстрѣленную для того чтобы изъ нея можно было сдѣлать чучело, объяснили, что свѣжія гаги слишкомъ жирны на вкусъ и вслѣдствіе того необходимо должны повисѣть нѣсколько дней, пока ихъ можно будетъ ощипать.

Партія, желавшая поскорѣй оставить Мольде замѣтно усилилась. Къ несчастью вѣтеръ былъ противный и такимъ образомъ душевныя мученія полуночныхъ охотниковъ продолжались до полудня, когда наконецъ остановился у Мольде маленькій пароходъ „Romsdalen“, совершающій рейсы внутрь фьорда. Мы скоро сговорились съ капитаномъ, который обѣщалъ взять насъ на буксиръ на слѣдующее утро и доставить въ Несъ. Послѣ обѣденное время было употреблено на прогулку по берегу послѣ того, какъ мы вытащили неводомъ изъ песчанаго или гавани множество спатанговъ (*Spatangus*) и сердечекъ (*Cardium*); между тѣмъ какъ нашъ коммодоръ, преисполненный сознанія важности своей задачи, рѣшился заняться высшимъ мореходнымъ искусствомъ и выѣхалъ для этого одинъ на маленькой лодкѣ въ фьордъ, гдѣ онъ вскорѣ поднялъ парусъ и производилъ различныя эволюціи. Мы поднялись среди глазѣвшей на насъ школьной молодежи городка, тихонько въ гору; мы шли вдоль ручья, который приводитъ въ движеніе нѣсколько лѣсопильныхъ мельницъ въ самомъ городкѣ, ниспадая по кругло-обточеннымъ скаламъ, форма которыхъ, кажется, указываетъ на существованіе здѣсь въ былое время глетчеровъ. Хорошенькія лужайки съ деревянными домиками провожаютъ насъ до лѣска, гдѣ низвергается великолѣпный водопадъ, черезъ который переброшенъ пѣшеходный мостикъ, сложенный изъ

цѣльныхъ древесныхъ стволовъ. Эту красивую, чудную мѣстность хотятъ, кажется, употребить подъ паркъ. Скалы, между которыми пробирается ручей, заросли густымъ мхомъ, черникой и другими мелкими кустарниками. Сквозь нависшія березы видѣются вдали зубчатая горы, къ которымъ мы должны подойти завтра.

Послѣ продолжительнаго и покойнаго наслажденія природою мы возвращаемся наконецъ на бортъ, какъ разъ въ время, чтобы послать лодку съ рулевымъ и нѣсколькими опытными матросами за нашимъ коммодоромъ, съ которымъ усилившійся вѣтеръ сыгралъ довольно скверную штуку. Очевидно, что здѣсь, какъ и во многихъ швейцарскихъ озерахъ, воздухъ, охладившійся въ высшихъ слояхъ, падаетъ на поверхность воды, скользя по горнымъ отвѣсамъ. Такіе мѣстные вѣтры, извѣстные во французской швейцаріи подъ именемъ жоратовъ, поднимаются большею частью только къ вечеру, становятся сильнѣе вскорѣ послѣ солнечнаго заката и прекращаются обыкновенно около полуночи, когда установилось уже равновѣсіе атмосферы. Своей непостоянностью и внезапностью, эти вѣтры очень опасны для тѣхъ, кто не знаетъ мѣстности озера, и не одна барка пущена ими ко дну на Невшатальскомъ или Женевскомъ озерахъ.

Коммодоръ напрасно боролся съ вѣтромъ, который гналъ его все дальше въ фьордъ. Онъ пробовалъ лавировать, но чѣмъ болѣе старался приблизиться къ кораблю, тѣмъ дальше относил его отъ цѣли. Высланная нами лодка скоро догнала его и теперь, когда опытный рулевой взялся за дѣло, лодка прошумѣла противнымъ вѣтромъ прямо къ шкунѣ, которая медленно качалась на невысокихъ волнахъ.

Маленькій пароходъ „Ромсдаленъ“ взялъ насъ на буксиръ на слѣдующее утро и направился къ юго-западу въ глубину фьорда. Фьордъ становится замѣтно уже, горы съ обѣихъ сторонъ круче и обрывистѣе. Онѣ состоятъ изъ громадныхъ пластовъ гнейса и сланца, которыя высятся въ воздухѣ острыми зубцами и образуютъ вершины подобныя тѣмъ, которыя мы привыкли встрѣчать въ Швейцаріи. Иногда проходъ былъ такъ узокъ, что казалось, что пароходикъ съ большой шкуной на буксирѣ не протиснется. Грозно смыкались скалы за нами; гнѣвно выбрасывала труба передъ нашимъ бугшпритомъ густая облака дыма и, за каемъ-нибудь кру-

Ремдальсгофъ.

тнѣ поворотомъ, снова отрывался, какъ бы волшебствомъ, новый проходъ, который долженъ былъ пропустить насъ. Наконецъ показалась боковая бухта съ деревянными домиками и низенькой церковью въ углубленіи; раздался свистокъ, канатъ упалъ и пароходъ заплывалъ по направленію къ недалекому мѣстечку, а мы подняли паруса и пытались пройти сами пѣкоторое пространство, пока онъ снова не подошелъ и не взялъ насъ снова на буксиръ.

Такимъ образомъ мы, попеременно, то на парусахъ, то на буксирѣ, достигли того мѣста, гдѣ величественная Раума, или Ромсдальельфъ, вливается въ фьордъ, и гдѣ самъ заканчивается. Пароходъ повернулъ и бросилъ якорь; мы пронеслись нѣсколько дальше и остановились противъ жалкихъ домишекъ, расположенныхъ на песчаной косѣ, гдѣ нѣсколько рыбацкихъ лодокъ ожидало, кажется, начала прилива. Дома въ Несѣ, сказали намъ, лежатъ за возвышеніемъ и принадлежатъ большей частью зажиточному купцу, который приходилъ на нашъ корабль уже въ Мольте и предлагалъ намъ свои услуги для предстоящаго путешествія сухимъ

Ремдальсгундъ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

путемъ. Онъ увѣрялъ насъ, что у него есть достаточное количество лошадей, повозокъ и телѣжекъ, которыя готовы къ нашимъ услугамъ за самую дешевую цѣну, и нашъ корреспондентъ въ Мольде предлагалъ намъ согласиться на эти предложенія, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы можемъ ѣхать въ однихъ и тѣхъ же экипажахъ во все время нашего путешествія до Дронтгейма, и не будемъ вынуждены мѣнять ихъ на каждой станціи.

Наша якорная стоянка была великолѣпное мѣсто. Впередѣ лежала низменная коса, которая поднималась въ холмистую мѣстность, покрытую роскошною травою вплоть до подошвы могучей горной цѣпи, надъ которою высился Ромсдальсгорнъ съ своей раздвоенной вершиной. На востокъ простиралась спокойная бухта, Гисфордъ, въ глубинѣ которой крутыя горы смыкались въ долину, перерѣзываемую извилистою рѣчкой, бравшей начало, какъ казалось, въ глетчерахъ и снѣжныхъ полянахъ, спускавшихся до самой подошвы долины.

Тотчасъ по прїѣздѣ мы устроили прогулку черезъ Несъ въ глубь долины, изъ которой вырывается могущественная Ромсдаль-эльфъ. Со всѣхъ сторонъ стѣнной поднимаются зубчатые сланцевыя и гнейсовыя горы и образуютъ фантастическіе рога и острія, удивительно похожіе на знакомыя намъ формы въ Валлисѣ и горной цѣпи Монблана. Мы выходимъ скоро на большую дорогу, которая идетъ по холмистой мѣстности; на низменностяхъ видны топкія болотца съ ольхой по краямъ, а невысокіе холмы одѣты роскошною зеленью. Трефоль (*Menyanthes trifoliata*) цвѣтетъ въ тенистыхъ рвахъ, а на верху разрослись незабудки и другіе луговые цвѣтки нашей родины. Ромсдаль-эльфъ едва-едва подвигается: начавшійся приливъ гонитъ ее назадъ; чайки, вороны и турухтаны прогуливаются на ея песчаныхъ берегахъ. Мѣстность по ту сторону образуетъ почти плоскую поверхность, которая тянется съ едва замѣтнымъ повышеніемъ въ главную и маленькую боковую долины, до подошвы горъ. Очертаніе холмовъ, по которымъ мы идемъ, поражаетъ насъ: оно напоминаетъ извѣстныя кругло-обточенныя очертанія Швейцаріи. Вода стоитъ кое-гдѣ, такъ что надо предположить подъ нею непроницаемый слой, который не пропускаетъ ее въ глубину. Мы наблюдаемъ почву, внутреннее строеніе которой открывается на нѣкоторыхъ мѣстахъ во рвахъ. Подъ

тонкой торфяной корою, которая здѣсь продолжаетъ образовываться, виднѣтся сначала песокъ съ гальками, потомъ же крѣпкая сѣро-голубая глина, перемѣшанная съ тончайшими крупинками и листиками слюды, которая, по мѣткому выраженію нашего художника, похожа на наждакъ, получаемый съ точильнаго камня. Мы идемъ по руслу маленькаго ручейка и скоро замѣчаемъ, что глина образуетъ только поверхностный слой, который покрываетъ неровности скалистой почвы, находящейся подъ нею, и скопляется преимущественно въ углубленіяхъ. Вблизи самой рѣки высоко поднимается голая скала и покрываетъ нѣсколько пещеръ, куда постоянно каплетъ сверху вода черезъ скалы. Въ великолѣпный прохладный гротъ, очень пріятный въ жаркіе дни, заходить, какъ видно, и скотина для отдыха. Свѣсившіяся вѣтви березъ и ольхи, которыя растутъ по-верхъ скалы, цѣпляются и какъ-бы ищутъ точки опоры въ воздухѣ; яркая зелень мховъ и лишайниковъ, свѣсивающихся какъ борода, глубокая тѣнь, въ которой покоится это уютное мѣстечко, между тѣмъ какъ рѣка и горы сверкаютъ на солнечномъ блескѣ — все это воспламеняетъ эстетическое чувство и мы сговариваемся придти сюда завтра, чтобы соединенными силами карандаша и кисти передать красоты природы.

Но другія явленія манятъ насъ изъ грота. Нѣсколько нагихъ скалистыхъ пластовъ поднимается у берега Раумы; тотчасъ видно по ихъ очертанію, что тутъ найдется что-нибудь для геологіи. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ великолѣпнѣйшіе паралипы глетчеровъ, какіе только можно себѣ представить; порода — сѣроватый гнейсъ слоисто-извилистаго сложенія, между слоями котораго вкраплены чечевицеобразные кусочки роговой обманки и слюды томпаковаго цвѣта; самые пласты великолѣпно обшлифованы, равномерно закруглены, съ глубоко-врѣзанными бороздами и полосами, идущими наискось по слоямъ и чечевицамъ, и такъ расположены параллельно въ своемъ направленіи, что прямо указываютъ на Ромсдальгорнъ и на лошину, которая раскрывается у его подошвы. Даже характеристическіе желоба, которые встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, вполне параллельны съ болѣе тонкими бороздами и полосами, и идя горизонтально, а не параллельно уступающъ пластовъ, они ясно показываютъ что не могли произойти отъ вліянія атмосферическихъ водъ. Мы видимъ ясно, что полированные поверхности, полосы и желоба

продолжаются и подъ прозрачной водою насколько видитъ глазъ, и убѣждаемся при посѣщеніи на другой день, во время отлива, что невозможно отыскать границы полированныхъ поверхностей и что онѣ, по всей вѣроятности, тянутся и по всему руслу рѣки. Очевидно, что рѣка въ этой нижней своей части, гдѣ она течетъ очень тихо и ровно, и гдѣ ея уровень совершенно зависить отъ уровня близкаго къ ней фьорда, имѣетъ весьма незначительное вліяніе на свои берега, такъ что полированные поверхности остались неприкосновенными и только тамъ и сямъ видѣются незначительныя слѣды вліянія воды.

Итакъ, это были первые, ясныя, вполне характеристическія полированные полосы ледниковъ, которые мы видѣли въ Норвегіи! Я рѣшительно право не знаю ни одной мѣстности въ Швейцаріи, которая бы показывала съ такой поразительной отчетливостью всѣ признаки дѣйствія глетчеровъ, какъ скалы вблизи Ромсдальгорна. Между тѣмъ какъ мы до сихъ видѣли только выбоины волнъ бурнаго моря, здѣсь представлялись намъ всѣ характеристическія признаки дѣйствія глетчеровъ въ удивительной чистотѣ и ясности. Достаточно было одного только взгляда, чтобы убѣдить тотчасъ Гассельгорста и Берну, что эти явленія не имѣютъ даже отдаленнаго сходства съ тѣми, которыя произошли отъ дѣйствія воды и которыя мы имѣли случай видѣть до сихъ поръ. Можно было вполне удостовѣриться въ томъ, что сила, которая округлила, исполосовала и отшлифовала скалы, одинаково дѣйствовала тутъ на всѣ составы и строенія; что она, какъ гигантскимъ рѣзцомъ прорѣзала извивающіеся зигзагами слои гнейса, то поперегъ, то вкось, то вдоль поверхности ихъ; что чечевицеобразныя капли слюды, амфибола и роговой обманки, которыя были такъ мягки, что можно было рѣзать ихъ ножомъ, стесаны были этою силою совершенно въ томъ же направленіи, какъ и твердыя оболочки кварца и полеваго шпата. Имѣя ключъ къ этому явленію, намъ было легко открыть наверху, подъ дерномъ, подъ слоемъ глины и еще выше, на гладкихъ стѣнахъ скалъ тѣ же самыя обточенныя полосы, борозды и округленія, какъ и на берегу рѣки, и мы могли различать ихъ съ помощью зрительной трубы еще дальше вверхъ, до подошвы башнеподобныхъ вершинъ Ромсдальгорна и самыхъ высокихъ утесовъ.

Можно себѣ представить, что наше открытіе и вытекавшія изъ него заключенія живѣйшимъ образомъ занимали насъ при возвращеніи домой. Мы имѣли здѣсь доказательство, что огромный глетчеръ, образовавшійся далеко въ лощинахъ Ромдалена, былъ вытѣсненъ въ фьордъ, прежде еще, чѣмъ бассейнъ его былъ наполненъ водой. Фогтъ и Грессли доказывали теорію передвиженія глетчерами валуновъ, столь распространенныхъ въ Швейцаріи; значительная распространенность глетчеровъ въ то же время указываетъ на періодъ болѣе холодной температуры въ большей части сѣвернаго полушарія. Мы рѣшили, что на слѣдующій день Грессли и Берна займутся болѣе точнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ относящихся сюда явленій, Гассельгорстъ—своими эскизами, а Фогтъ и Герцонъ — зоологическимъ изслѣдованіемъ фьорда.

Чѣмъ дальше углубляешься на сѣверъ, тѣмъ меньше можно считатьъ на постоянство климата. Туманъ и облака затянули на другое утро горы, и холодный дождь не позволялъ большихъ работъ на воздухѣ, но все же мы съ похвальнымъ усердіемъ возились цѣлый день съ неводомъ, компасомъ, молоткомъ и карандашемъ, искрестили фьордъ вдоль и поперекъ, и, по мѣрѣ силъ, удовлетворили и науку, и искусство. При болѣе тщательномъ изслѣдованіи воды, на которой плавалъ нашъ корабль, оказалось странное обстоятельство. На поверхности вода въ фьордѣ была совершенно прѣсная, между тѣмъ какъ въ глубинѣ жили въ соленой водѣ морскіе ежи, раковины и морскія рыбы всякаго рода. Мы вскорѣ удостовѣрились, что надъ тяжелою соленою водою стоялъ слой болѣе легкой прѣсной воды толщиной почти въ четыре фута; она отнюдь не смѣшивалась съ морской водою и, казалось, оказывала вредное вліяніе на водоросли, росшія у берега: до соответственной этому слою глубины прѣсной воды онѣ были вялы. Капитанъ былъ очень радъ этой находкѣ, такъ какъ это дало ему возможность безъ особеннаго труда наполнить бочки свои. Большую лодку вычистили хорошенько внутри, зачерпнули ея воды на нѣкоторомъ разстояніи отъ корабля посреди фьорда, вытащили на бортъ и разлили воду по бочкамъ. Намъ же этотъ слой прѣсной воды служилъ новымъ доказательствомъ постоянного спокойствія, въ какомъ находится вода въ этихъ бухтахъ, глубоко врѣзывающихся въ землю. Если бы морскія волны со своимъ, въ

глубь доходящимъ, волненіемъ достигали до этого мѣста, если бы частыя бури волновали воду этой бухты, она скоро смѣшалась бы и не было бы такого рѣзкаго разграниченія. Въ самоѣ дѣлѣ, спустя два дня, когда сильный вѣтеръ значительно взволновалъ фьордъ, вода имѣла на поверхности вкусъ слегка солоноватый, и ареометръ показывалъ происшедшее смѣшеніе. Теперь же, во время таянія снѣговъ, когда всѣ ручьи и рѣки, вливаюціяся въ фьордъ, приносятъ значительное количество воды, прежнее отношеніе должно скоро возстановиться при спокойствіи воздуха и водной поверхности, и прѣсная вода должна снова подняться надъ болѣе тяжелой морской водой, пока дальше въ фьордѣ и въ открытомъ морѣ она не смѣшается, силою вѣтра и волнъ, съ морской водою.

Но это отношеніе измѣняется позднимъ лѣтомъ, осенью и зимою. Когда снѣгъ стаялъ на горахъ, когда въ ручьяхъ и въ рѣкахъ становится гораздо меньше воды, когда наконецъ земля покрывается толстымъ слоемъ снѣга и текучая прѣсная вода сводится къ своему минимуму, тогда и слой прѣсной воды на поверхности фьорда бываетъ не въ нѣсколько футовъ, а по большей мѣрѣ въ нѣсколько только дюймовъ и достаточно малѣйшаго дуновенія вѣтра, чтобы окончателно смѣшать ее съ морскою водою. Тогда морская вода снова вступаетъ въ свои права на поверхности: она омываетъ коренящіяся у берега водоросли и приноситъ имъ жизненныя силы, которыя скупо отпускались во время преобладанія прѣсной воды. Не заботясь объ этой постоянной смѣнѣ, живутъ въ глубинѣ фьорда морскіе жители, которыхъ только какой-нибудь случай или несчастіе выносятъ на поверхность.

Купецъ изъ Неса, обширный дворъ котораго находится только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей стоянки, снова дѣлаетъ нѣсколько попытокъ войти съ нами въ переговоры на счетъ найма экипажей. Очевидно онъ боится конкуренціи содержателя почтовой станціи, который живетъ на другомъ берегу рѣки въ Веблунгснесѣ и который вошелъ съ нами въ прямое сношеніе телеграфической депешей. Берна послалъ изъ Мольде въ день нашего отъѣзда по телеграфу поздравленіе съ днемъ рожденія во Франкфуртъ, на которое на слѣдующій день пришла въ Мольде отвѣтная теле-

грамма съ благодарностью и съ „ура шкунѣ Іоахимъ Гейрихъ!“ Тамошняя телеграфная контора, зная цѣль нашего путешествія, тотчасъ же препроводила депешу съ обыкновенною веселюю почтою, такъ что она попала къ намъ въ руки въ тотъ же вечеръ. Только 36 часовъ нужно, чтобы доставить вопросъ и отвѣтъ моремъ и сушею на разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль въ захолустьѣ отдаленнаго норвежскаго фьорда! Не приходится ли сознаться, что всѣ жалобы на испорченность нашего вѣка и на скорость, съ которою наше поколѣніе спѣшитъ въ преисподнюю, исчезаютъ передъ такою скоростью сообщеній?!

Мы посѣтили нашего купца и попросили показать намъ экипажи, которымъ мы должны были ввѣрить свои особы на время отъ одной до двухъ недѣль. Мы рѣшили, что кромѣ насъ пятерыхъ, егеръ и лоцманъ, который порядочно понималъ по нѣмецки, должны сопровождать насъ въ видѣ толмачей. Капитанъ, который и безъ того былъ недоволенъ мореходными талантами нашего лоцмана, хотѣлъ вернуться въ Мольде на буксирѣ, а оттуда самостоятельно идти въ Дронтгеймъ. Мы имѣли случай во все время нашего сухопутнаго странствія радоваться принятымъ нами рѣшеніемъ. Лоцманъ оказался удивительно услужливымъ, усерднымъ малымъ, который умѣлъ воздерживаться въ теченіе дня отъ своей врожденной сѣверной склонности къ крѣпкимъ напиткамъ и всегда былъ готовъ къ услугамъ — и совѣтомъ и дѣломъ, со свойственною морякамъ находчивостью. — Мы должны откровенно сознаться, что бодрость наша значительно поколебалась при первомъ взглядѣ на предложенные намъ экипажи. Мѣсть нужно было для семи человекъ: намъ предложили три одноколки и одинъ кабриолетъ — и то и другое представляло страшный укоръ норвежской изобрѣтательности. Одноколки походили совершенно на телѣжки, какія употребляются въ Веттерау, или на извѣстныя бернскія телѣжечки, употребляемыя въ Швейцаріи. Тонкій, узкій досчатый станокъ, надъ которымъ привѣшено спереди на четырехъ ремняхъ узкое двухмѣстное сидѣніе, а сзади приспособлено мѣстечко для багажа и несчастнаго мальчика, который долженъ воротить лошадей на станцію. Сидѣнья были такъ узки, что Фогту никакъ нельзя было сѣсть съ кѣмънибудь другимъ. Ему и назначили спеціальныи норвежскій кабриолетъ, который былъ

восхваляемъ купцомъ, какъ недостижимый образецъ изящества, легкости и удобства. Безъ сомнѣнія изобрѣтатель шведскаго кабриолета взялъ туфлю за первообразъ своего издѣлія: узкая подошва, состоящая изъ одной доски, поднимается сзади на подобіе капюшона, дающаго ровно столько мѣста, сколько нужно для сидѣнія смертнаго умѣренной толщины. Маленькая досочка приложена спереди для защиты ногъ, осужденнаго на эту ѣздовую пытку, отъ ударовъ копытъ маленькой бестіи, запряженной въ экипажъ. Оглобли идутъ прямо отъ сидѣнья въ видѣ двухъ жердочекъ, на которыя можно поставить ноги, а сзади прикрѣплена доска, для прикрѣпленія чемодана и сидѣнія мальчика. Если сравненіе съ туфлей покажется кому-нибудь не достаточно нагляднымъ, то онъ можетъ представить себѣ весь этотъ аппаратъ въ видѣ неудобнаго сѣдла, сидѣніе и стремена котораго вытянуты впередъ. Въ кабриолетѣ также неудобно сидѣть какъ и въ одноколѣ; подвергаешься всякой погодѣ и вѣтру, что не мало значить въ этомъ климатѣ, и притомъ надо еще благодарить провидѣніе, если удастся достать эти экипажи на рессорахъ, такъ какъ первобытная форма, предпочитаемая истинными патріотами, вовсе лишена этихъ ухищреній утонченной цивилизаціи.

Переговоры, которые слѣдуютъ теперь и тянутся безъ конца въ продолженіе цѣлыхъ двухъ дней, показываютъ намъ норвежскій характеръ въ новомъ свѣтѣ. На нѣкоторыхъ одноколкахъ есть кожаные фартуки, которые можно прикрѣпить къ сидѣнію, и защитить такимъ образомъ отъ дождя покрайней мѣрѣ ноги; на одной одноколѣ и на кабриолетѣ нѣтъ такихъ фартуковъ, въ чемъ однако мы удостовѣряемся только послѣ долгихъ розысканій, такъ какъ хитрый купецъ выдвигаетъ экипажи одинъ за другимъ изъ темнаго сарая и прицѣпляетъ каждый разъ фартукъ къ выдвигаемому экипажу. Онъ предполагаетъ въ насъ, кажется, такую же ловкость, какою обладаетъ учитель фехтованія въ сказкѣ Гримма, такъ быстро вертящій своей шпагой надъ головою, что на него не попадаетъ ни одна капля дождя: хозяинъ, вѣроятно, думаетъ, что во время дождя мы сумѣемъ устранить недостатокъ фартуковъ быстрымъ ихъ перестегиваніемъ. Наконецъ купецъ сознается въ неимѣніи фартуковъ и обѣщаетъ пополнить ихъ. Теперь хитрецъ вытаскиваетъ различныя выдѣланныя шкуры, непромокаемыя матеріи,

англійскія кожи изъ своего магазина, предлагаетъ сдѣлать выборъ изъ этихъ различныхъ матеріаловъ, но не забываетъ при этомъ упомянуть о цѣнѣ каждаго изъ нихъ. Вспоминая подобные же переговоры въ другихъ мѣстахъ и находя поразительное сходство характера и фізіономіи между несскимъ купцомъ и нѣкоторыми альпійскими поселянами профессоръ нападаетъ на свѣтлую мысль, что старый проныра хочетъ воспользоваться случаемъ сдѣлать фартуки для своихъ экипажей на счетъ путешествующихъ. Предположеніе подтверждается совершенно. Переговоры съ неудовольствіемъ прекращаются и матросамъ приказывается спустить лодку тотчасъ въ воду, чтобы перевезти насъ въ Веблунгснесъ. Эта угроза дѣйствуетъ. Въ минуту, когда мы садимся въ лодку, за нами прибѣгаютъ, чтобы увѣрить, что всѣ телѣжки будутъ снабжены отличными фартуками. Мы соглашаемся вернуться и снова начинаемъ прерванные переговоры. Купецъ требуетъ только четыре дня времени, чтобы изготовить два фартука, и какой-то малый, котораго намъ выдаютъ за сѣдельнаго мастера, работающаго случайно въ домѣ, божится всѣми святыми, что никакъ не можетъ изготовить ихъ скорѣе. Купецъ снабжаетъ насъ во время нашего пребыванія молокомъ, масломъ, яйцами и другими жизненными припасами, которыми онъ конечно покроетъ расходъ на фартуки въ эти четыре дня. Мы соглашаемся на 24 часа, въ крайнемъ случаѣ на 36; къ послѣзавтрашнему утру все должно быть готово. Возобновляются увѣренія въ невозможности, возобновляется и приказъ матросамъ отваливать; снова подымается бѣготня взадъ и впередъ, къ великой радости мальчишекъ, которые всякій разъ пользуются случаемъ бѣгать за нами съ кабриолетомъ и одноколками, и устраиваютъ ристалище въ перегонку по спускающейся къ заливу дорогѣ.

Только на другой день все приведено въ порядокъ. Но тутъ начинаются новыя хлопоты. Надо заключить письменный договоръ при свидѣтеляхъ, надлежащимъ образомъ заявленный, и лѣшманъ, какъ единственный туземецъ, долженъ быть отвѣтчикомъ за вѣрную отдачу экипажей по данному адресу въ Дронтгеймѣ. Цѣлый день длятся письменныя упражненія надъ этимъ актомъ; онъ перочеркивается, исправляется, сглаживается и переписывается, пока наконецъ подписанъ и припечатанъ по всѣмъ правиламъ закона въ трехъ копіяхъ. Въ немъ больше оговорокъ, чѣмъ въ дипло-

матическомъ актѣ объ уступкѣ королевства, но онъ разсматривается купцомъ и его подчиненными съ замѣтнымъ удовольствіемъ. Боже праведный! Если всѣ дѣла у этихъ людей ведутся съ такою длинною процедурою, то весьма понятно, что имъ необходимо три мѣсяца зимней ночи, чтобы отдохнуть отъ умственныхъ и физическихъ напряженій!

День прошелъ частью въ этихъ приготовленіяхъ, частью въ серьезныхъ занятіяхъ. Фогтъ думалъ, что открылъ новый типъ иглокожихъ (*Echinodermen*), надъ которымъ съ жаромъ доказывалъ переходъ отъ морскихъ лилій къ голотуріямъ, пока второй, большій экземпляръ не разочаровалъ его, высунувъ свои присоски и не обличивъ собой давно извѣстный типъ голотурій, *Cuvieria*. Гассельгорстъ, продрогнувъ до костей и окоченѣвъ отъ холоднаго вѣтра, возвращается изъ грота, гдѣ онъ задумалъ нарисовать эскизъ Ромсдальсгорна, между тѣмъ, какъ остальные по уши заняты приготовленіями къ завтрашней поѣздкѣ, упаковкой припасовъ, одежды и готовятъ смертоносныя орудія.

А морской змѣй не показывался, несмотря на то, что это было обыкновенное время его появленія. Мы тѣмъ болѣе сожалѣемъ объ этомъ, что намъ называли десятки людей, въ числѣ которыхъ упоминались пасторы, чиновники и другія сановныя лица, которые видѣли его собственными глазами. Мы намѣрены назначить премію тому, кто убьетъ первый экземпляръ и доставить его во франкфуртскій музей. Появится ли онъ тамъ между „Wimmelthieren“?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Поѣздка сухимъ путемъ.

РОМСДАЛЕНЪ, ДОВРЕФЬЕЛЬДЪ, СНЕГЕТТАНЪ, ДРОНТ-ГЕЙМЪ.

Необычно живая дѣятельность царствовала утромъ 20-го іюня у пристани Неса. Лодка сновала взадъ и впередъ между кораблемъ и берегомъ, привозя дорожные мѣшки и вещи, между тѣмъ какъ на берегу снаряжались экипажи, впрягались лошади и привязывались вещи. Наученные добрыми друзьями, которые сами путешествовали по Норвегіи, мы съ избыткомъ запаслись не только одеждой на случай дождя, бури и холода, но и порядочной корзиной съ припасами, какъ-то ветчиной, колбасами и т. п. „Каменья очень хороши въ Норвегіи“, замѣтилъ капитанъ „но все же ихъ нельзя ѣсть, вы не захотите питаться лепешками и другими продуктами норвежскаго издѣлія. Такъ забирайте по больше: семь человекъ съѣдятъ порядочно впродолженіе семи дней.“

Послѣ многихъ, для насъ почти непонятныхъ, рѣчей поѣздъ двинулся. Ночью сильно дуло съ запада, такъ что путешественники надѣли почти всю одежду, которую взяли съ собой. Поѣздъ открывался профессоромъ, которому художникъ съ большимъ трудомъ укуталъ животь пледомъ по всѣмъ правиламъ искусства; сбоку у него висѣлъ металлическій барометръ парижскаго Рипара, великолѣпный инструментъ, въ кругломъ футлярѣ, какъ гигантская фляжка. Палка съ крючкомъ, которую онъ обыкновенно носить,

употреблялась, смотря по обстоятельствамъ, какъ бичъ или какъ фельдмаршальскій жезлъ и обыкновенно, тотчасъ по отъѣздѣ отъ станціи, такъ глубоко запечатлѣвалась въ памяти понятливыхъ пони, которые везли кабриолетъ, что профессору стоило только взмахнуть ею, чтобы заставить ихъ напрягать всѣ свои силы. Его чемоданчикъ, прикрѣпленный сзади, служилъ обыкновенно мѣстомъ для почтара, который тѣмъ необходимѣе при путешествіяхъ по Норвегіи, что тамъ большія дороги загораживаются воротами, которые, не будь его, пришлось бы отворять самому.

За кабриолетомъ слѣдуютъ Гассельгорстъ и Герценъ въ одноколкѣ; Герценъ править, а Гассельгорстъ занятъ постоянно тѣмъ, что зажигаетъ свою, никогда не горящую, сигару. Если новому министру финансовъ во Франціи удастся провести свой налогъ на спички, и если Германія, что несомнѣнно, постарается подражать этому гениальному нововведенію, то Гассельгорстъ будетъ принужденъ эмигрировать, если не захочетъ сдѣлаться нищимъ.

Третьей одноколкой править Верна; онъ сидитъ съ Грессли, который, въ противоположность Гассельгорсту, могъ бы обозначать нашъ путь столбами дыма, какъ огнедышащая гора, еслибъ мы и безъ этого не поднимали столбовъ пыли. Эта одноколка, которую правятъ безукоризненно, подвергается большимъ опасностямъ, какъ только Верна выпуститъ возжи изъ рукъ. Грессли выказываетъ особенный талантъ въ смѣшеніи понятій „направо“ и „налѣво,“ „назадъ“ и „впередъ,“ какъ только ему приходится объяснять ихъ вожжами животному.

На послѣдней одноколкѣ, трясется егеръ Губертъ, съ лопачомъ который служитъ намъ толмачемъ и путеводителемъ. Гу-

берть счастливъ, что чувствуетъ подъ ногами твердую землю; онъ могъ бы даже скорчить веселую физиономію, совершенно чуждую его характеру, еслибы лоцманъ не парализировалъ совершенно его умственныхъ способностей своею безпредѣльною прозорливостію, которую пускаетъ въ ходъ при каждой остановкѣ. Онъ съ гордостью смотритъ на ружья, которыя привязаны къ задку каждой одноколки и которыя онъ чистилъ и готовилъ съ особеннымъ стараніемъ для охоты на лисицъ и оленей.

Нашъ путь идетъ сначала по описанной холмистой мѣстности къ рѣкѣ, въ узкую лощину, которая открывается у подошвы Ромсдальсгорна, между этой горой и такъ называемыми Скалами вѣдьшъ (Troll-tinderne). Горы становятся все величественнѣе, круче и обнаженнѣе. Состоя изъ такого же слоистаго гнейса, какой мы видѣли у рѣки, онѣ поднимаются вверхъ почти вертикально и заканчиваются чрезвычайно крутыми, странно выдающимися зубцами и остріями. Вершины едва достигаютъ высоты 3000 фут., но тѣмъ не менѣе производятъ величественное впечатлѣніе, а самый Ромсдальсгорнъ высится какъ башня, окруженная острыми бастіонами. Очертаніемъ своимъ онъ сильно напоминаетъ Штокгорнъ около Тунскаго озера. Какъ и на Штокгорнѣ видна на немъ на верхней трети его, линія уступовъ, которая, какъ кажется, обозначаетъ прекращеніе шлифованныхъ поверхностей. Изъ этого мы заключаемъ, что высота, до которой поднимался дочеловѣческой глетчеръ, доходила до 2000 фут. надъ уровнемъ моря.

Тамъ, гдѣ дорога заворачиваетъ въ узкую лощину, полукруглый валъ, выпуклость котораго обращена сверху внизъ въ лощину, какъ бы закрываетъ совершенно входъ. По срединѣ полукружія рѣка пробила себѣ дорогу и обнаружила такимъ образомъ внутреннее строеніе вала, къ которому довольно круто спускается дорога. Тамъ лежатъ угловатя глыбы, пережѣшанная съ валунами, дрсвой и пескомъ, и мы, по формѣ и очертанію обломковъ, узнаемъ съ радостію конечный валъ, морену, торую подвигалъ нѣкогда передъ собою глетчеръ и оставилъ его тутъ, какъ свидѣтеля своего пути. Очевидно, что при постепенномъ движеніи и исчезновеніи глетчера ледъ оставался дольше въ узкой глубокой лощинѣ и образовалъ постепенно изъ обломковъ, которые онъ несъ на своей поверхности, этотъ громадный валъ;

онъ и понинѣ обозначаетъ границу, на которой глетчеръ задерживался болѣе долгое время. Даже путешественники, мало интересующіеся памятниками, какіе оставляетъ природа въ своемъ тихомъ творествѣ, обратили вниманіе на высокія стѣны изъ мелкаго, бѣлаго песку, которыя какъ бы заграждаютъ рѣку при ея выходѣ изъ этой лоцины. Песокъ состоитъ весь изъ мелкихъ кристалловъ полеваго шпата и кварца, онъ образовался изъ гнейсовыхъ и гранитныхъ пластовъ, растертыхъ глетчеромъ, и при дальнѣйшей дѣятельности глетчера превратился бы въ ту наждакообразную глину, которую мы нашли дальше внизу лоцины.

Лоцина тянется широкой дугой у подошвы Ромсдальсгорна, но вскорѣ такъ суживается, что едва можно проѣхать подлѣ рѣки. Тутъ преимущественно обращаютъ на себя вниманіе острія „Скаль вѣдьмъ“, вдаваясь въ долину какъ зубцы мрачной стѣны. Сѣверная фантазія увидѣла въ этой группѣ образовъ каменѣлое свадебное шествіе съ королемъ и невѣстой королевой по срединѣ; остальные вершины—считаются языческими волшебниками и вѣдьмами, которыхъ святой Олафъ побѣдилъ могуществомъ Христова имени и превратилъ въ каменя за ихъ сопротивленіе. Одинъ нувеллистъ замѣчаетъ совершенно вѣрно, что святой Олафъ одинъ сотворилъ всѣ чудеса въ Норвегіи; надо сознаться, что всѣ эти чудеса похожи на своего творца. Какъ для всѣхъ почти вѣнчанныхъ апостоловъ католицизма, для норвежскихъ Олафовъ (святаго и его предка, Олафа Триггвезона) распространеніе вѣры служило средствомъ для укрѣпленія и расширенія ихъ собственной неограниченной власти. Независимые крестьяне, которые не хотѣли принимать неограниченнаго короля и новой вѣры, были буквально истребляемы огнемъ и мечемъ, и духовенство которое получало при этомъ случаѣ епископства и приходы, и одно владѣло письменнымъ языкомъ, пѣло аллилуйя, когда фанатическіе кровопійцы приказывали въ честь Бога любви заживо выжигать желудки у приверженцевъ Одина. Святой Олафъ и на самомъ дѣлѣ далъ здѣсь у входа въ долину Ромсдаленъ, одно изъ тѣхъ безчисленныхъ сраженій, въ которомъ онъ побѣдилъ какого-нибудь ромсдаленскаго ярла и, по преданію, превратилъ въ каменя помогавшихъ ярлу волшебниковъ и вѣдьмъ, которые расположились на вершинахъ горъ.

Лощина съ каждымъ шагомъ впередъ дѣлается все величественнѣе. Тамъ и слѣвъ въ ущельяхъ лежитъ еще снѣгъ, доказывая какъ трудно проникаетъ солнце въ эти тущобы. Повсюду грозно высятся къ небу голыя стѣны скалъ, какъ въ лощинѣ Via mala, и кажется хотѣть завалить подошву долины глыбами и запереть выходъ рѣкѣ. Такъ идетъ до ближайшей станціи Горьенъ, гдѣ долина немного раздается, такъ что съ обѣихъ сторонъ можно видѣть скалы до ихъ вершинъ. Вокругъ двора — иначе нельзя назвать станцію — нѣтъ почти слѣдовъ строенія. Лавины и обвалы, свирѣпствуютъ здѣсь ужасно: какъ откосы, такъ и дно долины повсюду усѣяны огромными глыбами камней и массаи щебня, которые, очевидно, падаютъ съ высотъ. Едва понимаешь, какъ питаются здѣсь люди и какъ кормятъ скотину. Но говорить, что на верху, почти на половинѣ высоты горъ, надъ этими крутыми откосами, окружающими долину, простираются плодородныя луга — что тамъ ведется доходное скотоводство, которымъ заняты, какъ и на баварскихъ альпахъ, преимущественно женщины и дѣвушки.

Станція Горьенъ похожа на всѣ остальные, которыя мы посѣтимъ дальше. Приходится сворачивать съ дороги на значительное разстояніе, чтобы попасть во дворъ, который занятъ хозяйственными постройками, конюшнями и жильемъ хозяевъ. Станціонный домъ — одноэтажный, маленькій, съ очень просто мебелированной комнатою для пріѣзжающихъ и другою, въ которой стоятъ одна или двѣ кровати съ громадными пуховиками. На столѣ, въ пріемной, чернильница и перо, возлѣ — большая казенная разграфленная книга, въ которой путешественникъ долженъ записать свое имя, званіе, происхожденіе и цѣль поѣздки, также какъ и число лошадей, лодокъ или грбцовъ, какое онъ беретъ. Весьма рѣдко можно найти на этихъ станціяхъ что-нибудь, чѣмъ цивилизованный желудокъ могъ бы утолить голодъ; ужасныя лепешки, одолѣть которыя можетъ только птица орѣховка; горькое, пересоленное масло, на половину съ сывороткой; сыръ, который хруститъ на зубахъ какъ песокъ, прилипаетъ къ языку какъ глина и не отличается отъ нея вкусомъ — вотъ обыкновенная ѣда, какую можно получить на такихъ станціяхъ. За то мы часто находили хорошее пиво изъ Христіаніи или Дронт-

гейма, которыми могли утолить жажду. Голодъ былъ бы въ нихъ мѣстахъ невыносимъ, еслибъ наша утѣшительница-корзинка съ запасами не пополняла недостатка.

Есть такса, по которой платятъ за лошадей и мальчика, но тѣмъ не менѣе каждая перепряжка требуетъ безчисленныхъ рѣчей, споровъ и безконечной болтовни, и кончается все-таки платой по таксѣ. Вообще все здѣсь устроено такъ, чтобы занять какъ можно больше времени. Къ хорошимъ здѣшнимъ обычаямъ надо причислить и то, что на прїѣзжаго обращаютъ вниманіе только послѣ того, какъ онъ перестучитъ во всѣ двери и надѣлаетъ порядочнаго шума на дворѣ; тогда только откроется гдѣ-нибудь западня, высунется съ недовольной миной какая-нибудь личность, сосчитаетъ лошадей и путешественниковъ и затѣмъ опять исчезнетъ, вѣроятно для того, чтобы обдумать, стоитъ ли приняться за свои обязанности. На каждый вопросъ, послѣ долгаго обдумыванія, получается большею частію уклончивый отвѣтъ, а свѣдѣніе — есть ли въ домѣ рыба, говядина, пиво или молоко — надо выпытывать истинно инквизиторскимъ допросомъ. Затѣмъ начинается новое испытаніе терпѣнія съ лошадьми: тѣ, которыя стоятъ въ конюшнѣ, обыкновенно не могутъ отправиться; надо привести другихъ съ пастбища, находящагося, будто бы, на разстояніи всего $\frac{1}{8}$ мили. Но норвежская миля также томительна, какъ и самый народъ. Это единственная земная мѣра, которую можно бы было употреблять, въ случаѣ нужды, для измѣренія небесныхъ разстояній, на что обыкновенно употребляется земной экваторъ и солнечныя разстоянія. Норвежская миля есть практическое примѣненіе безконечности въ пространствѣ: это нѣчто неуловимое, что можно понять только въ дробяхъ, въ четвертяхъ, въ восьмыхъ доляхъ, а не въ цѣломъ. Путешественникъ, прїѣзжающій въ полдень на норвежскую станцію, на которую приходится привести лошадей съ пастбища, находящагося на разстояніи полумили, можетъ съ спокойной совѣстью заказать себѣ ужинъ и постель.

Когда лошади наконецъ приведены, теряется снова огромное количество времени, чтобы приладить упряжь къ экипажамъ. Кольца, въ которыя продвѣваются оглобли, то слишкомъ толсты, то слишкомъ тонки; притаскиваются камни и тяжелые молоты, вы-

нимаются неуклюжіе ножи, висящіе у пояса, и начинается точеніе, пиленіе и рѣзаніе съ истинно-классическимъ спокойствіемъ, а путешественникъ при всѣхъ этихъ операціяхъ бѣсится отъ нетерпѣнія. Затѣмъ человекъ, первобытную простоту котораго восхваляютъ намъ во всѣхъ путешествіяхъ, начинаетъ считать деньги, перевертываетъ каждый шиллингъ по нѣскольку разъ, разсматриваетъ чеканъ и прислушивается къ звону каждаго талера; пройдетъ еще много лѣтъ, пока норвежець научится золотой поговоркѣ: время — деньги.

Долина расширяется все болѣе и болѣе по дорогѣ изъ Горьена черезъ Фладмаркъ въ Орменъ, гдѣ мы намѣрены переночевать. Горы становятся не столь обрывисты и круты; онѣ поднимаются уступами, на которыхъ зеленѣютъ великолѣпные луга. Безчисленные свѣтлые ручьи бѣгутъ въ ущельяхъ или падаютъ каскадами съ крутыхъ стремнинъ въ долину. Около Фладмарка мы восхищаемся водопадомъ рѣки Монгъ - Эльфа, которая падаетъ съ лѣвой стороны колосса Ромсдальсгорна двумя уступами и похожа нѣсколько на Ольчи у входа въ долину Гасли. Орменъ былъ бы въ странѣ, представляющей болѣе путевыхъ удобствъ для туристовъ, такимъ же любимымъ мѣстомъ, какъ Гисбахъ или Рейхенбахъ въ Швейцаріи. Но и теперь уже замѣтно здѣсь вліяніе англичанъ, которые пріѣзжаютъ часто въ Орменъ для рыбной ловли. Между зеленыхъ луговъ, по которымъ разбросаны красивыя группы деревъ, на возвышеніи стоитъ станціонный домъ — свидѣтельствующій о богатствѣ владѣльца. Это возвышеніе заканчивается скалой, вдвинувшейся въ долину — на встрѣчу рѣкѣ. Насупротивъ вытекаетъ изъ еловаго лѣса большой безымянный ручей и низвергается въ долину, подобно Гисбаху, нѣсколькими каскадами. Мы могли бы проѣхать еще двѣ станціи, потому что ночь не могла помѣшать намъ, такъ какъ ея нѣтъ уже въ этихъ широтахъ, хотя солнце и заходитъ на нѣсколько часовъ. Но послѣ такихъ ужасныхъ и бѣдныхъ станцій, какъ Горьенъ и Фладмаркенъ, Орменъ казался намъ такимъ уютнымъ, тихимъ и привлекательнымъ мѣстомъ, что мы не могли устоять противъ искушенія. Въ рѣкѣ, протекающей здѣсь, могли быть рыбы, а берега могли представить великолѣпные виды и обогатить наши альбомы. Къ тому же лодманъ увѣрялъ насъ, что мы не найдемъ дальше въ долинѣ другой такой станціи: комнаты и постели соответствовали всѣмъ

скромнымъ требованіямъ, какія можно было заявить въ нашемъ положеніи.

Мы разсѣялись по окрестностямъ водопадовъ, пыль которыхъ поднималась изъ глубокой котловины, скрытой за выдавшеюся скалою. Страстные наши охотники пробирались со взведенными курками ружей по ближайшимъ окрестностямъ, не находя другой дичи, кромѣ воронъ и сорокъ, обыкновенной принадлежности норвежскаго двора. Сороки, кажется, пользуются въ этихъ мѣстахъ особеннымъ уваженіемъ: дюжинами стрекочутъ онѣ на крышахъ домовъ и на деревьяхъ; отъ этого-то вѣроятно, и царствуетъ такое отсутствіе жизни въ окрестностяхъ этихъ дворовъ. Сорока одна изъ самыхъ вредныхъ птицъ, не только вслѣдствіе сильно развитой склонности къ воровству, но и вслѣдствіе ожесточенной охоты на всѣхъ маленькихъ пѣвчихъ птицъ, гнѣзда которыхъ она немилосердно раззоряетъ, выкрадывая яйца и дѣтенышей. Оттуда, гдѣ поселилась сорока, улетаютъ всѣ милые обитатели садовъ и кустовъ, которые оживляютъ сельскую природу пѣніемъ и веселымъ щебетаньемъ.

Водопады нагоняютъ обыкновенно мечтательное, элегическое настроеніе. Растянешься на роскошномъ мху, слѣдишь за пѣнящимися ракетами, каскадами, шумомъ капель, которыя падаютъ со скаль, смѣшиваешь дымъ сигары съ облаками водяной пыли, поднимающейся изъ глубины, и пробуждаешься наконецъ изъ пріятной дремоты совершенно промокнувшій, продрогнувшій и сердисься на себя за неосторожность, изъ-за которой подвергался простудѣ.

Хорошій ужинъ и крѣпкій грогъ въ такихъ обстоятельствахъ истинныя благодѣянія для человѣчества, слишкомъ увлекающагося красотою природы.

Можно вспоминать объ Орменъ съ удовольствіемъ. Но далеко не то скажешь объ Нистуенъ, первой станціи, куда мы пріѣхали на слѣдующее утро. Туманъ на горахъ, туманъ въ долинѣ, отвратительныя дороги прорѣзанная въ глубокомъ пескѣ пропасти съ невозможными подъемами на вершины скаль, по другую сторону которыхъ такой же крутой спускъ въ новую песчаную пропасть, гдѣ экипажи врѣзываются до втулокъ колесъ и лошади тонутъ въ пескѣ. Жалкія влячи, страшно исхудалыя, возбуждаютъ жалость по маль-

чикъ-почтарь, который хочет поскорѣе вернуться домой, постоянно шелкаетъ бичею и бьетъ ихъ, чтобы заставить бѣжать рысцою. Чувствуется недостатокъ въ прутьяхъ, палкахъ и другихъ средствахъ для понужденія мѣшкотныхъ одровъ; докторъ приобретаетъ на слѣдующей станціи культурно-историческое орудіе: короткое, толстое кнутовище съ мѣднымъ кольцомъ, въ которое продѣтъ ременный кнутъ; его прикосновеніе повидимому такъ непріятно, что стоитъ замахнуться, чтобы произвести чудеса.

За Нистуенъ мы вѣзжаемъ въ широкую ровную долину, которой трудно найти подобіе по пустынной унылости. Низъ долины — болото; на однообразныхъ покатостяхъ глубокой песокъ, на которомъ растутъ только нѣсколько несчастныхъ елей; однообразныя горы, бѣгущія на горизонтѣ длинной, непрерывной линіею, скверныя лошади, жалкія хижины, брошенныя, провалившіяся плавильныя печи — вотъ въ нѣсколькихъ словахъ картина знаменитаго Ромсдалена, только въ началѣ своемъ соответствующаго той извѣстности, которую ему искусственно приписали. Мѣстность между Несомъ и Оршемомъ, которую мы проѣхали вчера, можно еще сравнить съ тѣми прекрасными долинами Швейцаріи и Тироля, въ которыхъ нѣтъ озеръ, но то, что идетъ дальше окончательно скверно.

Но насколько пустынна и печальна долина, которая тянется за Лессѳ, по южному скату громадной горной цѣпи увѣнчанной Снегеттаномъ, настолько замѣчательны ея физическія свойства. Хотя по срединѣ долина шире, чѣмъ похожій на ущелье Ромсдаленъ, тѣмъ не менѣе и она, имѣя въ длину, до соединенія своего съ дорогой, идущей изъ Христианіи въ Дронтгеймъ, болѣе 15 нѣмецкихъ миль — не болѣе, какъ глубокая лощина. Она тянется между двумя могущественными горными цѣпями, (съ юга — Кьбленфельдъ, съ сѣвера — Дюфрефельдъ), почти въ прямомъ направленіи, съ незначительными изгибами съ юговостока на сѣверозападъ. Слѣдовало бы предполагать, что такая длинная, похожая на ущелье долина, составляя водораздѣлъ, будетъ подходить къ этому водораздѣлу значительнымъ повышеніемъ, перевалится здѣсь черезъ высокій горбъ и спустится на противоположной сторонѣ также круто. Но этого вовсе нѣтъ. Весь

подъемъ отъ Неса до чугуноплавильнаго завода Лессё составляетъ всего только 1990 ф. высоты, на разстояніи 8 географическихъ миль, и самое значительное возвышеніе приходится на одну только милю между Ормемъ и Нистуенъ, изъ которыхъ первый стоитъ на 450, а послѣдній на 1750 фут. высоты надъ поверхностью моря. Такимъ образомъ поднимаешься между этими двумя станціями съ болѣе низкой площади на болѣе возвышенную, продолжая путь по ней почти ровною дорогой. Въ самомъ дѣлѣ водораздѣлъ составляетъ не хребетъ или не гребень, а болотистое, топкое озеро у чугуноплавильнаго завода Лессё, изъ котораго Лугенъ течетъ на юговостокъ, а Раума—на сѣверозападъ. Этотъ болотистый водоемъ долины, въ которомъ скопленіе водъ принимаетъ въ высшей степени измѣнчивый характеръ и повидимому застываетъ совершенно, образуетъ такимъ образомъ здѣсь грань между водами, которыя изливаются съ одной стороны въ Нѣмецкое, съ другой въ Балтійское море.

Уже одинъ этотъ фактъ, если сообразить его, даетъ полную картину особенности образованія горъ въ южной Норвегіи и глубокаго различія между атимъ образованіемъ и образованіемъ напр. Альпъ. Горные узлы въ Альпахъ — узкіе горбыли, на которыхъ еще болѣе узкія стѣны и острія образуютъ высочайшія вершины. Конечно есть намеки на террасы внутри долинъ и ущелій, но онѣ исчезаютъ подъ громадными трещинами и прорѣзами, которые разсѣкаютъ всю горную цѣпь на смѣлыя, крутыя формы. Долины ведутъ часто съ удивительно равномернымъ наклоненіемъ въ сравнительно низкому удолю, отъ котораго болѣе крутыя скалы примыкаютъ къ высямъ горныхъ проходовъ.

Не то въ Норвегіи. Страна представляется, если ее разсматривать въ общемъ, сплошною возвышенностью въ 2 — 3000 ф. средней высоты, растреснувшееся на глубокія разщелины, и на которой отдѣльныя вершины стоятъ безъ замѣтной связи. Подобно исполинскимъ колодамъ стоятъ отдѣльныя возвышенности одна подлѣ другой, такъ что нельзя отыскать въ нихъ какого-нибудь опредѣленнаго порядка и формы, и часто невозможно было бы пробраться изъ одной части страны въ другую, еслибъ не какая-нибудь промытая водою, разщелина или ложбина, по которой можно добраться до хребта плоской возвышенности. Но безъ

сомнѣнія большая часть этихъ долинъ обязана своимъ происхожденіемъ вліянію проточной, талой воды и снѣга, который накопляется въ долгія зимы въ невѣроятномъ количествѣ. Во всей окрестности озеръ Лессб не видно слѣда настоящихъ твердыхъ скалъ, не смотря на обнаженность стѣнъ долины. Всѣ скаты покрыты до самыхъ высшихъ гребней толстымъ слоємъ песку, который наполняетъ долину, и только тамъ и сямъ выглядываетъ на окраинѣ плоской возвышенности, изъ подъ щебня, еще невывѣтрившаяся скала въ видѣ узкой, однообразной линіи. Во всякомъ случаѣ здѣсь медленное дѣйствіе атмосферы — главная причина образованія долины, между тѣмъ какъ ниже, въ долинѣ Ромсдалена, при образованіи крутыхъ и рѣзкихъ очертаній скалъ долины, могли вліять другія причины.

Чугуноплавильный заводъ Лессб, у котораго мы остановились на болѣе долгое время, теперь совершенно оставленъ, и только кучи шлака и остатки провалившейся доменной печи указываютъ на прежнее производство. Руда добывалась на значительномъ разстояніи изъ сосѣднихъ фьельдовъ и здѣсь, силою воды маленькаго ручья разбивалась, промывалась, и затѣмъ плавилась. Нѣкоторое время, говорятъ, результаты были удовлетворительны; потомъ цѣна на дрова и уголья повысилась, и, съ возраставшимъ недостаткомъ въ горючемъ матеріалѣ, прекратился доходъ, а вмѣстѣ съ нимъ и производство. Подобная судьба постигла большую часть рудоконныхъ предпріятій въ Норвегіи. Есть еще много людей, воображающихъ, что Норвегія — страна, изобилующая лѣсомъ и что внутри ея горъ есть нескончаемая сокровища металловъ. А на дѣлѣ выходитъ напротивъ. Гдѣ мѣстность была доступна, тамъ осталось мало лѣса и только въ недоступной глуши, гдѣ доставка почти невозможна, существуютъ значительные лѣса. Горные же заводы въ Норвегіи вообще — предпріятіе, приносящее только убытокъ, и между сотнями начатыхъ едва ли есть дюжина заводовъ, которые, при всемъ трудѣ и стараніи, приносятъ владѣльцу такой процентъ, какой онъ получалъ бы, спокойно положивъ капиталъ въ кредитное учрежденіе. Дрова, каменный уголь и удобная доставка, или, другими словами, дешевые строительные, горючіе и транспортные матеріалы, составляютъ въ нынѣшнее время три необходимыя условія, безъ которыхъ горное производство не можетъ

давать дохода. Соединеніе же этихъ трехъ элементовъ сдѣлалось почти невозможнымъ въ Новергіи.

Вообще ошибаются, когда проводятъ какую-либо параллель между норвежскими и нѣмецкими лѣсами. Можетъ быть на югѣ и есть хорошія лѣсныя площади, мы не отрицаемъ этого и не имѣли случая убѣдиться въ противномъ; но то, что мы видѣли на сѣверѣ,—не болѣе какъ уродливость въ сравненіи съ великолѣніемъ, какое представляетъ лѣсная чаща умѣренной полосы Европы. Шварцвальдецъ — переселить его въ Норвегію—могъ бы только смотрѣть съ сожалѣніемъ на тамошнія ели и конечно постыдился бы поднять на нихъ топоръ или пилу и пощадилъ бы до времени, когда онѣ достигнутъ настоящей величины. Что бы ни говорили сѣверные патриоты — лѣса ихъ родины не оказываютъ, подобно нашимъ, благотѣльнаго, освѣжающаго вліянія. Лѣса эти похожи на попытку почвы защитить себя отъ холода пробирающагося въ нѣдра земли и знобять зрителя, какъ вытертая шуба. Дополненіемъ служитъ печальная порода деревъ, образующихъ лѣсъ: хвойное дерево, береза и ольха, унылое тріо темносѣрой зелени и неизящныхъ формъ. Если ко всему этому еще прибавить томительный видъ возвышенностей, образующихъ плоскогорье, безжизненный, сѣрый цвѣтъ моха и лишаяевъ, покрывающихъ склоны, болотистый красноватозеленый цвѣтъ трясины, наполняющихъ низменности,—то невозможно избавиться отъ того тяжелаго, непріятнаго впечатлѣнія, которое омрачаетъ даже самое веселое настроеніе духа.

Способъ ѣзды вполне отвѣчаетъ предыдущему. Одноколка — истинная школа лаконизма и молчаливости. Дороги не довольно широки, чтобы можно было избѣгнуть ѣзды гуськомъ. Сядешь вдвоемъ въ одноколку: одинъ вполне поглощенъ заботою о дорогѣ, лошади и упряжи, а другой можетъ предаваться размышленіямъ. Разговоръ такимъ образомъ дѣлается возможнымъ только на станціяхъ, во время переѣзны лошадей и обѣда. Путешествуешь въ обществѣ и все-таки остаешься одинокъ; испытываешь всѣ лишения, какія влечетъ за собою многочисленное общество въ дорогѣ и не наслаждаешься удовольствіями, которыя оно представляетъ. Приходится глотать пыль, которую поднимаютъ другіе и взаимно этого пользуешься сообществомъ упрямой клячи и глу-

Фонтъ. Пут. на Сѣв.

паго мальчика, который цѣпляется вездѣ, гдѣ хочешь облокотиться, и ни на что не годенъ, какъ только отворять ворота, которыхъ не должно бы быть на большой дорогѣ.

Мы прибыли вечеромъ въ Домаасъ, перекрестокъ дорогъ, идущихъ изъ Дронтгейма, Мольде и Христианіи. Только четверо путешественниковъ пріѣхали до насъ и уже всѣ кровати и комнаты станціоннаго дома, назначенныя для проезжающихъ, заняты. Если это случилось на главномъ перекресткѣ важнѣйшихъ большихъ дорогъ, ведущихъ черезъ всю страну, то надо предположить, что сношенія не слишкомъ значительны. Услужливая хозяйка сьумѣла помочь горю: въ сосѣднемъ домѣ устроена телеграфная станція, въ ней есть помѣщеніе для чиновниковъ и одна большая, совершенно пустая комната. Въ нее натаскали медвѣжьихъ, оленьихъ шкуръ, значительное количество пуховиковъ, одѣяль и устроили на полу великолѣпный бивуакъ, на которомъ, усталые отъ ѣзды, мы отлично заснули. Корзина съ припасами оказала намъ большія услуги и одноколка, которая везетъ ее, значительно облегчилась къ предстоящему намъ завтра подъему на Доврефельдъ.

На плоской возвышенности, по которой тянется эта могучая горная цѣпь, отдѣляющая дронтгеймскій округъ отъ южной Норвегіи, одинъ изъ прежнихъ королей для удобства сообщенія устроилъ три станціи: Фогстуенъ, Іеркиндъ и Конгсвольдъ: имъ дали особыя привилегіи и обязали принимать путешественниковъ. Между обѣими послѣдними станціями находится высшая точка горнаго прохода, 3990 ф. надъ уровнемъ моря. Іеркиндъ лежитъ на южной окраинѣ плоской возвышенности, почти на равной высотѣ съ Фогстуеномъ и Конгсвольдомъ. Расстояніе между Домаасомъ и Фогстуеномъ не болѣе одной мили, разность же въ высотѣ больше чѣмъ 2000 ф. Изъ этого видно, какой ужасный подъемъ должны совершить несчастныя животныя, обязанныя встать и одноколку, и багажъ, и путниковъ. Задача эта тѣмъ труднѣе, что во время проложенія пути не было извѣстно устройство дорогъ зигзагомъ и, не смотря на позднѣйшія поправки, она проведена почти отвѣсно къ вершинѣ горы. Утро было прекрасное, ясное, но свѣжее. Мы вытѣваемъ одинъ за другимъ изъ одноколокъ, которыя поручаемъ мальчикамъ и всходимъ потихоньку на гору, болтая и

кура. Тянется уродливый, рѣдкій лѣсъ, въ которомъ кое-гдѣ попадается только одинокой большой дроздъ, ворона или такъ-называемый зловѣщій воронъ (*Corvus infaustus*). Иные торопливо отстегиваютъ ружья, но не рѣшаются отойти слишкомъ далеко отъ каравана, и такимъ образомъ бесполезно таскаютъ за собой. Другіе замѣчаютъ только теперь, что черная собака, средней величины съ гладкой шерстью, присоединилась къ нашему каравану еще въ Ромсдаленъ; неустанно слѣдуетъ за нами, и находитъ еще время скакать и гоняться за встрѣчными овцами и птицами. Бестыя эта причинила намъ много непріятностей за два послѣдніе дни, поднимала на насъ всѣхъ собакъ, которыхъ крестьяне держатъ здѣсь по нѣсколько штукъ для охраненія своего имущества, загоняла овецъ въ болото, пугала лошадей, такъ что подъ конецъ на нее началась всеобщая охота камнями, палками, пинками. Но ясно, въ ней живеть убѣжденіе, что и она членъ нашего общества, и всѣ карательныя мѣры сокрушаются объ упрямое животное, которое не выпускаетъ насъ изъ виду и бѣжитъ безъ устали за нами.

Буда ни посмотришь, вездѣ видны на скалахъ, изъ подъ ихъ, песка и дерна несомнѣнные слѣды глетчеровъ. Хотя поверхность скалъ нѣсколько вывѣтрилась, однако ясно видны царапины, которыя часто пересѣкаютъ другъ друга. Видно ясно и то, куда двигался глетчеръ, потому что позади насъ тянется въ далекую, неясную даль, широкая, красивая долина Лугенъ со своими зелеными лугами, обработанными полями и жильемъ, которое виднѣется бѣлыми точками; а внизу извивается рѣка, несущая свои воды въ большое озеро Мьезенъ. Но откуда взялся глетчеръ? — это другой вопросъ; нигдѣ не видно выступающаго гребня, нигдѣ нѣтъ углубленнаго амфитеатра, въ которомъ могъ бы лежать снѣгъ, образовывавшій глетчеръ. Еслибъ не приходилось всходить такъ круто на гору, то можно бы подумать, что находишься въ пустынной и ровной мѣстности Дармштадта, посреди этого лѣса, богатаго отрицательными красотами природы, который носитъ имя Бикебахской ели. Очертанія плоской возвышенности развертываются въ томъ же скучномъ, однообразномъ порядкѣ, и какъ мы ни прискиваемъ чѣмъ бы восторгаться — мы сознаемся самимъ себѣ, что нѣтъ ни ма-

лѣйшаго повода къ восторженію. Только возлѣ Фогстуенъ, вдали, видѣется покрытая снѣгомъ вершина, которая и есть Снегеттанъ, по увѣренію мальчика. Еще шагъ — и мы на станціи.

Меланхоликамъ обыкновенно совѣтуютъ путешествіе для развлечения. Горе, кому выпадаетъ на долю дорога въ Фогстуенъ! До сихъ поръ мнѣ кажется непонятнымъ, какъ это случилось, что мы выбрались и ни одинъ изъ насъ семерыхъ, составлявшихъ караванъ, не покусился на самоубійство. Это настоящая юдоль тоски и отчаянія: ни деревца, ни кустика, — пустынные скалы, не имѣющія даже характера дикости — такъ это все вывѣтрилось и потеряло образность. Жалкія, низкія хижины, полуразвалившіяся, загаженные, отвратительныя съ виду; исхудалыя человѣческія фигуры въ невозможныхъ костюмахъ; лошади — кожа и кости; коровы, которымъ, повидимому, стало невозможно выдѣлать изъ костей и кожи хоть каплю молока. Въ домѣ нѣтъ ничего: ни пить, ни ѣсть, такъ что мы хотѣли даже предложить обитателямъ кое что изъ нашихъ запасовъ..

Мы ждали довольно долго лошадей, потому что путешественники, ночевавшіе вмѣстѣ съ нами въ Домаасъ, предупредили насъ и здѣсь. Это были англичане — другой народъ не путешествуетъ по Норвегіи: сѣдой клерджименъ съ дочерью, достигшей поры зрѣлой юности, въ амазонской шляпѣ и большихъ сапогахъ для верховой ѣзды; она, кажется, предприняла свой послѣдній походъ на мужественныя норвежскія сердца; юноша въ короткой жакеткѣ и безконечно высокихъ штюблетахъ, не промокаемый съ головы до ногъ, вооруженный удочкой новѣйшаго изобрѣтенія и четырехугольный коренастый гражданинъ въ должности проважатаго, который одинаково искусно коверкалъ французскій, датскій и нѣмецкій языки и искалъ утѣшенія въ страствѣи по Норвегіи изъ большой плетеной бутылки съ настоящимъ виски, которую частенько дѣлился съ миссъ.

Мы были сначала въ нерѣшимости выбрать ли Фогстуенъ или Іеркиндъ нашей главной квартирой во время пребыванія на Дофрефельдѣ: вѣдь устраивали же нѣкоторые нѣмецкіе естествоиспытатели новѣйшаго времени свои экскурсіи изъ Фогстуена въ эти негостепріимныя горы! Но теперь, когда мы видѣли собственными глазами, въ чемъ дѣло — колебанія наши исчезли: мы зака-

зали свѣжихъ лошадей, догнали бутылку виски, которая со своими спутниками отправилась въ дорогу прежде насъ и имѣли удовольствіе видѣть въ Теркиндѣ, что она не хотѣла какъ въ Домаасѣ, оспаривать у насъ ночлегъ, а тотчасъ же отправилась дальше въ Дронтегемъ.

Между этими двумя станціями ѣдешь почти по ровной плоской возвышенности. Въ очень незначительныхъ углубленіяхъ лежатъ круглыя, богатая рыбою озера, на которыхъ мы издали видимъ утوبъ. Вершина Снегеттана, покрытая снѣгомъ, совершенно задвинута впереди лежащими холмами; ее видишь только, когда подъѣзжаешь къ самой станціи Теркиндѣ. Станція лежитъ на довольно крутомъ склонѣ, обращенномъ на югъ; къ ней надо пробираться по глубокому и широкому болоту. Маленькіе домики уже издали манятъ васъ; станція глядитъ опрятно, чисто; а маленькая башня на одномъ зданіи показываетъ своимъ колоколомъ, что здѣсь иногда по воскресеньямъ бываетъ большое собраніе. Мы въѣзжаемъ на широкій дворъ; насъ любезно принимаетъ молодой человѣкъ, говорящій совершенно свободно по англійски, онъ называетъ себя сыномъ владѣльца и проводитъ насъ въ домикъ, стоящій въ сторонѣ и назначенный для пріема проѣзжихъ. При первомъ взглядѣ на комнаты, назначенныя для насъ, раздается общее восклицаніе: Здѣсь мы устроимъ пристанище!

Домъ какъ будто нарочно выстроенъ для насъ: четыре спальни съ семью кроватями и обширная зала, изъ которой открывается видъ на болото, дорогу и на цѣпи холмовъ. Любезные люди, чистыя комнаты и кладовая, кажется, хорошо снабженная: есть, говорятъ намъ, оленье мясо, яйца, хересъ, пиво, свѣжее масло и морошка, есть также и достаточное количество лошадей, чтобы охотиться у подошвы Снегеттана.

Мы скоро получаемъ убѣдительныя доказательства того, что есть на кухнѣ и въ погребѣ. Мы жадно ѣдимъ жареное оленье мясо, которое друзья восхваляли намъ. Здѣсь можно надѣяться, что это настоящее оленье мясо, а не какой нибудь жалкій суррогатъ, вымоченный въ уксусѣ и предлагаемый путешественнику, который требуетъ дикихъ произведеній страны. Въ Швейцаріи всѣ путешественники постоянно ѣдятъ въ горныхъ гостиницахъ мясо серны, хотя именно въ сезонъ туристовъ и не охотятся на сернь, да и во-

обще ихъ стрѣляютъ очень мало въ Швейцаріи, гдѣ почти вся дичь истреблена. Но старый козель или баранъ, немного протухлый и вымоченный въ крѣпкомъ уксусѣ, даетъ великолѣпную серну съ отличнымъ вкусомъ дичи. Олень въ Іеркиндѣ, хотя навѣрное настоящій, могъ достойно соперничать, по жесткости и вкусу, съ произведеніемъ швейцарской кухни.

И компотъ изъ морошки не заслуживалъ, по нашему мнѣнію, похвалы, хотя мы бы охотно признали его достоинства. Морошка (*Rubus chamaemorus*) растетъ, какъ извѣстно, на ползучемъ малинномъ кусту съ толстыми кожистыми листьями, который ищетъ возвышеній на болотистыхъ, сырыхъ мѣстахъ и покрываетъ собой цѣлыя пространства. Видомъ она напоминаетъ большую малину; вначалѣ она ярко-краснаго цвѣта, который при созрѣваніи переходитъ въ мутный оранжевый. Ягода эта никогда не бываетъ мягкой; твердое мясо ея хруститъ на зубахъ и имѣетъ вяжущій, немного горьковатый вкусъ. Компотъ, приготовленный изъ нея съ сахаромъ — сладкое блюдо, похожее нѣсколько на ревень, — всегдашнее блюдо на всѣхъ обѣдахъ Норвегіи.

Послѣ обѣда мы стовариваемся устроить завтра на Снегеттагѣ охоту за оленями. Дорога дальняя и намъ надо достать лошадей и проводниковъ, знающихъ мѣстность. Надо также сыскать охотника, который бы живалъ на самой возвышенности и хорошо зналъ оленьи мѣста. Съ похвальной законностью намъ сообщаютъ, что охота на оленей въ эту пору запрещена, но что жандармовъ и лѣсничихъ нѣтъ въ этой мѣстности, и что за убитаго оленя полагается 10 талеровъ штрафа. Мы же на столько испорчены и развращены, что увѣрены, что эти 10 талеровъ не попадутъ въ карманъ ненасытнаго фиска, а залежатся въ карманѣ нашего хозяина, но скоро убѣждаемся, что были неправы къ нему. На слѣдующій же день какая то власть, взимающая штрафы этого рода и замѣтившая въ долинѣ нашъ пеѣздъ, вооруженный ружьями и винтовками, воспользовалась случаемъ выпить въ Іеркиндѣ за наше здоровье стаканчикъ и слупить съ насъ десять талеровъ.

Кромѣ большихъ дорогъ изъ Мольте и Христианіи въ Дронтеймъ, Іеркиндѣ прорѣзываетъ еще дорога, ведущая къ востоку, въ долину Гломмена. Если немного пройти по этой

дорогѣ, то дойдешь до болѣе возвышенной мѣстности, съ которой во всемъ величии видѣнь Снеегеттанъ съ окружающими его горами. Страшно исковерканныя березы и старыя ели растутъ въ этой мѣстности на почвѣ, покрытой высохшимъ мохомъ, въ которомъ по колѣно тонеть нога. Многія ели или покочили свое существованіе, или сломаны силою свирѣпствующихъ здѣсь бурь. Глядя на нихъ видишь, что онѣ растутъ чрезвычайно медленно, потому что годовалыя побѣги едва достигаютъ длины дюйма и вѣтви такъ часты, что едва можно просунуть между ними руку. Мы разбрелись и каждый выискивалъ себѣ мѣстечко, съ котораго онъ могъ бы срисовывать окрестность.

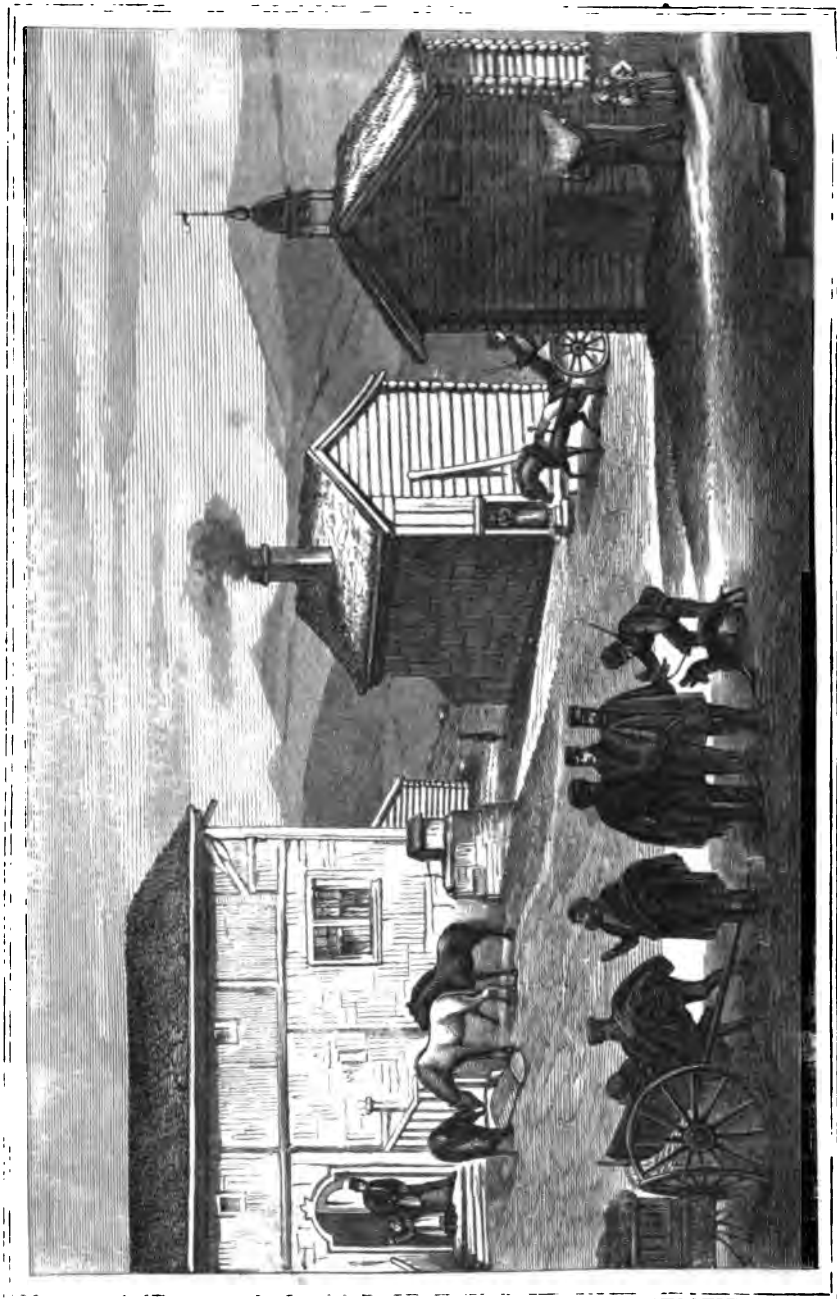
Видъ величавый, но невыразимо-печальный. Впереди видна станція Іеркиндъ, расположенная на склонѣ, спускающемся въ глубокое болото, за которыми ряды холмовъ, пройденныхъ нами сегодня утромъ, скрываютъ дальнѣйшій видъ на югъ. Посрединѣ, за Іеркиндомъ, протянулись на сѣромъ фонѣ длинныя сѣрыя линіи,—это хребты холмовъ плоской возвышенности, поднимающіеся постепенно къ Снеегеттанъ. Зеленъ, показывающаяся тамъ и сямъ на низменныхъ мѣстахъ этой возвышенности, скоро исчезаетъ и уступаетъ мѣсто снѣжнымъ площадямъ, которыя становятся все больше и больше. Наконецъ на горизонтѣ поднимаются вершины Снеегеттанъ и Скреахега, покрытыя на склонахъ снѣгомъ ослѣпительной бѣлизны. Вершины эти не производятъ величаваго впечатлѣнія: основаніе ихъ подымается слишкомъ постепенно, а верхнія очертанія слишкомъ прямы, чтобы дѣйствовать сильно на зрителя; но все же ихъ форма своеобразна. Въ самомъ дѣлѣ Снеегеттанъ имѣетъ форму громаднаго амфитеатра, цирка, широкаго кратера, одна стѣна котораго, обращенная на востокъ, къ Іеркинду, обрушилась и поэтому можно глубоко заглянуть во внутрь котловиднаго углубленія. Эта котловина, которую можно принимать за широкое отверстіе кратера, наполнена снѣгомъ, и темныя тѣни вкнутыя стѣнами кратера на снѣгъ, показываютъ намъ, что стѣны состоятъ изъ отвѣсныхъ стремнинъ. Наружный склонъ стремнинъ довольно покатъ, такъ что если дополнить воображеніемъ дѣйствительность, то Снеегеттанъ представился бы низкимъ конусомъ съ постепенно

съ весьма пологою отлогостью. Въ телескопъ ясно видны наслоенія внутреннихъ отвѣсныхъ стремнинъ которыя образуютъ почти горизонтальныя линіи.

Вершина Скреахегъ, съ мѣста, гдѣ мы находимся, стоитъ влѣво отъ Снеегеттана, слѣдовательно къ югу и образуетъ длинный, полумѣсядемъ загнутый валь, который широкою дугою огибаеть Снеегеттанъ и высылаеть навстрѣчу ему страшно крутые обрывы, на которыхъ только кое-гдѣ держится снѣгъ. Наружные склоны его также пологи и ясно видны толстыи снѣжный покровъ, который во многихъ мѣстахъ нависъ надъ безднами подобно крышѣ. Намъ еще лучше, чѣмъ на Снеегеттанѣ, видны наслоенія; пласты, то выдаются впередъ и нависли, какъ полы плаща, то отломлены и уходятъ внутрь. Скреахегъ, поднимается круче амфитеатра Снеегеттана.

Фогтъ ушелъ въ лѣсъ укрыться отъ палящихъ лучей солнца. Заяцъ, въ своей сѣрой лѣтней одеждѣ, беззаботно пробѣжалъ мимо него, какая-то лѣсная курочка, пицала вблизи. Верна, посидѣвъ немного, отправился болотомъ къ противоположнымъ холмамъ чтобы съ нихъ обозрѣть окрестность, а Гассельгорстъ взобрался на возвышенное мѣсто возлѣ опушки лѣса, снять видъ горъ съ Теркиндома на первомъ планѣ. Спустя часъ Фогтъ отыскалъ художника. Онъ былъ въ положеніи, достойномъ жалости: съ раздутымъ, распухшимъ лицомъ, сизымъ носомъ, окровавленными руками, съ остервенѣніемъ колотящій собственную свою особу. Чѣмъ ниже спускалось солнце, тѣмъ съ большей злостью нападали на нашего несчастнаго друга мошки, комары, овода и всѣ тѣ крылатыя твари, описаніемъ которыхъ знаменитый натуралистъ Цеттерштедтъ наполнилъ два тома, измучили его и обезобразили такъ, что онъ сдѣлался неузнаваемъ. Бѣдняжка до такой степени упалъ духомъ, что не могъ рѣшиться ни кончить рисунка, ни уйти съ своего мѣста. Фогту тоже порядкомъ досталось, но далеко не такъ, какъ бѣдному художнику, который клялся всѣми святыми, что во всей единой Италіи нѣтъ и половинной доли тирановъ, собравшихся здѣсь на одно мѣстѣ.

Скоро вернулись и остальные спутники, всѣ болѣе или менѣе искусаанные насѣкомыми. Великолѣпная форель съ темнымъ, желто-оранжевымъ, твердымъ мясомъ, которая могла бы украсить княжескій столъ,

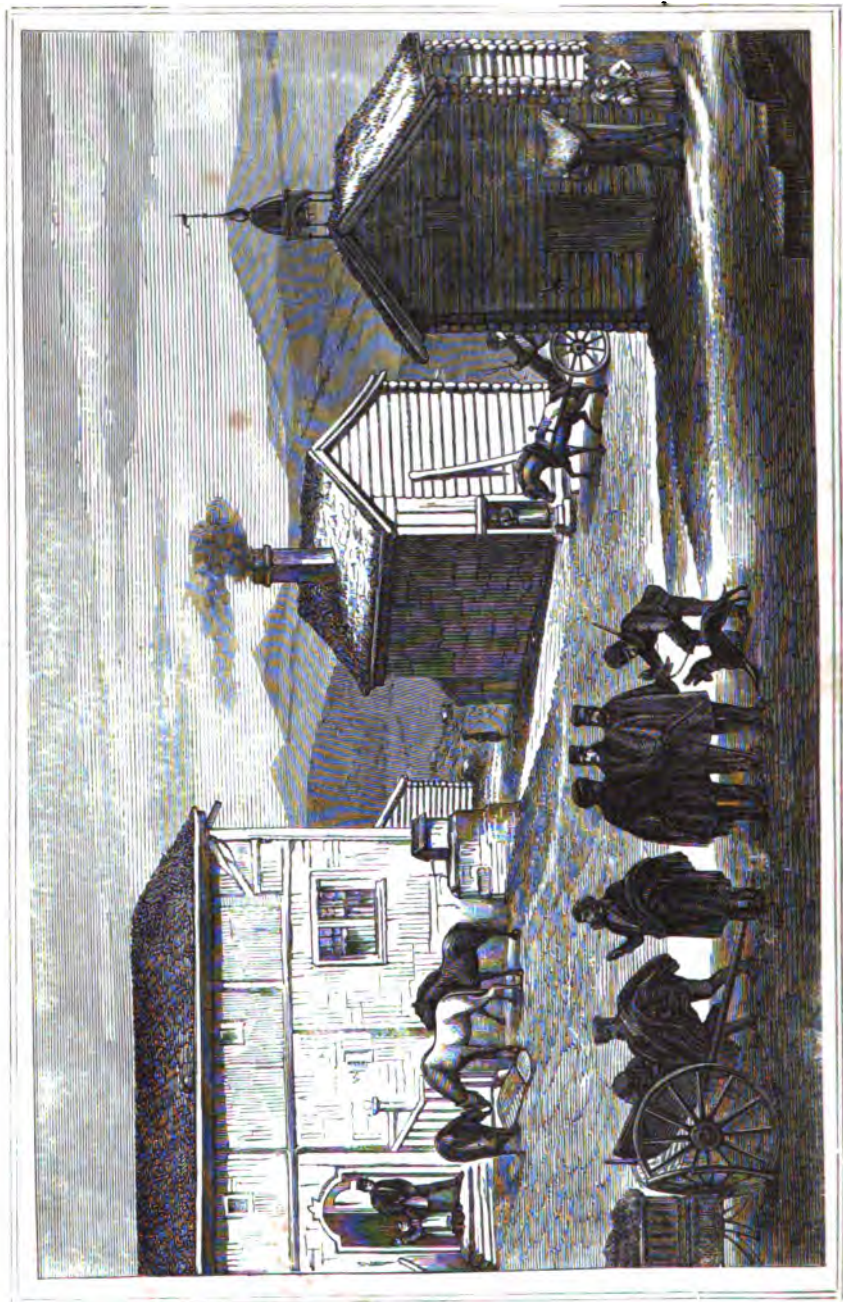

Дворъ въ Геринидѣ.

поселили под светливо Приподнятого передника. шилая картина:
Гассельгорсть буквально пожирает дѣвочку глазами, и мы не

едва могла сколько нибудь заглушить горькія жалобы, которыя лились со всѣхъ сторонъ. Проклятія сыпались на головы тѣхъ писателей или знакомыхъ, которые совѣтовали намъ путешествовать по Норвегіи: „Капелька крови, которую привезешь изъ дому, и которой нельзя пополнить кормомъ этой страны, высасывается здѣсь этими кровопійцами!“ восклицаетъ одинъ! „Когда находишься въ морѣ“, говоритъ другой, — тебя такъ качаетъ, что и голова и желудокъ кружатся, а выйдешь на твердую землю, на тебя нападаютъ мириады ядовитыхъ насѣкомыхъ, отъ которыхъ не имѣешь покоя даже ночью, такъ какъ солнце почти постоянно на небѣ.“ — „Нашъ другъ Мартенъ въ Монпелье говоритъ правду“, замѣчаетъ третій, „что лапландскую возвышенность можно проѣхать не раньше осеннихъ холодовъ, убивающихъ комаровъ, иначе подвергаешься опасности, что они высосутъ кровь изъ вены и изъ всадника, какъ южно-американскіе вампиры!“ — „Право не удивительно“, прибавляетъ четвертый, „что норвежцы большею частью такъ худощавы; эти невольныя кровопусканія лѣтомъ должны крайне истощать ихъ, а сушеная треска зимой не можетъ пополнить убыли крови!“

Сегодня суббота и пока мы собираемся на охоту, домъ и дворъ убираются къ празднику. Возвращающаяся скотина, въ особенности лошади, направляются прежде всего къ порогу дома и жадно лижутъ тамъ камни. Здѣсь въ обычаѣ давать лошадямъ послѣ каждой работы немного соли, которая посыпается на камень, къ которому лошади и бѣгутъ каждый разъ, только ихъ выпрягутъ. — Нѣсколько большихъ комнатъ одинаково служатъ и жилыми и пріемными покоями, а передняя въ то же время и кухня. Въ углу, надъ широкой гранитной плитой, которая служитъ очагомъ, и на которой постоянно разведенъ большой огонь, нависъ просторный каминъ, и его выдающійся уголь подпирается тонкой желѣзной колонной. Стройная хозяйка, въ длинномъ, темномъ платьѣ, повязанная бѣлымъ платкомъ, занята приготовленіемъ ужина. Маленькая краснощекая дѣвочка съ длинными, развѣвающимися золотистыми локонами, подпрыгиваетъ по только что вымытой пескомъ комнатѣ и посыпаетъ полъ свѣжими зелеными еловыми побѣгами изъ кокетливо приподнятаго передника. Милая картина! Гассельгорстъ буквально пожираетъ дѣвочку глазами, и мы не

Дворъ въ Германидъ.

Гассельгорсть буквально пожирает девочку глазами, и мы не

удивимся, если онъ попроситъ остаться лишній день въ Тёркиндѣ, чтобы перенести дѣйствительность на полотно.

Выйдя изъ дому, мы замѣтили огонь, который пылалъ въ подвальному помѣщеніи подѣ нашей залой. Тамъ должна быть прачешная, и какъ мы хотимъ познакомиться съ чисто норвежскимъ хозяйствомъ, то спускаемся туда. Мы находимъ пѣсколькихъ женщинъ, занятыхъ приготовленіемъ специального норвежскаго печенія, лепешекъ (Fladbrød). У чугуноплавильнаго завода Лессо мы уже дивились мельницѣ первобытнаго устройства, которая была сооружена вмѣстѣ съ валаальной и лѣсопильной — въ замѣнѣ прежнихъ гидравлическихъ построекъ завода. О рѣшеткахъ, какъ и вообще обо всѣхъ изобрѣтеніяхъ новѣйшей цивилизаціи, не могло быть здѣсь и рѣчи. На горизонтально положенномъ жерновѣ вертѣлся отвѣсно поставленный цилиндръ, который сбрасывалъ въ близъ-стоящій ящикъ грубо-смолотый овесъ, отруби и муку, все вмѣстѣ. Жернова состоятъ изъ мягкаго, слюдянаго сланца, содержащаго гранатъ. Жерновъ можно было скоблить ножемъ и онъ стирается такъ, что вѣсь получаемой муки значительно превышаетъ вѣсь зеренъ. Уже обозрѣвши эту мельницу мы думали, что нашли въ употребленіи такихъ жернововъ объясненіе обстоятельства, что почти у всѣхъ простолюдиновъ-норвежцевъ, которыхъ мы встрѣчали, зубы стерты почти до самихъ десенъ, даже у молодыхъ мужчинъ и женщинъ. Иначе и не можетъ быть, когда приходится жевать зубами печенье, которое, кромѣ мякины, содержащей кремнеземъ, содержитъ еще мелко смолотый кварцъ, полевой шпатъ, слюду и гранатъ, которые всѣ далеко превосходятъ твердостью эмаль зубовъ. Въ Норвегіи внимательному наблюдателю можно по зубамъ узнавать сословія и различать ѣдящихъ лепешки и хлѣбъ. Мюгге въ описаніи своего путешествія рассказываетъ, что питаніе лепешками производитъ ужасныя колики съ сильнымъ запоромъ, которыя прекращаются только помощью сильныхъ слабительныхъ средствъ. Удивительно ли, если подумаешь, что большую часть муки составляютъ вещества, непереваримыя даже желудкомъ страуса?!

Въ подвалѣ въ Тёркиндѣ мы могли окинуть все приготовленіе лепешекъ однимъ взглядомъ. Желтая мука, похожая на крупный песокъ, нѣсколькими работниками разбавлялась водою въ боль-

шой джѣ и мѣсилась въ густую кашу, такъ что подѣ конецъ вся масса походила на глину, которую употребляютъ для смазки печей. Видѣ этой массы напомнилъ мнѣ родной городъ Гиссенъ въ былое время, когда глина составляла весьма важную вещь. Какъ часто насъ, мальчиковъ, угощали самыми полновѣсными отеческими и материнскими пощечинами, когда бывало мы приходили домой, покрытые слоемъ желтой грязи, которою вымарывались съ ногъ до головы при нашихъ дѣтскихъ постройкахъ, при чемъ, подражая каменщикамъ, мы мѣсили ногами тяжелую желтую глину; дѣлали изъ нея кирпичи, сушили ихъ на солнцѣ и выводили стѣны, и смазывали трещины все тою же, только жидкою глиной!

Эти воспоминанія проснулись во мнѣ, когда я увидѣлъ желтую массу, похожую на глину, которую складывали у стола, за которымъ сидѣла сама дѣлательница лепешекъ. Лѣвою рукою она отрѣзала куски гѣста въ кулакъ величиною, мяла ихъ нѣсколько рукою и раскатывала валькомъ по столу въ длинныя, круглыя слои, тонкіе какъ бумага. Она умѣла съ большой ловкостью давать имъ совершенно круглую форму и равномѣрную толщину. Затѣмъ она брала другой маленькій рѣзной валикъ, проводила имъ по лепешкѣ и такимъ образомъ покрывала ее различ-

ными фигурами. Въ запасѣ у нея было нѣсколько такихъ вальковъ и, какъ кажется, она мѣняла вальки, принимая во вниманіе достоинство муки и, зависящее отъ муки, качество лепешекъ.

Когда кончилось валянья лепешекъ, пекарка сложила ихъ на круглый желѣзный листъ, который положенъ былъ по правую ея руку, на слабый огонь, тлѣвшій въ каминѣ. Великолѣпный каминъ! Громадный навѣсъ выдавался полукругомъ и два боковые устоя изъ мягкаго горшечнаго камня или серпентина, поддерживали его. Искусная рука выльпила на нихъ красивыя украшенія, которые бросились намъ тотчасъ въ глаза; они были въ томъ же стилѣ, какъ и рѣзныя притолки церковныхъ дверей, видѣнныя нами въ бергенскомъ музеѣ. Въ самомъ дѣлѣ, намъ сказали, что этотъ каминъ принадлежитъ къ самымъ старымъ подѣлкамъ подворья и существуетъ вѣроятно съ самой постройки зданія.

Какъ только лепешки высохнутъ на горячемъ желѣзномъ листѣ и едва пропекутся, ихъ снимаютъ съ огня и складываютъ въ кучи. Если готовятъ большіе запасы, то лепешки нанизываются на бичевку и вѣшаются на вольный воздухъ. Такимъ образомъ получается печенье несокрушимое, непереваримое, жесткое, а видомъ сильно смахивающее на папку или оберточную бумагу; вкусъ его похожъ на смѣсь песка съ овсяною соломой, а шведскіе патриоты утверждаютъ, что его можно предпочесть всѣмъ печеньямъ въ мірѣ. Эти лепешки напоминаютъ черную похлебку спартанцевъ, и могутъ считаться національнымъ блюдомъ, помощью котораго узнается истинный патриотъ, но которое не можетъ быть по вкусу чужеземцу.

Рано утромъ все было въ движеніи ради предстоящей охоты. Ружья и винтовки осмотрѣны еще разъ; телескопы, бинокли вытерты, потому что безъ нихъ, говорятъ, нельзя увидать оленей. На дворѣ лошади били копытами, подковы ихъ были тщательно осмотрѣны; хозяева и гости бѣгали взадъ и впередъ, чтобы приладить хорошенько сидѣнія и багажъ для трудной поѣздки. Пришелъ нанятой охотникъ Эрикъ, сынъ Эрика (всѣ охотники въ Доврефіельдѣ называются Эриками) — молодой, статный — весь изъ жилъ и костей, съ всклокоченными желтыми волосами и маленькими сѣрыми впалыми глазами, зоркость которыхъ мы испытали

впродолженіе дня. Эта сцена одушевила одного изъ насъ, и онъ произвелъ слѣдующее стихотвореніе, — образцомъ послужилъ, вѣроятно Іеронимъ Іобсъ, — но вѣдь оно кромѣ правдивости и не претендуетъ на иное достоинство.

Выѣздъ на Снегеттанъ.

Sie zogen eines Morgens aus —
 In Aufruhr kam das ganze Haus —
 Der Mannen neune, hoch zu Ross,
 Mit Malgeräth und mit Geschoss.
 So ritten sie auf öden Wegen
 Langsam dem Sneehtëttan entgegen,
 Das flüchtige Rennthier zu erjagen,
 Vielleicht sich auf den Gipfel zu wagen.
 Ein kleiner Buckel, flink und gewaadt,
 Bei allen Fährlichkeiten zur Hand,
 War auf dem Pony voraus vor Allen,
 Liess sich die Leitung des Zuges gefallen.
 Ihm folgt der Professor, schwer und dick,
 Leitet sein Rösslein mit Geschick, —
 Doch wär' es auch ohne ihn gegangen —
 Hätt' sich zu springen nicht unterfangen.
 Der Commodore sprengt hinterher
 Ohne Sattel und Bügel einher,
 Aehnlich den römischen Cäsaren.
 Hinter ihm kömmt der Maler gefahren,
 Fröhlich, weil er den Schnaken entronnen,
 Die sein Gesicht zu schänden begonnen.
 Der Medizinalrath, lang und dünn,
 Schwankt auf magerer Mähre dahin;
 Die Flinte baumelt ihm hin und her,
 Als ob sie ein Balancirstock wär',
 Und bei dem Versuche, lebhaft zu traben,
 Hat er den Ladstock für immer begraben.
 Der Gressly endlich schliesst den Zug.
 Das Reiten gibt ihm zu thun genug,
 Er karessirt den Sattelknopf,
 Schnockelt hin und her mit dem hohen Kopf,
 Der Kittel flattert um ihn her,
 Der Hintern schmerzet ihn gar sehr,
 Und als man endlich abgesessen,
 Hatt' ihm der Wolf die Hosen zerfressen. *)

*) Однажды утромъ выѣхало девять человекъ верхомъ съ снарядами для живописи и съ ружьями — весь домъ взбудоражили они этимъ. Такъ ѣхали они медленно по пустыннымъ дорогамъ къ Снегеттану, чтобы поохотиться на быстрыхъ оленей, и пожалуйъ взобраться на вершину горъ. Маленькій ростороп-

Со станціи проѣзжаешь сперва уродливымъ березовымъ лѣскомъ и по болотистымъ или каменистымъ дорожкамъ спускаешься къ рѣчкѣ, которая течетъ по болоту и называется Сванаа. Нѣсколько разъ приходилось переѣзжать черезъ ручьи, притоки также и черезъ самую рѣчку и обыкновенно въ такихъ мѣстахъ представляются прекрасныя виды вдаль и на вершину Снегеттана. По крайней мѣрѣ, вблизи рѣчки, показывается хотя нѣсколько зелени, но и она испещрена красными и бурными пятнами; иногда отражается голубое небо въ болотистыхъ водахъ, текущихъ подъ нашими ногами. Но такіе виды рѣдки; обыкновенно мѣстность представляется печальной равниной: сѣрно-желтый олений мохъ, бѣлесоватый исландскій мохъ, сѣрые камни и скалы, перемежающіеся съ грязноватыми полосами болота, все это вмѣстѣ даетъ ей видъ ужасной точно выгорѣвшей пустыни. Монотонный характеръ, который эти безконечныя площади и могли бы только придавать мѣстности, прерывается мѣстами почвою разной окраски, что даетъ ей весьма близкое сходство съ пестрой шкурой пантеры. Тропинки, по которымъ мы ѣдемъ, скучны и утомительны: лошади то провалились по колѣно въ болото или мохъ, то спотыкаются о камень, то напрасно отыскиваютъ точку опоры въ рыхломъ пескѣ и щебнѣ, которые какъ бы нарочно насыпаны на поверхности. Эти сыпучіе валы, прорѣзанные во всѣхъ направленіяхъ талою водою, еще болѣе придаютъ пустынный характеръ мѣстности. Валы попадаютъ особенно часто съ половины дороги, гдѣ вступаешь въ мѣстность массивныхъ камней; около Геркинда почва состоитъ изъ мягкаго слюдистаго глинянаго сланца. Нельзя найти никакого опредѣленнаго направленіи въ этихъ кучахъ щебня и обломкахъ

ный и ловкій горбунъ, всегда находящійся тамъ гдѣ опасность, ѣхалъ напони впереди всѣхъ—онъ управлялъ поѣздомъ. За нимъ тяжелый и толстый профессоръ, ловко правящій своею лошадкой,—но еслибы влезась и безъ него—не раскачалась бы. Коммодоръ скачетъ за нимъ безъ сѣдла и стремени, подобно римскому цесарю. За нимъ плетется художникъ, счастливый, что убѣжалъ отъ комаровъ, которые обезобразили ему лицо. Длинный и тощій докторъ качается на тощей клячѣ; ружье у него болтается какъ балансирующій шестъ; когда же онъ захотѣлъ поскакать, то потерялъ шомполъ. Греси замыкаетъ шестіе. Вѣда даетъ ему знать себя; онъ ударяется задомъ о сѣдельную луку, мотаетъ головою; балахонъ его развѣвается, онъ сильно натрудилъ себя задъ и когда наконецъ слѣзамъ съ коней—то волки растормошили ему штаны.

каменныхъ массъ, которыя своимъ происхожденіемъ вѣроятно обязаны глетчерамъ и должны разсматриваться какъ основныя морены, по направленію которыхъ двигалась ледяная масса.

Впрочемъ, утверждать здѣсь положительно — нельзя, потому что на высотахъ страшно дѣйствовало вывѣтриваніе. Полевой шпатъ, образующій здѣсь плоскую возвышенность и самую вершину, опредѣлялся различными наблюдателями весьма различно, и каждый видъ этой породы называли то слюдястымъ сланцемъ, то гнейсомъ, то порфировымъ гнейсомъ, то кварцовымъ сланцемъ. Дѣло въ томъ, что нельзя провести точной грани между всѣми этими породами, включая и гранитъ, — онѣ переходятъ одинъ въ другой вслѣдствіе большаго или меньшаго развитія какой нибудь составной части, вслѣдствіе большей или меньшей спайности, и всё приблизительно состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же минералогическихкихъ элементовъ. Слои нѣсколько толще, и въ нихъ вкраплены красноватобѣлые кристаллы полевого шпата, иногда въ кулакъ величиною — эта порода называется великолѣпнымъ гнейсомъ; спайность значительно больше и темныя кристаллы роговой обманки а иногда и гранаты придаютъ ей зеленоватый видъ, — роговообманковымъ сланцемъ; преобладаетъ кварцъ съ сѣрвато-бѣлыми мелко-зернистыми кристаллами, — кварцовымъ сланцемъ; впадаютъ тонкія, серебристыя, слюдяныя пластинки, — своеобразнымъ слюдястымъ сланцемъ или даже Снегеттанскимъ сланцемъ. Но это можетъ быть превосходно примѣнимо къ отдѣльнымъ, тщательно выбраннымъ кускамъ въ музеяхъ, а въ природѣ все сливается, и чтобы получить изображеніе вѣрное дѣйствительности, надо смѣшать на геологической картѣ всѣ краски обозначающія пласты, какъ это требуется при изображеніи радуги, вмѣсто ихъ рѣзкаго разграниченія.

А изслѣдованіе затруднительно здѣсь, потому что вывѣтриваніе свирѣствовало ужасно. Только тамъ и сямъ, гдѣ недавно былъ свѣжій обвалъ, видны еще въ руслѣ рѣки или лощинѣ острые обломки породы. А то вездѣ видишь округленныя глыбы и валуны, дырчатые на поверхности и вывѣтрившіяся по краямъ, окруженныя крупнымъ пескомъ, который постепенно отмывала тихо просачивающаяся талая вода.

Мы подвигаемся медленно впередъ, потому что лошади и дороги

одинаково скверны; вѣдоки — то же непривычны. Почва поднимается постепенно, что мы едва замѣтили, какъ поднялись въ область горныхъ ранункуловъ; мѣстами лежалъ еще снѣгъ. Это-то постепенное поднятіе почвы и скрадываетъ у Снеегеттана тотъ величественный характеръ, который онъ могъ бы имѣть при болѣе крутомъ подъемѣ, хотя высота его и превышаетъ 7000 фут. Высота платформы, надъ которой поднимаются болѣе высокія вершины, равняется 4000 фут., такъ что Снеегеттанъ превышаетъ ихъ не болѣе какъ на 3000 фут. Поистинѣ немного, когда находишься въ безлѣсной пустынѣ. По нашему мнѣнію, и его раздѣляетъ весь нашъ караванъ, даже натуралисты слишкомъ преувеличивали впечатлѣніе, и мы не понимаемъ, какъ Леопольдъ фонъ Бухъ могъ сказать: „Вотъ появляется наконецъ высокая пирамида Снеегеттана. Это не гора, а горный краѣжъ на горномъ же краѣжѣ, величавый образъ, господствующій надо всѣмъ въ этой пустынѣ, достойный стать рядомъ съ Монте Роза.“ Кто однажды наслаждался великолѣпнымъ видомъ Монте Роза съ хребта Риффеля въ долину Церматтъ, тотъ не можетъ не найти въ этихъ словахъ страшнаго преувеличенія.

Къ полудню мы достигаемъ наконецъ болотистой низменности, гдѣ наши усталыя лошади выщипываютъ послѣднюю траву. Послѣ завтрака караванъ дѣлится на двѣ части: Берна, Герценъ, Губертъ и норвежскій охотникъ, отправляются съ хозяйскимъ сыномъ на снѣжную поляну, составляющую котловидное углубленіе Снеегеттана; маленькій горбунъ остается стеречь лошадей, которыя тихо, съ путами на ногахъ, разбрелись по болоту; Гассельгорстъ, Гресли и Фогтъ поднимаются на цѣпь холмовъ слѣва, гдѣ они надѣются лучше рассмотреть строеніе горы. На пути имъ попадаются отчетливые слѣды сѣверныхъ оленей, только съ болѣе широкими и на концахъ болѣе загнутыми копытами. Нѣкоторые слѣды свѣжи; они бы хотѣли извѣстить друзей объ этой находкѣ, но друзья отошли уже далеко и видѣются на снѣжной полянѣ маленькими черными точками, которыя ползутъ точно муравьи.

„Снеегеттанъ“, говоритъ англійскій путешественникъ, „есть кратеръ, углубленіе котораго занято глетчеромъ.“ — „Снеегеттанъ“, говоритъ нѣмецкій геологъ, есть величественная

развалина разрушеннаго Доврефельда первобытныхъ временъ, дивно-ужасный колоссъумъ скалъ, окруженный черными, крутыми утесами; особенно крайній изъ нихъ на западъ представляется въ высшей степени величавымъ, такъ какъ его верхняя часть свободно какъ конусъ, сѣло высится въ воздухѣ и страшно круто обрывается въ пропасть, имѣющую форму подковы, образуетъ одинъ изъ ея шиповъ.“ Съ мѣста нашего наблюденія мы прямо глядѣли въ эту пропасть и въ телескопъ могли отлично изслѣдовать строеніе отвѣсныхъ скалъ, которыя поднимаются изъ середины, надъ снѣжной поляной. Въ глубинѣ можетъ быть это и глетчеръ, на поверхности же нѣтъ и слѣду льда, а только снѣжный покровъ, который съ виду похожъ на фирнъ верхнихъ альпъ. Понятіе, которое мы составили себѣ вчера о строеніи Снегеттана, подтвердилось вполне. Напластованіе, видное на крутыхъ обрывахъ пропастей, идетъ опредѣленными горизонтальными линиями; и также хорошо видно, что боковые скалы образовались изъ тѣхъ же слоевъ, спавшихъ во всѣ стороны на подобіе плаща съ центра котловиднаго углубленія. Совершенно такимъ же представляется и длинный гребень Скреахега, на южномъ склонѣ котораго рѣзко обозначаются круто приподнятые пласты и ихъ продолженія въ горизонтальныхъ напластованіяхъ обрывовъ.

По наблюденіямъ Науманна вся масса Доврефельда состоитъ изъ кольцеобразно-наслоенныхъ пластовъ, которые группируются вокругъ идеальнаго центра такимъ образомъ, какъ будто спадаютъ съ него во всѣ стороны плащомъ. Снегеттанъ и Скреахегъ, какъ кажется, повторяютъ это плащевидное наслоеніе и на самомъ хребтѣ горной цѣпи такимъ образомъ, что Снегеттанъ представляетъ центръ наслоенія, а Скреахегъ обвиваетъ его широкимъ кругомъ. Замѣчательно во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что Снегеттанъ стоитъ внѣ центральной массы Доврефельда, центръ которой, по крайней мѣрѣ по картѣ Науманна, оказался бы гораздо западнѣе на горной цѣпи.

Мы чертимъ, рисуемъ, споримъ, разбиваемъ камни, ищемъ цвѣтущихъ лишавевъ, между которыми находимъ нѣсколько великолѣпныхъ видовъ съ красными какъ киповаръ головками и занимаемся такимъ образомъ нѣсколько часовъ сряду. Въ то же время мы обозрѣваемъ кругомъ мѣстность. Мы стоимъ такъ, что

наши взоры проникают глубоко въ долину Лессё, и въ телескопъ мы ясно видимъ тамошнюю церковь. Какъ темная трещина зияетъ долина изъ глубины, ограниченная съ противоположной стороны однообразнымъ рядомъ холмовъ. Только на востокъ однообразіе горныхъ формъ нарушается величественной горой, подошва которой, какъ вѣжется, лежитъ въ долину Гломмена. Мы ясно видимъ въ телескопъ Іеркиндъ съ сбѣгающими туда дорогами; мы можемъ различить горный проходъ, который придется перейти и кажущійся намъ едва замѣтной впадиной между двухъ холмовъ. Мы наслаждаемся этой панорамой тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что только изрѣдка раздается въ нашихъ ушахъ тоненькое жужжанье какого-нибудь заблудившагося комара.

Послѣ четырехчасоваго пребыванія на высотѣ мы вернулись къ нашимъ лошадямъ; ихъ сторожъ спалъ глубокимъ сномъ. Началось горячее обсужденіе вопроса: дерзнуть ли взобраться на самую вершину Снегеттана, и насъ можетъ быть упрекнуть въ томъ, что мы не воспользовались этимъ случаемъ. Еслибы мы имѣли честь быть членами Альпійскаго клуба, существенная задача котораго — доставлять какъ можно больше случаевъ ломать себѣ шею и ноги, мы навѣрное не колебались бы ни минуты. Но усталые и разбитые отъ утомительной четырехчасовой верховой ѣзды, мы взяли въ расчетъ поздній часъ дня, трудности восхожденія и возвращенія домой быть можетъ болѣе, чѣмъ это слѣдовало намъ — совѣстливымъ путешественникамъ и принципъ коности, который собственно принадлежитъ къ первичнымъ свойствамъ матеріи, получилъ сильный перевѣсъ. Телескопъ еще болѣе утѣшилъ насъ въ этомъ рѣшеніи: хотя мы и убѣдились, что пожалуй можно бы достигнуть вершины, не потонувъ въ мокромъ, рыхломъ снѣгу, но за то видно было, что всѣ отлогости до того усыяны большими и малыми глыбами каменьева, что конечно надо было ожидать такого-же утомительнаго подъема какъ и на вершину Зидельгорна въ Швейцаріи. Тамъ также послѣдняя вершина усыяна большими и малыми каменьями, зыбко наваленныхъ другъ на друга, образующихъ круто-спускающееся море скалъ, отдѣльные обломки которыхъ часто лежатъ въ крайне сомнительномъ равновѣсіи — результатъ громаднаго вы-

вѣтриванія, которое очевидно сильно дѣйствуетъ на склонахъ Снегеттана. Внѣшніе пласты, образующіе плащъ, до такой степени изорваны, извѣданы и изглоданы въ тысячалѣтія, въ продолженіе которыхъ они противустоятъ стихіямъ, что отъ нихъ остались только разрозненные обломки, какъ памятники разрушенія.

Нигдѣ не было видно слѣда нашихъ охотниковъ и, по увѣреніямъ горбуна, они могутъ вернуться на стоянку только поздно вечеромъ, если олени слѣдовали, хотя въ малой степени, своей склонности къ передвиженію. На сколько мы могли понять нашего весельчака-пріятеля, онъ окончательно рѣшился ждать въ положеніи сурка, возвращенія заблудившихся, закутавшись въ оставленные плащи и пледы, — рѣшеніе похвальное, и ненужное по нашему. И такъ мы осѣдали нашихъ пони, твердо увѣренные что они лучше насъ найдутъ дорогу домой и медленно двинулись опустивъ поводья; лошади, понуривъ головы, чутьемъ искали дорогу въ безконечной равнинѣ. Намъ было жарко, къ тому же мы устали и хотѣли пить; подъ предлогомъ нарисовать эскизъ, мы оставались у каждаго брода, а на самомъ дѣлѣ для того только чтобы утолять жажду.

Но мы пили напрасно. Одно изъ преимуществъ этой несчастной горной страны, что почти вся вода имѣетъ болотный вкусъ; вкусъ этотъ сообщаютъ ей болота, образующіеся въ низменностяхъ. Напрасно будешь искать на Доврефельдѣ великолѣпной, свѣтлой, свѣжей горной воды, которая въ Швейцаріи струится со всѣхъ скалъ, и имѣетъ такой освѣжительный, мягкій и усладительный вкусъ. Даже и въ этомъ выказывается свойство Норвегіи портить какъ можно болѣе самые лучшіе дары природы.

„Наша охота была удачна“, рассказывалъ коммодоръ на другое утро, „но я не знаю, согласился бы я повторить ее при подобныхъ-же условіяхъ. Трудная четырехчасовая ѣзда не мало утомила насъ, къ тому же жаръ былъ такъ душливъ, а дорога ужасна во всѣхъ отношеніяхъ. Намъ приходилось то скакать съ глыбы на глыбу на вывѣтрившихся откосахъ, покрытыхъ камнями, при чемъ легко можно было сломать себѣ ногу, то брести по колѣно въ снѣгу, покрытомъ тонкою ледяною корою сквозь которую мы проваливались и ссадили себѣ ноги. Стало быть въ началѣ было не мало препятствій. Герценъ проклиналъ свое ружье,

которое оттянуло ему плечи и изломалъ шомполъ, колотивши свою клячу. Губертъ, котораго, помимо узкихъ болотныхъ сапогъ, натянутыхъ выше колѣнъ, тѣснили еще бѣдствія всего остальнаго человѣчества, имѣлъ серьезное и вывѣтрившееся лицо, похожее на старня гранитныя глыбы, по которымъ мы брели съ такимъ трудомъ. Меня-же поддерживала страсть къ охотѣ, желаніе подражать обонимъ норвежцамъ, которые далеко впереди насъ скакали по камнямъ съ такою ловкостью, какъ будто подъ ихъ ногами была ровная, прекрасная почва.“

„Вдругъ Эрикъ, точно хорошо дрессированный песъ, дѣлающій стойку надъ дичью, припалъ за большой камень, и показывалъ намъ рукой сдѣлать то же. Онъ увидѣлъ стадо оленей и старался указать рукою направленіе, въ какомъ мы могли бы ихъ увидеть. Попробовалъ-бы увидеть ихъ — кто съ дѣтства не привыкъ къ этому! Все сѣро на сѣромъ фонѣ и лежащій и пасущійся олень также похожи въ этой безпредѣльной равнинѣ на сѣрую глыбу, какъ одно яйцо на другое. Мы напрасно напрыгали глаза и такъ какъ я не хотѣлъ употреблять телескопа, который былъ съ нами, изъ боязни спугнуть оленей, то мы должны были повѣрить на слово ихъ существованію и довольствоваться увѣреніями нашихъ норвежцевъ.“

„Теперь дѣло было въ томъ, чтобы за вѣтромъ подкрасться на выстрѣлъ къ животнымъ. Мы были на сѣверномъ склонѣ Снегеттана, вблизи снѣжной поляны, которая наполняетъ внутренній кратеровидный амфитеатръ горы, въ полутора часовомъ разстояніи отъ нашей стоянки. Снѣжная поляна прилегаетъ къ крутымъ стѣнамъ горы такъ, что образуется покатый склонъ, на которомъ сильно припекали солнечные лучи. Отъ дѣйствія ихъ въ углубленіи образовалось маленькое озеро изъ таявшаго снѣга. Олени выбрали себѣ недавно оттаявшее болото внутри вала, образовавшаго послѣдній выступъ горы, и защищенные отъ вѣтра покойно паслись на солнцѣ. Чтобы подойти къ нимъ, надо было обойти валъ большимъ полукругомъ, потомъ осторожно взобраться на его гребень со стороны, противоположной оленямъ. Казалось намъ, что тогда мы можемъ подойти къ нимъ на выстрѣлъ, или выждать, притаившись за камнями, пока они сами подойдутъ къ намъ на приличное разстояніе.“

„Маневры эти были хорошо выполнены и, добравшись гребня, мы покойно наблюдали оленей, которые паслись теперь почти на расстоянии ружейнаго выстрѣла. Намъ казалось, что ихъ было пять штукъ — двѣ самки съ телятами и предводитель стада большой олень; у него были вполне образовавшіеся рога, а у самокъ они только что пробивались и видѣлись лишь короткіе отростки, покрытые кожей. Цвѣтъ шерсти былъ свѣтлый, сѣровато-бѣлый, кости широкіе, тѣло длинное, и вообще животныя были гораздо больше и массивнѣе видѣнныхъ мною въ зоологическихъ садахъ.“

„Мы лежали тихо, неподвижно больше двухъ часовъ, жадно слѣдя за движеніями животныхъ, которыя, ничего не подозрѣвая, то удалялись, то близились, ни разу не подходя подѣ выстрѣлъ. Быть можетъ, они почуяли насъ, потому что начали внимательно нюхать воздухъ, а самецъ направился къ берегу маленькаго озера, которое вѣроятно онъ хотѣлъ перейти. Но тяжелое животное провалилось на тонкомъ льду и съ замѣтнымъ усиліемъ старалось выбраться на твердую почву; его товарищи съ любопытствомъ остановились у края и смотрѣли съ замѣтнымъ участіемъ на его усилія. Въ самомъ дѣлѣ это было великолѣпное зрѣлище! громадное животное боялось потонуть; не находя точки опоры для заднихъ ногъ оно старалось держаться на гладкомъ льду передними ногами, которыя широко разставляло. Мы вскочили въ надеждѣ покончить пулей дальнѣйшую борьбу за существованіе; но только начали спускаться съ горы, животное рванулось, выскочило на ледъ, очутилось на твердой почвѣ и размахистой рысью, широко вскидывая ногами, пустилось за убѣгающими товарищами. Въ нѣсколько мгновеній они уже были на снѣжной полянѣ на противоположной сторонѣ амфитеатра, и мы снова видѣли только маленькія точки.“

„Снова началось несносное шаганье по шаткимъ глыбамъ, мягкому снѣгу, полурастаяшему льду. Мы должны были пройти назадъ почти къ нашей стоянкѣ, чтобы подойти къ южному склону горы, у подошвы которой расположились олени. Они зарылись въ снѣгъ, откуда выглядывали только ихъ головы, рога, и загривки. Если такія мѣста доставляютъ имъ удовольствіе лѣтомъ, то конечно имъ зимою на этихъ высотахъ не должно быть слишкомъ холодно. А имъ было хорошо; они забыли даже свою обычную осторожность и подпустили къ себѣ на выстрѣлъ. Сознаюсь,

Провалившийся снегъ

меня трясла охотничья лихорадка, хотя не въ такой степени, какъ норвежскаго охотника, который стоялъ подлѣ меня и въ сильнѣйшемъ пароксизмѣ стучалъ зубами. Я приложился, выстрѣлилъ и промахнулся. — Меня конечно извиняетъ дальность разстоянія, выстрѣлъ сверху, тѣмъ болѣе, что запрятанныя въ снѣгу животныя представляли для пули очень маленькую цѣль. Но все же было досадно; — прежде чѣмъ товарищи успѣли подойти, олени поднялись и скрылись тою же широкою рысью, которая не изобличала повидимому ни малѣйшаго волненія и за скалистыми валомъ пропали изъ нашихъ глазъ. Было нѣчто оскорбительное въ этомъ размахистомъ, рысистой бѣгѣ, какимъ олени спокойно неслись по снѣжной полянѣ въ глубокую лощину между Снегеттаномъ и Скреахегомъ, куда нельзя было и думать слѣдовать за ними. Я выходилъ изъ себя отъ бѣшенства и былъ въ состояніи разбить о камни свое славное ружье, ни въ чемъ неповинное, когда въ нѣмомъ вздохѣ, вырвавшемся изъ груди Губерта, взявшемъ заряжать его, я услышалъ что-то въ родѣ упрека за слишкомъ поспѣшный выстрѣлъ. Впрочемъ меня нѣсколько ободрила безконечная мудрость, съ которою докторъ развивалъ множество возможныхъ и невозможныхъ резоновъ, которыми онъ доказывалъ, что мнѣ не слѣдовало стрѣлять, и я съ новою надеждою могъ идти за норвежцемъ, который, послѣ долгаго высматриванія, указалъ точку, которая по его увѣренію была олень, не принадлежащій къ разогнанному стаду.“

„Мы скорѣе вползли, чѣмъ вошли въ русло горнаго потока, гдѣ валуны скрывали насъ, навстрѣчу оленю. Онъ подпустилъ; я выстрѣлилъ пулею; животное упало на переднія ноги, и прежде чѣмъ оно успѣло вскочить на ноги, я выстрѣлилъ изъ втораго ствола, крупною дробью; оно свалилось. Это была старая самка, у которой только что выросли короткіе рога. Оба норвежца разобрали ее тутъ же на мѣстѣ, уложили мясо въ шкуру и прикрыли камнями отъ хищныхъ звѣрей, чтобы пріѣхать за нимъ на слѣдующее утро. Только поздно вечеромъ мы оставили нашу стоянку, гдѣ къ счастью нашли оставленное вами подкрѣпленіе, которое было очень кстати.“

Мы остались здѣсь лишній день. Охотники вернулись поздно послѣ полуночи, чрезвычайно утомленные чрезмѣрнымъ напряженіемъ

Провалившійся о. Сіръ.

Мы остались здесь целый день. Счастливы вернулись домой
 и
 после полудня, чрезвычайно утомленные чрезмерным напряжени-
 ем, легли спать.

Мы остались здесь целый день. Счастливы вернулись домой
 после полудня, чрезвычайно утомленные чрезмерным напряжени-

Провалившийся олень.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

омъ, но довольные что хотя нѣсколько достигли своей цѣли. Въ полудню вернулся норвежець и привезъ мясо тщательно завернутое въ шкуру. Мы внимательно изслѣдовали черепъ чтобъ найти смертельную рану, такъ какъ пуля по увѣреніямъ нашего стрѣлка попала между носомъ и глазомъ; во послѣ долгихъ розысковъ мы должны были сознаться, что пуля не сдѣлала никакихъ поврежденій и что причина смерти заключалась въ единственной дробинокѣ, которая проникла въ черепъ и повредила мозгъ. И это обстоятельство снова возбудило поэтическую струну:

Охота на оленя.

Ein graues Rennthier, altersschwach
Sprach einst zu seinem Kinde:
„Es ist jetzt Zeit, dass ich in den Tod
„Mich mit Ergebung finde.

„Die Zähne sind mir abgenutzt
„Bis zu den Wurzelstollen,
„Die Beine wollen nicht mehr fort,
„Das Moos will niht mehr schmecken.

„Will mir der Himmel eine Bitt'
„Vor meinem End' gewähren,
„So stürb' ich gern durch einen Schuss
„Wohl auf dem Felde der Ehren.

„Und käme gar ein Jäger her
„Aus fernen fremden Landen,
„Der niemals noch auf einem Fjeld
„In Schnee und Moos gestanden —

„So wollt' ich stürzen in die Kniee
„Und bitten, dass er mich schiesse,
„Damit mein alter Schädel sich
„Im Ausland sehen liesse.“

Des Rennthiers flehentlich Gebet
Ward an dem Tag erfüllet
Und seine Sehnsucht nach dem Tod
Gar wundersam gestillet.

Die Kugel flog ihm zwar vorbei —
War nicht fŕ es gegossen —
Ein einzig Körnchen dünnes Blei
Ward ihm ins Hirn geschossen.

Und seinen Schädel schleppt davon
 Tit Jubel der Erleger.
 Gott schenke jedem alten Mhier
 Solch' einen jungen Jäger. *)

Скотина въ самомъ дѣлѣ была стара, очень стара. Потому что хотя у оленя только что выросли свѣжіе рога и отростки на лбу, величиною въ футъ, были обтянуты толстой, свѣрой мясистой кожей, но зубы были до такой степени съѣдены, что нельзя понять какъ онъ могъ жевать твердую пищу, назначенную ему природой. Изъ шести коренныхъ зубовъ верхней челюсти оставались только три передніе, да и тѣ такъ съѣдены у вѣнчиковъ, что были совершенно полые. Въмѣсто трехъ заднихъ коренныхъ зубовъ видѣлись съ одной стороны половина, а съ другой цѣлый корень, едва державшіеся въ деснахъ и готовые выпасть подобно остальнымъ. Рѣзцы нижней челюсти, которые такъ нужны жвачнымъ животнымъ для захватыванія травы и моха, которыми они питаются, были стерты до корней, такъ что обладатель такихъ зубовъ, принадлежи онъ къ человѣческой породѣ, былъ-бы навѣрное принятъ за питающагося исключительно одними лепешками.

Искусно снятую шкуру повѣсили на досчатомъ заборѣ вблизи часовни такъ, что видна была внутренняя сторона кожи. И было видно что даже на негостепріимныхъ высотахъ, на которыхъ держится олень, бѣдное животное не можетъ избѣжать преслѣдованія насѣкомыхъ, личинки которыхъ пробуравливаютъ его кожу и производятъ вереда, въ которыхъ безногая, толстая, круглая, усаженная крючками личинка, гнѣздится до тѣхъ поръ, пока

*) Старый олень, ослабѣвшій отъ старости, говорилъ однажды своему сыну: время мнѣ теперь на покой. Зубы съѣдены у меня до корней, ноги не носятъ меня больше и мохъ мнѣ сталъ не вкусенъ. Еслибы небо исполнило мою предсмертную просьбу я желалъ бы умереть отъ пули на полѣ чести. И еслибы пришелъ охотникъ изъ дальнихъ чуждыхъ странъ, который никогда еще не ходилъ на фьельдѣ по снѣгу и мху, то я паль-бы на колѣни и просилъ бы его застрѣлить меня, чтобы мой старый черепъ побывалъ за границей. Пламенная молитва оленя исполнилась въ тотъ же день и жажда смерти утолена чуднымъ образомъ. Пуля пролетѣла правда мимо — не для него она была влита; единственная дробинка только попала въ него и побѣдитель съ торжествомъ увозитъ его черепъ. Пошли Господи всякой старой скотинѣ такого молодого охотника.

не превратится въ куколку. Шкура на внутренней сторонѣ вся испещрена множествомъ бѣловатыхъ, блестящихъ пятенъ, которыя покрыты иногда тонкой, почти просвѣчивающеюся кожицей Видны цѣлыя сотни такихъ пятенъ, изъ которыхъ только малое число содержитъ личинки; большая же часть вередовъ подживала. Впрочемъ Фогтъ выколупываетъ перочиннымъ ножикомъ около полудюжины личинокъ частью заключенныхъ въ нарывахъ, частью же свободно сидящихъ въ кожѣ и удостовѣряется по ихъ виду, что они принадлежатъ къ другому роду мухъ чѣмъ тѣ, которыя кладутъ свои яйца въ кожу рогатаго скота. Окевъ рассказываетъ, основываясь на шведскихъ авторитетахъ, что оленей беспокоитъ въ жаркую пору оленья овода (*Oestrus tarandi*) въ особенности въ іюлѣ, когда они линяютъ. Оводъ тогда постоянно увивается около оленей, чтобы положить свои яйца. Несчастныя животныя не бываютъ покойны ни минуты; они фыркаютъ, храпятъ, топаютъ и безпрестанно встряхиваются; они скачутъ часто съ большой быстротой по снѣжнымъ горамъ, перепрыгиваютъ овраги, чтобы избавиться отъ враговъ; все это мѣшаетъ имъ пасться.“ Вѣроятно боль, причиняемая личинками, засѣвшими въ кожѣ, объясняетъ почему дикіе олени любятъ валяться въ снѣгу, и зарываться въ немъ такъ, что изъ подъ снѣгу виднѣются только носъ и глаза. Время кладки яицъ насѣкомымъ вѣроятно не ограничивается однимъ лѣтнимъ мѣсяцемъ, потому что личинки, найденныя въ кожѣ нашего оленя, представляли весьма различныя фазы развитія; мы нашли въ кожѣ очень молодыхъ личинокъ, но были и такія, которыя оставили уже вереда, чтобы періодъ куколки провести внѣ ихъ.

Утромъ, 25-го іюня, мы направились, въ обычномъ порядкѣ, по большой дорогѣ въ Дронггеймъ. Дорога идетъ довольно круто въ гору. Снегеттанъ надвинулъ бѣлую шапку и словно касается облаковъ своею вершиною. Широкій, выгнутый хребетъ, истинную вершину котораго не легко опредѣлить, образуетъ горный проходъ. По другую сторону прохода спускъ такъ же крутъ; на разстояніи менѣе полумили — отъ горнаго прохода къ станціи Конгсвольдъ — дорога понижается больше чѣмъ на 1000 футовъ. Налѣво, въ глубокомъ ущеліи шумитъ дикая Дрива, свѣтлыя волны которой скачутъ по огромнымъ глыбамъ изъ того же гнейса, какой мы видѣли въ нашу поѣздку на Снегеттанъ. Точно такъ же идетъ

далѣ въ Дривстунъ, Ризе, Опдалъ, гдѣ долина замѣтно становится положе и гдѣ растутъ на склонахъ горъ прекрасныя березовыя и еловыя лѣса. Особенное благодатное чувство овладѣваетъ человѣкомъ, когда изъ негостепріимной пустыни вступаешь въ мѣстность, хотя сколько-нибудь покрытую растительностью. Погода прояснилась; новая, широкая дорога, проведенная по новѣйшимъ правиламъ инженернаго искусства, вьется змѣю между водопадами по горнымъ проходамъ, которыхъ много между Конгсвольдомъ и Дривстуномъ, и чувство безопасности, немного поколебленное, опять возстановилось вполне. Конечно, мы не пропустили въ Опдалѣ, — одно изъ главныхъ мѣстъ норвежскаго стальнаго производства, — дорого заплатить за нѣсколько неуклюжихъ ножей, которые норвежцы постоянно носятъ въ ножнахъ за поясомъ и которыми, говорить, часто рѣшаютъ споры, особенно въ минуту возбужденія алкоголя. Ножъ, вдѣланный въ черенокъ, имѣетъ грубый клинокъ съ круто отпущеннымъ лезвиемъ и загнутымъ концомъ; впрочемъ сталь превосходная и отличнаго закала. Богатые иногда роскошно отдѣлываютъ черенки, приготовляемые изъ оленьяго рога, а ножи и пояса выкладываютъ мѣдью или серебромъ.

Путешественники много говорили о ловкости, съ какою крестьянинъ употребляетъ въ дѣло не только ножъ, но и вообще другіе ремесленные инструменты, и эта универсальность норвежскаго крестьянина, живущаго своимъ хуторомъ, составляетъ гордость патріота. Правда, норвежскій крестьянинъ рѣзчикъ, столяръ, плотникъ, каменщикъ и кузнецъ; но ко всему его подѣлкамъ идетъ пословица: каковъ попъ таковъ и приходъ! Его работа далеко не сравняется съ работою настоящаго ремесленника. Намъ предлагали, какъ и въ южной Европѣ, рѣзныя вещи, которые крестьянинъ работаетъ въ долгіе зимніе вечера, — видно, что рассчитываютъ единственно на иностранцевъ, которые одни только и покупаютъ подобныя вещи. Вкусъ и отдѣлка одинаково плохи и я вполне убѣжденъ, что въ Швейцаріи и баварскихъ альпахъ ученику, представившему такую вещь, досталось бы сильно отъ мастера. Телѣги, которыя крестьяне собираютъ, бревенчатые дома, подковы, упряжь, — все это на одинъ ладъ. У ремесленника не взяли бы такого дряннаго издѣлія, но такъ какъ его приготовилъ крестьянинъ, который долженъ заниматься другимъ дѣломъ, то

удивляются его искусству и забываютъ, что только раздѣленіе труда даетъ хорошее и дешевое производство. Впрочемъ, быть можетъ, эта универсальность въ ремеслахъ далеко не такова какъ увѣряютъ легко поддающагося путешественника. Мы читаемъ въ повѣстяхъ и разсказахъ, которые хвалятся въ странѣ какъ вѣрное изображеніе норвежской жизни, о бродячихъ плотникахъ, сапожникахъ, швецахъ, которые ходятъ изъ дому въ домъ и работаютъ въ нихъ по цѣлымъ недѣлямъ именно вслѣдствіе своего искусства въ томъ или другомъ ремеслѣ — доказательство, что ремесло въ своей первоначальной формѣ уже получило нѣкоторую основу, какъ только крестьянинъ увидалъ, что работа, за которую онъ платитъ бродячему ремесленнику, обойдется дешевле, чѣмъ его собственная работа. Разсудительный человекъ пойметъ, что въ странѣ, гдѣ каждый справляетъ всѣ работы, всѣ онѣ должны стоять на очень низкой ступени.

Между Ауне, Опдальской и слѣдующей станціей Стуень, дорога опять пересѣкается плоскимъ водораздѣломъ, который идетъ изъ долины Дривы, заворачивающей здѣсь подъ острымъ угломъ на западъ, къ долинѣ Оркы, впадающей въ Дронтгеймъ-фьордъ. Только что мы спустились, почти съ опасностью жизни, въ долину водораздѣла и немного проѣхали ею — снова пришлось взбираться на крутыя высоты. Вездѣ на этихъ высотахъ попадаются большія, почти отвѣсныя террасы лишь слегка наклонныя къ долинѣ, усѣяныя щебнемъ, каменными глыбами и пескомъ и поросшихъ соснами. Очевидно, террасы составляли боковыя морены большаго ледника, который спускался съ Доврефельда въ долину Дривы, и слѣды котораго мы встрѣчали повсюду въ отчетливо округленныхъ сочкахъ, шлифованныхъ поверхностяхъ и царапинахъ. Такая боковая морена попадаетъ путешественнику между Зундзетомъ и Биркаверомъ и по ней между двумя оврагами тянется дорога съ добрую четверть мили: справа въ долинѣ — рѣка, а слѣва между камнями и щебнемъ пробирается маленькій ручеекъ. Этотъ переѣздъ представляетъ образецъ проведенія дороги въ духѣ Зальцмановской „Книжки раковъ“, потому что проѣхавъ значительный кусокъ узкою дорогой по узкому гребню, летишь въ ужасную глубину, на днѣ которой видишь, какъ наши легко нагруженные одноколки, къ которымъ

прицѣплены подставныя лошади, медленно лезутъ на кручу, а идущіе съ боку проводники погоняютъ несчастныхъ лошадей до конечнаго изнеможенія.

Въ Виркаверѣ, не смотря на зловѣщее имя, мы находимъ порядочный ночлегъ и даже кровать каждому, что бывало не на всѣхъ станціяхъ. Въ нашемъ счастью нѣсколько англичанъ удивившихъ рыбу оставили мѣсто, которое занимали нѣсколько недѣль сряду. Видъ, которымъ мы любуемся изъ станціоннаго дома, стоящаго на высотѣ, напоминаетъ собою внутреннія долины нижней Швейцаріи, характеръ которыхъ обусловливается покатыми холмами, покрытыхъ лугами и крутыми песчаными насыпями, въ которыхъ ручьи и рѣчки прорыли узкія русла, иногда въ нѣсколько футъ глубины. Геологическій характеръ этихъ террасъ таковъ же какъ и въ Ромсдаленѣ: на округленныхъ скалахъ, пластъ голубой глины, поверхъ глины песокъ, по которому беспорядочно раскиданы массы щебня и каменныхъ глыбъ. Послѣ легкаго ужина, который нѣсколько украсили великолѣпныя форели, мы еще долго гуляли при ясномъ вечернемъ небѣ, курили сигары и вдыхали теплый мягкій воздухъ. Все это заставило насъ забыть, что мы находимся почти подъ 63 градусомъ сѣверной широты.

26-е іюня назначено для нашей встрѣчи въ Дронтгеймѣ. Передъ нами еще долгій путь и потому мы поднялись рано утромъ, въ пять часовъ; переправились у Гарли еще разъ черезъ водораздѣлъ и спустились въ долину Гаула, которая еще привлекательнѣе. Вблизи Гове въ первый разъ мы встрѣчаемъ значительныя пространства, засѣяныя ячменемъ и овсомъ, впрочемъ, едва начинающихъ колоситься; рассады картофеля и хмѣля, цвѣтущую сирень въ палисадникахъ и богатые, сочные луга, на которыхъ пасутся великолѣпныя коровы, отличающіяся весьма выгодно отъ маленькой, худощавой горной породы. Вдоль дороги тянутся красивыя березовыя рощи, населенныя стадами большихъ дроздовъ, какъ кажется обыкновенныхъ и пѣвчихъ. Мѣстность принимаетъ видъ болѣе цивилизованной. Помимо портретовъ короля Карла Іоанна и его наслѣдниковъ, изъ коихъ нынѣ царствующій такъ похожъ на нашего коммодора, что можно было бы распустить слухъ о поѣздѣ инкогнито; помимо этикетовъ,—служившихъ по

всей вѣроятности для завертыванія необходимыхъ туалетныхъ принадлежностей, -- брошенныхъ проѣзжими и старательно заключенныхъ въ рамки, — на станціяхъ начинаютъ попадаться литографированные корабли, страшно размалеванныя олицетворенія четырехъ временъ года или пяти частей свѣта и т. п., что показываетъ присутствіе въ этихъ мѣстахъ странствующихъ мелочныхъ разнощиковъ или близость ярмарокъ. Жара дѣлается невыносимой, пыль душитъ, и наши экипажи тяжело тащатся по долинѣ, на противоположной сторонѣ которой тянется полотно желѣзной дороги и на немъ, тамъ и сямъ, работаетъ нѣсколько душъ.

Да, желѣзная дорога! Христіанія построила желѣзную дорогу по ровной почти долинѣ къ Мьезенскому озеру и возбудила тѣмъ зависть Дронтгейма. Прежняя резиденція и столица захотѣла имѣть свою желѣзную дорогу, подвигла небомъ и землею, и достигла-таки, что стортингъ вотировалъ, если мы не ошибаемся, сумму въ 400,000 талеровъ акціями на поддержку дороги, которая впослѣдствіи проведется до Рераасъ, къ тамошнимъ мѣднымъ рудникамъ. Кто изъ частныхъ лицъ также съ увлеченіемъ подписывался въ Дронтгеймѣ да и тѣ, кто смотрѣлъ болѣе трезво на дѣло и сомнѣвался въ доходности предпріятія, также должны были внести свою лепту, чтобы не прослыть дурными патріотами. Теперь — мы узнали это послѣ — трезвый взглядъ, — что дронтгеймская желѣзная дорога не только не можетъ давать дохода, но не покроетъ и издержекъ, — одержалъ верхъ. Въ самомъ дѣлѣ непонятно, какимъ образомъ желѣзная дорога можетъ покрыть расходы, когда крайняя ея точка — одинокій хуторъ, мѣстность по которой она проходитъ — бѣдно-населенныя долины, за которыми тоже нѣтъ никакихъ потребительныхъ пунктовъ, стало быть ей нельзя рассчитывать ни на значительныя мѣстныя сношенія, ни на транзитъ (провозъ) для покрытія даже издержекъ. Надо удивляться мужеству, съ какимъ въ такой бѣдный странѣ какъ Норвегія, гдѣ еще столько остается сдѣлать, бросается капиталъ въ нѣсколько милліоновъ франковъ на предпріятіе, своевременное правда для другихъ странъ, но совершенно бесполезное въ здѣшней мѣстности.

Жаръ дѣлается удушливымъ; солнце печетъ; горизонтъ покрывается тучами; въ дали, на горахъ гремитъ громъ. Въ первый

разъ послѣ отъѣзда изъ Неса крупныя капли дождя заставили насъ отстегнуть непромокаемые плащи и завернуться въ нихъ; ненадолго впрочемъ, потому что туча перешла на море. Мы катимся по хорошей, широкой дорогѣ въ долину Нидъ-эльфъ, которая большимъ полукругомъ облегаетъ Дронтгеймъ. Навстрѣчу попадаются много повозокъ и веселый празднично-разодѣтый людъ; мальчикъ-почтарь сообщаетъ намъ, что сегодня большая конная ярмарка въ Дронтгеймѣ. По обѣимъ сторонамъ долины выглядываютъ маленькія дачи, нѣкоторыя въ швейцарскомъ стилѣ, въ садахъ, наполненныхъ цвѣтами и окруженныя кустарниками и деревьями. Скоро завидѣли мы соборъ стоящій у самой рѣки и насупротивъ, на возвышеніи, бѣлыя стѣны крѣпости.

Мы въ городѣ. Наши экипажи медленно движутся въ оживленной толпѣ, толкущейся по большой площади и прилежащей къ ней широкой улицѣ не смотря на поздній часъ вечера. Подъѣзжаемъ къ гавани, и на ея зеркальной поверхности принимаемъ за свой корабль какую-то голубую шкуну. Напрасно! Голубая шкуна пришла, правда, изъ Бланкенезе, но стоитъ уже съ мѣсяцъ на якорѣ; а Іоахимъ Генрихъ еще не пришолъ. Не долго думая, мы своротили въ ближайшую улицу, въ концѣ которой Hôtel d'Angleterre гостеприимно принялъ насъ. Въ огромной залѣ, которая кажется служить для баловъ мы устроиваемся до прибытія корабля.

Передъ обѣдомъ, мы взяли морскую ванну въ хорошо устроенномъ домикѣ, на насыпи по ту сторону гавани. Черная собака, которую мы напрасно стараемся прогнать, слѣдуетъ за нами до лѣстницы. „Посмотримъ, поплыветъ ли она за нами, говоритъ одинъ изъ насъ, если она не поплыветъ за нами, мы прогонимъ ее пинками — если-же она съ опасностью жизни послѣдуетъ за нами, то мы съ благодарностью примемъ ее за ея привязанность.“

Когда собака увидѣла, что мы отчалили — она взвыла ужасно. Затѣмъ сильнымъ прыжкомъ бросилась въ море и поплыла за нами. Она чуть-чуть не потонула на долгомъ пути. Мы съ трудомъ втащили ее въ лодку.

Отнынѣ она стала нашимъ дорожнымъ товарищемъ. Мы называли ее Пятницей.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Дронтгеймъ. Лофоденскіе острова. Бѣре.

„Дронтгеймъ самый красивый городъ въ Норвегіи.“ Это рѣшено и не подлежитъ возраженіямъ. Безъ сомнѣнія онъ болѣе Бергена похожъ на большой городъ, хотя населеніе его гораздо меньше; въ немъ считается около 15,000 душъ. Самый городъ прекрасно расположенъ; широкая рѣка Нидъ-эльфъ огибаеть его большою

дугой и впадая во фьордъ, образуетъ на восточной сторонѣ небольшую внутреннюю гавань, на берегу которой построена большая часть амбаровъ. Такимъ образомъ пространство, занимаемое городомъ, образуетъ довольно длинный, возвышенный полуостровъ, на которомъ главныя улицы идутъ параллельно морскому берегу. Улицы чрезвычайно широки и на нѣкоторыхъ по срединѣ колодцы, съ

деревянными срубами. Не смотря на жестокие пожары несколько раз опустошавшие Дронтгеймъ, дома большею частью деревянные, и некоторые строения несоразмерно велики. Рассказываютъ, что въ концѣ прошлаго столѣтія двѣ богатыя барыни, желавшія перещеголять другъ друга роскошью, выстроили одинъ противъ друга два лучшихъ деревянныхъ дома въ Дронтгеймѣ; въ настоящее время оба дома покосились.

Одинъ домъ просто громадная казарма, въ другомъ въ рѣзной работѣ надъ окнами и дверями видна претензія на архитектурныя украшенія въ стилѣ возрожденія. Королевскій замокъ выстроенъ въ недурномъ стилѣ и при немъ расположенъ хорошенькій, тщательно поддерживаемый садикъ, гдѣ глазъ любитъ цвѣтущей сиренью и отчетливыми группами елей и березъ. Въ замкѣ живетъ губернаторъ и въ настоящее время засѣдаютъ провинціальныя депутаты (кстати, это обстоятельство мѣшаетъ намъ смотрѣть публичную картинную галлерей). Новыя постройки каменные, для чего имѣется великолѣпный матеріалъ; въ настоящее время собираются строить домъ для казино, клуба и читальни, который своими размѣрами указываетъ на довольно развитую общественность дронтгеймцевъ.

Мѣсто назначенное для этого дома чуть не повело къ большой ссорѣ. По плану архитекторовъ надо было срубить старую липу, послѣднюю липу на сѣверѣ, рассказывали намъ, по крайней мѣрѣ по величинѣ; уже хотѣли было тронуть топоромъ ея корни; но некоторые старожилы успѣли отвести ударъ и отодвинуть на нѣсколько футовъ проектированный фасадъ зданія, такъ что липа могла остаться въ нѣсколькихъ футахъ отъ стѣны, лишенная только немногихъ вѣтвей. „Мы не могли согласиться на ея гибель, говорилъ намъ одинъ изъ друзей липы, она вѣдь живое свидѣтельство теплаго климата нашего города. Конечно видно, что она борется съ холодными вѣтрами и снѣгомъ; ея вѣтви коротки, сучковаты и поломаны, ея стволъ болѣе похожъ на стволъ клена, но все же это липа, это доказываютъ листья и цвѣты. Мы не сказали бы ни слова, будь еще липы вблизи, но этого нѣтъ: во всемъ округѣ нѣтъ и слѣда липы и весьма сомнительно вырастетъ ли здѣсь новая липа, еслибы даже и посадить ее. Хотите взять на память листокъ самой сѣверной липы?“

Растроганные — что весьма естественно — мы прячемъ нѣсколько листиковъ въ наши бумажники, убѣжденные вполне доводами хозяина; но мы не можемъ не замѣтить, что липа уродлива, что на нее слѣдуетъ смотрѣть только какъ на исключеніе, и мы не испытываемъ того самодовольнаго чувства, съ какимъ нашъ хозяинъ смотритъ на свою липу — мы видали инныя липы.

Но развѣ не правъ нашъ хозяинъ? Развѣ мы не дѣлаемъ того-же, когда самодовольно указываемъ въ своихъ садахъ на лавровишню, или фиговое дерево, кое-какъ, въ затишьи прозябающія на воздухѣ? И развѣ италіянецъ, которому мы съ гордостью показываемъ подобное дерево, не въ правѣ посмѣяться надъ нами и надъ нашими уродливыми лавро-вишнями и фиговыми деревьями, какъ и мы готовы были посмѣяться надъ дронтгеймцемъ съ его „последнею липой?“

Нашъ первый выходъ былъ въ соборъ — громадное зданіе, построенное въ концѣ 12-го столѣтія. Прежде въ немъ хранилась гробница святаго Олафа, который первый устроилъ на этомъ мѣстѣ часовню. Зданіе нѣсколько разъ терпѣло отъ огня и меча и въ настоящее время остаются почти однѣ развалины. Но реставраціонныя попытки новѣйшихъ архитекторовъ страшнѣе шведовъ и пожаровъ обезобразили почтенное зданіе, о которомъ г. Минутולי написалъ цѣлую монографію. Во время нашего осмотра внутренность собора загромождена еще подмостками и галереями, построенными въ прошломъ году для послѣдней коронаціи. Безвкусная драпировка, смѣсь красной бумажной матеріи, бархата и золотой бахромы, также пристала къ строгому стилю внутреннихъ частей храма и хоровъ, какъ сѣдло къ коровѣ. Всѣ жаловались на сравнительно большую сумму, въ какую обошлась эта церемонія и частнымъ лицамъ и городу, и странѣ. Мы думаемъ, что теперь наши дронтгеймскіе друзья могутъ вполне утѣшиться примѣромъ Кенигсбергскаго коронованія. — Соборъ построенъ изъ удивительно прочнаго матеріала это — мягкій, зеленоватый серпентинъ или горшечный камень, который превосходно рѣжется ножомъ, и который также хорошо выдерживаетъ дѣйствіе мороза. Нѣжныя орнаменты фризозъ, колоннъ и капителей, большую часть изъ переплетающихся ломанныхъ линій, сохранились великолепно, за исключеніемъ тѣхъ только мѣстъ, гдѣ свирѣпствовало

Фотг. Пут. на Сѣв.

умышленное разрушеніе. Мы спрашиваемъ, гдѣ каменоломни, доставлявшія такой великолѣпный матеріалъ, годный, если его добыча легка, стать предметомъ вывоза, подобно шиферу Уельса, которыми кроютъ дома во всѣхъ приморскихъ городахъ Норвегіи, въ особенности публичныя зданія — и получаемъ отвѣтъ, что хотя по старымъ лѣтописямъ и видно, что камень добывался вблизи стараго Нидароса; но теперь каменоломни засыпались и никто не знаетъ мѣста, гдѣ онѣ были.

Мы съ трудомъ пробрались въ зданіе школы — въ музей, потому что теперь каникулы. Мы ожидали многого отъ музея, такъ какъ дронтегейское общество естественныхъ исторіи оказало не мало-важныя услуги для естественной исторіи страны. Именно, оно не разъ помогало значительными суммами Бергенскимъ натуралистамъ и сдѣлало возможнымъ изслѣдованіе обитателей морской глубины въ сѣверныхъ фюрдахъ. Но музей не дѣлаетъ чести городу: онъ страшно запущенъ и держится въ беспорядкѣ; небольшое число чучель млекопитающихъ и птицъ изѣдены молью; спиртовые препараты высохли — спиртъ испарился; король сельдей, хранимый въ длинномъ цинковомъ ящикѣ, воняетъ ужасно, и болѣе деликатные изъ насъ бѣжали.

Медленность шкуны портила хорошее расположеніе нашего духа, и послѣ обѣда мы отирались на ближайшую возвышенность поглядѣть — нѣтъ-ли ее на фьордѣ. Только что мы завернули за уголь, навстрѣчу идетъ капитанъ и нѣсколько человекъ экипажа. — За часъ передъ тѣмъ „Іоакимъ Гинрихъ“ бросилъ якорь на рейдѣ. Въ четвергъ вечеромъ, 20-го іюня, наша шкуна изъ Неса отплыла на парусахъ, или скорѣе, маленькій пароходъ „Ромсдаленъ“ при сильномъ противномъ вѣтрѣ дотащилъ ее на буксирѣ въ Молд-рейдъ, который онъ могъ оставить не раньше будущей субботы. Противный вѣтеръ принудилъ ее въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера, стать на якорь за островомъ Корзѣ, и только во вторникъ она прошла мимо Христіанзунда. За тѣмъ при благоприятномъ уже вѣтрѣ шкуна проплыла мимо большихъ острововъ Смѣлена и Гиттерена и наконецъ бросила якорь въ Дронтегейскомъ рейдѣ.

Теперь намъ нечего было оставаться въ гостинницѣ. Безъ сомнѣнія, здѣсь было гораздо лучше, чѣмъ въ Бергенѣ; но все-

таки надо сказать, что въ Швейцаріи и Германіи, въ гостинницахъ третьяго и четвертаго класса въ при половинной цѣнѣ во всѣхъ отношеніяхъ несравненно удобнѣе перваго отеля Дронтейма. Мы покончили довольно крупныя счета и перебрались съ саками и узлами на корабль въ каюты, въ которыхъ привыкли. На шкунѣ мы были свободныя люди, насъ не осаждали на каждомъ шагѣ любопытныя, и съ палубы мы покойно могли наслаждаться видомъ на фьордъ.

Дѣйствительно, видъ необыкновенно привлекателенъ. На право, на востокъ спускаются къ морю зеленые холмы, покрытыя сочною травой, и на нихъ стоитъ маленькая церковь Ладе. Тутъ, была резиденція грознаго Ярла Гакона, который занимаетъ видное мѣсто въ исторіи Норвегіи. Передъ нами на срединѣ фьорда прямо противъ лучшей улицы Дронтейма (Мункъ-Гаденъ) выбѣгаетъ изъ воды небольшой фортъ Мункъ-Гольмъ, со своими бѣлыми стѣнами. Стѣны выведены на низкой скалѣ, едва выступившей изъ воды и обильно покрытой всякаго рода морскими растеніями. Въ крѣпости нѣсколько маленькихъ домиковъ — въ нихъ живетъ комендантъ съ небольшою командой; по валу разставлено нѣсколько пушекъ, но врядъ ли онѣ могутъ причинить большой вредъ. Какъ добросовѣстный путешественникъ, я долженъ сказать, что съ 1680 по 1698 годъ въ Мункъ-Гольмѣ сидѣлъ Петръ Шумахеръ, графъ Грейфенфельдъ, по приказу датскаго короля, у котораго онъ былъ государственнымъ министромъ. Въ этомъ ужасномъ заточеніи онъ сошелъ съ ума и умеръ. Мы не желали смотрѣть пещеру, въ которой былъ заключенъ несчастный: тюрьмы подобнаго рода — вещь обыкновенная и нѣтъ замка, въ которомъ не было бы такихъ ужасныхъ мѣстъ.

Фьордъ такъ широкъ, что противулежащіе берега материка кажутся очень низкими. Тѣмъ удивительнѣе отраженія на прекрасной водяной поверхности. На извѣстномъ разстояніи нѣкоторые острова, постоянно мѣняя свой видъ, представляютъ просто невѣроятныя вещи: то какъ длинныя черви тянутся они вдоль водяной глади, то собираются въ толстый, безобразный комъ, или вовсе исчезаютъ подъ свернувшейся полосой воды, и отраженіе ихъ рисуется въ воздухѣ; то снова всплываютъ они и на этотъ разъ увѣнчанныя широкою шляпою, которая касается сначала только

*

нѣсколькихъ точекъ подводной части берега и за тѣмъ сливаясь съ нею, часто представляетъ совершенную плоскость, словно на смѣхъ всѣмъ законамъ перспективы. Безконечные споры о происхожденіи этой фата-моргана поднимаются много и много разъ и такъ какъ никто изъ насъ не знаетъ основательно физической теоріи преломленія и отраженія лучей, то каждая переиѣна рушитъ, словно карточные домики, рядъ положеній, къ великой досадѣ изобрѣтателей.

Предупредительность въ приѣмѣ, гостепріимство въ угощеніи здѣсь, если это только возможно, еще больше, чѣмъ въ Бергенѣ. Если мы думаемъ оставить Дронгтеймъ живыми и въ полномъ разумѣ, то не должны пустить въ ходъ и половины нашихъ рекомендательныхъ писемъ. Вечеромъ, въ день приѣзда мы обѣдали у купца по рекомендаціи нашего банкира. Послѣ длиннаго обѣда — часовъ въ десять вечера говорятъ намъ, что экипажи готовы и мы ѣдемъ къ знаменитымъ водопадамъ Нидъ-Эльфа, къ обонимъ Лееръ-Фоссенамъ. Время для подобной прогулки выбрано превосходно, днемъ стояла чисто тропическая жара и только теперь, когда заходящее солнце кидаетъ на холмы послѣдніе лучи, наступаетъ прохлада. Въ веселомъ расположеніи духа, въ прекрасномъ обществѣ мы отправляемся къ нижнему водопаду; часъ ѣзды — не болѣе, до мѣста, гдѣ могучій Нидъ-эльфъ съ отвѣсныхъ скалъ, съ высоты 82 ф. падаетъ въ широкую котловину, на краю которой построены обширныя фабричныя зданія, пользующіяся водопадомъ для обработки сѣрно-хромистой мѣдной руды изъ Рерааса.

Очень характеренъ желтоватый, бутылочно-зеленый цвѣтъ падающей воды, который даже пѣняе придаетъ осонный оттѣнокъ. Самый водопадъ можно видѣть во всей его полнотѣ съ правой стороны рѣки, неподалеку отъ фабрики; и такъ какъ множество рыбацкихъ лодокъ, занятыхъ ловлею лососей, оживляетъ котловину, то ensemble выходитъ очень красивъ.

По жирной глинистой почвѣ мы поднимаемся теперь къ верхнему водопаду, который выше и поэтому долженъ быть красивѣе; пройдя обширную, хорошо застроенную усадьбу, принадлежащую англичанину, мы доходимъ до лѣсопильной мельницы, устроенной у верхняго водопада. Его труднѣе осмотрѣть или выбрать мѣсто,

откуда художникъ (онъ не можетъ быть видѣнъ разомъ) могъ бы срисовать его. Скалы такъ высоки и такъ круты, что нельзя разомъ видѣть весь водопадъ. И здѣсь вода имѣетъ тотъ-же грязно-бутылочный цвѣтъ; очевидно, эта окраска происходитъ отъ зеленой глины, которая образовала окрестные холмы и дала названіе водопадамъ, потому что „Leeg“ на чистомъ норвежскомъ языкѣ значитъ — глина. Скалы, торчашія изъ водопада и образующія его стѣны, имѣютъ подобный же темно-зеленый цвѣтъ, такъ что едва ли можетъ быть сомнѣніе, что отъ вывѣтриванія этихъ скалъ получилась вязкая глина, образовавшая тяжелый черноземъ. Если дронтгеймцы хотятъ найти засыпанныя копи горшечнаго камня, изъ которыхъ нѣкогда добывался матеріалъ для дронтгеймскаго собора, то, конечно, должны отыскивать ихъ по близу этихъ водопадовъ.

Дронтгеймъ крохѣ торговли рыбой и рыбьимъ жиромъ главнымъ образомъ вывозитъ и продаетъ руду изъ Рерааса, лежащаго въ двадцати нѣмецкихъ миляхъ, въ ужасной мѣстности, въ горахъ, близъ шведской границы. Этотъ рудникъ слишкомъ далекъ отъ моря, чтобы оно могло смягчать зимнюю стужу. Тамъ перѣдки зимы, когда термометръ падаетъ на 30 и 40 град. ниже нуля; не смотря на незначительное разстояніе шахтъ отъ жилья, надо принимать особыя предосторожности во время мятелей, чтобы рабочіе не замерзли. Лѣса близъ Рерааса такъ опустошены, что нельзя и думать о выплавкѣ и обработкѣ на мѣстѣ мѣдной и хромовой руды. Зимой, когда снѣгъ нѣсколько сглаживаетъ неровности почвы и такимъ образомъ облегчаетъ транспортъ, ее отсылаютъ по ужаснымъ все-таки дорогамъ въ Дронтгеймъ; хромовую руду на упомянутой уже фабрикѣ, обрабатываютъ помощью сѣрной кислоты, добываемой изъ сѣрнаго колчедана, въ хромовый кали; мѣдная же руда дробится и посылается въ Англію. Только незначительное количество мѣдной руды плавится въ Рераасѣ и въ Дронтгеймѣ, да и то получается нечистая мѣдь, такъ какъ горючій матеріалъ слишкомъ дорогъ. Хромовая фабрика устроена превосходно и по увѣреніямъ нѣкоторыхъ пайщиковъ приноситъ значительный доходъ. Она основана нѣмецкимъ химикомъ Штрмейеромъ (должно быть, родственникомъ знаменитаго химика въ Геттингенѣ), недавно умершимъ, къ нашему сожалѣнію.

Далеко за полночь мы вернулись на корабль, до нельзя довольные нашей прогулкой; но новый день принесъ съ собою и новыя общественныя заботы: мы свели въ Гамбургѣ весьма полезное для насъ знакомство съ однимъ шлезвигскимъ купцомъ, поселившимся въ Исландіи; зять его въ Дронтгеймѣ съ дружеской предупредительностію пригласилъ насъ къ себѣ на домъ и въ садъ, гдѣ мы нашли большое общество — большею частью изъ консуловъ, прокураторовъ и т. п. сановниковъ — очевидно, людей солидныхъ и основательныхъ. И снова, съ утра до полуночи, шелъ тотъ упорный бой, въ которомъ и побѣдители, и побѣжденные едва остались на позиціяхъ и при которомъ, казалось, обширный погребъ долженъ быть до чиста опорожненъ — такъ быстро исчезало все, что ставили на столъ заботливыя служанки. Намъ точно сквозь сонъ припоминаются красиво-расположенные сады; у склона которыхъ глубоко въ низу летятъ Нидъ-эльфы, и тѣнистыя дорожки, гдѣ мы могли прогуливаться. Точно грезы, проносятся передъ нами образы милыхъ, прекрасныхъ женщинъ, неутомимо угощающихъ насъ самыми разнородными яствами и питіями, а имъ, казалось, не будетъ конца. Видятся намъ сѣдыя головы, надолго плотно усѣвшіяся за столъ, чтобы не пошатываться и не отказываться, и подобно громоверцамъ въ облакахъ сигарнаго дыма провозглашающихъ тосты каждой невинно приближающейся жертвѣ. Но только какъ во снѣ поднимаются эти видѣнія въ нашей отуманенной памяти.

Мы остались до вторника, заняты сборами къ дальнѣйшему плаванію, прощальными визитами, кое-какими изслѣдованіями, которыми, конечно, не совсѣмъ-то ладились. Не смотря на проливные дожди, Гресли старался изучить прежнія береговныя линіи, находящіяся въ окрестностяхъ, и залежи раковинъ; Фогтъ ѣздилъ на лодкѣ по фьорду и силился выловить сѣтью какую нибудь добычу; другіе побывали на рыбномъ рынкѣ и съ удивленіемъ рассказывали о множествѣ великолѣпныхъ лососей, привезенныхъ крестьянами. Они очень велики, вѣсятъ 30 и больше фунт., у самовъ на нижней челюсти сильно развитыя крючки, впрочемъ они похожи на рейнскихъ и эльбскихъ лососей. Въ эту пору они очень дешевы въ Дронтгеймѣ. Дешевизна, кажется, происходитъ отъ того, что здѣсь не знаютъ еще способа вывозить ихъ въ

жестянкахъ свѣжими, какъ это дѣлается въ Исландіи, и въ лѣтніе жары ихъ нельзя ни солить, ни коптить, какъ это дѣлается осенью.

Погода разгулялась послѣ обѣда, но съ запада все еще сильно дуло и безъ содѣйствія гостепріимныхъ хозяевъ, которые отыскали пароходъ къ нашимъ услугамъ, невозможно было бы оставить Дронтгеймъ. Пароходъ пришелъ только въ полдень и на другой день продолжалъ свой путь въ глубину фьорда, въ Левангеръ. Поэтому капитанъ объявилъ, что къ нашимъ услугамъ у него только 12-ть часовъ: 6 часовъ онъ буксируетъ насъ на такое разстояніе, какое мы въ состояніи будемъ пройти; другіе 6 часовъ ему нужны на возвращеніе, такъ какъ въ 8 часовъ утра онъ долженъ непремѣнно стоять на якорѣ въ Дронтгеймъ. Мы рѣшили, что онъ возьметъ насъ на буксиръ въ 7 часовъ вечера, и что на кораблѣ все будетъ приготовлено къ предстоящему отъезду.

Иначе рассчитывалъ нашъ гостепріимный хозяинъ. Этотъ же пароходъ привезъ ему нѣсколько омаровъ съ юга, которыми онъ и хотѣлъ угостить насъ. Насколько богатъ омарами южный берегъ Норвегіи до Мольде, и притомъ самыми громадными экземплярами, которые живыми привозятся сотнями тысячъ въ продырявленныхъ корабляхъ на рынки Англіи и Шотландіи, настолько бѣденъ сѣверъ, и въ Дронтгеймѣ омаръ считается уже заграничнымъ и потому тонкимъ лакомствомъ. Но твердо рѣшившись не упускать случая ѣхать съ пароходомъ, мы отказались отъ завтрака съ омарами, и тогда нашъ благородный хозяинъ привезъ на корабль свое гастрономическое сокровище и вмѣстѣ съ нами остался ждать прибытія парохода.

Но гдѣ же Гресли? Напрасно ищемъ его по всему кораблю; съ трепетомъ мы убѣждаемся, что онъ не вернулся съ берега; однако онъ зналъ, что мы ѣдемъ, онъ зналъ всѣ условія, онъ долженъ былъ знать и то, что время прошло и намъ нѣтъ возможности ждать долѣе.

Гресли принадлежитъ къ тѣмъ счастливымъ, которые не знаютъ часовъ, особенно если дѣло касается разлуки съ пріятной компаніей. У него есть часы, но они валяются гдѣ нибудь на днѣ его чемодана и, должно быть, мечтаютъ о томъ далекомъ вре-

мени, когда они заводились еще. Вдалекѣ мы видимъ столбъ дыма, указывающій на приближеніе парохода. Нѣтъ времени искать пропавшаго, тѣмъ болѣе, что идутъ самые разнородные толки о его пребываніи. „Онъ, вѣроятно, закопался въ слой раковинъ, какъ священникъ въ барсучью нору и котораго къ проповѣди прихожане должны были вытаскивать за ноги“, толкуетъ одинъ. „Можетъ быть, прекрасная норвеженка заставила нашего Ринальдо забыть свой долгъ“, думаетъ другой. „Нашъ другъ имѣетъ особую наклонность къ изученію низшаго слоя народа“, замѣчаетъ третій, „теперь онъ навѣрно сидитъ гдѣ нибудь въ кабакѣ съ матросами и рыбаками и пополняетъ такимъ образомъ свои познанія въ языкѣ, и онъ хорошо дѣлаетъ, потому что въ кабакѣ онъ лучше можетъ изучить характеръ и особенности народа, чѣмъ въ цивилизованномъ классѣ, гдѣ мы постоянно возвращаемся!“

Все это прекрасно; но пароходъ подходитъ къ намъ и нашъ якорный вѣртокъ (его патентованной механикой гордится нашъ капитанъ) стучитъ такъ быстро, какъ будто дѣло идетъ о спасеніи отъ грозящей опасности. Долѣе ждать невозможно. Коммодоръ, всегда отечески заботящійся о благѣ странствующей общины, отводитъ нашего хозяина въ сторону: „Любезный г. Гартманнъ, вы видите, намъ нельзя долѣе ждать. Послѣ завтра придетъ пароходъ, который также направляется къ сѣверу; будьте такъ добры, снабдите Гресли необходимыми деньгами, дайте ему рекомендацію въ Тромзе и отправьте; онъ, можетъ быть, придетъ туда раньше насъ, а мы соберемъ кое-какое платье, плащъ и попросимъ васъ передать ему.“ Хозяинъ отвѣчаетъ, что наше желаніе для него законъ, что Гресли будетъ радушно принять въ его домѣ, что онъ всячески поможетъ ему перенести горечь разлуки съ нами, и если понадобится, онъ будетъ отыскивать его вмѣстѣ съ полиціей въ окрестностяхъ Дронгтейма.

Пока коммодоръ такъ трогательно заботится о пропавшемъ, а другіе отважно ныряютъ въ каюту Гресли, вытаскивая необходимое, съ задней части палубы слышится восклицаніе: вотъ онъ! Въ самомъ дѣлѣ виднѣется на плотинѣ безобидная, медленно движущаяся фигура: это Гресли, съ двумя мальчишками; всѣ трое навьючены сигарными ящиками. Мы кричимъ, зовемъ его; онъ

очнулся отъ своего беззаботнаго фланерства, видитъ пароходъ, уже стоящій подлѣ насъ, прыгаетъ съ нѣсколькихъ ступенекъ въ лодку, спотыкается, давить половину сигарныхъ ящичковъ, и наконецъ, красный отъ волненія и трудовъ, появляется въ то мгновение, когда пароходъ даетъ свистокъ къ отплытію. Выговорахъ нѣтъ конца, но Гресли отражаетъ ихъ, торжественно указывая на завоеванные сигарные ящики—они сдѣлались въ самомъ дѣлѣ его страстью. При каждой остановкѣ онъ пускается на поиски сигарныхъ ящичковъ, въ которыхъ онъ сохранить живыми дѣтей Флоры во время нашего плаванія. Однако опасность одиночества, которой онъ едва не подвергся, произвела на нѣсколько дней подавляющее вліяніе на нашего друга: онъ не шутя рѣшился завести свои часы, по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней, хотя теперь-то онъ не нуждался въ нихъ вовсе.

Долгое пребываніе въ Дронтгеймѣ немного ослабило узны общественнаго порядка и внесло въ экипажъ нѣкоторую деморализацію. Въ то время, какъ мы плывемъ при великолѣпной погодѣ узкими фьордами, и передъ нами развертывается, пріятно жѣняясь, красивая панорама горъ, покрытыхъ лѣсомъ, и маленькихъ домиковъ на зеленыхъ лугахъ — въ сердцѣ юнѣйшаго юнга, поваренка, зараждается недозволенное поползновеніе къ спиртнымъ напиткамъ. Нашъ капитанъ очень строгъ въ этомъ отношеніи: никогда никто изъ экипажа не получалъ алкогольной жидкости; онъ, и лоцманъ, позволяли себѣ дѣлать исключеніе изъ этого правила, только сдаваясь на наши приглашенія за кофе послѣ обѣда. Чай и кофе единственные напитки, которые давались экипажу, и только въ видѣ исключенія послѣ тяжелой работы, или послѣ опасности, капитанъ позволялъ намъ иногда подносить матросамъ вина. Отъ водки больше гибнетъ кораблей, чѣмъ отъ воды; таково было глубокое убѣжденіе капитана и онъ постоянно его придерживался.

Понятно, что при такихъ правилахъ въ юношеское сердце могло закрасться поползновеніе къ запретному плоду. Еслибы дѣло шло о простой водкѣ, то, быть можетъ, на это посмотрѣли бы сквозь пальцы; но дѣгорченный лоцманъ увѣрялъ, что похищеніе касалось самаго лучшаго сорта арака, назначеннаго специально для приготовленія знаменитаго шведскаго пунша. Такой проступокъ

требовалъ уже потому примѣрнаго взыскапія, что надъ головой преступнаго тяготѣли, или припомнились теперь еще старые грѣхи.

Что произошло — хроника молчитъ; но достовѣрно, что на слѣдующее утро поваренокъ явился съ раскроеннымъ лицомъ; одна сторона почти исчезла, другая же напротивъ раздулась до безобразія. „Ему прописали только двухфунтовую“, рассказывалъ капитанъ, „но лоцманъ, разсердившись, что юнга притянулъ не тотъ канатъ, немножко сильно влѣпилъ ему лѣвой рукой, которая обыкновенно считается слабою, отъ того и получилась 4-фунтовая пощечина.“ Намъ было ново, что пощечины, какъ и пушечныя ядра, сортируются по вѣсу; но увидѣвши дѣйствіе четырехфунтовой, можно сказать: да хранить благое небо cadaго отъ руки нашего лоцмана!

Когда мы проснулись на слѣдующее утро, пароходъ давно уже ушелъ и мы плыли на сѣверъ при маломъ вѣтрѣ по спокойному морю, по такъ называемому Фротъ Гавету. Между шхеръ можно было закидывать сѣть, и мы вытаскивали богатую добычу морскихъ кубышекъ, (*Holothuria*) нѣсколькихъ новыхъ видовъ слизней; изъ нихъ замѣчательны пузырчатые слизи (*Bulla lignaria*). Корабль плылъ такъ ровно, погода хотя и пасмурная такъ хороша, что цѣлый день можно было спокойно заниматься на палубѣ съ микроскопомъ.

Не то было 4-го іюля, когда мы вышли въ открытое морѣ у острова Лекке, который виднѣлся вдали. Слабый сѣверо-восточный вѣтеръ, противъ котораго съ трудомъ держался корабль, не уничтожалъ сильнаго теченія съ запада. Качка была не выносіма и мы удалились въ каюты, чтобы нѣсколько облегчить свои страданія, принявъ горизонтальное положеніе. Одинъ Гресли необыкновенно стойко противился вліянію волнъ и вѣтра: они только увеличивали его аппетитъ. Корабль качало такъ сильно, что даже скрипка, привинченная заботливымъ лоцманомъ, не мѣшала падать банкамъ и стаканамъ. (Скрипка — деревянный станокъ изъ дощечекъ въ ладонь высоты, съ веревчатымъ переплетомъ, въ который ставятся тарелки, блюда, банки и стаканы). Какъ человѣкъ практическій, Гресли нашелся что дѣлать. Изъ своей каюты Гассельгорстъ видѣлъ какъ онъ пряталъ въ карманы бутылки съ виномъ и водой, и по временамъ, обращая благодарный взоръ къ небу за особую

милость, ниспосланную ему судьбой, освѣдомлялся о содержаніи этихъ бутылокъ.

Досадно, что именно сегодня намъ невозможно наслаждаться моремъ, такъ какъ его поверхность особенно богата тварями всякаго рода. Множество медузъ величиною въ тарелку самыхъ восхитительныхъ цвѣтовъ: обыкновенная медуза (*Medusa aurita*) съ красивыми лентообразными темно-красными розетками посреди зонтика; *Cyanea capillata* всѣхъ оттѣнковъ и переливовъ голубаго и желтаго въ темно-багровый цвѣтъ; множество большихъ дынниковъ (*Beroe*) нѣжнаго розоваго цвѣта съ чудно отливающимися рядами плавающихъ лепестковъ по краямъ тѣла. Все это морское населеніе оживляло поверхность, надъ которой носилось множество гагаръ и чаекъ. Утромъ показалось большое стадо крупныхъ дельфиновъ (двадцати пяти фут.), но, къ сожалѣнію, такъ далеко что мы ихъ не могли хорошо рассмотреть; капитанъ назвалъ ихъ касатками (*Delphinus orca*). Одна по одной плыли онѣ длинной вереницей, и, волнообразно выбрасываясь изъ глубины, послѣдовательно съ головы до хвоста выставляя наружу спины, шумно фыркая, выбрасывали фонтаны и, словно плугами, бороздили воду своими острыми стоячими плавниками. Строго держась прямолинейнаго направленія, они быстро проплыли мимо корабля, и далеко еще было слышно ихъ громкое фырканье. Въ полдень, когда поверхность моря стала гладкою, какъ зеркало, но сильное волненіе продолжалось, раздался крикъ; акула! вызвавшій всѣхъ насъ на палубу. Еще плывя въ Дронтгеймъ, капитанъ замѣтилъ нѣсколько большихъ акулъ и велѣлъ сковать крюкъ; его величина и неуклюжая форма заставили насъ нѣсколько сомнѣваться въ успѣхѣ. На крюкъ насадили большой кусокъ бѣлаго сала и выбросили на пѣби у руля. Акула въ недалекомъ разстояніи кружилась около корабля; ея тѣло виднѣлось въ водѣ, какъ темная тѣнь; ея темный, закругленный спинной плавникъ, величиною въ каретную дверцу, всплывалъ по временамъ и наконецъ исчезъ вовсе. Кусокъ сала долго еще нырлялъ за нами и только чайки съ громкимъ крикомъ старались поживиться лакомымъ кускомъ.

Въ пятницу, 5-го іюля, въ 8 часовъ утра, при великолѣпномъ солнечномъ сіяніи, мы перешли полярный кругъ далеко въ морѣ — не было даже никакихъ признаковъ берега — и вошли въ

область полугодоваго дня. Сильное волненіе еще продолжается, но въѣтеръ нѣсколько благопріятнѣе, и мы проплываемъ порядочное пространство, такъ что сегодня же можно надѣяться видѣть полуденное солнце; но густой туманъ поднимается впереди насъ на сѣверѣ и къ вечеру скрываетъ блестящее ночное солнце, только темно-красные отблески, играющіе на волнахъ, одни удостовѣряютъ насъ, что оно осталось надъ горизонтомъ. Планъ отпраздновать всѣмъ мѣстѣ переходъ полярнаго круга, устроить маскарадъ, выкупать тѣхъ, кто въ первый разъ переступаетъ таинственную линію, рушится вслѣдствіе страданія нашего общества морскою болѣзнію.

Туманъ растеть, застигаетъ нашъ зенитъ и закутываетъ насъ окончательно. Настаютъ два дня сырые, непріятные, скучные; въ эти дни можно пропасть отъ тоски, такъ какъ не видать ничего впередъ даже на длину корабля; тяжелые паруса слабо хлопаютъ по мачтамъ; на кораблѣ все каплетъ и течетъ отъ мокроты и сырости; а капитанъ усиливаетъ непріятное расположеніе своими разсказами о туманахъ, продолжающихся по цѣлымъ недѣлямъ, о столбовеніяхъ, какія бываютъ, не смотря на звонъ корабельнаго колокола, и не только въ каналѣ, но и въ открытомъ морѣ, о прежнихъ своихъ поѣздкахъ по этимъ мѣстамъ, какъ онъ отъ Тромзѣ до Архангельска плылъ постоянно въ туманѣ, боясь сѣсть на мель, и все держался открытаго моря далеко отъ твердой земли. Наконецъ начинаешь думать, что за полярнымъ кругомъ существованіе не мыслимо безъ тумана и тупо предаешься безконечнымъ шахматамъ и висту съ неизбѣжной сигарой. При такомъ состояніи атмосферы рѣшено держать прямо на сѣверъ вдоль океанической стороны Лофонденскихъ острововъ открытымъ моремъ, чтобы избѣжать опаснаго плаванія Вестъ-фьордомъ. Туристы и путешественники, плававшіе на пароходахъ и корабляхъ вдоль норвежскаго берега, всегда держались Вестъ-фьорда, и каждый островъ неоднократно описанъ такъ подробно, что насъ подмываетъ плыть именно этимъ путемъ. Нашъ лоцманъ не совсѣмъ согласенъ на такую перемѣну; послѣ оказалось, что онъ знаетъ только внутренней край Лофонденскихъ острововъ и плохо разумѣя морскую карту, уступаетъ даже намъ въ знаніи мѣстности.

Наконецъ послѣ обѣда 8-го іюля солнце доказало намъ, что оно свѣтитъ и по ту сторону полярнаго круга. Становится свѣтло, ясно, вѣтеръ стихъ; волненіе сильно, но большинство нашихъ уже привыкло къ нему. Въ отвѣсной перспективѣ сіяющаго солнца, вправо отъ насъ, показывается цѣпь Лофоденскихъ острововъ; мы можемъ различить теперь только ихъ рѣзкіе контуры. Къ вечеру, когда солнце перешло на западъ и стало какъ разъ противъ острововъ, мы могли отчетливо рассмотреть ихъ отдѣльныя очертанія. Мы противъ Зунда, которымъ опасный Мальстромъ стремится въ Вестъ-фьордъ. На право отъ насъ лежатъ маленькіе острова Рёсть Фере, впереди скалистый конусъ Москенъ; налѣво зубчатая, растянутая цѣпь Москене. — Англичанинъ, сравнившій очертаніе Лофоденскихъ острововъ съ пастью акулы, былъ отчасти правъ, хотя карта лорда Дюфферина, для которой пила послужила моделью, и вышла уже черезъ чуръ систематическою. Это страшно крутые скалистые берега. Мрачно чернѣясь, отовсюду изъ моря поднимаются отвѣсныя стремнины увѣчаньяныя крутыми скатами, зеленый цвѣтъ которыхъ указываетъ, что и на нихъ растетъ кое-какая зелень. Эти скаты похожи на скаты крутыхъ береговъ Бриенскаго озера, гдѣ люди привязываютъ себя во время косябы тощаго горнаго сѣна. Но и они начинаются только съ полъ-высоты, а вдоль моря тянутъ одни утесы и скалы. Верхніе контуры чрезвычайно дики, зазубренны и круты. Въ одномъ мѣстѣ, поднявъ въ верхъ три перста, словно влянется, громадная скалистая голова; въ другомъ, выставились лошадиные уши, это — торчатъ два острія словно насторожились и прислушиваются къ необычному шуму. Болѣе высокія горы выставили въ море рядъ обрывистыхъ скалъ и невысокихъ шхеръ, о которыя высоко бьетъ прибой и глухо шлетъ свой привѣтъ.

Наконецъ-то мы впервые увидѣли полуденное солнце. Гассельгорсть прилаживаетъ политру, остальные стоятъ на палубѣ и напряженно ждутъ мгновенія, когда солнце снова начнетъ подниматься. Все растянато въ Норвегіи, и горы, и люди, и небо, и море; восходъ и заходъ солнца подходятъ подъ этотъ общій уровень. Въ 9 часовъ солнце такъ низко, что въ нашихъ широтахъ черезъ полчаса оно уже зашло-бы за горизонтъ, здѣсь-же оно медленно катится на горизонтѣ по совершенно плоской дугѣ напрасно

сился зайти и опять брызгливо и медленно поднимается и продолжать свой путь къ югу. Живописцу пожалуй и выгодна подобная медленность — она даетъ ему возможность основательно изучить эффекты низко-стоящаго солнца, желтыхъ и красныхъ сіяній, фіолетовыхъ и темныхъ тѣней; но для зрителя-профана полуполночное солнце представляетъ нѣчто положительно скучное. Сегодня на сѣверѣ еще туманъ, такъ что съ часъ времени солнце, казалось намъ, свѣтило на море темно-багровымъ шаромъ и не имѣло достаточно лучей освѣтить противуположнія горы. Тѣмъ не менѣе мы распили нѣсколько бутылокъ въ честь этого событія и легли спать съ сознаніемъ, что мы и въ Римѣ были, и папу тамъ видѣли.

Шесть недѣль мы не видѣли заходящаго солнца и болѣе двухъ мѣсяцевъ не знали ночи. Задолго еще до нашего перехода за полярный кругъ, въ полночь наступали только легкія сумерки, нисколько не мѣшавшія читать печатное. Мы можемъ поэтому высказать свое мнѣніе о дѣйствиіи, какое производитъ на людей постоянный свѣтъ. Тѣ, кто мелькомъ слышитъ рассказы объ этомъ многомѣсячномъ пребываніи солнца надъ горизонтомъ, считаютъ счастливыми путешественниковъ, которымъ ночь не мѣшаетъ дѣлать наблюденія. Они воображаютъ, что при этомъ чувствуешь себя особенно хорошо и всегда способенъ къ новымъ работамъ.

Но этого не бываетъ, потому что за возбужденіемъ въ первые дни — необходимое послѣдствіе отсутствія ночи — скоро слѣдуютъ раздражительность и изнуреніе, съ которыми нельзя вполне совладать. Хочешь спать и не можешь — трудно отстать отъ укоренившейся привычки спать въ темнотѣ. Каждый вечеръ ждешь мгновенья, когда солнце зайдетъ за горизонтъ и только рано утромъ ложишься въ постель, но она не даетъ вполне освѣжающаго сна. И наконецъ благодаришь небо, когда на нѣсколько часовъ оно скроется въ темнотѣ.

Вліяніе полуполночнаго свѣта можно наблюдать не только на путешественникахъ, но и на туземцахъ. Къ этому присоединяется еще совершенно особенное разстройство экономическихъ отношеній. Приходи когда хочешь и въ какой-бы то ни было часъ дня или ночи, и почти всегда найдешь бодрствующихъ людей, занятыхъ работой, когда другіе спятъ. Порядокъ, нѣкоторымъ образомъ, нарушенъ въ каждомъ хозяйствѣ: нѣтъ болѣе опредѣленныхъ ча-

совъ ни въ ѣдѣ, ни въ охотѣ, ни въ работахъ, и не смотря на относительно-благопріятное, по сравненію въ послѣдующей ночи, положеніе людей — они тоже ждутъ мгновенія, когда спустится мракъ на нѣсколько часовъ и только однимъ морякамъ вѣчный день — желанный даръ небесъ; обладая способностью спать во всякое время — только бы прилечь, они пользуются своимъ четырех-часовымъ сномъ на сколько это возможно, и не нахвалятся безопасностью, съ какою можно крейсировать ночью точно яснымъ днемъ въ узкихъ проливахъ между шхеръ и подводныхъ камней.

Море но немногу улеглось; наступилъ полный штиль и нашъ корабль стоялъ бы на томъ-же мѣстѣ, въ виду южныхъ Лофоденскихъ острововъ, если бы теченіе, обнаруживающееся вдоль всего норвежскаго берега, видимо не несло его къ сѣверу. Скоро уже три дня въ путевомъ журналѣ отмѣчаютъ почти постоянный штиль, солнце, теплый воздухъ и постоянное полуночное солнце, также какъ и постоянное направленіе на сѣверъ и сѣверо-востокъ по теченію, которое бываетъ по временамъ такъ сильно, что даже направляетъ корабль. Цѣпь Лофоденскихъ острововъ даетъ намъ все новые и новые и великолѣпные виды; особенно скалы, стоящія впереди большихъ острововъ, заставляють постоянно браться за карандашъ, чтобы передать на бумагѣ ихъ необычныя, рѣзкія формы. Море такъ спокойно, воздухъ такъ прозраченъ, что мы на цѣлые часы рискуемъ уплывать въ лодкѣ далеко отъ корабля и охотимся или въ открытомъ морѣ, или на сосѣднихъ утесахъ. Въ морѣ дразнятъ насъ гагары, онѣ подпускають лодку на выстрѣлъ, и потомъ при щелканіи курка, прежде чѣмъ достанетъ ихъ дробь, быстро ныряють и показываются на неизмѣримомъ разстояніи. Сдѣлавшись страстнымъ охотникомъ, капитанъ, разъ послѣ обѣда виѣстѣ съ комодоромъ только что не уморилъ половины экипажа, такъ какъ ему хотѣлось во что бы ни стало овладѣть нѣсколькими “канальскими нырками.”

На утесахъ, гдѣ мы побывали на другой день, успѣхъ былъ значительнѣе; на этихъ утесахъ, окруженныхъ настоящимъ лѣсомъ подводныхъ растеній, живутъ цѣлыя стаи баклановъ, топориковъ, сѣверныхъ чистиковъ, кайръ, чаекъ и крачекъ. Съ трудомъ мы пристали въ лодкѣ къ нѣкоторымъ утесамъ, потому что, не смотря на совершенно покойное море, постоянно набѣгающее теченіе обра-

зуютъ большіе буруны. Когда мы подъѣхали, чайки и крачки поднялись въ воздухъ, гагары нырнули въ воду и на скалѣ остались только бакланы, сохраняя глупый видъ: они полу-приподняли крылья, будто просушиваютъ ихъ на солнцѣ и смущенные повертываютъ голову и туда и сюда, напоминая собою старыхъ дѣвъ, когда тѣ высматриваютъ появляющихся танцоровъ; они не пробуютъ летѣть и, сидя на скалахъ, даютъ себя бить, точно тому такъ и слѣдуетъ быть.

Показываются нѣкоторыя плаваюція морскія животныя, не встрѣчавшіеся намъ до сихъ поръ, но отнынѣ они будутъ сопровождать насъ до самаго Нордкапа. Великолѣнный, малоизвѣстный акалефъ съ крестообразно расположенными органами на нижней поверхности щитка; въ глубинѣ онъ похожъ на морскую звѣзду и попадаетъ такъ часто, что его можно хорошо изслѣдовать. Мы назвали его кресто-медузою; но потомъ нашли, что естественный испытатель Мертенсъ въ своемъ кругосвѣтномъ плаваніи открылъ ее въ Норфолкскомъ проливѣ и въ Океанѣ возлѣ Уналашки, и что Брантъ, издатель его бумагъ, наименовалъ ее *Staurorhoga Mertensii*. Появляется новый видъ гребневиковъ съ большими лепестками по обѣимъ сторонамъ отверстія рта; профессоръ не встрѣчалъ такихъ въ своихъ прежнихъ поѣздкахъ по океану и Средиземному морю и потому изслѣдуетъ ихъ весьма подробно.

Нѣтъ недостатка въ большихъ морскихъ животныхъ. — Къ намъ подъѣзжаетъ рыболовное судно и предлагаетъ красивую треску, большую плоскушу и еще большаго ската; рыбаки дивятся, что мы отдаемъ предпочтеніе именно скату, котораго они не ѣдятъ, считая бѣшеной рыбой (*Follfisch*). Къ сожалѣнію, профессоръ, встрѣтивъ рыбаковъ недалеко отъ шкуны, забылъ дать надлежащія наставленія, такъ что воротившись, онъ нашелъ ската выпотрошеннымъ, по обычаю моряковъ и до того изуродованнымъ, что пришлось кинуть въ море остатки.

Порой слышится плескъ, точно шумить большой ливень, а на дворѣ совершенно ясно и тихо. Только по водѣ идетъ зыбь, словно мѣстный вихоръ волнуетъ водную гладь; подъѣзжая видишь, что вода буквально вздувается длинными полосами, въ которыхъ играютъ темныя и свѣтлыя точки и тамъ и сямъ по поверхности, или даже надъ нею, сверкнетъ серебристый лучъ и

съ плескомъ исчезнуть въ водѣ. Это, можетъ-быть, стада сельдей, но вѣроятнѣе молодой трески (*Gadus virens*). Онѣ плаваютъ не глубоко и преслѣдуются чайками, которыя накидываются на нихъ со всѣхъ сторонъ. По близости такихъ стадъ, непременно водятся магаки (*Timmler*), обыкновенные дельфины, морскія свиньи и гибары (пероносый китъ), которые своимъ преслѣдованіемъ заставляютъ рыбу искать убѣжища или въ глубинѣ, или близъ материка.

Разъ вечеромъ громадной величины гибаръ (*Balaenoptera pusillus*) далъ намъ совершенно своеобразное представленіе. Вдали, на сѣверѣ, уже нѣсколько времени были слышны глухіе удары похожіе на пальбу изъ большихъ мортиръ или другихъ тяжелыхъ орудій. Земли въ той сторонѣ не было, и намъ казалось невѣроятнымъ чтобы военный корабль могъ производить въ той сторонѣ учебную стрѣльбу. Мы приблизились и увидѣли кита, должно быть колоссальной величины, который по своему гимнастировалъ. Каждая пять минутъ подымался надъ водою плавникъ, ширина котораго, отъ края до края его крылообразныхъ лопастей, была, по нашему, приблизительно отъ 30 до 40 фут.; капитанъ увѣрялъ, что въ выемѣ его плавника свободно помѣстится наша большая 25 футовая шлюпка. Это страшное орудіе медленно подымалось изъ воды, вертикально ставилось, и, покачавшись немного изъ стороны въ сторону, какъ бы для того чтобы получить нужный размахъ, грузно шлепалось въ воду, которая пѣнилась, давала во всѣ стороны высокія брызги и большую круговую волну. Послѣ каждаго удара близъ мѣста, гдѣ ударялся плавникъ, подымалась безобразная голова и выбрасывала высокій фонтанъ — затѣмъ наступала короткая пауза и снова шло представленіе.

Была ли это битва? или игра? Послѣднее вѣроятнѣе — хотя много разсказываютъ о битвахъ китовъ съ единорогами и кашалотами, а въ Бергенѣ Даніельсенъ увѣрялъ насъ, что видѣлъ въ этихъ мѣстахъ жестокую битву и двухъ косатокъ съ китомъ, при чемъ китъ былъ побѣжденъ. Косатка (*Delphinus Orca*) настоящій тигръ сѣвера; это огромный дельфинъ, превосходящій всѣхъ своихъ родичей быстротою и ловкостью движеній, и его короткіе челюсти, вооруженныя толстыми, конусообразными зубами, чрезвычайно сильны. Рѣдко удается убить сильнаго хищника, велико-

лѣнный черепъ котораго мы видѣли въ бергенскомъ музеѣ. Но, въ настоящемъ случаѣ, мы не думаемъ, что бѣтва была причиной видѣнныхъ нами ужасныхъ усилій уже потому, что животное не мѣняло мѣста и что на слѣдующій день, но значительно дальше, мы слышали другаго, а можетъ быть и вчерашняго, плещущаго кита.

Акулы также подплывали къ шкунѣ и бросались на сало; притомъ они опрокидывались и мы хорошо могли видѣть ихъ ужасную пасть и болѣе свѣтлую нижнюю сторону тѣла; но, къ сожалѣнiю, мы не поймали ни одной. Теперь у насъ было довольно работы. Даже Гассельгорстъ усердно изучалъ прозрачнаго какъ кристалль гребневика, имѣвшагося въ нашихъ банкахъ въ значительномъ количествѣ особей; и пока другіе скальпировали, разсматривали подъ микроскопомъ и анатомировали, онъ съ обычнымъ мастерствомъ старался воспроизвести на бумагѣ линіи, которыя трудно было разглядѣть въ кристалльно-прозрачномъ тѣлѣ гребневика.

Запасъ прѣсной воды приходилъ къ концу; подулъ вѣтерокъ, мы и рѣшили войти въ ближайшій фьордъ, чтобы на первой же удобной стоянкѣ запастись свѣжей водой. Мы повернули на западъ, чтобы войти въ узкій проливъ Березундъ, между большимъ островомъ Ланге на сѣверѣ и Гасселе или Улве на югѣ. Проливъ дѣлался все уже и уже; обступавшія его, низкія скалы, подымались въ дали страшно крутыми, отвѣсными нѣгами, и даже въ самомъ фарватерѣ пролива, бѣловатый прибой обозначалъ подводныя или едва высунувшіяся изъ воды скалы, которыя лопманъ обходилъ весьма искусно.— Не думая о бѣдѣ и занимаясь, по обычаю, въ каютахъ, мы вдругъ почувствовали толчекъ, будто корабль набѣжалъ на скалу, причемъ онъ накренился такъ сильно, что мы чуть чуть не попадали съ мѣстъ. Вслѣдъ затѣмъ мы услышали громкій призывъ штурмана, который въ два прыжка былъ на другомъ концѣ палубы, матросы бѣжали за нимъ. Въ одно мгновеніе мы тоже были на верху, гдѣ собралась и наша блѣдная, перепуганная прислуга; матросы уже висѣли на реяхъ, или въ безпорядкѣ убирали паруса; штурманъ, глядѣвшій въ оба, одной рукой сильно ударилъ кого-то изъ нихъ, схватывшаго не ту веревку, а другой какъ слѣдуетъ спустилъ парусъ. Если и была

опасность, то не болѣе двухъ секундъ; а была она отъ незамѣченной прежде грозовой тучи, которая мгновенно охватила насъ, разразилась сильнѣйшимъ ливнемъ и нанесла боковой шкваль, „Все“, который неожиданно ударилъ во всѣ паруса и, при меньшей осторожности, нагналъ бы шкуну на скалы.

Сильный вѣтеръ, во время грозы, славно помогъ намъ пройти узкимъ фьордомъ и корабль быстро добѣжалъ до небольшой якорной стоянки — въ виду нѣсколькихъ домиковъ. Постановка парусовъ — что вѣтеръ сталъ противъ — мгновенно, точно коня на скаку, осадила корабль: якорь застучалъ и вѣлся въ дно узкаго пролива, котораго ширина едва ли равнялась ружейному выстрѣлу. Гроза разрѣшилась сильнымъ дождемъ, но грому и молніи было немного.

Мы проснулись при яркомъ солнечномъ свѣтѣ и только теперь опѣнили красное мѣстечко, куда забросила насъ нужда въ водѣ. Противъ — маленькій, низенькій островъ, любимое мѣсто высихиванія гагъ. Владѣлецъ островка, платя известную дань, отдалъ его въ королевскую охрану и потому никто не имѣетъ права стрѣлять на немъ. Съ другой стороны надъ зеленымъ, немного болотистымъ побережьемъ тянутся высокіе гребни утесовъ съ крутыми обрывами, надъ которыми парятъ нѣсколько орловъ. Вдали, по ту и по другую сторону пролива, виднѣются острѣе шпиль поднятые на островахъ, а можетъ быть, и на материкѣ. Въ проливѣ, между обыкновенными медузами и прозрачными гребневиками, плавали Суапае, всѣхъ степеней развитія. При обилии формъ, натуралисты не знали съ чего начать и цѣлое утро на палубѣ не отрывались отъ микроскопа. Тѣмъ временемъ матросы отправились къ ручью наполнить бочки. Докторъ, въ сопровожденіи Губерта, наконецъ здѣсь задумалъ принести жертву своей любознательности нѣсколькими тетеревами или „Руреп“, какъ ихъ зовутъ на всемъ сѣверѣ. Уже давно затронутый вопросъ — составляетъ ли порода бѣлыхъ тетеревей (*Tetrao albus*) отдѣльный видъ съ горными (*Tetrao lagopus*), выманилъ его сегодня въ лѣсъ, покрывавшій крутыя скалы близъ нашей стоянки. Берна и Грессли бросаютъ неводъ и съ неглубокаго дна вытаскиваютъ множество морскихъ звѣздъ, ежей, и нѣсколько пустыхъ раковинъ большихъ гребешковъ (*Pecten islandicus*), которые здѣсь, кажется, обыкновенны.

Послѣ обѣда устроилась прогулка по болоту на небольшое возвышеніе, съ котораго хорошо видѣнъ фьордъ. Трудно было уговорить commodora взять съ собой одноствольное ружье; онъ боится— оно будетъ мѣшать его скорому шагу. Только героизмъ, съ какииъ профессоръ и художникъ одновременно заявили свою готовность нести геологическіе приборы, рисовальный ящикъ и охотничьи снаряды, заставилъ его уступить просьбѣ друзей.

Намъ не пришлось каяться. Только мы вошли въ болото, гдѣ было множество еще не спѣлой красной морошки, почти изъ-подъ нашихъ ногъ поднималась дичь или другая интересная для насъ птица. Мы скоро набили нѣсколько штукъ сивокъ (*Charadrius pluvialis*), куликовъ настоящихъ и куликовъ котрусь (*Numenius phalopus* и *arquatus*) и только поморники (*Lestris*) потребовали больше времени и хлопотъ. Теперь, лежа смирно въ своемъ темно-буромъ нарядѣ, они были намъ особенно милы, такъ какъ прежде мы напрасно старались добыть ихъ на морѣ или въ шхерахъ. Мы часто наблюдали ихъ — проворныхъ и смѣлыхъ птицъ — когда съ громкимъ крикомъ они нападали на гораздо большихъ чаекъ и сильными ударами клюва заставляли тѣхъ бросать добычу, быстро хватая ее на лету. Часто мы ѣздили за ними въ лодкѣ, пробовали подманивать ихъ, думали добыть ихъ, бросая чайкамъ большіе куски мяса, которые тѣ почти выхватывали изъ нашихъ рукъ и только за тѣмъ, чтобы поморники отняли послѣ. Все было напрасно. Мы только видали ихъ издали, рѣзко отличающихся отъ бѣлыхъ чаекъ темными перьями и длиннымъ загнутымъ хвостомъ и было совсѣмъ потеряли надежду достать ихъ когда-нибудь. На сушѣ — поморники, казалось, потеряли страхъ, свойственный имъ на морѣ. Они бѣгали по болоту, отыскивая червей и насѣкомыхъ; садились на мховыя кочки, березовыя пни, торчащія по болоту; глядѣли на приближавшагося охотника и спокойно выдерживали, пока онъ не подходилъ къ нимъ на выстрѣлъ. Очевидно поморникамъ мало пищи, добываемой въ морѣ, и они добываютъ еще живую добычу на сушѣ близъ берега.

Скоро мы такъ нагрузились разными птицами что едва могли захватить образцы великолѣпнаго, свѣтло-краснаго гранита, который мѣстами превратился почти въ чистый полевой шпатъ. Еслибы узнали качества этого гранита, онъ навѣрно скоро приобрѣлъ бы

извѣстность финляндскаго или швейцарскаго изъ долины Габ-веренъ, которому, какъ кажется, не уступаетъ ни въ цвѣтѣ, ни въ прочности. Гранитъ всюду лежалъ рѣзко опредѣленными пластами. Насупротивъ, на маленькомъ островѣ пласты приняли почти отвѣсное положеніе, а высокія скалы, вокругъ которыхъ вьются орлы, выставили изорванныя закраины пластовъ — подъ которыми вѣрно есть орлиныя гнѣзда. Покачивая головой, профессоръ разбиваетъ камни и каждый ударъ отбиваетъ частицу теоріи вулканическаго происхожденія гранита и отбрасываетъ ее въ тому же множеству теорій, которыя въ свое время также были отброшены имъ.

Наши охотники тоже вернулись: они принесли двухъ тетеревей, дикую утку и пару великолѣпныхъ краснозобыхъ гагаръ (*Columbus septentrionalis*), найденныхъ ими въ лѣсу, въ маленькомъ болотцѣ. Тетерева линяютъ — зимнее бѣлое перо замѣняется лѣтнимъ желто-коричневымъ. — Охотники завѣряли, что будь при нихъ дрессированная собака, они притащили бы цѣлую дюжину тетеревовъ, которые до того крѣпко держатся въ густомъ мхѣ и кустарникѣ по болоту, что поднимаешь ихъ, едва не наступая ногою. Пятница, которую они взяли, скорѣе мѣшала; не обращая вниманія на крики и свистъ, она съ лаемъ погналась за первой поднявшейся птицей, и прибѣжала уже подъ конецъ охоты.

Лавры Губерта и доктора, хотя и поблекли послѣ нашей охотничьей прогулки по болоту, взбудоражили капитана. Онъ пристаётъ до того, что коммодоръ и художникъ согласились идти съ нимъ на тетеревовъ? Зоркіе, орлиныя глаза Гассельгорста, до нѣкоторой степени замѣнили чутье дрессированной собаки. Поздно ночью воротились охотники; они убили нѣсколько тетеревовъ, захватили цѣлый выводокъ пискливыхъ тетеревятъ, въ сожалѣнію скоро передохшихъ, и принесли нѣсколько цеструшекъ (*Mus lemmus*).

Объ этой маленькой, толстой, короткохвостой крысѣ разсказываютъ разныя басни: будто она живетъ гдѣ-то внутри лапландскаго материка, и иногда стадами, сотнями тысячъ, милліонами направляется къ морскому берегу, держась прямого пути черезъ рѣки и фьорды. Во время такого путешествія онѣ служатъ

добычею разныхъ земныхъ и воздушныхъ хищникамъ, а остатки, добравшіеся къ морю, тонутъ въ немъ и идутъ на сѣденіе акуламъ и доршамъ.

Такова басня, сложившаяся еще во времена древнѣйшихъ естествоиспытателей сѣвера и рассказываемая до нынѣ въ народѣ. Дѣло въ томъ, что на крайнемъ сѣверѣ пеструшка замѣняетъ нашихъ полевыхъ мышей и полевокъ; что бываютъ года когда она страшно размножается и тогда дѣйствительно оказываются огромныя полчища, которыя точно странствуютъ и даже, гонимыя голодомъ, переплываютъ узкіе фьорды, при чемъ большая часть ихъ гибнетъ. Обыкновенно же ихъ находятъ, и мы находили, всюду въ щеляхъ. Пеструшка—постоянная добыча хищниковъ, которые истребляютъ ее массами.

Намъ хотѣлось остаться въ Вѣре и, по возможности, изслѣдовать окрестности. Мы уже думали, какъ бы устроить экскурсію на высоты и поохотиться на орловъ, парящихъ надъ нами; и владѣлецъ гагачьяго островка также приходилъ къ намъ: радужный старикъ принесъ въ подарокъ разноя яйца и просилъ сдѣлать ему удовольствіе охотиться на гагъ въ его владѣніяхъ. сколько намъ угодно; онъ говорилъ, что птенцы уже въ состояніи сами кормиться и что онъ будетъ очень радъ, если чучела его птицъ появятся въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ музеѣ. Но барометръ падалъ согласно замѣчанію опытныхъ моряковъ, свѣдущихъ въ метеорологіи, которые предсказывали на нѣсколько дней дождь и бурю. И въ этихъ мѣстахъ дождь приносится западнымъ вѣтромъ; а такъ какъ западный вѣтеръ былъ попутный, то мы не

медля рѣшили пройти на всѣхъ парусахъ Сортландсундъ и Габелфьордъ, между острововъ Лангё и Гиндё выйти въ открытое море и поспѣшить въ Тромзё-фьордъ. Въ два часа пополудни мы снялись съ якоря и, хотя насъ мучили комары, бодро и весело поплыли фьордами, которые, какъ и при входѣ въ нихъ были прекрасны своими разнообразіемъ.

При такомъ попутномъ вѣтрѣ необыкновенно хорошо плыть фьордами; ичишься съ быстротою парохода, не испытывая его неприятныхъ толчковъ и мучительной качки. Волненіе такъ незначительно, что качки нѣтъ, и судно плыветъ, влекомое невидимою силой, и, повинуваясь волшебному рулю, скользитъ между скалъ и подводныхъ камней. Если-же при такой погодѣ придется выйти изъ фьорда въ открытое море, — разомъ почувствуешь жестокую качку, такъ какъ на море уже расходилась волна.

Такъ было и съ нами. Только что мы вышли изъ Габелфьорда, качка, килевая и боковая, стала невыносима; вѣтеръ крѣпчалъ; дождь полилъ ручьемъ; густой туманъ палъ на море и, не смотря на полуденное солнце, стало темно, или по выраженію моряковъ „густо“. Для нашего браваго капитана пришла тяжелая ночь: лоцманъ зналъ Лофоденскіе острова только съ внутренней стороны, съ Вестфьорда, а не ихъ наружный, океаническій край, такъ что, отыскивая дорогу, мы руководились только компасомъ и картою. Сначала надо было высмотрѣть длинный, тонкій, красный маякъ Анденесъ, указывающій на сѣверной оконечности острова Андё поворотъ на сѣверо-востокъ; потомъ маякъ Геккингенъ, обозначающій входъ въ Малангеръ-фьордъ, который можно пройти въ проливъ Тромзе. Лѣтомъ на норвежскомъ берегу не зажигаютъ маяковъ и сигнальныхъ огней: солнце свѣтитъ постоянно, а если туманы такъ густы, что солнце не помогаетъ, то что-же поможетъ свѣтъ какого нибудь норвежскаго маяка. Гассельгорстъ остался на палубѣ и съ капитаномъ и лоцманомъ всю ночь высматривалъ оба маяка, обозначавшіе нашъ путь. Въ 9 вечера мы миновали маякъ Анденесъ, въ 7 утра мы прошли 2 градуса долготы и находились уже внѣ области подводныхъ скалъ сѣвернѣе Геккингена; но разомъ вѣтеръ упалъ, туманъ сталъ гуще.

Капитанъ, должно-быть, прожилъ страшные четверть часа, раз-

сказывалъ послѣ Гассельгорста, онъ чуть не влялся и даже нѣсколько разъ стучалъ кулакомъ по доскамъ, какъ-бы желая этимъ пробудить вѣтеръ. „Если будетъ такъ тихо“, говорилъ онъ художнику, „мы ничего не подѣлаемъ рулемъ и сильное западное теченіе понесетъ насъ прямо къ скаламъ, о которыхъ мы легко разобьемся. Подите-ка къ большой мачтѣ, поцарапайте ее съ той стороны, откуда долженъ быть вѣтеръ и поспивстите легонько: это иногда помогаетъ въ такихъ случаяхъ“.

И помогло въ самомъ дѣлѣ. Въ моментъ, когда вѣтеръ забиралъ нѣсколько на сѣверъ — сдѣлался штиль. Теперь снова надулись паруса, туманъ сталъ рѣдѣть и, какъ отмѣтилъ капитанъ въ корабельномъ журналѣ, мы направили корабль прямо въ средину острова Геккингена, подошли къ нему вплотъ, повернули на востокъ въ чистый и благопріятный для плаванія Малангеръ-фьордъ, и могли услатъ въ каюту г-на Гассельгорста. Въ 4 часа мы стали у Тромзе и довольные, что удачно прошли мимо роковаго Геккингена!

Плывя Малангеръ-фьордомъ, мы вездѣ видимъ на довольно крутыхъ берегахъ прежнія береговыя линіи и террасы, которыя тянутся въ горизонтальномъ направленіи футовъ на 40 надъ уровнемъ моря. Выше стелятся прекрасныя луга, по которымъ живописно разсыяны красивыя березовыя рощи и возлѣ нихъ деревянныя домики съ сараями и навѣсами для сушки рыбы. Еще дальше довольно высокія горы; на вершинахъ и въ углубленіяхъ лежитъ еще снѣгъ и даже нѣстами у самаго моря. И это 18-го іюля — послѣ необыкновенно теплой весны, по словамъ туземцевъ! Морозить, когда видишь этотъ снѣгъ въ углубленіяхъ и сообразишь время.

Теченіе во фьордѣ очень сильно и мы рады, что попутный вѣтеръ помогъ намъ подняться въ верхъ по рѣкѣ, обгущей не тише Рейна при Вазелѣ. Мы бросили якорь по срединѣ рѣки, такъ какъ въ Тромзе нѣтъ настоящей гавани. Погода прояснилась и, сидя за обѣдомъ, мы разсуждали какъ быть и что дѣлать въ Тромзе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Тромсё.

Городъ Тромсе красиво расположенъ при узкомъ проливѣ на берегу низменнаго острова. Островъ поросъ березовымъ лѣсомъ и на его холмахъ расположены дачи богатыхъ купцовъ, поселившихся въ городѣ. И здѣсь, впереди, у самаго пролива тянется рядъ мрачныхъ амбаровъ и загораживаетъ большую часть большихъ, жилыхъ домовъ. Въ началѣ городъ произвелъ на насъ непріятное впечатлѣніе. Холодно такъ, какъ бываетъ въ нашихъ мѣстахъ только глубокою осенью; на кораблѣ не залежалось ни мѣховаго платья ни пары теплыхъ сапогъ; лапландцы похожіе на лѣшихъ или домовыхъ, таскали по улицамъ вонючія тюленьи или оленьи шкуры; вѣтеръ несетъ гарь изъ варницъ варвани, распространяя по улицамъ зловещественную вонь. Послѣ небольшой прогулки по единственной улицѣ Тромсе, выложенной во многихъ мѣстахъ деревянными тротуарами, мы воротились на корабль обѣдать и поджидать парохода, которому слѣдовало прибыть еще утромъ; но и его, вѣроятно, задержала ночная буря. Въ самомъ дѣлѣ на горизонтѣ скоро показался дымъ и пароходъ подходитъ къ намъ стать на обычное мѣсто.

Мы пили кофе; вдругъ порядочный толчекъ заставилъ нѣкоторыхъ выпустить чашки изъ рукъ. Мы послѣшнимъ выйти на палу-

бу, и нашли экипажи, и нашъ и пароходный, въ немаломъ смятеніи. Нашъ кливверъ *) виситъ въ канатахъ какъ сломанная стѣнга и лоцманъ отвязываетъ его, собираясь убрать. Подъѣзжая, пароходъ повернулъ слишкомъ круто, ударился деревяннымъ бортомъ о тонкій кливверъ на нашемъ бушпритѣ, сломилъ и раздробилъ его какъ стекло. Капитанъ смѣется и увѣряетъ, что это истинное счастье. „Кливверъ и безъ того былъ сдѣланъ изъ хрупкаго дерева, „говоритъ онъ,“ и я побаивался что онъ сломится во время лавирования, если только вѣтеръ станетъ крѣпчать, и даже думалъ, воротившись изъ этой поѣздки, перемѣнить его; нужно же было дураку лоцману круто повернуть и сломать мой старый кливверъ; теперь мнѣ сдѣлаютъ новый на счетъ парохода.“

Расчетъ капитана вѣренъ. Немного спустя пришелъ плотникъ и капитанъ. Капитанъ парохода вѣжливо извинился въ причиненномъ безпокойствѣ и попросилъ сломанный кливверъ, чтобы по немъ сдѣлать новый. Онъ свалилъ вину на сильное теченіе, которое нѣсколько измѣнило направленіе, тѣмъ болѣе, что пары были выпущены. Мы разстались друзьями. На слѣдующее утро капитанъ еще довольнѣе, потому что ему принесли не только новый кливверъ но и старый, который онъ думаетъ употребить на лодочныя мачты и богъ знаетъ на какія еще подѣлки.

Теченіе въ узкомъ проливѣ — гдѣ наша стоянка, дѣйствительно очень сильно. Нашъ корабль кружится, такъ что, стоя на мѣстѣ, Грессли можетъ отлично усовершенать свою нескончаемую панораму. Кругомъ корабля также все кружить, что весьма выгодно при ловлѣ тонкими сѣтями, потому что все, что носится на поверхности фьорда, постепенно прибывается къ кораблю. Массы морскихъ растеній несутся кружась, оживленныя множествомъ разнообразныхъ и молоденькихъ рыбокъ, которыя сначала даютъ поводъ страннымъ толкамъ.

Профессоръ давно хотѣлъ поймать особый видъ низшихъ животныхъ *Agrendicula* съ длиннымъ хвостомъ, которымъ животное движется въ водѣ. Нѣкоторые натуралисты, изслѣдовавшіе сѣверъ, описали легко снимающійся, большой, студенистый, прозрачный покровъ, покрывающій асцидиобразное тѣло животного.

*) Кливверъ — косою треугольный парусъ на бушпритѣ.

нужно ловить крайне осторожно, если хотять удостовѣриться въ существованіи покрова. При всякомъ удобномъ случаѣ, мы говорили о хвостатомъ животномъ какъ о добычѣ, которую во что бы то ни стало надо добыть и доставить удовольствіе профессору.

Можно себѣ представить какое волненіе обнаружилось въ нашемъ обществѣ, когда Гассельгорстъ сообщилъ, что онъ узрѣлъ хвостатое животное въ пловучей кучѣ морскихъ растеній, но тотчасъ же потерялъ его изъ виду, такъ какъ оно чрезвычайно быстро ушло въ глубину. Животное не прозрачно но зелено, говорилъ онъ, хвостъ у него короткій и, какъ кажется, есть глаза. Сообщенныя признаки также подходили къ описаннымъ примѣтамъ какъ знаменитая торговка масломъ, задержанная берлинскимъ городовымъ, походила на карманнаго вора.

Наконецъ, въ самомъ дѣлѣ, удалось поймать зеленое хвостатое животное, за нимъ послѣдовали другія; оказалось, что это были дѣтеныши извѣстной сѣверной рыбы пиногора (*Cyclopterus lumpus*), совершенно похожія на кровососныя банки; ихъ брюшныя плавники срослись въ кружокъ, которымъ они присасываются какъ пиявки. Скоро въ нашихъ склянкахъ плавало много живыхъ экземпляровъ, и одинъ былъ даже въ палецъ длины. Они, то снова въ водѣ неуловимо быстро верти хвостомъ, то присасывались брюшнымъ присоскомъ къ стѣнкамъ сосуда, и тогда можно было хорошо рассмотреть ихъ короткое, толстое тѣло, усаженное рядами тупыхъ бугорковъ и широкую лягушкообразную голову.

Море въ этомъ мѣстѣ изобиловало и другими плавающими животными; кромѣ извѣстныхъ видовъ гребневниковъ и акалефъ, попадавшихся еще прежде, теченіе принесло нѣсколько новыхъ видовъ *Thaumanthias*. Они отличались чрезмѣрно длиннымъ желудкомъ, прикрѣпленнымъ на подобіе язычка въ колокольчикѣ. Рыбы были усажены чужеродными ракообразными, большею частью извѣстныхъ видовъ. И такъ каждый нашелъ себѣ занятіе въ добычѣ, приносимой моремъ.

Прежнія береговныя линіи были слишкомъ рѣзки, чтобы не привлечь нашего вниманія. Уже Леопольдъ фонъ Вухъ рассказываетъ въ своемъ путешествіи, что городъ Тромзе, — въ чемъ убѣдились копая погребя — выстроенъ на древнемъ раковинистомъ слѣдѣ,

который на холмахъ значительно выше настоящаго уровня моря и образованъ такими же раковинами, какія и по нынѣ водятся въ тамошнемъ морѣ. Наблюденіе показало намъ, что таковъ верхній слой и маленькаго острова Тромзе, и противоположнаго берега материка. Вдоль берега, до самой высшей линіи прилива лежалъ слой песка, мѣстами покрытый высохшими морскими растеніями, выброшенныхъ приливомъ и состоящій почти исключительно изъ растертыхъ раковинъ и коралловъ. Въ немъ попадаются раковины ракушекъ, песчаниковъ, сердцевидовъ гребешковъ и множество большихъ коралловыхъ кусковъ. Надъ нынѣшнею береговою линіей, которая тянется блестящей бѣлою полосой, лежитъ другая и образуетъ, если глядѣть на нее издали, рѣзко ограниченный уступъ, служащій удобнымъ грунтомъ для рыбацкихъ домиковъ. На всемъ протяженіи этой линіи, лежащей на 12—20 ф. надъ нынѣшнимъ берегомъ, находятъ, хотя и рѣже, тѣ же раковины что и внизу и въ такой же пропорціи. Еще выше, футовъ 40 надъ второй береговою линіей, тянется третья, гдѣ мы нашли весьма рѣдко-разбросанные черепки раковинъ, но и тутъ попадались большія раковины исландскаго гребешка, болшею частью засыпанныя щебнемъ, смытымъ съ горъ. Горные склоны состоятъ изъ попеременныхъ залежей темно-розоваго обманковаго сланца и мягкаго слюдянаго сланца; въ нихъ вкраплено множество гранатъ и доломита, которые замѣтно выдаются изъ подъ легко вывѣтривающагося сланца.

Насупротивъ острова Тромзе, отдѣленный отъ него узкимъ проливомъ, тянется, далеко къ сѣверу, полуостровъ, увѣнчанный высокими горами и называемый Вредвигсъ-Ейдегъ. Лѣтомъ на него перекочевываютъ лапландцы съ оленями и съ позволенія владѣльцевъ остаются тамъ на цѣлые мѣсяцы. Гостеприимные хозяева въ Тромзѣ предложили намъ посѣтить лапландскую колонію — въ часовомъ разстояніи отъ берега, во владѣніяхъ консула Гольста. Консулъ былъ такъ любезенъ, что послалъ гонца къ лапландцамъ съ предложеніемъ пригнать оленей къ шалашамъ, чтобы чужестранцы, которые придутъ съ нимъ, могли посмотреть ихъ стада. „Всѣхъ оленей они навѣрно не пригонять,“ говорилъ консулъ Агааръ, нашъ любезный хозяинъ, „не пригонять, потому что боятся показывать свое богатство; но стадо въ тысячу головъ

а можетъ быть и больше, сегодня они выставлять на показъ. Вамъ, конечно, все равно; вамъ нѣтъ дѣла, будете ли вы видѣть тысячное или четырехъ-тысячное стадо. Вотъ намъ — дѣло другое; мы ведемъ съ ними торговлю. Состоятельность лапландца опредѣляется исключительно оленями и какъ, въ концѣ концовъ, каждый олень цѣнится въ 10—12 талеровъ, то легко счесть имущество лапландца, зная число его оленей.“

Мы свернули въ узкую долину, по которой сбѣгала въ море рѣчка прозрачная какъ кристалъ. Вдоль фьорда потянулись зеленые луга, поросшіе кое-гдѣ березовыми кустами. Прекрасный скотъ, средней величины, если не ошибаюсь, вывезенный изъ южной Шотландіи, пасся на лугахъ; все виѣстѣ представляло полную картину швейцарскаго горнаго хозяйства; позади мрачно, грозно подымалась высокая, широкая горная цѣпь Тромсдалъ — или Рамфьордъ-Тиндъ; въ ущельяхъ лежалъ еще снѣгъ. Нѣкоторые (насъ было много), бывавшіе на горѣ, рассказывали много объ ужасномъ, отвѣсномъ обрывѣ, который виситъ по другую сторону надъ большимъ глетчеромъ. Они насчитывали его вышину тысячъ въ пять ф., но мы сомнѣвались, чтобы она превышала 4000 ф. Еще на Альпахъ мы привыкли къ подобнымъ преувеличеніямъ въ опредѣленіи высотъ. Мы узнали потомъ отъ нашего друга Мартинса, который взбирался на эту вершину, что высота ея — 1234 метра надъ уровнемъ моря.

Дорога шла довольно крутыми склонами, поросшими березами; по склонамъ всюду струились ручейки, стояли болота брести по которымъ было не совсѣмъ пріятно. На сухихъ мѣстахъ вывѣтрившійся сланецъ образовалъ великолѣпный черноземъ, который вездѣ, гдѣ стояла еще вода, превратился въ черную грязь; оступившись, можно было увязнуть въ ней по колѣно. Всюду между березъ мы видѣли слѣды коровъ, но оленьихъ слѣдовъ не видали. „Развѣ олени не подходятъ къ берегу и развѣ лапландцы прикочевываютъ сюда не для того, чтобы поить ихъ морскою водою, безъ которой они не могутъ жить?“ спросилъ кто-то.

„Это одна изъ многихъ сказокъ повсемѣстно распространенныхъ и повсюду повторяемыхъ. Какъ же дикимъ оленямъ съ Доврефельда, изъ внутри страны, приблизиться къ морю, если они никогда не спускаются въ болѣе низкія, обработанныя мѣста? Весь этотъ бе-

рогъ принадлежитъ отдѣльнымъ владѣльцамъ; они имѣютъ луга, пастбища, поля и сады и конечно не позволяютъ лапландцамъ пригонять стада къ самому берегу, гдѣ олени все перепортятъ. Консулъ Гольстъ еще слишкомъ добръ, позволяя лапландцамъ спускаться въ самую долину, потому что они ужасно истребляютъ лѣса и такъ же мало щадятъ деревья, какъ и пастбища, по которымъ гонятъ стада.“

„Стало правда,“ сказалъ другой, „что рогатый скотъ не пастется, гдѣ ходили олени, и что корова имѣетъ инстинктивное отвращеніе къ оленямъ?!“

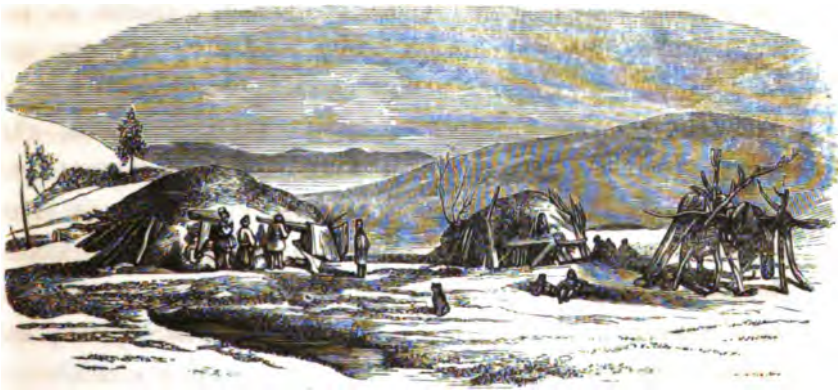
„Какъ же!“ возразилъ консулъ, „теперь очень многіе лапландцы держатъ оленей и коровъ, такъ какъ олени даютъ мало молока, и обѣ скотины отлично уживаются вмѣстѣ. Но мы, собственники этого берега, запрещаемъ, прикочевавшимъ на время лапландцамъ, держать коровъ, потому что тогда не осталось бы корму нашей скотинѣ. Олени и рогатый скотъ не соперники въ пищу: олень очень рѣдко ѣстъ траву, а корова не трогаетъ мха; имъ и не трудно ужиться.“

„Вы отнимаете у насъ всѣ преданія и мы наконецъ не видимъ никакой основательной причины, почему лапландцы спускаются къ морскому берегу, а не остаются въ горахъ.“

„Причина,“ отвѣтилъ одинъ норвежецъ, „заключается болѣе въ удобствѣ и въ любви лапландцевъ къ кочующей жизни, чѣмъ въ потребностяхъ ихъ животныхъ. Впродолженіи нѣсколькихъ недѣль на верху, на фьельдахъ бываетъ невыносимо жарко, и изъ тонкихъ болотъ, простирающихся на необозримыя пространства, поднимается такая гибель комаровъ, что подобно туману они помрачаютъ воздухъ. Лапландцы предпочитаютъ на это время прикочевывать къ морю, гдѣ жаръ гораздо умѣреннѣе и комаровъ меньше; къ тому же есть случай входить съ нами въ торговныя сношенія. Они вымѣниваютъ рога и шкуры животныхъ, убитыхъ впродолженіи зимы, на разныя жизненныя потребности. Кочевая къ морю — ихъ поѣздка на дачу, на воды и, какъ смышленные торговцы, они пользуются ею для устройства кое-какихъ дѣлшекъ.“

Разговаривая, мы подошли къ котловидному расширенію долины и увидѣли вдаль лапландскую колонію. Такъ какъ лапландцы

прикочевываютъ ежегодно, то и постройки имѣли осѣдлый видъ котораго обыкновенно не бываетъ у лапландскихъ жилищъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ хижины два пространныхъ, круговыхъ выгона были огорожены большими камнями и березовыми пнями, между которыми оставлено по промежутку, въ который могла проѣхать телега; проходъ также заставленъ березовыми и сосновыми пнями; а у одного выгона, которымъ, какъ видно, пользовались теперь, было отторожено маленькое пространство, назначенное, какъ сказали, для бодливыхъ козловъ. Дальше шло жилье: двѣ круглыя хижины (гаммы); внутренній поперечникъ каждой былъ футовъ 12; въ низкой конусообразной крышѣ — дымовое отверстіе, съ южной стороны низенькая дверь, въ которую даже

лапландецъ входитъ согнувшись; стѣны сложены изъ камня; щели заложены мхомъ и притерты землей, а крыша сложена изъ березовыхъ стволовъ. Подлѣ гаммы поставлено нѣсколько роготокъ, фантастически составленныхъ изъ вѣтвистыхъ березъ; на нихъ просушивались на солнцѣ платки, шкуры и разныя хозяйственныя принадлежности; подъ открытымъ небомъ былъ разведенъ огонь, надъ которымъ на треногѣ изъ березъ висѣлъ котелъ и закипала вязкая молочная кашка.

Навстрѣчу намъ съ хриплымъ лаемъ бросилась стая маленькихъ, остроносыхъ, косматыхъ собакъ, бурой или черной шерсти съ обрубленными хвостами, которыя немножко походили на медвѣжатъ; за ними толпа уморительныхъ дѣтей всѣхъ возрастовъ, въ блузахъ изъ оленьей шкуры и узкихъ штанахъ; дѣти напрасно старались

отогнать собакъ, съ которыми, впрочемъ, мы скоро подружили. Скоро собрались вокругъ насъ мужчины и женщины; нѣкоторые дружески пожали руку знакомому купцу и пригласили насъ подойти поближе и войти въ ихъ гаммы. Старикъ 86 лѣтъ, почти превратившійся въ мумію, кривоногій, былъ особенно любезенъ и съ такимъ достоинствомъ принялъ насъ въ одной изъ гаммъ, что мы припомнили типичную личность Афрая, изъ романа Мюгге. Но иллюзія исчезла, когда намъ сказали, что старикъ играетъ подчиненную роль и принадлежитъ нѣкоторымъ образомъ къ жителямъ.

Мы вошли въ гаммы. По срединѣ, на полу, очагъ изъ нѣсколькихъ плитъ и только близъ него можно стоять прямо. Полъ земляной; европеецъ средняго роста едва можетъ уѣсться у стѣны, гдѣ помещены березовыя прутья, прикрытыя оленьими шкурами. Надъ огнемъ, въ дыму повѣшены на веревкахъ круглыя комки почернѣвшія отъ сажи; это оленьи желудки, наполненные молокомъ и кровью, которыя, говоря, такимъ образомъ остаются цѣлые мѣсяцы жидки и свѣжи. По стѣнамъ висѣли мѣдные котлы, сковороды, деревянныя чашки съ ручками, корзинки изъ бересты и два кузова наподобіе туфель, въ которыхъ что-то квакало. Присматриваемся—это люльки, изъ накрестъ сплетенныхъ кожаныхъ ремней и бересты, въ которыхъ, помощью веревки, колымаютъ грудныхъ дѣтей.

Изъ этихъ дымныхъ, темныхъ и зловонныхъ жилищъ, мы скоро вышли на свѣжій воздухъ и собрались вокругъ корзины съ припасами, принесенной нашими добрыми хозяевами. Мы жалѣли бѣдныхъ людей, жившихъ въ такихъ ужасныхъ норахъ — точно сельди въ боченкахъ; по нашему расчету, который подтвердили и наши хозяева, здѣсь живетъ болѣе 30 человекъ и такое же количество собакъ, имѣющихъ послѣ трудовъ также право на мѣсто возлѣ огня. „Здѣшній владѣлецъ вовсе не бѣднякъ“, сказалъ консулъ Гольстъ, „правда, и не изъ богатыхъ, но зажиточный лапландецъ. Вотъ онъ — лѣтъ 50, съ морщинистымъ лицомъ; женщина, сидящая у огня, его жена, а дѣвочка возлѣ — его дочь — очень выгодная партія: она единственный ребенокъ; а у родителей около 2,000 оленей, cadaго можно цѣнить въ 30 франковъ, такъ что у нихъ одного скота на

60,000. Кроме того въ банкѣ лежатъ изъ 6% 1,000 — 1,200 талеровъ и этотъ капиталъ ежегодно растетъ. Вы видите, эти люди не бѣдны и даже — продай они своихъ оленей — могли бы хорошо жить процентами на свой капиталъ. А они со своими оленями предпочитаютъ кочевую жизнь на горахъ и въ долинахъ; жизнь въ гаймахъ среди грязи и разныхъ насѣкомыхъ и такъ пристрастны къ ней, что тѣ, кого хотѣли иначе воспитать, бѣжали отъ цивилизаціи и воротились къ прежней жизни.“

„Однако и въ нихъ замѣтна нѣкоторая цивилизація,“ замѣтили мы; „существующія отношенія между господами и слугами — продуктъ цивилизаціи и то, что они отдають свой капиталъ въ ростъ, а не зарываютъ его, тоже не доказываетъ первобытной простоты.“

„Отношенія между господами и слугами,“ отвѣтили намъ, „въ извѣстной степени патриархально-феодалныя. Служить не одно лицо, а вся семья. Владѣлецъ стада, заключая куплю, беретъ всю семью: жену, дѣтей и обыкновенно подчиненная семья такъ-же древняя, какъ и владѣющая и живетъ у ней уже много поколѣній. Иногда, правда, эти отношенія напоминаютъ ассоціацію. Самостоятельный лапландецъ теряетъ часть стада по какому-нибудь несчастному случаю, отъ вьюги, чумы и т. п. и не можетъ прожить остальною. Олени мало даютъ молока, и необходимо имѣть по крайней мѣрѣ сотню оленей на прокормленіе семьи; если стадо меньше, несчастный лапландецъ долженъ къ кому-нибудь пристать, если не хочетъ пропасть съ голоду. Приставъ, онъ работаетъ на другаго и получаетъ долю въ прибыли, какава причтется отъ прибавки къ стаду — его оленей. — Что же до отдачи въ ростъ капитала то привычка закапывать и прятать деньги и металлы давно уже брошена. Вы пожалуста не думайте, что лапландцы вовсе лишены образованія: почти всѣ умѣютъ читать и писать; кроме библіи имѣютъ разные учебники и численники и хорошо знаютъ двойную бухгалтерію, по которой ведутъ свои расчеты съ купцами.“

Лапландцы, которыхъ мы видѣли здѣсь, очень не велики: мы выше ихъ цѣлою головою. Ихъ тѣло слабо, но красиво; ноги и руки чрезвычайно малы, кости бедеръ и плечъ тонки и не широки. Мы видѣли только у одного черныя волосы у остальныхъ были

прямые темно- или свѣтло-русые; у мужчинъ они падаютъ на плечи, а у женщинъ собраны на макушкѣ. Широкія скулы, узкій, но прямой разрѣвъ глазъ, широкое лицо, приплюснутый носъ и желтоватая окраска лица указываютъ на ихъ могольское происхожденіе. Одежда — широкая блуза изъ оленьей шкуры или грубой шерстяной матеріи — подпоясана широкимъ поясомъ, на которомъ съ одной стороны виситъ длинный ножъ въ кожаныхъ ножнахъ грубой работы, а съ другой, въ мѣшечкѣ, плоская, круглая ложка съ рѣзной ручкой; мѣшечекъ собирается ремешкомъ, на концахъ котораго висятъ нѣсколько пестрыхъ шерстяныхъ висточекъ и круглыхъ

металлическихъ пуговицъ. Блуза высмызнута какъ только можно и сзади и спереди виситъ мѣшкомъ, въ который лапландецъ прячетъ, за неизмѣнимъ кармановъ, все свое добро, такъ что, возвращаясь изъ города, онъ имѣетъ престранный видъ со своими тугонабитыми пазухами. Тонкія, кривыя голени безъ икръ плотно обтянуты и зашнурованы въ кожанныя нагленки, доходящія до лодыжекъ. Ноги обуты въ такъ называемые комагеры — короткіе, грубые башмаки, изъ недубленой оленьей шкуры, съ загнутымъ въ верхъ носкомъ, поразительно похожія на китайскій башмакъ. Внутри комагеровъ кладутъ солому, мохъ или оленью шерсть; ихъ голенища натягиваются поверхъ лодыжекъ и перевязываются кручеными жилами такъ крѣпко, что ноги совершенно защищены, по крайней мѣрѣ, отъ мухъ, если не отъ воды. Мы убѣдились послѣ, на кораблѣ, что вода проникаетъ въ нихъ и что они ни-

сколько не защищают от неровностей почвы, и потому для наших избалованных подошв были бы очень плохой обувью. А лапландцы, кажется, не чувствуют ни камней, ни колючекъ, такъ быстро они прыгаютъ и бѣгаютъ по каменной почвѣ.

Населеніе гномовъ — потому что эти маленькія, кривоногія существа производятъ именно такое впечатлѣніе — скоро собралось вокругъ — смѣется, шушукаетъ, болтаетъ и разглядываетъ насъ. У взрослыхъ черты лица не привлекательны, но между молодыми дѣвушками попадаются изрѣдка если не красавицы, то очень милыя. Мы замѣтили между лапландцами высокаго, рыжаго коренастаго молодца; намъ объяснили, что это потомокъ норманна и лапландки. Молодой человекъ, изъ числа провожавшихъ насъ, замѣтилъ, что такія связи очень рѣдки вслѣдствіе невыносимой грязи, покрывающей у лапландцевъ рѣшительно все. Въ самомъ дѣлѣ, лапландцы буквально кишатъ насѣкомыми и покрыты грязью. Жалко смотрѣть на нѣсколькихъ малютокъ, полныхъ, толстощекихъ, веселыхъ; они такъ мило играютъ между собою и съ собаками, что такъ и хочется разцѣловать ихъ. Средство можно было бы найти: какъ-то мой знакомый увидѣлъ близъ Гриндельвальда чуднаго мальчугана лѣтъ 3 и, вспомнивъ своихъ собственныхъ дѣтей, захотѣлъ поцѣловать его, но мальчишка былъ грязенъ какъ поросенокъ и онъ позвалъ мать и попросилъ ее вымыть малютку. Она соглашалась съ условіемъ, что господинъ заплатитъ ей за трудъ; поторговавшись они рѣшили, что за 3 бацена мой другъ можетъ доставить себѣ это удовольствіе. Но лапландцамъ быть можетъ труднѣе было объяснить такое желаніе и мы удовольствовались тѣмъ, что издали любовались дѣтми. Особенно насъ занималъ маленькій пузанъ, ростомъ въ 3 кулака: онъ только что начиналъ говорить и ходить и изъ-всѣхъ силъ работалъ своими кривыми ножонками, чтобы съ помощью собаки загнать въ загонъ нѣсколькихъ разбѣжавшихся оленей.

Было время спускаться оленямъ съ сосѣднихъ горъ и съ напряженнымъ вниманіемъ мы направили туда наши зрительныя трубки и бинокли. Лапландцевъ особенно изумлялъ бинокль профессора, инструментъ необыкновенной силы и ясности, фабрики его друга Обергейзера: онъ ходилъ по рукамъ и каждый не могъ довольно удивиться ясности съ какою видѣлъ всѣ предметы. Не-

много погода владѣлец стада подошелъ съ вопросомъ, что стоитъ инструментъ и, когда профессоръ назначилъ несообразную цѣну, кажется, онъ все таки хотѣлъ купить его.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія, около 9 часовъ вечера показалось на горѣ стадо. Точно лавина темно- и свѣтло-сѣрыхъ гранитныхъ глыбъ сватывалось оно со склоновъ горы, продиралось береговой чащей, и, то пропадалъ въ ущельяхъ, то снова показывалась, низвергалось въ долину. Передніе олени были внизу, а задніе не перевалили еще за хребетъ. Это было огромное стадо въ 1000 — 1500 головъ. Не покажи намъ откуда они появились, я думаю, мы не увидѣли бы ихъ: такъ цвѣтъ стада сливался съ цвѣтомъ камней, покрывающихъ гору. Только вблизи можно было замѣтить движеніе стада, еще ближе — вожаковъ, или пастуховъ — четырехъ маленькихъ людшекъ. При каждомъ пастухѣ — двѣ косматя собаченки, а въ рукахъ длинная палка, помощью которой они чрезвычайно ловко перескакивали камни, лужи и ручьи. Маленькія собаченки точно овецъ гнали оленей, а лапландцы, какъ и наши пастухи, крикомъ и палкой объясняли имъ — что дѣлать. Такая дрессированная собака составляетъ величайшее богатство лапландца и онъ не только обходится ласково съ ней, но и платитъ за нее большіе деньги. Владѣлец стада говорилъ, что за одну собаченку онъ заплатилъ 50 талеровъ. Съ виду собаченка отличалась развѣ удивительнымъ безобразіемъ, но считалась знаменитостью по своей специальности; наши хозяева нашли цѣну не слишкомъ дорогою.

Было трудно загнать оленей въ загонъ; и собаки и люди довольно немучились, загоня ихъ туда большимъ обходомъ вокругъ жилищъ. Кое-какія упрямыя скотины все-же проскочили, но это были или молодыя, недающія еще молока, самки, или же самцы и ихъ пустили бѣжать. Большая часть оленей не имѣла еще роговъ, а только отростки; немногіе самцы имѣли великолѣпные рога, покрытые черной, мягкой корой, что придавало имъ, впрочемъ, еще болѣе величавый видъ. Намъ удивило, что лопасть, идущая, какъ глазная спица, горизонтально напередъ и стоящая прямо надо лбомъ, была большею частью только на одномъ рогѣ; на другомъ ея не было, такъ что большая часть животныхъ имѣла рога, съ одною лопастью надо лбомъ.

Великолѣнный самецъ съ высокими, черными рогами былъ очевидно вожакомъ стада: подгоняемое собаками, сбившись въ кучу, оно слѣдовало за нимъ. Когда животныя приблизились къ намъ шаговъ на 30, мы услышали особенное хрустѣнье суставовъ, точно трескъ электрическихъ искръ; когда они подошли еще ближе, шумъ походилъ на удары проливнаго дожда въ оконныя шибки или шумъ большого питомника шелковичныхъ червей, во время ѣды гусеницъ. Звукъ вовсе не походилъ на удары копытъ одно объ одно, это скорѣе тихое хрустѣнье суставовъ или сухожилий, скользившихъ въ суставахъ. При этомъ животныя, особенно молодая, во время бѣга постоянно испускаютъ короткій, своеобразно отрывистый, грубый, горловой звукъ, который я могу сравнить только съ рычаніемъ. Повторяемый тысячу глотокъ, этотъ звукъ давалъ совершенно особую музыку колокольчиковъ.

Мы стояли у загона. Передовой олень, который, кажется, только теперь замѣтилъ насъ, разомъ сталъ, отбросилъ голову назадъ, потянулъ воздухъ и почуявъ чужихъ, хотѣлъ кажется повернуть вправо и убѣжать; но въ это время къ нему быстро подбѣжалъ лапландецъ, набросилъ арканъ на рога и втащилъ съ замѣтнымъ усиленіемъ въ загонъ, не смотря на его упорство. Какъ горный потокъ ринулись остальные и скоро наполнили загонъ до того, что едва двигались. Слѣдомъ повалили мужчины, женщины и дѣти: кто съ плоскими деревянными подойниками, кто съ арканами; арканъ набрасывали на голову животнаго и сильно пригибали его къ землѣ; животное смирялось и позволяло дотъ себя.

Мы ни за что не попробовали бы этого молока. Теперь олени линяютъ, мѣняя густую, сѣрую зимнюю шерсть на темную и рѣдкую лѣтнюю; первую можно вырывать у нихъ горстями. Олени были почти ободраны, пестры, такъ какъ мѣстами держалась еще зимняя шерсть, а мѣстами повылезла. Каждый доильщикъ вырываетъ страшно-грязными руками горсть шерсти, раздражалъ ею вымя, и выдаивалъ самую малость молока, — большой олень даетъ едва ли больше стакана — и дѣлалъ это такъ небрежно, что въ жирной, густой жидкости плавали волоса и всякая дрянь. Намъ хотѣлось сказать имъ, подражая берлинцу: Въ другой разъ дайте намъ розно и молоко и волосы; но такъ какъ мы сомнѣвались, чтобы подобное восклицаніе высшей цивилизаціи было

понято, то мы сочли за лучшее вовсе не пробовать молоко. А Лапландцы, особенно старикъ Афрай, который, не смотря на хроную ногу, очень быстро ковылялъ между животными, хлебали молоко съ большою жадностію, пожевывая зеленые стебли, принесенные пастухами.

Это были стебли дягиля (*Angelica archangelica*), который на сѣверѣ считается отличнымъ противуцинготнымъ средствомъ. Онъ растетъ въ изобиліи на горахъ. Въ щитныхъ, теплыхъ и влажныхъ мѣстахъ намъ попадались къ немалому удивленію кусты въ ростъ человѣка и выше съ дюймовыми стеблями и съ макушкой въ тарелку. Дягиль, принесенный съ пастбища мужемъ или отцемъ женѣ и дѣтямъ — то же, что городскіе гостинцы домашнимъ цивилизованнаго человѣка. Жадность, обступившихъ дѣтей, радость съ какою они хватали стебли и удовольствіе, съ какииъ они грызли его, были навѣрно не больше, еслибы вмѣсто дягиля были плитки шоколада.

Было время домой. Мы вернулись только къ полуночи, мучимые всю дорогу солнцемъ, свѣтившимъ прямо намъ въ лицо, такъ какъ долина обращена прямо на сѣверъ; а островъ, на которомъ лежитъ Тромсе, такъ низменъ, что въ это время солнце не заходитъ за горизонтъ.

При посредствѣ нашихъ хозяевъ мы пригласили нѣсколькихъ лапландцевъ, мужчинъ, женщинъ и дѣвушекъ на корабль, гдѣ художникъ срисовалъ ихъ. При этомъ впервые выказались феодальныя отношенія подчиненныхъ. Мы рассчитывали на двухъ парней и хорошенькую дѣвушку, которые казались намъ превосходнымъ типомъ племени. Старикъ лапландецъ замѣтилъ, что онъ и его жена должны быть при этомъ и такъ какъ служители обязаны работать этотъ день, то за нихъ мы ему должны заплатить. Порѣшили на нѣсколькихъ талерахъ и на другое утро на корабль явилось все общество, пять человѣкъ, чтобы сняться. Они выражали при этомъ совершенно дѣтскую радость и одинъ изъ нихъ — юноша хотѣлъ непрежѣнно собственноручно подписать свое имя „Мюко фонъ Карезуандо“ кривыми, но разборчивыми буквами подъ своимъ чрезвычайно схожимъ портретомъ. Ихъ угощали кофе, печеньемъ, виномъ, но они пили его очень мало, и водкой отъ которой они вовсе отказались. Они принесли съ собой множество вещей собственной

подълки: сученую пряжу изъ тонкихъ оленьихъ жилъ, которыя женщины скручиваютъ рукой на щекъ, отъ чего та постоянно припухши; комагеры, рѣзные ложки съ мѣшечками къ нимъ, и за все содрали съ насъ такъ, что вдвое или втрое вернули расходы своего посѣщенія, какъ намъ послѣ сказали хозяева. Внутреннее устройство нашего корабля, убранство залы и каютъ чрезвычайно

дивило ихъ и они распрашивали съ любопытствомъ объ употребленіи каждой незнакомой имъ вещи. Мы должны однако откровенно сказать что больше всѣхъ художественныхъ произведеній нашего общества имъ понравилась раскрашенная литографія въ каютѣ нашего лоцмана, представлявшая какой-то корабль на всѣхъ парусахъ.

Захолодало; пошелъ дождь и сильный противный вѣтеръ, при которомъ шкунѣ нельзя было лавировать, задержалъ насъ въ

узкомъ проливѣ. Опять испытали мы сѣверное гостеприимство и на этотъ разъ на великолѣпно расположенной дачѣ консула Агарда, гдѣ мы встрѣтили уже знакомаго намъ ботаника, доктора Норманна, который инспекторомъ здѣшнихъ лѣсовъ, гамбургскаго купца, провожавшаго насъ въ лапландцамъ, и познакомился съ однимъ нѣмецкимъ врачомъ, который давно поселился въ Норвегін. Онъ много рассказывалъ намъ про своего сына, участвовавшаго въ экспедиціи Гарибальди въ Сицилію. Добрый старикъ былъ замѣтно тронутъ, показывая фотографію своего сына въ красной рубашкѣ и мы убѣдились, что герой Италія живетъ на далекомъ сѣверѣ такихъ же пламенныхъ и готовыхъ въ дѣло приверженцевъ, какъ и на югѣ.

И здѣсь мы расстались только послѣ полуночи съ нашими любезнымъ хозяиномъ и его многочисленными гостями, которые проводили насъ домой. Послѣ обильныхъ возліаній богу, увѣнчанному гроздіями, души распахнулись и на пути завязался горячій споръ, въ которомъ норвежскій патриотизмъ столкнулся съ нѣмецкимъ, конечно дружелюбно и только въ области изящной литературы. Мы уже прежде замѣтили, что норвежскій патриотизмъ, послѣ долгаго перерыва во время датскаго гнета, пустившій самостоятельныя корни съ 1815 года, еще въ томъ періодѣ дѣтской наивности, когда все норвежское хорошо уже потому, что оно норвежское. Рѣчь зашла о молодомъ норвежскомъ литераторѣ, который пишетъ деревенскіе рассказы въ родѣ Ауэрбаховскихъ и потому пользуется порядочно извѣстностью. Нѣмцы, жившіе на кораблѣ переводъ рассказовъ, назвали ихъ слабымъ подражаніемъ Ауэрбаху, которому они приписывали лишь условное достоинство, такъ какъ не признавали за нимъ вѣрнаго изображенія настоящей сельской жизни. Норвежцы настаивали на оригинальности и превосходствѣ своего національнаго писателя и дошли до того, что заговорили о норвежской литературѣ въ противность нѣмецкой. При всемъ своемъ уваженіи ко всему хорошему, проявившемуся у норвежцевъ со времени добытой ими самостоятельности, нѣмцы не могли согласиться съ подобнымъ воззрѣніемъ. Указаній и невыгодныхъ сравненій политическихъ отношеній Германіи съ свободными отношеніями норвежцевъ нѣмцы также не могли опроверг-

нутъ и въ этомъ признали себя побѣжденными, отстаивая свое превосходство въ литературѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, сложившіяся нынѣ обстоятельства положили для людей разныхъ нарѣчій, несуществовавшее прежде, препятствіе, которое особенно сильно даетъ себя знать въ научномъ отношеніи. Въ средніе вѣка по крайней мѣрѣ существовалъ универсальный научный языкъ — латинскій; было безразлично, гдѣ бы не жилъ наблюдатель или ученый: его понимали съ разу. Теперь не то; но переѣзжа вполнѣ рациональна: каждый пишетъ и говоритъ на своемъ родномъ языкѣ и только такимъ путемъ наука всасывается въ жизнь народа, и ихъ невозможно будетъ раздѣлить, несмотря ни на какія усилія отсталой партіи.

Въ настоящее время можно и должно требовать отъ каждого человѣка науки, чтобы онъ непосредственно знакомился со всѣмъ, что выходитъ на трехъ важнѣйшихъ языкахъ передовыхъ націй, нѣмецкомъ, англійскомъ и французскомъ. Каждый, пишущій на этихъ языкахъ, имѣетъ право рассчитывать, что его слово будетъ услышано и понято всюду.

Но таково ли право ученыхъ, пишущихъ языкомъ нарѣчій, датскимъ, голландскимъ, шведскимъ; ими говорятъ едва нѣсколько милліоновъ, которые, если и произвели знаменитыхъ мужей, по самой природѣ вещей, не могутъ проявить ни той силы ни того значенія, какъ великіе культурные народы? Пожалуй, право существуетъ, но въ такой же мѣрѣ какъ и для говорить. Никто не станетъ оспаривать и у послѣднихъ подобнаго же права; можно пожалѣть, что многіе говоры, съ ихъ наивно образною рѣчью не стали письменными и разговорными языками; можно признать, что поэты какъ напр. Гебель и Клаусъ Гротъ, писавшіе на нихъ, создали много прекраснаго и доставили наслажденіе только маленькому кругу читателей. Но и эти писатели тогда только могутъ повліять на общественный прогрессъ, когда будутъ переведены на общепринятые языки и масса публики не будетъ даже знать объ ихъ существованіи, пока ихъ не вынесутъ изъ тѣснаго круга мѣстнаго говора. Тоже и съ нарѣчійми, которые хотя и поднялись надъ говоромъ, но еще не развились въ великій культурный языкъ. Ихъ произведенія останутся незамѣтными, пока не войдутъ въ общій потокъ идей и языковъ.

Но воротимся въ Тромзе. Тамошніе купцы кажется предпримчивѣе дронтейскихъ и другихъ прибрежныхъ городовъ. Недовольные дарами, какіе предлагаютъ имъ лофоденскіе острова и окрестныя фіорды, они посылаютъ каждый годъ множество маленькихъ судовъ, частью въ открытое море для ловли акулъ, частью на Шпицбергенъ за моржами, тюленями, бѣлыми медвѣдями и гагачьимъ пухомъ. Обширныя варницы ворвани и гигантскіе позвонки китовъ, которые валяются всюду (одинъ поставленъ на нашей палубѣ вмѣсто чурбана), доказываютъ, что жители Тромзе занимаются также китовымъ промысломъ. Мы накупили оленьихъ шкуръ, роговъ, мѣховъ бѣлыхъ медвѣдей, рысьихъ, лисьихъ и гагачьяго пуха; консуль Агаардъ подарилъ намъ свѣжую моржевую голову и мы отправились

Богато снабженны
Къ полунощнымъ брегамъ. *)

*) „reich beladen nach nördlichen Gestaden“.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Пиппертиндъ. Гавнессъ. Скъерве.

Въ субботу 20-го іюля мы подъ парусами вышли изъ Тромсе и поднялись проливомъ мимо острововъ Рингвадсе и Реене въ Лингенъ-фьордъ. Погода все еще стояла холодная, туманная и дождливая. Крѣпкій сѣверо-западный вѣтеръ нѣсколько часовъ быстро гналъ насъ впередъ, такъ что вечеромъ мы уже подошли къ оконечности острова Реене, близъ хутора Греднеса. Здѣсь наступилъ совершенный штиль и кое-кто изъ нашихъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы сойти на берегъ и набрать травъ. На слѣдующее утро мы плыли въ широкомъ бассейнѣ, въ который впадаютъ съ одной стороны Ульфсъ-фьордъ, съ другой Лингенъ-фьордъ, оба прославленные романомъ Мюгге „Афрая“. Множество острововъ, изъ нихъ Арне на востокѣ, Карлзе и Ванде на западѣ окаймляли эту прекрасную, большую пелену воды, при переходѣ которой въ открытое море клиномъ врѣзается островъ Фугле. Врядъ ли найдется въ мірѣ болѣе величавая картина по дикости и красотѣ. Между Ульфъ и Лингенъ-фьордами протянулась на сѣверъ полоса твердой земли, больше чѣмъ на полградуса широты; она круто обрывается мысомъ Лингстуеномъ и состоитъ, какъ сосѣдніе острова, изъ массивныхъ горно-каменныхъ породъ. Въ углубленіяхъ скопились глетчеры, сползшіе мѣстами къ самому морю. И здѣсь подъ 70 гр. сѣв. шир., мы убѣждаемся впервые въ истинѣ мнѣнія, что

Норвегія — горная страна, опустившаяся въ море на нѣсколько тысячъ футъ, такъ что надъ поверхностью океана поднимаются только самыя высокія вершины. Очертанія горъ, ихъ строеніе, характеръ долинъ и углубленій также поражаетъ своимъ сходствомъ съ верхнею областью Альпъ, и это сходство тѣмъ паразительнѣе, что здѣсь море вездѣ омываетъ область, растительность которой соответствуетъ флорѣ долинъ верхнихъ Альпъ. Береза, ольха и ель правда попадаются тамъ и сямъ и даже вблизи глетчеровъ; но онѣ попадаются только въ мѣстахъ защищенныхъ отъ вѣтра, по низамъ, на солнечной сторонѣ и очень малы, тощи, стелются по землѣ, такъ что не придаютъ ничего существеннаго характеру мѣстности. Отпечатокъ кладутъ рѣзкіе очерки зубчатыхъ скалъ — прямо, чернѣя, поднимающіяся изъ воды и нѣжныя, иногда ослѣпительныя цвѣта глетчеровъ и снѣжныхъ полей, съ высоты простирающія объята къ соленой безднѣ. Игра и эффекты красокъ, какіе производитъ въ этой величавой панорамѣ почти горизонтальное солнце, сіяющее на сѣверѣ, неподражаемо хороши и тѣмъ очаровательнѣе, что продолжительны и что можно вполне насладиться ими.

Сильное волненіе, врывающееся со стороны Фугле въ обширный амфитеатръ, указываетъ на близость открытаго моря, не далеко отъ котораго находятся главныя мѣста кладки яицъ. Мы было хотѣли пристать къ Фугле, такъ какъ островъ замѣчательнъ не только какъ птичье мѣсто, но отличается еще замѣчательными геологическими особенностями. Но отвѣсныя, торчащія ребромъ плиты, образующія островъ и которыя придаютъ ему совершенно отличный профиль, смотря по тому, глядишь ли на эти плиты прямо или сбоку, не представляютъ хорошей стоянки мореплавателю. Да и вѣтеръ и волны были неблагоприятны сегодня, а такъ какъ владѣлецъ Лопшена консулъ Агаардъ въ Тромзе съ самою милою предупредительностью предоставилъ въ наше полное распоряженіе свой островъ и даже обѣщаль посѣтить насъ на немъ, то мы, оставивъ въ сторонѣ Фугле, завернули въ Лингенъ-фьордъ, чтобы пристать къ Гавнесу на островѣ Уле, при входѣ въ Ротзундъ. Не одна наука влекла насъ туда. Вѣроятно вслѣдствіе плохого устройства ледника, на шкунѣ растаялъ ледъ. Правда, въ Бергенѣ и въ Дронтгеймѣ, у тамошнихъ пивоваровъ, мы могли пополнить

убылъ за хорошія деньги и ласковыя рѣчи; но — не въ Тромзе. Мы какъ-то замѣтили, что въ сѣверной Норвегіи нѣтъ собственно мясныхъ завокъ, и чтобы постоянно имѣть свѣжую говядину надо покупать цѣлыя туши; лѣтомъ, отъ жары, онѣ скоро портятся и храненію ихъ затруднительно. Намъ рассказывали, что въ Тромзе былъ какъ-то прежде нѣмецкій мясникъ и дѣла шилъ хорошо; но съ его смертью дѣло прекратилось, такъ какъ перевозчикъ не рѣшился заняться подобнымъ ремесломъ. Чтобы сохранить туну, взятую въ Тромзе — солонина была еще изъ Гамбурга — мы рѣшились пополнить нашъ ледникъ и повернули въ Лингенфьордъ, гдѣ по нѣкоторымъ указаніямъ мы думали найти какой нибудь глетчеръ, сползшій къ самому морю. Еслибы въ немъ не нашлось годнаго глетчера, мы были на прямомъ пути въ Оксфьордъ или Іекулфьордъ въ Квенангенъ, которые были указаны намъ какъ вполне годные для этого.

Близость открытаго моря была замѣтна по сильной боковой качкѣ, а главное по множеству появившихся животныхъ. Вокругъ корабля плавали массы медузъ и акалефовъ, стаи сельдей и молодой трески, постоянно преслѣдуемыя чайками, дельфины и морскія свиньи, которые, пораженные видомъ корабля, переставали на время гоняться за добычей, чтобы немного покружить около него. Косатка, футовъ въ 20 подплыла такъ близко, что докторъ не могъ не угостить ее дробью. Вѣроятно пороховой дымъ потревожилъ ее, потому что животное, сильнымъ ударомъ по водѣ, кувыркнулось и исчезло въ глубинѣ. Немного спустя показался и монархъ этого жирнаго придворнаго штата, огромный китъ футовъ во 100 — мы считали его равнымъ по длинѣ нашему кораблю — и близехонько подплылъ къ намъ. По временамъ животное лежало на водѣ совершенно покойно точно корабль, желавшій вступить съ нами въ переговоры. При этомъ хорошо были видны безобразная голова, на ея первой трети находилось углубленіе съ отверстіемъ для фонтана, плоско изогнутая спинна, довольно далеко къзадѣ лежащій синней плавникъ и широкій хвостовой плавникъ, лежавшій плашма на водѣ? Было видно, что животное темнокоричневаго цвѣта съ болѣе свѣтлыми, неправильными, словно струйчатыми полосами. Китъ былъ такъ близко, что командоръ пустилъ въ него пулей, которая, кажется, несколько не

обезножила его, хотя мы видѣли, что пуля ударилась близъ самой спины. Безъ замѣтнаго усилія животное дало два круга кругомъ фьорда меньше чѣмъ въ часъ, проплывя такимъ образомъ четыре раза путь, по которому на слѣдующее утро мы съ трудомъ поднялись на веслахъ въ 5 часовъ.

Между натуралистами и мореплавателями часто поднимался споръ, что именно выбрасываетъ китъ и брызговый ключъ, издали похожій на фонтанъ, состоитъ ли изъ воды или изъ водянаго пара. Натуралисты утверждали, что у кита дыхательный путь совершенно отдѣленъ отъ пищевода и что, слѣдовательно, китъ не можетъ выбрасывать чрезъ это отверстіе воду, которую неминуемо проглатываетъ вмѣстѣ съ пищею и что фонтанъ, пускаемый китомъ, образованъ исключительно водяными парами, выдыхаемыми легкими. Эти пары сгущаются мгновенно въ холодномъ воздухѣ, также какъ и у животныхъ и человѣка, которые на холодѣ выдыхаютъ настоящіе туманные облака. Мореплаватели утверждали, по крайней мѣрѣ большая часть, что фонтанъ ни мало не похожъ на столбъ пара, но состоитъ изъ чистой воды и необходимо долженъ состоятъ изъ нея, такъ какъ ясно слышенъ плескъ при его обратномъ паденіи; впрочемъ послѣднее многіе рѣшительно отвергали и между прочими однтный Скоресьби.

Мы сознаемся, что анатомія китовъ, выбрасывающихъ фонтаны, еще настолько не извѣстна, чтобы на нихъ можно было безусловно перенести результаты наблюденій надъ дельфинами, которые не пускаютъ фонтановъ. Но, оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ и признавая, что дыхательные пути не соединяются съ пищеводомъ, надо согласиться, что фонтанъ большею частью состоитъ изъ сгущенной воды, которая впрочемъ легко можетъ выбрасываться и не изъ нутра животнаго, а просто взбрасываться вверхъ сильнымъ выдыханіемъ. Если наблюдать внимательнѣе кита или косатку, то видно, что, всплывая, они описываютъ плоскую кривую, вслѣдствіе чего выходятъ наружу голова, затѣмъ спина и наконецъ хвостъ. Если китъ очень близко, то ясно слышишь быстрое, какъ толчокъ выдыханіе, и глубокое, стонущее, почти жалобное вдыханіе. Время появленія головы и именно дыхательнаго отверстія надъ водою такъ коротко, что его навѣрно хватать только для вдыханія. Выдыханіе же бываетъ тогда, когда

голова и отверстіе фонтана находятся еще подъ водой, но близъ поверхности и потому не удивительно при его силѣ, что оно ронить массу воды, взбрасывая ее фонтаномъ. Въ самомъ дѣлѣ при болѣе внимательномъ наблюденіи оказывается, что при спокойномъ, ровномъ плаваніи фонтанъ разнится по величинѣ и силѣ, такъ что иногда кажется будто его вовсе нѣтъ. Иногда же онъ бываетъ необыкновенно силенъ, что конечно зависитъ отъ того, находится ли отверстіе болѣе или менѣе глубоко подъ водой во время выдыханія.

Обогнувъ мысъ Лингстуенъ мы вѣшли во фьордъ, гдѣ былъ полнѣйшій штиль. Напротивъ, на полуостровѣ, нѣсколько правѣе сверкала высокая горная цѣпь, обозначаемая на картахъ именемъ Пиппертинда и высылала рядъ глетчеровъ. Нѣкоторые изъ нихъ, казалось, сползли къ самому морю. Было тихо, море покойно

и берегъ казался такъ близко, что всѣмъ захотѣлось побывать на ближайшемъ глетчерѣ и посмотреть можно ли здѣсь дѣйствительно достигнуть предполагаемой цѣли т. е. пополнить ледникъ. Но какъ для экипажа предвидѣлся тяжелый день, то мы и порѣшили обойтись безъ него и попытаться собственными силами пристать къ глетчеру. Къ нашему обществу, состоявшему на этотъ разъ изъ Фогта, Верна, Гассельгорста и Гресли, присоединился только одинъ морякъ — капитанъ, которому сильно хотѣлось посмотреть глетчеръ. Докторъ остался на кораблѣ. Мы сѣли въ маленькую лодку съ мачтой и парусомъ, приказали лоцману, если подымется вѣтеръ, плыть въ Гавнесъ, и отвалили отъ корабля, не подумавъ записаться не только провизіей, но даже и водой. Капитанъ сѣлъ на руль; остальные четверо попеременно гребли; всѣ были веселы и довольны.

Но путь вышелъ оченьъ дологъ. Мы рассчитывали доплыть въ часть; но послѣ цѣлаго часа гребли, берегъ казался такъ же далекъ какъ и прежде и только съ большимъ трудомъ мы могли различить въ наши зрительныя трубы рыбацью лодку, огибавшую скалы. Только черезъ два часа, мы приблизились къ лодкѣ, которая при нашемъ обликѣ стала удирать отъ насъ по привычкѣ любезныхъ норвежцевъ.

Съ трудомъ мы пристали къ высокому береговому валу, въ которомъ ручей журча прорылъ себѣ русло и цѣпью привязали лодку къ камнямъ. Очевидно это рыбацїй притонъ. Подъ пустыи навѣсомъ лежало нѣсколько головъ доршей и вѣтви, въ ростъ человѣка, красиваго, краснаго, но гибкаго и мягкаго коралла, который рыбаки нечаянно вытащили сътью и затѣмъ бросили. На берегу лежала рыбацья лодка — трудно представить себѣ что нибудь хуже — изъ тонкихъ сосновыхъ досокъ, сшитыхъ деревянными гвоздями и лыкомъ.

Мы взошли на валъ. Береговая черта нынѣшняго прилива чрезвычайно отчетлива: ее образуютъ отдѣльныя глыбы и раковистый песчанникъ, покрытые высохшими водорослями. Слѣдующїй за нею откосъ поросъ небольшою травой и такъ крутъ, что на него едва можно взлѣзть на четверенькахъ. На немъ на полъ-высотѣ — горизонтальная терраса, верхнїй слой которой изъ хряща и мелкихъ глышекъ, густо заваленъ округленными камнями; второй откосъ ниже, но такъ же крутъ, даетъ такую же горизонтальную террасу и также усыпанъ камнями. Взобравшись на вторую террасу мы были на верху береговаго вала и увидѣли съ удивленїемъ, что онъ также круто спускается внутрь долины, и загораживаетъ ее, такъ что ручей промылъ себѣ дорогу поперекъ его. Мы безъ труда узнали, что этотъ валъ — конечная морена, нанесенная глетчеромъ еще въ то время, когда онъ доходилъ до самаго моря; теперь глетчеръ наполняетъ только заднюю часть долины; но море очевидно омывало эту морену, вымыло горизонтальныя террасы, обнажило глыбы и такимъ образомъ оставило на ней свои слѣды. Эта морена съ обозначенными на ней береговыми линїями ясно доказывала, что море во время и послѣ ледянаго періода отошло отъ этихъ береговъ или еще вѣрнѣе — поднялся материкъ.

Только перейдя береговой валъ мы увидѣли свою ошибку, думая что глетчеръ спускается почти къ морю. Долина, по которой протекаетъ ручей, тянется еще на полчаса, межъ крутыхъ откосовъ, до подошвы отвѣсной стѣны, увѣчанной глетчеромъ только на высотѣ 800—1000 фут. Изъ отроговъ ледника, прыгая въ глубокихъ рывинахъ, быстро сбѣгаютъ въ долину маленькіе ручейки. Очевидно, это мѣсто негодно для добыванія льда: какъ бы мы, при нашихъ ограниченныхъ средствахъ, спустили ледъ съ такой высоты, какъ перенесли бы его по болотистой, тонкой долинкѣ? Но такъ какъ мы уже попали сюда, то и захотѣли вблизи посмотрѣть глетчеръ; порѣшили спуститься въ долину и взлѣзть на верхъ—откуда, безъ сомнѣнія, откроется восхитительный видъ на фьордъ и противулежащія острова.

На валъ выскочило нѣсколько собакъ и лаемъ дали знать, что здѣсь живутъ люди. Въ самомъ дѣлѣ, мы нашли семейство прибрежныхъ лапландцевъ или зефиннеровъ—какъ ихъ зовутъ норвежцы—которые поселились въ нѣсколькихъ землянкахъ—картина страшной нищеты. Въ нашихъ нѣстахъ, собачья конура—дворецъ по сравненію съ этой неглубокой дырой, крыша которой на половину провалилась. Съ полдюжины ребятишекъ, едва прикрытыхъ лохмотьемъ, тарачили на насъ глаза въ низкую дверь, и изъ за нихъ выглядывало нѣсколько косматыхъ, одичалыхъ головъ женщинъ и мужчинъ. Капитанъ, вооруженный багромъ вмѣсто горной палки, истощилъ весь свой запасъ датскаго языка, объясняя дикарямъ, что мы бы хотѣли проводника на глетчеръ. Наконецъ рѣшился показаться отошавшій съ голоду малый, которому мы показали монету и онъ побѣждалъ впереди насъ—въ глубь долины. Мы пошли за нимъ по глубокому болоту, перепрыгивая съ березоваго пня на другой и дошли наконецъ до откосовъ, по которымъ крутая тропинка вела въ гору. Уже десять часовъ вечера. Солнце великолѣпно сіяло надъ фьордомъ и бросало прекрасные, косвенные лучи на острова Фортере, Кагенъ и Уле, которые прямо противъ насъ унесли въ небеса свои снѣговыя вершины. Вездѣ раскиданы огромныя, угловатыя глыбы темнозеленаго рогово-обманковаго сланца съ кварцовыми жилами, словно кто собралъ ихъ для матеріала на передній планъ картины. Профессоръ разсмотрѣлъ крутизны, на которыя еще надо взлѣзть; изслѣдовалъ въ подозрную трубу

Фортъ. Пут. на Сѣв.

край глетчера, и нашелъ его строеніе точно такимъ-же какъ и известныхъ глетчеровъ альпъ и, среди раздумія о трудностяхъ подъема, спуска и затѣмъ поздней гребли — имъ вдругъ овладѣли святой энтузіазмъ искусства и нѣжная забота объ обогащеніи альбома. Онъ объявилъ, что не смотря на множество комаровъ его облѣпившихъ, онъ останется здѣсь и срисуетъ фьордъ съ противоположащими горами, пока другіе взберутся на-верхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, фьордъ образовалъ здѣсь совершенно покойное озеро и на его зеркальной глади великолѣпно переливались низкіе лучи вечерняго солнца, а, напротивъ, горныя вершины горѣли пурпурнымъ огнемъ. На склонахъ еще вездѣ сохранялись отчетливыя слѣды прежнихъ береговыхъ линій — ихъ зеленоватый

цвѣтъ показывалъ, что мѣстами они покрыты травой, которая выше пропала, уступая мѣсто громаднымъ валунамъ и голымъ скаламъ, законченныхъ острыми шпильми и зубьями. Хотя очертанія этихъ удивительныхъ горъ и можно перенести на бумагу, но даже совершеннѣйшимъ матеріаломъ, масляными красками, кисть не передастъ чудесной яркости и переливовъ красокъ.

Друзья поползли по крутымъ скаламъ, торопясь за лапландцемъ, который ушелъ далеко впередъ съ неутомимой Пятницей. Дорога поднималась къ глетчеру то обнаженными, шлифованными площадками, то пустынными склонами, усыпанными острыми камнями и голышами. Глетчеръ двигался по окраинѣ горы и надвигалъ одинъ изъ отроговъ надъ водопадомъ, который, такимъ образомъ, изъ подъ незаконченныхъ воротъ падалъ въ глубокую пропасть. Бругомъ глетчера свопились кучи щебня и валуновъ, болшею частью изъ твердаго гранита и гнейса, которыя мало по малу ссобиваются имъ на окраину и низвергаются въ долину. По дорогѣ влѣбывали иногда тетерева; впрочемъ, они не пугливы, скоро опять садятся и для охотника были бы легкой добычей. Вдругъ, въ этой каменной пустынѣ, на самомъ верху близъ глетчера точно выросло передъ нами большое стадо дикихъ оленей — ни собакъ, ни пастуха. При такой неожиданной встрѣчѣ, они стали какъ вкопанные и уставились на путниковъ. Лапландецъ объяснилъ имъ, что это одичалые олени, вѣроятно позабытые здѣсь уже нѣсколько лѣтъ лапландцами, удалившимися въ глубь страны и теперь скитающіеся въ пустынѣ безъ хозяина. Можно охотиться на нихъ, говорилъ онъ, и бить сколько угодно, и будь у господъ ружья, онъ подвелъ бы такъ, что можно уложить всѣхъ оленей безъ исключенія.

Великолѣпныя животныя, гораздо рослѣе видѣнныхъ нами въ Тромзе, какъ бы угадали намѣреніе Гассельгорста и долго стояли покойно; тѣмъ временемъ художникъ наскоро набрасывалъ въ свой альбомъ ихъ появленіе. Но, подбѣжала Пятница, до тѣхъ поръ бесполезно гонявшая тетерева; на минуту собака сдѣлала стойку и потомъ съ громкимъ лаемъ кинулась на оленей. Сперва казалось по ихъ опущеннымъ головамъ и по сердитому топанью переднихъ ногъ, что они устоятъ и примутъ собаку на рога; но

они скоро повернули и дымъ понеслись по каменнымъ отлогостямъ, бѣшено, быстро перебѣжали снѣжную поляну, на которой собака безпрестанно скользила и исчезла за ближайшимъ гребнемъ; а совсѣмъ запыхавшаяся собака отстала далеко назадъ и еще долго за отлогостью шелъ каменный грохотъ, хотя олени давно уже скрылись изъ виду.

Геологическое строеніе окрестностей глетчера было именно такое, какъ мы ожидали. Повсюду отшлифованныя каменные площадки съ неотдѣланными еще краями и значительныя массы валуновъ, скопившіеся впереди льда; самый ледъ покрывалъ щебень и голыши, мѣстами отошелъ отъ скалъ, мѣстами подмытъ водою, повололся и потрескался.

Къ 2 часамъ утра вернулись всходившіе на гору къ профессору, который между тѣмъ кончилъ свой рисунокъ и слѣдилъ за ними, шагъ за шагомъ, въ зрительную трубу. Бросивъ еще бѣглый взглядъ на плодущую нищету прибрежнаго ландшафта, все еще пучеглазившую въ дверяхъ, мы поспѣшили къ лодкѣ, до которой теперь не легко было добраться, такъ какъ пошло на приливъ и лодку отнесло далеко отъ берега. Уже съ вершины береговаго вала мы напрасно высматривали нашъ корабль. Солнце, уже успѣвшее подняться, ясно свѣтило надъ фьордомъ и золотило бѣлые паруса нѣсколькихъ рыбацкихъ лодокъ, которыя занимались своимъ дѣломъ или далеко въ открытомъ морѣ или въ глубинѣ фьорда. Но нигдѣ не видно стройнаго, красиваго корабля съ высокими мачтами, новыми, ослѣпительно-бѣлыми парусами — предметъ гордости нашего капитана. Не разъ намъ казалось, что мы видимъ его на якорѣ въ удобномъ мѣстѣ у берега близъ бухты, но скоро мы убѣдились въ нашей ошибкѣ — онъ ушелъ далеко во фьордъ. Мы наполнили изъ ручья, наполнили небольшую посудинку, найденную въ лодкѣ, поставили мачту и парусъ — такъ какъ поднялся слабый вѣтеръ, который безъ сомнѣнія позволитъ намъ лавировать и, закуривъ сигары, весело пустились въ море.

Сначала дулъ свѣжій вѣтерокъ и капитанъ воспользовался имъ. Мы пролавирировали почти до противоположнаго берега острова Уле, чтобы стать подъ вѣтеръ и послѣ часоваго превосходнаго плаванія ушли впередъ едва на нѣсколько сажень. „Вы видите, господа“, сказалъ капитанъ, „дѣло не ладится: вѣтеръ съ фьорда

слишкомъ сидеть и мы его едва перехватываемъ, теряя время на лавировку. Возьмитесь за весла, сначала будемъ держаться берега, чтобы немного защититься отъ вѣтра, а когда завидимъ корабль — направимся прямо къ нему. При этомъ будетъ еще та выгода, что вблизи можно разсмотрѣть глетчеры и узнать, не пригоденъ ли какой нибудь изъ нихъ для нашей цѣли.“

Сказано — сдѣлано. Мы выказали благородное соревнованіе въ изнурительной греблѣ и довели до того даже Грессли, который энергически отстаивалъ свою абсолютную неспособность къ ней, что и онъ взялъ весло. Вѣтеръ скоро совѣѣиъ стихъ и мы тихо и мѣрно гребли вдоль берега и разсматривали вблизи глетчеры, которые въ ущеліяхъ спускались къ морю. Одинъ показался намъ годенъ: онъ лежитъ въ чрезвычайно глубокомъ ущельи и его поверхность прикрыта снѣжной пеленой, которая кончается только въ нѣсколькихъ футахъ надъ моремъ. Ущелье такъ глубоко, что, несмотря на постоянное дѣйствіе солнца въ этихъ широтахъ теперь, снѣгъ и не начиналъ таять. Быть можетъ матросамъ трудно будетъ добраться по стѣнамъ ущелья до льда; но у кого не кружится голова, лазая по мачтамъ, тому вѣроятно не потерять ее на обрывахъ. Только бы добраться до верху; оттуда уже легко сталкивать кабаны внизъ, и матросамъ придется таскать ихъ весьма недалеко.

Наступила такая тишь, что громадная водная пелена фьорда отражала въ себѣ чрезвычайно отчетливо всѣ предметы, точно черное ландшафтное зеркало. Мы снова напрягли всѣ свои зрительныя силы, чтобы какъ нибудь открыть слѣдъ корабля; но наши старанія были напрасны. Корабль вѣроятно воспользовался слабымъ вѣтеркомъ и отплылъ въ наше отсутствіе въ Гавнесъ, гдѣ и сталъ на якорь; тогда намъ нельзя его видѣть, такъ какъ стоянка прикрывалась выдавшеюся возвышенностью острова Уле. Съ новымъ усиліемъ мы налегли на весла и убѣдились по бурчанію въ животѣ и возрастающей усталости, что въ будущемъ уже невозможна такая далекая прогулка безъ припасовъ и матросовъ. Но, какъ нѣмецъ во всякомъ несчастіи всегда отыскиваетъ какое-то особое счастье, то и мы нашли въ концѣ концовъ, что гребля полезна для нашего здоровья, такъ какъ, идя болотомъ по мху, мы замочились до колѣнъ, а утро было довольно свѣжо.

Морское дно такъ значительно приподнято близъ острова Уле, что, пробѣгая на лодкѣ совершенно ясно видишь плоское, песчаное дно. Я никогда и нигдѣ, не наслаждался болѣе прекрасными видами. Образуя настоящій лѣсъ, поднимаются изъ глубины высокія какъ деревья водоросли и ихъ листья покачиваются у самой поверхности моря. Движеніе волнъ, замирающее близъ берега, оставило замѣтные слѣды на пескѣ; эти своеобразныя линіи, уже давно извѣстныя въ геологій подѣ именовъ волнообразныхъ впечатлѣній (*rible-marks* у англичанъ), часто замѣтны на старомъ песчаникѣ и тянутся по берегу иногда на цѣлыя мили. Это рѣдкія, дугообразныя линіи на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга; мѣстами онѣ сходятся, образуя длинныя градки, на хребтѣ которыхъ накапливается болѣе крупный песокъ. Живущіе въ пескѣ трубчатники нарушаютъ иногда симметрію этихъ слѣдовъ, взрывая маленькія кучки, съ искусно-перепутанными ходами. Совсѣмъ близко у берега мы замѣтили на пескѣ слѣды чаекъ и зукъ, которые тутъ же носятъ стаями.

Волнистыя линіи, которыя здѣсь отчетливѣе, чѣмъ гдѣ либо, какъ замѣчено выше, часто встрѣчаются въ песчаникѣ болѣе древнихъ формаций вмѣстѣ съ отпечатками морскихъ растений и такими слѣдами, которые показываютъ, что ихъ оставили на морскомъ пескѣ птицы, амфибіи и млекопитающіе. Такія линіи образуются только въ мелкихъ мѣстахъ, гдѣ песчаное дно очень постепенно опускается и движеніе волнъ незначительно. Тамъ же, гдѣ прибой валовъ сильнѣе, гдѣ вѣтеръ шибче гонитъ волну, гдѣ берегъ не допускаетъ медленнаго движенія волны и она сильно ударяясь о него снова отливаетъ — тамъ исчезаютъ эти правильныя, параллельныя дуги и замѣняются просто неправильными выбоинами. Эти черты показываютъ существованіе спокойныхъ бассейновъ и глубоко врѣзавшихся бухтъ съ мелкими песчаными берегами подобно берегамъ острова Уле. Мы этихъ вовсе не говоримъ, будто одно море можетъ производить такія линіи; большіе прѣсповодные бассейны производятъ ихъ тоже, и многимъ случалось, не понимая ихъ значенія, наблюдать такіе отпечатки подѣ мостиковъ, который ведетъ къ острову Руссо, въ Женевѣ. Только тамъ онѣ короче, ломаннѣе и не такъ чудесно извиваются какъ на берегахъ Лингенфьорда.

Только въ 9 часовъ, послѣ семичасовой гребли мы взошли голодные и усталые на нашъ корабль, спокойно стоящій на якорѣ передъ торговымъ мѣстечкомъ Гавнесъ. Мы еще заворачивали за уголь, скрывавшій корабль отъ нашихъ глазъ, а поваръ однимъ прыжкомъ уже спустился въ кухню и штурманъ бросился въ столовую. Добрые люди, они догадались — что намъ нужно! И пока мы всходили по трапу, богатый завтракъ уже дымилъ на столѣ. Достаточно подкрѣпившись и давъ штурману и экипажу указанія относительно экспедиціи за льдомъ, мы забыли на нѣсколько часовъ наши труды въ объятіяхъ сна.

Вдова, владѣлица Гавнесъ, дала намъ съ готовностью своихъ людей и большую норвежскую барку на которой наши матросы отправились подъ командой штурмана за льдомъ пока мы спали. Они встрѣтили больше трудностей, чѣмъ мы предполагали при первомъ взглядѣ на глетчеръ; но все же вернулись послѣ обѣда съ полнымъ запасомъ, давшимъ намъ возможность плыть по крайней мѣрѣ до Исландіи.

Теперь у насъ было довольно времени осмотрѣть окрестности и изучить въ цѣломъ величественную горную цѣпь на материкѣ, которую мы только что посѣтили. Въ цѣломъ свѣтѣ можетъ быть нѣтъ стоянки краше этого Гавнеса, откуда свободно наслаждаешься длинною горною цѣпью миль въ 12 нѣмецкихъ, которая напоминаетъ своими формами характерныя, давно знакомыя вершины Швейцаріи; а вблизи — купеческое подворье съ красными амбарами, зеленый берегъ съ горизонтальными линіями прилива и низкимъ сосновымъ лѣсомъ надъ ними придаютъ картинѣ типичныя черты сѣвера. Докторъ отправился съ охотникомъ на противоположный берегъ, гдѣ его дразнилъ молодой орелъ, постоянно держась вѣтвѣ ружейнаго выстрѣла, не смотря на свою юношескую довѣрчивость. Остальные сидѣли на палубѣ, рисовали, изучали и наслаждались великолѣпной панорамой, которая въ лучахъ поздняго вечерняго солнца, одѣвалась въ удивительныя цвѣта. Мы насчитали болѣе двадцати глетчеровъ, сползавшихъ къ фьорду съ разныхъ сторонъ и своимъ строеніемъ до малѣйшихъ подробностей напоминая глетчеры альпійской цѣпи.

Только въ одномъ, быть можетъ, было различіе. Известно, что глетчеры, въ силу собственнаго внутренняго движенія, спол-

заваютъ за снѣжную черту въ долины — гдѣ, вслѣдствіе болѣе высокой температуры, снѣгъ таетъ лѣтомъ, такъ что поверхность глетчера до извѣстной высоты, совершенно свободна отъ снѣга — остается только чистый ледъ. Выше снѣгъ лежитъ и лѣтомъ и эта линія фирна (такъ называется зернистый снѣгъ верхнихъ областей) весьма постоянна и только время и лѣтняя теплота нѣсколько измѣняютъ ее. Иное, кажется, происходитъ въ этихъ крайнихъ широтахъ. Граница фирна — хорошо видимая и въ высотѣ которой невозможно было ошибиться, такъ какъ горная цѣпь раскинулась во всю ширину прямо противъ насъ — граница фирна поразительно разнилась по высотѣ на различныхъ глетчерахъ; на однихъ она подымалась очень высоко, на другихъ снѣжный покровъ спускался значительно ниже. Очевидно, это происходило исключительно отъ разницы наклона площадей глетчеровъ и ихъ положенія относительно солнца. Даже среди лѣта, когда солнце бываетъ выше обыкновеннаго, оно не подымается въ этихъ широтахъ очень высоко надъ горизонтомъ, но описываетъ такую плоскую дугу на небѣ, что разница его высотъ полуденной и полуночной, не очень значительна. Теперь понятно, что оно дѣйствуетъ съ полною силою только на весьма наклонныхъ плоскостяхъ, принимающихъ его лучи подъ принятымъ угломъ, а на горизонтальныхъ или мало наклонныхъ плоскостяхъ солнечные лучи, падая подъ очень острыми углами, дѣйствуютъ весьма слабо. Оттого и глетчеры, спускающіеся съ крутыхъ высей, совершенно обнажены отъ снѣга до высоты 1500 — 2000 ф., а движущіеся по большому склону покрыты снѣгомъ уже на высотѣ 1000 ф. надъ уровнемъ моря.

Мы воспользовались представившимся случаемъ, для точнаго измѣренія высоты прежнихъ береговыхъ линій и опредѣленія ихъ угловъ наклоненія. Склоны покрыты роскошными лугами, на которыхъ именно сегодня, 23-го іюля, убирали сѣно. Измѣреніе показало, что отъ высшей черты нынѣшняго прилива, которая рѣзко означалась остатками водорослей и вылеглой травой, первая береговая линія поднята на 17, а вторая высшая и болѣе древняя на 49 метровъ. Нижний склонъ не такъ крутъ и имѣетъ среднее склоненіе 8° . Верхній болѣе возвышенный и крутой 16° , т. е. почти наклонъ обыкновенной крыши. Нижний берегъ представляетъ почти горизонтальную площадь метровъ въ 10; верхній — такую же площадь

метровъ въ 30. Обѣ террасы заняты разными хозяйственными постройками и службами; а за верхней береговой чертой тянется лѣсъ, поросшій на гнейсовиыхъ скалахъ.

Утромъ, во время этихъ измѣреній было удушливо жарко, такъ что мы покончили ихъ истинно въ потѣ лица. Въ полдень горы потемнѣли; надвинулись густыя, тяжелыя тучи и закутали вершины; весь горизонтъ заволокло такими грозными, мрачными грозовыми тучами, что мы каждую минуту ждали грома и молнiи. Но природа нѣма здѣсь, и только однѣ скалы, какъ говорить стихъ нашего эпитафа: „вопіють къ небу“; правъ — кто сказалъ въ Тромзе, что онъ уже 8 лѣтъ не видалъ грозы и что въ нынѣшнемъ году мы первые занесли грозу изъ Германiи. Но сегодня тучи все таки были нѣмы какъ рыбы; только полился страшный ливень съ сильными порывами вѣтра — вѣтеръ оказался попутнымъ и мы рѣшили отплыть на парусахъ несмотря на ужасную погоду. Не успѣли сняться съ якоря, вѣтеръ разомъ упалъ и мы снова думали бросить его, чтобы шкуну не снесло къ берегу, какъ почтовый пароходъ, изъ Лингена, обогнулъ уголь, сталъ и спустил лодку, которая привезла на корабль двоихъ нашихъ друзей изъ Тромзе, консула Агаарда и доктора Норманна. Консулъ передалъ письма, привезенные пароходомъ и убѣдительно просилъ насъ воспользоваться случаемъ плыть дальше и пробыть съ нимъ нѣсколько дней на Лоппенѣ; капитанъ почтоваго парохода сейчасъ же возьметъ насъ на буксиръ и потянетъ, по крайней мѣрѣ, до острова Скъерве, откуда мы уже легко можемъ добраться до Лоппена; а пароходъ тѣмъ временемъ сдѣлаетъ рейсъ по Квельангеръ-фьорду. Понятно, мы сей часъ же уцѣпились за такое любезное предложенiе; въ минуту порѣшили съ капитаномъ, прицѣпили большой канатъ къ корнѣ парохода и понеслись въ ливень, черезъ Ротзундъ и Маурзундъ кругомъ высокаго скалистаго острова Кагенъ, въ маленькому островку Скъерве, съ превосходной стоянкой въ глубоко-вдавшейся бухтѣ.

Теперь мы убѣдились, что Маурзундъ вполне отвѣчаетъ своему имени. Такъ и кажется, будто ущелье Вiамалы прорвалось до самаго дна моря, чтобы дать кораблямъ только проходъ изъ одного моря въ другое. Когда мы посмотрѣли на эти отвѣсныя стѣны, между которыми пробирались наши корабли, стѣны изъ вертикально на-

громожденных другъ на друга каменныхъ пластовъ, отвѣсныхъ, безо всякой основы, безъ малѣйшаго спасительнаго выступа обрывавшіеся въ бездонную глубь — мы не безъ содраганія спросили себя, какъ бы мы прошли здѣсь одни, безъ парохода, подуй хоть малѣйшій противный вѣтерокъ. Для лавировки проходъ былъ слишкомъ узокъ и оставалось единственное средство плыть обратно Лингенъ-фьордомъ, проливомъ Фугле выбраться въ открытое море и уже моремъ идти къ Гаммерфесту. А теперь съ помощью маленькаго, щеголоватаго парохода мы въ нѣсколько часовъ прошли грозныя стѣны и достигли стоянки Скьерве, гдѣ наши друзья оставили насъ такъ скоро, что мы не успѣли даже поблагодарить ихъ за одолженіе.

Лѣтомъ весь норвежскій берегъ правильно посѣщается пароходами, которые доставляютъ дешево, людей и товары къ крайней границѣ государства — въ Варде. Зимой рейсы гораздо рѣже и то только до Гаммерфеста, откуда отправляется почта уже сухимъ путемъ къ Норсангеръ-фьорду. Пароходы ходятъ чрезвычайно правильно, что трудно было бы предположить въ такомъ бурномъ морѣ и при частыхъ большихъ туманахъ. Капитаны пароходовъ весьма образованные офицеры, знающіе нѣсколько языковъ и непремѣнно англійскій, такъ что съ ними легко объясняться. Мы отдаемъ должную похвалу чрезвычайной любезности съ какою относились къ намъ начальники норвежскихъ почтовыхъ пароходовъ, гдѣ бы мы не встрѣчались съ ними. Они конечно не измѣняли дней и часовъ отъѣзда; но въ промежутки этихъ сроковъ всегда оказывали намъ всевозможныя услуги, буксировали насъ на станціи, которыя мы хотѣли посѣтить, и даже, въ крайнемъ случаѣ, по нашему желанію мѣняли направленіе своихъ рейсовъ. Мы думаемъ, что въ какой либо другой странѣ, едва ли можно ожидать даже тѣни подобной предупредительности и это тѣмъ пріятнѣе, что услуги предлагались очень просто, естественно и дѣлались крайне безкорыстно.

Гроза миновалась; на ясномъ небѣ ни облачка, когда мы бросили якорь въ красивой бухтѣ маленькаго острова Скьерве, противъ низенькой церкви съ темнокоричневымъ домикомъ пастора. Подгѣ — большой купеческій домъ, выкрашенный желтой краской; съ двухъ сторонъ, вдоль берега разбросано нѣсколько десятковъ

рыбачьихъ хижинокъ, на подобіе улицы. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ вѣрзалась бухта, островъ далъ глубокую впадину; справа и слѣва, надъ ней поднимаются зубчатныя горы темнаго слюдянаго сланца съ толстыми залежами гранита и кварца. Самая впадина поросла росеюшною, сочною травой, отливающей всѣми тѣнями краснаго, темнаго и голубаго отъ богатой прирѣси цвѣтущихъ колокольчиковъ, вереска и одуванчиковъ. Изъ-за сѣдловины горитъ огромная гора въ ослѣпительномъ сіяніи заходящаго солнца; гора образуетъ островъ Бантъ и его игловидная вершина служитъ мореходцу отовсюду маякомъ. Гребни вершинъ этого острова покрыты снѣгомъ, одна изъ впадинъ имѣетъ видъ продолговатой котловины, выполненной громаднымъ глетчеромъ, на срединѣ котораго лежатъ разбросанныя, одинокія каменныя глыбы причудливой формы. По глубокой трещинѣ, страшно изорванный утесами, узкими протоками глетчеръ спускается въ море, но едва ли достигаетъ, такъ какъ нижній конецъ его заслоненъ береговыми выступами. Здѣсь слишкомъ хорошо, чтобы не остаться хоть на нѣсколько часовъ. Мы сейчасъ же съѣхали на берегъ и разсѣялись въ разныя стороны, отыскивая мѣсто, съ котораго можно видѣть фьордъ, который отдѣляетъ нашъ островъ отъ Кагена.

Коммодоръ, художникъ, профессоръ и Гресли ушли въ самый низъ впадины, а другіе разошлись направо и налево отыскивая береговыхъ птицъ. Послѣ непродолжительной ходьбы по сочнымъ лугамъ, топкимъ болотамъ и болѣе высокой мѣстности, поросшей березовыми и другими кустами, между которыхъ кажется проложена торная дорога — они вышли на верхъ сѣдловины, къ маленькому пруду, на которомъ зоркій глазъ Гассельгоста уже издали завидѣлъ двухъ большихъ гагаръ, которыя плавали, вытянувъ шею, почти посрединѣ пруда; по временамъ они ныряли, всегда въ тактъ, потѣшно кувыркаясь головою внизъ и черезъ нѣсколько мгновеній уже выплывали въ другомъ мѣстѣ.

„Это вѣроятно парочка краснозобыхъ гагаръ (*Columbus septentrionalis*), которыя думаютъ здѣсь заночевать. Зачѣмъ ни у кого изъ насъ нѣтъ ружья? Мы застрѣлили-бы обѣихъ!“ слышится со всѣхъ сторонъ. „Если вы останетесь здѣсь стеречь“, сказалъ коммодоръ, „то я пойду на корабль и принесу свое ружье: въ полчаса я вернусь. Но вы общайтесь мнѣ не подходить къ озеру,

чтобы не спугнуть птицъ и держать бестію Пятницу, чтобы она не испортила дѣла.“

Однимъ глазомъ мы слѣдимъ за движеніями птицъ, а другимъ посматриваемъ на глетчеръ острова Кагена; его нижній край видѣнъ теперь, срѣзанный фютовъ на 200 надъ уровнемъ моря. Но мы видимъ его не долго, потому что легкій паръ, вьющійся надъ вершиной, скоро спускается; а съ сѣвера густой туманъ застилаетъ фьордъ, поднимаясь съ его поверхности. Еще немного и туманъ такъ насъ закуталъ, что мы едва различаемъ поверхность пруда и сидящихъ на немъ птицъ. Въ это время мы слышали вблизи тихій свистъ, собака сдѣлалась безпокойна и огромными прыжками понеслась навстрѣчу своему господину.

Составили планъ охоты. Коммодоръ обойдетъ прудъ слѣва и засядетъ у берега; мы обойдемъ его справа, чтобы въ случаѣ нужды спугнуть оттуда птицъ. Первый легкій свистъ извѣщаетъ насъ, что мы должны двинуться съ мѣста, второй—что стрѣлковъ сидитъ уже въ засадѣ. Берна скоро пропалъ въ туманѣ и немного погодя раздался условленный сигналъ, по которому мы тронулись со всевозможною осторожностью къ пруду, напѣреваясь оцѣнить его какъ можно шире, тѣмъ болѣе, что птицы отплыли къ нижней части пруда.

Вдругъ, впереди насъ съ крикомъ вылетѣла ржанка, вѣроятно мы подошли очень близко къ ея нѣчлегу и подняла такой жалобный крикъ, что гагары мгновенно встрепенулись, вытянули длинные шеи и разомъ повернули отъ насъ на середину пруда. Очевидно, они почували опасность и повернули въ противную сторону, гдѣ считаютъ себя безопаснѣе. Онѣ плыли теперь какъ разъ къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ въ засадѣ нашъ стрѣлокъ. Мы вышли изъ березовыхъ кустовъ, которые до сихъ поръ закрывали насъ и тревожно поглядывали на противоположную сторону: птицы почти исчезали въ туманѣ, когда вдругъ его прорѣзала длинная молнія. Одна гагара убита, другая полетѣла, издавая громкій, жалобный крикъ. Мы повернули въ другую сторону, попали въ топкое болото и подошли къ стрѣлку.

Теперь бы нуженъ добрый совѣтъ. Мертвая птица лежитъ на водѣ, а мы стоимъ на берегу на разстояніи выстрѣла, и у насъ нѣтъ средствъ достать ее. Пятница, какъ ей не объясняли, не по-

ила, что нужно идти въ воду и принести убитую птицу; не было ни вѣтра, ни теченія, значить ни малѣйшей надежды, что трупъ прибѣдетъ къ берегу. Мы начали бросать камни, чтобы пригнать трупъ волною; но половина камней падала возлѣ птицы и два неудачныхъ камня портили то, что дѣлалъ одинъ ловко брошенный. Верна — не смотря на протестъ профессора, который изъ своей медицинской практики, представляетъ несчастные случаи простуды отъ несвоевременнаго купанья, — наскучивъ разными опытами, бросился наконецъ въ воду, которая не особенно холодна и вытащилъ вплавь птицу. Дѣйствительно, это была великолѣпная, краснозобая гагара, которую очень удачно ударило въ гибкую шею, отъ чего она мгновенно умерла. Съ такой добычей мы весело воротились на корабль въ два часа ночи.

На другой день туманъ прональ и солнце опять заиграло на маленькой бухтѣ, надъ которой по временамъ, крикая, высоко въ воздухѣ пролетала гагара или садилась поотдалъ ловить рыбу. Очевидно, эта птица ищетъ свой кормъ главнымъ образомъ въ фьордахъ, но вѣсть гнѣзда и ночуетъ вблизи маленькихъ прѣсныхъ прудовъ, которыхъ тутъ множество. Онѣ превосходно и быстро летаютъ, гораздо лучше, чѣмъ можно бы ожидать при ихъ короткихъ крыльяхъ и съ своими длинными, вытянутыми шеями издали похожи на баклановъ, которыхъ тоже много попадаются возлѣ острововъ. Ихъ появленіе снова пробудило страсть къ охотѣ, и такъ какъ полнѣйшій штель не позволялъ даже думать плыть дальше, а экипажъ запасался водою, то и рѣшено стоять на якорѣ и исходить островъ вдоль и поперекъ. На кораблѣ остался Фогтъ, занятый микроскопическими изслѣдованіями; докторъ ушелъ въ одну сторону, Грессли въ другую, а Верна и Гассельгорстъ отправились къ маленькому озеру, намѣреваясь рисовать и, быть можетъ, добывать овдовѣвшую гагару. Думали было посѣтить пастора; но его преподобіе боленъ и по увѣренію купца не можетъ принять насъ.

Спустя нѣсколько часовъ на берегу показался докторъ и торопливо машетъ, чтобы его перевезли. Только онъ взомель на корабль, какъ задыхаясь сообщилъ, что со скалы, на сѣверномъ берегу озера, Гассельгорстъ и Верна что-то кричали и махали ему, изъ чего онъ понялъ, что тамъ на верху должно быть орли-

ное гнѣздо, которое они думаютъ взять и потому имъ нужны на помочь люди и что нибудь выпить. Профессоръ наскоро велѣлъ уложить немного съѣдомаго и бутылку рома; Губертъ и капитанъ взяли ружья и, захвативъ весь пезантой экипажъ, отправились подъ предводительствомъ доктора. Онъ издали, конечно, не понялъ просьбы; нескатели приключеній просили не людей (Leute) и питья (Trinken), но лѣстницъ (Leitern) и веревокъ (Stricke), такъ какъ они забрались въ такое мѣсто, откуда имъ нельзя было двинуться ни назадъ, ни впередъ.

„Мы подошли съ Гассельгорстомъ тихонько къ пруду,“ рассказывалъ командоръ, „и нашли на немъ овдовѣвшую гагару, которая, казалось, вытянувъ шею, высматривала свою подругу. Большаго труда стоило мнѣ застрѣлить ее; первымъ выстрѣломъ я раздробилъ ей крыло, такъ что она не могла улѣтѣть съ пруда; но только при третьемъ выстрѣлѣ дробинка попала ей въ шею и она умерла. Выстрѣлы однако спугнули всю окрестность: ржанки, чайки и крачки кричали точно сумасшедшія; два оленя паслись поблизу озера и убѣжали, отыскивая болѣе покойное пастбище; а выше въ воздухѣ величаво парили два большихъ орла, которые конечно наводили справки, кто такъ дерзко посягалъ на ихъ охотничьи владѣнія. Давъ нѣсколько круговъ безъ малѣйшаго взмаха крыль, они разомъ упали въ расщелину, футовъ на 600 надъ маленькимъ озеромъ; тамъ должно быть гнѣздо. Гассельгорстъ поглядѣлъ и сказалъ, что надъ трещиною, которая кажется намъ тонкой чертой, замѣтны три головы. Мы были убѣждены, что тамъ гнѣздится цѣлая семья, отецъ, мать и птенецъ и не долго думая, мы рѣшили взобраться, во чтобы-то ни стало.

„Скала была страшно крута, почти отвѣсная и состояла изъ вывѣтрившагося сланца, изъ котораго тамъ и сямъ выдавались болѣе твердыя закраины пластовъ, давая опору рѣдкимъ кустамъ низкаго березняка. Мы добрались до мѣста, откуда видно гнѣздо прямо надъ нашими головами. Гассельгорстъ остался на немъ, управляя условными знаками и крикомъ моимъ дальнѣйшемъ взбираніемъ. Я снялъ все до рубахи и штановъ, закинулъ за спину ружье, заряженное, къ сожалѣнію, мелкою дробью, № 5 стянулъ покрѣпче поясъ, на которомъ висѣлъ норвежскій ножъ и полѣзъ выше.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

Охота на орловъ.

меня остался одинъ выстрѣль, который можно было выпустить съ

1872

Первые двѣсти футъ было еще сносно. Но дальше откосы пошли круче, камни шатче и осыпаются; ногамъ не стало твердой опоры и я съ трудомъ ползъ отъ одной березы къ другой. Еще выше—невозможно было лѣзть прямо и не смотря на частые крики Гассельгорста, я поневолѣ держалъ болѣе въ сторону, чтобы какъ нибудь подняться повыше.

„Я лѣзъ такъ три четверти часа, когда Гассельгорстъ далъ знать, что теперь я въ уровень съ гнѣздомъ. До сюда было трудно лѣзть, а теперь стало даже опасно. Мнѣ оставалось еще перелезть три острые выступа, которые раздѣлялись глубокими разщелинами и торчали на отвѣсномъ обрывѣ. Гдѣ были березовые кусты, тамъ я еще цѣплялся кой-какъ и не боялся упасть; но гдѣ надъ зияющей пропастью шла голая скала, посыпанная гальками тамъ приходилось пускать въ дѣло всю осторожность и рѣшимость, чтобы пройти опасное мѣсто. Два или три раза я совсѣмъ падалъ духомъ и подумывалъ даже вернуться; но убѣжденіе, что слѣзать будетъ также опасно, если еще не опасѣе; пламенное желаніе достать молодого орла и увести съ собою и—я сознаюсь—тщеславіе, что выдержишь характеръ въ такомъ отчаянномъ предпріятіи, придавали мнѣ новыя силы и ободряли меня на новыя труды и опасности.— „Посмотрите-ка на него“, продолжалъ Коммодоръ, пробуя погладить орла, который щелкалъ клювомъ на протянутую руку, „какъ онъ топшыритъ перья, сверкаетъ глазами и открываетъ клювъ для удара, какъ только приблизишься къ нему. Развѣ онъ не стоитъ, чтобы пожертвовать для него нѣсколькими членами?“

„Я былъ шагахъ въ 50 отъ гнѣзда, какъ что-то запумѣло надо мной, точно вершины высокоствольнаго лѣса, когда стоишь подъ ними въ сильный осенній вѣтеръ. Это старый орелъ слетѣлъ съ гнѣзда и давалъ круги почти надъ моей головой; я каждую минуту думалъ, что онъ упадетъ на меня и спрячется подъ каменный выступъ, чтобы избѣжать, по крайней мѣрѣ, отвѣснаго удара; съ большимъ трудомъ приготовилъ ружье, заряженное дробью на мелкую птицу; взвелъ курекъ—одинъ пистонъ свалился и, къ моему ужасу, я только теперь замѣтилъ, что всѣ пистоны остались въ жилетѣ, который я снялъ, собираясь лѣзть. У меня остался одинъ выстрѣлъ, который можно было выпустить съ

Охота на орловъ.

всего осталось одиннадцать экземпляров, которые можно было выпустить съ

пользую только вблизи; промахъ — и мое ружье годно только для отраженія ударовъ. Конечно, я бы не испугался орла на ровномъ мѣстѣ, вооруженный охотничьимъ ножомъ; но здѣсь, вися почти въ воздухѣ, уцѣпившись за кустъ; съ одной свободной рукой и не имѣя опоры подъ ногами — здѣсь, мнѣ казалось, что я не долго выдержу нападеніе сильной птицы.“

„Но орель, вѣроятно, не счелъ меня опаснымъ, потому что послѣ нѣсколькихъ круговъ, вѣяніе которыхъ я чувствовалъ на своемъ лицѣ, онъ полетѣлъ черезъ фьордъ къ вершинамъ острова Кагена и я безпрепятственно продолжалъ трудное и опасное лазанье. Я былъ теперь шагахъ въ 20 отъ гнѣзда на узкомъ уступѣ — фута полтора отъ пропасти; надъ нимъ футовъ 10 повыше висѣлъ еще каменный пластъ и, слѣдовательно, былъ для меня недосыгаемъ. Съ этого-то верхняго уступа я могъ бы заглянуть прямо въ гнѣздо. Гассельгорстъ стоя въ низу машетъ и кричитъ: „Впередъ! впередъ! вы подлѣ гнѣзда!“ Ему хорошо было кричать: Я стоялъ на уступѣ, гдѣ едва можно было держаться крѣпко прижавшись къ стѣнѣ; подъ ногами пропасть, надъ головою нависъ пластъ и я самъ истомленъ жаромъ, жаждою и трудомъ. Гассельгорстъ понялъ, что дальше мнѣ нельзя двинуться; онъ полѣзъ ко мнѣ и нашелъ, наученный моимъ опытомъ, если не легчайшую, то болѣе краткую дорогу, и скоро добрался до меня. Языкъ прилипъ у меня къ гортани; къ счастью съ нимъ было немного воды для рисовки акварелью и хотя она была тепла, но показалась очень вкусною и придала новыя силы.“

„Мы разровняли и расширили нашу площадку, срѣзали самый толстый стволъ, какой достали вблизи, и такимъ образомъ думали взлѣзть на послѣдній уступъ. Гассельгорстъ уперся и крѣпко уцѣпился; я взлѣзъ къ нему на колѣно, на плечо и мнѣ удалось схватиться руками за верхній уступъ. Съ трудомъ я вскарабкался на него и, почувствовавъ подъ ногами почву, легъ и поползъ по площадкѣ, чтобы заглянуть въ гнѣздо на сосѣдней площадкѣ, отдѣленной отъ меня только одною расщелиной.“

„Огромное крыло приподнялось надъ хвостомъ, раскрылся желтый зѣвъ и я въ испугѣ отдернулъ голову. Если орленокъ уже летаетъ и толкнетъ меня — при малѣйшемъ движеніи, я падаю съ площадки навзничъ въ бездну; защищаться мнѣ нельзя, потому

что мнѣ въ такомъ случаѣ понадобился бы пятый членъ, для сохраненія нужнаго равновѣсія, — и такъ: Назадъ, назадъ донъ Родриго! Я поскорѣ сползъ, Гассельгорстъ далъ мнѣ опереться и мы опять вѣстѣ на нашемъ уступѣ.“

„Напрасно мы искали средствъ двинуться впередъ съ этой злополучной площадки. Послѣ долгихъ стараній мы уже подумывали не лучше ли будетъ совсѣмъ отступить, какъ внизу, въ долину мы завидѣли доктора, крившагося къ маленькому озеру, вытянувъ шею и осторожно выступая точно цапля. Мы зовемъ, кричимъ, наконецъ онъ услышалъ. Онъ, кажется, сообразилъ что намъ нужно, по крайней мѣрѣ кивнулъ въ знакъ того, что понялъ насъ и скоро пошелъ къ кораблю.“

„Прошелъ долгій часъ; мы теперь подробнѣе изслѣдовали нашу площадку и облегчили насколько можно доступъ къ гнѣзду. Веревный сукъ, всажанный въ трещину скалы, послужитъ лѣстницей. Вывѣтрившіеся каменья, которые представляютъ только кажущуюся опору, отбиваются и сталкиваются въ долину.“

„Наконецъ показались докторъ, Губертъ и капитанъ. Они принесли хлѣбъ, колбасы, коньякъ, а капитанъ захватилъ бутылку пива, которое нагрѣлось до температуры человѣческаго тѣла, но была вкуснѣе шампанскаго со льдомъ. Мы такъ выровняли мѣсто нашего отдыха, что на немъ могли стоять трое или четверо и, подкрѣпившись, снова принялись за дѣло.“

„Губертъ, какъ человѣкъ предусмотрительный, зарядилъ воѣ ружья безъмянникомъ; капитанъ влѣвъ сбоку, докторъ остался насторожѣ внизу, въ долину, чтобы предупредить о приближеніи старыхъ орловъ. Я опять вскарабкался на обзорную площадку, Губертъ за мной и его глазъ, изощренный въ Богеміи — его отечествѣ, тотчасъ узналъ молодого орла почти на взлетѣ, но который еще не можетъ подняться съ гнѣзда. Мы держимъ совѣтъ, что дѣлать. Губертъ предлагаетъ намъ спрятаться гдѣнибудь вблизи; застрѣлить старыхъ орловъ, которые вечеромъ непременно вернутся въ гнѣздо, если въ немъ будетъ орленокъ, и тогда уже взять его. Если же его взять теперь, то старики ни за что не вернутся въ гнѣздо. Я рѣшилъ взять птенца сейчасъ же. Нѣсколько дней сряду къ вечеру подымался густой туманъ; надо было ждать того же и сегодня, а ночью въ туманѣ

едва ли можно надѣяться сойти отсюда цѣлнмъ. Губертъ срѣзалъ длиннѣйшій березовый стволъ, какой только нашелся, скрѣпилъ на одномъ концѣ петлю и подалъ мнѣ, такъ какъ я проползъ въ это время къ гнѣзду минуя трещину. Орленокъ распустилъ крылья, клеткалъ, шипѣлъ и раскрывалъ желтый клювъ, словно хотѣлъ проглотить меня — но скоро петля захлснула шею; однимъ разомъ я выдернулъ его, не смотря на его цѣпкость; Губертъ связалъ когти, распустилъ петлю, едва не удушившую орленка, накинулъ ему на голову платокъ и торжествуя отправились мы съ нашей добычей восвояси; а капитанъ и Губертъ остались на верку поджидать старыхъ орловъ.“

„Гнѣздо, закончилъ коммодоръ, въ поперечникѣ футъ 8, было изъ березовыхъ сучьевъ и выстлано перьями водяныхъ птицъ; въ серединѣ гнѣзда сидѣлъ птенецъ повидимому весьма уютно. Кости и разные остатки бѣлыхъ зайцевъ, гагъ и другихъ птицъ лежали кругомъ во множествѣ, частью полусгнившіе, такъ что запахъ около гнѣзда былъ не совсѣмъ пріятенъ. Разбросанный на значительномъ пространствѣ бѣлый пометъ, разлагаясь вызвалъ роскошную траву.“

Профессоръ слушалъ рассказъ однимъ ухомъ. Онъ былъ страшно голоденъ, прождавъ съ обѣдомъ часа три сверхъ положеннаго времени. Тѣмъ блистательнѣе подтвердилась послѣ на всемъ обществѣ поговорка его дѣдушки: Сытый человекъ — чудесный человекъ! и когда профессоръ не безъ научной помощи опредѣлилъ, что орленокъ настоящій беркутъ, всѣ стали веселы даже Губертъ, который, идя обратно въ густомъ туманѣ, клялся въ десятый разъ, никогда не ходить на орловъ съ безпокойнымъ капитаномъ, который пугаетъ всякую дичь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Лоппенъ. Гаммерфестъ.

Тяжело было разставаться съ Скъерве. Охотники на орловъ хотѣли конечно хорошенько отдохнуть послѣ опасной охоты; а такъ какъ приходилось плыть устьемъ Квенангеръ-фьорда прямо въ открытое море, то ни у кого небыло охоты прибавить къ усталости неприятность противнаго вѣтра и качку. Погода мѣнялась безпрестанно: то было тепло и ясно, то густой, холодный туманъ ложился на море и застилалъ горы, такъ что въ нѣсколькихъ шагахъ не видать берега. Это самое неприятное при парусномъ плаваніи у этихъ сѣверныхъ береговъ. Попутный вѣтеръ, который несетъ далѣе на сѣверъ, дуетъ съ юга или съ запада и всегда приноситъ съ собою туманъ и дождь; такъ какъ, встрѣчаясь у этихъ береговъ, болѣе холодный токъ воздуха съ сѣверо-востока тотчасъ же превращаетъ въ нихъ избытокъ водянаго пара. Какъ часто видѣли мы эти стѣны тумана, которыя, смотря по силѣ обоихъ токовъ, подобно подвижнымъ стѣнамъ, надвигались то съ юга, то съ сѣвера, и укутывали насъ по цѣлымъ часамъ и даже днямъ, и исчезали мгновенно какъ бы по волшебству или же сгущались въ дождь. Туманъ во всякомъ случаѣ хуже, потому что въ этой путаницѣ фьордовъ, бухтъ, мысовъ и острововъ даже самый искусный морякъ не можетъ руководиться однимъ компасомъ, не рискуя ежеминутно набѣжать на

скалы или скрытыя шхеры, которыя онъ не разглядитъ въ сѣдой мглѣ даже въ самомъ близкомъ разстояніи. Пароходы постоянно дѣлаютъ одни и тѣже рейсы; ихъ прислуга отлично знаетъ берегъ, и часто они стоятъ цѣлые дни въ туманѣ, пока явится возможность продолжать путь.

Въ пятницу 26-го іюля, часа въ 4 пополудни, намъ удалось наконецъ, послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ, выбраться изъ бухты и продолжать путь на сѣверъ. Скоро туманъ снова одѣлъ насъ, а какъ поблизости есть подводные камни и мели то капитанъ и приказалъ поднять только немногіе паруса, которые тихо понесли насъ въ туманѣ. Но вотъ передъ нами показался небольшой парусъ, другой, третій; разясняется и мы видимъ себя въ серединѣ флотиліи изъ сорока рыбацкихъ лодокъ, выстроенныхъ широкимъ полукругомъ, именно въ ту минуту, когда на нихъ собираются закидывать сѣти въ море. Лоцманъ говоритъ, что онѣ заняты ловлей *Seu*, которая на сѣверѣ появляется огромными стадами и для ея ловли собираются въ товарищество рыбаки ближайшихъ сосѣднихъ острововъ. *Seu* безспорно самая красивая рыба въ семействѣ тресковыхъ, длинная, тонкая съ темнозеленой спиной, серебристымъ брюхомъ и пропорціональной башкой, такъ что по наружному виду она скорѣе напоминаетъ форель чѣмъ треску. Какъ и вся тресковая семья она хищна и удивительно прожорлива; въ извѣстное время приближается къ мелкому берегу, къ отмелямъ и мечетъ икру или добываетъ пищу, которую преимущественно составляютъ сельди и ракообразныя. Теперь, по рассказамъ, еще не лучший ловъ, который особенно удаченъ мѣсяцемъ позже, когда поверхность моря покрыта безчисленными маленькими ракообразными, окрашивающими ее кровавымъ цвѣтомъ. Тогда *Seu* лежитъ у поверхности какъ-бы въ дремотѣ, раскрывъ широкую пасть, густо усаженную зубами и, по временамъ, проглатываетъ рачковъ, которые набираются въ его воронкообразную глотку. Онъ и не думаетъ бѣжать, хотя киты, косатки, дельфины, акулы и тюлени пожираютъ его въ водѣ, а чайки, поморники, орлы и соколы истребляютъ сверху. *Seu* не пугается тогда и рыбацкихъ лодокъ, которыя окружаютъ его сѣтями и часто захватываютъ такую массу рыбы, что выпускаютъ обратно большую часть, чтобы спасти свои сѣти.

Сеу готовится какъ и треска; но продается только русскимъ. Его дробное, безвкусное мясо далеко не то, что мясо обыкновенной трески. Вслѣдствіе разныхъ договоровъ, русскіе пользуются правомъ лова не только на извѣстномъ разстояніи отъ берега, но даже непосредственно ведутъ торговлю съ рыбаками. Всѣ же остальные націи имѣютъ дѣло съ привилегированными откупщиками—которымъ рыбаки поставляютъ свою добычу. Странно, что въ свободной Норвегіи существуютъ еще привилегіи, ограничивающія съ одной стороны торговлю, а съ другой пораждая то зло, что бѣдное рыбацкое населеніе сѣвера находится совершенно во власти купца. Купецъ, имѣя всѣ преимущества капитала и нужныхъ знаній, естественно скупаетъ у рыбака товаръ за безцѣнокъ и продаетъ ему самые необходимые жизненные продукты по высокой цѣнѣ. Только въ болѣе значительныхъ торговыхъ мѣстахъ, какъ Гаммерфестъ, конкуренція нѣсколько смягчаетъ зависимость, вытекающую изъ подобныхъ отношеній; но, гдѣ на многія мили кругомъ приходится только одно торговое мѣсто; гдѣ рыбаку пришлось бы плыть дни и недѣли, отыскивая другаго купца, съ которымъ онъ могъ бы помѣняться—тамъ старое крѣпостное право замѣнилось полною зависимою отъ нужды и необходимости. Промыселъ рыбака подверженъ такимъ же случайностямъ, какъ и промыселъ игрока и даже самый дѣятельный и знающій рыбацкъ, по временамъ, прибѣгаетъ къ кредиту, чтобы существовать. Но такъ какъ всего на всего только одно торговое мѣсто, гдѣ можно купить муку, кофе, мясо, одежду и другія домашнія надобности, то рыбацкъ попадаетъ въ руки купца, который, понятно, уже похлопочетъ, чтобы кредитная страница главной конторской книги, на которой пишутся долги, всегда превышала бы дебитовую страницу. Слѣдовательно право русскихъ, вести торговлю непосредственно съ рыбаками, составляетъ благодѣяніе для бѣднѣйшаго класса сѣвера, для котораго законодательство Норвегіи сдѣлало до сихъ поръ очень мало.

Прежде, рассказывали намъ, русскіе бывали здѣсь больше для лова рыбы; но теперь они почти исключительно заняты торговь, къ которому преимущественно склонны. Отправляясь изъ Архангельска на своихъ жалкихъ посудинахъ, они оплываютъ Нордкапъ, посѣщаютъ маленькія торговля мѣста такъ же какъ и боль-

шіе города, плывутъ за рыбаками на мѣсто самаго лова и вымѣниваютъ и свѣжую и сушенную рыбу на муку, которая съ небольшимъ количествомъ дровъ составляетъ ихъ единственную кладь. Соль они возятъ съ собою и тутъ же на палубѣ солятъ свѣжую рыбу. Вымѣнявъ всю свою кладь, они возвращаются на родину, гдѣ, вслѣдствіе частыхъ постовъ греческой церкови, рыба стоитъ въ хорошей цѣнѣ.

Медленно поплыли мы съ мѣста, гдѣ встрѣтили треску, дальше на сѣверъ и въ субботу, въ полдень были у входа въ Квенангеръ-фьордъ, среди не менѣе красивыхъ видовъ, окружавшихъ насъ передъ Скъерве. Но наслажденіе этими видами отравляла качка, какой до сихъ поръ мы еще не испытывали. Хотя туманъ совершенно пропалъ, но и вѣтеръ вовсе стихъ и сильное морское волненіе врывалось, не слабѣя, съ сѣвера въ обширный фьордъ и бросало нашъ корабль точно круглый кокосовый орѣхъ. Мы стояли на палубѣ, держась за что только можно, за канаты, веревки и борты и ждали, чтобы пахнулъ вѣтерокъ, заработилъ воду и надулъ паруса. Они тяжело висѣли на реяхъ, съ нихъ капало послѣ густаго тумана и при каждомъ движеніи они тяжело хлопали по мачтамъ; блоки и канаты жалобно скрипѣли. Даже орелъ, которому въ его клеткѣ на палубѣ устроили шесть для сидѣнья, не могъ удержаться на немъ и лежалъ на брюхѣ, распростерши крылья, полузакрывъ глаза, въ которыхъ замѣчалось страдальческое выраженіе. Такіе часы самые непріятныя въ морскомъ путешествіи и скорѣе согласишься выдержать бурю, чѣмъ такую непріятную качку, гдѣ корабль становится настоящимъ мячикомъ волнъ и гдѣ дѣятельность и умѣнье человѣка ничего не подѣлаютъ.

Впрочемъ, по временамъ срывался самый слабый вѣтерокъ, которымъ пользовался нашъ внимательный экипажъ какъ путникъ, умирающій отъ жажды въ пустынѣ, каплею дожда и который тихо несъ насъ къ острову Лоппену.

Это маленькій островокъ, въ настоящее время принадлежитъ консулу Агаарду въ Тромзе. Онъ лежитъ выше 70° сѣв. шир. въ открытомъ морѣ, составляя какъ бы продолженіе мыса, который тянется на сѣверъ между Бергъ и Фракъ-фьордами. На востокѣ и сѣверѣ островъ даетъ отвѣсно-срѣзанныя скалы, у которыхъ

бьетъ постоянный бурнъ, и на которыхъ водится множество птицъ. Послѣ рыбнаго лова и естественныхъ произведеній птица составляетъ главный доходъ острова. Издали уже видно, пожалуй даже яснѣ чѣмъ вблизи, величавое напластованіе сплотившее островъ. Глубокая бухта врѣзалась въ островъ и отдѣлила восточную болѣе высокую часть — Скагенъ, отъ южной — Ректинденъ, на южномъ склонѣ которой, вдоль морскаго берега, расположены постройки. Скагенъ — огромная, правильно напластованная, скала; ея отвѣсный разрѣзъ представляетъ почти горизонтальное наслоеніе, если глядишь на островъ съ восточной стороны. На западъ пласты круто, но равномерно наклонены подъ угломъ 30-ти град. и поросли на вершинѣ роскошной травой и густымъ березовымъ и ольховымъ кустарникомъ внизу. Ректинденъ имѣетъ болѣе неправильное строеніе — пласты, изъ того-же гнейса и слюдянаго сланца, выются и изгибаются ломанными линіями, такъ что средній пластъ представляетъ собою подобіе чечевицы, которую остальные пласты концентрически обгибаютъ; самая же чечевица прорвалась съ двухъ сторонъ, образуя такимъ образомъ бухту, о которой я говорилъ. Это замѣчательное наслоеніе давно уже извѣстно на Альпахъ, гдѣ часто достигаетъ громаднхъ размѣровъ; оно-то и повело къ страннымъ теоріямъ. Между прочимъ часто утверждали, что эти извилины доказываютъ, что пласты были въ мягкомъ тѣстообразномъ состояніи во время этого выгибанія — выводъ едва ли имѣющій значеніе для того, кто хотя нѣсколько знакомъ съ дѣйствіемъ кристаллизаціи даже въ твердыхъ тѣлахъ.

Въ Лоппенѣ нѣтъ настоящей гавани; но, прямо противъ зданій, есть якорная стоянка, защищенная отъ западныхъ вѣтровъ. Зданія выведены на песчаной террасѣ у подножія Ректиндена. Въ серединѣ выдается великолѣпный, двухэтажный домина съ фасадомъ въ восемь оконъ и съ большими, свѣтлыми комнатами, быть можетъ самое лучшее зданіе во всемъ Нордландѣ. Рассказываютъ, что прежній владѣлецъ зарвался и долженъ былъ отдать все кредиторамъ. Этимъ, можетъ быть, объясняется поражающее великолѣпіе барскаго дома на островѣ, далеко отъ всякаго человѣческаго жилья. Подлѣ, въ ровень съ первымъ этажемъ, стоитъ маленькое деревянное зданіе — это церковь, съ низенькой пристройкой, на которой поставлена остроконечная колокольня.

Барскій домъ изъ-сѣра голубой; церкви и остальные дома выкрашены въ противный красно-бурый цвѣтъ охры, который рѣжетъ глазъ во всѣхъ сѣверныхъ ландшафтахъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви—домъ пастора, небольшое, одноэтажное строеніе съ странными пристройками: на одной водруженъ большой норвежскій флагъ. Приходъ пастора чрезвычайно обширенъ, такъ какъ на востокъ подходитъ почти къ Скьервѣ и тянется далеко на западъ къ Гаммерфесту. Но число прихожанъ очень невелико и состоитъ болѣею частью изъ островныхъ лапландцевъ и квенеровъ, которые за нѣсколько миль ѣздятъ къ обѣднѣ на лодкахъ. Западнѣе отъ барскаго дома стоитъ съ десятокъ надворныхъ строеній, въ которыхъ частью живутъ нѣсколько семей прислуги, частью же устроены магазины и сушильни для сушки и храненія рыбы и перьевъ, единственныхъ доходныхъ статей острова.

Къ сожалѣнію мы уже не застали хозяина. Онъ ждалъ насъ до вчерашняго дня и потомъ отправился на пороходъ, который, вѣроятно, прошелъ мимо насъ въ туманѣ. Вѣдь намъ понадобилось почти два дня на то, чтобы во время несноснаго затишья проплыть восемь географическихъ миль отъ Скьерве до Лоппена. Но управляющій, получивъ надлежащія инструкціи, принялъ насъ очень любезно; пригласилъ остановиться въ большомъ барскомъ домѣ, отъ чего мы впрочемъ отказались и предложилъ намъ, не смотря на воскресенье и ожидаемое неудовольствіе духовнаго владыки, который любитъ, чтобы его паства была въ полномъ сборѣ, лодки и людей, которые, доставятъ насъ къ мѣстамъ кладки яицъ. Конечно, пора высиживания давно прошла, птенцы уже вылетѣли или на вылетѣ и сеголѣтняя жатва на островѣ уже миновалась; но мы съ лихвой вознаградимъ свой трудъ зрѣлищемъ безчисленнаго множества птицъ, которыя гнѣздятся на скалахъ сѣверной и восточной сторонѣ. Даже гаги въ нашемъ распоряженіи: консулъ Агаардъ приказалъ не мѣшать намъ бить все, что только попадется.

Пока мы разговаривали съ управляющимъ, подѣхало нѣсколько лодокъ, болѣею частью съ береговыми лапландцами въ праздничныхъ нарядахъ, которые отправляются въ церковь. Другіе прибыли еще вчера, вытащили на берегъ лодки, раскинули большой парусъ шатромъ и провели подъ нимъ ночь. Прибрежье

представляет теперь почти маленький лагерь: горит нѣсколько костровъ; надъ ними въ походныхъ котелкахъ варится кофе и рыба; воокъ въ живописныхъ кружкахъ расположились мужчины и женщины въ ожиданіи завтрака и богослуженія.

Кажется, пастырѣ, соображаясь съ обстоятельствами, не слишкомъ тянулъ свою проповѣдь, потому что черезъ полчаса мы видимъ — народъ выходитъ изъ церкви и нѣкоторые уже дѣятельно занялись сборами къ предполагаемой охотѣ. Мы разсѣлись по трое на корму въ двухъ большихъ лодкахъ, имѣя на каждой трехъ гребцовъ и рулевого. Коммодоръ, капитанъ и художникъ сѣли въ одну лодку; докторъ, профессоръ и Губертъ въ другую; а Грессли пошелъ ловить раковъ и собирать камни и травы въ доступныхъ мѣстахъ острова.

Мы поплыли сначала вдоль плоскаго восточнаго берега; на пути намъ попадались отдѣльные выводки гагъ, кой-какія кривки, тиркуши (*Strandläufer*). Впрочемъ на нихъ мы не обращали вниманія. Только тамъ и самъ на морѣ видѣлись большія стаи чистиковъ и гагаръ, которые благоразумно держались внѣ ружейныхъ выстрѣловъ. Такъ мы доплыли до сѣверной оконечности острова, гдѣ скалы круто спускаются въ море и здѣсь сцена разомъ оживилась. На выдавшейся верхушкѣ скалы сидѣло общество баклановъ въ самыхъ уморительныхъ позахъ: большая часть распустила крылья, любопытно вытянувъ шею къ лодкамъ, которыя плыли у самой скалы. Выстрѣлъ свалилъ нѣсколькихъ

въ море, но вмѣстѣ съ тѣмъ, своими многократно повтореннымъ эхомъ спугнулъ тысячи птицъ, которыя бросились со всѣхъ сторонъ въ море и такъ смѣшались стрѣлковъ, что первое время, право нечего было и думать ни о прицѣлѣ ни о мѣткости. Свистя крыльями, безъ числа пролетали надъ нашими головами чистики и тупики иногда такъ близко, что можно бить ихъ палкой, но съ такой бѣшеной скоростью, какъ будто это были камни, сильно брошенные сверху. Вздумали стрѣлять въ самую густую стаю, когда она давно уже прошумѣла и Губертъ, вообще великолѣпный стрѣлокъ, послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ заявилъ, что вѣроятно его ружье заколдовано сегодня, такъ какъ онъ не можетъ застрѣлить ни одной изъ этихъ черноклювокъ. Но скоро мы поняли въ чемъ дѣло. При встрѣчномъ выстрѣлѣ дробь зачастую отскакивала, ударяясь въ плотный пернатый панцырь на груди, нисколько не вреда птицѣ; а при выстрѣлѣ въ слѣдъ — онѣ обыкновенно падали, хотя часто и не сильно пораненныя, такъ что все-таки пропадали для насъ. Пропадали же онѣ оттого, что всѣ эти ныряющія птицы ищутъ своего послѣдняго спасенія въ ныряніи; рассказываютъ даже, что подъ водою многія изъ нихъ съ такою силою цѣпляются за подводныя растенія и камни, что вовсе не всплываютъ наверхъ. Мы не замѣтили этого; но намъ часто было очень трудно добыть подстрѣленную птицу, которая плыла по водѣ какъ жертва, а при нашемъ приближеніи неожиданно ныряла и, съ замѣтнымъ усиленіемъ гребя подъ водою ногами и крыльями, подплывала подъ лодку и давала такіе круги, что гребцы едва успѣвали за ней. Именно, помнится мнѣ чистикъ, у котораго была раздроблена нога и крыло, такъ что онъ владѣлъ собственно только одною ногою. Вѣроятно было повреждено и дыханіе, такъ какъ онъ тяжело нырялъ и то только на нѣсколько футъ. Онъ недвижно плылъ по водѣ пока мы не подплыли и не вздумали схватить его руками. Тогда онъ больно укусилъ за палецъ одного гребца, нырнулъ и проплылъ нѣсколько футъ дальше. Разсерженный лапландецъ, снова направилъ на него лодку и поднялъ весло ударить птицу. Но пока падало неуклюжее орудіе, чистикъ успѣлъ нырнуть и избѣжалъ удара. Нѣсколько разъ повторялось тоже и съ тѣмъ же успѣхомъ; такъ что стало наконецъ дѣломъ чести завладѣть птицей и докторъ было

хотѣлъ пожертвовать другимъ зарядомъ, но профессоръ предупредилъ его своею толстою палкою и покончилъ борьбу нѣсколькими хорошими ударами по головѣ и по шеѣ.

Мы обогнули сѣверную оконечность и увидѣли передъ собой отвѣсныя скалы въ 800—1000 ф. вышины; они-то и есть главные птичьи мѣста. Только теперь мы составили себѣ понятіе о страшной массѣ птицъ, которыя здѣсь гнѣздятся. На всѣхъ уступахъ темносѣрыхъ скалъ сидѣли сотни, тысячи и всѣ, обративши къ морю бѣлыя груди, внимательно слѣдили за нашими движеніями и странно кивали головами точно китайскіе бонзы. Ихъ было столько, что, казалось, вздумали выбѣлить цѣлыя скалы и уже обрызгали известью. На самомъ верху кричали и ссорились чайки; ниже сидѣли чистики, кайры и тупики; невысокіе утесы почернѣли отъ баклановъ и кричекъ (Krähenscharbe); берегъ кишѣлъ ржанками и поморниками, а въ маленькихъ бухтахъ тихо плавали цѣлыя стада гагачихъ выводковъ. Впереди, около и за нами вода мѣстами чернѣла (буквально) отъ сотенъ тысячъ кайръ, которныя по временамъ подымались какъ-бы по командѣ и съ крикомъ взлѣтали на скалы или перелетали на другія рыбныя мѣста.

Такъ было, когда мы тихо и медленно гребли возлѣ скалъ. Но, если раздавался выстрѣлъ — не было конца суматохѣ. Взрослые чистики и тупики бросались, какъ отчаянные, въ море, высоко брызгавшее, какъ если бы падалъ дождь изъ аролитовъ. Птенцы, не летуны, подымали оглушительный крикъ, похожій на лай множества щенятъ, вздумавшихъ защищать скалы, а съ окраинъ утесовъ буквально взлетали тучами чайки и крички, подымая такой крикъ, крикъ, лай и свистъ, словно рушился каменный остовъ острова. Для большей потѣхи мы усилили сумятицу бѣглымъ огнемъ, и когда скандалъ окончательно развѣтрался и скалы только вторили оглушительному крику, показались два большихъ орла; они медленно плыли, широко распустивъ свои крылья, преслѣдуемые стаей сорокъ, воронъ и поморниковъ, которые примѣшивали къ общему гвалту свой сердитый крикъ.

Сумятица, подымавшаяся послѣ каждаго выстрѣла, до того оглушала и одуряла, что въ безчисленныхъ стаяхъ, носившихся кругомъ, не возможно было отыскать тѣ рѣдкія формы, которыя насъ особенно интересовали.

Мы въѣхали въ маленькую, тихую бухту, гдѣ, въ защитѣ береговыхъ скалъ, тихо покачивались широкія листья морскихъ растеній и, рассчитывая добыть птичьи гнѣзда, полезли на скалы, поблѣвншія отъ птичьяго помета. Въ массѣ бѣлогрудыхъ чаекъ намъ попалось нѣсколько большихъ сѣрыхъ; ихъ гнѣздо были конечно гдѣ нибудь поблизу. Съ большимъ трудомъ, даже съ нѣкоторою опасностью удалось Верна добраться до гнѣзда на обрывѣ скалы, нехитро устроеннаго изъ морской травы и завладѣть двумя птенцами. Ростомъ они почти равнялись со старыми; но далеко еще не оперены; отъ нихъ такъ отвратительно несло, что только ради науки, мы вынесли ихъ сообщество. Связавъ крылья и ноги мы помѣстили ихъ въ лодкѣ и ухаживали за ними на кораблѣ; но скоро они передохли и послужили отличной пищей орлу.

Въ другомъ мѣстѣ мы хотѣли подойти къ чистикамъ, сидѣвшимъ длинными рядами на гребняхъ скалъ, за которыми кроются ихъ гнѣзда. Но искусство въ лазаніи не помогло. Губертъ подошелъ такъ близко, что однимъ выстрѣломъ убилъ пятерыхъ насѣдокъ; но онъ не могъ взлѣзть на выдавшійся пласть, гдѣ лежали ихъ трупы. Разщелина, въ которой мы пытались взобраться, роскошно поросла дягилемъ и ложечной травой, но нигдѣ не видно гнѣзда или углубленія, гдѣ бы тупикъ снесъ яйцо. Рыбаки говорятъ, что всѣ доступныя мѣста такъ тщательно обшариваются, что птица бережется строить гнѣздо въ такихъ мѣстахъ.

Гагары, бакланы, чистики, кайры и тупики, наполнили лодки до краевъ и мы рѣшились покончить охоту. Плыя вдоль восточнаго берега на югъ мы удостовѣрились, что каждая порода имѣетъ свое особое мѣсто для кладки и высиживанія яицъ: въ одномъ мѣстѣ подымается сплошная стая чистиковъ, въ другомъ топориковъ или кайръ. Мы причалили въ бухтѣ Ректинденъ и сухимъ путемъ пошли домой; а лодки начали огибать южный мысъ. Съ трудомъ мы пробрались глубокимъ ущеліемъ, засыпаннымъ обломками скалъ, образующихъ его стѣны; поднялись на верхъ, на торную дорогу (на островѣ двѣ тележки и четыре лошади для возки дровъ и торфа), отсюда на востокъ открывается видъ на море и въ полночь вошли на корабль. Тѣмъ временемъ лодки обогнули южный мысъ; коммодоръ убилъ еще одну

краснозобую гагару, сидѣвшую неподалеку отъ насъ; и только за позднимъ ужиномъ мы сошлись вмѣстѣ, который послѣ утомительнаго дня, показался намъ очень вкусенъ.

Нужно самому видѣть эти громады птицъ, знать что можно извлечь изъ нихъ и только тогда составишь правильное понятіе о торговомъ значеніи подобныхъ мѣстъ для далекаго сѣвера. Мясо всѣхъ этихъ птицъ не хорошо; для цивилизованнаго вкуса оно непріятно отзывается ворванью, и этого нельзя уничтожить никакимъ приготовленіемъ. Но, для людей, которые кормятся исключительно рыбой, это мясо и именно мясо чистиковъ составляетъ прекрасную пищу и они охотно ѣдятъ его свѣжимъ, соленымъ и валенымъ. Для купца цѣнно перо, потому что у всѣхъ сѣверныхъ птицъ подъ жесткимъ перомъ, обильно пропитаннымъ жиромъ, лежитъ мягкій и нѣжный пуховый покровъ, который считается ниже гагачьяго; но все же, какъ пухъ втораго разбора, цѣнится высоко. Даже яйца составляютъ предметъ торговли, конечно внутренней и цѣнность ихъ тѣмъ значительнѣе, что куры не водятся такъ далеко на сѣверѣ и для потребленія есть только яйца дивихъ птицъ. Во всю поѣздку отъ Бере до Нордкапа и по Исландіи, наша кухня была снабжена только яйцами разныхъ прибрежныхъ и морскихъ птицъ и мы говоримъ по опыту, что приготовленная изъ нихъ яичница была очень вкусна, хотя имѣла красновато-желтый цвѣтъ. Если прибавить еще доходъ отъ рыбной ловли, барыши отъ торговли съ рыбаками и поселянами, то поймешь наконецъ, что такое торговое мѣсто можетъ чѣмъ соблазнить къ дальнѣйшему пребыванію.— Управляющій Лоппеномъ считалъ чистый годовоіи доходъ съ этого острова, среднимъ числомъ въ 7000 таллеровъ; эта цифра казалась слишкомъ большою нѣкоторымъ нашимъ знакомымъ въ Гаммерфестѣ; а управляющій сильно жаловался на нынѣшній годъ. Въ этомъ году ловля птицъ была очень плоха, такъ какъ большой весенній ловъ далъ не болѣе 6000 штукъ. Весенній ловъ бываетъ въ то время, когда птица еще въ зимней одеждѣ, но уже строитъ гнѣздо и потому держится на скалахъ. Въ морѣ, на большое пространство раскидываютъ сѣти, которыя держатся на водѣ деревянными и пробковыми поплавками; шумомъ, камнями и даже стрѣльбою спугиваютъ съ утесовъ птицъ, которые бросаются въ море и запу-

тываются въ сѣтяхъ. Яйца и птенцовъ забираютъ потомъ, взлѣзая на скалы при помощи багровъ и лѣстницъ и спускаясь сверху на канатахъ. Про несчастные слѹчай не стоило и говорить по мнѣнію управляющаго: канаты, говорилъ онъ, привязываются крѣпко и пробуются прежде, такъ что до сихъ поръ почти не было несчастій. Во время же лова рыбы въ бурномъ морѣ, бывающемъ именно въ опасные зимніе мѣсяцы, всегда гибнетъ много людей.

На другой день, при нашемъ отъѣздѣ изъ Лоппена, дулъ попутный вѣтеръ. Мы были сильно заняты препарированіемъ и укладкою богатой добычи, которую увозили съ собой. Глетчеры материка и острововъ чудно сверкали, особенно же глетчеры высокаго острова Зильденъ, мимо котораго мы пронеслись такъ быстро, что надѣялись скоро быть въ Гаммерфестѣ. Но въ этихъ широтахъ никто не можетъ быть увѣренъ въ погодѣ даже на часъ времени. Надъ проливомъ Зере, который надо было пройти, къ вечеру палъ густой туманъ и только изрѣдка одинокіе огни, зажженные для рыбаковъ въ море указывали направленіе горъ надъ Гассвичемъ. Туманъ на нѣсколько часовъ задержалъ насъ — пришлось задержать ходъ, чтобы не попасть на скалы. Повторилась старая исторія: всю ночь мы лавировали Зерезундомъ, такъ что только утромъ увидѣли Гаммерфестъ. Новая бѣда: вѣтеръ совсѣмъ стихъ, и, чтобы стать на якорь, нашимъ матросамъ пришлось на двухъ лодкахъ буксировать корабль въ гавань, гдѣ въ 9 часовъ утра бросили наконецъ якорь.

Почти вначалѣ этого столѣтія Леопольдъ фонъ-Бухъ предсказывалъ незавидную будущность Гаммерфесту и доказывалъ это весьма основательно и убѣдительно. Теперь ему пришлось бы сознаться въ своей ошибкѣ, при видѣ цвѣтущаго городка у глубокой, почти круглой бухты, подъ $70^{\circ} 39'$ сѣверной широты, который страхуетъ свои зданія тысячъ во сто талеровъ. Городокъ прислонился къ скалѣ, увѣнчанной церковью, откуда сверху великолѣпный видъ на бухту, противулежащій полуостровъ Фугльнесъ и высокіе, скалистые острова Ханьенъ и Хьяльменъ, ушедшіе далеко въ море. Гаммерфестъ лежитъ не на материкѣ, отъ котораго отдѣленъ узкимъ проливомъ, а на островѣ Квале, пустопорожнемъ внутри, который только по берегу имѣетъ нѣсколько торговыхъ мѣстъ. Начальство, живущее на островѣ, сносится съ подчинен-

ными только при посредствѣ кораблей и лодокъ; впрочемъ, на на сѣверѣ этотъ способъ сообщенія удобнѣе прочихъ.

Гаммерфестъ главное мѣсто русской торговли. Гавань была полна разными русскими судами, преимущественно же трехъ-мачтовыми кораблями грубой работы, образецъ которой занесенъ еще изъ Сардама Петроу Великимъ. Хотя и часто приходилось слышать и все же дивинься отвагѣ, съ какою эти люди на подобныхъ посудинахъ, часто даже безъ компаса, отправляются изъ бѣлаго моря, оплываютъ Нордкапъ и приплываютъ къ норвежскому берегу. Они привозятъ муку въ куляхъ, сплетенныхъ изъ бересты, дрова, оленьи шкуры и мѣняютъ ихъ на рыбу, колоніальные товары, мануфактурныя издѣлія, но преимущественно на лисьи и выдровыя мѣха, кончики которыхъ они золотятъ дома и продаютъ въ Китаѣ по высокой цѣнѣ. О нихъ идетъ слава какъ о хитрыхъ и ловкихъ купцахъ, съ которыми, надо держать ухо вострѣе, чѣмъ съ другими націями; но также хвалить ихъ предприимчивость и основательность. Большею частью купцы сами и владѣльцы и кормчіе своихъ кораблей; часто они плывутъ на авось вдоль берега, отыскивая новыя торговыя мѣста и новыя торговыя связи. Почти все русскіе, которыхъ мы видѣли, высокій, крѣпкій народъ, съ славными бородами; но грубыя, широкія лица и толстый, короткій, почти приплюснутый носъ оставляютъ непріятное впечатлѣніе. Кое-кто изъ нихъ побывалъ у насъ и наши хозяева въ Гаммерфестѣ цѣнили состояніе каждаго въ нѣсколько сотъ тысячъ талеровъ; они были въ длиннополыхъ сюртукахъ тонкаго сукна, мѣховыхъ шапкахъ и высокихъ сапогахъ, въ которые были засунуты штаны. Русская народная одежда, насколько мы могли теперь убѣдиться, вообще характеризуется удивительно низкою ролью штановъ: не только нижнія концы прячутся въ сапоги, но и рубаха выпускается поверхъ штановъ, такъ что виситъ изъ-подъ жилета точно круглый передникъ. Лучшій нарядъ русскаго бородача — цвѣтная ситцевая рубаха, которая по этому и выпущена.

Только узнали о нашемъ приѣздѣ, сейчасъ же подѣехала лодка съ русскими, которые предложили купить бураго медвѣженка двухъ или трехъ мѣсяцевъ — торгъ не состоялся. Впослѣдствіи мы добыли его отъ обязательнаго гамбургскаго капитана,

который купил медвѣженка и по своей цѣнѣ перепродалъ намъ. Мутцъ, такъ называли медвѣда, вскорѣ приобрѣлъ любовь всѣхъ и постоянно привлекалъ любопытство русскихъ, которые, или глядѣли съ мачты и рей сосѣднихъ кораблей, или же приходили къ намъ посмотреть на игры и лазанье своего земляка. Они были радостно удивлены, когда докторъ Герценъ заговорилъ съ ними на родномъ языкѣ. Многіе матросы были такъ невѣжественны, что имъ неизвѣстны правительственныя мѣры по освобожденію крестьянъ; но между капитанами нашлись хорошо знакомые съ положеніемъ дѣлъ своей родины: они довольны императоромъ, говорили они, — онъ благосклоненъ къ народу. Мы не понимали языка и впечатлѣніе, какое произвелъ на насъ этотъ народъ, основано на вѣрности. Оно было неблагопріятно вслѣдствіе удивительной нечистоты, въ которой содержались и корабли и люди. Палуба и все остальное было буквально покрыто грязью, и когда разъ мы увидѣли, что на такой грязной палубѣ сгребали муку изъ разорваннаго мѣшка, мы отдали приказъ — не брать ни одного лота русской муки. Я не скажу, чтобы мы когда нибудь видѣли русскихъ матросовъ не занятыми, хотя они по цѣлымъ часамъ просиживали на палубѣ и съ любопытствомъ глядѣли на наши занятія; но надо также сказать, что все ихъ занятіе состояло въ охотѣ за извѣстными маленькими домашними животными, которыми, какъ кажется, они изобилуютъ.

По всему видно, что Гаммерфестъ служитъ мѣстомъ оближенія для многихъ народностей; кромѣ русскихъ, которые являются сюда залетными птицами; лапландцевъ, поселившихся вблизи и живущихъ въ рыбакахъ или въ поденщикахъ, кромѣ норманновъ, въ рукахъ которыхъ исключительно находятся торговыя и служебныя мѣста, въ городѣ и окрестностяхъ довольно финновъ или, какъ ихъ называютъ здѣсь, квенеровъ, которые прокармливаютъ себя ремеслами, земледѣліемъ, скотоводствомъ и наймомъ. Большею частью это высокій, крѣпкій народъ, скорѣе схожій съ русскими, чѣмъ съ лапландцами, хотя и произошли вмѣстѣ съ ними отъ одной первоначальной расы. Они живутъ въ маленькихъ домикахъ съ остроконечными крышами, которые сложены изъ камня и глины и по преимуществу лежатъ на восточной сторонѣ Гаммерфеста за варницами ворвани, расположенными тамъ же по берегу. Домъ

Квенера имѣетъ всего одну комнату, если не считать нарѣ, устроенныхъ наверху и кухонной пристройки за отдѣльными помещеніями. Въ этой единственной комнатѣ выведена огромная каменная печь, отъ которой день и ночь пышетъ удушливымъ жаромъ. Комната освѣщена крошечными окнами, у которыхъ всегда видны женщины, занимающіяся вязаніемъ, и насъ тронуло, что въ каждой бѣдной хижинѣ непременно стоитъ за окномъ цвѣтокъ, жалко растущій въ этихъ мѣстахъ.

Квенеры выселены въ Норвегію изъ Финляндіи, если не ошибемся, лѣтъ двѣсти назадъ; они поселились въ разныхъ мѣстахъ и устроились совершенно на финскій ладъ. Леопольдъ фонъ Вухъ полагалъ большія надежды на ихъ дѣятельность и трудолюбіе въ земледѣліи и скотоводствѣ и высказалъ прямо, что видитъ въ нихъ будущихъ владѣтелей сѣвера. До сихъ поръ эти надежды не осуществились и хотя въ 1861 году Гаммерфестъ въ первый разъ вывезъ на югъ продуктъ мѣстнаго сельскаго хозяйства — картофель, который не уродился тамъ, но все же смѣло можно утверждать, что и въ будущемъ положеніе квенеровъ, какъ бѣднѣйшихъ, немного улучшится. На крайнемъ сѣверѣ почва представляетъ слишкомъ мало задатковъ для того, чтобы ея обработка повела когда-либо къ значительнымъ результатамъ; торговля, основанная на рыбномъ промыслѣ, представить и въ будущемъ единственный источникъ богатства, которымъ стоитъ заниматься въ этихъ странахъ и не физическій трудъ, а умственный — спекуляція будетъ всегда господствовать въ этихъ странахъ.

Улицы, гавань, суша и море — все было усыяно лапландцами, которые сходятся сюда въ это время изъ разныхъ мѣстъ, искать работы и заработка и дѣлать небольшія купли и продажи. Съ виду и нарядомъ они совершенно схожи съ тѣми, которыхъ мы видѣли въ Тромзе; только женщины нѣсколько разнятся головнымъ уборомъ, именно у нѣкоторыхъ на немъ не было никакихъ украшеній, даже голубыхъ лентъ. Лапландцы постоянно старались войти съ нами въ сношенія, и предлагали намъ то рыбу, то комагеры, то шкуры. Разъ предложили они свѣжую оленину. При этомъ вышла потѣшная сцена: олень, видно еще молодой теленокъ, лежалъ въ лодкѣ на свѣжей шкурѣ, освѣжаванный и выпотрошенный и въ его распоротой груди лежали хорошо очищен-

ныя и вышитыя печень, сердце и легкія. Мы скоро стоговали его за нѣсколько талеровъ и три маленькихъ человѣка пріѣхавшихъ въ лодкѣ, казалось, начали усердно поднимать оленя на корабль; но, на нѣсколько секундъ, они съумѣли такъ стать, что сверху мы не могли его видѣть. Быстрымъ движеніемъ руки, которое сдѣлало бы честь любому карманному веру, одинъ изъ нихъ вынулъ печень, сердце и легкія и сунулъ подъ шкуру, прижавъ ногою, пока оленя подняли на бортъ. Нашъ поваръ, только-что толковавшій о деликатныхъ клецкахъ изъ печени, которые онъ собирався приготовить „совсѣмъ какъ для принца Карла въ Илленикъ“, потребовалъ печень; лоцманъ — сердце и легкія, которыя онъ хотѣлъ употребить на приманку рыбы. Лапландцы уморно отказывались, что внутренности лежали въ груди и проданы вмѣстѣ, и только — когда одинъ изъ матросовъ захотѣлъ спуститься обыскивать лодку, они вытащили изъ-подъ шкуры сердце, но потребовали за него два лишнихъ шиллинга. Печень они ни за что не хотѣли отдать и когда мы слишкомъ уже пристали, — они начали увѣрять, что олень такъ молодъ, что у него не выросла еще печень. Подумаешь право, что они читали на досугъ сказку братьевъ Гриммъ: о „Швабѣ съ печенкой и о господѣ богѣ.“

На обѣдѣ въ Гаммерфестѣ, къ которому пригласилъ насъ гостепріимный купецъ Бергеръ, намъ удалось узнать большія подробности о бытѣ лапландцевъ, живущихъ внутри страны. За обѣдомъ мы познакомились съ братомъ хозяина, молодымъ купцомъ, который бывалъ въ Австраліи, Германіи и много ѣздилъ по Россіи. Теперь онъ имѣетъ торговое мѣсто въ Каутокейно, столицѣ лапландцевъ и ведетъ большую розничную торговлю въ Гаммерфестѣ. Торговныя мѣста въ лапландской тундрѣ — Каутокейно, Карасьокъ, Каразуандо, рассказывалъ онъ намъ, привелигированныя въ томъ отношеніи, что никакой другой купецъ не имѣетъ права вести въ нихъ торговлю и что правительство имѣетъ право отнять патентъ у того, кто не подчиняется правиламъ о торговлѣ съ лапландцами. Эти мѣста перепродаются однимъ другому и, всякій разъ, съ дозволенія правительства. Въ прежнее время эти мѣста были доходнѣе; теперь правила становятся все строже, а выгоды меньше. Предшественникъ его брата, у котораго тотъ перекупилъ мѣсто, могъ еще отпускать водку лапландцамъ, которые покупали ее

въ большомъ количествѣ, и выгода была значительнѣе не только отъ торговли водкой, но и отъ того, что торговля велась съ нѣмыми лапландцами; его брату было запрещено продавать водку, но онъ могъ продавать вина, которыя, конечно, могли покупать только самые богатые лапландцы; ему же запрещено продавать какія бы то ни было питія, что весьма уменьшило доходъ. Я замѣтилъ, что, кажется, можно замѣнить чѣмъ нибудь спиртные напитки. Въ самомъ дѣлѣ, человекъ ни въ какомъ климатѣ не можетъ обойтись безъ веществъ, возбуждающихъ или ослабляющихъ нервную систему и всякія общества трезвости могутъ только замѣнить спиртъ наркотическими веществами какъ опиумъ или гашишъ, или же возбуждающими — не прямо одуряющими веществами, каковы кофе, чай и какао. Купецъ тотчасъ же подтвердилъ справедливость моего замѣчанія. Потребленіе кофе, сказалъ онъ, усилилось не только между лапландцами, но и вообще во всемъ Нордландѣ, и въ той же мѣрѣ въ какой уменьшилось потребленіе водки. Лѣтъ двадцать тому назадъ въ Гаммерфестѣ занимались оптовой торговлей кофе три или четыре купца, и продавали они всѣ вмѣстѣ не болѣе ста мѣшковъ въ годъ — теперь же ею заняты двадцать — тридцать торговцевъ и каждый изъ нихъ продаетъ сотни мѣшковъ въ годъ. Такъ, моему брату, весьма значительному торговцу, мало въ годъ четырехъ-сотъ мѣшковъ. Кофе теперь ежедневный напитокъ нормановъ, квенеровъ и лапландцевъ — только лапландцы пьютъ его не съ сахаромъ, а съ солью, что дѣлаетъ его негоднымъ для цивилизованнаго вкуса.

Дѣйствительно, когда въ полночь мы возвращались съ прогулки на дачу нашего хозяина, которая лежитъ при маленькомъ озерѣ, на четверть часа ходьбы отъ Гаммерфеста, мы видѣли на пристани лапландскую семью, сидѣвшую у кофейнаго котелка. Женщины прихлебывали чернѣй, соленый напитокъ съ такимъ удовольствіемъ, что только самая рыяня кофейницы столицы Даринтатъ могли бы поравняться съ ними. Мы нѣсколько минутъ смотрѣли на эту живописную группу, расположившуюся на землѣ. Лапландки вели живой разговоръ — одна старуха вела речъ. „Знаете ли, что она говоритъ?“ спросилъ купецъ, хорошо понимавшій лапландцевъ. „Вотъ пришли богатые господа изъ чужихъ

земель посмотреть, какъ бѣдные лапландцы пьютъ кофе!“ „Даже безъ молока!“ со вздохомъ прибавила другая.

Я возвращаюсь къ торговому мѣсту Каутокейно. Лѣтомъ, рассказывалъ мнѣ купецъ, я въ Гаммерфестѣ; здѣсь я продаю колоніальные и мануфактурные товары, разнаго рода муку и крупу. Весною я ѣду въ Гамбургъ—нашъ большой магазинъ, и дѣлаю тамъ закупки на цѣлый годъ. Въ сентябрѣ мой слуга отправляется пѣшкомъ въ Каутокейно, гдѣ лѣтомъ ключница справляетъ мои дѣла и заботится о немногихъ иностранцахъ, которыхъ я обязанъ принимать. Но, если пасторъ на мѣстѣ, то онъ почти всегда завладѣваетъ ими, чтобы хотя нѣсколько разсѣять свою скуку. Въ ноябрѣ большая лапландская ярмарка въ Воссекопѣ у Альтенфіорда, на которую я ѣду съ товаромъ. На ярмарку вмѣстѣ съ лапландцами возвращается изъ тундры мой слуга; возвращается ему удобнѣе, такъ какъ онъ ѣдетъ на оленяхъ; а осенью постоянные дожди, разливъ рѣкъ и торфяница болота дѣлаютъ дорогу непроходимой и осенняя поѣздка тяжела для него. Слуга приноситъ мнѣ вѣсти изъ тундры: что молодые олени, каковъ молочный скопъ; по этому я могу опредѣлить свои нужды и назначить цѣны.

Послѣ ярмарки я ѣду на оленяхъ въ Каутокейно, гдѣ идетъ большой торгъ на Рождество и на Новый годъ. Не думайте, чтобы эта поѣздка доставляла большое удовольствіе. На первый разъ оно, конечно, занимательно: пустынная тундра, покрытая снѣгомъ, изъ подъ котораго, тамъ и сямъ, торчатъ каменные глыбы, производятъ сильное впечатлѣніе. Ваше вниманіе должно быть постоянно обращено на дорогу и едва замѣтные слѣды болотъ и топей, прикрытыхъ снѣжнымъ покровомъ; а благодаря оленямъ, разные несчастія прерываютъ вѣчное однообразіе и нѣсколько развлекаютъ. Если еще не знакомъ съ этимъ своеобразнымъ путешествіемъ, то, на первый разъ, оно можетъ понравиться. Но, повторяясь, оно становится чистымъ мученіемъ. Тогда-то узнаешь, что олень, дѣйствительно, упрямая, полудикая и непокорная скотина; онъ не скоро трогается съ мѣста, слабосиленъ, не можетъ тащить на гору и не держитъ съ горы — словомъ, олень лучше чѣмъ ничего, да немногимъ-то и лучше. Оленя можно нагрузить 180-ю фунтами, и самое большое двумя центнерами, и когда ѣдешь на оленяхъ, то въ гору приходится вставать и идти пѣшкомъ въ

высокихъ мѣховыхъ саногачъ, толстой самоѣдской шубѣ и мѣховой шапкѣ; все это необходимо при рѣзкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, когда сидишь верхомъ на саняхъ, волоча ноги по снѣгу, упираешься ими въ полозья. Закутанному такимъ образомъ вдругъ тебѣ приходится вѣбираться на крутой снѣжный подъемъ, конечно, вспотѣешь и сейчасъ же летишь съ другой стороны, сидя на саняхъ неподвижно какъ статуя. Случается, заблудишься во время тумана, провалишься въ торфяномъ болотѣ или ручьѣ, сани опрокинутся; приходится сильно работать ногами, упираясь ими то справа то слѣва; а тутъ еще олени, которыхъ съ мѣста не сдвинешь, — если бы не деньги, не барышъ въ другой разъ не пошелъ бы добровольно на такую муку.

Если олени везутъ такъ мало, сказалъ профессоръ, то мнѣ нельзя предпринять подобнаго путешествія: я давно превысилъ наибольшій грузъ. Конечно, отвѣтилъ купецъ, немножко трудненько везти васъ; но, въ крайнемъ случаѣ можно запречь двухъ оленей, хотя это имѣетъ свою непріятность. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ въ округѣ фогтъ, (вамъ извѣстно, что такъ называются здѣсь высшіе чиновники, въ рукахъ которыхъ соединена власть правительственная и судебная) онъ былъ потолще васъ и навѣрно вѣсилъ три центнера. Каждая его поѣздка въ тундру на тингъ (время судебныхъ засѣданій) стоила жизни одному или нѣсколькимъ оленямъ, которые издыхали отъ усталости. Оленей выставляли лапландцы, которымъ стало наконецъ не въ мочь и они подали просьбу правительству, прося или пережѣнить фогта, замѣнивъ его болѣе худощавымъ, или же приказать похудѣть этому, такъ какъ при теперешнемъ вѣсѣ онъ не годится. Они довольны имъ вполне и охотно бы удержали его, какъ справедливаго и снисходительнаго судью; но чрезвычайный налогъ, ежегодно въ полдюжины оленей, какой имъ приходится нести вслѣдствіе вѣса ихъ чиновника, — правительство можетъ наложить на нихъ только съ согласія стортинга. Правительство прислало имъ худощаваго фогта, выбравъ изъ многихъ кандидатовъ самаго тощаго.

Но, замѣтилъ профессоръ, если лапландцы дѣлаютъ свои закупки на ярмаркѣ въ Боссекопѣ, то немного же останется вамъ въ Каутовейно?

Однакоже! — Лапландцы покупаютъ въ Боссекогѣ преимуще- ственно легкія вещи: красный товаръ, ленты, платки, ножи и мануфактурные товары, но очень мало жизненныхъ припасовъ, такъ какъ они боятся перевозки на оленяхъ. Они не считаютъ, что, покупая муку, крупу, кофе, соль и т. п. въ Каутокейно, они платятъ мнѣ вдвое за транспортъ и очень довольны, получая отъ меня же наличными деньгами плату за провозъ. Впрочемъ я торгую въ Каутокейно больше на чистыя деньги, чѣмъ мѣняю на товаръ. Я покупаю оленьи шкуры, мясо, тетеревовъ и продаю ихъ въ Гаммерфестѣ; большую половину, я оплачиваю наличными деньгами. На серебро Лапландецъ продаетъ товаръ гораздо дешевле, чѣмъ мѣняя его на товаръ. Онъ копить серебро и закапываетъ его въ землю. Оленьи шкуры, которыя вы купите здѣсь по таллеру кожу, я укладываю въ нарочно приготовленныя для этого сани по 60 шкуръ; оленье мясо замораживается и сохраняется свѣжимъ до конца мая; тетерева хранятся такъ долго, что и теперь еще въ концѣ іюля они есть у меня. Я завертываю ихъ хорошенько въ бумагу и, не вынимая внутренностей, кладу въ соль такъ, чтобы они не касались другъ друга. Мы еще недавно съѣли нѣсколькихъ: они были очень вкусны. Оленье мясо идетъ въ Христианію; шкуры — почти безъ исключенія — въ Германію.

Въ Германію? Что же дѣлаютъ съ ними мои милые соотичи?

Волось, я думаю, они употребляютъ на грубыя войлочные издѣлія и плохія подушки; изъ кожи вырѣзаютъ ремни, преимущественно для солдатъ; можетъ быть изъ нея же шьются грубыя перчатки. Впрочемъ, прибавилъ мой поручитель, мои лапландцы въ Каутокейно выдѣлываютъ шкуры хуже, чѣмъ лапландцы Карасьоба и Каразуандо, а эти далеко уступаютъ самоѣдамъ.

Самоѣдамъ? и они привозятъ сюда шкуры, спросилъ я удивленный.

Нѣтъ! но они выдѣлываютъ оленьи шкуры, какъ никто въ свѣтѣ. Я покажу вамъ мою дорожную шубу, которая куплена въ Архангельскѣ. Она сдѣлана изъ оленьихъ шкуръ съ Печоры. Это кажется великолѣпная страна, потому что тамошніе олени гораздо крупнѣе нашихъ и нечорскія шкуры стоятъ вдвое дороже.

Онъ принесъ полный самоѣдскій нарядъ: круглая шапка, внутри и снаружи изъ выдроваго мѣха, съ длинными ушами, кото-

рыя можно завязывать под подбородкомъ; сапоги оленьей кожи и широкое, мѣшкообразное пальто оленьей шкуры, доходящее до лодыжекъ; шуба выворачивается и на изнанку; въ рукавамъ прикрѣплены рукавицы такимъ образомъ, что рука по произволу и и одѣваетъ и скидаетъ ихъ. Воротникъ въ два фута вышины и можетъ отворачиваться; разрѣза нѣтъ, а надо надѣвать ее, просовывая голову въ отверстіе для шеи. Удивительна мягкость этой шубы, — кожа, на ощупь, какъ тонкая фланель, а шубы лапландцевъ жестки и скрипятъ. Лапландская шуба — мученіе; самоѣдская — наслажденіе, разувѣтся зимой и внутри страны, гдѣ холодъ такъ великъ, что ртуть замерзаетъ. На морскомъ же берегу, въ Гаммерфестѣ, морозъ не превышаетъ 13-ти градусовъ по Реомюру, что видно изъ многолѣтнихъ наблюденій, записанныхъ сторожемъ при маякѣ и просмотрѣнныхъ нами. Верна, горячій охотникъ не только на орловъ но и на этнографическіе предметы, страстно желаетъ овладѣть самоѣдской шубой. Но купецъ говоритъ, что не можетъ разстаться съ нею; другой — не достать ему до слѣдующаго года, а предстоящей зимой надо побывать въ Каутокейно, гдѣ потому уже не можетъ онъ быть безъ шубы, что женился только нѣсколько мѣсяцевъ. Но черезъ русскаго, который еще въ гавани, онъ закажетъ точно такую же и привезетъ ему въ будущемъ году. Верна, не сообразивъ того, что въ 1862 году этнографическая страсть къ самоѣдамъ, уступить можетъ быть страсти къ ботокудамъ или чипчеваламъ, заказываетъ полный самоѣдскій нарядъ, можетъ быть для маскированнаго катанья въ саняхъ, которое предполагается въ Франкфуртѣ въ 1863 году.

Между тѣмъ, по обычаю сѣвера, приносятъ портвейнъ, коньякъ и водку. Между стаканами красуется серебрянный бокалъ, который, судя по надписи, былъ данъ его королевскимъ величествомъ какому-то невыговариваемому лапландцу за открытіе тако-го-же невыговариваемаго желѣзнаго рудника, о разработкѣ котораго, разумѣется, не могло быть и рѣчи.

Вы имѣете этотъ фамильный бокалъ по какому нибудь особенному случаю, спросилъ я, — такія вещи чтутся и переходятъ изъ рода въ родъ.

Правда. Но бокалъ принадлежитъ брату, который имѣлъ мѣсто въ Каутокейно въ то время, когда золотая, серебрянная

утварь и украшенія были дешевы. Лапландцы продавали всё эти вещи, особенно же пряжки и кольца от поясовъ, съ которыми прежде ихъ разлучала одна только смерть.

Что за причина?

Ханжество. Пасторъ Лестадиусъ, по рассказамъ, въ молодости былъ отчаянный кутила, особенно преданный плотскому грѣху. Въ одинъ прекрасный день онъ пришелъ къ заключенію, что только тогда можетъ выкупить свои грѣхи, когда сдѣлаетъ лапландцевъ благочестивыми и это настолько удалось ему, что бѣднѣи едва не походили съ ума. У фьельдскихъ лапландцевъ появились всё признаки самаго отчаяннаго пѣтизма — преимущественно же въ Каутокейно. Сборища, молитвенные часы, восторженность, откровенія, корчи, стали обычнымъ явленіемъ; стада оленей остались безъ призора: Отецъ небесный взираетъ на все. Раздоръ поселился въ семействахъ и они пришли въ упадокъ; люди бѣднѣи; нужда росла съ ханжествомъ. Всѣ украшенія, училъ Лестадиусъ, грѣхъ и потому надо ихъ бросить. Они продавали пряжки, кольца и драгоценности, считая серебро, неизвѣстно почему, только тогда грѣхомъ, когда оно было въ вещахъ а не въ деньгахъ. Женщины сняли немногія украшенія, въ которыя любили наряжаться и эти дочери Евы. Вы и теперь еще узнаете лапландку пѣтистку по гладкому головному убору, безъ сборчатаго гребня, которымъ онъ украшенъ у дочерей суеты. Рвеніе новообращенныхъ дошло до того, что они убивали людей, которые не отличались такою же ревностью.

Неужели? Лапландцы казались мнѣ, вообще, такъ добродушны.

Дѣйствительно, сказалъ купецъ. И тѣмъ не менѣе предшественникъ моего брата и его управляющій были убиты за то, что считались безбожниками, невѣрующими. Покрайней мѣрѣ преступленіе прикрывалось этими благочестивыми соображеніями, хотя, быть можетъ, оно совершенно вслѣдствіе другихъ причинъ.

Вы не боитесь, что съ вами случится тоже?

Нѣтъ! болѣзнь, привитая благочестивымъ Лестадиусомъ, близится къ концу. Лапландцы поняли, что надо трудиться и пѣтическое движеніе, овладѣвшее народомъ, оставило хорошаго — воздержаніе отъ водки, которую до этого они такъ жрали, что превращались въ скотовъ. Но и этотъ результатъ достигнуть

ЛОЖЬЮ: НХЪ УВѢРИЛИ, ЧТО ДЬЯВОЛЪ САМОЛИЧНО КУРИТЬ ВОДЕКУ И, СЛѢДОВАТЕЛЬНО, КТО ПЬЕТЪ ОГНЕННУЮ ВОДУ ТОТЪ ПОДВЕРГАЕТЪ ВѢЧНОМУ ОГНЮ И ТѢЛО И ДУШУ. ВЫ ВИДИТЕ, И НА КРАЙНЕМЪ СѢВЕРѢ, ИЗГОНЯЮТЪ ЧЕРТА ДЬЯВОЛОМЪ.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА.

Отъ Гаммерфеста до Нордкапа.

Казенный пароходъ Глеръ запасался углемъ въ пристани Гаммерфеста для обычнаго плаванія въ Варде и въ Вадзе и капитанъ парохода дружески предложилъ намъ свои услуги, чтобы поскорѣе приблизить насъ къ желанной цѣли. „Противный вѣтеръ или туманъ“, сказалъ онъ, „и немногія мили, которыя при попутномъ вѣтрѣ вы пройдете въ нѣсколько часовъ, потребуютъ восемь, а пожалуй и пятнадцать дней пути. Даже совершая плаваніе на пароходѣ бываешь не всегда увѣренъ: иногда плывешь открытымъ моремъ, оставляя въ сторонѣ небольшія якорныя стоянки, такъ какъ густой туманъ положительно мѣшаетъ различать берега фьорда; если же туманъ разомъ падетъ — стоишь и ждешь пока вѣтеръ не раздвинетъ завѣсу. Я буксирую васъ насколько можно; но, предупреждаю, я васъ брошу, если крѣпчаетъ противный вѣтеръ или станетъ сильнѣе противное теченіе. Условимся въ сигналахъ и приготовьтесь на завтра ровно къ пяти часамъ утра.“

Едва мы объѣхали сѣверную оконечность Квале, и направились мимо Рольфзе въ узкій Гавезундъ, какъ почувствовали сильное теченіе, врывавшееся въ обширную бухту съ сѣвера. Нашъ маленькій винтовой пароходъ работалъ изо всѣхъ силъ, чтобы держаться противъ мощныхъ, широкихъ волнъ. Погода пасмурна и туманна, окрестность пустынна и безконечно печальна. Растя-

путне, нагіе, глубоко вѣрзанна, кругловерхіе, скалисте острова, на которыхъ только кое-гдѣ видѣется трава и положительно ни одного кустика, или деревца, сѣняются невысокими шхерами или утесами, которые выставились изъ воды едва на нѣсколько футъ, опоясанные у воды темно-коричневымъ поясомъ изъ водорослей и другихъ морскихъ растений, а сверху, обсыпанные точно мукой, птичьимъ пометомъ. Торговныя мѣста, къ которымъ пристають пароходы, походятъ одно на другое: довольно большой домъ у маленькой бухты окруженъ сушными, запасными магазинами, конюшнями и низкими землянками, гдѣ живутъ морскіе ланландцы, квенеры и норвежскіе рыбаки. Чрезвычайно жалко глядятъ эти большія кротовыя норы и, право, вы тронуты, замѣчая въ хижинахъ повиднѣй на крошечномъ оконце еле растущій гераній или розовый черенокъ, боязливо хранимый отъ всякаго дуновения.

Пароходъ останавливается у этихъ торговыхъ мѣстъ на самое короткое время и даетъ знать о своемъ прибытіи поднятіемъ флага. Купецъ также поднимаетъ флагъ въ знакъ того, что и онъ готовъ; лодка обыкновенно уже въ морѣ; нѣсколько минутъ идетъ обійѣвъ и снова работаетъ винтъ. У одного такого мѣста пароходъ разомъ рванулъ съ мѣста и оборвалъ, какъ нитку, нашъ буксирный канатъ толщиной въ руку. Хорошо еще, что онъ оборвался у самого парохода, такъ что можно было снова и скоро прикрѣпить.

Послѣ девятичасоваго плаванія мы вошли въ бухту, гдѣ стояли на якорѣ у большаго торговаго мѣста два русскіе судна. Это Гьесверъ, послѣдняя стоянка на западной сторонѣ Нордкапа. Маленькая гавань, гдѣ стояли русскіе судна, была мела нашей швунтъ и, завернувъ, мы бросили якорь въ глубокой бухтѣ прикрытой утесами, шхерами и высокими мысами, круто спускающимися въ море. „Мѣсто хорошее“, говорилъ капитанъ, „да только дно северное — больно ужъ каменисто и теченіе очень сильно — нельзя рассчитывать на полную безопасность.“ Съ якорной стоянки виднѣлись на востокъ высокіе, крутые утесы Туфьорда, который со стороны Нордкапа глубоко вѣрзается въ островъ Магербе; на сѣверъ большіе скалистые острова Стапенъ, называемые также „Мать и дочери.“ На срединѣ главнаго острова поднимается крутою дугою лезвіеподобный горный хребетъ и, со

стороны бухты, дасть крутые склоны скудно одѣтые зеленью; а къ юрю высылають отвѣсныя стремнины. На концахъ хребта поднимаются еще два маленькіе конуса и сѣверный изъ нихъ, кажется, вовсе недоступенъ. Южный конусъ мы посѣтили позднѣе, во время охотничьей экскурсіи, кое-кто изъ насъ взбирался на самую вершину, но не нашелъ и слѣда китоваго скелета, о которомъ, по рассказамъ лапландцевъ, сообщали англійскіе писатели. Кто путешествуеть въ странахъ, гдѣ попадаются трудно доступныя мѣстности, тому почти всегда приходится слышать отъ туземцевъ диковинные рассказы, которые, если путешественникъ захочеть самолично удостовѣриться, оказываются мыльными пузырями. Мюнхгаузенъ произведеніе не одной Германіи; онъ живетъ подъ всѣми широтами, даже въ Норвегіи *).

*) Если не ошибаюсь, въ Тромзе жилъ прежде чиновникъ, переведенный теперь внутрь страны; кажется онъ не уступаетъ знаменитому барону или извѣстному въ великомъ герцогствѣ Гессенъ главному лѣсничему Фрелиху. „Когда я путешествовалъ по Лапландіи“, рассказываетъ чиновникъ, живущій еще въ памяти Тромзейцевъ, „я попалъ въ рой комаровъ, до того густой, что могъ въ немъ вывести палкой свое имя, изъ десяти буквъ и такъ отчетливо, что даже лапландцы, сопровождавшіе меня, и тѣ были въ состояніи хорошо прочесть его.“ „Правда“, воскликнулъ кто-то изъ слушателей, „потому что на другой день по пути въ Швецію, мнѣ пришлось быть на томъ же мѣстѣ и я видѣлъ еще имя въ комариномъ рое, очевидное доказательство, что чиновникъ проѣхалъ этой же дорогой нѣсколько прежде.“

Въ „путешествіи по Швеціи, Норвегіи и Финмаркамъ къ Нордкапу, лѣто 1820.“ А. де Кашель Бруоке, я нахожу подобную же Мюнхгаузену, которая приписывается достовѣрному доктору Хендервону, оставившему, неизвѣстную мнѣ, книгу объ Исландіи. „Вблизи Нордкапа“, рассказываетъ миссіонеръ, „крутые обрывы покрыты почти сплошною массою разныхъ морскихъ птицъ, за которыми охотятся стаи лисицъ. До начала экспедиціи лисицы на скалахъ дають примѣрную битву, чтобы узнать относительную силу каждой; узнавъ ее онѣ вереницей спускаются въ пропасть, держась зубами за хвосты въ такомъ порядкѣ, что слабѣйшая — первая въ ряду, спускается на дно пропасти, а сильнѣйшая — послѣдняя остается наверху и удерживаетъ всю цѣпь, пока первая не поймаетъ добычу. Тогда подается сигналъ, по которому послѣдняя лисица танетъ во всю мочь, а остальныя, упиравсь ногами, помогаютъ на сколько хватаетъ ихъ сила. Такъ странствуютъ онѣ по скаламъ, переходя съ одной на другую, пока не добудутъ нужной добычи.“—Родись въ Абдерѣ, я бы ученикъ образомъ извѣдалъ вопросъ — какъ можетъ первая лисица подавать условный сигналъ, когда зубами она держитъ чистика, ногами упирается въ скалу и собственный ея хвостъ въ зубахъ у ближайшей сосѣдки. Но для исторіи людскихъ выдумокъ, интересно, что грискейская сказка, въ которой прихотливо также сѣблняются для поднятія изъ колодца упавшаго колокола, пущена въ ходъ въ мѣстности, гдѣ нѣтъ ни одной лисицы, по увѣреніямъ туземцевъ да и самого Бруоке. Исте-

На пароходѣ вѣстѣ съ нами ѣхалъ Гьесфорскій купецъ, съ которымъ мы познакомились помимо рекомендательныхъ писемъ. При первомъ визитѣ онъ любезно одарилъ насъ яйцами адѣйныхъ птицъ (между прочимъ лебедиными) и мы условились отправиться въ экскурсію на Нордкапъ. Купецъ взялся доставить большую парусную лодку, четырехъ гребцовъ, въ томъ числѣ знатока, т. е. человѣка знающаго мѣстность, который бы провелъ насъ на Нордкапъ сухимъ путемъ. На веслахъ, разсказывали, мы пройдемъ неполную милю и съ пол-мили пройдемъ фьельдомъ на Нордкапъ. Наши карты не вполне согласовались съ такими показаніями; но мы охотѣе приписали вѣроятную погрѣшность географіи, а не туземцамъ. И однако же рѣшили взять съ собою нашу маленькую парусную лодку, захвативъ на нее, про всякій случай, съѣстныхъ припасовъ. Мы не забыли захватить и шампанскаго, которое должно быть роспито на Нордкапѣ. Отъѣздъ назначенъ въ 9 часовъ утра.

Мы напрасно ждали утромъ большую лодку. Уже Леопольдъ фонъ Бухъ жаловался на большую потерю времени отъ долгихъ сборовъ лапландцевъ и норманновъ. Съ нами кажется повторилась та же исторія. Часы пробили 10, а лодки нѣтъ какъ нѣтъ. По-

ресно и то, что норвежская сказка даетъ лисамъ больше смысла чѣмъ людямъ, такъ какъ въ ней нѣтъ диковиннаго конца грисхеймской сказки — гдѣ бургомистръ, стоя при колодецѣ, выпускаетъ живую цѣнь, праговаривая: „обождите маленько, а только пошлю на руки.“

Къ этой же категоріи относится повторяемый всѣми разсказъ о поимкѣ въ гнѣздахъ чистиковъ и тупиковъ. „Маленькія собаченки, такъ начинается сказка, приучены лазить въ норы, гдѣ птицы строятъ себѣ гнѣзда. Собаченка хватается въ норѣ первую попавшуюся птицу и изо всѣхъ силъ волочетъ ее къ выходу. Сидящая рядомъ хочетъ сласти товарку и вцѣпляется ей въ хвостъ; такимъ образомъ собаченка однимъ разомъ вытаскиваетъ птицъ 12-ть, вцѣпившихся въ хвосты другъ дружѣ и съ хозяиномъ убиваетъ ихъ палкой.“ На островѣ Лоппенѣ, гдѣ такая охота особенно въ ходу, и гдѣ мы пробывали трое сутокъ, единственными представителями *Canis familiaris* были большая дворняга и косматый пудель; а хотѣлось бы миѣ посмотреть, какъ лазаетъ собака по лоппенскимъ скаламъ, на которыхъ гнѣздятся чистики и тупики, не прибѣгая къ лисей уловкѣ. Въ Лоппенѣ, какъ и вездѣ, птицъ ловятъ сѣтями; яйца и птенцовъ отыскиваютъ какъ придется, но безъ собакъ — да отыскиваніе и не затруднительно. Если же маленькіе барсуки, которыхъ тамъ и слѣдъ обучаютъ для подобной охоты, и таскаютъ изъ норъ тупиковъ (морскихъ попугаевъ), то по одному; такъ какъ самка строитъ гнѣздо исключительно для себя и несетъ лишь одно яйцо.

лагая, что вышло какое нибудь недоразумѣніе, мы поплыли къ берегу. Оказывается, что условіе совершенно вѣрно; только люди рыбачили и поздно вернулись: имъ надо было поѣсть и т. д. Наконецъ въ 11 часовъ лодка причалила къ борту — на ней четыре гребца, которые довольно проворно работаютъ своими маленькими ложками (нельзя назвать веслами). Надо садиться — нѣтъ сидѣнья. Вѣроятно гребцы вообразили, что, по обычаю лапландцевъ, мы усядемся въ кружокъ на корточкахъ на досчатой настилкѣ возлѣ ахтерштевена *), и такъ пройдемъ мило. Надо было сладить сидѣнья изъ сундуковъ и досокъ, на что мы еще довольно потеряли драгоценнаго времени.

Готово! Капитанъ и Верна сѣли въ маленькую парусную лодку при двухъ гребцахъ; остальные стараются кое-какъ разиѣститься въ большой лодкѣ. Вѣтеръ противъ и мы должны лавировать къ Туфьорду.

Вначалѣ большая лодка значительно обогнала. Ее единственный, большой парусъ сильно надуло и четыре гребца работаютъ, что есть мочи, чтобы стать подъ вѣтеръ. Но скоро оказывается, что бланкенезская лодка, со своимъ треугольнымъ фоксѣйлемъ и косымъ главнымъ парусомъ, скорѣе становится подъ вѣтеръ и легче поворачивается неуклюжаго норвежскаго судна. Капитанъ скользитъ между шхеръ въ своей орѣховой скорлупѣ, а мы медленно огибаемъ ихъ съ навѣтренной стороны; когда же, при полномъ почти штилѣ, мы подплыли къ Туфьорду, капитанъ лавировалъ съ противоположной стороны подлѣ берега и правилъ къ бухтѣ, лежащей еще дальше той, къ которой надо было пристать. Въ концѣ концовъ не смотря на крикъ, который намъ пришлось проплыть, четверть часа спустя мы также причалили къ мѣсту.

Парусное преимущество маленькой лодки было, очевидно, постояннымъ предметомъ толковъ норвежскихъ гребцовъ. Они все посматривали на нее; когда вѣтеръ нѣсколько стихалъ, они налегали на весла, желая догнать и, съ замѣтнымъ удивленіемъ, слѣдили за всѣми ея маневрами. Но и насъ, несвѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ, поражали преимущества бланкенезскаго кораблестроенія.

*) Ахтерштевень—брусъ вшунченный стойкомъ въ кормовую оконечность кила судна и служащій основаніемъ кормы. .

Большому парусу норвежской лодки давали новое направление предварительно спустив его вовсе съ прежняго — что отнимало много времени, такъ какъ для этого нужно было передернуть вьздъ и впередъ и переменить нѣсколько веревокъ; а на маленькой лодкѣ паруса нитомъ перелетали по свистку; она держалась на нѣсколько румбовъ ближе къ вѣтру и потому могла удлинить и укорачивать свои зигзаги при лавировкѣ. „Норвежецъ“, объяснялъ намъ потомъ капитанъ, „имѣеть рѣшительное преимущество, когда вѣтеръ дуетъ вьздъ: у него большой парусъ и шлюсскій киль; но когда же бываетъ попутный кормовой вѣтеръ? Очень рѣдко! На картушкѣ *) 32 румба: мы можемъ держать на вѣтеръ 6 румбовъ; итакъ на 32 румба придется всего 12 румбовъ противнаго вѣтра и 20 попутнаго; но изъ нихъ только 3 румба будетъ кормовой вѣтеръ. Норвежецъ же можетъ держать на вѣтеръ никакъ не больше 10 румбовъ, стало быть у него 12 румбовъ попутнаго вѣтра и 20 противнаго. Это слишкомъ много, если сообразить, что даже мы имѣемъ противныхъ вѣтровъ больше попутныхъ. Удивительно, продолжалъ капитанъ, послѣ нѣкотораго раздумья, когда пресматриваешь дневники, веденные на корабляхъ, то почти на всѣхъ корабляхъ и во всѣхъ путешествіяхъ противный вѣтеръ дуетъ гораздо чаще попутнаго, а будь даже равномерное распредѣленіе вѣтровъ, то въ мѣсячномъ плаваніи пришлось бы 20 дней на попутный вѣтеръ. Хорошо, кабы такъ! Отчего это, господа?“

Конечно, мы не дали никакого разумнаго отвѣта на математическую загадку, заданную намъ капитаномъ; но зато, во время плаванія, мы очень забавлялись состязаніемъ лодокъ. Молодой норвежскій патриотъ, въ Тронхей, увѣрялъ насъ, что лодки его отличны — лучшія въ мірѣ парусныя судна, и что, наследованный отъ предковъ, парусъ, казавшійся намъ неуклюжимъ, — non plus ultra мореходнаго совершенства. Будто бы при попутномъ вѣтрѣ такая лодка не только обгоняетъ самый быстрый пароходъ, но, даже, наѣхавъ, пускаетъ его ко дну! Послѣ этого мы, конечно, никакъ не могли взять въ толкъ, къ чему норвежское правительство убило столь-

*) Картушка — кружокъ компаса, на которомъ начертано 32 румба (направленіе вѣтра).

ко денегъ на постройку и содержаніе париходовъ вдоль береговъ, и рѣшили промѣжъ себя называть лодки „тонителями и истребителями париходовъ“ и шута предостерегали капитана, когда онъ понадалъ въ фарватеръ такой лодки. Можно себѣ представить теперь, сколько веселья доставила намъ наша собственная поѣздка на тонитель, на которомъ мы, какъ раки, перенюзали Туфьордъ.

Причаливъ къ маленькой бухтѣ на восточномъ берегу фьорда, мы пустились дальше пѣшкомъ. Скалы, къ которымъ мы съ трудомъ пристали, и крутые берега состояли изъ темно-сѣрой, мелкозернистой, легко вывѣтривающейся горной породы, подъѣмъ пластовъ которой былъ на сѣверѣ; такъ что въ Туфьордѣ повсюду явно обнаруживается наклоненіе и стремленіе слоевъ къ югу. Мы бы не хотѣлось спорить о минералогическомъ составѣ этой горной породы, образующей всю массу Нордъ-Магере. Леопольдъ фонъ-Вухъ положительно говоритъ, что на сѣверъ отъ Гаммерфеста вовсе не понадается слюдястый сланецъ; но трудно доказать, что горная порода Туфьорда образована не изъ слюдястаго сланца и если кто нибудь назоветъ ее слюдястымъ песчанникомъ, то и его нельзя было бы опровергать. Составныя части этого темно-сѣраго, слюдястаго камня до того мелкозла и истерты, что въ нихъ, пожалуй, еще можно отличать слюду, кварцъ и полевой шпатъ, но ясно рассмотреть и различить ихъ нельзя. Но повсюду въ высшей степени отчетливо наслоеніе и расположеніе пластовъ массивнаго кровяно-краснаго гранита, который, въ известной степени, придаетъ скаламъ Туфьорда видъ, какъ если бы они были изъ лейкасоваго шифера съ залежами сплошной лейкасовой извести. Въ самомъ дѣлѣ это замѣчательное явленіе! Природа какъ бы хотѣла запечатлѣть, на крайнихъ сѣверныхъ страницахъ европейской каменной книги, опредѣленными штрихами метаморфозу горныхъ породъ. Конечно, эти горныя породы, перекристаллованныя до полнѣйшаго разрушенія первичнаго своего состава, вовсе не содержатъ въ себѣ окаменѣлостей, которыя указывали бы на ихъ размѣщеніе во времени; но, если кто разсматриваетъ эти скалы на такомъ разстояніи, откуда уже не замѣтно присутствіе окаменѣлостей, — для того очевидно, что нынѣшній кристаллическій сланецъ былъ нѣкогда мергелемъ или глинистымъ сланцемъ, содержащимъ окаменѣлости; а залежи гранита сплошною известью.

Во всякомъ случаѣ, разумный человѣкъ, въ виду такихъ непрерывныхъ залежей гранита въ сланцевой массѣ, не станетъ подтверждать вулканическаго происхожденія гранита, который, выдвинувшись изъ нѣдръ земли, приподнял наружные пласты земной коры. Нѣтъ! здѣсь гранитъ образовался непосредственно на мѣстѣ, постепеннымъ и медленнымъ превращеніемъ, метаморфозою первоначальныхъ пластовъ, воднаго происхожденія.

Мы медленно поднялись на верхъ крутой, конусообразной кучи, образованной большими глыбами; близъ нее, по стремистой ложбинѣ, къ бухтѣ шумно сбѣгаль ручеекъ. Старой береговой линіи, какія до сихъ поръ мы часто встрѣчали, не было и слѣда; а богатая растительность, покрывавшая холмъ мѣшала намъ изслѣдовать не стоимъ ли мы на ледниковой моренѣ. Холмъ былъ чѣмъ то вродѣ сѣвернаго березняка; мы съ трудомъ поднимались въ немъ. Крутой, но хорошо увлажненный, скатъ, на которомъ вывѣтрившіяся горныя породы образовали отличный черноземъ, пышно покрылся ползучею ивой, низкимъ березнякомъ, черникою и тому подобнымъ ползучимъ кустарникомъ; а между цвѣли голубой журавлиный горохъ, красная барская спѣсъ, бѣлые зобники и дорогой лапландцамъ дягиль (каждый, возвращающійся съ пасѣбы оленей, женихъ, мужъ или отецъ семейства приносить съ собой нѣсколько стеблей этого растенія, которое они жуютъ и сосутъ), вытянулъ стебель въ нѣсколько футовъ. Если бы береза или другое дерево могли расти въ этомъ климатѣ, мы вѣрно нашли бы его здѣсь. Но не было ничего похожего на дерево. Что только имѣеть многолѣтній стволъ стелется по землѣ, жметъ въ разсѣлины, подъ камни и только одни травянистые стебли, которые растутъ и сохнутъ въ одно короткое лѣто, смѣютъ подымать отъ земли свои макушки вверхъ, въ воздухъ.

Первое восхожденіе было затруднительно. Нога оступалась въ прикрытыя мхомъ и зеленью разсѣлины и трещины между камней; на уступъ повыше часто приходилось ползти на четверенькахъ. Впереди шагали два проводника, тяжело нагруженные съѣстнымъ и питьями; за ними торопились въ перегонку охотники: Верна и Герценъ, капитанъ и художникъ, тащившіи совершенно напрасно свой рисовальный альбомъ. Арріергардъ составляли Грессли и Фогтъ, удерживаемые сзади изслѣдованіемъ горныхъ породъ, рас-

тений, собственною тяжестью и начинающимся одеревяненіемъ старѣющихъ костей.

Мы взобрались на вершину фьельда, послѣ часоваго, тяжелаго подъема и, свободнѣе перевода духъ, двинулись впередъ по голтому каменистому кряжу. Почти на необозримое пространство во всѣ стороны равнины слались на подобіе слегка волнообразной плоской возвышенности; вывѣтрившіяся горныя породы распались на пироогообразные куски, которые лежали другъ возлѣ друга въ родѣ мостовой провинціального городка; только въ щеляхъ между камней, точно на позабытомъ дворѣ средневѣковаго замка, еле пробивались жалкая травка и скудный мохъ. Кое-гдѣ виднѣлись хребты, на подобіе рифовъ, съ выступавшими наружу неровно обломанными окраинами пластовъ или глыбами и пятнами ослѣпительной бѣлизны, которыя могли бы считаться снѣговыми или ледяными, если бы ихъ рѣзко ограниченная, остроугольная форма не давала яснаго понятія о большей твердости; а теплая погода не убѣждала бы въ невозможности сохраненія такихъ зимнихъ остатковъ. Это были массы окристаллованнаго кварца въ гнѣздахъ или пластами; онѣ лучше мягкаго сланца противостояли вывѣтриванію и торчали на равнинахъ краснорѣчивыми свидѣтелями ихъ разрушенія. Мы перешли нѣсколько такихъ кварцовыхъ мѣсть, которые, въ прямомъ направленіи, насколько хватаетъ глазъ, тянулись на фьельдѣ точно стѣны и казались на нѣсколько футъ надъ поверхностью почвы.

Эта мѣстность, сходная во многомъ съ пройденными уже нами фьельдами, на Доврѣ между Геркиндомъ и Снегеттаномъ, въ то же время и разнилась отъ нихъ. Тамъ, пустынные равнины прикрывались на футъ вышины оленьимъ и исландскимъ мхомъ, придававшимъ имъ бѣлый и сѣрно-желтый фонъ, по которому словно пятна на шкурѣ пантеры, пестрѣли глубокія топкія болота и темныя горнокаменныя породы бурой и черной окраски; здѣсь, все сѣро и сѣро; скудная растительность не осиливала общаго впечатлѣнія, какое производитъ обнаженная горнокаменная порода. Порою, тамъ можно было подумать, что находишься близъ вулкана, и что ровные потоки лавы покрыты вывѣтрившейся сѣрой и солями; тутъ — не зарождалось ни малѣйшее сомнѣніе о страшной борьбѣ, въ которой ужасы зимы, страшной своею продолжительностью, стали побѣдителями надъ уорабощенной растительностью.

Конечно, снѣгъ нигдѣ не попадался намъ на пути; но въ завалахъ боковаго провала еще сохранились остатки; множество пересохшихъ болотъ и маленькіе, полные пруды ясно показывали, что они только что образовались изъ таявшаго снѣга и можетъ быть обязаны своимъ происхожденіемъ единственно чрезвычайно благоприятной теплой погодѣ нынѣшняго лѣта.

Наши проводники, не смотря на тяжелый грузъ, бѣжали точно олени по площадямъ, на которыхъ уже послѣ мы замѣтили нѣсколько сланцевыхъ пластовъ, стоящихъ ребромъ, которые вмѣстѣ съ компасомъ служили имъ путеводною нитью. Сначала, ихъ можно было различить простымъ глазомъ, какъ силуэты на протянутомъ краѣ; но, разомъ, они пропали въ какой-то лощинѣ, скрывшей ихъ изъ нашихъ глазъ. Мы поспѣшили въ догонку; но, взобравшись на верхъ, увидѣли только пустынную площадь, сходную съ пройденной и безъ малѣйшаго признака, принятаго ими направленія. Тогда Гассельгорстъ крикнулъ кличъ тирольскихъ альпъ, уже давно принятый экипажемъ корабля въ число сигналовъ. Фогтъ крикнулъ всею силою своихъ парламентскихъ легкихъ и всѣ жадно ждали отзыва проводниковъ. Зукъ прокричалъ свое скучное тю-тю, и, на мгновеніе, было обманулъ насъ; затѣмъ все стихло. Вынули зрительную трубу и началось внимательное изслѣдованіе каждаго утеса, сколько нибудь похожаго на человѣка — ничего, ровно ничего. Не смотря на наше воспитаніе, мы стали ругаться, клясться, десять разъ мы осматривали вокругъ и наконецъ-то замѣтили нашихъ лапландцевъ, которые молчаливо сидѣли за большимъ камнемъ и видимо дивились нашей тревогѣ.

Снова пустились въ дорогу. Фогтъ и Герценъ впереди заняты разговоромъ; Берна и капитанъ идутъ по сторонамъ, жадно высматривая дичь; Грессли почти ползетъ по землѣ, собирая одинокихъ дѣтей угнетенной флоры. Гассельгорстъ, на этотъ разъ въ видѣ исключенія, въ арріергардѣ. „Око экспедиціи“, какъ зовутъ его послѣ охоты на орловъ:

Lässt verzuckt die Augen schweifen,
Gleich alb hätt'er was zu greifen
Auf dem öden Felsenpan *).

*) Судорожно поводитъ глазами, какъ будто есть что уловить на пустынной каменной равнинѣ.

Но смотрѣть нечего; портфель не развязывался до самаго возвращенія домой! Плоскость, да плоскіе камни — чѣмъ поживиться тутъ художнику? Вдругъ, что-то дрогнуло подъ ногами: это десять, двадцать, цѣлая стая тетеревей, почти подлѣ насъ. — А у нашихъ охотниковъ ружья еще на перевязяхъ; пока они собрались — тетерева скрылись въ ближайшей ложбинѣ. Бѣдовая пятница погналась за ними; напрасно Гассельгорстъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ посвятившій себя воспитанію заброшенной собаки, зоветъ ее назадъ крикомъ и бросая камни. Наконецъ, воспоминанія юности сдѣлали то, чего напрасно добивались руганью. Очевидно, собака нѣкогда употреблялась для сгонки овецъ; на насъ она смотритъ какъ на стадо, которымъ обязана руководить и потому съ небольшимъ тавканіемъ пустившись за тетеревами, она погналась потомъ за оставшимъ Грессли, а послѣ за обоими лапландцами, которыхъ опять не видать. Теперь только явилась возможность преслѣдовать тетеревей; ихъ обошли съ трехъ сторонъ; но они снялись и только въ догонку выпустили за ними напрасный зарядъ.

Но охотничья страсть проснулась и мы подвигаемся впередъ, часто уклоняясь отъ прямого пути. То справа, то слѣва манятъ зуйки и тетерева, и, частью теперь, частью на обратномъ пути въ якташи охотниковъ попало нѣсколько вкусныхъ жаркихъ. Порой дивисься живучести этихъ сѣверныхъ птицъ. Нечего и говорить о водяныхъ птицахъ, которыя не пропадаютъ для васъ навсегда въ морскихъ волнахъ, только смертельно ранены въ голову или шею; тетерева тоже падаютъ только въ предсмертной борьбѣ, да и тогда еще онѣ такъ хорошо прячутся между камней, что безъ собаки ихъ нельзя отыскать. Верна выстрѣлилъ по двумъ тетеревамъ, которые гордо полетѣли дальше. Мы полагали, что онѣ промахнулся — но, во ста шагахъ отъ мѣста, гдѣ они запали, подъ камнемъ лежалъ одинъ изъ нихъ мертвый; ему попало въ грудь, подъ крыломъ. Намъ удалось поймать одного птенца; его мать была убита; но остальныхъ птенцовъ, ихъ безъ сомнѣнія было нѣсколько, слѣдъ простылъ, хотя рѣшительно невозможно себя представить, гдѣ спрятаться на такомъ ровномъ мѣстѣ.

Охота едва ли замедлила скорость нашей ходьбы: изъ шести трое были безъ ружей, и чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ сильнѣе

они настаивали торопиться за бѣгущими лапландцами и приблизиться къ цѣли путешествія. Можетъ быть стремленію къ прямой дорогѣ много способствовало, что съѣстные припасы находились у лапландцевъ. Маленькій рассказъ Цшокке, въ которомъ рота идетъ не за капитаномъ, нападающимъ на непріятеля, а за провіантской повозкой и виннымъ боченкомъ маркитанки, конечно имѣеть человѣческую основу. А этой полумили нѣтъ конца! Вотъ уже три часа мы идемъ на порядочномъ солнцепекѣ. Горизонтъ моря поднимается все выше; при каждомъ слѣдующемъ возвышеніи намъ кажется, что оно будетъ и послѣднее; но за нимъ опять новый склонъ и новое возвышеніе, немного выше прежняго. Германія до сихъ поръ еще помнитъ миля, которыя мѣряла лисица и домѣряла своимъ хвостомъ; но разумнѣе лапландской мили почти такъ же непостижимо для обыкновеннаго человѣческаго ума, какъ и небесной мили. Десять разъ спрашивали у лапландцевъ: это Нордкапъ? и десять разъ они отвѣчали, „икке!“

Наконецъ, съ небольшого возвышенія мы увидѣли небольшую поперечную долину, на которой высилась широкая округленная вершина, съ двухъ сторонъ отвѣсными стѣнами входившая въ море. Налѣво и направо спускались такія же отвѣсныя стремнины и разсѣлины ихъ глубоко врѣзывались въ перешеекъ мыса. Глубоко внизу, въ маленькой бухтѣ бьется въ пѣну бурунъ. При этой бухтѣ, на восточной сторонѣ Нордкапа, скоро будетъ основано торговое мѣсто Сквансагъ. Вдали, длинной полосой въ Океанѣ, виднѣется выдающаяся стрѣлка и также отвѣсными стѣнами спускается въ море—это Нордкинъ, самая выдающаяся сѣверная оконечность материка; Нордкапъ—гдѣ мы стоимъ, не на материкѣ, а на островѣ Магере, да и на немъ, по мнѣнію географовъ, не по праву носить свое имя, такъ какъ ближайшая къ западу оконечность Книвскьероденъ выдается нѣсколько болѣе на сѣверъ. Судьба Нордкапа похожа на судьбу многихъ людей: онъ не крайняя оконечность сѣвера на островѣ Магере, и не крайняя оконечность материка и все-таки на немъ стоитъ сигнальный шестъ, на которомъ вырѣзаны имена и кто былъ въ Норвегіи и не всходилъ на Нордкапъ—былъ значить въ Римѣ да не видѣлъ Папы.

Скорѣй же на послѣднюю вершину! Насъ задерживаютъ, не надолго впрочемъ, тетерька, слегка перелетывающая впереди и

очевидно отводящая насъ отъ своихъ птенцовъ, да нѣсколько сливокъ, соблазнявшихъ насъ поохотиться за ними. Въ 5½ часовъ мы взошли на вершину, привѣтствовали сигнальный шестъ, окинули глазами горизонтъ; раскрыли мѣшокъ съ провизіей и сѣли въ кружокъ за веселый обѣдъ, для котораго Германія, Франція и Норвегія доставили твердыя, жидкія вещества. Оворотъ, итальянская колбаса, пиво, шампанское и аппетитъ, возбужденный четырехчасовымъ восхожденіемъ на страшную высоту — чего-же еще надо человѣку?

Видъ съ Капа величавъ, кажущимся безконечнымъ протяженіемъ плоскостей, славшихся передъ нами. Слишкомъ полъ кругозора захвачено моремъ; съ такой высоты его волненіе почти не-

замѣтно глазу и только гулъ буруновъ, долетающій на верхъ какъ шумъ отдаленной бури, даетъ намъ знать о сильномъ волненіи. На гладкой поверхности виднѣются какъ точки двѣ шкуны, которыя, по видимому, плывутъ изъ Архангельска въ Гаммерфестъ. Море, гдѣ вѣтеръ рябитъ воду, полосуеться, а гдѣ покойно — даетъ гладія какъ зеркало площади, отражающія облака, которыя, кажется, недвижно стали на небѣ. Мы едва смѣемъ подходить къ краю страшныхъ обрывовъ, зіяющихъ глубоко по сторонамъ. Острыя сланцевыя плиты, направляющіяся въ глубь, выставили вверхъ свои острые края и кажется невозможно, чтобы какая нибудь дорога снизу вела бы на высоту по этимъ навѣшимъ утесамъ и рифамъ. Поверхность же самаго Капа такъ

широка и округлена, что, едва отступивъ на безопасное разстояніе, видишь весьма немногіе близлежащіе мысы. На сѣверѣ необозримое море, а на югѣ необозримая каменная пустыня фьорда образуютъ безотрадную панораму, надъ которой нависло туманное небо.

Часть, проведенный нами на вершинѣ, прошелъ быстро и весело. Какъ ни проста была трепеза, а ѣлось вкусно. Къ счастью, наши лапландцы разбили только нѣсколько бутылокъ съ пивомъ, и пощадили бутылки благороднаго напитка, поставки Моетъ и Шандонъ. Въ заключеніе мы сняли съ каменнаго подножія шесть съ вырѣзанными именами заострили его верхушку, чтобы она могла войти въ горлышко шампанской бутылки, въ которую мы спрятали доскутовъ бумаги съ нашими именами, адресами и слѣдующимъ четверостишіемъ, оправданіемъ котораго могутъ служить развѣ альбомы гостинницъ на Вроккенъ или Гримзелъ:

Wer diesen Zettel uns wird bringen,
Dem sollen volle Gräser Klingen,
Und kömmt er gar zur Mittagszeit
Sseht ein Couvert für ihn bereit *).

Въ 6 часовъ мы пустились въ обратный путь. Лапландцы — ихъ ноша стала гораздо легче, хотя часть провизіи замѣнилась камнями, взятыми на память — снова исчезли въ незримой дали; но теперь мы сами могли ориентироваться, руководствуясь приподнятыми сланцевыми плитами и пріобрѣтеннымъ знаніемъ фьорда. Для послѣдняго спуска мы выбрали не крутой, наносный конусъ сегодняшняго утра, а обогнули нѣсколько южнѣ въ ложбину ручья и слѣдовали на сколько возможно по его большею частью роскошно поросшимъ наносамъ. Но хотя дорога шла все подъ гору — мы немного выиграли, потому что на плоскихъ возвышенностяхъ фьельда все равно въ какомъ направленіи вы идете: склоны такъ покаты, что ихъ крутизна уничтожаетъ всю выгоду, какую склонъ даетъ при схожденіи.

Въ половинѣ десятаго мы подходили къ лодкамъ, рассчитывая на попутный вѣтеръ, такъ-какъ утромъ мы лавировали про-

*) Кто принесетъ намъ эту записку, съ тѣмъ чокнемся мы полными стаканами, если же онъ попадетъ къ обѣду, то для него будетъ готовъ приборъ.

тивъ вѣтра; но вѣтеръ переиѣнился — такова была наша судьба, которую одинъ изъ матросовъ опредѣлялъ такъ: куда мы хотимъ оттуда и вѣтеръ. Маленькая лодка еще могла крейсировать; но нашъ „топитель“ скоро спустилъ свой единственный парусъ и совершилъ обратный путь на одиѣхъ веслахъ.

Это было не слишкомъ пріятно! Небо покрылось тучами, теплое солнце спряталось, холодный вѣтерокъ съ запада вѣялъ на насъ сыростью и туманомъ. Мы были разгорячены, даже мокры отъ усиленной ходьбы, которая утомила насъ тѣмъ болѣе, что мы долго оставались на кораблѣ и не дѣлали никакого движенія. Подъ конецъ, несмотря на мѣховое платье, которое мы предусмотрительно захватили про запасъ, холодъ пробралъ насъ и мы молча сидѣли или лежали на нашихъ мѣстахъ, покуривали сигары и мысленно вспоминали проведенный день.

Вдругъ что-то зашумѣло въ сторонѣ утесовъ Туфьорда, близъ красныхъ гранитныхъ пластовъ, о которыхъ замѣчено выше и которые, при яркомъ освѣщеніи, можно было различить даже съ корабля. Мы осматриваемся, глядимъ туда — тамъ катится, летитъ, прыгаетъ и низвергается съ выдавашагося утеса бѣшеный потокъ каменныхъ глыбъ! Высоко раздалось море при паденіи въ него, разомъ, въ сотняхъ мѣствъ, каменныхъ обломковъ! Большое облако пыли у основанія утесовъ взвилось вверхъ, закутало широкими клубами все мѣсто и медленно стелется по фіорду. Слѣдомъ раздается перекатное эхо, повторенное несчетное число разъ утесами и ущельями. Громадная масса вывѣтрившихся скалъ отдѣлилась отъ вершины и низверглась частію во фьордъ, а частію разсыпалась у самого края воды.

Впечатлѣніе было до того сильно, что даже наши гребцы перестали на минуту грести и прислушивались. Медленно разсѣялось облако пыли, еще разъ поднятое образовавшимся токомъ воздуха, закрывъ всю стѣну до самой вершины, по крайней мѣрѣ футъ 800 высоты. Вдругъ изъ этой пыли поднялся, давая величавые круги, орелъ; онъ нѣсколько времени парилъ надъ ней и потомъ скрылся изъ нашихъ глазъ. Быть можетъ, какъ его родственникъ въ „Скьерво“, онъ свилъ себѣ гнѣздо подъ нависшими утесами и оно упало съ орленкомъ въ бездонную пропасть и раздавлено громадами скалъ?

Навѣрное лавина снесла со скалы нѣсколько тысячъ тоннъ. На разстояніи двухъ часовъ пути по прямой линіи, мы еще видѣли груды развалинъ въ видѣ широкой, отвѣсной серебристо-сѣрой полосы, постепенно расширявшейся внизу; еще видѣлись нависшая вершина, подъ которой разбились громады и крутой холмъ, навороченный глыбами у подошвы.

И такъ, конецъ нашей поѣздки былъ счастливъ; мы видѣли живую картину разрушенія, которое подтачиваетъ эти вывѣтрившіяся скалы. Волны постоянно подымаютъ основаніе отвѣсныхъ скалъ; сверху вода проникаетъ въ щели и разсѣлины утесовъ, которые на первый взглядъ кажутся противятся вѣчности; а когда холодъ долгой зимы проникаетъ вмѣстѣ съ водою въ ихъ нутро и замораживаетъ ее тамъ—она клинообразно раскалываетъ трещины неотразимою силою расширенія, разрыхляетъ слои и, наконецъ, отскалываетъ громады, которыя тяжело падаютъ въ море. Тамъ ожидаетъ ихъ новая жизнь: въ нихъ выдѣряются морскія растенія и водоросли; кораллы, полипы, раковины и ракообразныя прикрѣпляются къ новопріобрѣтенной почвѣ; а истертая въ пыль глыбы образуютъ новые слои песку и тины и несутся вдаль морскими теченіями.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Гессеръ. Гаммерфестъ.

Мы хорошо сдѣлали не откладывая нашей поѣздки на Нордкапъ. Буря, предсказанная гребцами вечеромъ—въ день нашего возвращенія, разразилась на слѣдующее утро съ такою силою, что капитанъ бросилъ второй якорь; но и онъ некрѣпко вѣлся въ каменистое дно, и насъ непремѣнно бы стащило съ нашей щитной стоянки, если бы, къ счастью, вѣтеръ не принялъ направленія противнаго сильному теченію. Насъ постоянно кружило на мѣстѣ, но сносило очень немного; обнаженные скалистые острова кругомъ скрывались въ пѣнѣ и водяной пыли; а мачты двухъ русскихъ судовъ, стоящихъ передъ торговымъ мѣстечкомъ не въ такой защитѣ какъ мы, качало во всѣ стороны и, казалось, они грозили самому небу. Съ нашей палубы мы хорошо видѣли, какъ изъ открытаго моря, вздымаясь горой, набѣгали валы на шхеры и скалы, отдѣлявшія насъ отъ него; какъ перекачивались они черезъ дикій бурунь и вѣтеръ срывалъ ихъ верхушки и гналъ передъ собой точно бѣлое покрывало. Въ такой суровый и холодный августовскій день намъ было бы не слишкомъ пріятно въ открытомъ морѣ. Буря, не стихая, ревѣла до слѣдующаго утра; да въ добавокъ позднѣе палъ густой туманъ и полилъ дождь. Въ полдень термометръ показывалъ только $7\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла, такъ что наши утомленные тѣла охотно одѣлись въ теплое платье и терпѣливо сносили принужденный покой.

На другое утро наступилъ полнѣйшій штиль и мы рассчиты-вали, несмотря на сильное еще волненіе, причалить къ острову Штаппенъ и настрѣлять тамъ кое-какихъ птицъ. Мы снарядили двѣ лодки и послѣ многихъ трудовъ и тщетныхъ попытокъ, пристали-таки: одни — къ малымъ южнымъ утесамъ, другіе — къ большому сѣверному острову. Бурунь, въ ростъ человѣка, билъ у округ-ленныхъ, гранитныхъ скалъ, густо поросшихъ пузырчатой водо-рослью (*Fucus vesiculosus*). Чтобы выйти на берегъ, надо было выждать минуту, когда приподтянутую лодку волной прижметъ плотно къ скалѣ и тогда вскочить на уступъ и утвердиться на немъ. Рулевому, вооруженному громадной капитанской винтовкой, первому удался этотъ прыжокъ; а ставши разъ на уступъ, онъ могъ уже мощной рукой помочь остальнымъ, менѣ ловкимъ, во-браться на утесъ. Полагаясь на свою гимнастику, коммодоръ не захотѣлъ воспользоваться при скачкѣ протянутой рукой, поскольз-нулся на слизистыхъ водоросляхъ и мгновенно нашъ шефъ очу-тился по грудь въ водѣ, которая, по его увѣренію, была страшно холодна. Сейчасъ же втащили его въ лодку и самые сильные матросы свезли на корабль, гдѣ докторъ, предупреждая простуду, уложилъ его на два часа пропотѣть въ постели.

Мы же съ трудомъ пробрались по обнаженнымъ прибрежнымъ скаламъ, надѣясь найти доступъ къ вершинѣ. Надъ нами на вы-давшихся утесахъ сидѣло безчисленное множество воронъ, рису-ясь то прусскимъ орломъ, то, вытянувъ шею, наблюдая наши движенія, которая, казалось, ихъ мало беспокоили. Мы убили нѣсколькихъ скорѣе съ досады, чѣмъ изъ нужды; но даже и такое уменьшеніе ихъ числа заставляло ихъ только слегка при-подниматься и затѣмъ они тотчасъ же покойно садились на свои старыя мѣста. Матросы, бывшіе впереди, скоро нашли значитель-ное число гнѣздъ съ яйцами; къ сожалѣнію большая часть яицъ была разбита матросомъ, который упалъ съ ними на утесъ. Но что болѣе всего поразило насъ, такъ это множество разбитыхъ скорлупокъ морскихъ ежей, которыми нѣкоторые скалы были по-ложительно устланы до высоты ста и болѣе футъ. При видѣ этой скорлупы и повсюду разбросанныхъ рыбьихъ костей, наблю-датель, мало знакомый съ жизнью чаетъ, легко вывелъ бы за-ключеніе, что уровень моря незадолго еще стоялъ на такой зна-

чительной высотѣ, тогда какъ всѣ эти остатки занесены сюда только птицами.

Поднявшись повыше, мы вышли на террасу съ роскошнѣйшей травой и дерномъ, похожую на найденную нами въ Туфьордскомъ заливѣ. Гигантскіе стебли дягиля жѣстами смотрѣли настоящимъ кустарникомъ, почти въ ростъ человѣка; а въ густой зелени вездѣ сквозила свѣтло-красная ягода морошки. Еще утромъ мы замѣтили, что на островахъ, близъ стоянки, семья нашего купца была занята сборомъ этой ягоды, единственной на далекомъ сѣверѣ, но и теперь, какъ прежде, мы напрасно отыскивали въ ней что нибудь пріятное. Она не можетъ равняться ни нашей земляникѣ, ни малинѣ, и здѣсь наверху, на крайнемъ сѣверѣ, эта прекрасно окрашенная ягода лишена всякой сладости; на ея долю осталась только одна вяжущая горечь.

Наша охотничья добыча была невелика; пожалуй, даже равнялась нулю. Правда, горячіе охотники преслѣдовали нѣсколько сѣрыхъ чаетъ до вершины конусообразной скалы, которую туристъ Марье, поэтической писатель французской экспедиціи, слишкомъ восторженно называлъ обелискомъ; но, вообще, попадались самыя обыкновенныя породы, вовсе нестоившія такихъ усилій. Немногіе поморники внизу, у скалы отыскивавшіе червяковъ, и нырки, плававшіе на водѣ, были наши старые знакомые, которыхъ, перебравшись за полярный кругъ, мы привыкли встрѣчать вездѣ. Хотя намъ и называли Стаппенъ птичьей горой, но число пернатыхъ здѣсь нечего было и сравнивать съ тѣмъ множествомъ, какое мы видѣли на Лоппенѣ. Немножко разочарованные пустились мы въ обратный путь и вскорѣ благополучно прибыли на корабль.

На утро слѣдующаго дня мы надѣялись отплыть при слабомъ юго-западномъ вѣтрѣ. Купецъ сдѣлалъ намъ прощальный визитъ и подарилъ коллекцію яицъ, которыя въ его владѣніяхъ замѣняютъ куринныя и весной собираются на скалахъ цѣлыми бочками. Нашей командѣ предстояла тяжелая работа: четыре часа работала она въ потѣ лица, пока ей удалось, употребивъ всѣ усилія, поднять якорь. Буря такъ перепутала цѣпи, что оба якоря пришлось поднимать разомъ. Нѣсколько разъ приходилось на лодкѣ распутывать помощью кольевъ и багровъ узлы, которые

иѣшали дальѣйшему подъему якорей. Только что кончилась эта тяжелая работа, подняли паруса и вздернули прощальный флагъ, какъ и безъ того уже слабый вѣтерокъ совсѣмъ стихъ и опять штгль принудилъ насъ кинуть якорь.

Естественныяспытатели были довольны такой остановкой, такъ какъ они нашли себѣ занятіе. Доселѣ море давало только обыкновенныхъ медузъ, *Suapaeae capillatae* и гребневиковъ, и то въ небольшомъ количествѣ, но громаднхъ размѣровъ. Теперь же неожиданно вытащили тонкою сѣтью новый видъ колокольчиковыхъ медузъ и ракообразное, о которомъ, на сколько извѣстно, упоминалъ донныѣ одинъ Скоресби. Самые большіе экземпляры медузъ, въ удлиненномъ колокольчикѣ которыхъ привѣшенъ, въ видѣ язычка, длинный желудочекъ съ четырехъ-лопастнымъ ртомъ, имѣли, до раздутой пузырькомъ оконечности колокола, длину почти сантиметра и казались совершенно прозрачными и безцвѣтными. Изъ желудка выходятъ 8 сосудовъ по направленію къ щитку и, входя въ него, образуютъ маленькіе пузырьки, внутри въ которыхъ происходитъ быстрое мерцательное движеніе и очевидно въ нихъ вырабатываются элементы размноженія. Восемь безцвѣтныхъ, голыхъ вырѣзокъ на краяхъ соответствовали сосудамъ щита.

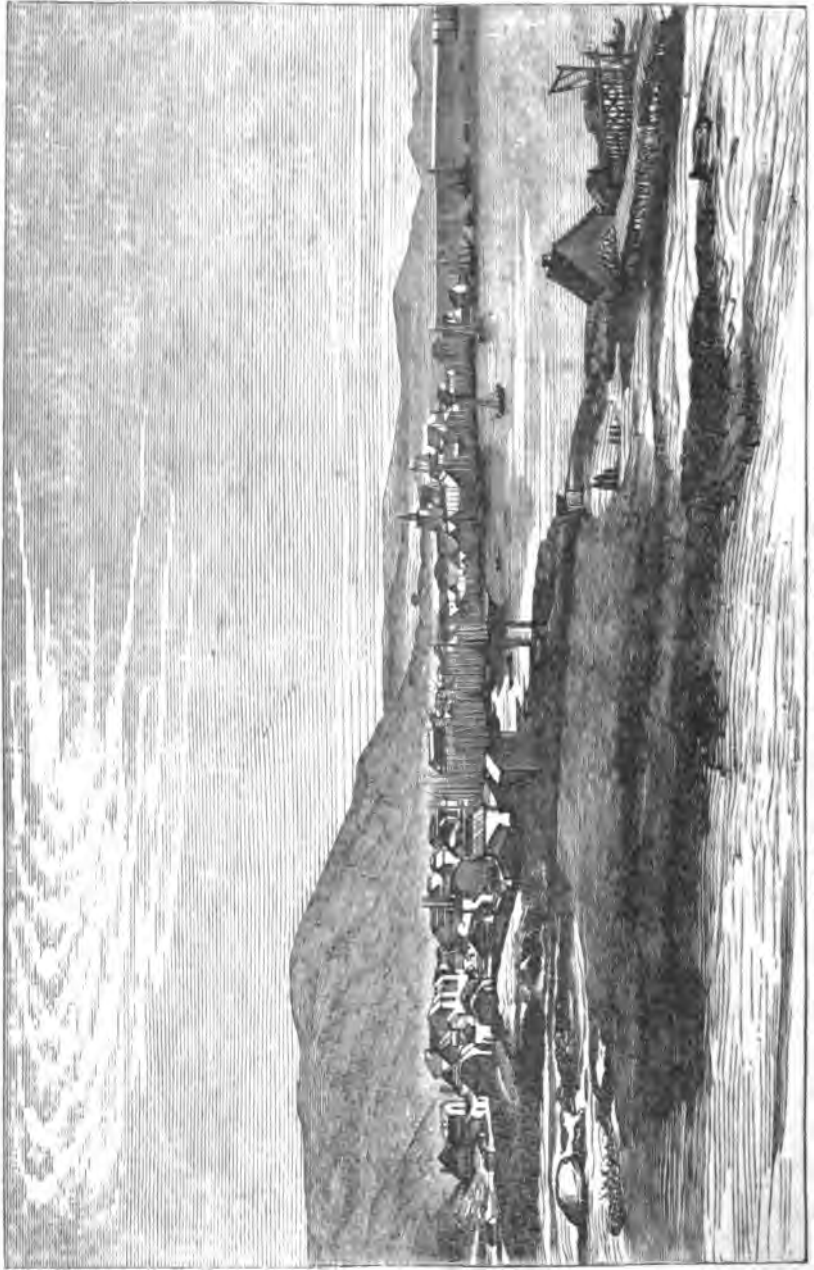
Гораздо интереснѣе было маленькое ракообразное, которое Скоресби довольно сходно, но весьма несовершенно, изобразилъ въ своихъ таблицахъ (табл. 16. рис. 15). Именно оно отличается двумя большими щупальцами, которыя гораздо длиннѣе всего тѣла и расположены горизонтально, такъ что маленькое животное представляется навѣшеннымъ на щупальцахъ, какъ на балахирномъ шестѣ. На лбу большой глазъ, темно-краснаго цвѣта; мѣстами тѣло покрыто прекрасными карминными пятнами, которыхъ особенно много при основаніи движущихъ органовъ и на спинѣ. Впрочемъ это маленькое, въ 3 миллиметра, животное до того стекло-прозрачно, что профессоръ могъ изучить довольно точно его внутреннее анатомическое строеніе; въ одномъ экземплярѣ онъ открылъ даже чужаядную глисту, которая медленно ворочалась въ брюшной полости. Скоресби называетъ это ракообразное прелестнымъ созданіемъ, и говорить что его вытащили сѣтью изъ глубины моря близъ Шпицбергена. Его движенія въ водѣ онъ назы-

ваетъ толчкообразными прыжками, а самое животное чрезвычайно живымъ. Это ракообразное — его описаніе не встрѣчалось намъ еще ни у одного естествоиспытателя — распространяется отъ Нордкапа до Шпицбергена, и, за одно уже, до Янъ Майена. Последнее предположеніе подтверждается тѣмъ, что въ зобѣ маленькой ггары, убитой близъ этого острова, мы нашли множество этихъ красивыхъ животныхъ, очевидно принесенныхъ матерью евоимъ птенцамъ.

Къ вечеру сдѣлалось хомодно, и спустился такой густой туманъ, что даже при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ, мы не рѣшились бы сняться съ якоря. Только утромъ часамъ къ 9-ти туманъ началъ рѣдѣть и съ палубы мы увидѣли странный феноменъ туманнаго вѣнца, который иногда видѣнъ на высокихъ горахъ. На противустоящей стѣнѣ тумана отбросилась фантастическая, гигантская тѣнь отъ нашего корабля съ людьми на палубѣ, окруженная свѣтлымъ радужнымъ кольцомъ. Но вотъ блеснуло солнце и свѣжій, сѣверо-восточный, попутный намъ вѣтеръ окончательно разогналъ туманъ; ртуть въ термометрѣ видимо подымалась и наконецъ-то мы могли сняться съ якоря и между шхеръ пуститься въ обратный путь въ Гамерфестъ.

Теперешняя наша поѣздка по фьордамъ была великолѣпна: яркое солнце, благотворное тепло, очаровательное освѣщеніе и рѣзкій помутный вѣтеръ прямо въ корму, несъ насъ по волнамъ съ быстротою парохода; а корабль крѣпко сидѣлъ, его очень мало качало. Мы взяли нѣсколько сѣвернѣе на Рольфсезундъ между Маазе и Хьельмзе, счастливо миновали его, и думали по широкому устью Квальзунда приплыть къ Гамерфесту. Но вотъ, вдали показалась длинная бѣлая полоса, похожая на прибой. Капитанъ струхнулъ, такъ какъ на картахъ въ этомъ мѣстѣ не значилось ни земли, ни подводныхъ скалъ — только одно чистое море; а тутъ даже простому глазу ясно видна бѣлая пѣна и подъ нею темное, бурное море. Подзорная трубка раздробила наконецъ эту полосу прибоа на тысячи чаекъ, которыя вблизи нѣсколькихъ рыбацкихъ лодокъ, совершенно покрывали море и такимъ образомъ двигались впередъ въ одномъ направленіи, что заднія постоянно перелетывали напередъ стаи. Мы поплыли прямо къ нимъ и увидѣли, что чайки преслѣдуютъ огромное стадо крупной трески,

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

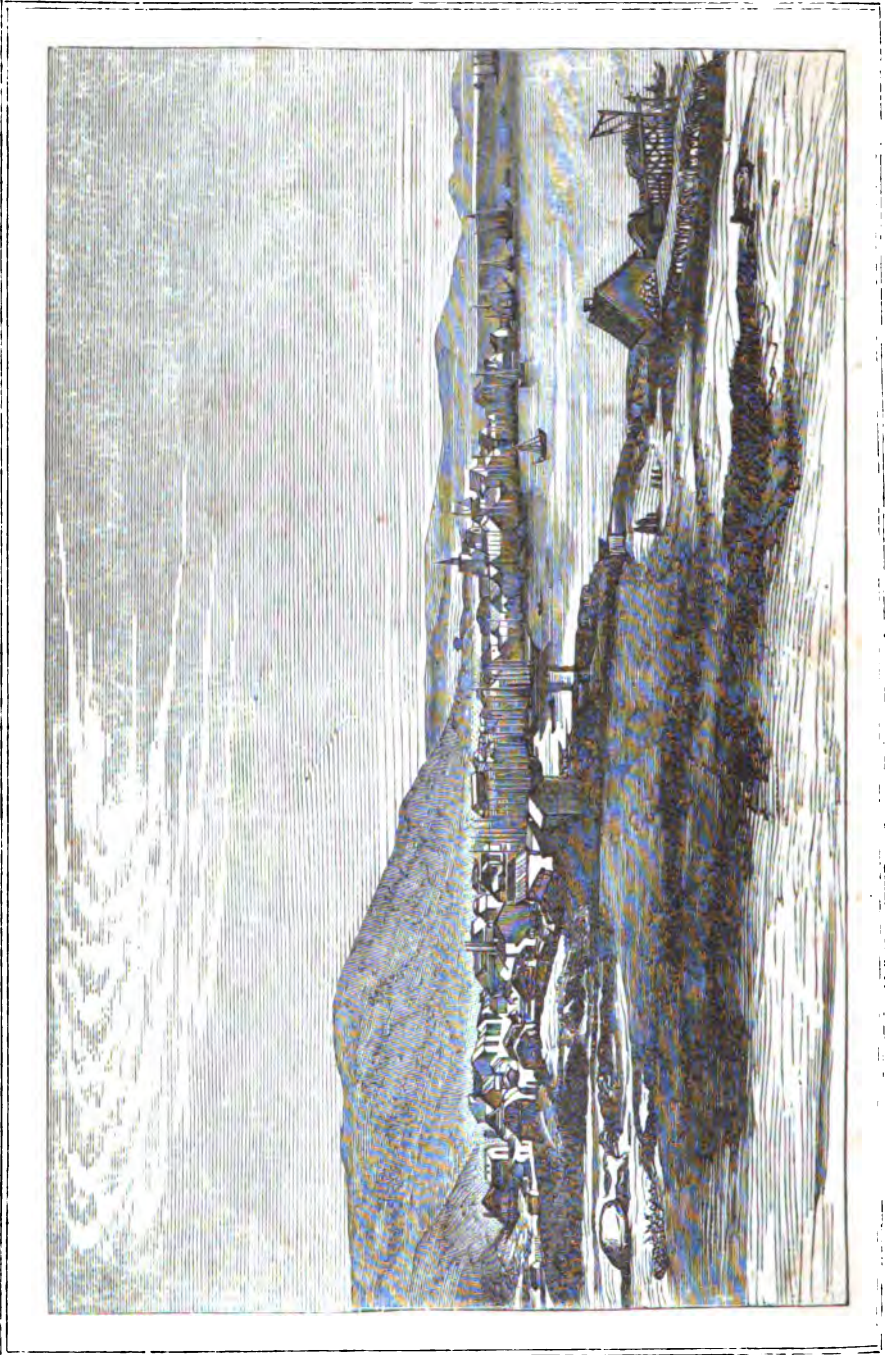
Yamat, Japan.

вѣроятно въ нѣсколько милліоновъ, такъ какъ на всемъ пространствѣ, которое хваталъ глазъ и подзорная труба, направо и налево, водная рябь обозначала присутствіе рыбы, которая до половины выбрасывалась изъ воды и плескала хвостами; а чайки съ крикомъ искали между нею болѣе мелкой добычи.

Попутный вѣтеръ дулъ до самаго вечера и мы были уже въ виду гавани Гаммерфеста. Затѣмъ снова наступило безвѣтріе, густой туманъ и проливной дождь, такъ что мы едва ли помощью зрѣнія, скорѣе чутьемъ пробирались между русскими кораблями къ бланкеневской шкутѣ, которая все еще занималась нагрузкой ворвани и рыбы. Однако отъ „Прекрасной Елены“, такъ называлась шкуна, — воняло страшно, и мы, поблагодарили судьбу, когда, послѣ кратковременной стоянки рядомъ, двинулось между нами русское судно съ мукою и нѣсколько разъединило капитановъ-земляковъ.

Только теперь у насъ нашлось время подробнѣе осмотрѣть Гаммерфестъ и его окрестности. Всѣ наши заказы мы предусмотрительно сдѣлали еще до поѣздки на Нордкапъ и назначили осемидневный срокъ для ихъ исполненія; но, по обычаю сѣверныхъ жителей, они мало безножились о срокѣ, твердо уповавъ, что наша экспедиція продлится, по крайней мѣрѣ, недѣли двѣ. Такимъ образомъ и господамъ и слугамъ вдоволь пришлось бѣгать и хлопотать; вся, какая нашлась, рабочая сила городка употреблена въ дѣло — пополняла наши запасы, сколачивала клѣтку медвѣдю и таскала на корабль множество предметовъ, которые частью пополняли нашу этнографическую коллекцію, частью обогащали наше собственное хозяйство. Скоро стало опасно ходить въ трюмъ, — до того онъ былъ переполненъ оленьими рогами, на которыхъ развѣшаны лапландская одежда, мѣшки съ гагачьимъ пухомъ и тому подобныя произведенія сѣверной промышленности. Особенно поваръ такъ тѣсно заставилъ рогами входъ въ свою койку, что было непонятно, какимъ образомъ онъ пробирался между острыми вѣтвями роговъ.

Кромѣ почетныхъ лицъ мѣстечка, которые, какъ и вездѣ, приняли насъ весьма любезно, страсть къ покупкамъ завела насъ въ лавочку стараго чудака, торговавшаго всевозможными вещами и, между прочимъ, старымъ платьемъ и тому подобнымъ хламомъ.

TAMMO, J. 1890.

Нашъ возматый увѣрялъ насъ, что онъ богатый человѣкъ, но живеть въ городѣ отшельникомъ, питается тухлой треской и водкой и вполнѣ обладаетъ тою страстью къ старью, которая характеризуетъ настоящаго антикварія. Мы вошли въ мрачный баракъ, гдѣ, скорчившись, сидѣлъ старикъ за какой-то чудовищной мебелью — выручкой, къ которой навѣрное прилипъ бы каждый, имѣвшій несчастье коснуться ея. На стоицѣ стояло нѣсколько водочныхъ стаканчиковъ; ихъ дно было покрыто толстымъ слоемъ пыли и грязи; старикъ нарочно давалъ ей накопляться, остроумно рассчитывая, что отъ нее уменьшается емкость стакана, а его барышъ на столько же увеличивается.

Комната была набита невѣроятнымъ хламомъ въ невѣроятномъ количествѣ. Очевидно старикъ скупалъ у всѣхъ моряковъ, побывавшихъ въ Гаммерфестѣ въ продолженіи полустолѣтія, весь хламъ, который ихъ хотѣлось сбыть. Русскіе сапоги, испанскіе лыковые башмаки, (Bastschuhe) итальянскія рыбацкія туфли, нѣмецкіе жилеты и лапландскіе комагеры, составляли пеструю грудю. Хлѣбъ, мука, ворвань, груды сала и жира, удочки, веревки, компасы, очки, фонари съ разбитыми стеклами, разными перчатки всѣхъ сортовъ и величинъ, все безпорядочно лежало въ кучѣ и безпрестанно раздавались удивленные возгласы кого-нибудь изъ насъ, когда мы находили какой-нибудь курьозъ. На эстрада, взойти на которую надо было по насѣсту для куръ, находились болѣе цѣнныя вещи магазина: иногда попадались чучела рѣдкихъ птицъ, но, къ несчастью, въ такомъ жалкомъ видѣ, что не годились для ученыхъ цѣлей; ласковныя, ильбовыя, куньи, выдровыя и рысьи шубы, до которыхъ нельзя было дотронуться, такъ поѣла ихъ моль; и наконецъ цѣлая коллекція лапландскихъ костюмовъ. Особенно выдавалось пальто изъ мягкаго серебристо-сѣраго оленьяго мѣха съ красной и синей оторочкой. Мы спросили о цѣнѣ; старикъ объявилъ, что онъ ни за что не продастъ пальто; и даже когда, по мнѣнію нашего проводника, мы давали вдвое, старикъ все-таки упорно стоялъ на своемъ. Онъ съ большимъ жаромъ увѣрялъ, что лапландская промышленность никогда еще не производила ничего болѣе совершеннаго и онъ твердо рѣшился послать его на парижскую выставку, вполнѣ увѣренный, что получить за него премію. Напрасно мы старались

убѣдить его, что парижской выставки уже давно нѣтъ и что, стало быть, онъ опоздалъ на нее со своимъ нарядомъ; но старикъ все думалъ, что это только уловка съ нашей стороны, чтобы побудить его продать свое сокровищѣ и больше прежняго увѣрился, что этою неоцѣненной вещью онъ составитъ когда нибудь свое счастье.

Насъ поразило, что фундаментъ лучшихъ домовъ въ Гаммерфестѣ сложенъ изъ особаго камня, болѣе похожаго на лаву, чѣмъ на камень въ окрестностяхъ Гаммерфеста. Разспросивъ подробности, мы узнали, что въ альтенфьордскихъ мѣдныхъ рудникахъ изъ негоднаго шлака льютъ четырехугольные кирпичи, ступени для лѣстницъ и дверные косяки и что этотъ матеріалъ сухостью и прочностью превосходитъ всѣ другіе камни. Впрочемъ, прибавляли, горное дѣло, не смотря на усердіе и умѣнье, не приноситъ выгоды, потому что топливо слишкомъ дорого и содержаніе рабочихъ и затруднительно и черезчуръ накладно. Нѣкоторые предполагали даже, что разработка рудниковъ скоро совсѣмъ прекратится, такъ какъ денежные средства истощились, а доходъ едва покрываетъ издержки производства. Такое положеніе дѣла всѣ считали несчастьемъ для края. Не говоря уже о томъ, что выигрывало образованное общество Гаммерфеста отъ обхожденія съ любезными директорами компаніи—для самого края это дѣло было настоящимъ благодѣяніемъ; благодаря разумнымъ распоряженіямъ и доброму примѣру англичанъ множество людей приучилось къ правильной дѣятельности и достигло нѣкотораго благосостоянія. Многіе заботливо подумывали о томъ, что станется съ множествомъ рабочихъ семей, которыя до сихъ поръ содержали себя работой въ Альтенфьордѣ и полагали даже, что правительство будетъ принуждено взять на себя разработку рудниковъ, чтобы и впредь давать средства къ существованію трудолюбивому и прилежному народонаселенію.

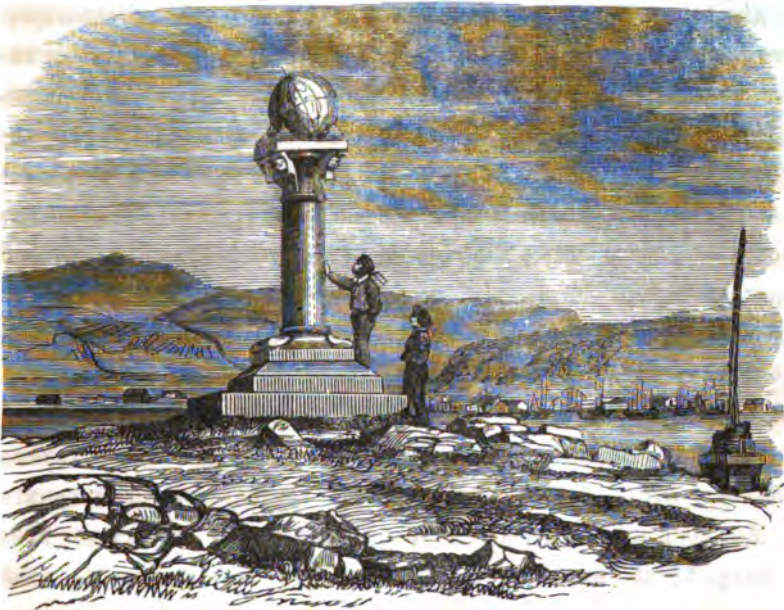
Еще прежде мы говорили о маленькомъ озерѣ, на сѣверо-востоку отъ Гаммерфеста, въ глубокой долинѣ у подошвы Тивефьелда, на берегу котораго мы провели въ домѣ нашего гостепріимнаго хозяина, купца Бергера, нѣсколько пріятныхъ вечеровъ. При вторичномъ посѣщеніи мы не замедлили осмотрѣть береговой валъ, отдѣлявшій это маленькое прѣсноводное озеро отъ моря и

который своею прямолинейною горизонтальною поверхностью и склонами обращает на себя вниманіе даже неспеціалистовъ. Безо всякаго сомнѣнія, весь этотъ валъ ясно очерченная конечная морена, надвинутая сюда глетчеромъ, который нѣкогда сползалъ съ сѣверной части горы по озерной долині въ самому морю. Мѣстами изъ подъ густаго дерна, которымъ покрылся валъ, торчатъ большія, угловатя глыбы твердаго гнейса, окруженныя пескомъ, щебнемъ и валунами, такъ что здѣсь налицо всѣ признаки, характеризующіе ледниковую морену. Такое строеніе замѣтно не только въ дугѣ, замыкающей долину, но и по сторонамъ тянутся по прямой линіи, груды каменьевъ, завершая такимъ образомъ очеркъ ледника, который выполнялъ нѣкогда эту долину.

Если спуститься въ углубленіе долины, гдѣ въ озеро круто сбѣгаетъ ручей, въ которомъ водятся отличныя форели, то сходство этой мѣстности съ Гринзелемъ дѣйствительно поразительно. Тѣ же голые, гладкіе, большею частью отшлифованные, скалистые обрывы съ бѣдною растительностью, мѣстами поросшіе травой—и на нихъ кое-гдѣ пасется овца или лошадь; то же мрачное озеро съ каменистымъ дномъ, раздѣленное, далеко ушедшею косою, на двѣ неравныя части и на его темной поверхности, какъ въ черномъ зеркалѣ, отражается окружающій ландшафтъ; тѣ же мрачныя ущелья откуда ползутъ густые клубы тумана, который медленно стелется по равнинѣ и разомъ превращаетъ лѣтнее тепло въ морозную осеннюю свѣжесть и тутъ также стоитъ гостепріимный домъ, въ деревянныхъ стѣнахъ котораго веселое общество не знаетъ грусти, наводимой этимъ мѣстомъ.

Мы осмотрѣли и маленькій полуостровъ Фугльнесъ, который передъ Гаммерфестомъ тянется узкой полосой въ море. На немъ, кромѣ дома англійскаго консула, маяка и развалившагося землянаго укрѣпленія съ нѣсколькими забытыми пушками, находится еще замѣчательный памятникъ, который свидѣтельствуетъ объ одномъ изъ величайшихъ подвиговъ человѣческаго ума въ нашемъ столѣтіи. На широкомъ четырехугольномъ пьедесталѣ съ тремя грубо высѣченными ступенями изъ краснаго финляндскаго гранита, стоитъ изъ того же гранита только гладко отшлифованная колонна, въ шесть футъ высоты, поддерживающая массивную бронзовую капитель, на изящной платформѣ которой покоится земной

шаръ. На колонѣ слѣдующая надпись, переведенная на другой сторонѣ по норвежски:

Terminus septentrionalis Arcus Meridiani 25° 20'
quem inde ab Oceano arctico ad fluvium Danubium usque
per Norvegiam, Sueciam et Rossiam
jussu et auspiciis Regis augustissimi
OSCARI I.

et Imperatorum augustissimorum
ALEXANDRI I. atque NICOLAI I.
annis MDCCCXVI ad MDCCCLII
continuo labore emenci sunt trium gentium geometrae.

Latitudo 70° 40' 11" 3" *.

*) Сѣверная граница дуги меридіана 25°20', измѣреннаго, отъ Арктическаго океана до рѣки Дуная, черезъ Норвегію, Швецію и Россію, повелѣніемъ и издвѣніемъ августѣйшаго короля Оскара I и Августѣйшихъ императоровъ Александра I и Николая I съ 1816 по 1852 годъ непрерывнымъ трудомъ астрономовъ трехъ поколѣній.

Широта 70° 40' 11" 3".

Это, какъ извѣстно, самый сѣверный конецъ величайшаго градуснаго измѣренія земли, какое когда-либо было предпринято. Главное управленіе всѣми работами было ввѣрено искусному Струве, директору Русской Императорской Пулковской обсерваторіи; всевозможныя пособія, какими только располагала механика новѣйшаго времени, были примѣнены самыми точнымъ и блестящимъ образомъ. Многіе годы на мѣстѣ колонны стоялъ домикъ, въ которомъ дѣлались астрономическія наблюденія, нужныя для градуснаго измѣренія. А нѣсколько раньше французская коммиссія выстроила обсерваторію въ Боссекопѣ, у Альтенфьорда, въ которой нѣкоторые члены экспедиціи, особенно несчастный Браве, дѣлали цѣлую зиму наблюденія и затѣмъ оставили важнѣйшіе инструменты директорамъ сосѣдняго завода для дальнѣйшихъ наблюденій; такимъ образомъ можно сказать, что въ астрономическомъ, географическомъ и климатическомъ отношеніяхъ едва ли есть страна столь хорошо извѣстная, какъ эта послѣдняя колонія норвежскаго Финнмариа.

Мы посѣтили маленькій домикъ, выстроенный на самомъ концѣ полуострова, въ которомъ во время длинныхъ, зимнихъ ночей поддерживается маячный огонь. Сторожъ, на котораго возложена эта обязанность, нѣсколько лѣтъ тому назадъ сильно пострадалъ на рыбной ловлѣ; его лодка была разбита бурей и онъ едва спасся на голой скалѣ, на которой провелъ нѣсколько холодныхъ, бурныхъ, зимнихъ дней, пока его не выручила другая рыбацья лодка. Несчастный отморозилъ себѣ руки и ноги и, если мы не ошибаемся, на одной рукѣ у него осталось всего 3 пальца, какъ бы для того, чтобы заправлять лампу и вести реестръ. Гринвичская обсерваторія разослала на многіе прибрежныя пункты Норвегіи барометры, термометры и другіе инструменты нужныя для климатическихъ наблюденій и вмѣстѣ съ тѣмъ таблицы, въ которыя заносятся результаты наблюденій. Мы были поражены умѣренностью зимы; холодъ вообще не превышалъ -10° по Реомюру, только въ особенно холодныя ночи онъ переступалъ за этотъ предѣлъ и разъ только упалъ до -12° по Реомюру. Итакъ не суровый холодъ дѣлаетъ зиму столь несносною въ этихъ прибрежныхъ мѣстахъ, а ея продолжительность, печальное, нахмуренное небо и почти двухмѣсячная ночь, которая даже въ полдень не позволяетъ тушить огонь въ домахъ.

Начальникъ католическихъ миссій на сѣверѣ, природный русскій, отпавшій отъ русской церкви и назначенный развѣ для того, чтобы остановить здѣсь всякое распространеніе католицизма, познакомилъ насъ въ Гаммерфестѣ съ шотландцемъ, путешествовавшимъ по странѣ съ цѣлью узнать, можно ли перенести въ Норвегію овцеводство, производимое имъ въ Кетнессѣ въ громадныхъ размѣрахъ. Мы нашли въ этомъ атлетѣ превосходнаго охотника, отличнаго стрѣлка, искуснаго сельскаго хозяина и веселаго собесѣдника, который вѣрно понималъ положеніе дѣла и ждалъ большихъ результатовъ отъ осуществленія своихъ плановъ. Вообще, въ Норвегіи, говорилъ онъ намъ, скотоводство стоитъ чрезвычайно низко; особенно же имъ совершенно пренебрегаютъ въ прибрежныхъ странахъ для рискованнаго, лоторейнаго рыбнаго промысла. О промышленномъ уходѣ за скотомъ норвежскій крестьянинъ не имѣетъ ровно никакого понятія; онъ возстаетъ съ невѣроятнымъ упрямствомъ противъ нововведеній на томъ основаніи, что его предки не знали ихъ. Мало того, что онъ упрямо придерживается старины, онъ не хочетъ и слышать о томъ, что можно заняться спеціально какимъ нибудь однимъ производствомъ: мясомъ, шерстью или молокомъ, и довести это производство до высокаго совершенства разведеніемъ породы и надлежащимъ уходомъ и на прочіе отрасли смотрѣть какъ на побочное дѣло. За овцой у нихъ собственно нѣтъ никакого ухода, а они хотятъ получать отъ нее и мясо и шерсть; и дѣйствительно получаютъ и то и другое, но въ весьма маломъ количествѣ и плохаго качества. Онъ говорилъ, что ведетъ теперь переговоры о покупкѣ, въ собственность, нѣсколькихъ большихъ острововъ у Мольдефьорда съ цѣлью завести на нихъ овцеводство въ большихъ размѣрахъ для лондонскаго мяснаго рынка. Единственное препятствіе составляютъ извѣстныя права, которыми пользуются рыбаки по берегамъ для устройства своихъ шалашей и сушенъ. Онъ этого ни за что не допустить, такъ какъ слѣдствіемъ станутъ побѣги его работниковъ овчаровъ, которыхъ рыбаки будутъ завлекать въ свое непроизводительное ремесло. Если же ему удастся эта покупка, то онъ покажетъ норвежцамъ, что значитъ настоящее овцеводство и, вѣроятно, примѣръ подѣйствуетъ сильнѣе всякихъ наставленій.

День нашего отъезда близился. Пятница, 9-е августа, былъ, можетъ быть, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дней, какихъ Гаммерфестъ не видѣлъ уже много лѣтъ. При совершенной тишинѣ, покойномъ морѣ и удушливой жарѣ небо обложило со всѣхъ сторонъ грозвыми тучами, но ни одна не поднялась въ зенитъ. Много разъ сверкала яркая молнія; но грому мы не слышали. Когда въ полночь мы взошли на корабль, мужественно выдержавъ двѣнадцатичасовой прощальный штурмъ сѣвернаго гостеприимства, термометръ показывалъ $+15^{\circ}$ по Реомюру. Такой погоды давно не стояло въ Гаммерфестѣ; уже въ Тромзе грозы бывають рѣдко, а за 70° сѣверной широты онѣ становятся исключительными явленіями. Еще на другой день въ воздухѣ чувствовался избытокъ электричества. Но свѣжій западный вѣтеръ позволилъ намъ въ 9 часовъ сняться съ якоря и вмѣстѣ съ „Прекрасной Еленой“, норвежской шкуной и нѣсколькими „тонителями“ мы проламинировали мимо острововъ Зере, между разныхъ подводныхъ камней и отмелей и вышли въ открытое море. Къ нашему большому удовольствію мы скоро перегнали всѣхъ нашихъ соперниковъ и уже надѣялись на особенно счастливое плаваніе, какъ вѣтеръ совершенно стихъ и гроза разразилась самымъ естественнымъ образомъ: громъ, молнія и дождь. Лопманъ оставилъ насъ въ полночь и направилъ свою маленькую лодку въ ближайшему берегу. Миновавъ подводные камни и мели, мы прямо поплыли къ Янъ-Майену и распростились съ норвежскимъ берегомъ.

Быть можетъ навсегда. Говоря откровенно и просто, навѣрное ни одному изъ насъ не взбредеть на умъ какимъ бы то ни было образомъ еще разъ побывать въ Норвегіи. Скорѣе въ насъ закралось чувство сожалѣнія, что мы столько времени убили на этотъ берегъ и сожалѣніе стало сильнѣе, когда мы ближе познакомились съ Исландіей и Янъ-Майеномъ. Мы разоведемъ здѣсь подробно наше мнѣніе; тѣмъ болѣе, что оно довольно сильно противорѣчитъ мнѣнію большинства туристовъ по Норвегіи.

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, будто-бы Норвегія, особенно для сѣверной половины Европы, скоро станетъ тѣмъ, чѣмъ уже издавна стали Швейцарія и Италия — сборнымъ мѣстомъ образованнаго люда, который на нѣсколько мѣсяцевъ стряхаетъ съ себя будничную жизнь, запасается новыми впечатлѣніями и

наслаждениями, любитъся прекрасными мѣстностями или интересными памятниками искусства и, дѣлая все это, не отказывается себѣ въ удобствахъ и удовольствіяхъ, къ которымъ привыкъ дома; словомъ, желаетъ красивыхъ, интересныхъ мѣстностей, хорошаго содержанія, хорошихъ дорогъ и хорошихъ гостиницъ. Всего этого или вовсе нѣтъ въ Норвегіи, или весьма плохо и при этомъ не нужно забывать, что большую часть всего этого даже невозможно создать.

Южная Норвегія образована громадными плоскогорьями раздѣленными другъ отъ друга глубокими долинами. Утомительно однообразно тянутся эти плоскогорья на безконечное пространство, не представляя никакого характернаго облика — что придаетъ странѣ что то мрачное, тоскливое; и это впечатлѣніе постепенно овладѣваетъ путешественникомъ, и ни откуда не является ему противуядія. Фьорды, озера, долины и рѣки извивающіяся въ нихъ, имѣютъ тотъ же однообразный, мрачный характеръ, который неизбежно являютъ двѣ почти отвѣсныя стѣны, безъ малѣйшей перемѣны въ своихъ скатахъ и горизонтальная плоскость, служащая имъ основой. Поднимешь на фьельды и террасы, гдѣ пасется рогатый скотъ, до самыхъ предѣловъ дикихъ оленей, — все тотъ же томительно-однообразный характеръ плоскости. Можно путешествовать нѣсколько дней пѣшкомъ или на лошади и глазъ не встрѣтитъ характерно образованной вершины, не отдохнетъ на истинно живописномъ видѣ. Въ гору поднимаешься такъ постепенно, что повышеніе едва замѣтно; глетчеры и снѣжныя поляны вмѣсто того, чтобы своими зубьями, иглами, пропастями и разсѣлинами внести какую нибудь жизнь въ мертвый хаосъ, покрываютъ мѣстность, точно холодный погребальный саванъ, на цѣлыя квадратныя мили безъ малѣйшаго разнообразія. Единственное развлеченіе доставляютъ опасности, которыя представляются, кое-гдѣ на пути, при спускахъ въ долины по отвѣснымъ крутизнамъ и точно такими же подъемами, на точно такія же верхнія террасы. Одни водопады въ долинахъ могутъ еще по временамъ привлекать вниманіе; и правда, только въ этомъ отношеніи, Норвегія можетъ смѣло стать въ рядъ со всѣми другими гористыми странами.

Мѣстами, гдѣ мы также побывали, террасы замѣняются другими строеніемъ, свойственнымъ Юрѣ, суровымъ Альпамъ и тому подобнымъ горнымъ краямъ: длинныя, свалистыя стѣны съ одной стороны круто обрываются; а съ другой спадаютъ въ долину однообразными скатами; неглубокія котловины, на которыхъ изъ трещинъ и намошенныхъ грудъ высунулись въ верхъ, точно языки, тощія кучи елей; глубокія поперечныя разсѣдины, изломы которыхъ съ величайшею точностью совпадаютъ между собою, словно кто слегка раздвинулъ треснувшіе пласты. Но вѣдь никому и въ голову не приходило путешествовать по очень интересной, въ научномъ отношеніи, Юрѣ съ другою цѣлью, кромѣ геологическаго изслѣдованія; для большинства—Юра, какъ предметъ поѣздки, всегда займетъ второстепенную роль. Конечно, на сѣверѣ, сцена мѣняется. Тамъ, за Лофоденскими островами, за полярнымъ кругомъ безъ сомнѣнія, собирались бы толпы путешественниковъ всякаго рода, будь страна гостепріимнѣе и путешествіе не такъ затруднительно. Но большинство туристовъ боится воды. И хотя находятъ катанье въ лодкѣ очаровательнымъ и иногда съ удовольствіемъ нѣсколько часовъ сряду ѣдутъ на быстромъ пароходѣ по спокойной водѣ тихаго озера; но сейчасъ же призадумаются когда дѣло коснется морской качки, которую придется терпѣть нѣсколько недѣль и предстоитъ испытать всѣ удовольствія морской болѣзни и тѣснаго заключенія въ узкой койкѣ. Тамъ, гдѣ всякое передвиженіе возможно только на весельной лодкѣ, если не хочешь выжидать обычныхъ рейсовъ парохода; гдѣ тихую воду и покойное море слѣдуетъ считать исключеніемъ и — естественнымъ сильное морское волненіе, противный вѣтеръ и высокіе буруны—тамъ, послѣ недолгаго опыта, путешествіе перестаетъ быть удовольствіемъ.

Мы упомянемъ еще о нѣкоторыхъ совершенно исключительныхъ несприятностяхъ, которыя также не говорятъ въ пользу Норвегіи. Всѣ горныя страны, какъ извѣстно, отличаются непостоянной, дождливой погодой. Но здѣсь—непостоянство погоды достигаетъ своего апогея. Рѣзкіе переходы отъ удушливаго зноя къ почти зимней стужѣ—нерѣдкость лѣтомъ, а туманъ и дождь — ежедневное явленіе. Кто путешествуетъ по Швейцаріи, тотъ хорошо сдѣлаетъ, если на три ясныхъ дня накинеть одинъ дождли-

вый; норвежскій туристъ долженъ составить обратную пропорцію. Прочтите описанія путешествій и, если вы обратите вниманіе на это обстоятельство, васъ удивитъ всегдашняя радость и восхищеніе, которыми привѣтствуютъ на горахъ тепло и солнце. Цѣлые дни ѣдешь и скачешь въ бурю, въ туманѣ, подъ дождемъ и градомъ и, несмотря на защиту каучука, промокшій, продрогшій отъ холода, подѣвжаешь къ скверному ночлегу, гдѣ еле добудешь, что поѣсть и другія житейскія потребности. Удивительны ли послѣ этого восторженныя привѣтствія выглянувшему солнцу?! Но и эта радость отравлена: изъ сѣдыхъ трясинъ, которыхъ много кругомъ, отъ стоячихъ водъ, и низкихъ вустарниковъ поднимаются комары и мошки, которые тучами мрачатъ воздухъ, безпощадно нападаютъ на животныхъ, людей и добираются до самой кожи своими кровожадными хоботками сквозь чулки, перчатки и газъ, такъ что приходится благодарить небо, когда оно снова поброется тучами и проливнымъ дождемъ прибѣтъ къ землѣ мучителей, отъ которыхъ нѣтъ спасенія даже ночью. Только близъ самаго берега можно рассчитывать на нѣкоторое уменьшеніе комаровъ, послѣ укуса которыхъ остается мучительное воспаленіе и зудъ на нѣсколько дней. Мы видѣли англичанъ, пріѣзжавшихъ въ Норвегію удить рыбу, на нихъ положительно не было лица, до того онѣ искусаны этими насѣкомыми!

Нечего и говорить, что гостиницы и постоялыя дворы въ Норвегіи нисколько не отвѣчаютъ требованіямъ, которыя вправѣ предъявить путешественникъ нынѣшняго времени. Станціи и постоялыя дворы, за очень немногими исключеніями, плохи во всѣхъ отношеніяхъ; часто небываетъ самаго необходимаго; а городскія гостиницы, по крайней мѣрѣ тѣ, въ которыхъ мы побывали, чрезмѣрно дороги по сравненію съ тѣми, что получаешь въ нихъ. Но васъ вовсе не обираютъ: за исключеніемъ лошадей, для которыхъ существуетъ еще давнишняя такса и рыбы, которой вездѣ множество, все другое, потребное путешественнику въ такой бѣдной и непродуцательной странѣ, какъ Норвегія, чрезмѣрно дорого, такъ какъ почти все привозится издалека. Въ важнѣйшихъ мѣстахъ и тамъ за деньги едва ли достанешь все, что нужно; и ко всему этому на васъ дѣйствуетъ чрезвычайно непріятно господствующая нечистота. Въ этомъ отношеніи въ Италіи и

на востокъ самое худшее, если придется гдѣнибудь зайти въ комнату для прѣзжихъ, во время сѣны лошадей. О морскомъ берегу нечего и говорить—ворвань, жиръ и сало составляютъ его необходимый жизненный элементъ.

Говорятъ, что всѣ эти бѣдствія почти устраняются хлѣбосольствомъ, на которое тѣмъ болѣе рассчитываешь, чѣмъ далѣе подвигаешься на сѣверъ. Мы пользовались этимъ гостеприимствомъ и мы расточаемъ ему всевозможныя похвалы. Принимаютъ съ полнымъ радушіемъ, угощаютъ, предлагаютъ свой кровъ—и, что въ другихъ странахъ говорится изъ приличія: будьте какъ дома, здѣсь чистая, совершенная правда. Но есть что-то гнетущее въ чувствѣ, съ которымъ принимаешь такія благодѣянія, особенно въ сознаніи, что не можешь воздать тѣмъ же; словомъ, чувствуется извѣстное стѣсненіе свободы, когда принужденъ пользоваться услугами, за которыя, говоря напрямикъ, не можешь заплатить. Въ гостиницѣ, я—полный хозяинъ, конечно за счетъ моего кошелька; пользуясь гостеприимствомъ, я, по необходимости, беру многое въ уваженіе, чему бы ни за что не подчинился въ другомъ мѣстѣ. Это какое-то первобытное состояніе, которое непригодно болѣе къ нашимъ правамъ, обычаямъ и отношеніямъ и вслѣдствіе этого неизбежно гнететь.

Въ нынѣшнее время внутри Норвегіи нужно путешествовать точно также, какъ за сто лѣтъ по Швейцаріи. Даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ поджидаютъ чужестранцевъ, и тамъ запасы чрезвычайно ничтожны и скоро истощаются. Горе путнику, не имѣющему съ собою припасовъ; горе тому, чей желудокъ на столько цивилизованъ, что не можетъ питаться однѣми лепешками и молочнымъ. Словомъ, лишенія перевѣшиваютъ удовольствія и, собственно туристы, не преслѣдующіе спеціальныхъ цѣлей, не помогутъ пережить къ лучшему.

Отъ насъ, можетъ быть, ждутъ какихъ-нибудь свѣдѣній о народѣ, о людяхъ, объ ихъ положеніи, о жизненномъ строѣ. Но мы искренне признаемся, что узнали слишкомъ мало, чтобы высказать какое бы то ни было сужденіе. Собственно съ народомъ мы, по свойству самого дѣла, слишкомъ мало соприкасались; не зная его языка, мы сообщались съ нимъ посредственно, а этого, конечно, было недостаточно. При томъ молчаливость и замкнутость—самыя

поразительныя характеристичныя черты этихъ сѣверныхъ жителей, — такъ что нужно долгое знакомство, нужно вполне освоиться съ языкомъ, нравами и обычаями, чтобы составить объ этихъ людяхъ правильное понятіе. А цивилизованный классъ, стоящій надъ низшими слоями, сталъ до того сходенъ вездѣ, что различается весьма мало въ разныхъ странахъ. Норвежцы, съ которыми намъ пришлось столкнуться, наиболѣе походили по языку, нравамъ и обычаямъ на сѣверныхъ германцевъ, съ которыми они по преимуществу сносятся. Это высокообразованные, обходительные, въ высшей степени вѣжливые люди, говорящіе часто на нѣсколькихъ языкахъ, закончившіе свое образование за границей и питающіе безграничную любовь къ своей родинѣ и ея свободной конституціи — можно ли быть гдѣ нибудь въ лучшемъ обществѣ?

КНИГА ВТОРАЯ.

ЯНЪ-МАЙЕНЪ.

Motto.

Nach der Insel von Ian Mayen,
Wo der Eisbär brummend steht;
Wo am Beerenberg vermessen
Blaue Fische Rösche fressen,
Holland stumm zu Grunde geht!

На островъ Янъ-Майенъ,
Гдѣ ворча стоитъ бѣлый медвѣдь;
Гдѣ голубыя лисицы у Бееренберга
Отважно ѣдятъ сиртаки
И безотвѣтно гибнетъ Голландія!

1871

ОДИНАДЦАТАЯ ГЛАВА.

Прибытіе и высадка.

Гроизъ и молнія проводили насъ, когда мы выплывали въ открытое море и мы сочли это явленіе, необыкновенное для широты, подъ которою лежитъ Гаммерфестъ, особенно благопріятнымъ предзнаменованіемъ неба. Достиженіе Янъ-Майена стало теперь для насъ дѣломъ чести и „Письма изъ подъ крайнихъ широтъ“ лорда Дuffersина, единственная книга, которая была у насъ на кораблѣ о мало извѣстномъ островѣ, переходила изъ рукъ въ руки; а шкуна между тѣмъ, при почти совершенномъ штилѣ, чрезвычайно медленно выплывала въ открытое море. Наше рѣшеніе, конечно, не совсѣмъ нравилось капитану. Онъ, пожалуй, съ удовольствіемъ посмотрѣлъ бы вблизи на Беренбергъ съ его ледниковымъ покровомъ, описаніе котораго мы прочли ему, или вступилъ бы въ битву съ бѣлымъ медвѣдемъ и для его привѣтствія онъ уже заряжалъ свою винтовку; но Янъ-Майенъ не упомянуть въ его страховомъ полицѣ, онъ не упомянуть въ числѣ застрахованныхъ мѣстъ путешествія и, при строгости страховыхъ компаній, капитанъ справедливо опасался, что ему не выплатятъ убытковъ, въ случаѣ крушенія шкуны у этого острова. „Вѣдь мы можемъ потерять нашъ корабль“, говорилъ онъ; „вѣдь на картѣ на немъ не обозначено ни одной якорной стоянки, и, если мы потребуемъ вознагражденія за убытки, намъ утрутъ носъ“. Мы объяснили нашему озабоченному другу, что, въ случаѣ потери корабля, безъ

сомнѣнія никто не останется въ живыхъ, и слѣдовательно некому потребовать вознагражденія: такое соображеніе, кажется, совершенно успокоило его и разсѣяло вполне всѣ сомнѣнія.

Сначала плаванье было не очень веселое. Только 12-го августа, въ понедѣльникъ, рано утромъ задулъ попутный вѣтеръ и въ нѣсколько часовъ скрылъ материкъ изъ нашихъ глазъ; но не долго дуло: вскорѣ началось сильное морское волненіе, пошелъ дождь, палъ туманъ и насъ непріятно качало. По крайней мѣрѣ, на слѣдующій день было яркое солнечное сіяніе и теплая погода, что, казалось, нравилось и Гибарамъ; они цѣлый день играли вокругъ корабля и особенно трое провожали насъ часа два, на разстояніи тысячи шаговъ. Хорошо было глядѣть, какъ въ опредѣленные промежутки времени всплывали они одинъ за другимъ, пускали вверхъ фонтаны, потомъ выставляли надъ поверхностью воды свои темныя спины и хвосты и затѣмъ опять опускались, но на такую глубину, что можно было ясно различать ихъ движенія по волнамъ, которыя они разводили на спокойной поверхности. Показались и буревѣстники (*Pterocellagia*)—обитатели открытаго моря, которыхъ до сихъ поръ намъ не доводилось видѣть. У нихъ толстыя, свиные головы, короткое тѣло и длинныя сѣрыя крылья. Видъ ихъ непріятенъ; они походятъ на извѣстныхъ ночныхъ бабочекъ, напр. сосеннаго шелкопряда; они постоянно носятся надъ волнами, почти у самой воды, ловко прорѣзываютъ водяные валы, въ гребнѣ которыхъ они преимущественно отыскиваютъ свою пищу, состоящую изъ маленькихъ рачковъ и съ ненасытною жадностью набрасываются на кусочки сала и хлѣба, которые мы бросали съ корабля. Говорятъ, они предвѣщаютъ бурю; наша же счастливая звѣзда пересилила и они принесли съ собою только хорошій сѣверо-восточный вѣтеръ, который гналъ шеуну на десять узловъ въ часъ. Нашъ корабль невыносимо качало, такъ какъ морское волненіе было въ бокъ. Мы уже подходили къ Янгъ-Майену. Китъ почти 20 фут. длины, (по его бѣлому брюху и бѣлымъ плавательнымъ перьямъ, мы признали въ немъ молодого гренландскаго кита) нѣсколько разъ вынырять изъ подъ корабля и такъ близко отъ киля, что мы дивились, не чувствуя никакого толчка.

Но стоит ли описывать плаванье, не представлявшее никакого особенного интереса! Бывало всякаго: и вѣтеръ попутный, и противный, и туманъ, и солнце; довольно неуклонно держались принятаго курса; въ полдень, когда солнце ярко свѣтило, опредѣляли широту и долготу мѣста; а еще — на сколько возможно сдерживали страстное желаніе, которое влекло насъ въ неизвѣстному острову. Конечно, возвышенныя чувства Робинзона, порою овладѣвавшіе нами, умѣрялись, по временамъ, вслѣдствіе сильнаго морскаго волненія и качки.

Выдержка изъ письма профессора.

Съ корабля „Іоакимъ Генрихъ“ 70° 29 с. шир. и 7° 30 в. д. отъ Гринвича. Понедѣльникъ, 19-е августа.

Нельзя сказать, чтобы поѣздка сѣвернымъ моремъ была пріятна. Вчера, въ воскресенье, цѣлый день полнѣйшій штиль; море гладкое какъ зеркало и темное, черноватое, какъ кровельный шиферъ и рѣшительно ни одного живаго существа на его поверхности, на которую точно пролили масло и вдобавокъ во всему сильное волненіе; море медленно вздымалось и опускалось, такъ что корабль страшно накренивало и за завтракомъ намъ было трудно спастись чашки и стаканы, которые ежеминутно сползали со стола. Въ началѣ хоть было на что смотрѣть: падъ моремъ носилось множество буревѣстниковъ и они летали такъ близко, что мы, давъ нѣсколько промаховъ, убили троихъ. Но потомъ туманъ обволокъ насъ, сталъ гуще и тяжелѣ; съ парусовъ капало, какъ при сильномъ дождѣ; все было сыро, мокро, холодно, непріятно и во ста шагахъ нельзя было ничего разглядѣть. Точь въ точь декабрскій туманъ въ Женевѣ, когда съ одного моста не видать фонарей на другомъ; холодно: + 6° по Реомюру. Но мы были довольны и веселы надѣясь, что туманъ скоро уляжется: намъ просто казалась невозможна продолжительность такихъ густыхъ паровъ. Вечеромъ потянуло свѣжимъ сѣверозападнымъ вѣтромъ и это еще болѣе обнадежило насъ. Шкуну держали прямо на островъ Янгъ-Майенъ, лежащій почти у полярныхъ льдовъ и до котораго, по нашимъ соображеніямъ, не болѣе десяти нѣмецкихъ миль.

Конечно, это опредѣленіе, я уже говорилъ тебѣ въ прежнихъ письмѣхъ, чрезвычайно затруднительно, если не видишь солнца и горизонта для опредѣленія въ полдень широты, а въ 3 часа дня долготы. Если же плывешь въ туманѣ, то черезъ день лучшей морякъ не можетъ поручиться за разницу въ нѣсколько миль; и когда находишься по близости льда или твердой земли, какъ теперь было съ нами безъ всякаго сомнѣнія, то осторожность — первое дѣло. Плывъ вчера до полуночи при свѣжѣмъ усиливающимся вѣтрѣ и все на сѣверозападъ, вполночь капитанъ сошелъ внизъ и объявилъ намъ, что теперь, когда къ туману присоединилась ночь и рѣшительно ничего не видно (при облачномъ небѣ ночь начинается въ 10 часовъ и продолжается до 2), онъ не двинется дальше, а обождетъ утра. Мы не знаемъ, гдѣ именно находится шкуна и лучше потерять нѣсколько часовъ нежели толкнуться объ ледъ или о берегъ. — Мы рѣшили, подойти какъ можно ближе ко льду или къ острову, но, во всякомъ случаѣ, не подвергаться риску, а тотчасъ же вернуться, какъ только будетъ не совсѣмъ безонасно.

Сегодня утромъ, хотя небо покрыто сѣросвинцовыми, низкими тучами, но туманъ поднялся вверхъ, такъ что, по увѣренію капитана, на разстояніи 6 миль можно ясно видѣть высокій, почти въ 7000 футъ, Бееренбергъ на Янъ-Майенѣ; на разстояніи 2 мили корабль и на разстояніи 1 мили ледъ и плоскій берегъ. Этого достаточно, чтобы маневрировать кораблемъ сколько дунѣтъ угодно; и потому въ 5 часовъ подняли всѣ паруса, сняли запретъ и скоро понеслись на сѣверъ — туда, гдѣ долженъ показаться Янъ-Майенъ. Но вотъ 11 часовъ, и еще ничего не показывается кромѣ тупиковъ, которые на своихъ короткихъ крыльяхъ вообще не далеко летятъ отъ берега и, такимъ образомъ, даютъ знать, что неподалеку земля. Мы сидимъ въ своей хорошо натопленной каютѣ, чертимъ, рисуемъ, пишемъ и по временамъ кто-нибудь изъ насъ поднимается на верхъ и обозрѣваетъ шиферно-сѣрый океанъ — не покажется ли гдѣ земля. Становится холоднѣе; термометръ Реомюра показываетъ въ воздухѣ и водѣ только 4°; и такъ со вчерашняго дня похолодало на 2 градуса. Во всякомъ случаѣ это доказываетъ близость льда, хотя можетъ быть и на разстояніи нѣсколькихъ миль; такъ какъ еще не замѣтно того яркаго блеска, который отражаетъ ледъ на горизонтѣ на раз-

стояніи нѣсколькихъ миль, прежде чѣмъ увидишь его. Мы, конечно, полагаемся не на одни эти признаки, а дѣлаемъ и другія наблюденія, которыя должны разъяснить намъ въ чемъ дѣло. Вѣдь вода и воздухъ становятся холоднѣе вблизи льда — и мы наблюдаемъ ежеминутно термометръ, повѣшенный на палубѣ и онъ дѣйствительно падаетъ противу утреннихъ показаній, тогда какъ ему слѣдовало бы подниматься при приближеніи полудня. Кромѣ того, регулярно каждые 4 часа, иногда и чаще, мы черпаемъ морскую воду, опускаемъ въ нее термометръ и его пониженіе доказываетъ усиливающийся холодъ и, слѣдовательно, близость льда.

Уже 4 пополудни. Наконецъ-то! Когда мы въ половинѣ третьяго сидѣли за обѣдомъ, капитанъ закричалъ: „Литъ-Майентъ! Скорѣй!“ Мы бросились сломя голову на палубу; передніе еще видятъ высоко въ небѣ громадную снѣжную вершину въ разступившемся туманѣ, заднимъ ничего не видно. Нѣсколько минутъ спустя еще разъ показалась восо поднятая снѣжная линія съ немногими хребтами скалъ, похожихъ на лѣвнй склонъ монаха, когда смотришь на него съ Интерлакена, — потомъ опять все покрылось мрачнымъ туманомъ. Нашего погода, со стороны моря порвалась немного завѣса и, на разстояніи одной мили, показался длинный, темный берегъ, о который мѣстами высоко разбивается прибой въ колоссальныя фонтаны; виднѣются глетчеры, сползшіе къ самому морю и въ туманѣ похожіе на громадные каскады. Мы насчитали три: одинъ большой, пожалуй — съ глетчеръ верхняго Гриддельвальда, и нѣсколько меньшихъ — точно небольшіе ручьи. Но виднѣтъ только небольшой, невысокій отрѣзокъ надъ водою, только подонива горы; все остальное, повыше, густо закутано туманомъ. Сію минуту — когда я пишу это — въ прорвѣ тумана показалось третье представленіе крайнихъ вершинъ и яснѣе чѣмъ прежде, но оно скользнуло такъ же быстро, какъ тѣнь въ камерѣ-обскурѣ. Это колоссальный хребетъ! слѣва, на югъ, широкая вершина покрыта снѣгомъ и похожа на монаха; за нею нѣсколько болѣе низкихъ вершинъ, на которыхъ, какъ на Эбенентъ-Флу, снѣгъ нависъ кровлю; дальне опять высокая вершина, которая по формѣ, величинѣ и чудному блеску совершенно напоминаетъ Серебряный Рогъ (Зильбергорнъ) Юнгфрау; за нею — еще переваль и мрачный снѣжный утѣсъ, круто обрывающійся въ море. Закутанная въ непро-

глядный туманъ, который прорвался только въ этомъ мѣстѣ, мрачное море у подошвы, эта гора была гораздо поразительнѣе и величавѣе Юнгфрау Интерлакена. Этотъ хребетъ походилъ на все трио — Монаха, Эйгеръ и Юнгфрау, если смотрѣть на нихъ съ Венгервальдъ. Можетъ быть ты помнишь видъ, который представился намъ рано утромъ, когда еще туманъ застилалъ подошву! Здѣсь такая же потрясающая картина, если даже не болѣе, такъ какъ здѣсь нѣтъ передняго грунта и только туманъ, сѣрыя тучи, темное, шифрное море да нѣсколько морскихъ птицъ, дають рамку этой картинѣ.

Врядъ ли можно выразить наше восхищеніе, еще менѣе восторгъ нашего капитана, котораго мы осыпали похвалами, такъ какъ онъ, не смотря на многодневный туманъ, не смотря на частую перемену курса, такъ вѣрно опредѣлялъ гдѣ мы были. Онъ прыгалъ на палубѣ, попалъ въ чайъ съ водой и былъ веселъ какъ дитя, нашедшее потерянный мячикъ.... „Теперь все хорошо“, кричалъ онъ, „теперь мы знаемъ, гдѣ онъ, и возлѣ него нѣтъ льда, потому что видны буруны у обнаженнаго берега! Да и высота долженъ быть онъ! Я видѣлъ Этну, та гораздо меньше! Какъ вы сказали его высота? 6870 футъ? Онъ по крайней мѣрѣ въ 14,000 футъ! Но я на него не пользую!“

Мы мирно согласились съ нимъ; и такъ какъ берегъ совершенно свободенъ и на горизонтѣ нигдѣ не видно льда, то мы рѣшили обождать до завтра, не прояснится-ли. И если такъ, то мы направимся къ западной части острова, — гдѣ хорошая якорная стоянка, которая, конечно, можетъ быть разъ въ двадцать лѣтъ, бываетъ чиста ото льда какъ сегодня, — и попробуемъ выйти на берегъ и изслѣдовать островъ. Если же будетъ пасмурно, то мы обождемъ здѣсь въ полной безопасности день или два, и поплывемъ къ Исландіи, хотя и не вполне удовлетворенные, но все же довольные тѣмъ, что видѣли. До Исландіи мы доплывемъ, не выдавъ льду — потому что здѣсь, гдѣ мы теперь, лордъ Дуфферинъ и принцъ Наполеонъ нашли такой ледъ, что послѣдній воротился назадъ, а лордъ Дуфферинъ съ большимъ трудомъ пробился во льду. Исландецъ Зимзенъ, съ которымъ я бесѣдовалъ въ Гамбургѣ, былъ правъ, говоря мнѣ, что нынѣшнее лѣто чрезвычайно благоприятно для путешествія въ Исландію.

Если ты сравнишь то, что я тебѣ пишу, съ „Письмами изъ подъ крайнихъ широтъ“ лорда Дюфферина, то тебѣ, пожалуй, покажется, что мы у него списали туманное явленіе Янгъ-Майена; но мы его видѣли точно такимъ же какъ и лордъ, съ тою разницею, что формы горъ показались намъ нѣсколько несходными съ его описаніемъ, да у насъ вовсе не упоминается о льдѣ, который онъ видѣлъ въ громадныхъ массахъ. Какъ кажется, Янгъ-Майонъ специально занимается представленіемъ такихъ туманныхъ картинъ; мы, по крайней мѣрѣ, признаемъ за нимъ эту спеціальность *).

Среда, 21-е Утро. Вчера, въ полчаса третьяго на разсвѣтѣ насъ разбудилъ капитанъ. Было страшно холодно, только $+2,5^{\circ}$ по Реомюру, но видъ очаровательный. На юго-западѣ заходила полная луна, на сѣверовостокѣ заря предвѣщала скорый восходъ солнца; а между, почти въ $1\frac{1}{2}$ миляхъ отъ насъ, громадная гора. Свѣтло, ясно, небо безоблачно и туманъ оставилъ по себѣ нѣсколько полосъ, которыя скоро пропали. Гора колоссальна какъ Этна, но поражаетъ сильнѣе, потому что ея основаніе не такъ широко и ея бока круче. То, что мы приняли вчера за отдѣльныя вершины, оказалось полуокруглымъ вѣнцомъ кратера, который весь покрытъ громаднымъ количествомъ снѣга и вырѣзанъ зубьями, между которыми вьются книзу глубокія трещины. Что существуетъ внутреннее отверстіе, вѣроятно кратеръ засыпанный снѣгомъ, можно заключить потому, что изъ за полуокруглаго вѣнца поднимается зубецъ, обращенный къ намъ своею отвѣсною, черною стороною, тогда какъ противоположная его сторона покрыта снѣгомъ. Мы видимъ теперь новые глетчеры, которые идутъ сверху и спускаются въ море, которое постоянно сосетъ ихъ; глетчеры также страшно круты и изорваны какъ самыя дикіе швейцарскіе ледники и не можетъ быть даже рѣчи о томъ, чтобы взойти на нихъ; тѣмъ болѣе, что они падаютъ въ море совершенно отвѣсными уступами въ 1000 фут. высоты. Многіе глетчеры совершенно засыпаны валунами, пескомъ, каменными глыбами и золой; другіе нѣсколько свѣтлѣе, но нѣтъ ни одного

*) Скоресби увидѣлъ этотъ островъ точно такимъ-же.

совѣсь чистаго, хотя всё они почти до основанія покрыты снѣ-
гомъ. Они спускаются по днѣмъ ущельямъ, которыя прорыты въ
высокихъ отвѣсныхъ скалахъ. У верхушки горы эти скалы обра-
зуютъ заостренныя, нависшія ребра, ясно указывая на свое прои-
схожденіе изъ слоевъ лавы. Отъ нихъ внизъ, къ морю, идутъ
отвѣсные уступы съ кажущимся горизонтальнымъ наслоеніемъ, е
которыя бьются бурунь и брызжетъ высокимъ фонтаномъ. Средняя
часть горы занята большимъ ледниковымъ полемъ, которое только
мѣстами порвано каменными ребрами и откуда берутъ начало всё
глетчеры.

Ты легко себя представишь, что мы, всё до одного, рисовали
по крайней мѣрѣ часа два сряду, не смотря на рѣзкій холодъ,
и только иногда спускались въ капитанскую каюту погрѣть себя
руки у печурки, а желудокъ — чернымъ кофе и коньякомъ. Солн-
це взошло — и прямо противъ насъ дивно заблестала вся восточ-
ная сторона горы.

Отдохнувъ часа два, мы попробовали причалить къ берегу. Боль-
шая лодка, при четырехъ гребцахъ, съ капитаномъ и со всеми нами
отчалила къ берегу. Остался одинъ Гассельгорстъ. Гребутъ часть,
а берегъ кажется все также далеко. Буревѣстниковъ несмѣтное
число и они до того дерзки, что почти сбиваютъ шапки съ на-
шихъ головъ. Наконецъ, послѣ двухъ часовъ, мы у берега. Плот-
ные, сѣрые пласты лавы выдаются уступами на подобіе лѣстницы
и отвѣсно падаютъ въ море; между ними вывѣтрившіяся, раздро-
бившіяся, истертныя горныя породы, здѣсь — цвѣта киновари или кро-
ви, тамъ — сѣрножелтыя или зеленоватыя, тамъ опять темночерныя
и земляныя, усаженны, на подобіе Лоппенскихъ, несмѣтными стали
морскихъ птицъ (исключительно буревѣстниками); страшные зубцы
скалъ, которыя поднялись вверхъ какъ пальцы или руки на отвѣсныхъ,
выполненныхъ трещинахъ, въ которыя лава проникла снизу. Право,
страшно! Подъ этими отвѣсными скалами въ 1000 футъ высоты,
которыя доступны только птицамъ и между которыми висятъ та-
кіе же отвѣсные, крутые глетчеры, тамъ и сямъ стоятъ наносныя
конусы съ довольно крутыми отлогостями, насыпанныя вывѣтрив-
шимися горными породами, къ которымъ еще можно бы пристать. Но
какъ-разъ на эти песчаные и золяные склоны, на которыхъ изрѣдка
только лежитъ глыба побольше, море накатываетъ съ неописаннымъ

бѣшенствомъ валы прибоа. Капитанъ объявляетъ, что нѣтъ никакой возможности пристать. Мы гребемъ часъ, два, три часа вдоль берега; высматриваемъ, споримъ, ругаемся — а пристать все-таки нельзя. Досадно; гдѣ же теперь достать образцы, которые лучше всякихъ телескоповъ объяснили бы намъ природу различныхъ скалъ и ихъ образованіе?

Мы поплыли мимо обоихъ большихъ глетчеровъ, которые сливаются внизу у моря. Вода мутна, какъ вода Лючины въ долинѣ Лаутербруннеръ; дальше показалась красноватая, пузыристая пѣна, зола смѣшанная съ пѣной прибоа, такъ что кажется, будто пенза плаваетъ по водѣ; наконецъ видны и куски льда на волнахъ, оторванные отъ глетчера бующимъ бурномъ. Но во льду застряли камни и зола, такъ что нѣкоторые куски на видъ совершенно черны. Вотъ была находка!

Wir waren sogleich darüber her,
Wie wenn es ein güldener Apfel wär— *).

Мы добывали куски льда баграми и палками, окалачивали камни побольше, и въ добавокъ нагрузили лодку цѣлою партіей льду, который мы думали растаять на кораблѣ и такимъ образомъ добыть золу и песокъ.

Было уже поздно; и такъ какъ снова наступилъ туманъ, то рѣшено воротиться. Буревѣстники, которыхъ мы прежде щадили въ надеждѣ на лучшую добычу на берегу: тюленей, бѣлыхъ лисицъ и пожалуй даже бѣлыхъ медвѣдей, теперь поплатились за обманутую надежду. Верна слишкомъ страдалъ морскою болѣзью, чтобы стрѣлять; и потому я завладѣлъ его ружьемъ и дѣйствительно убилъ нѣсколько этихъ вонючекъ, которыя ѣдятъ мелкія ракушки, большею частью, какъ приправу въ рыбѣ и у которыхъ желудокъ полонъ оранжево-желтой зловонной жидкостью, которую онѣ выбрызгиваютъ въ предсмертной агоніи. Для орла онѣ были, конечно, лакомымъ кусочкомъ; онѣ ихъ рвалъ съ истиннымъ наслажденіемъ и пожиралъ все до послѣдней косточки, оставляя только кожу и перья.

*) Мы сейчасъ же набросились, какъ будто это было золотое яблоко.

А птицъ все больше и больше и ихъ безстыдство перешло всѣ границы. Капитанъ бросилъ ружье, сталъ на носъ лодки, схватилъ тяжелый багоръ футовъ въ десять и начиналъ свирѣпствовать надъ буревѣстниками, какъ бѣшеный Роландъ надъ овцами; онъ машеть и рубить во всѣ стороны. И въ самомъ дѣлѣ ему удалось убить четыре сѣрыя птицы. Это была картина достойная кисти художника. Въ срединѣ усердно гребутъ матросы, такъ какъ корабль, казалось, все больше и больше удалялся отъ насъ; позади, у руля Верна перегнулся за бортъ и судорожно приноситъ жертвы Нептуну; впереди, Герценъ вытянулъ свою длинную верблюжью шею и, выпучивъ глаза, держитъ ружье на прицѣлѣ, разводя нитъ по воздуху; наконецъ, Грессли въ предсмертныхъ мукахъ ухватился за скамью и щелкаетъ зубами отъ холоду и волненія — грудь и животъ у него растегнуты, уши укутаны множествомъ воротниковъ и кашне, свившихся веревкой — и не отнимаетъ ни на минуту бинокля отъ глазъ; я стоялъ на колѣняхъ въ лодкѣ, въ мѣховомъ курткѣ и теплыхъ сапогахъ, съ двустволкой у плеча; впереди капитанъ, употребляющій неимоверныя усилія чтобы страшными ударами бить боязливо въющихся надъ головами птицъ, не терять равновѣсія и не перекинуться въ море.

Такъ мы добрались до корабля въ самомъ веселомъ расположеніи духа, но сильно продрогшіе. Мы плотно поѣли въ каютѣ и полюбовались великолѣпнымъ эскизомъ, который въ наше отсутствіе набросалъ Гассельгорстъ. А густой туманъ надвигался; вѣтеръ задулъ съ югозапада; волненіе усилилось и качка крайне непріятна; но такъ какъ во все это время не было даже слѣда льдинъ ни возлѣ берега, ни на горизонтѣ, и, слѣдовательно, никакой опасности, то мы и порѣшили на ночь нѣсколько отойти отъ острова; на утро-же снова приблизиться и, если можно, еще разъ попытаться пристать.

Пятница 23-е августа. Пока я писалъ предыдущую страницу, туманъ постепенно разсѣялся и часамъ къ 11 увидѣли, юговосточную часть острова, гдѣ намъ показалось, была возможность пристать. Вчера горькій опытъ научилъ насъ, что большая лодка, напичканная людьми, не въ состояніи пристать, если берегъ очень крутъ, а прибой слишкомъ силенъ. Теперь въ маленькую лодку сѣли я и Верна, взявъ съ собой только двоихъ

Капитанъ въ роли Неистовый Голандъ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

матросовъ, да рулевого и общаваъ, въ случаѣ удачной высадки, прислать лодку за остальными. Мы отъѣхали немного отъ корабля и передъ нами предсталъ во всемъ великолѣпнн Вееренбергъ, и съ южной стороны, а вчера мы видѣли его съ восточной. Съ южной стороны на верхнемъ конусѣ видѣются только незначительные утесы по обѣимъ окраинамъ; все остальное — снѣгъ и ледъ, изъ котораго образовался громадный глетчеръ съ немногими трещинами: подобно глетчеру Алетчъ онъ спускается въ море широкимъ потокомъ. По его боковымъ краямъ тянутся двѣ громадныя наносныя гряды, а нижннй край отдѣленъ отъ моря высокими наносными кучами. Море теперь на отливѣ. Правѣе, на востокѣ, поднимается высокнй, скалистый гребень, густо усыпанный чѣмъ-то сѣрно-желтой окраски, по которой проведены яркня, красныя полосы и пятна. Очевидно это лавовый хребетъ, который такъ ввалился со стороны моря, что образовалъ глубокую воронку. По направленню этого хребта, далеко вдавшнсь въ море, стоитъ одинокая скала, которую наши матросы уже давно окрестили именемъ „Парахода“, такъ поражаетъ она сходствомъ съ большимъ о двухъ трубахъ атлантическимъ парашодомъ. Мы дополнили сказку сказавъ, что это „Президентъ“, давно пропавшнй въ океанѣ со всемъ своимъ экипажемъ, и о судьбѣ котораго, не смотря на тщательные розыскн, ровно ничего не узнали. Вотъ куда его занесло и вотъ какъ „старецъ Вееренберга“ превратилъ его въ черннй лавовнй камень!

Между тѣмъ мы подѣхали къ берегу и напрасно искали гдѣ бы пристать. Нѣтъ возможности причалить къ большому южному глетчеру, на который мы прямо держали; наносный берегъ еще круче, чѣмъ нѣсколько дальше у песчаныхъ валовъ и прибой еще сильнѣе. Но къ западу спускается съ горы въ море широкнй, зубчатнй потокъ лавы и мнѣ показалось, будто-бы въ немъ быстро сбѣгаетъ въ море ручей и представляетъ цнтное мѣсто для высадки. Мы направились туда. Устье потока конечно оказалось иллюзней — разбиваясь о скалы море высокимъ песчанымъ валомъ загородило дорогу слабому ручейку, который течетъ не больше двухъ часовъ въ день и теряется въ этомъ валу, не достигая соленой воды. Но планомъ мы всетаки остались довольны. Въ самомъ потокѣ лавы открылась маленькая, полукруглая бухта,

окруженная дикими, черными, твердыми скалами, которая нѣсколько выдалась въ море и немного защищаютъ ее отъ прибоа. Но только немного! Почти вся бухта наполнена чернымъ пескомъ, который довольно смучь, но все-таки даетъ возможность пристать тому, кто не боится ножной ванны. И такъ, туда! Повернули лодку, вынули руль, направили килемъ въ песокъ и съ слѣдующей большой волной, упираясь изо всей силы веслами, мы вѣхали нѣсколько въ берегъ. Въ ту-же минуту мы выпрыгнули изъ лодки кто на право кто на лѣво и ушли въ песокъ выше лоджеекъ, выскочили и по канату полѣзли выше. Но прежде чѣмъ мы достаточно вытащили нашу лодку, другая злая волна хлестнула насъ по ногамъ. Вотъ когда пришлось упражняться въ гимнастикѣ! Помнишь, мой отецъ говаривалъ, что по этой части я силенъ въ теоріи и слабъ на практикѣ—здѣсь-же, могу тебя увѣрить, я творилъ чудеса и никогда еще два центнера не прыгали съ такой быстротой въ лодку и обратно, какъ при этомъ приливѣ и отливѣ волны. Такъ какъ я могъ противопоставить властному элементу непромокаемыя сапоги Тума, натертые его же мазью и покрытые плѣсенью Нордкаана, то мнѣ пришлось еще лучше всѣхъ и, по всей вѣроятности, когда нибудь честный мастеръ получить за это при счетѣ звонкую благодарность. За эти усилія, которыя надо было удвоить при отплытіи, мы назвали нашу маленькую пристань бухтой гимнастики (Turnbucht) и обозначимъ ее тѣмъ же именемъ на картахъ, какъ памятникъ дѣяній предшественниковъ для будущихъ мореплавателей.

Полукруглая Бухта гимнастики, восемьдесятъ шаговъ въ поперечникѣ, обставлена сѣрыми причудливыми скалами изъ лавы. Верхняя часть скалъ имѣетъ шлаковое строеніе, а нижнюю образуютъ плотныя массы, которыя частью распались на плиты, частью на великолѣпный камень годный для мостовой и построекъ. Мелкій и крупный песокъ, наполняющій бухту, черенъ, перемежаясь съ маленькими, свѣтлозелеными кристаллами и красными частицами. Мы замѣтили на немъ слѣды птицъ: большія трехпалыя ноги должно быть чапуры, потому слѣды маленькихъ ножекъ песочниковъ и неуклюжія лапы плавающихъ птицъ — утокъ и буревѣтниковъ. На высотѣ прибоа лежитъ много водорослей, вырванныя ламинарія, у корней которыхъ всегда висятъ маленькія раковины,

во всегда только одного вида. У верхней черты прилива скопился прибитый моремъ лѣсъ — нѣсколько сосновыхъ стволовъ толщиной въ ногу, малкіе иольныя, березовыя сучья и кора — все, кажется, норвежскій и шотландскій лѣсъ. Но рулевой полагаетъ, что одинъ стволъ похожъ на сѣвероамериканскую сосну. И положительно нѣтъ ни одного южнаго дерева.

Въ самомъ концѣ бухты песокъ доходитъ до самого края скалы: пойдѣмъ туда! мы рѣшили подняться прямо въ гору и въ нять часовъ, къ закускѣ, вернуться къ лодкѣ. Чей-то слѣдъ ведетъ насъ изъ бухты. Это слѣды лисицы! Но какъ могутъ лисицы жить здѣсь, въ этой ужасной пустынѣ? Но, быть можетъ, это нѣсколько затертый слѣдъ водяной птицы! Г-мъ! гдѣ водятся лисицы, тамъ могутъ быть и медвѣди. Борна захватилъ съ собою на всякій случай голышней. И такъ мы начали взбираться наверхъ; а рулевой, отыскивая мѣсто для якорной стоечки, дѣйствительно наткнулся на бѣлую лисицу, которая сначала вытаращила на него глаза, какъ корова на новыя ворота; а потомъ спокойно удалилась, иногда оглядываясь и дѣлая прыжки, какъ крестьянинъ на мюнхенскихъ картинкахъ: „Господинъ обер-лѣсничій, не прикажете ли еще разокъ?“ Матросы остались при лодкѣ, отбивали камень, набирали песокъ и искали раковинъ.

А мы все подвигались впередъ по потоку лавы. Я еще на кораблѣ предполагалъ, что онъ долженъ повести къ боковому кратеру. Нельзя себѣ представить ничего безнадежнѣе и пустыннѣе! Самыя странныя, причудливыя формы шлаковъ, утесовъ и горныхъ породъ, удивительно перенутанныхъ и разбросанныхъ; въ одномъ мѣстѣ темныя, черныя, закоптѣлыя, какъ старыя развалины, въ другомъ яркія, красныя, какъ старыя кирпичи или хлѣбная печь. Шахты и ходы надъ ямами свидѣтельствуютъ объ изверженіяхъ, которые бывали въ потокѣ лавы; безпорядочныя массы шлаку, окаменѣлы въ своемъ теченіи, грубыя глыбы впаиваны въ рыхлую массу, и промежъ всего насыпаны черныя, сѣрый, зеленый, желтый и красный песокъ, въ которомъ талый снѣгъ прорылъ множество дорожекъ и ложбинъ; его поверхность часто бороздили бури и потоку на немъ, какъ и на наносномъ песку видны волнистыя борозды. Мѣстами видна желтая глина и бѣлая фарфоровая смѣшанная съ кусками шлака цвѣта киновари

и щорцы, изъ котораго она образовалась, а въ другихъ мѣстахъ эта-же самая разложившаяся красная лава дала великолѣпный черноземъ. Ни малѣйшаго признака жизни, только изрѣдка видѣются чахлое растеніе; былинка, пускающая въ песокъ тонкіе корни въ локоть длиною; мховныя и лишайныя клочки, которыя по необходимости боязливо цѣпляются въ лавѣ. Никакого слѣда животной жизни: только тамъ и сямъ разбросаны птичьи кости и перья, быть можетъ остатки соколинаго пира да черепная вость тюленя, затащенная сюда лисницей. Мы поднялись выше, перешли крутой гребень лавы и подъ его нависшими утесами трава, шавель, нѣкоторыя камнеломковыя и снѣжный ранункулъ нашли себѣ лучшую защиту и принялись довольно хорошо. Съ трудомъ мы нашли переходъ и чтобы на волнѣнахъ встать свое тѣло я принужденъ былъ одной рукой уцѣпиться за верхъ, а другую подать Верна. За гребнемъ пошло такое же сѣрое, мало покатое лавовое поле. Скалы поднимаются все круче и такъ какъ онѣ обращены на югъ, то растительность развивается — чуть было не сказалъ роскошнѣе, да грѣшно такъ сказать. Три или четыре вида камнеломковыхъ — одинъ красивый изкрасна-фіолетовый, образуетъ дернъ, — шавель, ложечная трава, снѣжный ранункулъ, разные мхи и лишай, да ползучая ива покрываютъ почву изъ сѣрыхъ и красныхъ обломковъ и пыли, упавшихъ сверху, покрывшихъ крутой склонъ и теперь, вслѣдствіе разложенія, превратившихся отчасти въ черноземъ, который даетъ пищу растеніямъ. Но что за жалкія растенія! Все ползетъ по землѣ, тѣснится между каменной, будто ищетъ защиты отъ снѣга и льда, которые все покрываютъ здѣсь, по крайней мѣрѣ. девять мѣсяцевъ въ году. Теперь мы по крайней мѣрѣ убѣдились въ томъ, что желтыя и зеленоватыя площадки, видѣнныя нами съ корабля и которыхъ не удалось изслѣдовать при нашей первой попыткѣ высадиться, не сѣра, а дѣйствительно растительный покровъ, покрывшій разложившіяся горнокаменныя породы.

Еще съ корабля я замѣтилъ мѣсто, гдѣ ожидалъ найти боковой кратеръ и взбираясь не выпускалъ его изъ виду. Видѣлась глубокая трещина, окаймленная красными губами, по которымъ протекалъ ручей, извивавшійся зигзагомъ и вотъ эта-то трещина, я полагалъ, ведетъ къ кратеру. Когда мы взошли на уступъ

футовъ на 600, то повернули на маленькой террасѣ, защищенной выдавшимися утесами лавы, направо, внизъ къ разсѣлинь, чтобы взглянуть въ нее сверху. Но разсѣлина не оканчивалась кратеромъ, а направлялась къ глетчеру, сползавшему съ Бееренберга. Но кратеръ все-таки нашелся, только на другомъ мѣстѣ. — Глубоко внизу, почти у берега, гдѣ разсѣлина дала послѣдній поворотъ, нашелся крохотный кругленькій кратеръ, стѣны котораго именно обуславливали поворотъ разсѣлины. Кратеръ былъ совершенно круглый, съ глубокимъ воронкообразнымъ жерломъ въ которое мы могли заглянуть сверху. Послѣ подробнаго осмотра я сталъ искать подъ лавовымъ утесомъ защищеннаго мѣста отъ рѣзкаго холоднаго вѣтра, чтобы набросить эскизъ замѣчательной маленькой штуки, которая, очевидно, только и выбрасывала что песокъ, да золу; такъ какъ ея край нигдѣ не порванъ и не изрѣзанъ. Если ты хочешь представить себѣ его живое подобіе, сними пирожное *Ratankuchen* и прежде чѣмъ съѣшь его съ дѣтьми за мое здоровье, посмотри въ его дырочку сверху — когда, какъ слѣдуетъ, ты посыпешь его сахаремъ и корицей, — тогда ты дома безъ дальняго труда увидишь именно то, что увидѣлъ твой супругъ подъ 71° сѣверной широты послѣ трехмѣсячнаго путешествія и часоваго труднаго подъема на рѣзкомъ холодѣ.

Едва я набросилъ двѣ-три черты, какъ Верна кричитъ: „Сюда, наверхъ, вотъ гдѣ кратеръ!“ Я бросился какъ сумасшедшій и какъ можно скорѣе поползъ еще футовъ на 400 по крутой наклонѣ съ угломъ наклоненія въ 30 градусовъ (куполъ церковной крыши); только почва до того мягка, что нога до половины тонетъ и вязнетъ. Тамъ и слѣгъ валялись большія, красныя пузыристыя глыбы цвѣта киновари, съ вкрапленными въ нихъ чернозелеными кристаллами; глыбы отвалились отъ остроугольнаго, краснаго утеса, возлѣ котораго подпрыгивалъ Верна. Утесъ явно образованъ плотными пластами лавы, которые вывѣтриваются и рушатся. Наконецъ и я поднялся на верхъ, вспотѣлъ, нагрѣлся и мой взоръ нырнулъ въ совершенно круглый, зияющій кратеръ — его глубина будетъ футовъ въ 500, да въ поперечникѣ тысяча; на совершенно кругломъ днѣ, во сто футъ, свопилась желтоватая глина и нѣсколько водяныхъ струекъ. Крутыя стѣны образованы щебнемъ и золой и только кое-гдѣ въ нихъ проглядываютъ

плотный слой лавы, а на острых окраинах виднётся ещё несколько таких же утесовъ, какъ и тотъ, у котораго мы стоимъ. Очевидно кратеръ выбрасывалъ много голышей и зола и очень мало лавы; затѣмъ осмыслился и то, что мы теперь видимъ, только результатъ осмысли.

Видъ впереди величавый. На сѣверовостокѣ, высоко надъ нашими головами, вознеслась бѣлоснѣжная вершина Веренберга и еще только одѣвается въ туманъ. На сѣверозападѣ за край неширокаго острова видно открытое море, и надъ его блестящимъ горизонтомъ почти нависъ мрачный туманъ, прорѣзанный только яркой полосой свѣта. Берегъ тянется вдаль утесистый, угловатый, изрѣзанный отдѣльными зубьями — вѣроятно широкій и далекій потокъ лавы — и онъ свободенъ, совершенно свободенъ отъ льда; да и на горизонтѣ не видно мерцанія, которое обнаруживаетъ присутствіе льда. Какъ благопріятно нынѣшнее лѣто для этого путешествія! Тамъ, гдѣ бывало нужно на протяженіи нѣсколькихъ миль пробиваться сквозь свѣгъ и ледъ; тамъ, гдѣ демократическій империалистъ Плоннлонъ и конституціонный монархистъ Дурфферинъ чуть было не потерпѣли крушенія: мы, пятеро республиканцевъ, пробрались безъ труда, могли пристать къ берегу изслѣдовать и собирать. Но вернемся къ картинѣ, которая передъ нами! ближе къ намъ берегъ югозападной стороны; длинная, едва изогнутая песчаная полоса отдѣляетъ море отъ длинной, узкой прѣсноводной лагуны, которая пролилась между нею и скалами острова. Въ концѣ этой лагуны, на югозападѣ отъ насъ, выдался полуостровъ, кратеръ, обрушившійся со стороны моря и на его откосахъ нависла точно шапка какая-то бѣловатая масса, которую мы приняли за ледъ и свѣгъ, покрытый золою; но око экспедиціи, Гассельгорстъ, рассматривавшій этотъ самый кратеръ ближе съ корабля, опровергаетъ наше мнѣніе и утверждаетъ, что какое-то другое вещество покрываетъ круглые откосы. У нашихъ ногъ потокъ лавы съ бухтой гимнастики, „маленькій кратерокъ — пирожное Ratankuchen, откосы вдоль морскаго берега, могучій южный глетчеръ и вдали, очаровательно освѣщенные въ противоположность съ мрачной и темной окраской южной вершины, восточные мысы острова, впереди которыхъ „Президентъ“ стоятъ совершенно такъ-же, какъ на югѣ „Лондонскій корабль“

и „Маяк“, два утеса, изъ которыхъ первый имѣеть разительное сходство съ кораблемъ, плывущимъ на всѣхъ парусахъ.

Но вся эта великолѣпная панорама должна быть окинута и схвачена однимъ взглядомъ. Берна набрасываетъ нѣсколько штриховъ по которымъ еще сегодня можно набросать красивый эскизъ красками; я опредѣлилъ компасомъ нѣсколько важнѣйшихъ пунктовъ; и мы сбѣжали внизъ отогрѣть оконченнвшіе члены. Тамъ наверху дулъ страшно холодный вѣтеръ и можно было выдержать только нѣсколько минутъ!

Мы отлично отыскали обратный путь часто слѣдуя по своимъ же слѣдамъ; перебрались черезъ верхній потокъ лавы, подошли къ его скату и замѣтили что забрали слишкомъ влѣво отъ мѣста, гдѣ можно спуститься. Пришли къ тому мѣсту, гдѣ я взбирался -- и невольно оба остановились. На песокъ виденъ слѣдъ медвѣжьей лапы. Ясно! Глубоко вдавленные когти, узкая пята, короткіе пальцы! Мы смотримъ кругомъ — только и есть что одна эта лапа; рассматриваемъ еще разъ; взглянули другъ на друга и весело разсмѣялись. Это слѣдъ моей руки, которую, взлѣвая я глубоко вдавилъ въ песокъ!

Утромъ я чувствовалъ себя такъ хорошо, что отправляясь и пристегивая свой норвежскій ножъ объявилъ, что сегодня я съ однимъ ножомъ справлюсь съ бѣлымъ медвѣдемъ; но когда мы наткнулись на медвѣжьій слѣдъ, сознаюсь, я немножко покосился на ружье, какъ будто была опасность. Когда же объяснилось недоразумѣніе, мы скорѣе прежняго пустились къ нашей бухтѣ гимнастики, гдѣ поджидали насъ матросы, голодные и мучимые жаждой; рулевой же, точно выпущенный на волю жеребенокъ, удовлетворялъ своей страсти къ движенію на полѣ изъ лавы и пошла. Съ нами былъ отличный сырой окорокъ, пиво, бутылка шампанскаго, которую мы и роспили въ честь Янъ-Майена. Мы поставили пустую бутылку подъ нависшимъ утесомъ, написали на ярлыкъ наши имена и вложили въ нее билетикъ.

Wer uns die Flasche kann wider zeigen,
Er soll sie behalten! Sie sei sein eigen! *)

*) Кто намъ опять покажетъ эту бутылку, тотъ можетъ ее взять! Пусть будетъ его собственностью!

До отъезда, Берга застрѣлилъ маленькую гагару (*Mergulus Alle*); вѣроятно у ней было поблизу гнѣздо съ птенцами, которыми она несла кормъ, такъ какъ клювъ и зобъ были начинканы множествомъ маленькихъ ракушекъ, и я могъ сохранить ихъ въ значительномъ количествѣ въ спиртѣ. Птенцамъ предстоитъ теперь удовольствіе умереть съ голоду для блага науки. Мы видѣли также тюленей, небольшихъ песочниковъ, стадо великолѣпныхъ утокъ, но онѣ были слишкомъ далеко, чтобы стрѣлять въ нихъ. Мнѣ показалось, что это были гагачи и мое предположеніе подтвердилось тѣмъ, что въ большомъ стадѣ были только двѣ сѣрыя птицы. Гагачи чрезвычайно красивы: на брюхѣ у него черныя, бѣлыя и желтовато-зеленыя перья, а у гаги перо сплосн сѣраго цвѣта. — Гагачи улетаютъ изъ Норвегіи, какъ только птенцы мало мальски подросли. Они вѣроятно удаляются на Янг-Майенъ, Шпицбергенъ и тому подобныя мѣста и любезныя мѣста крайняго сѣвера, чтобы пораздумать о семейномъ счастьи. Если это такъ, то по крайней мѣрѣ отрадно знать, что одинокія самки въ качествѣ *femmes de ménage* выдерживаютъ столько же самцовъ.

На другой день послѣ этой удачной экскурсіи было холодно, туманно, что, при ненадежной стоянкѣ нашего корабля, недопускало никакой высадки. Иногда туманъ разсѣвался настолько, что можно было еще разсмотрѣть берегъ, а съ берега навѣрное нельзя бы распознать мѣста, гдѣ стоялъ корабль. У насъ не было пушекъ давать знать о себѣ на большихъ разстояніяхъ, а корабль сѣвернымъ теченіемъ несло все дальше на югозападъ и такъ какъ ежеминутно могъ подняться вѣтеръ, который заставилъ бы лавировать и перемѣнять мѣсто, то капитанъ никакъ не соглашался на новую высадку. „Мы не знаемъ,“ говорилъ онъ, „что можетъ случиться: туманъ въ этой странѣ продолжается иногда безъ перерыва цѣлыя недѣли; вѣтеръ можетъ принудить насъ отойти отъ берега, чтобы не сѣсть на мель или не разбиться о скалы, и тѣ, которые выйдутъ на берегъ, могутъ остаться одни въ этой пустынѣ на нѣсколько недѣль.“ „Но, капитанъ, мы можемъ руководиться компасомъ возражалъ одинъ изъ насъ, хватаясь вновь приобретенными свѣдѣніями въ наукѣ мореплаванія.“ Конечно, еслибы мы

покойно стояли на якорѣ въ уютной бухтѣ,“ отвѣтилъ капитанъ; „тамъ-же, гдѣ корабль относить и онъ мѣняетъ положеніе, компасъ намъ столько-же поможетъ, сколько обыкновенная вязальная игла.“ Мы кончали набросанные наканунѣ рисунки и профили, писали свои замѣтки, спорили о томъ, гдѣ именно могъ пристать Лордъ ДUFFERINъ, подстерегали нѣсколькихъ тюленей, которые въ туманѣ подплывали къ самому кораблю и который, казалось, они съ удивленіемъ рассматривали. Губерту удалось положить на мѣстѣ одного тюленя, всадивъ ему пулю прямо въ затылокъ. Большое животное судорожно перекинулось нѣсколько разъ на поверхности, сильно забилось, задергало и бездыханно понеслось въ громадной лужѣ крови, у которой тотчасъ же слетѣлись буревѣстники. Прошло довольно времени пока спустили лодку, сѣли въ нее и встали тюленя на корабль. Оказалось что это лахтакъ, или голая нерпа (*Phoca barbata*). Это былъ большой взрослый самецъ, надъ которымъ тотчасъ-же принялись работать; при изслѣдованіи оказалось, что онъ уже имѣлъ дѣло съ охотниками на тюленей, такъ какъ дробь оставила у него подъ глазами нѣсколько рябинъ. Жиръ, покрывавшій все тѣло, былъ толщиной въ ладонь, мясо до того грубо, жилисто и темнокрасно, что, при одномъ видѣ, даже матросы отказались отъ намѣренія приготовить его. Къ несчастію не удалось довести до дому великолѣпное чучело, надъ которымъ Губертъ такъ много трудился — когда его вывѣсили на солнце просушить, оно скользнуло въ море при быстромъ поворотѣ корабля и погибло для насъ на всегда.

Утро 28-го августа жестоко испытывало наше терпѣніе. Только къ полудню разошелся туманъ и мы увидѣли, что насъ отнесло дальше на югозападъ вдоль берега и что мы находимся на западѣ отъ выдающагося кратера, тогда какъ наканунѣ мы причалили къ его восточной сторонѣ. Мы были теперь гораздо ближе къ берегу; сдѣлавши промѣръ мы пришли къ заключенію, что и тутъ должно быть хорошее якорное мѣсто; мы подвели корабль къ берегу еще на одну англійскую милю, укрѣпили посредствомъ маленькаго запаснаго якоря и приготовили большую лодку для вторичной высадки. На этотъ разъ остался Фогтъ, который, вѣроятно, простудился на кратерѣ и прошлую ночь страдалъ силь-

нѣйшимъ припадкомъ ревматизма, да еще рулевой; остальные всѣ пошли на берегъ, который былъ такъ близокъ, что можно было переключаться. На длинной отмели, которая тянется по прямой линіи отъ кратера до выдавшего мыса, нашли удобное мѣсто, откуда можно выйти на берегъ, употребивъ прежніе гимнастическіе приемы. Какъ и въ первый разъ, около бухты гимнастики, было разбросано на песокъ множество пловучаго лѣса такъ и здѣсь онъ былъ положительно нагроможденъ, такъ что въ благоприятное время года, дѣйствительно, стоило бы посылать сюда корабль изъ Исландіи для сбора пловучаго лѣса. Большою частью это былъ пиленный лѣсъ, то есть таковой, какимъ его сплавляютъ въ гористыхъ мѣстностяхъ, стало быть, очевидно, изъ Норвегіи, откуда течение принесло его почти въ прямомъ западномъ направленіи, или же, что также вѣроятно, Гольфстремъ занесъ его сперва на сѣверъ, къ Шницбергену, откуда полярное течение принесло его къ Янг-Майену. Кромѣ наноснаго лѣса, скрывшагося отъ людскаго пристрастія, тутъ лежало еще множество свидѣтельствъ людскаго несчастія: обломки, кораблей, которые молча говорили о претерпѣнныхъ буряхъ, лодочныя весла, мачты, доски, все это изломано, разбито и между ними еще плотно закупоренная бочка съ клеймомъ извѣстной бордосской фирмы. Очевидно она была выброшена на берегъ полною, но подъ вліяніемъ солнца, постепенно убывала, такъ что теперь въ ней остались только слѣды благороднаго напитка. Она замѣнила обѣденный столъ; оставшіеся при лодкѣ матросы развели веселый огонекъ, который бросалъ свѣтъ и на корабль. Общество разсѣялось по всѣмъ направленіямъ, чтобъ отыскать доступъ внутрь острова.

Мѣстность, къ которой причалили, была, къ несчастію, чрезвычайно неблагоприятна. Почти на необозримое пространство вправо и влево тянулась узкая, вся изъ чернаго песку, отмель, отдѣленная отъ суши прѣсноводной лагуною шириною по срединѣ шаговъ въ сто. Вода въ ней совершенно прѣсная, но не было и слѣда жизни; дно лагуны образовалъ тотъ же тяжелый песокъ, насыпавшій валъ. На старыхъ картахъ не обозначено это внутреннее прѣсноводное озеро. Тутъ очевидно цѣлые годы лежалъ береговой ледъ, наполняя дно и даже лѣтомъ представлялъ берегъ, къ краю котораго море нанесло песчаный валъ. Въ нынѣшнее бла-

годатное лѣто береговой ледъ совершенно растаялъ, оставивъ прѣсноводное озеро и наносный песчаный валъ послужилъ для него плотиной противъ вторженій моря.

Послѣ долгихъ и трудныхъ поисковъ направо и налево нашлось наконецъ мѣсто, гдѣ лагуна, насупротивъ выдавшейся скалы, оказалась мелкой. Пошли вбродъ и скоро ступили на твердую песчаную почву, которая сначала незамѣтно подымается въ гору, потомъ идетъ нѣсколько круче. Направо и налево возвышаются почти отвѣсныя стѣны лавы и между ними вьется узкій проходъ къ сѣверу. Пошли проходить, поднялись немного въ гору и неожиданно подошли къ едва замѣтному водораздѣлу по другую сторону котораго открылся океанъ. По всей вѣроятности это самое узкое мѣсто острова между двухъ бухтъ, изъ которыхъ сѣверная обозначена на картѣ Скоресби подъ именемъ бухты Мери Муссъ, а южная подъ именемъ Большой Лѣсной бухты.

Океанъ совершенно чистъ на сѣверномъ горизонтѣ; нигдѣ не замѣтно даже слѣду льда. Самая бухта образовалась, какъ и остальные, вслѣдствіе округленія морскаго берега, образованнаго здѣсь чернымъ вулканическимъ пескомъ; но, вмѣсто пловучаго лѣса, тутъ лежатъ только въ громадномъ количествѣ китовыя кости позвонки, ребра, черепныя кости—явные остатки множества китовъ, которые, быть можетъ, валяются здѣсь еще со временъ голландцевъ или же занесены сюда позднѣе съ сѣвера. Очевидно здѣсь притонъ тѣхъ немногихъ лисицъ, которыя живутъ на островѣ и зимой, когда птицы, составляющія ихъ главную пищу, улетаютъ и они вынуждены питаться выброшенными остатками китовъ и тюленей.

Только поздно вечеромъ собрались къ мѣсту высадки, гдѣ не обошлось безъ приключеній. Набѣжала большая волна, которая снесла лодку, вытянутую на песчаный валъ и, къ ужасу караулившихъ матросовъ, снесла такъ далеко отъ берега, что они никакъ не могли ее достать. Рохли подняли такой крикъ и шумъ, что ихъ услышали наконецъ на кораблѣ; благодаря подозрительной трубѣ тамъ поняли причину крика и спустили шлюпку, которая поймала лодку и привела ее въ безопасное мѣсто.

Матросы набрались страха, а охотники досады. Они не взяли съ собой винтовокъ, увѣренные, что не придется стрѣлять ни бѣлыхъ

медвѣдей, ни моржей. Но они не отказались бы отъ парочки лисицъ, нѣсколькихъ утокъ, двухъ-трехъ большихъ чайекъ-бургомистровъ которые разсѣлись тамъ и сямъ по утесамъ. И пока Грессли ревностно собираетъ образцы горныхъ породъ и растеній, остальные шныряютъ по всѣмъ направленіямъ въ надеждѣ сыскать добычу. Въ пылу охотничей горячки капитанъ сбросилъ съ себя сюртукъ не подалеку отъ огня и полѣзъ за чайкой, усѣвшейся на выдавшемся кратерѣ Яичнаго острова. Берна оставилъ свое ружье, переходя въ бродъ лагуну и изъ предосторожности снялъ пистоны, чтобы матросы не баловались въ его отсутствіе. Всѣ разошлись — тутъ-то и явились лисицы, которыхъ искали. Ихъ было

три, двѣ бурныхъ и одна свѣтлосѣрая; онѣ подошли къ огню, посмотрѣли на матросовъ, обнюхали лодку и подошли такъ близко, что матросы бросили въ нихъ нѣсколько полѣнъ, отгоняя отъ фуража. „Я бы съ удовольствіемъ выстрѣлилъ въ нихъ, говорилъ намъ послѣ Фридрихъ-датчанинъ истый матросъ, и взялъ было ружье господина Берна; но,“ прибавилъ онъ, покачивая головой, „на немъ не было хлопושекъ.“ Лисицы удалились только послѣ ушаченныхъ враждебныхъ дѣйствій и, на бѣду, на дорогѣ наткнулись на пальто капитана и повозились съ нимъ немножко. Когда капитанъ вернулся съ бесплодной охоты и захотѣлъ надѣть пальто, то нашелъ воротникъ и борты изгрызенными и самое пальто до

того надушеннымъ, что нужна была вода и нѣсколько недѣль провѣтриванія, пока изъ него совершенно выдохлись лисицы.

Мы намѣревались еще разъ сойти на берегъ близъ южной оконечности острова, такъ какъ намъ казалось, что въ этой южной части, которая тянется въ море длинной косой и отдѣлена отъ сѣверной упомянутымъ проходомъ, почва, быть можетъ, иного свойства. Но 24-го августа спустился туманъ и подулъ попутный сѣверовосточный вѣтеръ. Капитанъ заявилъ, что нѣтъ возможности обогнуть сѣверный берегъ острова, потому что мы подвергнемся опасности быть прибитыми къ берегу. И такъ съ сожалѣнiемъ мы распростились съ Янъ-Майеномъ и подъ вѣтромъ прямо поплыли на югъ къ Исландiи.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Старыя и новыя свѣдѣнія.

Въ книгѣ Гартвига „Природа и человѣкъ на крайнемъ сѣверѣ“, появившейся въ свѣтъ тому назадъ нѣсколько лѣтъ, мы нашли такой итогъ нашихъ свѣдѣній объ островѣ Янъ-Майенъ: „Янъ-Майенъ, лежащій на прямой линіи между Шпицбергеномъ и Исландіей, такъ же печаленъ и пустыненъ, какъ Медвѣжій островъ. Почти всегда затертый льдомъ, одѣтый туманами, онъ не имѣлъ бы никакого значенія для человѣка, если бы многочисленныя стада моржей и тюленей у его печальныхъ береговъ не привлекали къ себѣ алчности сѣверныхъ охотниковъ. Только бѣлые медвѣди, да дикія морскія птицы живутъ на Янъ-Майенѣ. Какъ-то голландцы попробовали перезимовать на немъ; цынга сгубила ихъ всѣхъ.“

„Янъ-Майенъ замѣчателенъ вулканомъ Эсв'омъ и горою Бее-ренбергъ въ 6870 футъ. Глетчеры, сползающіе съ этого колосса въ море, походятъ на громадныя окаменѣвшіе водопады и волнообразно одѣваютъ скалы, на которыхъ повоются. Ихъ свѣтлозеленый цвѣтъ, перемежаясь съ бѣлымъ, составляетъ разительный контрастъ съ черными массами камня, которыя мѣстами вышли изъ-подъ плотнаго ледянаго покрова. Солнечный лучъ рѣдко золотитъ ихъ, еще рѣже любитъ ихъ человѣкъ.“

Намъ удалось только послѣ нашего возвращенія, и то съ большимъ трудомъ, достать превосходную книгу Скоресби „Извѣ-

стіе объ арктическихъ странахъ, дополненное исторіею и описаніемъ китоваго промысла на сѣверѣ“, гдѣ говорится объ Янъ-Майенѣ съ тою основательностью, которою отличается этотъ авторъ. Скорееби посѣщаль островъ нѣсколько разъ, (одно изъ посѣщеній было 4-го августа 1817 года). Мы приведемъ здѣсь почти все его описаніе, къ которому приложены карта и видъ острова. „Янъ-Майенѣ получилъ названіе отъ голландскаго капитана, который, полагаютъ, увидѣль островъ впервые въ 1611 году. Но такъ какъ, между прочимъ, китовый промыселъ голландцевъ начался только съ 1612 года, то и надо полагать, что до этого времени онъ не былъ открытъ. Его назвали также островомъ Мавриція въ честь принца Морица нассаускаго. Около того же времени островъ былъ открытъ также Гульскими китоловами и названъ ими островомъ Святой Троицы. Когда русская компанія стремилась получить монополію на рыбную ловлю во всѣхъ полярныхъ странахъ, то англійскій король разрѣшилъ гульской компаніи, вслѣдствіе ея прошенія въ 1618 году, основать на этомъ островѣ рыболовную станцію. Голландцы, со времени открытія Янъ-Майена до 1640 года ревностно посѣщавшіе островъ, выручали большіе барыши отъ китоваго промысла у его береговъ и сообщили самыя важныя свѣдѣнія объ его видѣ, положеніи и плаваніи вокругъ него. Эти свѣдѣнія не только чрезвычайно скудны, но и не точны: они опредѣлили островъ подъ 71° — $71^{\circ}23'$ сѣв. шир. и $5^{\circ}55'$ — $7^{\circ}22'$ западной долготы отъ Гринвича. Наши англійскіе карты обозначаютъ его почти подъ тою же широтой, но подъ $9,10$ до 11° зап. долготы. 3-го и 4-го августа я измѣрять восточный берегъ и нашелъ по опредѣленіямъ высоты солнца, для сѣверной широты $70^{\circ}49'$ и $71^{\circ}8'20''$; а для западной долготы, посредствомъ хронометра, $7^{\circ}26'$ и $8^{\circ}44'$.“

„Островъ простирается въ длину съ сѣверовостока на юго-западъ почти на 10 часовъ и не въ одномъ мѣстѣ не шире 3 часовъ. Сѣверная часть имѣетъ форму ромба, каждая сторона котораго простирается на 3 часа и даетъ основаніе замѣчательному пику Бееренбергу. Южный конецъ, соединенный узкой косой съ острымъ угломъ сѣверной части острова, имѣетъ ширину отъ полуторы до пяти миль.“

„Берегъ представляетъ нѣсколько рейдовъ въ 5 и 10 сажень глубины съ хорошимъ грунтомъ для якорей; дно образуетъ черный песокъ; но нѣтъ ни одной гавани, такъ какъ всѣ якорныя стоянки открыты съ моря болѣе чѣмъ на 10 румбовъ. Когда вода не высока берегъ не представляетъ никакой опасности, которой нельзя бы предвидѣть. Самую большую видимую опасность представляетъ утесъ, лежащій почти въ 3 часовомъ разстояніи на югъ и немного на востокъ отъ югозападной оконечности малой лѣсной бухты; при самомъ низкомъ отливѣ вода покрываетъ его только на 11 футъ. Его поперечникъ едва равняется пространству, на какое можно кинуть камень и онъ открытъ Дельфтскимъ шкентеромъ, который нагналъ на него свой корабль.“

„Глубина у берега чрезвычайно не равномерна и дно болѣею частью состоитъ изъ подводныхъ камней или черного песку. На разстояніи 11 — 12 часовъ на SSO отъ южнаго мыса еще есть якорныя стоянки въ 35 и 36 сажень глубины. Но на сѣверной сторонѣ уже на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ берега глубина въ 300 сажень. На сѣверовосточномъ берегу и у юго-восточнаго мыса глубина также велика; но въ остальныхъ мѣстахъ по большей части въ получасовомъ разстояніи отъ берега глубина отъ 10 до 50 сажень. Между сѣверозападнымъ и сѣверовосточнымъ, сѣверовосточнымъ и юговосточнымъ мысами и отчасти между малою лѣсною бухтою и южнымъ мысомъ, а также и на немногихъ мѣстахъ западнаго берега — побережье образуетъ родъ крутаго и неприступнаго вала. На западномъ берегу большинство мѣсть, гдѣ можно легко пристать; онъ же представляетъ и лучшую защиту отъ частыхъ буръ, почему голландцы и устраивали на немъ свои станціи для варки ворвани. Въ южной бухтѣ, у Рооберга, въ лѣсной, англійской, восточной и западной крестовой — они устраивали свои варницы ворвани, ставили бочки, шалаши и магазины. Однажды въ южной бухтѣ буря сорвала у голландцевъ три хижины, девять масляныхъ бочекъ и четырнадцать лодокъ вмѣстѣ съ почвой, на которой онѣ стояли. Вухта Маріи Муссъ, названа такъ въ честь предприимчивой роттердамской негодянтки, которая отправила первый корабль для топки китоваго жира на мѣстѣ лова — и эта бухта была первымъ мѣстомъ, гдѣ начали добывать ворвань на островѣ. Разныя лѣсныя

бухты получили названія отъ громаднаго количества пловучаго льса, найденнаго въ нихъ.“

„Янъ-Майенъ предпочтительно объѣзжаютъ съ западной, а не съ восточной стороны, такъ какъ на западѣ, во первыхъ, менѣе льду, а во вторыхъ, рѣже бывають штилъ, вихри и шквалы, которые на востокѣ обыкновенны отъ Бееренберга. Весной островъ затертъ льдомъ, но осенью и иногда даже лѣтомъ ледъ относитъ такъ далеко на западъ, что съ берега его не видать ни откуда.“

„Хотя голландцы и гульскіе китоловы въ первой половинѣ 17-го столѣтія ежегодно посѣщали островъ Янъ-Майенъ, но у насъ нѣтъ о немъ ни свѣдѣній, ни описаній, за исключеніемъ нѣсколькихъ краткихъ замѣтокъ о береговомъ плаваніи, главной горѣ и глетчерахъ острова. Въ настоящее время британскіе китоловы плавають мимо острова и очень рѣдко приближаются къ берегу. Я былъ такъ счастливъ, что могъ пристать къ этому острову въ 1817 г., при моемъ возвращеніи на родину. Въ декабрѣ 1817 г. я представилъ Вернерскому обществу въ Эдинбургѣ отчетъ о моей экскурсіи на Янъ-Майенъ. Содержаніе этого отчета я приведу здѣсь.

„Первый предметъ, обращающій вниманіе при приближеніи къ Янъ-Майену въ ясную погоду, пикъ Беренберга. Его ледяная вершина возвышается, по моему измѣренію, на 6870 фут. надъ уровнемъ моря. Часто облава стоятъ ниже и въ ясную погоду можно ее видѣть на разстояніи 30 — 40 часовъ пути *). Вершина подымается на скалистой основѣ, едва ли тысячи полторы футъ высоты; но въ одномъ мѣстѣ, на югѣ, въ узкомъ пространствѣ между двумя утесами, склонъ съ самаго верху почти равномѣрно спускается въ море подъ угломъ 40—50 градусовъ.“

„Въ общемъ, какъ окраской такъ и свойствами, островъ чрезвычайно походитъ на берегъ Шпицбергена. Какъ и у Шпицбергена, кажется, что страшно медленно приближаешься къ берегу. Кто не знакомъ съ полярными странами, тому уже на разстояніи 10 — 15 миль покажется, что онъ приблизился къ скаламъ на разстояніе одного часа.“

*) 29 Апрѣля 1818 года я видѣлъ Бееренбергъ съ палубы корабля „Фемъ“ на разстояніи 95 — 100 миль.

„4-го августа вся горная мѣстность была покрыта снѣгомъ и льдомъ и даже низменности, гдѣ въ ложбинахъ и глубокихъ впадинахъ еще видѣлись большія снѣжныя площади, удержали часть зимняго покрова вплоть до морскаго берега.“

„Между сѣверовосточнымъ и югозападнымъ мысами находятся три замѣчательные глетчера; они выполняютъ трещины утеса-стаго рифа, который по моему измѣренію отвѣсно обрывается съ вышины 1284 футъ; ледники начинаются отъ подошвы Вееренберга и сползаютъ къ самой водѣ. Полярные глетчеры во всѣхъ отношеніяхъ отличаются отъ другихъ мною видѣнныхъ. Ихъ поверхность изорвана, цвѣтъ сѣрозеленый; они похожи на громадные водопады, внезапно остановленные въ своемъ паденіи и оледенѣвшіе отъ сильнаго холоду. Зеленватый ледъ покрытъ тамъ и сямъ бѣлыми клочьями снѣгу, точно пѣною каскадовъ и представляющихъ рѣзкій контрастъ съ совершенно черными верхами скалъ, которые мѣстами высунулись надъ поверхностью. Подобно водопадамъ ихъ теченіе, повидимому, обусловлено, въ нѣкоторой степени, утесами на которыхъ они лежатъ, представляя сверху до низу изогнутыя линіи.“

„Я сошелъ съ моего корабля „Эскъ Уайтби“ утромъ въ три четверти втораго въ сопровожденіи капитановъ Джексона и Беннета, ихъ корабли были по близости — и въ половинѣ третьяго при довольно сильномъ прибоѣ присталъ къ берегу, состоявшему изъ крупнаго чернаго песку. Песокъ лежалъ толстымъ слоемъ на 2, 3 мили въ длину и шириною въ проселокъ и состоялъ изъ смѣси магнитнаго желѣзняка въ видѣ мелкихъ зеренъ, авгита и пироксена; черныя частицы были очень тяжелы, притягивались магнитомъ и совершенно походили на крупный порохъ“.

„Бухта, въ которой мы пристали, была первымъ доступнымъ мѣстомъ на всемъ неприступномъ берегу на разстояніи почти 4 часовъ пути отъ сѣверовосточнаго мыса. Большая лѣсная бухта лежала отъ насъ прямо на западъ; а Юговосточный мысъ былъ миляхъ въ 5-ти на востокъ“.

„Берегъ, поднятый на нѣсколько футъ, уходилъ совершенно ровно почти на $\frac{1}{4}$ мили внутрь страны, гдѣ и ограничивался неправильными скалистыми рифами. Этотъ берегъ, кажется покрывается моремъ, — такъ какъ усѣянъ пловучимъ лѣсомъ, между ко-

торымъ попадаются хорошія строевой лѣсъ; но большая часть сильно погнила, и частью, казалось, источена червями. Трубокъ, найденный мной, былъ четырехгранно обтесанъ и наивѣченъ буюю G.“

„Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ замѣтилъ всѣ признаки вулкана. Всюду видѣлись куски лавы, часто смѣшанные съ кусками обожженной глины; ближе къ скаламъ попадались въ значительномъ количествѣ большія глыбы красной глины, отчасти обожженной, но всегда легко растирающейся. Множество остроко-нечныхъ скалъ, вѣроятно принадлежащихъ къ трапповой форма-ціи (trappformation), торчало въ пескѣ; на одной такой скалѣ, изъ пузырчатого базальта (blasigem Basalt), было вкраплено мно-жество красныхъ кристалловъ авгита (augit krystalle). Между прочимъ намъ попались горнокаменные породы, сильно походившія на знаменитый Андернахскій базальтовый жерновъ камень. Какъ только мы отошли отъ морскаго берега, я увидѣлъ гор-ныя породы, имѣвшія несомнѣнные признаки позднѣйшей вул-канической дѣятельности, какъ-то золу, земляные шлаки, (Feldsch-lacken) обожженую глину, пузырчатую лаву и т. п. Такъ какъ намъ казалось, что мѣсто, изъ котораго были выброшены эти ве-щества, довольно близко, то мы и попытались подняться къ нему. Крутизна холма и рыхлая почва сильно затруднили восхожденіе; мы часто скользили на нѣсколько шаговъ назадъ, такъ какъ ком-ки лавы уходили изъ подъ ногъ и тогда почва звенѣла, какъ еслибы мы шли по пустымъ металлическимъ сосудамъ или по сво-дамъ пещеры.

„Обожженная глина и другія рыхлыя горныя породы у по-дошвы холма были преимущественно большими глыбами; на сре-динѣ склона болѣе раздроблены. На вершинѣ въ комкахъ полу-обожженной красной глины было вкраплено много кристалловъ авгита, а на южной сторонѣ вершины шелъ крутой валъ изъ той же глины и придавалъ горѣ видъ замка удивительной красоты. Под-нявшись на вершину, которая, по нашимъ соображеніямъ возвы-шалась надъ моремъ на 1500 футъ, мы увидѣли красивый кра-теръ, съ жерломъ въ 500—600 футъ глубины и 600—700 лок-тей въ поперечникѣ. Онъ былъ совершенно круглый; его внут-реннія и наружныя окраины имѣли почти одинаковый наклонъ.

Дно кратера было покрыто наносомъ такъ высоко, что онъ образовалъ горизонтальную плоскость эллиптической формы, отъ 400 до 240 футъ. На днѣ кратера изъ подземной пещеры вытекалъ источникъ и, пробираясь на югъ, скоро терялся въ песокѣ“.

„Съ этой высоты видъ былъ красивъ. Немного на сѣверъ отрывался Бееренбергъ совершенно свободный отъ облаковъ, величественно уходя въ область вѣчнаго льда. У подошвы горы, на юго-восточной сторонѣ, близъ большаго потока лавы, находился другой кратеръ совершенно похожій на описанный. На югѣ виднѣлась крайняя грань острова. Видъ на сѣверъ закрывалъ густой туманъ, готовый медленно надвигался на насъ и мало по малу застилалъ кругозоръ и закуталъ ближайшія горы въ непроницаемую дымку. Море было спокойно, солнце ярко свѣтило и половина неба была совершенно безоблачна. Исключая интереса, который возбудилъ вулканъ—Бееренбергъ положительно поглотилъ все наше вниманіе.“

„Окружавшіе рифы были разныхъ оттѣнковъ коричневаго или чернаго и общій характеръ страны доказывалъ дѣйствіе подземнаго огня.“

Немного на западъ лежитъ скалистый холмъ круто обрываясь въ море; я спустился съ кратера надѣясь найти на немъ горнокаменные породы, отличныя отъ тѣхъ, какія мы до сихъ поръ видѣли. Холмъ представляетъ рифъ изъ желтосѣрой легко растирающейся земли или глины, въ которую впаяны кристаллы авгита и большіе, черные, круглые куски базальта.“

Близъ вулкана мы нашли кусокъ желѣза; повидимому, онъ выплавленъ изъ желѣзной руды въ естественной печи. Взбираясь мы положили его къ сторонѣ, такъ какъ онъ былъ чрезвычайно тяжелъ и, къ сожалѣнію, позабыли его, оставляя берегъ. Мы захватили съ собою образцы всѣхъ прочихъ металлическихъ, минералогическихъ, растительныхъ и животныхъ веществъ, которыя нашли“.

„Такъ какъ глетчеры острова неизбѣжно наводили на мысль о замерзшихъ водопадахъ, то поэтическое воображеніе открыло бы въ пустомъ, металлическомъ звукѣ, который издавала мѣстность близъ горы, пещеру Вулкана; а въ кускѣ желѣза, обработанномъ въ нѣдрахъ земли, орудіе, приготовленное этимъ же богомъ для своего отца Юпитера.“

„На рифахъ было мало растеній. Мы прошли далеко и не открыли даже слѣда растительности. Дальше, внутрь страны намъ попадались тамъ и сямъ между вулканическими породами пучки травы въ полномъ цвѣту. У послѣдняго рифа травы были обильнѣе и экземпляры крупнѣе. Мы узнали между найденными растеніями *Rumex digynus*, *Saxifraga tricuspidata* и *oppositifolia*, *Arenaria reploides* (?), *Silene acaulis*, *Draba vegna* и т. д.“

„Почва почти всюду черный песокъ или что то въ родѣ желтовато-сѣрой глины“.

„Вблизи морскаго берега мы видѣли лисьи норы и слѣды ниже наивышей линіи прилива; но не встрѣтили ни одной изъ нихъ. Были слѣды бѣлыхъ медвѣдей, можетъ быть, также оленей. Птиць не такъ много, какъ я предполагалъ; мы видѣли только сѣрыхъ чаекъ, буревѣстниковъ и *Procelaria glaciaria*, пыжиковъ, маленькихъ гагаръ и чаекъ. Мы видѣли то же нѣсколькихъ китовъ, но только гиббаровъ, а гронландскихъ китовъ не видали.“

„Мы возвратились на корабль въ 6 часовъ утра. Погода была ясная и я нанесъ важнѣйшіе береговые пункты, взялъ азимуты и высоты солнца для опредѣленія отклоненія магнитной стрѣлки и градусовъ долготы посредствомъ хронометра.“

„Матросы, посланные мною на рыбную ловлю, ничего не найдя въ открытомъ морѣ, приблизились къ берегу и высадились восточнѣе почти на двѣ мили отъ мѣста, гдѣ мы приставали, хотя буруны были очень сильны и берегъ чрезвычайно узокъ. Они нашли много пловучаго дерева, въ томъ числѣ лодочное весло, корабельную мачту и другіе обломки. Найденныя образцы горныхъ породъ, которыя они захватили съ собой, имѣли тотъ же вулканическій характеръ, какъ и найденныя нами. Они видѣли близъ нѣкоторыхъ трещинъ въ рифахъ большія массы лавы, которыя, казалось, вылились изъ этихъ трещинъ. Зола, землистые шлаки, магнитный желѣзнякъ въ видѣ мелкихъ зеренъ и куски флюевыхъ породъ покрывали бухту и рифы, которые они осмотрѣли.“

„Я назвалъ открытый мною при экскурсіи вулканъ, горю Эскомъ — именемъ корабля, которымъ я тогда командовалъ; выдающийся къ востоку берегъ — мысомъ Фишборномъ и мѣсто на яичномъ островѣ, образующее восточную границу Большой Лѣсной бухты — мысомъ Бродрикомъ, въ честь моихъ друзей, которымъ

принадлежалъ „Эскъ“. Бухту, лежащую между этими пунктами, къ которой мы приставали, я назвалъ бухтой Джемсонъ въ честь моего почтеннаго друга Джемсона.“

„Весною слѣдующаго года у одного изъ близкихъ вулкановъ, можетъ быть у Эска, было по всей вѣроятности изверженіе, 29-го апрѣля на корабль „Фэмъ“ я плылъ мимо Янъ-Майена, который лежалъ отъ меня на сѣверѣ; восточный вѣтеръ только съ трудомъ позволилъ мнѣ обогнуть островъ на другой день. Мы плыли на сѣверъ, между Ледяной бухтой и наискось бухты Джемсона, и ясно видѣли Яичный островъ, всѣ три глетчера и другіе большіе предметы. Мы были поражены, увидѣвши значительные клубы дыма, которые вылетали изъ земли близъ горы Эска каждыя 3—4 минуты на сѣверъ отъ яичнаго острова. Сначала мы полагали, что дымъ подымается отъ огня, разведеннаго людьми, потерпѣвшими, можетъ быть, крушеніе; но послѣ того, какъ я самъ болѣе часа наблюдалъ съ Марса это явленіе, я пришелъ къ убѣжденію, что это ни что иное, какъ слабое вулканическое изверженіе. Дымъ быстро подымался клубами на двойную высоту острова, т. е. приблизительно на 4000 футъ. Джилъотъ, капитанъ корабля „Ричардъ“ изъ Гулля, рассказывалъ мнѣ, что того же мѣсяца въ 1818 году, когда онъ промышлялъ близъ острова тюленей, онъ наблюдалъ подобныя же явленія. Часто былъ видѣнъ дымъ; однажды онъ даже примѣтилъ зарево, какъ бы отъ сильнаго огня. Онъ позвалъ офицеровъ посмотреть на явленіе и въ шутку говорилъ, что луна высадилась на берегъ Янъ-Майена“.

„Эти факты можетъ быть объясняютъ странный шумъ, который слышали семь голландскихъ моряковъ, думавшихъ перезимовать здѣсь зиму 1633 — 34 года. Ночью 8-го сентября они были испуганы шумомъ, точно что-то чрезвычайно тяжелое упало на землю, но ничего не видали.“ Если это не было паденіе глетчера, какъ нѣкоторые предполагали, то конечно это было вулканическое явленіе.“

„Эти семь моряковъ, кажется, были единственные люди, когда-либо пытавшіеся перезимовать на Янъ-Майенѣ. Они принадлежали къ голландской китоловной флотиліи и добровольно предложили свои услуги гренландской компаніи, чтобы испробовать, можно ли перезимовать на островѣ и устроить промышленную стан-

цію. Этотъ планъ прикрывался предлогомъ изслѣдовать настоящее положеніе страны въ зимнее время, наблюдать ночи и другія явленія, оспариваемыя еще астрономами; но, безъ всякаго сомнѣнія, имѣлось въ виду попытаться основать колонію, чтобы облегчить китовый промыселъ и возвысить въ глазахъ авантюристовъ цѣнность рыбнаго промысла. Дневникъ этихъ людей, подробно приведенный въ Чоргильскомъ сборникѣ путешествій, даетъ лучшія свѣдѣнія о вѣтрѣ и погодѣ, нежели все другія, обнародованныя до сихъ поръ, наблюденія, дѣланныя также зимою подъ этими крайними широтами. Товарищество перенесло суровость зимы безъ всякой опасности для жизни до тѣхъ поръ, пока не появилась между ними цынга. Они не могли доставать необходимыхъ свѣжихъ припасовъ и болѣзнь дѣлала быстрые успѣхи. Первый умеръ 16-го апрѣля; прочіихъ постигла такая же жестокая участь спустя мѣсяць. Ихъ дневникъ кончается 30 апрѣля. Когда 4-го іюня голландская флотилія появилась у острова — они все были мертвые въ шалашахъ.“

Скоресби приводитъ выдержки изъ ихъ дневника день за день отъ 26-го августа до 30-го апрѣля. Изъ нихъ видно, что не суровый холодъ, а скорѣе сильныя вѣтры, густыя туманы и вьюги характеризуютъ зиму на Янъ-Майенѣ. 28-го августа уже выпалъ снѣгъ, и въ началѣ апрѣля помѣчена вьюга. Море покрывается льдомъ въ октябрѣ. Въ ноябрѣ появляются медвѣди и посѣщаютъ островъ до марта. Въ мартѣ киты играютъ въ большомъ количествѣ близъ береговъ. Послѣдній день апрѣля — чудесный, ясный день. Подъ этой замѣткой стоитъ еще слово: умираемъ.

Посѣщеніе Лорда Дуфферина въ 1856 году едва ли способствовало нашему знакомству съ островомъ Янъ-Майеномъ. Лордъ былъ въ Исландіи, какъ извѣстно, въ то время, когда принцъ Наполеонъ посѣщалъ ее и, какъ по крайней мѣрѣ полагаютъ исландцы, имѣлъ тайное порученіе отъ англійскаго правительства присматривать за поведеніемъ принца, которому приписывали политическія цѣли, такъ какъ французы уже съ давнихъ временъ привыкли ловить близъ Исландіи рыбу въ мутной водѣ. „Королева Гортензія“, на которой находился принцъ, взяла на буксиръ шкуну лорда Дуфферина и подплыла съ нею къ Янъ-Майену, но принуждена была воротиться, такъ какъ истощился запасъ угля

Лордъ Дуфферинъ съ большимъ трудомъ пробрался въ туманѣ сквозь льдины къ острову; на минуту онъ увидѣлъ сквозь туманъ его вершину — слишкомъ уже мелькомъ, чтобы набросать вѣрный очеркъ. На другое утро онъ увидѣлъ въ полной красѣ сѣверовосточный край, который мы сперва видѣли и даже присталь къ узкой береговой полосѣ, но черезъ часъ принужденъ былъ оставить берегъ, такъ какъ льдины угрожали затереть путь къ кораблю. Такъ какъ мы видѣли Бееренбергъ съ трехъ сторонъ, съ сѣверовостока, съ юга и югозапада и имѣли возможность срисовать его, то можемъ смѣло утверждать, что гора ни откуда не представляетъ такой остроконечной формы, какую придалъ ей лордъ Дуфферинъ на рисунокѣ, служащемъ заглавнымъ листомъ его книгѣ. Бееренбергъ — коническій кратеръ съ отвѣсными обрывами и широкимъ отверстіемъ. внутри; край этого отверстія хотя и зазубренъ немного, но срѣзанъ совершенно горизонтально, такъ что на разстояніи нѣсколькихъ миль видны зубцы, образующіе заднюю стѣну кратера и такъ круто срываются внутрь, что снѣгъ не можетъ удержаться на нихъ.

Янъ-Майенъ несомнѣнно вулканическаго происхожденія, — длинная разсѣлина, наполненная лавой и на одномъ концѣ которой мощно поднялся кратеръ Бееренбергъ. Кромѣ кратеровъ, на которыхъ мы побывали, замѣчательно, что мы выходили на берегъ почти на тѣхъ же мѣстахъ, которыя посѣтилъ Скоресби и его матросы, и собирались на тотъ же самый вулканъ Эскъ, — кромѣ этихъ кратеровъ, на островѣ, вѣроятно, еще множество кратеровъ, которые нашлись бы преимущественно при изслѣдованіи сѣверозападнаго берега. Правда вулканическая дѣятельность теперь прекратилась и центральный вулканъ Бееренберга погасъ уже, во всякомъ случаѣ, нѣсколько столѣтій; иначе глетчеры, вѣнчающіе его верхушку, не могли-бы имѣть такого развитія, такихъ размѣровъ. Бововныя изверженія несомнѣнно случались и въ послѣднія столѣтія, что доказывается не только наблюденіями Скоресби въ 1823 году, но и болѣе раннимъ извѣстіемъ, которое я нашелъ въ одномъ старомъ сочиненіи, въ свое время надѣлавшемъ много шума. Это сочиненіемъ подъ заглавіемъ: „Господина Іоганна Андерсона, І. И. Д. и бывшаго перваго бургомистра вольнаго имперскаго города Гамбурга, извѣстія объ Исландіи, Гренландіи и Дэвисовомъ

проливѣ, къ истинной пользѣ наукъ и торговли. Гамбургъ, изда-
 ніе Георга Христіана Грунда. Печат. 1746.“ На страницѣ 7-й
 я нашелъ слѣдующую замѣтку: „Подобный подземный пожаръ про-
 изошелъ самъ собою въ 1732 году на такъ-называемомъ островѣ
 Янъ-Майенѣ, который совершенно также какъ и наша Исландія —
 одинъ изъ сѣверныхъ осколковъ міра, очень похожъ на нее; но
 совершенно ненаселенъ и необитаемъ, лежитъ неподалеку отъ Шниц-
 бергена и Гренландіи. По предположеніямъ мореходцевъ островъ
 имѣетъ въ длину 6 нѣмецкихъ миль, не особенно широкъ и прости-
 рается съ югозапада на сѣверовостокъ; всюду покрытъ малыми и
 большими утесами, или скалами, совершенно обнаженными. У его
 сѣвернаго конца возвышается такъ называемый Бееренбергъ, отъ
 множества медвѣдей, нѣкогда усмотренныхъ близъ него. Онъ такой
 высоты, что когда небо покрыто облаками, то своєю верхушкою
 достигаетъ, несущихся надъ нимъ, нижнихъ облаковъ и при ясной
 погодѣ виденъ на разстояніи 32 миль, какъ увѣряли меня наши
 моряки. Какъ и прочія скалы, онъ совершенно обнаженъ; на немъ
 нѣтъ ни кустарника, ни травы, ни земли; верхъ постоянно по-
 крытъ снѣгомъ и льдомъ и только у подошвы образуется изъ
 помета, гнѣздящихся тутъ въ неслѣтномъ количествѣ, берего-
 выхъ птицъ (вслѣдствіе множества морскихъ краббовъ или креве-
 товъ) тонкій ишистый и земляной слой, пороспій столь необходи-
 мыми въ здѣшнихъ мѣстахъ лекарственными травами, для про-
 ходящихъ мимо гренландскихъ вожаконъ, — ложечникомъ, щаве-
 лемъ и т. под., которыя уродились тутъ по Божьему мудрому
 и милостивому предопредѣленію. Въ 1732 году 17 мая въ 3-хъ
 миляхъ южнѣе отъ этой горы, по случаю противнаго вѣтра,
 бросилъ якорь морякъ, по имени Іакобъ Іакобсенъ Лаабъ, плив-
 шій на своемъ кораблѣ въ Гренландію. Вдругъ случилось, что
 внизу горы въ различныхъ мѣстахъ показалось большое пламя,
 которое какъ молнія прорѣзывала воздухъ въ разныхъ направле-
 ніяхъ; потомъ послышался ужасный трескъ какъ отъ сильнаго
 грома, и наконецъ показался большой, густой дымъ. Это сильно
 напугало и опечалило моряка, такъ какъ онъ со своимъ кораб-
 лемъ не могъ двинуться съ мѣста и не могъ знать, какія по-
 слѣдствія произведетъ этотъ взрывъ и что съ нимъ будетъ. Од-
 нако пожаръ продолжался только etmah!, какъ выражаются мо-

ряки, т. е. 24 часа; верхъ горы даже не открылся, и не выбросилъ ни маленькихъ камней, ничего подобнаго. Только густой и черный дымъ продолжался до 21 числа того же мѣсяца, когда вѣтеръ переѣнился и упомянутый морякъ поплылъ далѣе. Но вскорѣ его обурялъ новый страхъ. По его предположенію, въ 15 миляхъ отъ острова посыпалось на корабль такое множество золы, что паруса совершенно почернѣли да и палуба корабля покрылась толстымъ слоемъ золы. Онъ сначала боялся, что къ этой золѣ, можетъ быть, примѣшаны глѣбующіе уголья или другія какія нибудь горючія горныя породы, которыя зажгутъ его вымоленный корабль. Но послѣ, когда онъ въ разныхъ мѣстахъ пощупалъ золу и нашелъ ее холодною, да еще замѣтилъ, что если приблизить къ ней даже свѣчу, то и тогда она не воспламеняется, онъ приободрился духомъ и велѣлъ смыть водою золу съ корабля, на что его матросы употребили добрыхъ 5 часовъ, такъ какъ все падала новая зола и въ большемъ количествѣ. Я добылъ немного этой золы, свѣтлосѣрой и мягкой на ощупь; подъ увеличительнымъ стекломъ видно, что она переѣшана съ множествомъ мелкихъ песчинокъ или скорѣе прозрачныхъ кусочковъ растертыхъ камней-овъ. Спустя двѣ недѣли другой морякъ по прозванію Алике Пайенсъ, землякъ того моряка, услышавъ кое что объ этомъ неслыханномъ событіи, поѣхалъ на островъ и обладалъ такимъ мужествомъ и любознательностью, что вышелъ на берегъ на мѣстѣ пожараща, чтобы хорошенько все разглядѣть. Но онъ ничего не увидалъ особеннаго, чтобы напр. гора гдѣ нибудь треснула, или что нибудь вытекло или выброшено изъ нея и нашелъ только почву на протяженіи двухъ миль покрытую такимъ толстымъ слоемъ золы, что нога уходила въ нее по колѣно и, слѣдовательно, довольно намучившись, онъ воротился на корабль.“

Извѣстіе премудраго бургомистра Андерсона уже указываетъ, что послѣднія изверженія, происходившія на Янгъ-Майенѣ, ничего не выкидывали кромѣ золы; тогда какъ прежнія образовательныя изверженія, если ихъ можно такъ назвать, должны были сопровождаться громадными потоками лавы. Дѣйствительно Вееренбергъ и вся его подошва, всѣ мысы, рифы и утесы острова образовались изъ твердой плотной лавы, которая не имѣетъ никакого сходства ни съ одною изъ извѣстныхъ намъ лавъ. Эта масса — сѣ-

раго цвѣта, плотной спайки слегка окристаллизована и содержитъ множество вкрапленныхъ кристалловъ авгита, перидота и пироксена, которые придаютъ ей видъ мелкозернистаго порфира. Нѣкоторые пласты лавы толщиной въ 30 и 40 футъ и часто, какъ напримѣръ въ бухтѣ гимнастики, въ которой мы приставали, замѣчается отслоеніе пластовъ, вслѣдствіе чего горная порода рстрескивается на большія плиты. Во многихъ мѣстахъ лава пузырчатая и даже пѣнистая; въ нашей коллекціи сохраняются куски, въ которыхъ, какъ кажется, началось образованіе цеолитовъ въ пѣнистой лавѣ. Поздреватость лавы нисколько не мѣшаетъ развитію упомянутыхъ кристалловъ: напротивъ, въ пузырчатой лавѣ попадаются болѣе крупныя авгиты, чѣмъ въ плотной.

Особенное видоизмѣненіе лавы встрѣчается какъ у кратера Эска, такъ и въ нѣкоторыхъ потокахъ, вылившихся изъ жерла Вееренберга. Цвѣтъ такой лавы чрезвычайно черенъ; составныя части содержація желѣзо очевидно преобладаютъ въ ней, такъ что цѣлыя глыбы до самаго нутра губчатого слоя окрасились яркимъ краснымъ цвѣтомъ, вслѣдствіе окисленія желѣза. Уже издали бросается въ глаза эта окраска въ кровавый цвѣтъ или цвѣтъ биновари, дающая рѣзкій контрастъ съ темнымъ чернымъ цвѣтомъ неразложившихся горныхъ породъ и съ желтоватою зеленою иховъ. Этотъ-то родъ лавы при дальнѣйшемъ разрушеніи и образуетъ преимущественно великолѣпный черноземъ, въ который пустили корни хляня растеньица на скатахъ и подъ защитой нависшихъ лавовыхъ скалъ; тогда какъ сѣрая лава, разрушаясь даетъ сѣрый песокъ, въ которомъ только и можетъ расти песочный овесъ, цѣпляясь своими длинными волосистыми корнями. Тяжелый песокъ, образовавшій вездѣ береговую полосу и наполняющій также внутри долины острова, очевидно произошелъ главнымъ образомъ не вслѣдствіе разрушенія лавы, а скорѣе прямо выброшенъ вулканами. Находящійся почти у самаго берега, маленькій кратеръ Верна явно произошелъ вслѣдствіе изверженія большого количества такого песку и золы. Совершенно равномерное образованіе, форма круглаго вала, положительное отсутствіе всякаго потока лавы въ его окрестностяхъ, чрезвычайно большое скопленіе песку на окружающей его равнинѣ, достаточно доказываютъ, что здѣсь никогда не было изверженія лавы — извергались только песокъ и зола; замѣчательно,

что и Андерсонъ, и Скоресби указываютъ на вулканъ Берна, какъ на вѣроятное мѣсто позднѣйшихъ изверженій. Не должно забывать, что форма этого маленькаго кратера имѣетъ поразительное сходство съ тѣми, которые встрѣчаются на такъ называемыхъ *Maage in der eifel*, такъ что и имъ нужно приписать во всякомъ случаѣ то-же происхожденіе.

Уже Скоресби замѣтилъ, что глетчеры острова Янъ-Майена нисколько не похожи на глетчеры, видѣнные имъ въ другихъ полярныхъ странахъ, именно на Шпицбергенѣ и въ Гренландіи. Дѣйствительно, было-бы трудно показать различіе между этими глетчерами и столь хорошо извѣстными глетчерами Альпъ. Иглы, зубья, грязевыя синеватыя полосы, морены и наносные валы оказываются совершенно такими же въ нижнихъ частяхъ альпійскихъ глетчеровъ; тогда какъ глетчеры другихъ полярныхъ странъ похожи на большія моря Фирна, образующія на Альпахъ резервуары, изъ которыхъ ледяные потоки спускаются въ долины. Это различіе очевидно происходитъ не отъ климатическихъ условій, какъ можно бы предположить, но единственно отъ наклона плоскостей, по которымъ движутся глетчеры. На Янъ-Майенѣ можно хорошо наблюдать, какъ солнце, которое даже въ полдень очень не высоко стоитъ надъ горизонтомъ, преимущественно дѣйствуетъ только на тѣ плоскости, которыя сильно приподняты и стало быть солнечные лучи падаютъ на нихъ подъ прямымъ угломъ. Чѣмъ круче уступы, тѣмъ богаче растительность, тѣмъ полнѣе развитіе цвѣтовъ и сѣмянъ, тѣмъ выше подымается граница таянія зимняго снѣга. Нынѣшнее лѣто эта граница вообще достигаетъ высоты рифа, который Скоресби измѣрилъ въ 1280 футъ. На Эскѣ, превышающемъ этотъ рифъ по крайней мѣрѣ на 200 футъ, не было и слѣдовъ снѣгу; тогда какъ внизу, на плоскихъ почти равнинахъ видѣлись мѣстами большія полосы снѣгу.—Мы не опустимъ еще одного обстоятельства, которое заслуживаетъ особой замѣтки. Наносные и песчаные холмы на восточной сторонѣ, массы моренъ въ окрестностяхъ южнаго глетчера, стѣны, ушедшаго въ море ячнаго кратера, очевидно образованы наслоеніемъ замерзшаго песку; такъ что на нѣкоторомъ разстояніи они буквально кажутся въ черныхъ и бѣлыхъ полосахъ—явное доказательство, что въ лѣтнее время солнечные лучи не могутъ оттаять весь слой наноснаго песку; такъ

что большая часть талой воды, стекающей съ верхнихъ частей острова, на нѣкоторой глубинѣ снова застываетъ и такимъ образомъ смерзается съ пескомъ. Здѣсь мы могли отлично прослѣдить образование тѣхъ мерзлыхъ песчаныхъ и земляныхъ слоевъ, которые у сибирскихъ береговъ заключаютъ въ себѣ группы вымершихъ испанскихъ животныхъ. Безъ сомнѣнія и на островѣ Янъ-Майенѣ внутри мерзлыхъ массъ песку были бы найдены тѣже кости китовъ и тюленей, которыя теперь разбросаны по берегу.

Еще слово о картѣ, которую мы прилагаемъ. Она преимущественно заимствована у Скоресби, который самъ измѣрялъ юго-восточный берегъ; но сѣверозападный берегъ, который онъ не посѣщалъ, заимствованъ у стараго голландскаго мореплавателя Цоргдрагера, сочиненіе котораго о китовомъ промыслѣ мы въ сожалѣнію не могли достать.

Путь корабля обозначенъ на этой картѣ короткими черточками, а экскурсіи въ лодкѣ и на берегу обозначены точками. Цифры отъ 19 до 24 обозначаютъ мѣста, на которыхъ находился корабль въ полдень тѣхъ же чиселъ въ августѣ 1861 года. Чтобы не слишкомъ пестрить карту, мы обозначили буквами особо упомянутыя мѣстности.

а. Южный мысъ. б. Югозападный мысъ. с. Южная бухта съ десятью шалашами голландцевъ и съ горой Рообергомъ возлѣ. d. Сѣверная бухта. е. Бухта Мэри-Муссъ. f. Сѣверовосточный мысъ. g. Кратеръ Вееренбергъ. h. Юговосточный мысъ. i. Скала „Президентъ“. k. Южный глетчеръ. l. „Кратеръ Берна, похожій на пирожное Ратанкухенъ.“ m. Кратеръ Эскъ. n. Бухта Гимнастики. o. Кратеръ яичнаго острова. p. Лагуна Большой лѣсной бухты. q. Скала „Лоцманскій корабль“. r. Скала „Маякъ“. s. Подводныя скалы.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ИСЛАНДІЯ.

Motto.

Nach der Insel lass uns ziehen,
Wo den Thee der Geysir kocht!
Wo in dumpfen Lavahöhlen
Modern blondgelockte Seelen
Bei der Vogellampe Docht!

Попьемъ на островъ,
Гдѣ въ Гейзирѣ варится чай!
Гдѣ въ глухихъ лавовыхъ пещерахъ
Тѣютъ свѣтлоудры души
При ночникѣ изъ птичьяго жира!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Рейкьявикъ.

Мы распростились съ Янъ-Майеномъ 24-го августа, по всей вѣроятности, навсегда и при слабомъ вѣтрѣ поплыли на югъ, къ Исландіи послѣдней цѣли нашего путешествія. Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ мы оставили Гамбургъ, была настоящая ночь, мы опять увидѣли звѣзды на небѣ и долго за полночь просидѣли на палубѣ, радуясь непривычному зрѣлищу. Мы радовались, что избавились отъ нескончаемаго дня и приближаемся къ странамъ, гдѣ и лѣтомъ 24 часа раздѣляются на время отдыха и труда. Мы вздумали предсказывать себѣ по звѣздамъ. Нѣкоторые утверждали, что звѣзды вообще должны предзнаменовать счастливое путешествіе; но не всѣ авторитеты согласились съ ними и дальнѣйшее плаваніе дѣйствительно подтвердило ихъ мрачныя предвѣщанія.

На другое утро мы потеряли изъ виду Янъ-Майенъ; даже Боеренбергъ, видимый на такомъ значительномъ разстояніи, и тотъ скрылся за горизонтомъ. Стая поморниковъ, (до сихъ поръ мы встрѣчали ихъ только по одиночкѣ) и птицы изъ семейства утиныхъ, которыя не приближались на столько, чтобы можно было ихъ различить, показывали однако, что мы все еще не слишкомъ далеко отъ земли. Мы держали на сѣверовосточную оконечность Исландіи; и такъ какъ повременамъ вѣтеръ дулъ съ юга, то мы думали обогнуть сѣверный берегъ Исландіи, который, во всякомъ случаѣ, долженъ быть совершенно свободенъ отъ льдинъ.

Между тѣмъ утромъ 22-го августа вѣтеръ отнесъ насъ южнѣе и мы очутились въ недалекомъ разстояніи отъ юго-восточной оконечности Исландіи. На минуту показались на горизонтѣ двѣ большія горы, покрытыя снѣгомъ: сѣверная — болѣе остроконечный конусъ, похожій на гору Мола у Женевы; южная — широкая и отлогая; между ними торчало множество конусовъ, вершунекъ, крутыхъ мысовъ и другихъ принадлежностей гористой страны; но опять все мгновенно исчезло, только что имъ явились на палубу съ рисовальными альбомами. Съ сѣверовостока поднялась непогода, рѣзкій вѣтеръ, проливной дождь и большое волненіе. Барометръ падалъ и падалъ точно получалъ за это деньги; и капитанъ, который до тѣхъ поръ не придавалъ большой цѣны его показаніямъ, теперь навѣдывался къ нему каждые четверть часа съ видимо возрастающимъ безпокойствомъ. Превосходный инструментъ (имъ бы слѣдовало обзавестись всѣмъ морякамъ) уже съ утра предсказывалъ приближающуюся бурю. Въ восемь часовъ утра вѣтеръ сталъ до того силенъ, что подъ тремя только парусами мы дѣлали по десяти узловъ. Въ полудню капитанъ приказалъ убрать большой парусъ. Но только что принялись за работу, буря подхватила парусъ, разорвала его въ клочья и они закружили надъ головами матросовъ. „Если вѣтеръ не переищитъ направленія, (такъ записалъ профессоръ въ свой дневникъ, получивъ нѣсколько утѣнительныхъ увѣреній отъ капитана, утверждавшаго, что нѣтъ ни малѣйшей опасности), если вѣтеръ не переищитъ направленія, то мы завтра же будемъ въ Рейкьявикѣ и, еслибы не качало корабль, можно бы вообразить, что уютно и комфортабельно сидишь въ теплой комнатѣ во время завываній ноябрьской непогоды. Но кажется, придется еще получить нѣсколько шишекъ прежде чѣмъ приплывешь къ Рейкьявику.“

Изъ письма отъ 13-го августа, въ пятницу. „Мое предсказаніе утромъ третьяго дня оправдалось. Теперь мы можемъ сказать, что нибѣли дѣло съ настоящей бурей и должны еще считать за счастье, что такъ дешево отдѣлались. Я только-что написалъ послѣднія строки и печально поглядывалъ на доскутыя большаго паруса, которые носились надъ клокочущей поверхностью, точно клочки бумаги (тутъ было полотно на 400 франковъ,

такъ и пошло все къ черту!), какъ вѣтеръ усилился до того, что нельзя было дальше писать. Буря страшно бушевала: каждая волна хлестала на палубу; мы должны были закрыть ставни у оконъ и сидѣли такимъ образомъ въ холодной и темной залѣ. При такой страшной качкѣ нельзя было зажечь ни корабельнаго фонаря, ни лампы. По временамъ въ каюту вривалась большая волна чрезъ люкъ и скоро половина залы была подъ водой. Мы забрались на койки, но и тамъ было скверно, потому что трудно было удержаться въ кроватяхъ. По временамъ спускался къ намъ капитанъ съ несовсѣмъ утѣшительными извѣстiями: „Клѣтку съ орломъ сор-

вало водой!“ — Она была прикрѣплена толстыми гвоздями между кухней и нашей пристройкой. Выползли на палубу — буря завываетъ, лѣтъ страшно — словили орла и заперли въ трюмъ. „Медвѣдь утопаеть!“ — Въ самомъ дѣлѣ медвѣжья клѣтка сорвалась и самъ медвѣдь крайне разстроенъ. Его берутъ и совершенно мокраго бросаютъ въ трюмъ на носу, гдѣ лежатъ паруса. „Ахъ, г. профессоръ, что съ вашимъ столомъ!“ кричитъ капитанъ вслѣдъ за сильнымъ ударомъ, отъ котораго затрещала палуба. Между домеркатами я велѣлъ приладить складной столъ, который висѣлъ на крѣпкихъ шарнирахъ и у котораго въ ясную погоду мы работали и занимались съ микроскопомъ. Шарниры

еще цѣлы; но столъ сорвало и унесло вѣтромъ въ море. Четыре ножки привинченной у стола скамьи получили 6 переломовъ и теперь скамья можетъ быть употреблена на ростонокъ. Толстый канатъ, на которомъ насъ буксировали—толщиною въ руку и пожалуй вѣсомъ въ два центнера, вѣтеръ сорвалъ, какъ обрывокъ веревки съ крыши матросской койки. Матросы задыхаются работая надъ запасными якорями, которые готовы сорваться и все раздробить на палубѣ. Водяная бочка катится нѣтъ подъ ноги. Пока они укрѣпили ее, затрещали стѣнки двухъ послѣднихъ малыхъ парусовъ, тона и брамсаля. Ихъ нужно зарифить, не то сломится мачта. „Сильно дуетъ,“ говоритъ капитанъ, „мнѣ еще никогда не приходилось испытывать такой сильной бури.“ У насъ нѣтъ ни одного поднятаго паруса и все таки вѣтеръ несетъ насъ въ часъ по двѣ нѣмецкихъ мили. Но становится хуже. Корабль такъ глубоко ныряетъ, что большая лодка, висащая на 6 футъ надъ палубой на двухъ желѣзныхъ устояхъ толщиною въ руку, наполнилась водой. Волна сорвала ее съ одного устоя — она разбилась и ея обломки угрожаютъ пробить течь въ корабль. Рулевой отрубилъ остатокъ топорокъ. Только спровадили ее, пришла очередь маленькой лодки, что виситъ позади. Большая волна сорвала и ее; удалось еще накинуть петлю, такъ что нѣкоторое время она ныряла сзади; но скоро оборвался канатъ — обѣ лодки пропали! Кланяйтесь „Ферерскимъ островамъ!“ Всю палубу точно вылизалъ кто. Еще удивительно, какъ уцѣлѣла кухня и отхожее мѣсто. Внизу тоже не лучше! въ килѣ вода брызжетъ фонтанами между вантами; дуетъ во всѣ щели — я лежу въ кровати, мокрый какъ пудель: волна, пробравшаяся какъ то между пазовъ, окатила меня. Бѣднымъ матросамъ еще хуже на палубѣ; мы дали имъ рому, потому что они стучали зубами отъ холоду и воды. Такъ продолжалось до полуночи — потомъ буря постепенно стихла и мы могли нѣсколько отдохнуть. Но волненіе еще такъ сильно вчера утромъ, что нельзя было зажечь огня.“

Правду говорили, что исландское море негостеприимно и бурно. Тогда какъ Норвегія даже не встряхнула насъ—Исландія приняла насъ такъ, что едва ли можно лучше. Наши матросы отлично держались во время опасности и при случаѣ, безъ всякой лести, мы можемъ сказать про себя, что ни одинъ изъ насъ ни на ми-

нугу не страшился дурнаго исхода. Только послѣ капитанъ признавался, что онъ никогда не испытывалъ такой жестокой бури. Во все же время опасности онъ и рулевой показывали полнѣйшую увѣренность, хладнокровіе и покойную разсудительность, и такое поведеніе необходимо внушало намъ чувство безопасности“.

„Къ вечеру барометръ сталъ подыматься и хотя буря все еще сильно бушевала, но мы были вполне увѣрены, что ея сила истощилась и что нечего опасаться дальнѣйшихъ бѣдъ. Къ утру стихло и въ пятницу была прекрасная погода; солнце тепло и ярко свѣтило, воздухъ благоуханный, но море все еще волновалось, вѣроятно вспоминая недавніе удары вѣтра. Исландскій берегъ скрывался въ туманѣ и такъ какъ мы уже давно обогнули юговосточный мысъ и были снесены еще южнѣе, то и направили шкуну на западъ, чтобы вдоль южнаго берега пробраться въ нашу гавань. Скоро стихло и успокоилось море, такъ что мы могли приняться за свои обычныя занятія. Мы сидѣли съ капитаномъ за партіей виста, какъ лоцманъ доложилъ, что виднѣтъ большой огонь на берегу. Мы были по крайней мѣрѣ миль на 12 отъ берега и цѣлый день не видали его. Была ли какая нибудь возможность увидѣть огонь? Мы поднялись на палубу, я вооружился биноклемъ. Дѣйствительно свѣтитъ какой то высокій, красно-желтый огненный столпъ, внизу рѣзко отдѣленный краемъ горы, вверху прикрытый облакомъ, такъ что видна только середина. Я смотрю и говорю: Это мѣсяцъ! Капитанъ возражаетъ: тамъ сѣверъ, какъ же мѣсяцъ попадетъ на сѣверъ? не можетъ быть, это вулканъ! Мы беремъ компасъ и карту какъ разъ на мѣстѣ Оравы. Еще въ Норвегій намъ пришлось прочесть въ одной газетѣ, что на Оравѣ теперь изверженіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія! Мы смотримъ, думаемъ уже повернуть, чтобы плыть прямо туда, споримъ; въ это время столбъ какъ будто покривился, — это отчего? вообще вулканическій огненный столпъ всегда перпендикуляренъ, даже при сильнѣйшемъ вѣтрѣ, — облака спускаются, огонь показывается надъ ними, становится больше, кривѣе — тутъ-то мы увидѣли, что это мѣсяцъ въ послѣдней четверти, ярко багровый отъ тумана и облачныхъ паровъ, который забавляется тѣмъ, что передразниваетъ солнце и описываетъ кругъ, почти не заходя, такъ что во всякомъ случаѣ долженъ быть на сѣверѣ. Я утѣшился, вспомнивъ

А. Гумбольдта, который однажды во дворцѣ въ Берлинѣ въ продолженіи двухъ часовъ показывалъ всему двору сѣверное сіяніе, покуда не прискакалъ гонецъ и не объявилъ, что въ Потсдамѣ жужаръ. Но если не было изверженія, то моро дивно сверкало: корабль оставлялъ слѣдъ, въ которомъ всплывали большія медузы, какъ громадные шары и свѣтили снѣговатымъ огнемъ, а межъ нихъ, какъ маленькіе искорки, сверкали микроскопическія рачки. Мы долго лежали у руля, свѣсившись за бортъ и любовались фантастической игрой этихъ свѣтящихся тварей, пока не разошлись въ полночь спать. Только что успѣли согрѣться въ постеляхъ, какъ опять послышался крикъ: Профессоръ, это что? идите сюда! Въ мѣховомъ платьѣ и теплыхъ сапогахъ собралось все общество на палубѣ — сѣверное сіяніе раскинуло на полъ неба бѣлые лучи; но, только что мы собрались, тотчасъ же померкло. Но ночь дивно хороша, правда холодно, но великолѣпный звѣздный блескъ, лунный свѣтъ, сѣверное сіяніе и мерцаніе моря“.

„Сегодня, утромъ въ субботу, передъ нами дивная панорама. Ни облачка на небѣ; великолѣпный восточный вѣтеръ; довольно покойное темносинее море, по которому ходятъ бѣлые барашки; на морѣ множество птицъ, между ними вѣроятно глупыши (*sula baszapa*) большія, бѣлыя, величиною съ гуса, съ атласистыми перьями и черными концами крылъ и земля восхитительно близко — часть южнаго берега съ двумя чудными ледниковыми горами, съ которыхъ спускаются почти къ самому морю длинныя потоки лавы и глетчеры. Вѣроятно это тѣ двѣ горы, которыя составляютъ Эйафьелла Йокуль, вышиною болѣе 5000 футъ — но мы еще не можемъ рѣшить этого навѣрное, такъ какъ наши обѣ карты не согласны; меньшая, но болѣе новая, ставитъ Эйафьеллу тамъ, гдѣ большая карта капитана обозначаетъ Остеръ Йокуль и Мирдаль Йокуль, что болѣе согласуется и съ нашими чертежами *). Правѣе, на востокъ, возвышается крутой мысъ, Капъ Портландъ; лѣвѣе на западъ, виднѣтся рядъ причудливыхъ утесовъ и острововъ, страшно стремнистыхъ и раскиданныхъ. Это Западные Острова,

*) Кушленна позже въ Рейкьявикѣ большая карта Гуннлаугсона показала, что западная гора — Эйафьелла, а восточная — Мирдаль Йокуль, у подошвы которой вытекаетъ Йокульсаа.

(Vestmann öerne), которые подобно Лофоденскимъ служатъ безчисленными птицамъ для вывода птенцовъ. Шибко гонить попутный вѣтеръ: мы едва успѣваемъ рисовать, такъ скоро мѣняются виды и мы надѣемся, если вѣтеръ продолжится, сегодня вечеромъ увидѣть мысъ Рейкьянесъ; а завтра, 1-го сентября, бросить якорь въ Рейкьявикъ. Вотъ показалась Гекла, которая до сихъ поръ скрывалась за Эйафьелла Йокулель.“

Воскресенье, 1-е сентября. „Мы явно заплатили нашу дань морю бурей. Теперь прекрасная погода, теплое солнце, чудесный воздухъ, попутный вѣтеръ, покойное море и кругомъ очаровательная панорама большой бухты Факсе, у которой лежитъ Рейкьявикъ; мы медленно подплываемъ къ нему; его положеніе указала намъ только-что отплывающая шкуна. Это—единственное судно, которое мы увидали въ 8 дней, да и здѣсь, хотя берегъ кажется заселенъ, все таки очень немного лодокъ или каботажныхъ судовъ. Мы пролавили мимо южнаго мыса бухты почти на разстояніи ружейнаго выстрѣла, такъ что ясно видѣли низкія землянки, съ проросшими крышами, церковь и флагштокъ Скагена (названіе мѣстечка). Вотъ уже три часа поднять нашъ флагъ, въ знакъ, что мы желаемъ лоцмана; но нѣтъ ни одной души и мы принуждены руководствоваться компасомъ и картой. За то птицъ тутъ безъ числа: глушницы, утки, чистики, буревѣстники, чайки, гагары цѣлыми стаями заняты рыбными ловомъ; особенно замѣчательны глушницы, когда съ самого верху они бросаются въ море точно свинецъ, такъ что вода брызжетъ въ ростъ человѣка. Видъ великолѣпный: на заднемъ планѣ, какъ предѣльный камень подымается на сѣверѣ величавый конусъ Спэфальдъ Йокулъ — на двѣ трети покрытый снѣгомъ, по виду схожій съ Янгъ-Майономъ; къ нему примыкаютъ острые горные хребты, утесы, пространныя снѣжныя поля, кратерные конусы и потоки лавы съ крутыми склонами и плоскостями.

Послѣ многихъ попытокъ найти на нашихъ неудовлетворительныхъ картахъ точное положеніе Рейкьявика, къ намъ подплыла наконецъ въ маленькой, чрезвычайно ненадежной лодкѣ два лоцмана, именно въ ту минуту, когда мы направляли шкуну въ узкій проходъ между небольшимъ островомъ, который, что оказалось впоследствии, только во время прилива покрывается водой, а при

отливъ бываетъ совершенно сухъ. Еще недавно въ этомъ же мѣстѣ съѣлъ на мель англійскій корабль и большихъ трудовъ стоило его снять съ мели. Наша карта не показывала даже слѣдовъ такого мелководья, а двѣ стройныя мачты, которыя виднѣлись неподалеку изъ-за берега, казалось, указывали намъ путь въ гавань. Капитанъ долго пристально смотрѣлъ на верхушки мачтъ, на которыхъ виднѣлись пока только верхнія реи. „Право, это Спика!“ проговорилъ онъ, „Спика изъ Бланкенеze, капитанъ Остерманъ; но какъ попалъ сюда старый морской волкъ, когда ему слѣдуетъ быть въ Балтійскомъ морѣ?“

„Я не понимаю, капитанъ, какъ вы узнаете корабль по однимъ верхушкамъ мачтъ.“

„А вотъ подите же, знаю,“ увѣренно отвѣчалъ капитанъ; „какъ же мнѣ не знать своихъ бланкенеzцевъ? увидите, что это Спика, и вы будете очень рады знакомству съ старымъ Остерманомъ, который вотъ уже сорокъ лѣтъ плаваетъ въ море и его корабль до того состарѣлся, что ни одно общество не страхуетъ больше.“

Два лоцмана поднялись на бортъ — стройные и рослые люди, которые, по сравненію съ норвежскими лоцманами, произвели пріятное впечатлѣніе. Зюдвестеры, короткія куртки изъ грубой шерстяной матеріи, такіе же панталоны и странно скроенныя мягкіе башмаки изъ невыдѣланной тюленьей шкуры, которые были завязаны у лодыжекъ и въ которыхъ они безъ шума и мягко скользили по палубѣ, вотъ и весь ихъ удобный нарядъ. Такъ какъ они знали немного по-датски, то съ ними легко было объясняться. Они были съ большого острова Фидей, который мы вскорѣ увидѣли при поворотѣ корабля. Островъ былъ очень длиненькій; по срединѣ возвышалось пространное земляное укрѣпленіе, окруженное валами, зеленью и казематами толсто прикрытыми дерномъ. Мы съ удивленіемъ глядѣли на эту твердыню, для полнаго вооруженія которой надо по крайней мѣрѣ 40 пушекъ и соотвѣтствующій гарнизонъ; наше удивленіе было тѣмъ больше, что мы знали, что во всей Исландіи нѣтъ ни солдатъ, ни боевыхъ снарядовъ. Только впоследствии мы узнали, что всѣ исландскія жилища имѣютъ этотъ видъ крѣпостей и что только деревянныя дома столицы, да еще постройки нѣкоторыхъ торговыхъ мѣстъ у береговъ

отличаются от господствующаго на островѣ совершенно особеннаго архитектурнаго стила, который можно назвать землянымъ или лавовымъ стилемъ.

Между тѣмъ какъ свѣжій вѣтерокъ гналъ насъ къ гавани между разныхъ извилинъ (гавань показала только въ послѣднюю минуту), докторъ съ озабоченнымъ лицомъ подошелъ къ капитану и коммодору, которые стояли облокотившись на шанцы передней палубы и спросилъ, можно ли вполнѣ довѣряться лоцманамъ? У каждаго въ карманѣ куртки маленькая водочная фляжка и не проходитъ нѣсколькихъ минутъ, чтобы одинъ не предлагалъ другому выпить. Это извѣстiе нѣсколько встревожило насъ; но, постоявши немного на задней палубѣ около руля, мы привѣтствовали дружнымъ смѣхомъ открытiе доктора. Лоцмана подносятъ вмѣсто рта къ носу минныя водочныя фляжки изъ моржеваго зуба съ тоненькою трубочкой и такимъ образомъ подчуютъ друга вмѣсто одуряющей водки освѣжающимъ нюхательнымъ табакомъ. Коммодоръ, конечно тотчасъ же рѣшаетъ пополнить такой табакеркой начатую имъ въ Норвегiи этнографическую коллекцию, что и удалось ему впоследствии при помощи купца Зимзена.

Но вотъ передъ нами Рейкьявикъ. У морскаго берега протянулся рядъ низенькихъ деревянныхъ домиковъ, окрашенныхъ большею частью въ темнокоричневый цвѣтъ. Съ берега далеко въ бухту намощено множество пристаней; торчатъ невысокая колокольня; нѣсколько большихъ, ослѣпительно бѣлыхъ строснiй и за ними пустынные утесы изъ камня и лавы, прерываемые только тамъ и сямъ зелеными лужайками, на которыхъ виднѣются крылья вѣтряной мельницы. Противъ тянется длинная гора, Эзиа; ея крутыя скаты изъ желтоватыхъ валуновъ, изрѣзаны глубокими ущельями, въ которыхъ, мѣстами, виднѣются свѣтлѣе окрашенные пласты. Нигдѣ ни деревца, ни кустарника—одна необозримая пустыня, причудливо изрѣзанная дикими, зубчатыми бухтами, гдѣ на волнахъ покачивается „Спика.“ Еще издали кричитъ капитанъ — и загорѣлое отъ непогодъ лицо показывается надъ шанцами съ отвѣтомъ: „Это ты, Гансъ?“ Что вы тутъ дѣлаете?“ „Ловимъ камбалу,“ отвѣчаетъ Остерманъ. „Такъ пришлите намъ блюдо!“ „Хватить на весь экипажъ!“ Дѣйствительно, пока опускали якоря, лодка отчалкла отъ „Спики“ и привезла намъ блюдо вкусной рыбы

„Такъ“, говоритъ капитанъ, потирая руки отъ удовольствія, „по крайности у насъ теперь лодка у борта; мы можемъ отправиться на берегъ. Остерманъ навѣрное подшутилъ бы надъ нами и поставилъ бы помяться часа два-три, знай онъ только, что мы потеряли наши лодки.“ Вкусныя камбалы передаются повару; мы же садимся въ лодку и пока одни ѣдутъ на „Спику“, другіе отправляются прямо на берегъ отдать купцу Зимзону рекомендательныя письма и сторговать нѣсколько лодокъ.

Старый капитанъ за сигарой и чаемъ долго занималъ насъ своими морскими приключеніями: въ послѣднюю войну его захватили англичане, когда онъ вздумалъ прорваться сквозь блокаду Риги; съ нимъ съверно поступилъ англійскій призовой судъ, конфисковавъ и корабль, и грузъ. Онъ увѣрялъ будто бы знаетъ Норвегію отъ Бергена до Архангельска какъ карманы своихъ панталонъ; по его мнѣнію, Норвежцы хотя и добрый народъ, но чрезвычайно суевѣрный. „У меня какъ-то былъ пассажиръ въ Тромзе значительный финмаркенскій купецъ“, рассказывалъ капитанъ. „Мы отошли миль на 30 къ югу отъ Лофонденскихъ острововъ, и такъ какъ на морѣ было много птицъ, то и забросили удочки, насаженные саломъ: поймали двѣ чайки. Купецъ Христомъ Богомъ просилъ выпустить чаекъ, а не то непременно случится несчастіе.“ Я смѣялся и говорилъ: онѣ должны быть вкусны и на другой день велѣлъ ихъ сперва легонько поварить, а потомъ поджарить въ маслѣ на сковородѣ; онѣ были очень вкусны. Позвали къ обѣду купца, онъ ни до чего не дотрогивался и бѣгалъ по палубѣ въ совершенномъ отчаяніи; ломалъ себѣ руки и увѣрялъ, что убивъ чаекъ, мы непременно потерпимъ крушеніе и что, кто ѣстъ ихъ, погибнетъ самымъ жалкимъ образомъ; онъ не принимаетъ въ этомъ никакого участія, онъ хочетъ въ Тромзе; но мы ни за что туда не доѣдемъ, а погибнемъ еще у Лофонденскихъ острововъ съ чайками въ брюхѣ. Замѣтивъ, что онъ такъ суевѣренъ, я и говорю ему: „Мы непременно будемъ въ Тромзе, и если вы согласны всему подчиниться, то завтра же въ 6 часовъ утра я доставлю васъ.“ Это было положительно невозможно: намъ оставалось сто миль до него; но я скорчилъ серьезную фізіономію и посмотрѣлъ на рулеваго; не правда ли? „Конечно“, отвѣчалъ тотъ, „завтра утромъ ровно въ шесть часовъ, какъ сказалъ ка-

питанъ“. Купецъ попятился отъ меня на два шага и проговорилъ: „Но вѣдь это совершенно невозможно“. „Возможно или невозможно“, отвѣчалъ я, „это мое дѣло. Но вы должны всему подчиниться“. „Ни за что на свѣтѣ не хочу“, сказалъ купецъ содрагаясь; „я хочу пріѣхать въ Тромзе безо всякаго колдовства“. Съ тѣхъ поръ онъ меня страшно боялся. Вѣдь глупо же было съ его стороны, не правда ли? а такъ-то онъ былъ славный малый.“

Всѣ торговые мѣста въ Рейкьявикѣ подняли свои флаги, привѣтствуя насъ. Въ домѣ купца Зимзена мы были приняты самымъ дружескимъ и любезнымъ образомъ. Славная лодка съ англійскаго корабля, потерпѣвшаго крушеніе, стала тотчасъ же нашей собственностью и отвезла насъ обратно на корабль. Къ сожалѣнію мы не застали, постоянно пребывающаго въ Гамбургѣ, брата г. Зимзена, который ожидалъ насъ до отъѣзда послѣдняго корабля и было все приготовилъ къ нашей встрѣчѣ. Этотъ дѣятельный человѣкъ, такъ много уже сдѣлавшій для улучшенія острова и употребившій столько труда, чтобы возбудить сочувствіе къ острову какъ въ Англій такъ и въ Германіи, просилъ выразить намъ свое сожалѣніе, что не можетъ предпринять съ нами поѣздки внутрь страны, куда однако мы должны пуститься поскорѣе, такъ какъ время не терпитъ.

Было воскресенье и потому все населеніе одѣто въ праздничные наряды. Мы должны признаться, что, по большей части, стройныя, высокія фигуры съ бѣлокурыми волосами и голубыми глазами, красивая одежда и въ особенности кокетливыя, черныя островочныя шапочки женщинъ и дѣвущекъ производятъ очень пріятное впечатлѣніе. Тѣмъ временемъ какъ мы справлялись о старыхъ костюмахъ и миловидная дочка нашего гостепріимнаго хозяина показывала намъ странные головные уборы, серебромъ шитыя платья съ широкими серебряными поясами и поручьями, собранными со всего городка — юноши отправились въ городокъ и ближайшія окрестности, радуясь что чувствуютъ подъ ногами твердую почву. Прихожане ближайшихъ окрестностей только поздно вечеромъ отправились по домамъ. Большинство жителей городка воспользовалось, по обыкновенію, прекраснымъ, теплымъ воскреснымъ днемъ для прогулки по окрестностямъ. Все ѣхало на рысяхъ или въ галопъ на маленькихъ, болшею частью пѣгихъ лошадакахъ; очарова-

Рейкьявискія дѣвушки на лошади.

тельную картину представляли двѣ дѣвушки, сидѣвшія вѣстѣ на широкомъ сѣдлѣ; онѣ рысью проѣхали мимо землянокъ по дорогѣ къ вѣтряной мельницѣ, а бѣлокурый, курчавый мальчикъ выбивался изъ силъ, чтобы страхомъ ускорить шагъ маленькаго пони.

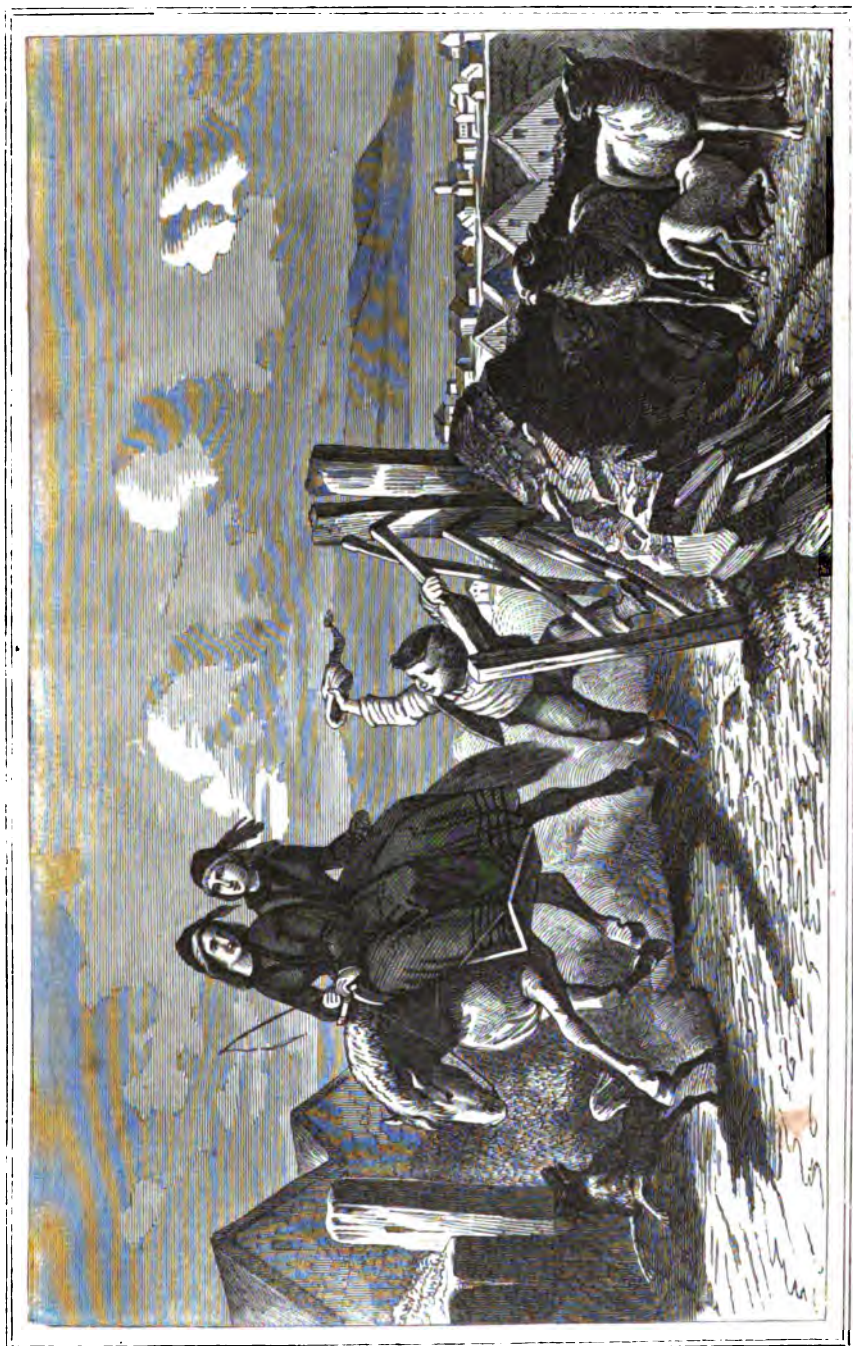
Такъ какъ наши свѣдѣнія объ Исландіи были далеко неполны, то мы бы съ удовольствіемъ заглянули передъ поѣздкой въ публичную бібліотеку Рейкьявика, щедро снабженную, по рассказамъ, всеми сочиненіями объ Исландіи. Въ сожалѣнію, наше посѣщеніе было во время вакацій, такъ что почти всѣ ученые знаменитости, ректоръ, физикъ, профессора и другія должностныя лица Рейкьявика были въ отсутствіи. Вицегубернаторъ привѣтливый старикъ и природный Исландецъ, который послѣ удаленія извѣстнаго графа Траппе управляетъ островомъ и который привѣтствовалъ насъ на превосходномъ французскомъ языкѣ, къ сожалѣнію, не могъ намъ достать ключи отъ школьной бібліотеки равно и профессоръ Арназонъ, который кромѣ кафедръ философіи занимаетъ еще кафедру естественныхъ наукъ. Но намъ удалось, хотя съ трудомъ, достать превосходную большую карту Исландіи профессора Гунилаугсона, которая должна была оказать намъ существенныя услуги въ нашемъ путешествіи внутрь страны. Глядя на эту прекрасную карту на четырехъ листахъ, точность и выполнение которой не уступитъ картѣ цивилизованной и богатой страны — удивившись выдержкѣ тѣхъ немногихъ людей, которые довели до конца это трудное предпріятіе и такъ же готовности, съ какою эта бѣдная страна понесла значительныя издержки на ея сооруженіе.

Физическія и геологическія коллекціи, которыя показали намъ въ ученой школѣ профессоръ Арназонъ, находятся въ самомъ жалкомъ положеніи; онѣ, да и все вообще указываетъ на то, что воспитаніе и образованіе основаны единственно и исключительно на изученіи классической древности, исландскомъ языкѣ и исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, выносишь странное впечатлѣніе, когда въ землянкахъ, едва заслуживающихъ названіе домовъ, въ низкихъ коморкахъ, тускло освѣщенныхъ однимъ окномъ въ квадратный футъ, встрѣчаешь мальчишковъ, которые убиваются надъ Ганнибаломъ и Сципиономъ и лучше знаютъ Ливіа, чѣмъ географію родной страны. Надо бы ожидать, что въ странѣ, такъ бѣдно на-

тѣмъ картину представляли двѣ дѣвушки, сидѣвшія вмѣстѣ на

какой-то скамьѣ. Дѣвушки сидѣли близко одна къ другой, и ихъ лица были обращены къ зрителю. Одна изъ нихъ имѣла темныя волосы, другая — свѣтлыя. Онѣ были одѣты въ простыя, но изящныя платья. Картина была написана въ классическомъ стилѣ, съ чистыми красками и ясными формами. Вокругъ картины были развѣшены и другія картины, но онѣ были настолько тусклыми, что ихъ содержимое было почти не различимо. Только одна картина, расположенная выше, была видна лучше. На ней изображены были два человека, стоящихъ на берегу моря. Один изъ нихъ держалъ въ рукахъ какой-то предметъ, а другой смотрѣлъ на него. Картина была написана въ томъ же стилѣ, что и картина съ дѣвушками. Внизу картины висѣла табличка, на которой было написано что-то, но текстъ былъ слишкомъ мелко, чтобы его можно было прочитать. Вокругъ картинъ были развѣшены и другія вещи, но онѣ были настолько тусклыми, что ихъ содержимое было почти не различимо. Только одна картина, расположенная выше, была видна лучше. На ней изображены были два человека, стоящихъ на берегу моря. Один изъ нихъ держалъ въ рукахъ какой-то предметъ, а другой смотрѣлъ на него. Картина была написана въ томъ же стилѣ, что и картина съ дѣвушками. Внизу картины висѣла табличка, на которой было написано что-то, но текстъ былъ слишкомъ мелко, чтобы его можно было прочитать.

ной страны. Надо бы ожидать, что въ странѣ, такъ обдно на-

Рейкьявискіі дѣвѹшки на лошади.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

дѣленной природой, всѣ помыслы и стремленія исключительно направятся на то, чтобы по возможности развить, увеличить и употребить съ пользою находящіяся подъ рукою средства къ жизни; слѣдовало бы ожидать, что именно естественныя науки и ихъ примѣненіе къ земледѣлію, промышленности и скотоводству здѣсь найдутъ своихъ усердныхъ послѣдователей, которые постараются примѣнить на практикѣ добытыя научныя свѣдѣнія и тѣмъ доставятъ обѣдному населенію новые источники пропитанія. О настоящемъ земледѣліи, конечно, не можетъ быть и рѣчи въ Исландіи; только изрѣдка и то на самыхъ благопріятныхъ мѣстахъ высѣваетъ ячмень; даже картофель защищается высокими земляными окопани отъ истребительнаго вліянія холодныхъ вѣтровъ, которые не даютъ подняться на островъ ни деревцу, ни кустарнику и заставляютъ всѣ деревья слатся по землѣ. Рыбная ловля и скотоводство, вотъ два источника пропитанія исландца, и что касается до послѣдняго, то, конечно, при разумномъ пользованіи почвой, можно бы производить несравненно больше, чѣмъ то, что теперь производится. По существующимъ статистическимъ свѣдѣніямъ на каждую душу приблизительно приходится 10 овецъ; 4 лошади на 7 человѣкъ и 2 коровы на пятерыхъ—отношеніе, по которому въ общемъ можно вывести заключеніе объ исландскомъ сельскомъ хозяйствѣ. Овцы и лошади круглый годъ заботятся сами о себѣ; и только рогатый скотъ, да лучшія верховныя лошади кормятся зимою сѣномъ въ конюшняхъ и въ стойлахъ. Понятно, что выгонъ, тунъ, какъ его называютъ исландцы, — первая и главная забота скотовода во внутренности страны: чѣмъ выгонъ больше, лучше содержится и чѣмъ сильнѣе удобряется, тѣмъ богаче владѣлецъ, тѣмъ выше его сельскохозяйственное значеніе. Но если посмотришь на эти выгоны и сравнишь ихъ съ лугами, какіе имѣетъ заботливый сельскій хозяинъ цивилизованныхъ странъ — безконечная разница. Тогда какъ у насъ стараются создавать ровныя плоскости, равномерно орошаемыя, гдѣ бы можно легко косить большими косами, въ Исландіи выгонъ точно изрытъ большими кротами и весь составленъ изъ кучь обросшихъ травю. Трава съ этихъ луговъ только съ трудомъ снимается маленькими, странными серпами и нигдѣ не видно заботы ровнять тропинки, протоптанныя скотомъ, или хорошенько осушить болотистую почву

и добиться, чтобы вместо кислых болотных трав и осеки, которая собственно могут служить только на крышу и стѣны, выростала сочная и кормовая трава. Болота и трясины въ дѣйствительно населенных частях острова весьма велики и навѣрное въ большинствѣ мѣстностей потребовалось бы сравнительно весьма небольшого труда, чтобы осушить нездоровую болотистую почву и такимъ образомъ превратить большія пространства въ порядочное травосѣйное хозяйство. Къ большей части хуторовъ и большихъ поселковъ, расположенныхъ обыкновенно на холмахъ, нужно пробираться по гатамъ, на которыхъ легко сломить себѣ шею, или чрезъ страшныя болота по тропинкамъ, извѣстными однимъ обывателямъ — гдѣ, при малѣйшей оступѣ, лошади уходятъ въ топкую трясину по самое брюхо. Какъ часто приходилось намъ мучиться цѣлыя часы на какой нибудь квадратной милѣ по болотной почвѣ; а подлѣ, въ глубокихъ берегахъ, бѣжали веселыя ручейки и рѣченки, къ которымъ такъ легко провести осушительный ровъ. Судя впрочемъ по верхностному взгляду на страну, ея положеніе и климатическія условія, можно предположить, что тутъ можно съ успѣхомъ воздѣлывать и другія кормовыя травы.

Въ такомъ же жалкомъ положеніи находится и ограниченная, конечно, промышленность этой страны, которая преимущественно занята одною шерстью. Когда прочитаешь о способахъ очистки валянія, приготовленія, бѣленія и тканія шерсти какія до нынѣ въ ходу въ Исландіи и переходятъ изъ рода въ родъ, то право, при воспоминаніи о времени ихъ происхожденія, поднимаются волосы.

„Это бѣдная страна“, говорилъ намъ одинъ изъ почетнѣйшихъ исландцевъ, „и ни одинъ человекъ не переселился бы сюда, будь она теперь впервые открыта. Но такъ какъ мы когда-то пришли сюда и полюбили нашу родину, то намъ и хотѣлось бы высить ее какъ можно болѣе и, со вздохомъ признавался онъ, средства къ этому слѣдовало бы искать не въ латыни, не въ греческомъ языкѣ, а въ знаніи естественныхъ наукъ и сельскаго хозяйства, которыми совершенно пренебрегаютъ даже въ настоящее время.

Но вернемся въ Рейкьявикъ. Геологическая коллекція дѣйствительно въ самомъ жалкомъ положеніи и нашъ совѣтъ, пополнить ее всевозможными способами и тѣмъ сдѣлать годною для позд-

нѣйшихъ путешественниковъ, былъ принять съ величайшею готовностію. И хотя профессоръ Арназонъ довольно плохо понималъ разговорный нѣмецкій языкъ, но наши доводы показались ему такъ уважительны, что онъ немедленно рѣшился сопровождать насъ въ нашей поѣздкѣ внутрь страны и тамъ нѣкоторымъ образомъ практически освоиться со способомъ составленія коллекціи.

Наши путевые сборы скоро покончились. Купецъ Зимзенъ нанялъ лучшаго проводника, бѣлокураго, здороваго и опытнаго мужчину, свободно говорившаго по-англійски и, помимо другихъ англичанъ, сопровождавшаго лорда Дуфферина въ его путешествіи внутрь страны. Кромя рыбачества и ремесла провожатаго, этотъ человекъ занимался еще разными ремеслами; онъ былъ стекольщикъ, столяръ, слесарь и, говорятъ, итальянецъ родомъ, не смотря на свои бѣлокурые волосы, истую исландскую наружность и имя.

При внимательномъ разсмотрѣніи потребностей оказалось, что мы составимъ знатный караванъ. Исландія знаетъ только одинъ способъ передвиженія — лошадь, маленькій пони, чудныя качества котораго мы вскорѣ вполне оцѣнили. Я, кажется, не встрѣчалъ исландца, который бы шелъ пѣшкомъ: мужчины и женщины, старыи и молодой, все ѣдетъ верхомъ, хотя бы разстояніе было не болѣе сотни шаговъ. Всюду бродятъ табуны этихъ лошадей, и на всѣхъ дорогахъ и улицахъ попадаются длинные караваны лошадей, которые, подъ предводительствомъ одного наѣздника или наѣздницы, перевозятъ съ мѣста на мѣсто товары и жизненные припасы. Такъ какъ мы хотѣли видѣть внутренность страны, то намъ предстояло не только самимъ съ раннаго утра до поздней ночи быть въ сѣдлѣ; но надо было еще имѣть съ собою надлежащее количество вьючныхъ лошадей, чтобъ сверхъ обыкновенныхъ путевыхъ принадлежностей тащить жизненные припасы, палатки и постели. Взявши съ собою только самое необходимое, ограничившись только Губертомъ и поваромъ, мы все таки увидѣли, что намъ нужно 11 верховыхъ и 6 вьючныхъ лошадей, и такимъ образомъ нашъ караванъ составить, всего на всего, 34 лошади, такъ какъ на каждую лошадь нужно имѣть еще одну заводную. На другой день нашего пути, когда къ намъ присоединился еще профессоръ Арназонъ, эскадронъ возросъ до 40 лошадей.

Конечно перспектива путешествія по странѣ, по крайней мѣрѣ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль на маленькихъ пони, не могла быть очень заманчива для кого бы то ни было изъ насъ. Конечно, коммодоръ могъ похвалиться искусствомъ въ верховой ѣздѣ; Губертъ прошелъ школу верховой ѣзды въ австрійскомъ драгунскомъ полку; поваръ утверждалъ, что онъ вполне усвоилъ себѣ это искусство „на маневрахъ съ принцемъ Карломъ“; докторъ хвастался своимъ полуанглійскимъ воспитаніемъ съ обязательной прогулкой верхомъ по Гайдпарку; Гассельгорстъ рассказывалъ странную исторію о пари верхомъ въ Италіи съ однимъ покойникомъ, гдѣ оба всадника чуть не попали вмѣстѣ на протестантское кладбище въ Римѣ, а профессоръ выкопалъ изъ сокровищницы своихъ революціонныхъ воспоминаній давно забытое сказаніе о томъ, какъ онъ, командуя батальономъ народнаго ополченія, гарцовалъ передъ фронтомъ и выказалъ свою храбрость въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Но Грессли — всѣ его воспоминанія ограничивались только ѣздой на парѣ своихъ, въ медленныхъ почтовыхъ экипажахъ Союза, да на тяжелыхъ поѣздахъ центральной швейцарской желѣзной дороги. Не смотря ни на какіе убѣдительныя внушенія различныхъ мастеровъ верховой ѣзды до и во время поѣздки, все-таки не было никакой возможности научить его вдѣвать лѣвую ногу въ стремя, а правую заносить на крестецъ лошади. Съ тѣмъ презрѣніемъ къ смерти, которое характеризуетъ героя-естествоиспытателя, Грессли пренебрегъ всѣми страданіями и опасностями, которыя угрожали ему и мужественно объявилъ, что прежде онъ увидитъ Гейзиръ, а потомъ умретъ.

Капитанъ былъ осторожнѣе. Хотя и у него горѣло при укладкѣ охотничьихъ снарядовъ, которые должны были доставить намъ не одно лакомое жаркое; но, какъ умный человекъ, онъ сперва попробовалъ прѣхать верхомъ и, сойдя съ лошади, объявилъ, что онъ не можетъ по своему желанію править рулемъ на скотинѣ, и что охотнѣе согласится быть на палубѣ корабля, который треплетъ буря, чѣмъ на спинѣ галопирующаго пони.

Послѣ обѣда мы воспользовались нѣсколькими свободными часами, чтобы посѣтить горячій источникъ, который вытекаетъ неподалеку отъ города и, пробѣгая небольшое разстояніе, впадаетъ въ море. Насъ сопровождалъ молодой исландецъ, обращен-

ный въ Римѣ и бредившій Италіей; онъ былъ внѣ себя отъ восторга, когда Гассельгорстъ заговорилъ съ нимъ на любимомъ языкѣ его втораго отечества по религіи. Горячій источникъ далъ названіе городку, такъ какъ Рейкьявикъ означаетъ въ переводѣ дымящуюся бухту и, если только въ исландскомъ названіи какой нибудь мѣстности встрѣчается слогъ „рейкъ“, можно быть увѣрену, что вблизи есть горячій источникъ. Въ здѣшнемъ дымящемся источникѣ нѣтъ ни запаха, ни вкуса и въ немъ такъ мало растворенныхъ частицъ, что сосѣдніе жители употребляютъ его, какъ естественный прачешный котель. Неподалеку отъ источника горячій ручей образовалъ обширный бассейнъ, который весьма годенъ для купанья, такъ какъ его температура уже понизилась до 20° по Реомюру. Когда видишь въ такой близи отъ столицы живой, теплый источникъ, kloпочущій изъ земли, то по неволѣ дивишься, какъ это никому не пришло еще въ голову пріобрѣсти въ собственность источникъ и ручей, устроить теплыя ванны, зимній садъ и, въ случаѣ надобности, жилой домъ, съ естественнымъ отопленіемъ водою. Мѣстоположеніе великолѣпно, такъ какъ далеко видно въ море за дальній Снефелль и близкую Эзію. Разстояніе отъ Рейкьявика ничего не составитъ для всадника исландца, такъ какъ, самое большое, онъ проѣдетъ это разстояніе въ десять минутъ.

Въ атмосферѣ происходятъ что-то странное. Уже 1-го сентября, только-что мы стали на якорь въ бухтѣ Рейкьявика, показалось въ 5 часовъ пополудни ясное ложное солнце. Оно стояло въ центрѣ свѣтлой четверти круга на западѣ, давая неясные цвѣта радуги; середина была желтаго цвѣта, сторона, обращенная къ солнцу, красная, а наружный край фіолетовый. На востокѣ не было соответствующаго солнца; равно не было видно и всего кольца, вѣроятно потому, что въ этой части атмосферы легкіе пары скучились въ болѣе густыя облака. Въ день нашего отъѣзда появился совершенно тотъ же фономень и почти въ тотъ же часъ пополудни.

Каждый вечеръ играло сѣверное сіяніе и продолжалось всю ночь. Но только изрѣдка были видны опредѣленные лучи или болѣе яркіе, собранные въ дугу, пучки лучей. Большею частью это были неопредѣленные свѣтотыя явленія, подобно туману слав-

шіяся по небу въ разныхъ мѣстахъ и совершенно независимо отъ странъ свѣта скоплялись въ болѣе свѣтлое сіяніе и потомъ опять расплывались дымкою и нельзя было опредѣлить, какъ они скоплялись и какъ расплывались. Тонкія, прозрачныя свѣтотыя явленія постоянно и медленно колебались, такъ что глядя на нихъ невольно приходило на умъ, что въ атмосферѣ за облаками должно быть тонкое вещество, производящее какъ явленія сѣвернаго сіянія ночью, такъ и ложнаго солнца днемъ. Мы въ особенности обращаемъ вниманіе на обстоятельство, что эти свѣтотыя явленія вовсе не скоплялись на сѣверѣ, а обнимали весь небесный сводъ и что болѣе сильное сіяніе бывало, какъ на югѣ такъ и на сѣверѣ. Исландцы, съ которыми мы говорили, видѣли въ нихъ не настоящія сіянія, а только предвѣстниковъ. Они смотрѣли на нихъ нѣкоторымъ образомъ какъ на упражненія, которыя производитъ природа, чтобы потомъ, позднѣе, въ зимніе мѣсяцы произвести сіяніе въ полномъ блескѣ. Они утверждали, что зимою лучезарный вѣнецъ дѣйствительно образуется какъ разъ на сѣверѣ и только лучи расходятся по всему небосклону. Но они отвергали, чтобы сѣверныя сіянія замѣняли дневной свѣтъ, чтобы при нихъ можно было читать и писать: они утверждали, что подъ открытымъ небомъ конечно можно найти дорогу; но, чтобы хорошо различать небольшіе предметы этотъ свѣтъ недостаточно ровенъ; онъ колеблется сильнѣе, чѣмъ восковая свѣча на вѣтру.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Тингвалла. Лаугарватнъ. Гейзиръ.

Рано утромъ 4-го сентября словно поднялся на ноги весь Рейкьявикъ; лодки „I. Гинриха“ и „Спиги“, сновали отъ нашей шкуны къ берегу и обратно; лошади ржали на возвышеніи; проводники грузили поклажу, къ которой Грессли отъ времени до времени прибавлялъ какую нибудь забытую вещь. Губертъ, поварь съ двумя проводниками и багажемъ двинулись впередъ. Намъ нужно было сѣсть на коней нѣсколько спустя и догнать караванъ на первомъ привалѣ, въ Сельадалѣ, гдѣ будетъ завтракъ. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ намъ удалось только въ 9 часовъ усадить Грессли на бѣгуна и, при помощи стремянъ и сѣдельныхъ ремней, придать ему перпендикулярное положеніе. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ друзей, которые хотѣли проводить насъ, по крайней мѣрѣ, до вѣтряной мельницы, мы тронулись по каменной — изъ лавы дорогѣ, въ добромъ порядкѣ, который скоро нарушили, бывшія сзади заводныя лошади, погоняемыя двумя главными проводниками. Онѣ на рысяхъ и вкачь ворвались въ кавалькаду и уже совсѣмъ увлекли за собою Грессли; но коммодоръ во время схватилъ подъ усады его лошадь. Скоро мы достигли холма съ сигнальной пирамидой, гдѣ обыкновенно собираются жители Рейкьявика смотрѣть на приходъ и отходъ кораблей и любоваться Снаэфеллемъ. Дальше дорога пошла по голому потоку лавы, который по обѣ стороны спускается къ фьордамъ, врѣзавшихся въ

полуостровъ, на которомъ расположенъ Рейкьявикъ. Ближнія окрестности пусты; но за то виды, съ одной стороны на гору Эзію и причудливо врѣзавшіяся бухты, а съ другой — на ирландскія, порванные только нѣсколькими конусами, громадные потоки лавы, образовавшихъ длинный полуостровъ Гульбрингъ-Сисла, чудно хороши. Погода великолѣпная: облачныя тѣни часто набѣгаютъ на освѣщенный солнцемъ мѣста, то надъ голубымъ моремъ, то надъ горными стремнинами и ущельями, которыя млѣютъ въ горячемъ свѣтѣ. Дорога сносная; часто она идетъ между земляными валами, которые прикрываютъ отъ вѣтру тощія луговые клочки. Иногда встрѣчаются караваны лошадей, навьюченныхъ торфомъ или длинными пластами дерну, назначеннаго на починку домовъ и крышъ. Порой мы перегоняемъ такіе же караваны, но съ строевымъ лѣсомъ отправляемымъ внутрь страны. Двѣ длинныя пластины такъ прилажены по бокамъ лошади, что сходятся подъ острымъ угломъ, впереди груди, вслѣдствіе чего животныя получаютъ видъ косяковъ, которые употребляются на желѣзныхъ дорогахъ и шоссе для отваливанія снѣгу.

Черезъ часъ мы подѣхали къ маленькой рѣчкѣ, Лаксъ, бѣгущей между насыпными холмами изъ чернаго песчанистаго пепла, который усыпалъ потокъ лавы, образующій дно рѣки. На другомъ берегу, на открытомъ красивомъ мѣстѣ стоитъ милый деревянный домикъ — собственность англичанина, на нѣсколько лѣтъ арендовавшаго ловлю лососей въ рѣкѣ. Въ рѣкѣ устроено нѣсколько заколовъ, въ ихъ отверстія ставятся, во время поднятія лососей вверхъ по рѣкѣ, мережи, въ которыя и попадаетъ эта превосходная рыба. Затѣмъ ее заготавливаютъ по всѣмъ правиламъ искусства пріѣзжающіе шотландскіе работники, укладываютъ въ жестяные консервы и отправляютъ въ Англію. Рассказываютъ, что такое же заведеніе существуетъ въ Нордландѣ и что распространенію въ странѣ этой прибыльной промышленности припатствуетъ лишь то обстоятельство, что крестьяне и владѣльцы рѣкѣ никакъ не хотятъ отстать отъ устарѣлыхъ способовъ лова, которые такъ несовершенны, что пожалуй удовлетворяютъ еще потребностямъ малочисленныхъ туземцевъ, но не пригодны для болѣе значительной фабрикаціи.

За Лаксой прекратилось вліяніе столицы; проведенныхъ дорогъ больше нѣтъ, а только вьются тропинки по истресканнымъ лавовымъ плитамъ, по пескамъ, болотамъ и лугамъ. Дороги по лавовымъ потокамъ чрезвычайно однообразны, утомительны и опасны для лошадей, которыя остушившись, легко могутъ сломить себѣ ногу. Всѣ они съ шероховатой, неровной поверхностью частью сѣраго или коричневаго цвѣта, усѣяны безчисленными неровностями, острыми шлаками и угловатыми глыбами; изъ послѣднихъ исландцы часто устриваютъ пирамиды и примѣты, по которымъ зимой и въ дурную погоду узнають дорогу. На поверхности лавы часто встрѣчаются странныя, похожія на узловатыя веревки, волнистыя линіи, какія образуются на медленно текущей смолѣ; въ лавѣ какъ и въ смолѣ онѣ очевидно произошли отъ медленнаго теченія, во время котораго поверхность такъ постепенно остываетъ, что волны, образовавшіяся отъ пролитія массы сохраняются при отвердѣніи. Въ другихъ же мѣстахъ пузырчатая вздутія, причудливо извивающіяся пустоты и трещины, груды шлаку въ ростъ человѣка и самой причудливой формы доказываютъ, что въ потокѣ лавы происходило болѣе сильное образованіе паровъ, которые разорвали его поверхность, и самымъ различнымъ образомъ вздули и избороздили полутвердѣлую массу. Чрезвычайно многочисленны эти пустоты часто прикрытыя только тонкой корой, проламывающейся подъ ногами лошади, или же до того прикрытыя травой, тощимъ кустомъ черники, что ѣздокъ не замѣчаетъ ихъ. И все-таки исландскія лошадки съ чрезвычайно ловкостью на полномъ скаку такъ ловко ставятъ свои ноги, что минуютъ эти опасныя мѣста, не попортивъ копытъ объ острые края шлаковъ.

Такъ же неприятны, хотя и далеко не такъ опасны луга и низины, поросшіе травой, въ которыхъ тропинки часто до того глубоки, что если не хочешь вывихнуть ногу объ ихъ окранны то долженъ подобрать ноги на сѣдло или же положить ихъ на шею лошади. Эти проторенныя тропинки до того узки и до того остры ихъ извилистыя окранны, что человѣкъ едва можетъ пройти; а ловкіе пони бѣгутъ рысью и вскачъ въ этихъ узкихъ колеяхъ, какъ по самому ровному шоссе или по устроенному для бѣга ристалищу.

Дно, весьма частыхъ въ Исландіи чанообразныхъ, почти плоскихъ, долинъ, большею частью торфяное и его трясины пред-

ставляютъ самыя большія препятствія для скорой ѣзды. Часто бываетъ невозможно проѣхать долину поперегъ: нужно давать большой крюкъ; цѣлые часы приходится объѣзжать противное болото твердыми скатами горъ, иначе завязли бы и лошадь и всадникъ; часто приходится идти по сквернымъ, плохо поддерживаемымъ гатямъ; каменья такъ нахланы, что лошадь съ трудомъ ступаетъ; наконецъ приходится иногда во что бы то ни стало прокладывать дорогу черезъ болото и трясину. Сильныя животныя грузнуть по брюхо и пользуются каждой кочкой, каждой вѣточкой ползучей болотной ивы, даже выбившимися корнями трифоля, чтобы доставить какую нибудь поддержку проваливающемуся копыту и часто имъ удается безъ большой бѣды вынести сѣдока на твердую почву. Но чаще приходится слазить съ лошади и или вытаскивать ее изъ глубокаго ила, или же лошадка вытаскиваетъ ѣздока. Горе ѣздоку, который, путешествуя по Исландіи, не имѣетъ отличныхъ непромокаемыхъ сапогъ, которые предохраняли бы его ноги при переправѣ черезъ болота и рѣки!

Исключая эти мелкія непріятности, путешествіе по Исландіи доставляетъ истинное наслажденіе; это настоящая скачка на дикихъ лошадакахъ, которыя свободно, безо всякой узды, скачутъ по необитаемой почти мѣстности, и которымъ, кнutomъ и голосомъ указываешь не дорогу — которой нѣтъ — а только направленіе. Исландская лошадь рѣдкое созданіе, которое положительно полюбишь послѣ нѣсколькихъ часовъ знакомства и которую пожелаешь для всякой горной страны. Правда, на первый взглядъ исландскіе пони не производятъ особенно выгоднаго впечатлѣнія: короткая голова, толстая шея, густая взъерошенная грива и плотное сложеніе почти напоминаютъ античную лошадь, отъ которой, впрочемъ, пони отличаются болѣе тонкими, часто выгнутыми, какъ у козы, ногами. Ростъ этихъ, болшею частью, длинношерстныхъ, косматыхъ, пѣгихъ лошадокъ средній между нашими обыкновенными верховыми и шотландскими пони, такъ что нѣсколько отяжелѣвшій ѣздокъ, безъ труда вскакиваетъ въ сѣдло. Эти животныя замѣчательны смысленностью, твердымъ шагомъ, выносливостью и неразборчивы въ кормѣ и въ уходѣ. Гдѣ представляется малѣйшая возможность, исландская лошадь сама пускается крупною рысью или ровнымъ скокомъ и скачетъ она нѣсколько часовъ, не показывая ни ма-

лѣйшей усталн или запалу. По самымъ стремнистымъ тропинкамъ взбирается и спускается она по такимъ высотамъ, отъ одного вида которыхъ кружится голова даже у опытнаго пѣшехода; на бездонномъ болотѣ, или въ бурномъ потокѣ она съ удивительнымъ благоразуміемъ отыскиваетъ надежныя мѣста для ноги и, вообще чрезвычайно покорная, въ такихъ случаяхъ упорно стоитъ на своемъ, не слушаетъ сѣдока и лучшее, что слѣдуетъ сдѣлать — предоставить ей свободу дѣйствій. Только въ полдень бываетъ роздыхъ для смѣны лошадей, отдыха и ѣды; затѣмъ безостановочно скачуть 5 или 6 часовъ, до ночлега. Заводныхъ лошадей гонятъ впереди табуномъ и когда которая нибудь уклонится отъ прямого пути, соблазненная или сочнымъ клочкомъ травы, или водою — то заѣзжаютъ сбоку и кнутомъ и голосомъ сбиваютъ снова въ табуны. Мы скоро пріучились помогать въ этомъ нашимъ проводникамъ и то одинъ, то другой заскакивали сбоку и по мѣстности, весьма удобной для того, чтобы сломить себѣ шею заводчавалъ упрямую скотину, ударомъ или крикомъ призывая ее къ порядку. Такимъ образомъ путешествіе по Исландіи, постоянно мѣняющаяся картина, полная волнующихъ и забавныхъ приключеній. Нигдѣ ни дороги, ни изгороди, ни воротъ, это — свободная ѣзда по открытому мѣсту, гдѣ каждый воленъ ѣхать одинъ или присоединиться къ товарищамъ для болтовни или шумныхъ скачекъ. Какая противоположность въ Норвегіи съ ея скучной ѣздой въ одноколкѣ, по торнымъ дорогамъ, гдѣ развѣ для того находишься въ обществѣ, чтобы обдавать пылью другъ друга, которая подымается столбомъ! Норвежская ѣзда въ одноколкѣ наводитъ скуку, тоску, становится такою-же несносною и однообразною обязанностью, какъ и сама страна. Исландская верховая ѣзда волнуетъ, веселитъ, вызываетъ на шутку, разныя выходы, и даже самыя непріятности дѣлаетъ привлекательными.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ скорой ѣзды мы нагнали въючный караванъ и тутъ-то смятеніе дошло до высшей степени. Лошади, навьюченныя тяжелыми сундуками, обитыми по угламъ желѣзомъ, втерлись на рысяхъ и вскачь между заводными лошадьми, между наѣздниками и тутъ-то пришлось оберегать свои ноги отъ чрезвычайно непріятныхъ толчковъ и ударовъ. Послѣ недолгаго замѣшательства намъ удалось разобратъся и мы помчались впередъ съ

заводными лошадьми, а тяжелый багаж медленно поползся за нами. Дорогой представляются иногда восхитительные виды то на море, то на маленькія озера прѣсной воды, дремящихъ въ чудной лазури у подошвы золаныхъ горъ.

Сельядалъ — важная мѣстность для исландской геологіи. Въ высшей степени замѣчательный минераль, какъ кажется, спекшіяся на днѣ морскомъ, вслѣдствіе особенныхъ вліяній, вулканической туфъ, названный палагонитомъ, образуетъ дно громадной, плоской долины, выполненной болотомъ, по которому протекаетъ маленький ручеекъ. Ручеекъ глубоко прорѣзалъ почву, и обнажилъ всю формацию до самого дна, состоящаго изъ твердой базальтовой лавы. Отвѣсныя скалистые берега, мѣстами во сто футьъ вышины, образованы бурой массой, отчетливо наслоенной, которая блескомъ, цвѣтомъ и твердостью нѣсколько напоминаетъ каннфоль. Мѣстами попадаются въ туфовыхъ массахъ голыя глыбы лавы изъ черноватаго базальта или свѣтло-сѣрыхъ каменныхъ породы, шиферной слои, похожія на смолу и которыя мы только впоследствии точнѣе изслѣдовали и изучили, такъ какъ при первой повѣздкѣ сегодня, мы совершенно пропустили мѣсто, гдѣ формация обнажена ручьемъ. Хотя я и сегодня приказывалъ проводнику непременно остановиться на нѣсколько часовъ въ Сельядалѣ, чтобы набрать тамъ образцовъ для нашихъ коллекцій и ближе изучить замѣчательную формацию, которая врядъ ли гдѣ въ мірѣ представляется въ такой чистотѣ и въ такихъ размѣрахъ; но я не зналъ, что есть верхній и нижній Сельядалъ, и что верхній Сельядалъ, гдѣ остановился нашъ проводникъ, не болѣе какъ низменное болото, которое пока вовсе не прорѣзано ручьемъ; а слѣдовательно нѣтъ и обнаженія, которое бы позволяло разглядѣть въ глубинѣ палагонитъ. Въ нынѣшній сухой годъ на этомъ болотѣ вовсе не скопилось воды, на которую рассчитывалъ проводникъ, чтобы утолить нашу жажду и напоить лошадей; позавтракавши, намъ пришлось сдѣлать еще маленькій крюкъ, чтобы найти какое нибудь болотце съ водою, которая бы утолила жажду лошадей.

Отъ Сельядала мѣстность повышается. Обѣхавъ довольно большую гору изъ щебня и пепла, мы поднялись на обширное плоскогорье; но по лѣвую сторону, у подошвы величественныхъ,

частію ушедшихъ за облака, горь лежитъ нѣсколько прелестныхъ озеръ, покрытыхъ утками, которыя сильно привлекали охотниковъ. Но проводникъ увѣряетъ, что нельзя терять времени и, показавъ намъ вправо по ту сторону громадной лавовой равнины объясняетъ что тамъ внизу, въ мерцающей темнофіолетовой дали, лежитъ цѣль нашего путешествія, Тингвалла, къ которой прямо нельзя проѣхать, такъ какъ кругомъ озера надо будетъ дать большой прыжокъ. Мы остановились на нѣсколько минутъ, чтобы увидѣть долину, къ которой мы такъ сильно стремились и увидѣли только равнину, которая такъ постепенно повышается, что съ нашего мѣста едва можно различить ея подъемъ съ этой стороны. Облака низко кроютъ мрачные конусы съ крутыми, обрывистыми боками и цѣпь странно зазубренныхъ, темныхъ лавовыхъ зубьевъ, за которыми потянулось обширное снѣжное поле—Долгій Йокуль, только мѣстами прорѣзывающее туманную завѣсу, такъ что нашъ глазъ не могъ схватить ея точнаго очерка.

Мы сами стоимъ на чрезвычайно обнаженномъ почти горизонтальномъ плоскогорьи, очевидно громадномъ потокѣ лавы, на поверхности котораго голый камень еще позволяетъ видѣть волнообразныя линіи и пузыри, образованныя текшимъ здѣсь нѣкогда потокомъ. Едва кое-гдѣ виднѣтся былинка — вездѣ одна голая площадь, усѣянная глыбами и шлаками, странно навороченными каменными пирамидами, издали принимающихъ видъ людей, лошадей, всадниковъ, или же допотопныхъ чудовищъ. Мы скачемъ на прямыхъ, мало заботясь объ этихъ предметахъ, слѣдуя только за проводниками и заводными лошадьми, которые въ каррьеръ спѣшатъ въ маленькую ложбину, замѣтную для опытнаго глаза особенно высокою пирамидой. Вдругъ поѣздъ остановился и передніе всадники исчезли, точно ихъ проглотила земля; мы стоимъ на краю громадной трещины, откуда, изъ бездны поднимаются столбы черныхъ скалъ: и на дно спускается узкая, каменистая тропинка, которую скорѣе можно назвать витой лѣстницей, до того непозволительно круты ея извивы. Эта отвѣсная скала похожа на Гемми, хотя далеко не такъ высока, но такъ же крута и съ такою же тропинкой, по которой врядъ-ли взберется пѣшеходъ съ цѣлыми костями. Мы знаемъ, что наши проводники съѣхали по ней, но, новички въ Исландіи, мы еще не приобрѣли той несокрушимой

вѣры въ нашихъ лошадей, чтобы довѣрять болѣе копыту нежели ногѣ. Одеревянѣлые отъ непрерывной ѣзды, нѣкоторые съ большимъ трудомъ слѣзаютъ съ коней. Мы полземъ, спотыкаемся и катимся внизъ по шероховатымъ уступамъ скалы и вдругъ очутились, какъ бы въ большомъ городскомъ рву съ чудною зеленью, между двухъ отвѣсно-напластованныхъ, распавшихся на столбы, стѣнъ. Ихъ темный, почти черный цвѣтъ составляетъ дивный контрастъ съ свѣжей муравой и блестящимъ небомъ. Это знаменитая разсѣлина Альманагья. Наши лошади спускаются по чему-то въ родѣ жолоба вокругъ каменной глыбы, нѣсколько похожей на древнюю, вывѣтрившуюся и обрушенную сторожевую башню. Вычinyя лошади и проводники верхами цѣпляются и спускаются внизъ по уступамъ скалы, а изъ долины нѣсколько исландцевъ поднимаются имъ на встрѣчу. Гассельгорстъ набрасываетъ эскизъ, а мы растянулись на землѣ слишкомъ измученные, чтобы даже попытаться отбивать камни; мы закурили въ утѣшеніе ситары пока лошадки ѣли сочную траву. Каменная стѣна, съ которой мы спустились разъ въ пять выше вѣшной стѣны, образующей гласисъ рва. Но слои вполне соотвѣтствуютъ другъ другу по обѣимъ сторонамъ и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта болѣе низкая круча составляла продолженіе верхняго плоскогорья, отъ котораго она оторвалась и осѣла.

Дно разсѣлины, шириной футъ въ 200 и, какъ уже сказано, поросшее богатѣйшей зеленью, тянется вдаль почти въ прямомъ направленіи, пока уступы скалъ не скроютъ изъ глазъ его дальнѣйшее протяженіе. Мы проѣхали немного вдоль нижней стѣны рва, потомъ завернули направо въ трещину, какъ въ ворота и увидѣли передъ собой не очень глубоко обширную долину, въ которой мохъ, кусты и кустарники, живописно росписались осенними красками; ея волнообразная поверхность, пересѣчена глубокими трещинами; а едва замѣтнымъ склономъ она спустилась къ дивному синему озеру, которое мало уступаетъ и въ длину и въ ширину значительнѣйшимъ швейцарскимъ озерамъ. Пласты лавы, образующіе вѣшнюю стѣну рва наклонены подъ угломъ въ 25 градусовъ къ руслу прозрачной рѣки, протекающей у основанія рва и образующей выше великолѣпный водопадъ. Кругомъ величественная панорама мрачныхъ горъ; однѣ, на свѣ-

ровостокѣ, покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, другіе изрѣзаны и избо-
рождены по бокамъ ручьями, которые образованы тучами собрав-
шимися и разрѣшившимися на нихъ.

Но мы слишкомъ устали, слишкомъ голодны, чтобы долго лю-
боваться этою дивною мѣстностью. Мы съѣхали со ската, пере-
ѣхали неглубокую рѣку Оксараа, и направились къ низенькому
деревянному домику, расположенному на небольшомъ возвышеніи;
невысокая, немного выше чѣмъ въ ростъ человѣка, пристройка въ ро-
дѣ башни придаетъ этому домику видъ кирки. Наша палатка
уже тамъ и передъ церковью у края дороги весело трещитъ ого-
некъ, надъ которымъ поваръ установилъ свои сковороды.

Грессли, у котораго не раздражена только одна душа, не безъ труда
сталили съ лошади. Профессоръ совершенно раскисъ, и напрасно
сидялся перекинуть черезъ сѣдло громадные непромокаемые сапо-
ги, одѣвавшіе его ноги выше колѣнъ. Наконецъ, утомившись отъ
этихъ усилій, онъ приказалъ разостлать на землѣ оленью шкуру,
подѣхалъ къ ней на своемъ терпѣливомъ конькѣ и велѣлъ себя
спустить съ лошади, чтобы въ чаду изнеможенія предаться без-
связнымъ размышленіямъ объ истощеніи всѣхъ человѣческихъ
силъ. Онъ едва повернулъ голову, чтобы взглянуть на чудныхъ
форелей — изъ-черна темнозеленыхъ на спинкѣ, свѣтлорич-
новыхъ съ красными крапинами на бокахъ и съ темнооранже-
вымъ брюхомъ, — которыхъ прислалъ намъ къ ужину господинъ
пасторъ. При другихъ обстоятельствахъ быть можетъ любовь къ
наукѣ взяла бы перевѣсъ и форели, вмѣсто горшка, попали-бы
въ сосудъ со спиртомъ. Теперь-же онѣ служатъ только къ тому,
чтобы установить фактъ, что у форелей изъ Типгвалльскаго озера
въ Исландіи такое-же чудесное красное мясо, какъ у реинскихъ
лососей и что онѣ такъ же вкусны.

Наша палатка была такъ раскинута передъ киркою, что
маленькое строеніе вполне защищало ее отъ западнаго вѣтра, ко-
торый ночью нагналъ небольшую дождевую тучку. Неровности
пола были сглажены душистымъ сѣномъ; на немъ послали, ку-
пленные въ Норвегіи, оленьи шкуры, которыя во время путе-
шества оказались превосходными, такъ какъ были, по крайней
мѣрѣ, такъ же мягки, какъ наши тонкіе корабельные матрасы и
не пропускали ни малѣйшей сырости. Подушки подъ головы

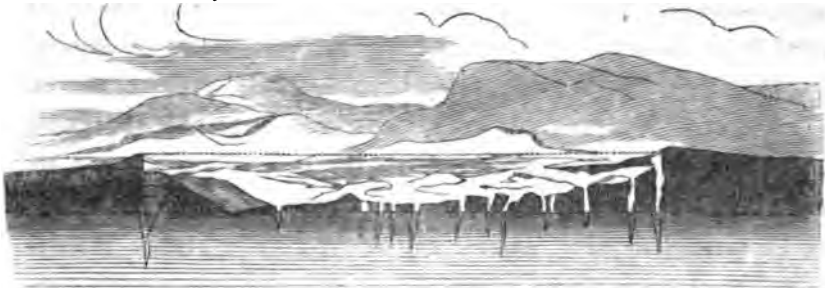
сдѣлали изъ сѣна и покрыли одѣлами или другою одеждою и послѣ тяжелаго напряженія — вѣдь мы съ 9 часовъ утра до 6 вечера проѣхали 45 километровъ или 13 швейцарскихъ часовъ, если иѣхать по прямой линіи — заснули такъ хорошо, что на другое утро исчезла всякая усталость и со свѣжими силами можно было посвятить себя изслѣдованію замѣчательной долины, играющей значительную роль въ исторіи Исландіи.

Съ самыхъ древнихъ временъ и до настоящаго времени конституція исландіи, говоря общепринятою докринаерскою фразою, покоилась на самыхъ широкихъ демократическихъ началахъ. Хотя норвежскіе и датскіе короли и содержали тамъ намѣстника, амтмана, или губернатора, но онъ вообще мало значилъ передъ избираемымъ народомъ судомъ и администраціей и подчинялся рѣшеніямъ земскаго собранія тинга, который ежегодно, съ 11-го столѣтія и до новѣйшаго времени собирался въ Тингвалъ. Сюда въ половинѣ лѣта изъ всѣхъ частей острова сходилася народъ; цѣлый городъ палатокъ, огромный лагерь разбивался на берегу рѣки, гдѣ цѣлую недѣлю происходили не одни только политическія совѣщанія, но и совершались сдѣлки всякаго рода, мѣна и торгъ. Тингъ былъ въ то же время и всеобщей ярмаркой страны и многіе исландцы полагаютъ, что перемѣщеніе его въ Рейкьявикъ въ тѣсныя помѣщенія присутственныхъ мѣстъ и въ городскія лавки не произвело въ общемъ благопріятнаго вліанія на народный характеръ. Конечно, мы не могли судить объ этомъ; но, во всякомъ случаѣ, кажется, что собраніе подъ открытымъ небомъ, посреди величественной природы, гдѣ цѣлые дни люди проводили вмѣстѣ занимаясь и серьезными дѣлами, и бездѣльемъ, игрою и пляскою, должно было болѣе оживлять и освѣжать, чѣмъ теперешнее собраніе депутатовъ изъ различныхъ частей страны въ затхлому городишкѣ Рейкьявикѣ.

Надо признаться — долина выбрана съ замѣчательнымъ тактомъ. Къ сѣверу она заключена громадною разсѣлиной Альманагъей, которая имѣетъ почти въ прямомъ направленіи болѣе нежели 10 километровъ и начинается у подошвы огромной горы, которая носитъ названіе Арманнсфель. На югозападѣ, почти на 8 километровъ отъ нее прошла другая параллельная ей разсѣлина такой же длины и еще глубже ея, Храфнагья или Воронье ущелье; пе-

рейти ее еще затруднительнѣе, такъ какъ глубокія провалья пересѣкаютъ дорогу. Такимъ образомъ долина замкнута на протяженіи 40 кв. километровъ этими двумя разсѣлинами, на югозападѣ озеромъ и страшнымъ, непроходимымъ потокомъ лавы, который на сѣверовостокъ возвышаетъ свои непрерывныя массы шлаку до конуса Сьвальдбрейда. Долина густо поросла низкимъ березовымъ кустарникомъ, черникой, брусникой, мхомъ, отличной травой и представляетъ настоящій исландскій рай. Почти ровная, слегка

Арманифолль.

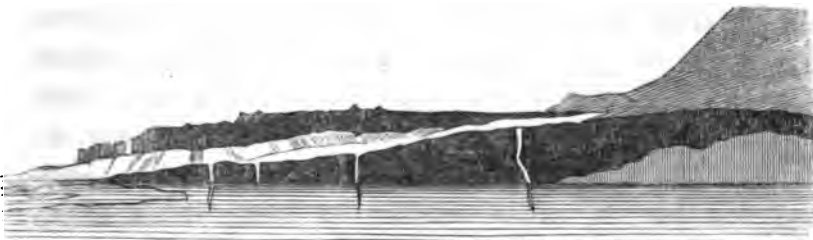
Альманнагъ.

Оксараа.

Логбергъ.

Хравнагъ.

Поперечный разрѣзъ долины Тингваллы.

Продольный разрѣзъ долины Тингваллы.

волнистая почва долины незамѣтно склонается къ рѣкѣ и къ озеру и пересѣкается многими малыми трещинами; эти трещины въ особенности часты близъ церкви и, хотя вообще, онѣ параллельны главнымъ разсѣлинамъ; но иногда пересѣкаются между собою подъ острыми углами. Такъ нѣкоторыя трещины замкнули продолговатое, немного возвышенное мѣсто, которое очевидно поднялось при изліяніи лавы и до котораго теперь можно достигнуть только по узкому проходу, на которомъ еле помѣщаются два человѣка. Кругомъ его поясъ изъ отвѣсныхъ столбовъ лавы, основаніе которыхъ погружено въ темнозеленую стоячую воду, въ ко-

тору ю мѣстами кусты ежевики опустили свои усики. Извилистая до крайности трещина нигдѣ не уже 50 — 60 футъ и не ниже 60 футъ надъ уровнемъ воды образуютъ такимъ образомъ ровъ, который совершенно не доступенъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ лѣсу для мостовъ. Здѣсь, на Логбергѣ, на горѣ закона, возсѣдали на лавовыхъ уступахъ предсѣдатель земскаго собранія, мужъ закона (логманнъ) и засѣдатели верховнаго суда; нѣсколько человѣкъ стражи стерегли проходъ, народъ оставался по ту сторону разсѣлины и внималъ чтенію изъ книги закона и слушалъ судебныя приговоры. Преступниковъ, осужденныхъ на смерть, тутъ же сбрасывали въ пропасть съ Логберга, съ горы закона, какъ называли это небольшое мѣсто; вѣдьмъ и колдуновъ — и въ нихъ не было недостатка по введеніи католицизма съ его духомъ нетерпимости — сжигали противъ этого мѣста. Указываютъ мѣсто, гдѣ, приговоренный къ смерти, юноша Флози, спасся отчаянно перескочивъ разсѣлину, — кто хочетъ можетъ вѣрить! Вблизи церкви лежитъ огромная лавовая глыба, на которой кромѣ нѣсколькихъ стертыхъ руническихъ знаковъ, высѣчены еще древнія локтевыя мѣры, которыя большею частью служили для соглашенія споровъ о моемъ и твоёмъ, а вадмель, грубая шерстяная матерія, которую исландцы приготовляютъ для своей зимней одежды, замѣняла платажныя деньги. Хороши окрестности этой долины и дивно ея образованіе. Если стоишь на вершинѣ Логберга — небольшое возвышеніе, которое царить надъ всей долиной, то видишь подъ ногами, страшно разорванную разсѣлину съ голыми стѣнами; ея темныя столбы испещрены сѣрыми и желтыми полосами, какъ тигровая шкура; глубоко внизу темная вода, отражаетъ, какъ черное ландшафтное зеркало, все, придавая очертаніямъ и краскамъ мрачную тѣнь. Впереди обширная равнина пестритъ зеленымъ, краснымъ, желтымъ и другими красками умирающей зелени ползучихъ березы - карлики и ягодныхъ кустовъ; по срединѣ смѣло прыгаетъ по скалистымъ стѣнамъ Альманагги чудная рѣка, торопясь къ спокойному озеру, изъ глубины котораго выступаютъ опять перепутанныя трещины и болѣе возвышенная почва поросшая близъ берега водяными растеніями; направо, на горизонтѣ огромныя насыпи Арманнфельца, конусы Скьяльдбрейца, Хлудуфельца и Влафельца, покрыты снѣгомъ; а противъ нихъ на югозападѣ по ту сторону озера словно для

равновѣсія поднялся дико зазубренный Хенгвалль; — когда, вотъ такъ въ ясную погоду стоишь на Логбергѣ и однимъ взглядомъ окидываешь всю понараму, то право можно подумать, что на свѣтѣ не найдется другой такой мѣстности, гдѣ бы такъ перемѣшивались мрачное величіе съ очаровательной прелестью.

Строеніе долины не трудно объяснить, если только обратить вниманіе на обстоятельство, что долина вмѣстѣ съ озеромъ образуетъ лишь часть огромной массы лавы, которая могучимъ потокомъ разлилась до мыса Рейкьянеса и которая преимущественно вылилась изъ сѣверо-восточныхъ вулкановъ, теперь превратившихся въ глетчеры и частію изъ множества конусовъ, которые тянутся вдоль южнаго края лавы. Эта страшная масса лавы при ширинѣ 20 — 30 километровъ, имѣетъ въ длину 120 вил. и вездѣ образуетъ болѣе или менѣе высокій горбъ, отдѣляющій Факсабухту и окрестности Рейкьявика отъ низменности, по которой вдоль побережья изливаются въ море большія рѣки, берущія начало изъ глетчеровъ. Вѣроятно то одинъ, то другой конецъ болѣе или менѣе сильно извергалъ и всякій разъ прибывали новыя массы лавы къ вылившимся прежде. То, что происходило въ 1783 году при страшномъ изверженіи Скаптаръ-Тоула, который извергнулъ величайшій исторически извѣстный потокъ лавы, безъ сомнѣнія происходило и тутъ: старые, давно остывшіе потоки лавы, старые золяные и сорные конусы вновь расплавились подъ огромнымъ потокомъ, который пролился на нихъ, и вслѣдствіе этого болѣе или менѣе совершенно сплотились съ новымъ потокомъ. Такимъ образомъ понятно, что тутъ могли быть въ движеніи громадныя массы расплавленной горной породы и потребовались года, десятки лѣтъ для того, чтобы онѣ совершенно окаменѣли. Пустыя птичьи шхеры или утесы, служащія продолженіемъ мыса Рейкьянеса, происходившія немного лѣтъ подводныя изверженія, дымящіеся сѣрные влючи Кризувика и вся цѣпь горячихъ источниковъ, вдоль южнаго края лавы отъ Гейзира до Кризувика, показываютъ, что даже теперь вулканическая дѣятельность удалась на незначительную глубину отъ этого жерла, которое такъ разрушительно работало. Долина Тингвалль, озеро, обѣ паралельныя разсѣлины, отдѣляющіе долину отъ окружающаго плоскогорья и малыя разсѣлины внутри, охватившіе Логбергъ, только повтореніе въ большихъ размѣрахъ

совершенно обыкновеннаго явленія въ потокахъ лавы. Какъ вверху, на равнинѣ, по которой мы ѣхали, чтобы достигнуть Альманагъ, такъ и по сѣю сторону, на наклонной равнинѣ, гдѣ прорвалась Храфнагъ, часто попадаются ямы, въ нѣсколько сотъ футъ въ поперечникѣ; они конечно образовались вслѣдствіе обваловъ верхней охладѣвшей коры лавы. Видно, что громадный пластъ, окраины котораго не совсѣмъ спаяны съ окружающей корой, отдѣлился отъ нее вслѣдствіе трещинъ и опустился на поверхность, все еще текущей внизу, огненной рѣки, такъ что образовалась впадина, края которой возвышаются надъ опустившейся серединой. Также встрѣчается, что опустившійся пластъ треснулъ по срединѣ или какъ нибудь иначе, или отъ недостатка опоры на жидкомъ элементѣ, или же вслѣдствіе образования паровъ подъ нимъ и его порвало и расщепило. Если мы примѣнимъ это наблюденіе къ образованію Тингваллы съ ея разсѣлинами, то увидимъ, что на ней произошло въ громадныхъ размѣрахъ то же самое, что мы наблюдали въ маленькихъ ямахъ. Громадный потокъ лавы, распаленный и расплавленный на значительную глубину, остывалъ на поверхности, а въ глубинѣ все еще текъ огненный потокъ. Наконецъ рухнула кора, лишенная опоры, и когда она опустилась на лежащую подъ ней массу, то необходимо должны были возникнуть двѣ главныя паралельныя разсѣлины, которыя отдѣляютъ опустившуюся массу отъ той, которая по обѣ ея стороны сохранила свой первоначальный уровень и такъ охладилась. Меньшія разсѣлины долины и Логберга, въ своемъ направленіи соответствующія Альманагъ, не болѣе какъ расщепленія, происшедшія отъ давленія, какое производила опустившаяся кора на нижній, еще жидкій слой лавы. Жидкая масса раздалась въ стороны выперла снизу опустившуюся кору, вдула и раздробила ее въ мѣстахъ большаго волненія, которое образовалось отъ внезапнаго обрушенія.

Долина вмѣстѣ съ озеромъ — какъ уже сказано, оно составляетъ лишь продолженіе долины, плоскость которой постепенно уходитъ подъ воду — вся долина представляетъ громадное погруженіе, происшедшее оттого, что въ глубинѣ все еще текла жидкая лава, а поверхность уже давно отвердѣла. Не зачѣмъ прибѣгать къ высокопарнымъ фразамъ о вѣковомъ поднятіи почвы, или къ какимъ нибудь чрезвычайнымъ влияніямъ; нужно только

хорошенько помнить то обстоятельство, что вся плоская возвышенность, по которой идешь къ Альманагъ, далеко кругомъ плоска и почти горизонтальна, за исключеніемъ террасоподобнаго склона, шириною не болѣе 2 километровъ, который тянется вдоль разсѣлины Альманагги и по западному берегу озера, достигая его на супротивъ острова Зандея. Этотъ склонъ на подобіе террасы очевидно образовалъ бы разсѣлину, если бы здѣсь, вблизи окраины потока лавы, онъ не былъ охлажденъ въ болѣе ильбѣ, а слѣдовательно и опущеніе было не такъ значительно. Равнымъ образомъ, только этимъ нехитрымъ путемъ объясняется и то, что Храфнагга прорвалась вдоль наклонной равнины, между тѣмъ какъ рѣка Оксараа течетъ въ жолобѣ, образовавшемся отъ болѣе глубокаго надлома проломившихся слоевъ. Частое расщепленіе болѣе мелкихъ проломовъ встрѣчается повсюду въ долині; волнообразная поверхность, на которой виднѣются большія, застывшія волны, образованныя надвигающимся впередъ потокомъ лавы — все это явственно доказываетъ, что едва отвердѣвшая кора осѣдала на жидкую массу, стало быть на огненный еще потокъ; что главное осѣданіе происходило сначала близъ Альманагги вдоль жолоба, въ которомъ течетъ рѣка; и что уже позже, когда масса осѣла и образовала наклонную равнину, вслѣдствіе громадной тяжести прорвалась покровъ у Храфнагги и, такимъ образомъ, произошла вторая параллельная разсѣлина.

За церковью — маленькое вѣтхое зданіе — выстроено на склонѣ по направленію къ озеру нѣсколько домиковъ, покрытыхъ дерномъ, отсюда пришелъ къ намъ съ привѣтомъ господинъ пасторъ. У туземцевъ и у чужихъ онъ слыветъ за хозяина, знающаго щеты и такъ хорошо оправдываетъ свою репутацію, что мы можемъ только посовѣтовать будущимъ путешественникамъ искать себѣ по возможности другое мѣсто для отдыха въ долині, лишь бы не клочекъ земли, гдѣ хозяйничаетъ господинъ пасторъ. Кромѣ пастора, который въ своей очень потертой черной одеждѣ похожъ на сельскаго учителя, мы встрѣтили еще индидуумъ, исландскіе башмаки и штаны котораго странно противорѣчили короткому бархатному кафтану и барету, украшенному перомъ. Мы еще въ Рейкьявикѣ слышали объ этомъ юношѣ: онъ единственный и слѣдовательно величайшій изъ нынѣ живущихъ

художниковъ Исландіи; нѣкоторое время онъ пробылъ въ Голландіи для усовершенствованія, по обычному выраженію и оттуда изъ мастеровскихъ художниковъ вывезъ бархатный кафтанъ и баретъ а'la Ванъ-Дикъ. Теперь онъ преимущественно занимается изученіемъ исландскихъ древностей и усовершенствованіемъ національнаго головнаго убора женщинъ. Для этой цѣли онъ вмѣсто красивой острокозочной шапочки или вмѣсто страннаго языка съ бѣлой стежкой, какой носятъ нѣкоторыя исландскія женщины на головѣ, словно имъ мало собственнаго языка во рту, — для этой цѣли, говорю я, онъ избрѣлъ родъ конусообразнаго рога изъ папки, на который накалывается вуаль; уборъ нѣсколько походитъ на сахарную голову, носимую нормандскими кормилицами. Рейкјавикскій Ванъ-Дикъ тотчасъ же потащилъ насъ къ замѣчательнѣйшему, по его мнѣнію, мѣсту долины, которое онъ открылъ въ дивной пещерѣ, будто бы находящейся въ связи съ глубочайшими тайниками нутра земли и, навѣрное, въ старыя времена игравшую значительную роль, хотя объ этомъ ничего не говорится. Мы увидѣли только маленькое, почти круглое углубленіе, какія встрѣчаются сотнями на каждомъ большомъ потокѣ лавы и удовольствовались тѣмъ, что воспользовались художникомъ для узнаванія мѣстности, которую онъ дѣйствительно хорошо знаетъ. Мы просмотрѣли также его альбомы и, вполнѣ признавая заслуги исландцевъ въ чемъ другомъ, мы не удержались и ударя себя въ грудь съ чувствомъ собственнаго, достоинства проговорили: Anch'io.

Нашъ караванъ растетъ. Утромъ во время нашихъ занятій рисованіемъ, откалываніемъ камней и т. п., къ намъ присоединился профессоръ Арназонъ съ 5 лошадьми, чтобы вмѣстѣ съ нами отправиться къ Гейзирамъ. Сначала намъ было непривычно смотрѣть на его способъ ѣзды. Всѣ исландцы постоянно болтаютъ ногами и лошади даже имѣютъ привычку остаиваться, какъ только прекращается это движеніе. Такъ какъ исландцы не носятъ шпоръ и только мягкіе башмаки, то это постоянное поколачиваніе лошадиныхъ боковъ сообщаетъ коню волю сѣдока, который только въ исключительныхъ случаяхъ прибѣгаетъ къ хлысту. У нашего добряка профессора эти національныя движенія были до того экцентричны и такъ потѣшно сопровождалась маханіемъ рукъ и головы, что можно бы предположить, что конь и всадникъ —

два электрические полюса, постоянно притягивающіе и отталкивающіе другъ друга. Но тѣмъ не менѣе нашъ ученый спутникъ былъ отличный наѣздникъ, неутомимый въ загонѣхъ и поимѣхъ лошадей и къ тому же у него былъ такой добродушный, веселый характеръ, что мы очень сожалѣли, когда, послѣ нѣсколькихъ дней весело проведенныхъ вмѣстѣ у Гейзира, онъ выбралъ на обратный путь другую дорогу.

Нѣсколько выпавшихъ ливней напомнили намъ, что время уже нѣсколько позднее для путешествія по Исландіи. Мы выѣхали въ полдень и, порядочно покрутившись между сходящихся трещинъ и волнистыхъ возвышеній, переѣхали долину и послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды, достигли разсѣлины Храфнагги, которая дикостью и мрачностью еще превосходитъ свою сводную сестрицу; но образована не такъ правильно и гораздо болѣе осыпалась. Наши лошади, точно козы, взлѣзли по крутой стѣнѣ разсѣлины, мы съ трудомъ взобрались за ними, и очутились, поднявшись на верхъ, на потокѣ лавы, который превзошелъ все, что мы когда нибудь представляли себѣ. Внизу блистала зеленая равнина Тингваллы; по ней ползли карлики березы и получили отъ исландцевъ пышное названіе лѣса. Но за то это единственная зелень, которую мы видѣли; вокругъ насъ страшная пустыня; голые лавовые утесы только слегка посыпаны шлаками и золой, которые отчасти смиты съ сосѣднихъ холмовъ. Мы выѣхали на верхъ наклонной равнины, на которой нагромождена вулканическая труба точно развалившаяся сторожевая башня, обзрѣвающая мѣстность. Пропасть, изъ которой вырвались газы, выбросившіе эти шлаки, достигаетъ глубины глубокаго колодца. Когда бросаешь туда камень, то раздается звукъ, точно звонъ разбитыхъ стеколъ. Это мѣсто называется Рейдарбаннуръ и принадлежитъ къ такого рода мѣстностямъ, которыя путешественникъ долженъ непремѣнно видѣть. Хороши отсюда виды, какъ назадъ на долину Тингваллы, такъ и впередъ на обширную равнину Мосфалль и въ сторону на острую скалистую цѣпь Кальфатиндаръ (Телячьи зубы), отгнѣнную мрачными тучами и подобно испанскимъ привидѣніямъ поднимающейся надъ сѣрымъ потокомъ лавы.

Немного дальше мы достигли другой достопримѣчательности по мнѣнію проводниковъ, пещеры Лаугарваттъ Геллифъ, открытой на скатѣ высокой цѣпи холмовъ, въ мягкомъ, похожемъ на

песчаникъ, камнѣ, который очевидно состоитъ изъ сплавленнаго палогонитнаго щебня. Пещера вымита въ болѣе мягкомъ слѣб и ведетъ, какъ увѣряютъ, далеко внутрь горы; ея стѣны и сводъ состоятъ изъ крупнозернистой горной породы, въ которой легко вырѣзываются ножомъ глубокія буквы. Цементъ горной породы образуетъ сѣрая, вулканическая масса, въ которую вкраплены большія и меньшія зерна темнобураго палогонита и черноватой лавы. Эта горная порода подвергалась такому сильному вліянію атмосферной воды, что всюду, гдѣ только встрѣчается въ ней камень побольше, вода образуетъ неполный столбъ, который постепенно стачивается, пока наконецъ не рухнетъ подъ тяжестью прикрывающей его шапки. Вся масса холмовъ была очевидно выброшена во время тѣхъ изверженій, которыя принимали участіе въ образованіи снѣжныхъ потоковъ въ долину Тингваллы. Сперва просачивающаяся атмосферная вода сплотила рыхлыя массы золы, а теперь таже самая вода постепенно подмываетъ, подкапываетъ ихъ и смываетъ въ долину.

Мы удовольствовались наружнымъ осмотромъ пещеры, не выказавъ ни малѣйшаго желанія захватить съ собою свѣчи для осмотра мрачныхъ подмытыхъ стѣнъ и послѣ небольшого отдыха отправились въ Лаугарватнъ, къ мѣсту нашего ночлега. Поселокъ, носящій это имя, лежитъ на маленькомъ возвышеніи, надъ красивымъ озеромъ, на которомъ водятся гагары, утки и тому подобныя водяныя птицы, и гдѣ, не смотря на горячіе, сѣрнистые ключи, отовсюду изливающіеся въ озеро, живутъ чудесныя форели. Въ этомъ мы вполнѣ убѣдились за ужиномъ. Поваръ былъ ограниченъ одними исландскими приправами и все-таки приготовилъ настоящій гастрономическій столъ. Достойный владѣлецъ двора принесъ намъ великолѣпную озерную форель, вѣсившую фунта 4; а наши сѣдла были унизаны тетеревами, сивками и маленькими куликами — добыча охотниковъ по дорогѣ. Особенно было много сивокъ, которыя какъ и ласточки въ нашихъ странахъ, собирались въ большія стаи для своихъ странствій на югъ. Тетерева также спустились съ возвышенныхъ мѣстъ на низы; мы не охотились на нихъ болѣе, но въ этотъ разъ застрѣлили такое множество этой превосходной дичи, что во время нашей поѣздки намъ не было надобности въ другомъ мясѣ и мы еще привезли на корабль цѣ-

лый ящикъ, набитый ими; такъ что во время позднѣйшаго обратнаго плаванія они были свѣжимъ напоминаніемъ объ Исландіи.

Но вернемся къ ночлежному мѣсту; какъ видно по первому же взгляду, оно совершенно лежитъ въ области горячихъ источниковъ. Далеко за озеромъ, на необозримой равнинѣ, поросшей желтымъ торфянымъ мхомъ и безъ перерыва потянувшейся вдаль до самаго моря, мы видимъ вьющійся паръ, который, какъ дымъ желѣзнаго поѣзда, стелется по вѣтру надъ равниной и застилаетъ протекающую по ней рѣку. На противоположной сторонѣ озера также поднимается паръ, но прерывисто, какъ изъ машины подземной фабрики, а у нашихъ ногъ, едвали въ 100 шагахъ, изъ подъ земли бурлитъ и клокочетъ вода, словно кипитъ озеро.

Покуда готовится ужинъ и раскидываютъ палатки, мы поспѣшили внизъ, къ озеру, посмотрѣть на источники, которые клокочатъ изъ подъ сомнительной коры и впадаютъ въ озеро вѣдѣтъ съ небольшимъ потокомъ, который, пожалуй, привелъ бы въ движеніе мельничное колесо. Свѣтлая голубоватосѣрая глина, на которую осѣло множество сѣры, гипсу и окристаллованныхъ солей, образуетъ эту кору; изъ круглыхъ отверстій выкипаетъ вода съ запахомъ тухлыхъ яицъ, слѣдовательно несомнѣнно содержащая сѣрный водородъ. Погруженный термометръ показываетъ точку кипѣнія; озеро дымитъ вдоль берега; при попыткѣ выкупаться вскорѣ убѣждаешься, что горячая вода стоитъ поверхъ холодной озерной воды, такъ что кажется, что ноги стоятъ во льду, а икры жгутъ. Небольшая въ пядень форель явно для своего вреда не была какъ кажется знакома съ обыкновенными физическими законами и сдѣлала безумную попытку словить комара поверхъ этого верхняго горячаго слоя; на половину сваренная она кружится у берега, а Грессли, рискуя упасть въ кипящій источникъ хочетъ пополнить и провѣрить показанія термометра, дѣйствительно ли сварится въ ключѣ форель. Этотъ горячій сѣрный источникъ, который бы обогатилъ владѣльца въ нашей цивилизованной Европѣ, употребляется кажется здѣсь только для мойки бѣлья. Взявши образцы глины съ осѣвшими на ней солями и минеральными веществами, мы поторопились на соблазнительный призывъ повара и стали ужинать у нашей палатки, причемъ на насъ гляѣла толпа любопытныхъ дѣтей, торчавшихъ на крышахъ домовъ.

Еще было довольно свѣтло для посѣщенія и осмотра внутренности настоящаго исландскаго крестьянскаго двора. Въ стѣнѣ, обращенной къ намъ, пробито отверстіе; въ него входились наклонившись и низкимиъ коридоромъ проходишь въ нѣсколько маленькихъ помѣщеній, изъ которыхъ одно освѣщается четверугольной дырой въ квадратный футъ, а другое совершенно темно и пусто. Въ помѣщеніи въ родѣ погреба стояли горнило изъ лавы, наковальня изъ глыбы лавы и четверугольный камень, сложенный изъ лавовыхъ плитъ—это кузница. Отъ этой выдавшейся постройки, въ которую можно было войти прямо, кругомъ всего двора обшла низкая, сухая стѣна, сложенная изъ лавовыхъ плитъ и дерева, вездѣ прикрытая дерномъ и служившая дѣтямъ прекраснымъ мѣстомъ для игръ. Фасадъ на югъ, выходящій на дорогу, представляетъ нѣсколько стоящихъ другъ подлѣ друга фронтоновъ съ досчатыми перегородками и маленькими плотно приколоченными окнами; въ одно видна низкая конната почти въ 20 квадратныхъ футъ, полъ и стѣны обшиты деревянными половицами и досками. Въ ней сидѣли наши проводники за чашкой простокваши, сушеною рыбой и громаднымъ кускомъ прогорклаго масла. Мы ступили черезъ дверь въ длинный, темный, узкій проходъ и, спотыкаясь о домашнюю утварь, разставленную вдоль стѣнъ, шлепая по вязкой грязи, представляющей полъ, сильно стучаясь головой о нѣсколько перекладинъ, пока не научились низко кланяться и ощупью въ потьмахъ пройдя шаговъ 30, вошли въ маленькое помѣщеніе, освѣщенное нѣсколько сверху конически служащимися каменномъ. Это—кухня, что доказываетъ утварь, развѣщенная по стѣнамъ и тлѣющій на очагѣ березовый кустарникъ и торфъ. Тутъ же и поперечный проходъ, который на право и на лѣво ведетъ въ различныя помѣщенія, покрытыя каждое отдѣльною крышею. Но негодный для письма воздухъ наполняетъ эти кротовыя ходы и хомяковыя норы; затхлость погреба, кислота прогорклаго масла, кислота заплеснѣвшаго молока и всѣ амміачныя миазмы, какія только могутъ развиваться отъ гниющей рыбы и мяса, соединились тутъ съ человѣческими испареніями и составили такой букетъ, что мы не выдержали дальше. Намъ стало такъ-же жутко какъ у Рейнеке-лиса волку въ пещерѣ мартышекъ: мы бросились къ выходу, задыхаясь отъ зловонія, тяжело дыша и,

получивши нѣсколько новыхъ сняжковъ на лбу подняли высоко руки, давая клятву, что никогда уже не воспользуемся гостеприимствомъ исландскаго крестьянина-собственника.

Вечеръ вознаградилъ насъ за эту напасть. Далеко за равниной, которая своимъ обгорѣлымъ цвѣтомъ, своими дымящимися ключами и излучистой рѣкой напоминала пустынные поля римской Кампаньи, сверкали ледяные колоссы Геклы, Тиндфеллы и Эйяфеллы, озаренные волшебной вечерней зарей; а вблизи пустынные наносные конусы, окаймляющіе равнину, погружались въ глубокий мракъ. Сидя передъ палаткой мы любовались картиной пока не наступила звѣздная ночь съ играющимъ на небѣ сѣвернымъ сіяніемъ и только суровый холодъ заставилъ насъ лѣзть подъ палатку.

„Рано сѣдлаешь, поздно выѣдешь“, говорится въ Исландіи. Обыкновенно проходитъ 2 — 3 часа, покуда караванъ можетъ тронуться. Ночью, не смотря на пути, лошади далеко разбѣжались; пока ихъ пригнали, навьючили, все это дѣлается съ невозмутимымъ спокойствіемъ и систематической медленностью, — у насъ было достаточно свободнаго времени для приведенія въ порядокъ зашѣтокъ прошлаго дня, окончанія рисунковъ и подробнаго изслѣдованія лагернаго мѣста. Къ счастью проводникъ былъ нашимъ назначаемъ, если бы мы взяли на себя еще и это дѣло, отнимающее пропасть времени и сопряженное съ безконечными спорами, то мы, навѣрное, зачастую не выѣзжали бы раньше полудня. Впрочемъ, если дорога хороша, и погода сносная, то можно скоро вознаградить потерянное время; потому что за ночь лошадки совершенно отдохнуть и скачутъ такъ, что любо.

Мы придерживались края равнины, на которой динить желѣзный поѣздъ, который ночью съ сѣверовосточнымъ вѣтромъ совершенно перемѣнилъ свое направленіе. Намъ попадаются большія площади плотнаго чернаго песку, на которыхъ мы гарцуемъ; мы проѣхали также нѣсколько лѣсочковъ, хватая верхушки деревъ не слишкомъ, правда, нагибаясь съ сѣделъ. Кто то изъ насъ нашелъ даже березовый стволъ, который хотя стлался по землѣ, но все же былъ толщиною въ руку и весь караванъ stanулся, чтобы полюбоваться на это чудо роскошной растительности. Болтая, шутя и все держась края равнины мы пріѣхали въ холмистой

иѣстности, по которой раскиданы куски лавы; до нашихъ ушей издали доносится шумъ водопада. Мы подъѣхали и увидѣли передъ собой широкую рѣку, заключенную въ грозныхъ лавовыхъ скалахъ и ея свѣтлая вода падаютъ въ глубокую разсѣлину, которая тянется поперекъ русла рѣки. Внимательно вглядываясь мы замѣтили, что въ водѣ черезъ эту разсѣлину перекинута узкій деревянный мостикъ; его подъемъ затопленъ водою, а самый мостикъ укрѣпленъ на громадныхъ глыбахъ лавы, выступающихъ у края разсѣлины. Одинъ изъ проводниковъ рѣшительно вѣвѣжаетъ въ рѣку, чтобы показать дорогу лошадямъ: его лошадь по брюхо бредетъ по водѣ; остальные проводники съ двухъ сторонъ гоняютъ лошадей по водѣ къ мостику; мы слѣдуемъ за ними. Вода доходитъ намъ до стремянъ, русло неровно, изрѣзано трещинами и ямами. Такъ ѣдешь по водѣ шагомъ 30 до шаткаго мостика, переѣзжаешь по немъ зіяющую пропасть, изъ которой съ шумомъ летятъ брызги и пѣна, переѣзжаешь еще разъ на другой сторонѣ не столь глубокую воду и наконецъ выходишь на твердую лавовую почву, роскошно поросшую черникой, которая уже созрѣла. Мы сочли дорогу намъ головы и, убѣдившись, что всѣ переправились благополучно, набросились въ ожиданіи вьючныхъ лошадей съ завтракомъ на сухую и безвкусную чернику какъ люди, не видѣвшіе въ цѣлое лѣто ни одной ягодки за исключеніемъ продажной.

Рѣка называется Мостовой рѣкой, по исландски Бруара; если мы не ошибаемся, то это единственная рѣка на всемъ островѣ, черезъ которую дѣйствительно переброшенъ мостъ.

Оставивъ потокъ лавы, мы поѣхали вдоль пустынныхъ насыпныхъ скатовъ высокихъ горъ и послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды увидѣли за низкимъ выступомъ горы густой паръ — значитъ мы близъ Гейзира. Мы понеслись сломя голову: передніе поскакали напрямикъ и попали въ трясины; болѣе разумные придержаваясь края трясинны, нашли проторенную тропинку, объѣхали гору и поскакали на глухой гуль. Нѣсколько свѣтлыхъ, кристалльных лучей поднимаются, какъ свѣтящіяся ракеты, футъ на 25 изъ густой тучи пара, а кипящая вода бурлитъ и разливается изъ бассейна на вершинѣ тупаго конуса. Не успѣли мы спуститься какъ все явленіе исчезло, подобно сновидѣнію. — Мы у Гейзира.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Гейзиръ. Хруни. Лаугарделиръ. Рейкиръ. Рейкьявикъ. Гриннокъ.

Палатку раскинули какъ-разъ у основанія бассейна большого Гейзира. Этотъ бассейнъ составляетъ крайній восточный предѣлъ цѣлой группы источниковъ, которые если вообще и тянутся на сѣверовостокъ, то все таки скорѣе образуютъ обширную группу нежели прямую линію. Самый бассейнъ Гейзира — низкій конусъ съ широкимъ верхнимъ отверстіемъ — осыпшій сѣрый кремнистый осадокъ, расположенный неправильными слоями одинъ надъ другимъ, подобно листьямъ въ устричной раковинѣ. Весь конусъ, какъ извѣстно, отложенъ водою источника, содержащею въ себѣ значительное количество кремнезема, который осаждается при ея испареніи и при теченіи; въ бассейнѣ же кремнеземъ совершенно растворенъ въ водѣ, такъ какъ она чрезвычайно чиста, прозрачна и только, когда заглянешь въ глубину, отсвѣчиваетъ зеленью. Форма бассейна такая какой не встрѣчаешь у другихъ источниковъ и которую лучше всего сравнить съ плоскимъ шампанскимъ бакаломъ наполою ножкѣ. Это большая плоская чаша, круглая на видѣ, съ отверстіемъ ключевой трубы посрединѣ, изъ которой по временамъ подымается густой паръ. Чистая вода въ чашѣ, на днѣ которой можно ясно различить мелкозернистые кремневые осадки, на подобіе цвѣтной капусты, дымитъ, какъ большой пивной чанъ, выставленный для охлажденія. Кажется неизвѣстная причина, производить поперебѣнное, медленное повышеніе и пониженіе уровня

воды. Иногда повышеніе бываетъ до того сильно, что вода льется черезъ края чаши во всѣ стороны, задерживаясь въ нѣкоторыхъ углубленіяхъ, которыми мы пользуемся какъ естественными умывальниками; бѣльшую же часть она собирается въ маленькій ручеекъ, текущій на югъ въ равнину, къ окраинѣ которой примыкаетъ область Гейзира. По временамъ почва весьма тихо колеблется, вода прибываетъ сильнѣе въ срединѣ, соответствуя отверстію канала, подымается какъ бы водометомъ, на который еще не насажена подъемная трубка и вздымаясь нѣсколько разъ, подобно источнику живой воды въ персидской сказкѣ, снова понижается и тогда всплываетъ нѣсколько большихъ пузырей пара, которые облакомъ гонятся вѣтромъ по равнинѣ. Порой черезъ 3, 4 часа эти явленія усиливаются: слышатся глухіе подземные удары, сопровождаемые замѣтнымъ колебаніемъ почвы и будятъ васъ; вода сильнѣе льется изъ чаши; шибче закипаетъ въ трубкѣ и порой, сопровождаемая густой тучей пара, выбрасывается толстая прозрачно-кристальная струя, которая поднявшись всего на высоту человѣческаго роста, снова падаетъ. Часто, и днемъ, и ночью, дурачилъ насъ Гейзиръ такими попытками и несовершенными взрывами; наконецъ скверная погода принудила насъ на третій день оставить Гейзиры, не выдавъ сильнаго взрыва того, который онъ привѣтствовалъ насъ въ началѣ.

Если пойдешь по направленію источниковъ, то въ нѣкоторомъ разстояніи попадается другая дыра, похожая на развалившійся колодезь и окруженная низкой, неправильной стѣной грязнаго, буряго цвѣта изъ кремнія и дерна; а кругомъ окаменѣлый дерякъ, камень и комья земли. Перегнувшись черезъ край колодца, видишь дыру, выложенную неправильными бурными кремневыми стѣнами, и на глубинѣ 20 — 30 фут. влокочетъ горячая вода. Исландцы зовутъ ключъ Строкромъ или Масляной кадкой и проводники очень расположены къ нему, такъ какъ онъ всегда выручаетъ ихъ изъ бѣды, когда большой Гейзиръ упрамо не даетъ настоящаго изверженія. Строккръ, по вѣрному замѣчанію Лорда Дюффераина, имѣетъ слабый желудокъ, который черезъ короткіе промежутки извергаетъ всѣ неудобоваримыя вещества, выбрасывая ихъ чрезвычайно усердно. Только раскинули нашу палатку и мы сдѣлали всѣ хозяйственныя распоряженія для ужина и ночлега, какъ

уже приглашаютъ на представленіе Строккера. Набрали большихъ кусковъ дерну, натаскали отовсюду каменьевъ, сложили у края и, по данному знаку, сбросили въ колодезь. Мы выжидаемъ на нѣкоторомъ разстояніи; нѣкоторые стали съ подвѣтренной стороны; а смѣльчаки заглянули даже въ жерло, чтобы посмотрѣть, что происходитъ въ глубинѣ. Тамъ, внизу что-то нѣсколько разъ заворчало; почва явственно дрожить, мутная отъ брошенной земли вода стала прибывать -- разомъ раздался ударъ, словно вышибли ворота и изъ глубины вылетаетъ совершенно отвѣсно кипящая бурая струя воды футъ на 100 вверхъ, дробясь на тысячи капель, которыя, большею частью, во время паденія улетучиваются паромъ и обратно падаетъ только грязевой дождь. Густыя облака пару клубами вылетаютъ изъ отверстія, а черезъ край льется горячая вода и большіе куски дерна и камни какъ бомбы разбрасываются во все стороны. Водяные лучи слѣдуютъ одинъ за другимъ, пожалуй, съ четверть часа, пока наконецъ эти дымящіяся ракеты не ослабѣваютъ и въ высотѣ и въ силѣ, пока не выброшены дернъ и камни, сброшенные въ колодезь и совершенно не вышелъ скопившійся внутри паръ. Вслѣдъ за вынужденнымъ изверженіемъ, уровень воды въ колодезѣ такъ понижается, что въ глубинѣ можно видѣть его суженіе и тогда его форма совершенно походить на обыкновенный бокалъ съ нѣсколькими трещинами на днѣ.

Такое вынужденное изверженіе Строккера даетъ, пожалуй, самый совершенный образецъ подводныхъ вулканическихъ изверженій. Наблюдатели не могутъ нахвалиться чуднымъ контрастомъ, какой днемъ, когда не видно калильнаго жара, представляютъ ослѣпительно бѣлыя облака пара съ прорѣзающими ихъ бурными лучами водяныхъ ракетъ, плаками и глыбами лавы, представляющихя темными бомбами. Здѣсь у Строккера водяныя ракеты замѣняются лучами воды, дробящимися въ бурныя капли, вулканическія бомбы кусками дерну, камнями; а ослѣпительно-бѣлый паръ также клубами вылетаетъ изъ маленькаго кратера. Изверженіе большаго Гейзера, которое, во всякомъ случаѣ, само по себѣ гораздо великолѣпнѣе, такъ какъ никакая примѣсь не мутитъ прозрачной воды, по этой же самой причинѣ не могло бы представить столь блискаго сходства.

Такъ велика вѣра въ то, что Строккеръ сполна возвратитъ матеріалъ, которымъ его напичкають, что капитанъ Форбсъ рассказываетъ въ своемъ „Путешествіи по Исландіи,“ появившемся два года тому назадъ, что онъ завязалъ свой обѣдъ изъ нѣсколькихъ тетерекъ въ фланеловую рубаху, бросилъ въ жерло и при изверженіи получилъ ихъ обратно совершенно сваренными.

Дальше на западъ отъ Строккера на кремнистой почвѣ, издающей странный трескъ, которая, очевидно, подобно карисбадской известковой накипи, образуетъ обманчивую тонкую кору надъ разнообразно извивающимися каналами и ямами, находится множество углубленій (иныя употребляются какъ естественныя пращенины). Однѣ изъ нихъ совершенно покойныя, прозрачныя бассейны, изъ глубины которыхъ только изрѣдка медленно поднимаются пузырьки пара и въ нихъ вода не имѣетъ ни какого истока. Изъ другихъ постоянно и медленно течетъ вода въ ручеекъ, бѣгущій на юго-западъ. Бассейнъ побольше, близъ Строккера, называемый Малныи Гейзиромъ, также позволяетъ себѣ по временамъ, безо всякихъ предвареній, выбрасывать нѣсколько водяныхъ лучей, совершенно такъ же какъ и его бѣдшій однофамилецъ, хотя и съ гораздо меньшимъ эффектомъ. Осадочная кремневая кора, въ которой пробуровлены всѣ эти отверстія, въ иныхъ мѣстахъ до того горяча, что нельзя стоять. Зато на другихъ чрезвычайно роскошно для такой бѣдной почвы зеленѣютъ и цвѣтутъ разныя травы, свойственныя этой мѣстности. На сѣверѣ область источниковъ замыкается высокою горною цѣпью, которая крутыми, мрачными, свинцово-сѣрыми террасами подходитъ къ равнинѣ. Цѣпь зовется Медвѣжьими горами (Vjagnefoll): ея сѣверовосточный скатъ переходитъ въ высокій потокъ лавы, поверхность котораго представляетъ дикую пустыню. Въ область же источниковъ врѣзывается изъ этой цѣпи крутой конусъ Лаугафельль; его крутые, обрывистые склоны — неправильные столбы зеленоватаго цвѣта, обращены къ области источниковъ. Между этими конусомъ, изъ каменной породы въ родѣ трахита или звонкаго камня, и линіею Гейзиромъ прошли странныя отлогости замѣчательнаго краснаго сурриковаго цвѣта; уже издали замѣтенъ ихъ рѣзкій контрастъ съ желтою зеленью покрытой мхомъ равнины, и мрачными сѣрыми уступами горной цѣпи. Эта красная окраска прошла непосредственно до подошвы

пирамиды Лаугафйеллы, обрушившіяся массы которой образовали большіе холмы. На всемъ далекомъ прострaвствѣ этихъ красныхъ отлогостей вьется паръ, будто изъ тонкихъ трубъ работающихъ паровиковъ. Отлогости состоятъ изъ тяжелой, пластической глины, которая вблизи представляется обожженою въ красный, желтый, коричневый, голубой и, сѣрый цвѣта и очевидно, своимъ происхожденіемъ обязана тому же горячему пару. Гдѣ только есть малѣйшая трещинка, изъ нея вылетаетъ горячій паръ, часто даже черезъ извѣстные промежутки; гдѣ только можно сдѣлать дыру киркой или лопатой—скоро докапываешь до глубины, изъ которой выдѣляется паръ. У подошвы самой пирамиды, на верхушкѣ насыпнаго холма, гдѣ красная глина почти совершенно покрыта зелеными, осыпавшимися горными породами, вьется еще маленькое облачко изъ незамѣтной трещины. Но неподалеку отъ большаго Гейзера есть нѣсколько большихъ ключей и особенно хороши два, раздѣленные только мостомъ; обдѣланные кремнистымъ осадкомъ ослѣпительной бѣлизны, они представляютъ ту же чудно голубую игру цвѣтовъ, которая характеризуетъ знаменитый голубой гротъ Капри. Волнистыя изгибы сталактитовыхъ стѣнъ, которыя замыкаютъ эти волнистыя отверстія и отдѣляютъ ихъ отъ глины, отражаются неясными чертами на темно-голубомъ днѣ и все свѣтлѣютъ и свѣтлѣютъ, чѣмъ ближе къ поверхности лежатъ выступы. Наши исландскіе проводники мало заботятся о поэтической красотѣ мѣстности: въ голубой прозрачной кристалльной влагѣ, которая близка къ точкѣ кипѣнія воды, на веревкѣ виситъ уже окорокъ. скоро присоединяется къ нему плумпуддингъ, по древнему преданію, составляющій неизбѣжную принадлежность всякой поѣздки къ Гейзерамъ. Поварь, который у „принца Карла въ Ильенике“ конечно вполнѣ проникся уваженіемъ ко всему историческому, скорѣе отказался бы сопровождать насъ, чѣмъ допустить отъѣздъ изъ Рейкьявика безъ запаса необходимаго для плумпуддинга говяжьяго сала. Такъ какъ вода этого источника, хотя и содержитъ въ себѣ кремнеземъ и другія соли, не имѣетъ почти никакого посторонняго запаха и вкуса, то и употребляется поваромъ для всѣхъ его кулинарныхъ надобностей, чѣмъ, конечно, значительно берегаются дрова.

Теорія двухъ главныхъ источниковъ, Гейзира и Стоккера, объяснена Бунзеномъ до того ясно и убѣдительно, что противъ нее нельзя представить рѣшительно никакого возраженія. Макензи и всѣ позднѣйшіе физики полагали, что отвѣсная труба Гейзира соединяется въ глубинѣ помощью боковаго рукава съ котловидною пустотою, въ которую набирается паръ, пока, наконецъ, перевозимая своею упругостью давленіе водянаго столба въ отвѣсной трубѣ онъ не освободится посредствомъ сильнаго взрыва, выбросивъ воду изъ трубы. Точными измѣреніями температуры внутри трубы Гейзира Бунзенъ доказалъ, что температура вглубь постоянно повышается и далеко превышаетъ точку кипѣнія воды, что, слѣдовательно, нѣтъ надобности въ предположеніи какого-то боковаго паровика; а совершенно достаточно давленія одного водянаго столба въ самой трубѣ, чтобы накопить горячій паръ въ ея глубинѣ, который и уравнивается, превращая въ паръ большую часть верхняго водянаго столба и сильнымъ взрывомъ выбрасывая его. Профессоръ Миллеръ въ Фрейбургѣ подтвердилъ теорію Бунзена: остроумнымъ опытомъ подъ высокою жестяною трубей, наполненною водою и представляющей въ маломъ размѣрѣ трубу Гейзира, онъ произвелъ помощью жаровни паръ, который и причиняетъ повторенные взрывы. Въ превосходной космической физикѣ Миллера упомянуты всѣ условія, какъ естественныхъ взрывовъ Гейзира, такъ и этихъ искусственныхъ опытовъ; мы и ссылаемся на нее. Строкверъ другое дѣло. Его короткая труба внизу образуетъ подобіе донышка съ тонкими трещинами, дающими отводъ пару и горячей водѣ. Если заткнуть эти трещины брошеннымъ туда дерномъ и камнями, то они образуютъ какъ бы грузъ предохранительнаго клапана, который наконецъ и преодолевается постоянно прибывающей упругостью пара и выбрасывается наверхъ. Вѣроятно можно, подобнымъ же образомъ, принудить къ изверженіямъ и большой Гейзиръ, если бы большая глубина его трубы, ея значительный поперечникъ и невозможность подойти къ краю отверстія не представляли матеріальныхъ препятствій къ затыканію трубы.

Мы прибыли къ источникамъ въ 2¹/₂ часа по полудни. У насъ было значить достаточно времени еще сегодня пройти по окрестностямъ и подготовиться къ занятіямъ на завтрашній день. Такъ какъ

для изслѣдованія физическихъ проблемъ у насъ не было ни охоты, ни нужныхъ аппаратовъ и притомъ по этой части намъ нечѣмъ было поживиться послѣ Бунзена, то мы съ тѣмъ большею энергій накинудись на геологическую и художественныя стороны, хотя въ нашей дѣятельности намъ не мало мѣшали сильные ливни, которые впродолженіе дня прерывались очень холоднымъ вѣтромъ, такъ что часто наши оконченныя пальцы едва держали молотокъ или карандашъ. Съ трудомъ мы отбили отъ конуса большаго Гейзера громадные куски твердаго кремневаго осадка, такъ что въ нашей коллекціи находятся образцы всѣхъ слоевъ до основанія конуса, которое обнажено ручьемъ, текущимъ съ глинистыхъ отлогостей. Строккеръ и другіе горячіе источники тоже отдали свою дань. Слѣдуя по теченію маленькихъ ручьевъ, мы подошли у края равнины къ области, гдѣ вода, содержащая еще кремній, соприкасается съ растеніями и образуетъ великолѣпные осадки и отпечатки, совершенно какъ источники многихъ мѣстностей содержащія известъ. Травы, осоки, хвощи и мхи помощью кремневаго отложенія сохранили мельчайшія подробности своего строенія и вмѣстѣ съ березовыми сучьями и листьями, которыхъ отпечатки великолѣпно сохранили всѣ нервы, образовали большіе слои кремнистаго туфа. Къ сожалѣнію этотъ туфъ такъ хрупокъ, что единственно весьма старательная упаковка даетъ надежду привезти въ цѣлости эти куски въ наши музеи. Между всѣми этими окаменѣlostями мы нашли вполне инкрустированное крыло зяблика или такой же другой маленькой птицы, строеніе перьевъ которой сохранилось до мельчайшихъ подробностей.

Но еще болѣе привлекаетъ насъ изученіе измѣненій горныхъ породъ, очевидно претерпѣнныхъ вслѣдствіе разрушительнаго дѣйствія горячей воды и горячаго пара. При поднятіи на Лаугафіеллу мы нашли въ глинѣ, помимо осыпавшихся горныхъ породъ, отчасти уже распавшихся на темныя глыбы пескообразнаго сложенія, болѣе древніе кремневые осадки частью, превратившіеся въ настоящій опалъ и янму. Мы стояли теперь на древнемъ бассейнѣ Гейзера, откуда, очевидно, его дѣятельность, въ теченіе столѣтій, подвинулась ниже къ его теперешнему бассейну. Слоевое, шелушистое расположеніе кремневыхъ осадковъ; конусообразное плоское склоненіе во всѣ стороны; плоскій внутренній бас-

сейнъ — все совершенно въ томъ же родѣ; только всѣ эти осадки смѣшаны съ красной и желтой глиной, — ясное доказательство, что жерло этого прежняго Гейзира помѣщалось въ горной породѣ, которую онъ разложилъ частью на глину, частью на кремнеземъ; а нынѣшній Гейзиръ изъ глубины своей лабораторіи выбрасываетъ только растворимый продуктъ разложенія, кремнеземъ, оставляя въ глубинѣ глину, неизменно образующуюся одновременно съ нимъ. Поднимаясь выше, мы прошли всѣ переходныя фазы нерастворимаго звѣнчаго камня, который покололся на неправильные столбы и остроугольные куски, до совершеннаго разрушенія въ глину и кремневый осадокъ. Отъ всякой разности, замѣтной глазу и дупъ, отламывались куски; каждою глиною наполнялись жестянки и мы натаскали отовсюду положительно цѣлую гору матеріала, большую половину котораго пришлось оставить, такъ какъ не было возможности еще болѣе навьючить нашихъ подъемныхъ лошадей.

Хотя всѣ эти матеріалы требуютъ еще дальнѣйшаго изслѣдованія, которое потребуетъ много времени, но мы все же скажемъ теперь, что Грессли и профессоръ, особенно же первый, хорошо знакомый съ строеніемъ Юры, были въ высшей степени удивлены поразительнымъ сходствомъ формацій Гейзира съ отложениями на Юрѣ, извѣстными подъ именемъ сидеролитическихъ или формацій бобоваго желѣзняка. Накопленіе этихъ обожженныхъ докрасна или въ желтый цвѣтъ глиняныхъ массъ надъ открытыми расщелинами, изъ которыхъ бѣжитъ кипящая прѣсная вода; тѣсное соединеніе кремневыхъ осадковъ съ этою глиною; присутствіе печеночнаго опала всѣхъ степеней разрушенія — все такъ совпадало съ характеристическими признаками формаціи бобоваго желѣзняка, что забывши на минуту горячіе, еще дѣйствующіе источники и близкія вулканическія породы можно бы подумать, что находишься въ долину Дельсберга.

Однаго не доставало — бобоваго желѣзняка; хотя, конечно, даже въ настоящей формаціи бобоваго желѣзняка, самъ бобовый желѣзняка вещь второстепенная и вовсе не встрѣчается во многихъ мѣстностяхъ. Но вотъ Грессли, по временамъ почти исчезающій въ глину какъ врывающійся въ землю барсукъ, нагнулся надъ бассейномъ небольшого ключа, гдѣ во множествѣ лежатъ искомыя зерна бобоваго желѣзняка. Онъ испускаетъ крикъ радости — можно ли

найти болѣе убѣдительное доказательство для его теоріи, предложенной уже нѣсколько лѣтъ, что вся формація бобоваго желѣзняка — продуктъ горячихъ источниковъ? Онъ опустилъ руку, въ пылу эшкварилъ ее горячей водой и благополучно вытащилъ на верхъ зерна дробн № 2, которую когда-то вѣроятно просыпалъ изъ дробиницы какой-то охотникъ, обмывая руки въ ключѣ.

Исландцы рассказывали намъ, что когда барометръ падаетъ, дуетъ западный вѣтеръ и падаетъ дождь, то это благоприятствуетъ частымъ изверженіямъ Гейзира; при хорошей погодѣ онъ рѣже — опытная истина, которая согласуется впрочемъ со всѣми теоріями изверженій Гейзира, такъ какъ большое давленіе воздуха благоприятствуетъ отдѣленію газовъ и паровъ. Но не смотря на это, хотя весь день чередовались дождь и буря, на большомъ Гейзирѣ появлялись каждые четыре часа только незначительныя закипанія и ничтожныя предвѣстники изверженія; но ни разу не было такого значительнаго изверженія, какое мы видѣли при нашемъ пріѣздѣ. Въ вечеру дождь полилъ сильнѣе; всю ночь лило безъ отдыха; полотно палатки не выдержало; на его внутренней сторонѣ потекли струйки воды, которыя поневолѣ приходилось отводить когда капли падали на лицо. Было мокро и въ палаткѣ и за палаткой. Снѣго, на которомъ мы лежали, всасывало сырость снизу, а предательскія капли пробирались всюду между одѣялъ и шубъ. Когда мы поднялись утромъ, дождь и буря все еще продолжались, не смотря на то, что сосѣднія горы футъ на 200 надъ равниной густо покрыты выпавшей ночью снѣгъ. Съ насъ было довольно; бродить по окрестностямъ и подниматься на горы было невозможно отъ выпавшаго снѣга; вблизи мы уже собрали всѣ геологическіе образчики, какіе только могли увести съ собою. Строккеръ мы заставляли извергать уже нѣсколько разъ, а ждать представленія большаго Гейзира въ такое позднее время года и въ тѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находились намъ казалось неумѣстнымъ. Конечно не обойдется безъ того, чтобы намъ намъ не сказали на родинѣ: были въ Римѣ и не видѣли папы; во всякомъ случаѣ слѣдовало бы дождаться Гейзира, хотя бы и пришлось всѣмъ вернуться съ членами искривленными ревматизмомъ и ломотой; но мы утѣшились тѣмъ, что дома можемъ сдѣлать то же, что сдѣлалъ повѣствователь

поѣздки принца Наполеона, который описываетъ до мельчайшихъ подробностей видѣнное ими изверженіе Гейзира, а лордъ Дюфферинъ, который принялъ и провожалъ путешествующаго принца, положительно утверждаетъ, что общество не видало изверженія и перемочивши у Гейзира уѣхало съ весьма удачной впрочемъ остротой, что они не привыкли долже ждать въ передней. Мы пустились въ обратный путь около полудня пользуясь мѣстнымъ проводникомъ, который проводить насъ, постоянно мѣняющимися тропинками, по топкой равнинѣ до измѣнчиваго брода Хвиты. Этотъ человекъ былъ созданъ именно проводникомъ: длинный и тощій дѣтина; между его длинныхъ ногъ казалось ежеминутно проскакивала маленькая, неказистая, ободранная лошадевка; а на головѣ нахлобученъ нѣсколько помятый цилиндръ, очевидно древній остатокъ первоначальной моды подражавшей печнымъ трубамъ всѣхъ размѣровъ. Такъ покачивалась впереди насъ эта длинная фигура, вооруженная, точно пикой, длиннымъ шестомъ для ощипыванія болота и рѣчнаго дна, который далеко впереди насъ видѣлся тонкой черной чертой на горизонтѣ и благополучно провель по мху и болоту, пересѣкаемому по срединѣ, незначительнымъ впрочемъ протокомъ Тунгуфльотомъ, къ песчанозольному берегу Хвиты, которымъ еще долго намъ пришлось ѣхать до брода.

Когда мы вѣхали въ самую рѣку, мы поняли, что черезъ нее не легко перебраться. Сѣровато-бѣлая, гнѣистая вода, на видъ совершенно похожая на мрачную воду ледниковаго ручья бѣжала такъ быстро подъ маленькими лошадеками, что глядя на нее кружилась голова и все казалось, что она тебя сноситъ. Лошади едва перешли глубокія мѣста русла — бродъ нарочно выбранъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ русло очень широко и раздѣлено песчаными мелями на нѣсколько неглубокихъ каналовъ — лошади перебирались не вплавь и то ихъ сносило быстрымъ токомъ далеко внизъ. „Одно время я уже думалъ“, писалъ профессоръ домой, „что мнѣ придется выкупаться; такъ какъ моя лошадь, нагруженная конечно тяжело всѣхъ, оступилась и упала на колѣни, а вода хлынула поверхъ сѣдла. Къ счастью еще что сильнымъ ударомъ я поднялъ ее на дыбы и она твердо стала ногами на дно и невыкупаннаго вынесла меня на мель. Я конечно бы не утонулъ,

но все было бы не совсѣмъ пріятно, такъ какъ вода была совершенный ледъ.“

Опять потянулась скучная дорога по мшистому болоту и по полуразрушившейся каменной насыпи въ Хруни, гдѣ назначена ночевка въ домѣ пастора. Къ несчастью самаго его священства нѣтъ дома; но пасторша принимаетъ насъ очень любезно и убираетъ намъ залу. Проводники помѣщены съ пасторскими работниками, а наша прислуга въ противоположащей киркѣ.

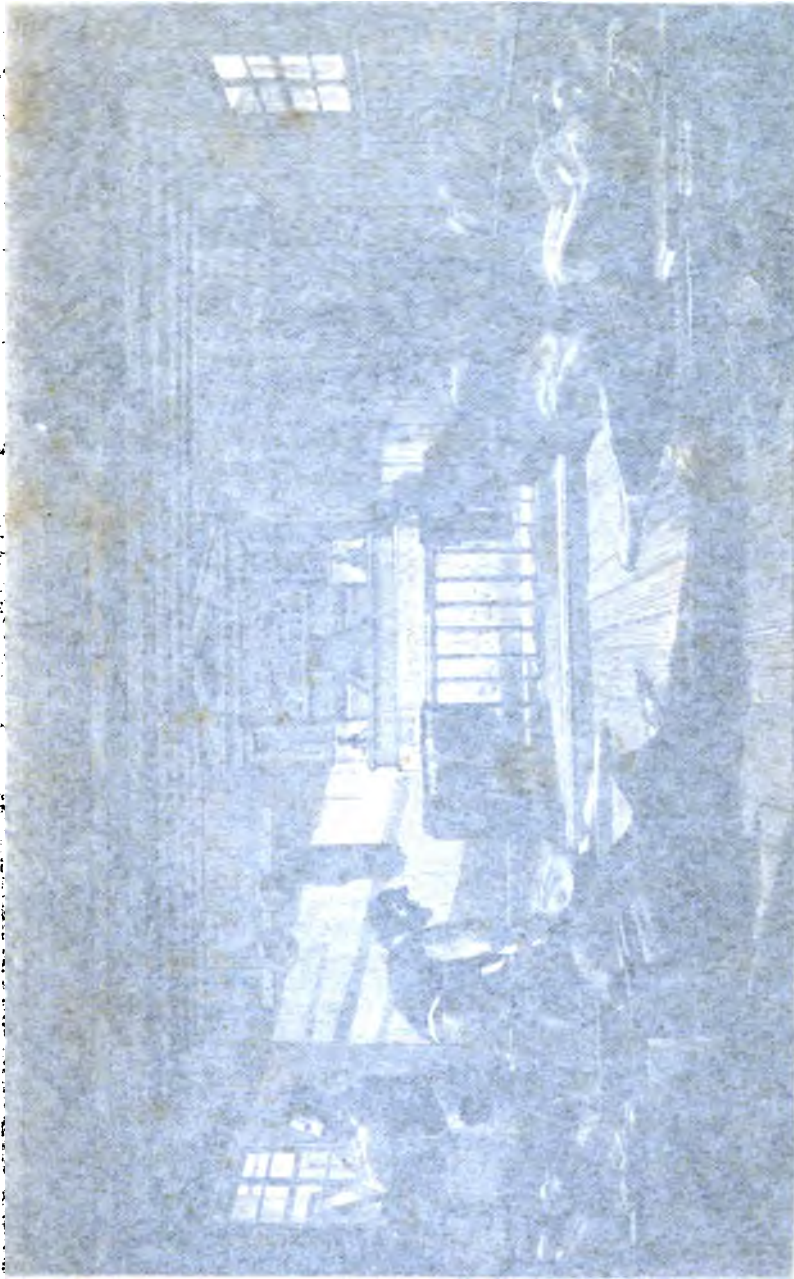
Еще въ Рейкьявикѣ намъ хвалили пастора Вріена, какъ одного изъ самыхъ дѣльныхъ въ странѣ, прибавляя при этомъ, что онъ потомокъ старинной фамилии теологовъ, которая дала уже множество декановъ, епископовъ и другихъ духовныхъ сановниковъ. Дѣйствительно, въ комнатѣ висѣлъ портретъ какого-то предка, гравированный въ Копенгагенѣ и свидѣтельствовавшій о его значительности. Зала считалась образцомъ элегантности и изящества. Въ эту парадную комнату проходишь длиннымъ темнымъ ходомъ, гдѣ по сторонамъ сложены разныя полевныя орудія, а середина выложена плитами, которыя предохраняли по крайней мѣрѣ отъ обычной грязи исландскихъ сѣней. Въ глубинѣ, гдѣ сверху падаетъ нѣсколько свѣту, темный проходъ развѣтвляется и одинъ изъ коридорчиковъ привелъ насъ къ дверямъ комнаты: мы открыли и вошли. Комната 12 фут. въ квадратѣ; ее освѣщаютъ два маленькихъ оконца; одно мы сейчасъ же съ трудомъ открыли, т. е. просто вынули, чтобы впустить свѣжаго воздуха. Стѣны, полъ и потолокъ обшиты досками, выкрашенными бѣлой клеевой краской. Бруглый столъ, накрытый краснымъ коврикомъ, старый нисменный столъ, еще болѣе древній диванъ, дрожащій при малѣйшемъ движеніи, небольшой шкафъ, выкрашенный въ коричневый цвѣтъ, нюрнбергское зеркало, такъ называемой жидовской мѣры и нѣсколько шкатулокъ изъ еловаго дерева съ подвижными ящичками, составляли всю мебель, какую найдешь только гораздо лучше у самаго бѣднаго семейства бюргеровъ въ Германіи. На столѣ лежатъ нѣсколько датскихъ и исландскихъ книгъ, греческая біблія съ латинскими комментаріями, которыя свидѣлствуютъ о частныхъ занятіяхъ хозяина. Велика должна быть любовь къ родинѣ, если люди, учившіеся въ Копенгагенѣ, получившіе великолѣпное образованіе, познакомились съ луч-

шими отношеніями и обстановкой принимаются за свои обязанности среди трудовъ, лишеній и даже настоящей бѣдности; при чемъ проповѣдь и церковная служба — дѣло второстепенное. Доходы, непосредственно получаемые исландскимъ пасторомъ деньгами-ли, продуктами-ли — ничтожны и большую часть своего содержанія ему приходится добывать на своемъ поле, лугахъ и отъ скота. Къ работѣ поденщика онъ присоединяетъ занятія образованнаго человѣка и не смотря на бѣдность и лишения своего міра долженъ быть впереди, какъ хозяинъ и ученый. Пасторъ воротился поздно вечеромъ, видимо утомленный многодневной ѣздой, такъ какъ онъ руководилъ, если мы не ошибаемся, полевыми стгономъ своего прихода, когда овецъ стгоняютъ въ долины изъ болѣе гористыхъ мѣстъ, гдѣ онѣ пасутся лѣтомъ. Разговоръ не клеился; отрывки латинскихъ фразъ, какія остались въ памяти и выжимались членами экспедиціи, могли служить развѣ, подобно плащу Діогена, для прикрытія наготы. „Какъ вы хотите отпавиться въ страну, гдѣ проводники и даже крестьяне заговарятъ съ вами по-латыни?“ говорилъ кто-то изъ друзей при нашемъ отъѣздѣ. Мы почувствовали, какъ онъ былъ правъ въ своемъ предостереженіи, потому что мы стояли теперь передъ улыбающимся высокимъ пасторомъ, который повидимому совершенно свободно оттачивалъ чисто ццероновскія фразы, какъ школьники, плохо знавшіе свой урокъ. Постеля по обыкновенію были постланы на полу, но, по крайней мѣрѣ, мы были подъ крышею и превосходно заснули подъ бурю и дождь, хлеставшіе въ маленькіе окна. Утромъ погода немного разгулялась, такъ что, пока сѣдлали нашихъ лошадей, мы изслѣдовали маленькій холмъ, который сейчасъ же за пасторскимъ домошъ въ Хруни и состоитъ изъ древняго миндального камня, лавовая скорлупа котораго выполнена бѣлыми цеолитами, представляющими большею частью скученные миндалины безъ ясной кристаллизаціи. Здѣсь на верху очевидно мѣсто дѣтскихъ игръ, потому что на одной плитѣ мы нашли множество овечьихъ костей тщательно выбѣленныхъ и сложенныхъ въ разныя фигуры. Между костями мы нашли нѣсколько кусковъ обсидіана и, какъ хорошую добычу, мы убрали ихъ въ свои ящики. Намъ предстоялъ довольно длинный путь и мы отправились пораньше, когда пасторъ еще спалъ, съ трудомъ заставивъ принять слѣдующую сумму за угощеніе.

Изъ Хруни мы намѣревались пробраться черезъ Сторинупръ къ Геклѣ, которая предполагалась цѣлью нашей поѣздки. Но погода неблагопріятствовала этому намѣренію. Густыя, низкія облака спустились надъ равниной и совсѣмъ закутали болѣе высокія горы, а сильный западный вѣтеръ перемѣжался съ дождемъ. Что было дѣлать у Геклы въ дождь, туманъ и снѣгъ?! Наши проводники, прямой интересъ которыхъ ѣздить съ нами какъ можно долѣе по странѣ, вслѣдствіе поденной платы, и тѣ единодушно увѣрили, что глупо ѣхать на Геклу. Не могло быть и рѣчи, чтобы взобраться на нее при только что выпавшемъ снѣгѣ, который обманчиво прикрылъ всѣ разсѣлины и углубленія; ѣздить же еще по поточкамъ лавы, казалось, не стоило; такъ какъ это, по увѣренію всѣхъ путешественниковъ, не представляло никакого дальнѣйшаго интереса. Такъ мы и порѣшили послѣ недолгаго совѣщанія направиться на западъ — не на югъ, къ новому Гейзиру, который, говорятъ каждыя 4 часа правильно производить изверженіе и имѣть, по крайней мѣрѣ, вознаградить себя за несбывшееся изверженіе большаго Гейзира. Такимъ образомъ мы поѣхали къ Лаксъ, безъ труда переправились чрезъ нее и поплелись по скучному болоту, которое мѣстами прерывается небольшими плѣтинами лавы, между Творза съ одной стороны и Хвитою съ другой, къ мѣстечку Лауггарделиръ, куда пріѣхали къ ночи и гдѣ кирка назначена намъ ночлегомъ. Подъѣзжая къ мѣстечку, мы увидѣли на одномъ маленькомъ прудѣ множество утокъ, а на другомъ пропасть лебедей; рассматривая ихъ въ зрительную трубу, мы заключили по свѣтому цвѣту крыльевъ, что это молодые. Охота на утокъ неудалась. Докторъ представляетъ слѣдующія соображенія: „если мы станемъ подергиваться къ уткамъ, то придется брести по болоту и мы промочимъ себѣ ноги, отчего можетъ послѣдовать простуда при такой холодной погодѣ. Спрашивается, отдаленная возможность убить утку равняется ли ближайшей возможности схватить простуду, которая можетъ повести къ сквернымъ послѣдствіямъ. Положимъ, что намъ удастся убить утку; всего вѣроятнѣе она упадетъ въ воду, а такъ какъ съ нами нѣтъ ни собаки, ни лодки, чтобы достать ее, то мы ее такъ и оставимъ въ водѣ“. Изъ такихъ, совершенно правильныхъ посылокъ докторъ вывелъ заключеніе, что можно покойно оставить ружье въ чехлѣ. Коммодоръ

и Губертъ подкравлись чуть ли не на разстояніи мили и выстрѣлили по уткамъ, которые поднялись и низко пролетѣли надъ головою доктора, который, съ ружьемъ въ чехлѣ, смотритъ имъ вслѣдъ немножко озадаченный. Охота на лебедей, которые сидятъ близь Лаугарделира, откладывается до ранняго утра, когда лебеди въ дремотѣ будто бы лучше выдерживаютъ. Это тѣмъ удобнѣе, что оттуда намъ останется нѣсколько шаговъ до Малаго Гейзира и что переправа черезъ Хвиту на лодкахъ, вслѣдствіе глубины рѣки въ этомъ мѣстѣ, отниметъ у насъ нѣсколько утреннихъ часовъ.

Въ Лаугарделирѣ намъ отведена для ночлега кирка; одни помѣстились между скамьями, другіе возлѣ кафедръ. Въ нашихъ цивилизованныхъ странахъ стали бы кричать о подобномъ обычаѣ, какъ о святотатствѣ и мы не ручаемся, чтобы и въ Исландіи когда нибудь не возникла секта, которая отниметъ это пристанище у чужеземцевъ подъ предлогомъ оскверненія святыни, какъ въ Швейцаріи, гдѣ уже давно ратуютъ противъ древняго обычая, который допускаетъ въ киркѣ собраніе общинъ, для выборовъ. Пасторская зала въ Хруни доказала намъ, что для ночлега самая плохая кирка все еще лучше лучшей комнаты исландскаго деревенскаго дома; а опытъ, сдѣланный у большаго Гейзира, не позволялъ сомнѣваться, что при осеннихъ ливняхъ и буряхъ, дерево даетъ всегда лучшій кровъ нежели полотно. Впрочемъ кирка отличается отъ исландской гостинной большимъ просторомъ и менѣе сильнымъ запахомъ; въ остальномъ же очень похожа на нее, такъ какъ помимо проповѣди, служить еще кладовою для пастора и кистера; для послѣдняго въ тѣхъ случаяхъ, когда церковь, что случается часто, довольно далеко отъ церковнаго дома. Общій планъ этого въ высшей степени простаго зданія продолговатый четырехугольникъ, задняя часть котораго, хоры и алтарь, достигаетъ до крыши, а передняя, большая часть, занята низенькими скамейками, гдѣ по большей мѣрѣ могутъ сидѣть человѣкъ 40 и устроенъ невысокій помостъ, на который надо подниматься по куриной лѣстницѣ. Кафедра стоитъ у стѣны въ промежуткѣ между хорами и скамьями; на ней висятъ праздничныя одежды пастора и кистера, разныя цилиндрическія шляпы и кое-какое облаченіе. Помостъ служить для развѣшиванія бѣлья, ко-

Ночлеги въ иркѣ Лаугардсдирра.

SECRET
FIELD NO. 100-100000

торое здѣсь сушится и кладовой для трески и вяленого мяса — и то и другое пребываетъ постоянно въ нѣкоторомъ броженіи, соединенномъ съ отдѣленіемъ амміачныхъ газовъ. Поэтому Исландецъ находитъ въ киркѣ почти ту же атмосферу, къ которой онъ привыкъ у себя дома и чувствуетъ себя не чужимъ въ киркѣ.

Рано утромъ общество раздѣлилось на двѣ партіи: охотники съ Гассельгорстомъ, который думалъ получить нѣсколько живописныхъ впечатлѣній, поѣхали на лебединый прудъ, а профессоръ, Грессли, проводники и багажъ отправились на берегъ Хвиты. Ея ширина въ этомъ мѣстѣ будетъ пожалуй съ километръ и такая глубина, что можно переправиться только на баркахъ. Быстрая рѣка катитъ свои пѣнистыя воды въ высокихъ берегахъ, преимущественно изъ спекшейся золы и шлаковъ. Лошадей развьючили; вещи и сѣдла перевезли въ неуклюжихъ лодкахъ, которыя ворочались нѣсколько разъ, такъ какъ разомъ онѣ не поднимали большого груза. Съ первой лодкой переправились и два проводника для помощи прибывающихъ на тотъ берегъ лошадей. Мы сами переправились съ нѣсколькими тюками; а наши главные проводники, съ помощію нѣсколькихъ верховыхъ, погнали въ рѣку упрямыхъ лошадокъ. Лошади прыдали вправо и влево; скакали по песчанымъ отмелямъ взадъ и впередъ, трясли гривами и упирались, пока наконецъ болѣе смѣлыя не кинулись въ глубокой потокъ и фыркая, высоко поднимая голову, не выплыли на другой берегъ.

За ними бросились и остальные, подгоняемые людьми съ лодки, которая перевозитъ послѣднія вещи. Они образовали длинную дугу, такъ какъ первые пони все болѣе и болѣе сносятся сильнымъ теченіемъ. Скоро бойкія лошади ступили на дно и побѣжали по болѣе мелкой водѣ противъ теченія къ берегу, вышли, встряхнулись и начали пастись какъ ни въ чемъ не бывало. Насъ сильно беспокоила слабая выючная лошадка, которую снесло внизъ почти на четверть часа; но и ей удалось добраться до мелководья и прибиться къ каравану. Переправа отняла у насъ нѣсколько часовъ, такъ что охотникамъ было время послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ подкрасться къ лебедямъ, прикнуть къ каравану и прибыть съ нами около часу пополудни въ Рейкирѣ, гдѣ мы опять расположились въ киркѣ неподалеку отъ малаго Гейзира.

Вѣшняя форма Малаго Гейзира гораздо болѣе напоминаетъ Строкеръ, чѣмъ своего большого однофамильца. Круглая труба, 10 фут. въ поперечникѣ и 20 въ глубь, окружена валомъ, совершенною стѣною кремневаго осадка; валъ едва поднятъ надъ долиной, усыпанной голышами, упавшими съ сосѣдней горы. Малый Гейзиръ какъ и большой, также окружаютъ красная, голубая и желтая глины, только онѣ содержатъ больше сѣры, сѣрнаго колчедана и сѣрнокислыхъ солей, что очевидно зависитъ отъ равнины въ химическомъ составѣ горныхъ породъ, черезъ которыя пробѣгли источники.

Я сказалъ: источники, потому что немного дальше на западъ у горнаго обрыва, и внизу въ долину, по другую сторону маленькой рѣчки, находится нѣсколько отверстій, надъ которыми вытекаетъ паръ. Но только одинъ малый Гейзиръ производитъ періодическія изверженія; любезнѣе большаго, онъ показывался намъ во всемъ блескѣ $\frac{3}{4}$ часа, отъ $\frac{1}{4}$ пятаго до 5 часовъ. До этого вода только кипѣла, давала по временамъ густыя облака пара и поднималась до высоты дыры, находящейся сбоку въ стѣнѣ трубы источника, выливалась изъ нее и образовала маленькій ручеекъ. Мы были заняты въ окрестностяхъ собираніемъ образчиковъ горныхъ породъ, какъ глухой подаемный гулъ вызвалъ насъ на предстоящее изверженіе. Отъ времени до времени раздавались болѣе громкіе удары и колебалась земля; столбъ выбивался за край источника; стали отдѣляться громадныя облака пара ослѣпительной бѣлизны, прорѣзываемыя прозрачнокристалльными лучами, футовъ на 40 вверхъ, которые превращались на этой высотѣ въ капли и дымъ падали внизъ. Водяные лучи слѣдовали одинъ за другимъ; а такъ какъ вѣтеръ относилъ облака пара въ сторону къ горѣ, то мы свободно могли слѣдить за каждой водяной ракетой отъ ея поднятія до наибольшей высоты. Солнце свѣтило чудесно въ клубящихся облакахъ пара, темная тѣнь которыхъ ложилась на горный обрывъ, отъ чего и безъ того уже ослѣпительныя ракеты выдавались еще рѣзче. Картина, которой нельзя передать ни словомъ, ни кистью! Лучи ослабѣвали, образованіе пара совершенно прекратилось и когда мы приблизились къ трубѣ Гейзира, то она была совершенно суха и только изъ нѣкоторыхъ трещинъ въ глубинѣ шипа выходилъ паръ. Надѣясь возбудить новое изверженіе

и также думая принудить Гейзиръ къ крайнему напряженію силъ, мы натаскали большихъ камней и набили ими вплоть до краевъ всю трубу. Можетъ быть наше требованіе было слишкомъ значительно, только втораго изверженія не было до нашего отъезда на слѣдующее утро.

Едва ли найдется другой источникъ столь благопріятный для изученія измѣненій горныхъ породъ, какъ малый Гейзиръ, стоящій на краю обрыва и отъ котораго постоянно отдѣляются массы скалъ, скатываются и падаютъ въ самую трубу источника. Стѣна обрыва состоитъ изъ массы палаганитоваго туфа, въ который впаяно множество болѣе твердыхъ глыбъ, очевидно вулканическихъ бомбъ, иногда объемомъ въ кубическій метръ, но чаще величиною въ голову или въ кулакъ. Одинъ такой обломокъ туфа заключенъ въ настоящее время въ кривеномъ осадкѣ самой трубы источника. Круглые комья разлагаются отъ горячей воды послойно, такъ что внутри находишь часто еще не разложившееся твердое ядро, верхній слой котораго уже совершенно превратился въ глину, а остальные слои показываютъ всѣ переходныя ступени измѣненія въ возрастающей степени.

Намъ нечего было беречь провіанта, такъ какъ на слѣдующій день мы предполагали сдѣлать безостановочно большой перѣздъ до Рейкьявика. Но какова же и ѣзда! только въ окрестностяхъ Хенгила мы получили истинное понятіе объ исландскихъ лавовыхъ потокахъ; потому что тутъ тянется Геллисъ-Гейди, какъ кажется, продолженіе лававаго потока Тингваллы. Только пройдешь отъ Рейкира узкую долину, въ которой дымятся второстепенные источники Малаго Гейзира, какъ выѣзжаешь на хребетъ этого потока и ѣдешь 4 часа, — можно сказать, 4 часа вѣчности по безконечной плоскости, будто только остывшей и до того ровной, что мы серьезно спорили по дорогѣ, съ которой стороны текла лава. Среди глыбъ, шлаковъ и дыръ, приближаешься наконецъ къ кратерамъ, которые прошли отъ Хенгила на западъ и подняты на сѣверной окраинѣ лавоваго потока. Похожія на Янгъ-Майенскія, мрачныя, черныя золяныя горы, на которыхъ еле цѣпляется самая малость желтоватаго мха, подобно черно-желтымъ наростамъ, — висятъ они, надъ бурой, ссѣвшейся поверхностью лавы такимъ же страшнымъ образомъ, какъ Габсбурги надъ австрійскою лавой

народовъ. Дальше начался спускъ по страшному обрыву скалы, такъ что волосы становятся дыбомъ; спускъ напоминаетъ церковную крышу и въ добавокъ посыпанъ пескомъ и шаткими глыбами, которые, стуча и звеня, скатываются вглубь на каждомъ шагу. „Я не сразу увидѣлъ обрывъ“, писалъ профессоръ домой, „глядѣлъ вдаль и дѣлалъ кой-какія замѣтки въ дневникѣ, а мой пони бѣжалъ по-войною рысью. Назадники слѣзали съ коней и моя лошадка стала спускаться за ними, тогда только я замѣтилъ его. Но я уже побоялся сойти съ лошади, такъ какъ это была опасная операція, которая могла увлечь внизъ и всадника и коня. Я довѣрилъ свою голову ногамъ лошади и только, на всякій случай, вынулъ ноги изъ стремянъ, чтобы при паденіи катиться одному своею дорогой, не входя въ болѣе близкія сношенія съ лошадиными подевами. Но моя лошадка превосходно держала: ступая — осторожно ощупывала катыши; бѣжала рысцою, гдѣ была твердая почва; сползала съ песчаныхъ кручъ, разставивъ переднія ноги и подогнувъ заднія и здраваго и невредимаго снесла меня въ зеленую долину, гдѣ и помчалась, какъ ни въ чемъ не бывало.“

„Право, восклицаетъ восхищенный профессоръ, послѣ всего, что я видѣлъ и испыталъ въ этой странѣ, швейцарское правительство не могло бы оказать своей странѣ большаго благодѣанія, какъ вывезя сотню такихъ пони въ горныя страны Швейцаріи. Это настоящія горныя лошади, привычныя ко всякимъ трудамъ, годныя для всякой почвы; нога тверда какъ желѣзо и желудокъ довольствующійся всемъ.“

Просто невѣроятно, какъ обращаются съ несчастными животными: не слѣзая съ лошади 5 — 6 часовъ, проѣзжаютъ разстояніе, пригѣрно, отъ Гриндельвальда до Фаульгорна, расдѣлаютъ, стреножатъ, чтобы не ушли и оставляютъ на произволь судьбы. О конюшнѣ, кормѣ или какомъ бы то ни было уходѣ нѣтъ и рѣчи: они ѣдятъ, что найдутъ, траву, мохъ; не получаютъ никогда крошки овса или другаго зерноваго корма и на другое утро также бодрны какъ и прежде. Даже въ исландскія зимы, которыя продолжаются весьма долго и достаточно суровы, лошади не знаютъ крыши и не получаютъ корма; онѣ выбиваютъ его копытами изъ подъ снѣга или вылавливаютъ изъ моря. Бъ тому-же цѣны на нихъ такъ незначительны, что доставка изъ Исландіи гораздо превзой-

деть первоначальную цѣну покупки и не смотря на это такой пони обшелся бы немногимъ больше половиной цѣны обыкновенной рабочей швейцарской лошади. Мы слышали, что Исландія уже теперь отправляетъ много лошадей въ Англію и Шотландію, гдѣ ихъ охотно употребляютъ въ рудникахъ, такъ какъ при маломъ ростѣ онѣ обладаютъ значительною силою и неутомимостью.

Въ ночи мы пріѣхали въ Рейкьявикъ и на корабль; его этимъ временемъ выкрасили заново и чрезвычайно добросовѣстно восстановили прежнія вопіющія краски, которыя во время путешествія вслѣдствіе времени стали было нѣсколько сливаться. Мы восхищены путешествіемъ, въ восторгѣ отъ дружескаго пріема, который снова нашли и всѣ готовы опять въ путь, будь на дворѣ іюль, да не сентябрь. Только одинъ удалился въ свою койку какъ ракъ-отшельникъ въ свою раковину и 14 дней показывается только одна голова, но не тѣло, жестоко пострадавшее отъ осмидневной ѣзды и въ которомъ, кромѣ послѣдствій страшной поѣздки, сидятъ еще ломота и ревматизмъ. Грессли потерянъ для насъ во все время нашего остальнаго плаванія, его физическая основа совершенно разслабла и, построенное на ней, нравственное зданіе пришло въ сильное колебаніе.

Мы бѣгали по городку, дѣлая прощальные визиты, закупая голубыхъ и бѣлыхъ лисицъ, торгуя соколовъ-крячатовъ, которые всѣ помѣстились на палубѣ съ медвѣдемъ, орломъ и собакой въ безобразномъ ящикѣ, который долженъ противиться всѣмъ бурямъ, но до крайности стѣсняетъ пространство на палубѣ. Нѣкоторые сановники науки воротились въ городокъ во время нашей отлучки и мы имѣли удовольствіе принимать на кораблѣ извѣстнаго физика Д-ра Хьяльтелина; при этомъ онъ подарилъ намъ нѣсколько цѣнныхъ образчиковъ исландскихъ горныхъ породъ тѣхъ мѣстностей, которыхъ мы не могли посѣтить. Верна и профессоръ еще разъ съѣздили въ нижній Сельдааль, чтобы набрать оттуда нѣсколько центнеровъ палагонита и на возвратномъ пути заѣхали въ маленькую бухту Фоссефогръ неподалеку отъ Рейкьявика, гдѣ бѣловатая обожженная глина, происшедшая, какъ кажется, вслѣдствіе разложенія палагонатовыхъ туфовъ, содержитъ въ себѣ множество морскихъ окаменѣлостей; на слѣдующій день поѣхали на это же интересное мѣсто Гассельгортъ и докторъ, чтобы по воз-

возможности пополнить нашу коллекцію. Купецъ Зимзень, профессоръ Арназонъ и начальникъ школы осыпають насъ изъявленіями дружбы и первый хотѣлъ даже устроить балъ въ нашу честь.

Но время не терпитъ и родина зоветъ.

16 сентября въ 10 часовъ утра, при благопріятномъ вѣтрѣ мы отплыли изъ Рейкьявиса, еще въ тотъ же вечеръ обогнули мысъ Рейкьянесъ и направились къ Фарерскимъ островамъ, куда мы думали завернуть мимоходомъ равно какъ и на Оркнейскіе и Шетландскіе острова. Прошла долгая недѣля, полная бѣдъ, скверной погоды, противнаго вѣтра, сильной качки и северной морской болѣзни, впродолженіе которой мы должны были употребить всѣ усилія, чтобы насъ не снесло къ Нью-Фаундланду. Чѣмъ дальше мы плыли, тѣмъ менѣе надежды пристать къ группамъ островъ, которыя мы думали было посѣтить; буря захватила насъ ночью 23-го сентября и съ небольшою силою какъ и при отъѣздѣ изъ Янгъ-Майена; волны разбили фонарь и залили насъ въ нашихъ койкахъ, такъ что на насъ не осталось сухой нитки. Впослѣдствіи мы узнали, что въ тотъ же день и тѣмъ же вѣтромъ только еще сильнѣе потрепало въ ирландскомъ каналѣ чудовище новѣйшаго кораблестроенія, Гритъ-Истернъ.

Послѣ этой бури море стихло. Мы приближаемся, при свѣжѣмъ, хотя и неблагопріятномъ вѣтрѣ, къ Ирландіи; море кишитъ салпами, птероподами и плавающими полипами, которые возвѣщаютъ намъ близость берега. Наконецъ 1-го октября мы увидѣли землю: направо, близко — высокій берегъ Ирландіи у Лондондерри; налѣво, подальше — Шотландскій полуостровъ Кентиръ. Мы подплыли такъ близко, что различаемъ въ зрительную трубу луга, поля, кустарники и лѣса. Вѣдь какъ бы то ни было, а побродявъ нѣсколько мѣсяцевъ по пустыннымъ скаламъ и водамъ, пріятно снова видѣть цивилизованную, обработанную страну, звать, что тамъ растутъ деревья, настоящія деревья со стволами и нервами, а не ползучій низкій кустарникъ, пригнутый къ землѣ снѣгомъ и непогодами. Видно, что это — Великобританія: вездѣ маяки, города, мѣстечки, отдѣльные поселки на материкѣ и море оживленное разнообразными кораблями. Огромный военный винтовой пароходъ мчится вдоль берега какъ дракокъ, на всѣхъ парусахъ; буксирные пароходы идутъ на встрѣчу и зацѣпляютъ па-

руския судна, которымъ нужно войти въ сосѣднія гавани; пассажирскіе пароходы сплываютъ въ различныхъ направленіяхъ. Мы осторожно плывемъ день и ночь при попутномъ вѣтрѣ, къ устью Блейды. Изъ-за выдававшася береговаго выступа вылетѣлъ какъ стрѣла маленькій буксирный пароходъ, легъ въ дрейфъ у борта шкуны и перебросилъ печатную таксу. За кивкомъ капитана, кинуть канатъ, который надежно прикрѣпляется къ передней части нашего корабля и мы весело помчались къ Гриноку, между дачъ, парковъ, виллъ, городовъ и мѣстечекъ въ облако дыма, которое виситъ надъ промышленнымъ городкомъ.

Мы сидимъ на палубѣ и обсуживаемъ дальнѣйшую поѣздку. Грессли, еще не совсѣмъ оправившійся поплыветъ со шкуною въ Гамбургъ и во время пути будетъ заботиться о нашемъ звѣринцѣ; Герценъ поспѣшитъ домой кратчайшею дорогою, чтобы первому разсказать о путешествіи. Неразлучный Трилистникъ вмѣстѣ съ Губертомъ, который ни за какія деньги не остается больше на кораблѣ, отправится по Шотландіи, Уэльсу и Англии, чтобы также потомъ разѣхаться въ разныя стороны.

Явора застучали объ дно. Съ лодки предлагаютъ намъ свѣжихъ плодовъ, нѣмецкихъ яблокъ, французскихъ грушъ. И, дожи-

даясь отвѣта таможенныхъ чиновниковъ, которые должны позволить намъ сойти на берегъ, лежа на палубѣ, мы наслаждаемся зрѣлищемъ цивилизаціи и вкушаемъ ея плоды. Медвѣдь и собака играютъ вмѣстѣ у нашихъ ногъ.

Наша поѣздка окончена.

НАУЧНЫЯ ПРИБАВЛЕНІЯ.

I.

Изъ геологiи Норвегiи.

1. Кристаллическія горныя породы.

Мунхъ, профессоръ географіи въ Христианіи, сдѣлавшій такъ много для ознакомленія съ Скандинавіею, совершенно справедливо замѣтилъ, что этотъ замѣчательный полуостровъ совершенно не вкладывается въ тѣ понятія, какія обыкновенно составляютъ о гористой странѣ. На полуостровѣ нѣтъ высокихъ хребтовъ и горныхъ цѣпей, образующихъ водораздѣлы; онъ весь образуетъ какъ-бы громадное плоскогорье, которое медленно поднимается изъ финскаго залива и балтійскаго моря и чрезвычайно круто и обрывисто, зубчатыми уступами обрывается на западъ въ океанъ. Другое — въ гористыхъ странахъ, по которымъ обыкновенно путешествуютъ въ Европѣ. Исслѣдованія, дѣлаемые чрезвычайно точно въ новѣйшее время для проложенія желѣзныхъ дорогъ, доказываютъ, что вездѣ на Альпахъ, которые могутъ послужить типомъ, существуютъ высокіе хребты, прорѣзанные до самаго основанія глубокими долинами. Стоитъ только пробить между ними относительно не толстую стѣну, много въ 10 — 20 километровъ, чтобы по ту сторону пройти въ другую подобную-же долину, которая выводитъ на большія, плоскія, мало возвышенныя пространства. Высокіе гребни, по окраинамъ которыхъ идутъ горныя проходы, образуютъ вездѣ водораздѣлы и, кажется, почти всегда состоятъ изъ вѣерообразнорасположенныхъ плитъ кристаллическаго строенія, которыя стоятъ почти вертикально по срединѣ гребня и съ обѣихъ сторонъ спускаются наклонно къ оси хребта и тѣмъ наклоннѣе, чѣмъ дальше отстоятъ отъ оси. «Въ швейцарскихъ долинахъ,» замѣчаетъ совершенно вѣрно, Мунхъ, «низменное, ровное обработанное и населенное всегда составляетъ существенное, преобладающее; скалистые хребты и вершины — вто-

ростенное. Низменность — правило; возвышенность — исключение. Вследствие этого горные цѣпи необходимо тянутся длинными, сравнительно узкими рядами и жители равнинъ и долинъ должны смотрѣть на горы, какъ на валы или заборы. Названія горныхъ цѣпей, хребтовъ скалъ, и т. д. должны по справедливости употребляться здѣсь и идея, что форма скалистыхъ массъ не въ видѣ такихъ цѣпей и хребтовъ невозможна и что всѣ скалы, которыя встрѣчаются въ какой нибудь другой странѣ суть части такихъ-же длинныхъ цѣпей, должна укорениться такъ глубоко, что стоитъ большаго труда представить себѣ дѣло иначе. Съ такою формой горныхъ массъ также тѣсно связано рѣзкое обозначение водораздѣловъ. На узкихъ горныхъ гребняхъ не могутъ образоваться большіе склоны воды; даже самый небольшой истокъ долженъ тотчасъ-же стекать въ ту или въ другую сторону; нѣтъ пересѣкающихъ долинъ, гдѣ въ мѣстѣ пересѣченія образовалось бы горное озеро съ двойнымъ истокомъ; все рѣзко отграничено и только на склонахъ скалистыхъ массъ соединяются маленькіе ручья въ большія массы воды, которыя образуютъ дальше большія рѣки средней-Европы, а верхній гребень скалъ остается крутъ и сухъ, образуя острую, рѣзко обозначенную и безспорную грань водораздѣла. Вследствие этого во всѣхъ подобныхъ мѣстностяхъ можно достаточно точно раззнать направленіе горныхъ цѣпей, даже по одной системѣ рѣкъ.»

«Долины, образуемыя рѣками,» продолжаетъ Мункъ въ другомъ мѣстѣ,» по своей ширинѣ относятся къ плоской возвышенности Скандинавскаго полуострова, какъ нитка къ листу бушаги. Узкія, глубокія долины ускользаютъ по своей незначительности отъ взгляда не только при взглядѣ на карту, но и въ дѣйствительности, когда стоишь на плоской возвышенности. Когда стоишь наверху, на огромномъ, необозримомъ пустырьѣ, гдѣ неправильно поднимаются тамъ и сямъ отдѣльныя вершины какъ глыбы разбросанныя по равнинѣ, то сейчасъ же замѣтно, что видна вся страна въ ея настоящемъ протяженіи. Долинъ не замѣчаешь; думаешь, что можно проѣхать на прямикъ, какъ внезапно подъ ноги лошади спускается долина крутымъ скатомъ въ ужасную глубину и загораживаетъ переходъ на другую, весьма не далекую, сторону; и всетаки эта долина, гдѣ живутъ и копошатся люди внизу, имѣетъ тоже значеніе, какъ небольшая рѣченка, протекающая въ зеленыхъ берегахъ среди равнины. Какъ эта рѣченка не прерываетъ равнины, такъ и наша не оканчивается долинами; она прерывается ими на незначительное только разстояніе»..... «Въ Норвегіи нѣтъ рѣзко обозначенныхъ рѣчныхъ ложъ, которыя бы не прерывались въ своемъ теченіи: большая часть норвежскихъ рѣкъ представляетъ рядъ озеръ, соединенныхъ короткими протоками, часто образующими большіе водопады»..... «Въ Норвегіи много даже такихъ мѣстъ, гдѣ системы рѣкъ, текущихъ на западъ и на востокъ, берутъ начало отъ одного и

того-же источника, который бывает то болотомъ, то опять таки настоящимъ озеромъ.» Мы видѣли въ нашемъ путешествіи, что это дѣйствительно такъ у Лессе», гдѣ изъ болотистаго озера текутъ — на западъ Раума, а на востокъ Лоугенъ, и первая впадаетъ въ нѣмецкое море, а вторая въ балтійское.

Если искать сравненій, которыя-бы объяснили образованіе Скандинавскаго полуострова, представленное въ такихъ краткихъ чертахъ, то можно выбрать скорѣе замѣчательную форму юрскихъ плоскостей и цѣпей, чѣмъ померанскую озерную страну, какъ это дѣлаетъ Мунхъ. Дѣйствительно въ швабской Юрѣ и въ Юрскомъ кольцѣ, окружающемъ впадину Парижа, видишь совершенно подобное же медленное поднятіе гиганскихъ известковыхъ пластовъ въ болѣе или менѣе высокую плоскую возвышенность, одна сторона которой обрывается также круто какъ и западный берегъ Норвегіи, а другая склоняется постепенно, какъ и наклонная площадь Швеціи къ финскому заливу. Рѣчныя системы образованы совершенно такъ-же; однѣ образуютъ на поверхности плоской возвышенности только незначительныя борозды, другія-же напротивъ глубоко вѣзанныя, узкія ущелья, которыя почти вездѣ пересекаютъ гребни и вершины плоскихъ возвышенностей, такъ что въ географіи уже издавна считается доказаннымъ фактомъ, что юрскія горы и формации не образуютъ водораздѣловъ, соответствующихъ поднятію массы. Конечно при такомъ сравненіи, мы не должны обращать вниманія на размѣры, такъ какъ европейскія горныя площади и цѣпи — карлики въ сравненіи съ гигантскою платформою скандинавскаго полуострова. Но, кто имѣлъ случай лично сравнивать очеркъ, представляемый высотами швабскихъ Альпъ съ норвежскими плоскими возвышенностями, тому само собою придетъ на умъ это сравненіе все равно какъ при видѣ морскаго берега около Бергена вспоминаются болѣе высокія и сильнѣе разорванныя части швейцарской Юры. Уже прежде замѣчено что это особенное образованіе норвежской платформы придаетъ странѣ хотя и своеобразный, но въ то же время однообразный, томительный и неживописный отпечатокъ. Это же образованіе скандинавскаго полуострова доказываетъ и то, что тутъ участвовали причины, совершенно отличныя отъ дѣйствовавшихъ въ рѣзко-очерченныхъ горныхъ цѣпяхъ Альпъ и Пиринеевъ.

Что касается до геологическаго строенія полуострова въ его общихъ чертахъ, то оно совершенно также однообразно и томительно, какъ и строеніе поверхностей. Здѣсь нѣтъ и слѣда того великолѣпнаго разнообразія горныхъ породъ, которое придаетъ долинамъ и вершинамъ Альпъ такой индивидуальный характеръ. На сколько хватаетъ глазъ — все тянутся однѣ и тѣ-же кристаллическія горныя породы, одной и той-же окраски съ тѣми же глиняными полосами и одинаковымъ отношеніемъ къ вліянію вѣдшихъ агентовъ. Тому, кто изслѣдуетъ по-

дробности развѣ кое гдѣ бросится въ глаза какая нибудь разность, въ видѣ обнажившейся жилы или въ видѣ болѣе легкаго вывѣтриванія тоньше наслоенныхъ кристаллическихъ горныхъ породъ. Но путешествуя по Норвегін цѣлыя недѣли верхомъ и водою выносишь одно впечатлѣніе, что кристаллическія горныя породы, состоятъ вездѣ изъ однихъ и тѣхъ же минераловъ, численное отношеніе которыхъ разнообразится развѣ въ болѣе или менѣе значительной степени.

Скорѣе чѣмъ гдѣ либо приходишь въ Норвегін къ убѣжденію что всё систематическія различія разныхъ кристаллическихъ горныхъ породъ, установленныя учебниками и сочиненіями, не заключаютъ въ себѣ рѣзко отдѣленныхъ видовъ, а только обозначаютъ конечныя точки рядовъ, которые развиваются крайне разнообразно, соединяются другъ съ другомъ, дѣлятся и нигдѣ нельзя вѣрно указать гдѣ сліяніе, гдѣ раздѣленіе. Это пытливо путешествовалъ вдоль скалистыхъ береговъ Норвегін или по платформамъ внутри страны, тотъ вынесъ изъ этой экскурсіи убѣжденіе, что гранитъ, гнейсъ, слюдяной сланецъ, сіенитъ, норитъ, ромбовидный порфиръ, порфиръ и всякія другія еще названія горныхъ породъ, переходятъ одинъ въ другой постепенно и представляютъ только одну большую горнокаменную группу, которая измѣнилась въ ту или другую сторону смотря по особеннымъ а часто и случайнымъ обстоятельствамъ. Не трудно доказать на прилѣбахъ, что всё эти различныя, ради удобства, техническія названія даже свѣтлыми науки употребляются въ весьма различномъ смыслѣ и что Лепольдъ фонъ Бухъ называетъ одну породу тонко-слоистымъ гнейсомъ, Науманнъ слюдянымъ сланцемъ, а Гаусманъ, можетъ быть, кристаллическимъ глинистымъ сланцемъ.

Само собою понятно, что мы не говоримъ при этой общей характеристикѣ кристаллическихъ горныхъ породъ въ Норвегін о тѣхъ образованіяхъ южной Норвегін, именно въ окрестностяхъ Христианіа, которыя преимущественно состоятъ изъ глинистыхъ сланцевъ и известняковъ, содержащихъ богатыя окаменѣлости, — онѣ принадлежатъ къ древнѣйшимъ слоямъ, содержащимъ окаменѣлости, къ слюрійской формациі. Промежуточныя образованія бассейна Христианіа мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ; впоследствии мы вернемся къ нимъ, тѣмъ болѣе, что тамъ встрѣчаются горныя породы, которыхъ никакъ нельзя предполагать, по выраженію Лепольда фонъ Буха, въ пластахъ промежуточныхъ образованій. Пока мы ограничимся только частями, лежащими внѣ этихъ промежуточныхъ образованій, въ которыхъ еще не найдены окаменѣлости, и слѣдовательно не существуетъ очевиднаго доказательства, что онѣ обѣли изъ воды.

Выше сказано, и пока это доказанный фактъ, что нигдѣ въ Норвегін не встрѣчается рѣзко отдѣленныхъ нормъ кристаллическихъ горныхъ породъ, отъ которыхъ нельзя было бы указать переходовъ во всё

стороны. Доказанный фактъ и то, что за исключеніемъ жилъ и выполненій трещинъ, встрѣчающихся въ Норвегіи во многихъ мѣстахъ, тамъ нигдѣ не существуетъ массъ горной породы и что всѣ кристаллическія породы полевого шпата, какое бы названіе онѣ не получили по образцамъ въ коллекціяхъ, имѣютъ весьма ясное наслоеніе. Въ Норвегіи есть великолѣпные граниты, именно въ округѣ Лофоденскихъ острововъ; граниты, въ которыхъ кристаллическія составныя части: красноватый полевой шпатъ, темная слюда и сѣро-бѣлый кварцъ такъ перемѣшаны между собой, что даже самый опытный, наметанный глазъ не получилъ бы даже намека на внутреннее строеніе массы — на листовое, жилковатое, или же сланцовое сложеніе составныхъ частей; граниты, которые смѣло можно поставить въ рядъ съ типическими гранитами Финляндіи, Египта или Альпъ; граниты, которые выставляются во всѣхъ коллекціяхъ типическими образцами породы. Если же станешь отыскивать дѣйствительныя мѣста находенія, то встрѣчаешь чистые слои, отъ которыхъ надо отламывать образцы; слои, которыхъ горизонтальное направленіе можно прослѣдить на протяженіи нѣсколькихъ миль со стороны фіордовъ и которые такъ же правильно перемѣжаются съ кристаллическими сланцами, какъ известковые залежи со слоями мергеля. Кейльгау сообщилъ профиль Бьельвига, близъ Нордкапа, гдѣ, рѣзко выступившіе въ горѣ, слои лежатъ одинъ надъ другимъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Внизу у поверхности моря глинистый сланецъ, надъ нимъ кварцовый сланецъ, потомъ гранитъ, кварцъ, слюдяный сланецъ, гнейсъ кремневый сланецъ и поверхъ всего снова гранитъ, который образуетъ покровъ. На другой сторонѣ острова «Магере», у Туфьорда, чрезвычайно легко видѣть, какъ въ темно-черномъ, тонко-слоистомъ, легко вывѣтривающемся, тонкаго раскола слюдяномъ сланцѣ, съ наклоненіемъ около 45° образующимъ каменную стѣну едва въ 1000 ф., проникли пласты прекраснаго красно-розоваго крупнозернистаго гранита, которые еще издали блестятъ подобно пластамъ Лейясоваго известняка въ массѣ чернаго, вывѣтривающагося Лейясоваго сланца. Сходство до того поразительно, что хочешь подойти къ нимъ для сбора окаменѣлостей и только въ непосредственной близости замѣчаешь разность. Не можетъ быть и рѣчи о проникновеніи этихъ гранитовъ снизу, сбоку или сверху слоевыми ходами и жилами, потому что на плоской возвышенности, которая тянется до Нордкапа, хотя и видны вездѣ трещины, но онѣ выполнены не гранитной массой, а великолѣпнымъ бѣлымъ, окристаллованнымъ кварцитомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, тутъ нечего прибавлять кромѣ голословнаго подтвержденія, потому что, всѣ залежи пластовъ таковы, что для отдѣльнаго разбора ихъ соотношеній, пришлось бы повторять все, что можетъ быть сказано о пластахъ и ихъ группахъ одинаковаго образованія. Мы можемъ вслѣдствіе этого высказать такое заключеніе, что въ тѣхъ частяхъ Норвегіи, которыя мы видѣли, нѣтъ и слѣда гранитныхъ массъ;

что гранитъ вездѣ слоится, что всюду находишь залежи гранита, перемежающіяся съ гнейсомъ и сланцами и что, кто захочетъ утверждать иное положеніе гранита, долженъ сначала указать мѣста, гдѣ оно встрѣчается.

Думая теперь объ этомъ предметѣ, когда мой взглядъ изощрился въ Норвегіи и вспоминая все мѣстности, видѣнныя самимъ или описанныя другими, я напрасно ищу примѣра неслойнаго гранита въ видѣ жилъ и выполненій трещинъ, о которыхъ будетъ рѣчь послѣ. Леопольдъ фонъ Бухъ написалъ уже давно статью о формахъ гранита и убѣдительно подтверждаетъ въ ней то, что хочешь опровергнуть, а именно, что въ гранитѣ вездѣ замѣтна слойка. Конечно, авторъ называетъ это раковистымъ строеніемъ, но что же такое—эти волнообразно-загнутые листы, называемые имъ раковинами и которые по его увѣренію прошли въ Швеціи на нѣсколько сотъ миль— что же такое, какъ не слои, отличные отъ волнообразно-изогнутыхъ слоевъ сѣрой ваки известковыхъ и сланцевыхъ образований только внутренней структурой и ничѣмъ другимъ? Хотя и утверждаютъ, что это результатъ сжатія остывавшихъ массъ, прежде жидко расплавленныхъ, вслѣдствіе чего остывавшія пленки и отдѣлялись подобно луковой шелухѣ; но гдѣ же для этого утвержденія хотя тѣнь доказательства и можно ли указать на подобное же отдѣленіе въ тѣхъ породахъ, о жидкорасплавленномъ состояніи которыхъ, напр. въ лавахъ, не можетъ быть сомнѣнія? Это же раковистое строеніе Леопольдъ фонъ Бухъ старается указать и въ Альпахъ, гдѣ наслоеніе въ большихъ размѣрахъ, и гдѣ вѣрообразное расположеніе этихъ слоевъ до того разительно, что пришлось придумать особое названіе «гнейсовый гранитъ» для слоистаго гнейса. Но что же дѣйствительно значить это слово какъ не слоистый гранитъ, какъ не порода, которая представляетъ въ большихъ размѣрахъ листованіе, слойку и пластинчатое строеніе гнейса; а по внутренней структурѣ— однородное скопленіе кристаллическихъ элементовъ, не имѣющихъ листовой, пластинчатой или струйчатой структуры? Леопольдъ фонъ Бухъ приводитъ, какъ одно изъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ раковистаго строенія альпійскаго гранита, скаты надъ Хандекомъ, знаменитую «Helle-Platte» и подошву Эшергорна на правомъ берегу нижняго Аарскаго глетчера. Но, кто видѣлъ эти отвѣсно нагроможденные, эти нависшіе пласты, которые отдѣляясь падаютъ внизъ огромными кубами, тотъ не найдетъ въ ихъ расположеніи ни малѣйшаго различія съ толстыми известковыми пластами Юры, которые также наслоены и отдѣляются совершенно подобно. Слѣдовательно сперва и прежде всего надо бы доказать разность въ строеніи обыкновенныхъ слоевъ и такихъ гранитныхъ пластовъ. Эта разность дала бы право предполагать разнообразіе въ ихъ образованіи.

Мы знаемъ впрочемъ, что въ различныхъ мѣстахъ на Альпахъ, какъ напр. у Монте-Орфана и у Монте-Маттероне, находятъ гранитъ, назы-

важный массивный и въ которомъ дѣйствительно трудно указать слоеніе. Но, что ускользаетъ отъ взгляда геологовъ, то умѣютъ находить рабочіе, именно: слоевыя плоскости и линіи расколовъ; вывѣтриваніе со временемъ также обнажаетъ ихъ. Гдѣ требуется отдѣлывать гранитъ, тамъ берутъ рабочихъ изъ Пиемонта и Тессина, глазъ которыхъ изощренъ въ этомъ отношеніи и по извѣстнымъ опытнымъ приѣтамъ находятъ весьма легко линію раскола. Да и вывѣтриваніе часто обнажаетъ въ камушкахъ совершенно цѣльныхъ глыбахъ отслоенія, которыхъ, не замѣтить въ свѣжей каменной массѣ, — какъ это часто случается съ плотными известняками. Кто сомнѣвается, что такъ называемые грубые каменные известняки швабской и швейцарской Юры—слоистая горная порода, хотя и нельзя различить слоевъ въ массахъ въ нѣсколько сотъ футовъ толщины? Утесы песчаника многихъ группъ пестраго песчаника, мѣловыя скалы многихъ береговъ—развѣ видно въ нихъ наслоеніе? Тѣмъ не менѣе оно оказывается при вывѣтриваніи; ужъ одно это доказывало бы ихъ слоистое происхожденіе, при отсутствіи другихъ признаковъ, какъ напр. присутствіе окаменѣлостей. Но и въ такихъ горныхъ породахъ, въ которыхъ дѣйствительно нельзя найти наслоенія, никто не сомнѣвается болѣе въ ихъ слоистомъ происхожденіи, коль скоро можно заключить его по извѣстнымъ переходамъ. Въ извѣстныхъ доломитовыхъ массахъ Альпъ, толщиной часто въ нѣсколько тысячъ футовъ, которая сверху до низу совершенно окристалловалась, нѣтъ никакого слѣда наслоенія; тѣмъ не менѣе каждый признаетъ, что онъ — видоизмѣненіе слоистаго известняка. Это превращеніе видно, его можно прослѣдить шагъ за шагомъ; на Сальвадоре близъ Лугано и на многихъ другихъ доломитовыхъ горахъ видно, какъ слои известняка постепенно теряютъ свою слоистость, какъ окаменѣлости исчезаютъ и все сливается въ одну плотную кристалловую массу. И такъ надо признать, что, вслѣдствіе кристаллическаго видоизмѣненія, слоистость можетъ совершенно исчезнуть и что, собственно, надо приписать особенному счастью, если она еще сохранилась въ массахъ, преобразованныхъ кристаллообразованіемъ.

Слоистость гранита, его тѣсная связь съ гнейсовымъ гранитомъ, переходъ этихъ горныхъ породъ въ ряды гнейса, слюдянаго сланца до обыкновеннаго кровельнаго и глинистаго шифера, неизбѣжно приводятъ насъ къ вопросу о происхожденіи самого гранита. Какъ бы ни были разнообразны и противорѣчивы взгляды, вѣрно одно, что всякое объясненіе происхожденія гранита, не захватившее этотъ рядъ видоизмѣненій и не примѣнимое ко всѣмъ различнымъ членамъ этого ряда—неумѣстно. Кто полагаетъ, что гранитъ — чисто вулканическая порода, тотъ долженъ необходимо доказать и вулканическое происхожденіе гнейсовъ, слюдяныхъ сланцевъ и обыкновенныхъ сланцевъ, потому что нельзя раздѣлять этотъ рядъ.

Конечно за химіей надо признать великое право давать свое мнѣніе въ этомъ вопросѣ. Но какъ неумѣстно со стороны геологовъ утверждать, что каждая химическая реакція должна происходить и происходила въ природѣ, такъ неумѣстно и со стороны химиковъ утверждать, что реакціи не могли происходить въ лабораторіи природы, потому что они еще не произвели этихъ реакцій въ своихъ лабораторіяхъ. Мы объяснимъ это нѣсколькими примѣрами. Бунзенъ и нашелъ помощью очень остроумнаго опыта, что базальтовый порошокъ, кипяченный въ ѣдкомъ кали, образуетъ палагонитъ: — въ правѣ ли мы приписать палагониту единственно такое происхожденіе (что Бунзенъ и сдѣлалъ) и утверждать, что онъ произошелъ вслѣдствіе вліянія свободныхъ щелочей на базальтъ при кипяченіи? Конечно нѣтъ, потому что условія, въ какихъ мы находимъ залежи палагонита и всѣ другіе факты указываютъ на то, что большая часть палагонитовыхъ туфовъ произошла вслѣдствіе отложенія базальтовой золы и подъ вліяніемъ морской воды. Геологъ вполне вправѣ сказать химику: ты указалъ посредствомъ остроумнаго опыта, какъ могъ произойти палагонитъ; но ты не доказалъ, какъ онъ образовался; твой опытъ не исчерпалъ вопроса, такъ какъ другія обстоятельства показываютъ мнѣ, что палагонитъ можетъ произойти и другимъ способомъ и, можетъ быть, впоследствии тебѣ удастся показать и эти и другіе способы образованія. То-же и съ образованіемъ полевого шпата, который составляетъ главную составную часть кристаллическихъ горныхъ породъ и который, какъ утверждаютъ, не можетъ получиться мокрымъ путемъ. Опыты и изслѣдованія у доменной печи и у вулкановъ доказываютъ, что полевые шпаты образуются огненнымъ путемъ; развѣ этимъ истощаются способы образованія полевого шпата, развѣ химикъ, оттого что ему еще не удалось добыть полевой шпатель мокрымъ путемъ, можно сказать и геологъ свое «veto» и утверждать, что и въ природѣ онъ не могъ произойти мокрымъ путемъ?

Намъ хочется доказать послѣднее. Разъ, будетъ доказанъ фактъ, что всѣ минералы, находящіеся въ гранитѣ и именно полевой шпатель, образующій его главную массу, могутъ происходить и дѣйствительно произошли въ природѣ мокрымъ путемъ, хотя это еще и не достигнуто въ лабораторіяхъ, то вопросъ о происхожденіи гранита упрощается въ высшей степени.

Чтобъ доказать это, нужно фактическое доказательство образованія полевого шпата въ такихъ породахъ, которыя содержатъ окаменѣлости.

Мы очень хорошо знаемъ, что присутствіе окаменѣлостей не исключаетъ вулканическаго происхожденія многихъ горныхъ породъ. Многочисленные слоистые туфы, происшедшія изъ отложеній вулканическаго пепла на морскомъ днѣ во многихъ мѣстахъ заключаетъ въ себѣ окаменѣлости и дали бы краснорѣчивый доводъ противъ такого утвержденія. Какъ скоро вулканическій пепелъ, попавшій въ морѣ или въ прѣсную воду,

выщелоченъ и очищенъ отъ находящихся въ немъ металлическихъ и ядовитыхъ веществъ, онъ представляетъ такое же хорошее помѣщеніе для водныхъ жителей какъ и всякій другой матеріалъ введенный въ воду и механически отложившійся. И такъ здѣсь будетъ настоящее вулканическое порожденіе съ окаменѣlostями, которыя въ теченіи времени отложились въ вулканическомъ матеріалѣ, отслоенномъ водой. Но этотъ матеріалъ образованъ самой легкой золой, безконечно-раздробленными частицами, пылью, въ которой можно замѣнить только микроскопическіе кристаллики. Всѣ извѣстныя намъ вулканическіе туфы, заключающіе въ себѣ окаменѣlostи, образованы такой слипшейся золой.

Существованіе окаменѣlostей въ какой либо горной породѣ только доказываетъ, что *послѣ включенія* этихъ органическихъ остатковъ не было болѣе вулканическаго вліянія. При плавленіи огнемъ, даже отъ дѣйствія воды, нагрѣтой до точки кипѣнія или горячаго водянаго пара должны непремѣнно погибнуть окаменѣlostи, при мало-мальски продолжительномъ вліяніи. Какова бы ни была порода, углекислая известь, представляющая органическіе остатки, подвергнется прежде всего дѣйствію вулканическаго вліянія: она или растворится въ горячей водѣ или сплавится въ силикатъ съ кремнеземомъ горной породы.

Такимъ образомъ присутствіе окаменѣlostей совершенно исключаетъ всякое вулканическое вліяніе послѣ включенія органическихъ остатковъ.

Вулканическіе туфы, содержащіе окаменѣlostи, не окристаллованы; обыкновенные, осѣвшіе изъ воды, пласты включаютъ окаменѣlostи, ихъ отпечатки и на столько пластичны, что допускаютъ только микроскопическую кристаллизацию. Такимъ образомъ, если въ породѣ попадаютъ не микроскопическіе кристаллы, а видимые простымъ глазомъ и попадаютъ они вмѣстѣ съ окаменѣlostями, то могли образоваться въ породѣ только послѣ включенія органическихъ остатковъ и безъ вулканическаго вліянія. Вулканическое вліяніе разрушило бы окаменѣlostи, а предварительное окристаллизованіе породы не допустило бы включенія и сохраненія этихъ окаменѣlostей.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ совершенно послѣдовательному выводу, что всякій окристаллизованный минералъ, встрѣчающійся съ окаменѣlostями, долженъ произойти обыкновеннымъ путемъ, т. е. отъ дѣйствія воды и безъ посредства тѣхъ особенныхъ вліяній, которыя обнаруживаются въ вулканахъ. Если мы укажемъ, что въ одной и той же породѣ кристаллы попадаютъ вмѣстѣ съ окаменѣlostями, то этимъ докажемъ и то, что эти кристаллы образуются и на самомъ дѣлѣ образованы въ природѣ мокрымъ путемъ, безъ содѣйствія высокой температуры.

Въ отдѣльномъ спеціальному трудѣ я постараюсь доказать это и подтвердить цитатами, здѣсь же я могу только вкратцѣ перечислить результаты изслѣдованія. Мы смѣло утверждаемъ, что нѣтъ минерала, со-

ставляющаго существенную часть въ кристаллическихъ породахъ, который не нашелся бы въ слояхъ, содержащихъ окаменѣлости. Обыкновенный ортоклазъ или калиевой полевоы шпаты, лабрадоръ, анортитъ и коцеранитъ-альбитъ часто находили въ сѣрой вагкѣ и нештуническихъ сланцахъ рейнской переходной формаци, въ песчанникахъ, въ глинистыхъ сланцахъ силурійскихъ слоевъ около Христианіи, въ глинистыхъ сланцахъ Саксоніи и Урала, и въ белемнитовыхъ сланцахъ Альпъ. Найдены несомнѣнные окаменѣлости въ слюдяныхъ сланцахъ и порфирахъ, содержащихъ кварцъ, имѣющихъ минералогически тотъ же составъ, что и гранитъ. Этотъ-то послѣдній фактъ до того сильно подтвержденъ рейскими *переходными* горами, что мы удивляемся, какъ можно было пропустить его или умолчать объ немъ. У Шамедера, по лѣвую сторону долины, ведущей къ Эдеру, въ зеленовато-сѣромъ порфирѣ Стримели частью съ небольшими, мало выдающимися, частью съ большими, весьма замѣтными кристаллами полеваго шпата—и именно въ кускѣ, наполненномъ его большими бѣлыми кристаллами, найденъ хвостовой щитъ *Notalopodus* ($2\frac{3}{4}$ ширины и $2\frac{1}{2}$ дюйма длины), покрытый 11 выгнутыми ребрами и зоологически вполне распознаваемыми. Кристаллы полеваго шпата образуютъ маленькія возвышенія въ массѣ, отпечатлѣвшей форму, стало бытъ они необходимо образовались и увеличились послѣ *оключенія*. Главный горный совѣтникъ фонъ Дехенъ, описавшій эту находку былъ прежде восторженный приверженецъ вулканической теоріи и жестоко раскритиковалъ норвежскаго геогноста Кейльгау, который старался объяснить образованіе порфировъ и гранитовъ путемъ превращеній; вслѣдствіе этой находки онъ тоже пришелъ къ заключенію, что порфиръ, въ которомъ найдена эта окаменѣлость, не вылился массою при высокой температурѣ изъ нѣдръ земли, застывъ на поверхности.

Различныя слюдяныя породы и родственныя имъ, какъ аксинитъ и турмалинъ, всѣ разности роговой обманки, какъ обыкновенный амфиболъ, тремолитъ, граммитъ, авгитъ и діопсидъ; — гранатъ, идокрасъ, эпидотъ, хіастолитъ, ціанитъ и стауролитъ—всѣ эти различныя минеральныя вещества уже найдены въ разныхъ слояхъ, содержащихъ окаменѣлости съ очевидной достовѣрностью и при тѣхъ же обстоятельствахъ, какъ и въ порфирѣ. Такимъ образомъ всѣ эти минеральныя вещества необходимо могутъ происходить и произошли мокрыимъ путемъ.

Породы, въ которыхъ попадаютъ эти окристаллизованные минералы вмѣстѣ съ окаменѣlostями,—слоистые и зернистые известняки, доломиты, глинистые, квасцовые съ шелковистымъ блескомъ, смѣшано—кристаллическіе и кровельные сланцы, тальковые, серпентинные, слюдяные и рогово-обманковые сланцы, гнейсы и порфиры — словомъ, всѣ породы за исключеніемъ гранита, гнейсоваго гранита, діорита и подобныхъ породъ, въ которыхъ кристаллообразованіе достигаетъ высшей степени и сгла-

живается всякій слѣдъ листового расположенія отдѣльныхъ образовательныхъ составныхъ частей.

Я долженъ замѣтить, что я включилъ въ это перечисленіе только тѣ породы, въ которыхъ окаменѣлости попадаютъ въ одномъ и томъ же кускѣ съ кристаллами, гдѣ такимъ образомъ нельзя допустить уловки, которая можетъ быть основана на близкомъ положеніи ихъ другъ возлѣ друга, на смѣшеніи разныхъ породъ въ томъ же пластѣ и т. п. Но и этихъ условій нельзя исключить. Существуютъ большія группы сланцевыхъ породъ безъ окаменѣлостей, которыя содержатъ ихъ только на отдѣльныхъ краяхъ, на извѣстныхъ привилегированныхъ мѣстахъ и гдѣ все таки все содержимое массы, положеніе слоевъ, которое можно преслѣдить въ непосредственномъ протяженіи, представляютъ ясное доказательство, что эти слои составляютъ продолженіе массъ, содержащихъ окаменѣлости и что они необходимо должны имѣть съ ними одно общее происхожденіе. Никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что громадными глыбы кристаллическихъ сланцевъ, сплоченныя съ белементовыми слоями Нуфененъ въ Валлизскихъ Альпахъ и съ подобными же слоями Монъ-Жоли въ Савойѣ, имѣютъ съ ними одинаковое происхожденіе; также никто не будетъ спорить, что доломиты и зернистые известняки, въ которыхъ болѣе нѣтъ окаменѣлостей, все-же произошли изъ слоевъ обыкновенныхъ известняковъ, содержащихъ окаменѣлости. Если же расширить кругъ изслѣдованія еще и на эти сланцы, известняки и доломиты, не содержащія окаменѣлостей, и которыя неизбѣжно должны были произойти изъ слоевъ содержащихъ окаменѣлости и спросить, какіе виды минераловъ можно найти въ нихъ окристаллизованными, то стоитъ только списать отъ доски до доски первый попавшійся учебникъ минералогіи и получить въполнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Вѣдь извѣстно, что именно эти сланцы, эти кристаллическіе покровы, обложившія ядра болѣе высокихъ горъ, представляютъ самыя богатыя руды и минералы, какіе только извѣстны. Право, перечислять дальше минералы — излишне, такъ какъ достаточно приведено чтобы показать, что всѣ виды минераловъ, образующіе кристаллическія, такъ называемыя плутоническія горныя породы, не только могли произойти, но и произошли въ большей части случаевъ обыкновеннымъ воднымъ путемъ безъ всякаго вмѣшательства болѣе высокой температуры.

Старая теорія о происхожденіи гранита воднымъ путемъ, какъ ихъ предлагалъ Вернеръ, а потомъ Фуксъ, давно уже достаточно опровергнута такъ что о нихъ намъ нечего распространяться. Наше нынѣшнее знаніе допускаетъ рѣчь только о томъ, что кристаллическія горныя породы дошли до нынѣшняго своего состоянія превращеніемъ, постепеннымъ замѣщеніемъ своихъ элементовъ въ безконечно долгое время. Изученіе псевдоморфозъ, замѣщений, вытѣсненій, предпринимаемое съ надлежащимъ рвеніемъ только въ послѣднее время и доставившее уже

столько разнообразных результатов, без сомнѣнія выведетъ на надлежащую дорогу. Оно показываетъ, что проточная вода, содержа и при обыкновенной температурѣ извѣстныя минеральныя частицы въ растворѣ, можетъ постепенно преобразовать и совершенно измѣнить цѣлыя горныя массы молекулярнымъ дѣйствіемъ. Какъ и вообще во всякой наукѣ эти медленно дѣйствующія силы, производящія видимыя результаты лишь въ продолженіе тысячелѣтій, отъскрываются только тогда, когда исчерпаны всѣ факты, лежащіе передъ глазами; такъ случилось и съ геологіей. Для объясненія явленій вовсе необъяснимыхъ, такъ какъ не было необходимыхъ данныхъ, придумывали чудовищныя теоріи и держались за нихъ, частью, ради удобства, частью, изъ уваженія къ авторитетамъ, заступавшимъ имъ «мѣсто отца», гораздо долѣе, чѣмъ бы по настоящему слѣдовало. Разомъ наступаетъ время, когда приходится дивиться важности незамѣтно накопившихся фактовъ; скорѣе, слѣдовало бы удивляться тому, какъ могли они оставаться незамѣтными до сихъ поръ.

Если мы, опираясь на факты, имѣющіеся на лицо, можемъ утверждать съ полной увѣренностью, что всѣ такъ называемыя метаморфическіе сланцы и гнейсы, также какъ и большая часть гранитовъ, перфировъ и діоритовъ произошли изъ первоначально слоистыхъ породъ, содержащихъ окаменѣлости; если мы съ полнымъ довѣріемъ можемъ сказать химикъ: здѣсь есть задача для рѣшенія; то съ другой стороны мы должны довольствоваться пока только утвержденіемъ, что это такъ, не пытаясь разяснить почему это такъ. Если и возможно приподнять кое-гдѣ край завѣсы, то мы все еще далеки отъ того, чтобы имѣть возможность точно показать, какіе процессы должны произойти и какіе дѣйствительно произошли, чтобы произвести то или другое превращеніе. Можно вывести и правдоподобныя заключенія во многихъ мѣстахъ по формѣ горъ—что болѣе толстыя гранитныя слои Альпъ были первоначально известковыми сланцами, что лежащіе между ними, мелкослоистыя вывѣтривающіеся гнейсы и слюдяные сланцы первоначально были мергельными сланцами. Равнымъ образомъ можно предполагать, что преобразовавшіеся сланцы были песчаниками. Вѣдь мы видимъ, что вѣшнія формы многихъ горъ, напр. вблизи Бергена или у Норкана, такъ изумительно напоминаютъ общезвѣстныя формы Юры, что можно прийти къ заключенію о первоначально одинаковомъ происхожденіи тѣхъ и другихъ; вѣдь мы видимъ, какъ, съ другой стороны, постепенно развиваются кристаллы въ глинистыхъ сланцахъ и какъ аркозы, хотя и происшедшіе изъ размолотаго гранита, но снова, вслѣдствіе послѣдующей кристаллизаціи въ его массѣ, дѣлаются столь похожими на него, что едва ли между ними можетъ быть различіе.

Во всякомъ случаѣ въ настоящее время неумѣстно утверждать, какъ это впрочемъ дѣлали новѣйшіе писатели, что альпійскій гранитъ прои-

зошелъ изъ известковыхъ слоевъ, хотя это и подтверждается нѣкоторыми фактами. Только всеобъемлющее изслѣдованіе, захватившее самыя мелкія подробности въ состояніи дознать, что здѣсь было первоначальнымъ отложеніемъ и какія вещества были прибавлены атмосферною водою. Форма и положеніе кристалловъ даютъ ключъ къ той послѣдовательности, въ какой отлагались отдѣльные кристаллы. Кристаллъ, нарастающій въ растворѣ или въ однородной массѣ горной породы, которую мало по малу онъ можетъ вытѣснить, разовьетъ свою форму непрестанно вполнѣ во всѣхъ направленіяхъ. Такъ во многихъ сланцахъ сѣрый колчеданъ или гранаты развили свою кристаллическую форму съ удивительной правильностью и вытѣснили при этомъ совершенно тонкіе слои сланца, — какъ поднимающійся ростокъ прорываетъ постепенно слой сплотившагося глинянаго пласта и раздвигаетъ ихъ. Я нарочно выбралъ это сравненіе, такъ какъ часто заключали изъ волнистаго сгибанія тонкихъ слоевъ сланца вокругъ кристалла, что масса сланца была еще въ мягкомъ состояніи при образованіи кристалла. Безъ сомнѣнія невыгодность условій для произростанія спаржи отъ сопротивленія, представляемаго плотно убитымъ глинянымъ токомъ, гораздо значительнѣе тѣхъ, какія встрѣчаетъ растущій кристаллъ въ слояхъ сланца и все же ростокъ спаржи неудержимо пробивается поверхъ тока. Если уже существуютъ кристаллы въ массѣ какого нибудь минерала, то кристаллы, образующіеся послѣ, развиваются вокругъ нихъ и примыкаютъ къ нимъ, такъ что когда пробьется наружу первоначальный кристаллъ, то кристаллы, примкнувшіе послѣ, являютъ оттискъ его плоскостей. Можно убѣдительно доказать на всѣхъ гранитахъ, что полевоі шпатъ, слюда и турмалины кристаллизовались раньше кварца, который безпорядочно включаетъ другіе развившіеся кристаллы. Иногда удается открыть остатки самыхъ первоначальныхъ массъ и, нѣбѣ въ рукахъ данныя, дойти до первичныхъ образованій. Чаше же всего вмѣсто полной достовѣрности можно доказать только приблизительную вѣроятность.

Если принять во вниманіе обстоятельство, что въ разнообразныхъ минералахъ, составляющихъ плутоическія горныя породы, участвуетъ только малое число химическихъ элементовъ, встрѣчающихся и во всѣхъ водахъ, то очевидно представляется возможность, что всѣ безъ исключенія горныя породы могутъ постепенно, рядомъ измѣненій переходить въ гранитъ, діоритъ или порфиръ. Вѣдь кремнеземъ, глина, кали, натръ, известъ въ соединеніи съ нѣсколькими красящими окислами металловъ, напр. желѣзными, которыя попадаются всюду, образуютъ почти всѣ землістые минералы, которые мы обозначимъ полевыми шпатами, слюдою, кварцомъ и т. д., и которые составляютъ именно эти металлическія горныя породы; а всѣ проточныя воды содержатъ эти вещества въ растворѣ въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Кто же рѣшится утверждать, что, вслѣдствіе тысячелѣтнихъ измѣненій, лава не перейдетъ въ гранитъ по-

добно известковымъ пластамъ и кто абсолютно отвергнетъ, что гранитъ произошелъ не такимъ образомъ, а выступилъ уже первоначально изъ глубины такою разнообразно образованною минеральною массою.

Исслѣдованіе чисто вулканическихъ породъ, настоящихъ лавъ, положительно доказываетъ намъ, что породы поднимаются въ трещинахъ въ видѣ огненно-жидкихъ массъ и выполняютъ ихъ кристаллизуются при охлажденіи. Но мы также можемъ убѣдиться при взглядѣ на каждую сланцевую горную породу, что трещины, которыя произошли въ ней какимъ бы то ни было образомъ, постепенно выполняются, частью сверху, частью сбоку, минеральными веществами, осаждающимися изъ проточной воды. Именно, на послѣднее обстоятельство—выполненіе атмосферной водою просачивающейся въ самой породѣ, обращали слишкомъ мало вниманія, хотя ясные факты существуютъ въ избыткѣ. Развѣ совершенно замкнутыя полости въ базальтѣ, порфирѣ и миндальномъ камнѣ не наполняются постепенно друзами, въ которыхъ сложное положеніе агатовъ, либо положеніе кристалловъ, сидящихъ своимъ основаніемъ на стѣнкахъ полости, а вершинами направленные къ ея центру, не доказываетъ ясно, что просачиваніе происходило со всѣхъ сторонъ? Развѣ процессъ этотъ измѣняется, когда полость клинообразная или плоская, а не круглая?

Серьозно указывали на ходы, болѣе широкія въ глубинѣ, суживающіеся клинообразно кверху и замкнутые совершенно и все же наполненные массами гранита или порфира. «Вотъ убѣдительное доказательство», восклицали вулканисты и плутонысты, что эти ходы не выполнены водою, а втиснуты снизу; сверху они не могли наполниться, потому что сверху къ нимъ нѣтъ доступа». Но при такомъ побѣдномъ кликѣ они забывали, что всѣ безъ исключенія породы постоянно пропитаны водою; что всѣ, даже, повидимому, самые не растворимые минералы растворяются въ водѣ въ известномъ, хотя и очень незначительномъ, количествѣ, что, такимъ образомъ, каждая полость въ горной породѣ, какую бы форму она не имѣла, постоянно содержитъ растворъ окружающей породы, которая можетъ въ ней кристаллизоваться. Если эти послышки вѣрны—а онѣ совершенно вѣрны, судя по нынѣшнимъ исслѣдованіямъ и по опытамъ, сдѣланнымъ въ рудникахъ—то во всякомъ случаѣ вѣрно и заключеніе, что даже полости и расщелины, замкнутыя сверху, могутъ постепенно наполняться съ боковъ и не представляютъ вовсе убѣдительнаго доказательства вдавленія снизу. Если мы еще прибавимъ къ этому, что, какъ доказалъ Бишофъ, многія изъ этихъ полостей имѣютъ такую малую толщину, что нельзя принять огненного выполненія безъ нагрѣванія всей окружающей горной массы, то поневолѣ придется признать, что большая часть полостей въ гранитѣ, какимъ бы веществомъ онѣ не были выполнены и какую бы форму не имѣли, выполнялись медленнымъ дѣйствіемъ воды, а не вдавленіемъ снизу.

Результаты новѣйшихъ изслѣдованій, добытые относительно образованія жилъ, имѣютъ значеніе и для нашего воззрѣнія. Вѣдь жила есть не что иное, какъ наполненная трещина, между обыкновенными минералами которой вкраплены полезные металлы, въ сравнительно ничтожномъ количествѣ. Годность металла, который можно добыть изъ этихъ рудъ, опредѣляется количествомъ, въ какомъ онъ предполагается въ массѣ жилы для его добычи. На эти жилы обращаютъ вниманіе только тогда, когда находятъ необходимое количество металла внутри жилы. Въ противномъ случаѣ говорятъ съ презрѣніемъ о «глухой горной породѣ» и оставляютъ жилу, которая содержитъ только слѣды, а не достаточное для разработки количество благородныхъ металловъ. Но именно такіа «глухія» жилы и указываютъ, какъ бы пальцемъ, на свое происхожденіе. Онѣ наполнены окристаллованными минералами, которые могли произойти всѣ — горный хрусталь, плавиковый, известковый, тяжелый и бурый шпаты — только мокрымъ путемъ и между этими минералами вкраплены въ самомъ незначительномъ количествѣ слѣды благородныхъ металловъ, обыкновенно въ соединеніи съ сѣрю. Какъ же можно допустить при такихъ обстоятельствахъ, что массы, выполнившія жилы, произошли воднымъ путемъ, а слѣды благородныхъ металловъ напротивъ того вдавлены снизу, т. е. огненнымъ путемъ? Правда, въ доменныхъ печахъ замѣчаютъ образованіе многихъ кристалловъ, которые также происходятъ и воднымъ путемъ; но до сихъ поръ еще никому не приходило въ голову принимать, что напр. известковый шпатъ образовался огненнымъ путемъ, или что массы, выполняющія одну и ту же жилу, произошли двумя путями.

Дѣло принимаетъ еще иной видъ, если взять во вниманіе, что породы — въ которыхъ проходятъ жилы, содержащія руду — либо сами содержатъ эту же руду въ незначительномъ количествѣ, либо эта руда занесена съ сосѣднихъ горныхъ породъ. Во многихъ жилахъ и отложеніяхъ можно положительно показать, что они богаты металлами только потому, что скала, содержащая металлъ, большею частью разложилась и унесена медленно просочившейся водой, такъ что наконецъ остался какъ бы промытый шатъ, содержащій металлъ въ достаточномъ количествѣ для разработки. Между тѣмъ какъ металлъ осаждался такимъ образомъ въ такихъ жилахъ и въ плотной рудѣ, а масса покрывавшая его уносилась; въ другихъ мѣстахъ напротивъ уносился металлъ, часто въ видѣ растворенныхъ солей и отлагался въ жилахъ и трещинахъ частью прямо вслѣдствіе испаренія, частью же осаждался воздѣйствіемъ накопившихся уже тамъ минераловъ. Мы бы зашли слишкомъ далеко, еслибъ стали входить здѣсь въ большія подробности; но есть много фактовъ, на основаніи которыхъ можно уже теперь достовѣрно доказать, что, частью воздѣйствіемъ покрывающихъ породъ, частью содѣйствіемъ растительнаго покрова происходитъ множество такихъ реакцій, которыя

собирають незамѣтные химическіе элементы, встрѣчающіеся только въ незначительномъ количествѣ и отлагаютъ ихъ въ надлежащихъ мѣстахъ въ болшихъ количествахъ. Наука доказала разнообразныя взаимныя соотношенія, существующія между жилами и залежами руды и соседними, такъ называемыми вулканическими, породами, и мы далеки отъ того, чтобы отрицать ихъ; но легко понять, что щели и трещины скалистыхъ массъ необходимо должны вести въ мертвой природѣ именно къ этому общему, который повсюду встрѣчается; что вслѣдствіе этого выполненіе полостей, происшедшихъ отъ поднятія, произведено не поднятою горною породою, а скорѣе проточною водою, которая имѣла свободный доступъ къ образовавшимся трещинамъ. Такимъ образомъ поднятіе въ этомъ отношеніи—только моментъ, который создалъ условія, при которыхъ скорѣе и лучше всего могъ произойти указанный общій процессъ.

Но вернемся снова къ нашему основному положенію. Если, вслѣдствіе ряда химическихъ процессовъ, во многихъ случаяхъ навѣрное весьма запутанныхъ и что, мы охотно признаемъ, еще не вполне разъясненныхъ, отложенія всякаго рода дѣйствительно могутъ переходить въ кристаллическія породы полевого шпата; то невозможно оспаривать и возможности, что массы наполняющія гнѣзда, отложились ли онѣ изъ самой породы или занесены съ другихъ мѣстностей, не переходили въ кристаллическіе скопы полевого шпата. Положимъ, мы имѣемъ треснувшія горы известняка; ихъ многочисленныя щели и трещины, какъ это можно видѣть вездѣ, наполнены окристаллованнымъ известковымъ шпатою — положимъ эти горы превращались бы постепенно въ гранитъ или гнейсъ: навѣрное жилы известкового шпата не будутъ исключены изъ этого превращенія; самое же превращеніе, относительно кристаллизаціи, расположенія и т. п., произойдетъ иначе, такъ какъ здѣсь иная основа. Результатомъ превращенія будетъ гранитъ, проникнутый гранитными жилами; а по нынѣшнимъ представленіямъ геологіи вывели бы заключеніе о двухъ одновременныхъ изверженіяхъ, изъ которыхъ одно проникло другое.

При большомъ сходствѣ въ составѣ лавъ съ большою частью plutonicескихъ породъ, нельзя отрицать возможности, что и лавы и наполненныя ими ходы могутъ постепенно превратиться въ гранитныя породы, вслѣдствіе преобразовательныхъ процессовъ. Вѣдь полевой шпатъ уже тамъ; не надо стало быть и вводить его элементовъ; часто нужно одно только разложеніе верхнихъ слоевъ, черезъ что свободный кремнеземъ въ избыткѣ проникнетъ въ нижніе слои и произведетъ въ нихъ, посредствомъ кристаллизаціи кварца и силикатовъ, гранитную породу полевого шпата. Но, во всякомъ случаѣ, подобное происхожденіе этихъ породъ представитъ исключеніе изъ правила, какъ и вообще вулканическіе случаи.

Мы пришли такимъ образомъ подъ конецъ этого изслѣдованія къ совершенно основательному положенію, что всѣ кристаллическія породы полевого шпата, встрѣчающіяся вообще въ природѣ, представляютъ вездѣ результаты превращенія, общаго веществъ, метаморфозъ, произведенныхъ исключительно водою; что, большая часть этихъ породъ произошла изъ первично слоистыхъ породъ, не отрицая совершенно возможности образованія ихъ изъ вулканическаго матеріала: альпійскій тавръскій песчаникъ допускаетъ мѣстами эту возможность.

Примѣняя такимъ образомъ полученные результаты къ Норвегіи, мы еще болѣе убѣждаемся, что, по крайней мѣрѣ, въ мѣстностяхъ, которыя мы посѣтили, даже и тамъ гдѣ проходятъ жилы, нечего и говорить о гранитѣ и гнейсѣ, какъ о вулканическихъ массахъ; что вездѣ, куда не взглянешь, эти кристаллическія породы полевого шпата образовались превращеніемъ осадочныхъ отложений.

Мы знаемъ хорошо, что мы встрѣтимъ серьезнаго противника въ Теодорѣ Бьерульфѣ, достойномъ послѣдователѣ Кейльгау; онъ вездѣ рассматриваетъ гранитъ и гнейсовый гранитъ какъ вулканическія массы, придерживаясь господствовавшихъ до сихъ поръ воззрѣній. «Послѣ отложенія древнѣйшихъ озойскихъ пластовъ (которыя, надо замѣтить, состоятъ изъ кварцита, слюдянаго, рогово-обманковаго сланцевъ и гнейса, значить болѣею частью уже изъ кристаллически слоистыхъ породъ полевого шпата) поднимаются въ громадныхъ массахъ гранитъ и гнейсовый гранитъ», говоритъ г. Бьерульфъ. «Гранитъ зернистъ, а гнейсовый гранитъ зернисто-волокнистъ.» «Они представляютъ во всѣхъ отношеніяхъ вулканическое происхожденіе, т. е. они проходятъ неизмѣненные, какъ совершенно чуждыя массы, въ совершенно различныхъ слояхъ, на границѣ которыхъ они часто являютъ совершенно неправильныя крайнія отношенія, но сохраняютъ постоянно рѣзкое разграниченіе. Кромѣ этого они заключаютъ разные остроугольные обломки боковыхъ породъ и не встрѣчаются никогда, даже гнейсовый гранитъ, пластами... Однако, чтобы не сказать лишняго, я прибавлю замѣчаніе, что, какъ прѣтъ тическій геологъ, я отдѣляю понятіе вулканическая горная порода отъ понятія расплавленная огненножидкая. Снимая чертежи, мы принуждены самой природой отдѣлять этотъ старый гранитъ и гнейсовый гранитъ отъ гнейса, какъ отдѣльныя, самостоятельныя, рѣзко разграниченныя массы, снабженныя всѣми признаками вулканической горной породы. Были ли эти массы расплавлены, какъ лавы настоящаго времени—другой вопросъ.»

«На окраинахъ этихъ большихъ гранитныхъ полей видѣется безчисленное множество громадныхъ гранитныхъ жилъ въ отвѣсномъ и горизонтальномъ положеніяхъ, которыя проникли древнія гранитныя толщи. Когда стоишь на краю гранитнаго поля, среди такихъ гнейсовыхъ сплетеній, то вслѣдствіе частыхъ жилъ, особенно если мѣсто мало, обнажено — кажется, что видишь передъ собою переходы въ гнейсовыхъ пла-

отовъ и гранитъ; но скоро убѣждаешься въ истинѣ, когда согласишься поближе и не ограничишься только кое-какими замѣтками по дорогѣ. Касательно метаморфическихъ преобразованій, происходившихъ въ древнихъ пластахъ, мы пришли вслѣдствіе этихъ изслѣдованій къ слѣдующему, что вообще каждый пластъ достигъ той степени кристаллическаго преобразованія, какое было возможно при первоначальномъ химическомъ смѣшеніи, на что еще указалъ Ляйель въ Elements of Geology — какъ по близости гранита, такъ и далеко отъ него; въ одномъ мѣстѣ, повидноному, подъ влияніемъ гранита, въ другомъ безо всякой причины, которую бы можно вывести изъ прилегающихъ къ нимъ вулканическихъ породъ.»

Мы не были въ южной Норвегіи, и поэтому не можемъ говорить по собственнымъ наблюденіямъ; мы можемъ только сказать, что всѣ тѣ свойства, которыя приводятъ здѣсь Кьерульфъ, никакъ не служатъ доказательствомъ вулканической природы гранита и гнейсоваго гранита и что профили, которые онъ самъ даетъ въ своемъ сочиненіи «О геологіи южной Норвегіи», вышедшемъ въ 1847 году, какъ напр. разрѣзы изъ окрестностей Стремменъ и Лябро, только подкрѣпляютъ наше убѣжденіе, что факты, приводимые Кьерульфомъ, объясняются лучше и проще постепенной, дѣйствующей извнѣ метаморфозой горныхъ породъ. Дѣйствительно тамъ вездѣ, видишь наслоенія и вслоенія гранита въ гнейсѣ, гдѣ, правда, границы обѣихъ породъ рѣзко отдѣлены одна отъ другой; но нигдѣ ни чуть не измѣнено положеніе слоевъ гнейса гранитомъ. Измѣненіе, медленно проникающее извнѣ, которое коснулось бы мѣстами гнейса и превратило его въ гранитъ, произвело бы совершенно тѣ же очертанія и отношенія и, если бы г. Кьерульфъ обнаружилъ эти же разрѣзы, которые несомнѣнно вѣрны и поставилъ вмѣсто гнейса — доломитъ, то навѣрное всякій нашелъ бы, что эти разрѣзы соответствуютъ природѣ и обстоятельствамъ.

Я знаю, что подобныя мѣстности, хорошо мнѣ знакомы по собственнымъ наблюденіямъ, напр. у Клейнлиндена близъ Гиссена, приводились и обнаруживались во времена преувеличеннаго плутонизма, какъ убѣдительно доказательство вулканической природы доломита. Теперь никому не придетъ въ голову предполагать въ такихъ мѣстностяхъ другаго дѣятеля, кромѣ дождевой воды. Науманнъ, котораго Кьерульфъ приводитъ какъ авторитетъ, даже даетъ (т. I, стр. 802, 1-го изд.) разрѣзъ этихъ доломитовыхъ массъ, которыя въ видѣ покрова прошли надъ известнякомъ и проникли вглубь двумя почти отвѣсными трещинами, словомъ совершенно походятъ на гранитные покровы Кьерульфа, которые мѣстами тоже кажется достигаютъ глубины въ трещинахъ, соответствующихъ углубленіямъ почвы. Разъ привыкнувъ разсматривать здѣсь гранитъ, а тамъ доломитъ метаморфическими водными продуктами, то все болѣе и болѣе будутъ находиться доводы тому, что большая часть

образованій жигъ и гранитныхъ слетеній объясняется не огненножидкимъ поднятiемъ, а единственно дѣйствиемъ просачивающейся воды.

2. Поднятiе материка.

Если предъидущее убѣдило насъ, что только при посредствѣ чрезвычайно медленно дѣйствующихъ силъ, при постоянно дѣйствующемъ перемѣщенiи въ каждой частичкѣ внутри массъ горной породы, черезъ безконечно долгое время произошло преобразование первоначально слоистыхъ горныхъ породъ въ кристаллически-метаморфическiя; что, слѣдственно, не было сильныхъ и внезапно дѣйствующихъ катализмовъ, которые бы прерывали это преобразование, распределенное на безконечно долгiе промежутки времени: то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что тѣ силы, которыя обусловливали поднятiе материка надъ морскимъ уровнемъ, дѣйствовали не внезапно, а постепенно, медленно. Этотъ выводъ подтверждается еще на столько наблюдениемъ, на сколько оно доказало, что такое медленное и постоянное поднятiе происходило въ продолженiе послѣдней геологической эпохи и продолжается безъ перерыва и въ настоящее время. Прежнiя береговыя линiи, которыя еще до сихъ поръ можетъ ясно указать каждый наблюдатель въ Норвегiи и Швецiи на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря; остатки равнинъ, какъ настоящей эпохи, такъ и временъ болѣе холоднаго климата на скандинавскомъ полуостровѣ; отступленiе моря отъ многихъ мѣстъ, которыя лежали прежде на берегу: всѣ эти факты очень ясно доказываютъ, что постоянное поднятiе, на нѣсколько дюймовъ въ столѣтiе, все еще происходитъ на скандинавскомъ полуостровѣ; что слѣдственно сила, производящая его, дѣйствуетъ постоянно и непрерывно еще и нынѣ. Наблюдения показали еще, что не отступленiе моря обусловливаетъ постоянное поднятiе земли, такъ какъ мѣра этого поднятiя неодинакова въ разныхъ мѣстахъ, а ей слѣдовало быть совершенно равной на всѣхъ точкахъ при горизонтальномъ уровнѣ моря, еслибы причина этого явленiя лежала въ пониженiи уровня моря, а не въ поднятiи материка.

Накопецъ измѣренiя Браве (Bravais) у Альтенфьорда показали весьма убѣдительно, что степень этого поднятiя значительнѣе въ глубинѣ фьорда, значить внутри страны, чѣмъ при его началѣ; что, стало быть, поднимающаяся сила находится въ соотношенiи съ массой, которая поднимается. У Альтенфьорда идутъ двѣ различныя террасы прежнихъ береговыхъ линiй одна надъ другой, которыя простому глазу кажутся горизонтальными. Но эта горизонтальность только кажущаяся. Въ глубь террасы гораздо выше чѣмъ къ основанiю. Даже болше, террасы не параллельны между собою; отвѣсное разстоянiе между уровнемъ моря и первою террасою — отвѣсное разстоянiе между первою и второю террасою

значительнѣе въ глубинѣ фьорда, чѣмъ при его входѣ, такъ что настоящій уровень моря съ обѣими террасами надъ ними представляетъ какъ бы лучи мало раскрытаго вѣера, центръ котораго лежалъ-бы въ открытомъ морѣ. Но, по нашему мнѣнію, это расположеніе первоначально горизонтальныхъ и параллельныхъ между собою береговыхъ линий доказываетъ, что поднятіе обуславливалось не однимъ поднятіемъ снизу, но еще болѣе разбуханіемъ всей массы, потому что иначе, при простомъ поднятіи снизу, невозможно нарушить параллельность береговыхъ линий. Дѣйствительно, Браве нашелъ точнымъ измѣреніемъ слѣдующія числовыя данныя:

	Высота верхней террасы.	Высота нижней террасы.	Расстояніе между террасами.
Въ Глубинѣ фьорда	67,4 м.	27,7 м.	39,7 м.
У Бомафьорда	51,8 >	20,5 >	31,3 >
У Гаммерфеста	28,6 >	14,1 >	14,5 >

Такимъ образомъ разстояніе между обѣими террасами въ глубинѣ фьорда почти втрое больше чѣмъ у Гаммерфеста, а промежуточные цифры доказываютъ, что эта разница постоянно и постепенно увеличивается, и до того постепенно, что глазъ, который слѣдитъ эти террасы на протяженіи цѣлыхъ миль, не въ состояніи замѣтить ихъ незначительнаго склоненія наружу, къ морю.

Браве, въ тѣ времена, когда дѣлалъ эти наблюденія, далекій отъ всякой другой идеи, старался объяснить это явленіе тѣмъ, что предполагалъ два поднятія, которыя слѣдовали за двумя періодами покоя. Каждое изъ этихъ поднятій, думалъ онъ, дѣйствовало сильнѣе внутрь страны и подняло выше береговую линію, которой коснулось. Но поднятіе страны все еще продолжается, какъ это показываютъ наблюденія въ Швейцаріи и навѣрное разбухаетъ вся масса, такъ что первоначальная горизонтальность береговыхъ линий нарушается все болѣе и болѣе. Такимъ образомъ измѣренія Браве представляютъ убѣдительное доказательство того, что причина поднятія заключается не подъ массами горъ, въ глубинѣ; но, напротивъ, въ самихъ массахъ,—что она дѣйствуетъ въ каждой частицѣ, въ каждомъ атомѣ, въ каждомъ кристаллѣ массы, хотя такъ незамѣтно и постоянно, что только послѣ тыся-

челѣтій можно измѣрить результаты этого поднятiя. Куда же вообще дѣвались эти страшныя сповидѣнiя, которымъ всё такъ сильно предавались лишь немного лѣтъ тому и которыя соблазнили столько людей, богатыхъ фантазiей, на великолѣпныя изображенiя! Везанныя поднятiя которыми выдвигались изъ глубины громаднаго цѣпи горъ, широко разступалась земля на значительномъ пространствѣ поверхности, тысячи квадратныхъ миль покрывались огненно-расплавленными массами и поднимались миллиарды тоннъ слонстыхъ горныхъ породъ на ужасающую высоту! Куда дѣлись эти революцiи, потрясавшiя всю планету, разомъ уничтожавшiя всякую жизнь, чтобы послѣ такого катаклизма снова могла проявиться творческая сила и населить новыми обитателями земную поверхность? Кто заговорить въ настоящее время въ геологическомъ обществѣ, въ собранiи геологовъ о такихъ революцiяхъ, смущавшихъ землю, въ которыхъ участвовали иныя силы тѣмъ нынѣ дѣйствующiя, тотъ не услышитъ даже опроверженiя, а увидитъ только одну молчаливую усмѣшку. Везанныя поднятiя горъ, рѣзко отдѣленныя формации, заселенiе земной поверхности заново, новыми видами животныхъ и растений, быть можетъ, разъ сто повторенное, все это давно покинутыя теорiи—если онѣ застряли въ нѣкоторыхъ головахъ донныѣ, то давно уже сданы въ архивъ мыслящими людьми. Болѣе точное изслѣдованiе фактовъ показало намъ, что можно говорить только о чрезвычайно медленныхъ постоянно дѣйствующихъ силахъ, поднимающихъ горы какъ бы рычагомъ; что нигдѣ не существуетъ рѣзко отдѣленныхъ формаций, что бываютъ мѣстныя катастрофы незначительныхъ размѣровъ; но дальѣйшее образованiе производится измѣненiями дѣйствующими чрезвычайно медленно. И старый законъ, что природа не знаетъ скачковъ, получилъ въ геологiи неоспоримое владычество.

Если мы будемъ отыскивать силы, производящiя внутри массы горной породы крайне медленное, постоянное разбуханiе всей массы, то очевидно найдемъ ихъ опять-таки въ постоянно дѣйствующихъ химическомъ превращенiи и кристаллизации. Разложенiе верхнихъ горныхъ слоевъ насыщаетъ минеральными веществами просачивающуюся воду, которая приноситъ нижнимъ слоямъ постоянно новыя количества растворенныхъ веществъ, которыя употребляются на передѣлку стараго и на созданiе новаго. Все — что кристаллизуется — расширяется. Такииъ образомъ тамъ, гдѣ идетъ преобразованiе безформенной внутри массы въ кристаллическую, является необходимымъ слѣдствiемъ ея пространственное расширенiе. Стало быть тамъ, гдѣ намъ удалось указать на метаморфозу горной породы въ кристаллическiя массы, тамъ мы указали виѣсть съ тѣмъ поднимающую силу, которая медленно и постепенно расширяетъ, стягиваетъ и поднимаетъ слои своимъ незамѣтнымъ, но постояннымъ дѣйствiемъ. И такъ намъ нечего искать причины поднятiя Скандинавскаго полуострова. Если уже доказано, что слои этой огромной

скалистой твердыни претерпѣли самыя обширныя метаморфическія измѣненія и испытываютъ ихъ еще до нынѣ; если доказано, что поверхность этой обширной страны представляетъ громадное поле развалинъ, на которомъ въ теченіи тысячелѣтій дѣйствовало вывѣтриваніе и понынѣ еще дѣйствуетъ въ такой степени, которую можно назвать почти безпримѣрной; если наконецъ доказано, что происходитъ поднятіе, результаты котораго измѣримы только послѣ столѣтій,—то этимъ же доказывается, что поднятіе страны происходитъ вслѣдствіе постоянно продолжающейся метаморфозы ея нѣдръ и что вся скандинавская плоская возвышенность поднимается надъ моремъ въ той мѣрѣ, въ какой еще происходятъ внутри ея химическія измѣненія и кристаллизація.

3. ОБРАЗОВАНІЕ ГЛЕТЧЕРОВЪ.

Г. Сарториусъ фонъ-Вальтерсгаузенъ, по извѣстному выраженію котораго «кристаллическіе своды Арнарфелльсъ-Иекулля въ Исландіи, одѣтые сѣрыми слоями тумана, покоятся среди скучной пустыни чернаго вулканическаго песка, праздноя тамъ, въ странномъ одиночествѣ, свое собственное величіе.» — г. Сарториусъ фонъ-Вальтерсгаузенъ говоритъ въ своемъ физико-географическомъ очеркѣ Исландіи, вышедшемъ въ августѣ 1847 года въ Геттингенѣ, «что нечего и думать, чтобы когда-то весь островъ представлялъ одинъ сплошной глетчеръ. Тоже вполнѣ примѣнимо и къ Скандинавскому полуострову. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ вычеркнуть въ наукѣ сильно распространенную одно время сказку о такъ называемомъ ледяномъ періодѣ, которой конечно никто серьезно не вѣрилъ, такъ какъ она противорѣчитъ всѣмъ явленіямъ; надо отвергнуть ее какъ геологическій вымыселъ, мертворожденный, которому многія наши удобныя кадить какъ ложному кумиру безо всякаго основанія». Для подтвержденія этого швейцарскаго пророчества, которое конечно могло подстрекнуть только къ усиленнымъ изслѣдованіямъ, г. Сарториусъ приводитъ статью Леопольда фонъ-Буха о Медвѣжьемъ островѣ, въ которой онъ къ особенному удовольствію тоже «слышитъ погребальную пѣсню ложно понятой теоріи глетчеровъ».

Со времени этого смертнаго приговора въ Геттингенѣ прошло 15 лѣтъ и теперь можно сказать, что нѣтъ ни одного геологическаго вывода, который былъ бы лучше подтвержденъ и полнѣе доказанъ рядомъ неопровержимыхъ фактовъ, какъ именно это прежнее покрытіе всей сѣверной массы земель нашего континента сплошными ледяными полями, которыя спускались въ море, вполнѣ имѣвшее характеръ полярнаго моря около Гренландіи и Шпицбергена. Именно послѣднія изслѣдованія скандинавскихъ ученыхъ, и въ особенности Кьерульфа, Зарса и Ловена, собрали разбросанныя до того явленія въ такую полную картину, что

ее можно представить въ немногихъ общихъ чертахъ, понятныхъ и для не посвященнаго.

Массы скалъ Швеціи, Норвегіи равно и Исландіи отполированы, исцарапаны и изборозжены въ столькихъ мѣстахъ, что можно утверждать, что дѣятели, причинившіе ихъ, прошли по всей странѣ и что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ этихъ явленій, онѣ были разрушены позднѣйшими вліяніями, въ особенности вывѣтриваніемъ. Полированные поверхности, борозды, прошедшія въ извѣстномъ направленіи, встрѣчаются на горахъ Норвегіи до высоты 5,000 футьъ, такъ что немногіе утесы и вершины подняты выше ихъ. Безъ сомнѣнія это также содѣйствуетъ однообразію очертаній этихъ горъ. Потому что и на Альпахъ, гдѣ высота подобныхъ знаковъ достигаетъ 8,000 футьъ, встрѣчаются ниже ихъ однообразныя, округленныя вершины, такъ называемыя брюшныя формы (Bauchgestalten), и только надъ ними начинается та своеобразная форма, тотъ индивидуальный отпечатокъ болѣе высокихъ вершинъ, которые придаютъ всей цѣпи такую дивную красоту.

Также какъ и во всѣхъ другихъ горныхъ цѣпяхъ эти сглаженныя и изборозженныя поверхности стоятъ въ тѣсной связи съ накопленіемъ глыбъ, щебня и песку, которые встрѣчаются частью на окраинахъ долинъ, частью на ихъ протяженіи и очевидно занесены сюда издалека. Въ Скандинавіи, какъ и въ окрестности Альпъ можно указать въ сотняхъ мѣстъ, на тяжелыя, объемистыя остроугольныя глыбы, которыя стало быть никакъ не могли сдвигаться, а были перенесены на нѣсколько миль отъ мѣста своего происхожденія и оставлены на самыхъ различныхъ горныхъ породахъ. Направленіе бороздъ на полированныхъ поверхностяхъ соответствуетъ пути, который приняли глыбы съ своего первичнаго мѣста; такимъ образомъ направленіе бороздъ указываетъ на исходныя точки, откуда брала свое начало движущая сила.

На различныхъ картахъ собраны наблюденія, сдѣланныя въ Скандинавіи и Финляндіи по образованію бороздъ. Вообще оказывается, что оно зависитъ отъ направленія большихъ долинъ и общаго наклона плоскостей, высшія точки которыхъ находятся на длинной береговой цѣпи Норвегіи; здѣсь, какъ и на Альпахъ, замѣчаютъ кое-гдѣ отдѣльныя болѣе высокіе горные узлы, откуда лучеобразно расходятся борозды по долинамъ.

Теперь не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что совокупность такихъ явленій, какъ полированныя поверхности съ ихъ округленною брюшною формою, прямолинейными бороздами, угловатыми несглаженными валунами, съ накопленіями щебня и песку, которыя либо тянутся по окраинамъ долинъ, либо образуютъ внизу ихъ сплошныя насыпи и дугообразныя, обращенныя въ глубь долинъ, валы, что совокупность этихъ явленій можетъ быть произведена только глетчерами, которые покрывали всю страну, являющую всѣ эти признаки, стало быть глетчерами, кото-

рые покрывали собою весь Скандинавскій полуостровъ и Финляндію сплошнымъ ледянымъ покровомъ.

Бьерульфъ указалъ совершенно справедливо на наблюденія Ринка, который пробывъ нѣсколько лѣтъ въ Гренландіи и тщательно прослѣдилъ внутри ледъ, такъ называемый ледяной блескъ. Чрезвычайно пространнй материкъ, величиною не менше Скандинавскаго полуострова, покрытъ громаднымъ ледянымъ покровомъ въ 1,000 футъ, имѣющимъ общее движеніе изнутри страны къ западному берегу. Эта ледяная масса нагруженная каменными глыбами, скользитъ медленно, но постоянно внизъ, къ морю, дробится тамъ на огромныя массы и эти-то обломки месутся въ видѣ ледяныхъ горъ, часто колоссальныхъ размѣровъ, морскими течениями по опредѣленнымъ направленіямъ и заносятся даже подъ широты Азорскихъ острововъ и, тая, постепенно осаждаютъ на этомъ пути свой грузъ на дно моря.

Тоже самое происходило нѣкогда въ Норвегіи, Швеціи и Финляндіи. Страна скрывалась подъ огромнымъ ледянымъ покровомъ, который сносилъ къ морю валуны и щебень или иначе наждакъ, служившій покладкой этой огромной полировальной машинѣ. Вся масса скалъ Норвегіи полировалась и царапалась, а самое ледяное море, окружавшее эту историческую Гренландію, было вначалѣ во всякомъ случаѣ ниже настоящаго морскаго уровня; потому что во многихъ мѣстахъ полированные поверхности съ хорошо сохранившимися полосами ушли подъ нынѣшній морскій уровень. Если одного этого обстоятельства и недостаточно, чтобы объяснить болѣе значительное охлажденіе сѣвернаго материка до того же градуса, какъ и Гренландскій материкъ, то болѣе значительное поднятіе материка надъ морскимъ уровнемъ содѣйствовало по крайней мѣрѣ нѣсколько этому охлажденію. Но тамъ, гдѣ борозды уходятъ подъ настоящій уровень моря, тамъ и море стояло ниже, потому что ледъ не тонетъ въ водѣ, но таетъ отъ нея и подымается ею, что доказываютъ полярныя глетчеры, подъ которые часто при отливѣ, можно глубоко спускаться.

Море прибывало, земля согрѣвалась, общій покровъ таялъ, болѣе высокіе хребты показывались на свѣтъ, такъ какъ ледяной покровъ покололся на отдѣльные глетчеры, которые выполняли большія долины до самаго ихъ выхода. Тогда только стали появляться отдѣльныя морены, какъ на теперешнихъ глетчерахъ, боковыя и конечныя морены, насыпанные, линейные валы, изъ которыхъ крайніе тянутся вдоль настоящаго морскаго уровня, самыя же внутренніе встрѣчаются на извѣстной высотѣ по краямъ долинъ и въ видѣ конечныхъ поясовъ долинъ. Море поднялось почти до высоты 500 футъ, потому что еще на этой высотѣ находятъ раковистыя мели, содержащія раковины полярнаго моря. Вѣстѣ съ тѣмъ громадныя ледяныя массы образовали при таяніи большіе потоки, которые, будучи задержаны, какъ плотинами,

конечными валунами глетчеровъ, образовали мѣстами большія озера и осадили мелко перетертый матеріалъ, который въ большомъ количествѣ сносится всѣми потоками глетчеровъ, въ видѣ глины, мергеля и песчаной глины. Море и проточныя воды работали надъ древнѣйшими массами, осѣвшими съ ледяныхъ покрововъ; глетчеры постоянно сносили внизъ валуны и они осѣдали на верху мелей, частью непосредственно, частью посредственно, сплавляясь нѣкоторое время на лѣдинахъ. Такъ постепенно наступала нынѣшняя пора, когда глетчеры достигаютъ моря только въ немногихъ мѣстахъ, вообще же держатся на значительной высотѣ надъ нимъ, а въ глубинѣ долинъ царствуетъ умѣренный климатъ.

Эта доисторическая исторія не романъ: она заимствована изъ непосредственныхъ фактовъ и основана на выводахъ, непосредственно вытекающихъ изъ этихъ фактовъ. Факты же я приведу по Кьерульфу:

«Какое же преобладающій порядокъ подъ этими ледяными массами, наслоенными и переслоенными моремъ? Въ самомъ низу, тамъ, гдѣ онѣ не могли быть снова смыты, лежатъ песокъ и валуны. Это перетертый песокъ и истертые камни; это—матеріалъ, который подвигался по скалѣ, прижимаемый льдомъ. Потому, если по глыбамъ хотѣть сдѣлать заключеніе о направленіи, то надо изслѣдовать именно эти глыбы. И такъ какъ, большею частью онѣ очень измолоты, стали меньше и часто округлены, то ихъ называютъ «валунами», хотя это неправильное названіе и ихъ слѣдовало бы назвать «измолотымъ камнемъ». Онѣ не катились, а перетерлись между собою и, вмерзши въ ледъ, какъ брилліанты въ рѣзецъ, провели по гордой породѣ борозды и полосы. Надъ перетертымъ пескомъ и рядами валуновъ лежатъ различныя глиняныя породы, сначала известковая глина, мергельная глина въ мѣстахъ, доступныхъ водамъ глетчера, которая снесла сюда истертую глину и известъ съ силурійскихъ слоевъ; за тѣмъ раковистая глина, отдѣлившаяся всюду на невысокихъ мѣстахъ или гдѣ потокъ холодной, прѣсной воды былъ не слишкомъ силенъ; еще дальше кирпичная глина не содержащая раковинъ, быть можетъ именно тѣхъ временъ, когда скопленіе прѣсной воды внутри страны было наибольшее; затѣмъ песокъ и на самомъ верху песчаная глина».

Большіе валуны лежатъ только наверху надъ площадями измолотого камня, глины и песку; въ Скандинавіи они занесены на теперешнія мѣста не столько пловучимъ льдомъ, сколько самими глетчерами.

Такимъ образомъ передъ нами долгая эпоха, продолженіе которой царствовалъ настоящій ледяной періодъ и одно ледяное море омывало покрытые глетчерами, берега Скандинавіи и Финляндіи, которыя составляли тогда одинъ материкъ. Но не на одномъ этомъ обледѣломъ нѣкогда материкѣ можно найти доказательства такого полярнаго моря. Сѣверогерманская низменность, отъ Голландіи до Россіи, покрыта глыбами,

измолотымъ камнемъ и валунами, которые всё перенесены изъ Скандинавіи и Финляндіи; ихъ южная граница идетъ вдоль возвышенности Везерскихъ горныхъ цѣпей, Гарца, Рудныхъ и Исполиновыхъ горъ. На востокъ граница валуновъ прошла далекимъ полукругомъ по русскимъ низменностямъ до Урала и столь правильно около Финляндіи, что можно обозначить полукругъ циркулемъ на картѣ. Вотъ область распространенія этого Медовитаго моря, въ предѣлахъ котораго приносились ледяными горами глыбы къ берегамъ и очеркъ этой линіи глыбъ уже самъ по себѣ доказываетъ, что во времена самаго большаго протяженія этого Ледянаго моря Скандинаво-финскій материкъ былъ островомъ и широкій рукавъ соединялъ нынѣшнее Полярное море и Бѣлое съ Балтійскимъ.

Слишкомъ уже двадцать лѣтъ прибылъ въ Лондонъ англійскій геологъ, Смитъ, съ коллекціей раковинъ, которую представилъ директору геологическаго отдѣленія британскаго музея, спрашивая его, что онъ думаетъ о нихъ. «Милый человѣкъ», сказалъ тотъ, мелькомъ взглянувъ на коллекцію, «васъ надулъ какой нибудь китоловъ: это раковины, собранныя на берегу полярнаго моря; но онѣ плохо сохранились, вывѣтрились и частью поломаны и годны развѣ за окно.» «Я не покупалъ раковинъ», отвѣчалъ Смитъ, «я самъ набралъ ихъ въ глиняномъ слоѣ на берегу Кляйда въ Шотландіи, гдѣ онѣ образуютъ древнее береговое отложеніе». — Не было никакого сомнѣнія — въ Шотландіи былъ открытъ пластъ, содержащій полную полярную фауну моллюсковъ.

Съ того времени изслѣдованія увеличились. На всемъ пространствѣ сѣверо-американскаго материка до Нью-Йорка, въ Англии, Шотландіи, Скандинавіи, Финляндіи и въ Россіи до пустынной области Печоры — всюду встрѣчаются тѣ же формации, пласты измолатаго камня, а сверху глина, мергель и песчанистый мергель съ исключительно полярными моллюсками, или же такими видами, которые достигаютъ полнаго роста только въ полярномъ морѣ; а южнѣе онѣ все мельчаютъ и мельчаютъ, такъ что, слѣдовательно, ихъ настоящую родину слѣдуетъ искать на крайнемъ сѣверѣ.

Въ новѣйшее время Зарсъ обратилъ особенное вниманіе на пласты раковинъ, залегающія въ южной Норвегіи и, съ извѣстными всѣмъ основательностью и знаніемъ, вывелъ результаты распространенія отдѣльных видовъ. Какъ скопленія раковинъ, такъ и геологическое отложеніе заставилъ его принять двѣ различныя группы раковинистыхъ слоевъ, изъ нихъ первая соотвѣтствуетъ наибольшему уровню Ледянаго моря, вторая же соотвѣтствуетъ позднѣйшему періоду отступленія моря. Наибольшему уровню моря соотвѣтствуютъ раковинистые пласты лежащія на высотѣ иногда слишкомъ 400 фута надъ нынѣшнимъ уровнемъ моря и такіе слои глины, которые лежатъ непосредственно на щебнѣ и измолатомъ камнѣ и достигаютъ не далѣе 240 фута надъ уровнемъ моря. Это береговыя линіи и отложенія на днѣ полярнаго моря во времена

наивысшаго его уровня. Въ этихъ отложеніяхъ, соответствующихъ наивысшему уровню моря, находятся, по мнѣнію Зарса, или виды, встрѣчающіеся только у сѣвернаго норвежскаго и другихъ береговъ полярнаго моря, или такіе виды, которые, если и встрѣчаются у береговъ южной Норвегіи, Шотландіи и Англіи, то очевидно хилыя, только съ трудомъ продолжающія свое существованіе въ мелкихъ экземплярахъ; а на сѣверныхъ берегахъ и въ полярномъ морѣ, находясь въ соответствующихъ имъ жизненныхъ условіяхъ, онѣ достигаютъ той величины, какую имѣютъ въ раковистыхъ пластахъ. Очевидно сѣверная фауна была здѣсь прежде въ полномъ развитіи и тѣ породы, которыя и теперь достигаютъ въ полярномъ морѣ настоящихъ развитія и величины, достигали ея тогда и въ морѣ, омывавшемъ южные берега Норвегіи. Есть еще одинъ замѣчательный фактъ въ изслѣдованіяхъ Зарса. На сѣверномъ и западномъ берегу Норвегіи водится великолѣпный кораллъ, который образуетъ большія красно-розовыя деревья и всегда селится только на страшной глубинѣ 900 и 1800 футъ на скалистой почвѣ. Мы видѣли нѣсколько кусковъ этого коралла (*Lophelia prolifera*) у глетчера Пиппертинда, вытщенныхъ безъ сомнѣнія бѣдными лапландскими прибрежными рыбаками на удочкахъ. Этотъ же кораллъ попадаетъ въ древнѣйшихъ раковистыхъ слояхъ, но только въ такихъ, которые лежатъ почти непосредственно у морскаго уровня или даже подъ уровнемъ моря въ глубинѣ 60—90 футъ. Въ этихъ подводныхъ древнихъ раковыхъ пластахъ попадаютъ коралловые стволы еще приросшіе къ скаламъ, но мертвые, такъ какъ для жизни имъ недостаетъ необходимой глубины; это понятно—вѣдь онѣ жили въ то время, когда уровень моря стоялъ почти на 600 футъ выше и, слѣдовательно, была необходимая для нихъ глубина.

Надъ этими древнѣйшими слоями, заключающими полярныя раковины, лежатъ болѣе новые раковистые слои, которые спускаются футъ на 200 ниже и соответствуютъ періоду отступленія полярнаго моря. Тутъ попадаютъ раковины еще и нынѣ живущія у южнаго берега Норвегіи, но вмѣстѣ встрѣчаются и нѣкоторые виды, свойственные арктической фаунѣ. Очевидно Арктическіе виды удалились вмѣстѣ съ отступленіемъ моря, далѣе на сѣверъ, такъ какъ температура убывающаго моря повышалась и приближалась къ той, которая царствуетъ и теперь у береговъ Норвегіи.

Всѣ эти выводы подтверждаются еще находками, сдѣланными въ послѣднее время въ глубинѣ большихъ шведскихъ озеръ, въ Веттерѣ и Веннерѣ и описанными подробно Ловеномъ. Дѣйствительно, въ нихъ поймано нѣсколько ракообразныхъ и нѣкоторые виды, хотя весьма отличные отъ видовъ, нынѣ живущихъ въ морѣ, но все же очевидно морскихъ; между ними *mysis relicta*, родственная ей формы живутъ всѣ безъ исключенія въ морѣ и именно сходныя съ новѣйшей породой на крайнемъ сѣверѣ и въ полярномъ морѣ; *Gammarus loricatus*, котораго находили до сихъ поръ только въ полярномъ морѣ, въ Баффиновомъ за-

*

ливъ, въ Гренландіи и возлѣ Шпицбергена; *Idothea Entomon* попадающаяся только въ полярномъ и Балтійскомъ моряхъ и еще другая маленькая *Pontoporeia affinis*, живущая нынѣ въ Балтійскомъ морѣ, а родственныя ей породы только въ Гренландскомъ морѣ. Эта замѣчательная находка доказываетъ, что озера Веннеръ и Веттеръ—изъ нихъ первое лежитъ на триста футовъ надъ нынѣшнимъ уровнемъ Балтійскаго моря—сливались прежде съ моремъ. Тогда эти озера были глубокіе фьорды, въ которыхъ жило морское населеніе, совершенно сходное съ населеніемъ полярнаго моря и, безъ сомнѣнія, этотъ періодъ сліянія соотвѣтствовалъ высшему уровню полярнаго моря, какъ это доказано на Норвегіи и Швеціи. Море опускалось, либо материкъ поднимался, бухты запыривались все болѣе и болѣе; наконецъ совершенно отдѣлились отъ моря и наполнились мало по малу прѣсной водой. Судя по всѣмъ признакамъ это наполненіе происходило не только сверху немногими впадающими ручьями, но и пробивающимися снизу источниками. Только немногія морскія животныя выносятъ несоленую воду, еще меньшее количество ихъ можно перевести, какъ устрицу, самую постепенную перемѣною морской воды въ прѣсную. Морское населеніе вымирало постепенно и теперь сохранились въ глубинѣ озеръ очень немногія ракообразныя, сходныя отчасти съ раковинами Балтійскаго моря, отчасти же съ раковинами Полярнаго моря.

Но слѣдствія, какія можно вывести изъ этой находки въ озерахъ малочисленныхъ видовъ ракообразныхъ, равно и изъ находенія въ нихъ большей части породъ рыбъ, живущихъ еще нынѣ въ Балтійскомъ морѣ, весьма интересны. Вездѣ замѣтно близкое родство съ полярными и арктическими формами, если это не однѣ и тѣ же виды; вездѣ можно указать на отличіе ихъ отъ породъ, живущихъ на западной сторонѣ Норвегіи. Отсюда, также какъ и изъ отличія раковинъ, встрѣчающихся въ древнѣйшихъ отложеніяхъ, Ловенъ вывелъ совершенно справедливое заключеніе, что бассейнъ Балтійскаго моря рукавомъ, проходившимъ чрезъ Ладожское и Онежское озера къ Бѣлому морю, соединился на востокъ съ полярнымъ моремъ, и напротивъ былъ отдѣленъ перешейкомъ отъ западнаго моря, съ которымъ онъ соединенъ теперь Зундами. Это отдѣленіе наступило конечно тогда, когда полярное море стало отступать. Слои раковинъ въ области этого восточнаго полярнаго моря находятся на высотѣ 130 футовъ и нѣкоторые виды, находимые въ нихъ, носятъ арктическій характеръ. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Ловенъ, судьба восточной ледяной фауны была отлична отъ западной. Бассейнъ Балтійскаго моря постепенно совершенно отдѣлился отъ полярнаго моря и былъ дѣйствительно отравленъ болѣе и болѣе возраставшимъ опрѣсненіемъ и омеглненіемъ, тогда какъ западное море, омывающее южные берега Норвегіи, постоянно соединялось съ полярнымъ, но постепенно нагрѣвалось во время его отступленія и такимъ образомъ изгнало съвер-

ную фауну, замѣнивъ ее южными формами. Такой замѣны не было въ Балтійскомъ морѣ. Позднѣйшій прорывъ Зунда не ввелъ изъ западнаго моря новыхъ породъ въ бассейнъ Балтійскаго моря и онъ обѣднѣлъ вслѣдствіе опустѣнія; а западное море обогатилось напротивъ фауной болѣе теплыхъ водъ. Всѣ факты указываютъ на то, что нынѣшній, исключительный, теплый климатъ норвежскаго берега (потому что по градусамъ широты въ цѣломъ мірѣ нѣтъ страны теплѣе Норвегіи) зависитъ большею частью отъ теплыхъ морскихъ теченій, а также и воздушныхъ токовъ, идущихъ отъ Африки изъ Сахары. Въ Швейцаріи уже давно обратили вниманіе, что удаленіе періода глетчеровъ, можетъ быть, совпадаетъ съ опущеніемъ Сахары, которая прежде была плоскимъ морскимъ бассейномъ; такъ какъ распространеніе песчаной почвы въ сѣверной Африкѣ должно было произвести тѣ теплыя воздушныя теченія, которыя извѣстны намъ подъ именемъ фенъ (Föhns), и которыя не могли произойти во время существованія на мѣстѣ Сахары испаряющейся поверхности. И такъ, было время, когда Скандинавія да и вообще весь сѣверъ не имѣли тѣхъ теплыхъ воздушныхъ теченій, которыя теперь содѣйствуютъ ихъ согрѣванію и когда, слѣдовательно, не существовало такого исключительнаго нагрѣвающего фактора. Мы же знаемъ изъ подробныхъ изслѣдованій Сахары, по раковинамъ, найденнымъ въ ея пескѣ, что высыханіе моря Сахары должно совпадать съ временемъ отступленія сѣвернаго полярнаго моря, т. е. съ временемъ непосредственно предшествовавшимъ нынѣшнему очертанію земной поверхности.

Изслѣдованія Геера и другихъ фауны и флоры Мадеры, также какъ и изслѣдованія растений и животныхъ, погребенныхъ въ новѣйшихъ третичныхъ слояхъ, доказали съ величайшею вѣроятностью существованіе страны, соединявшей Азорскіе острова съ западнымъ берегомъ Португаліи, а Марокко съ южной частью Сѣверо-Американскаго материка, Флоридой. Выводъ, который приводитъ къ существованію этой Атлантиды, основывается преимущественно на сходствѣ и единствѣ ихъ флоръ и фаунъ съ сѣвероамериканскими при относительномъ различіи съ фауной и флорой средиземнаго моря и его окрестностей. Гольфстремъ и вообще все морское теченіе, которое несетъ отъ экватора и Мексиканскаго залива теплую воду къ западному берегу сѣверной Европы, конечно не могли существовать, какъ скоро поперечная земля соединяла Флориду и Европу. Если же выводы Геера вѣрны, то эта поперечная земля существовала до новѣйшаго третичнаго періода и, стало быть, до новѣйшаго времени не было Гольфстрема; и только во время ледянаго періода Норвегіи соединились южное и сѣверное моря, погруженіемъ въ море Атлантиды. Можно предполагать, что это возстановленіе Гольфстрема совпадало съ отступленіемъ моря отъ береговъ Норвегіи. Изъ этого видно, что всѣ результаты и выводы, добытые различными путями, сливаются въ одну полную картину. Высыханіе Сахары и

слияніе морей, вслѣдствіе погруженія Атлантиды, доставили двухъ факторовъ теплоты настоящаго норвежскаго климата и вѣроятно этимъ же событіямъ соотвѣтствуетъ отступленіе полярнаго моря, осушеніе страны между Балтійскимъ и Бѣлымъ морями и прорывъ Зундовъ между Ютландіей, датскими островами и скандинавскимъ материкомъ. Геттингенъ, кажется, не страна пророковъ!

Мы слышали—г. Сарториусъ собираетъ факты, чтобы безопасно убить ледяной періодъ въ странѣ его рожденія, въ Швейцаріи. Горе бѣдному червяку и его предкамъ!

II.

Вулканическія формаціи.

О в щ е в.

Когда глядишь на геологическую карту Европы, то сразу бросается въ глаза между огромными кристаллическими равнинами Норвегіи и Гренландіи группа вулканическихъ острововъ, центръ которой, примѣрно, обозначить Исландія. Вся Норвегія съ медвѣжьимъ островомъ и архипелагомъ Шпицбергенъ образована кристаллически-метаморфическими формаціями, на которыхъ мѣстами лежатъ небольшія ключья болѣе древнихъ осадочныхъ породъ, доходящія до каменно-угольной формаціи. На сѣвероамериканскомъ материкѣ повторяется то же явленіе: вся Гренландія, многочисленные острова сѣверо-западнаго прохода, весь материкъ, даже за Канаду, представляетъ тоже геологическое строеніе какъ и Скандинавскій полуостровъ. Группы Шетландскихъ и Орнейскихъ острововъ и вся Шотландія принадлежитъ къ тѣмъ же метаморфическимъ и кристаллическимъ породамъ. Такимъ образомъ можно бы ожидать, что дно лежащаго между ними океана образовано тѣми же породами и что отдѣльные острова, поднявшіеся изъ него, представляютъ какъ бы вершины погружившагося окристаллизованнаго материка. Большая часть Гебридъ или западныхъ острововъ въ самомъ дѣлѣ такова. Длинный островъ, какъ называютъ англичане крайнюю группу острововъ, большую часть которой составляетъ островъ Лэвисъ, дѣйствительно гранитный и гнейсовый рифъ, отдѣленный отъ материка Минскимъ каналомъ; но въ этотъ же каналъ двинулась между материкомъ и крайними островами вулканическая группа. Вулканическія породы развиты именно на островахъ Скайѣ, Моллѣ и маленькихъ сосѣднихъ островахъ; между которыми крошечный островокъ Стаффа знаменитъ по своей Фингаловой пещерѣ. Всѣ эти внутренніе Гебриды отличаются огромными залежами базальта, поколов-

шились на столбы и эта формація, повидному, продолжилась до сѣверо-запада Ирландіи, именно до графства Антрима, гдѣ известная Гигантская плотина представляетъ подобіе Фингаловой пещеры. Вездѣ въ этихъ мѣстностяхъ базальтъ появляется почти въ горизонтальныхъ покровахъ или слояхъ, толщина которыхъ доходить иногда до 100 фут. и которые обыкновенно прерываются конгломератами, шлаками, краснымъ туфомъ и глинами. Этотъ родъ формаціи обуславливаетъ большія ровныя плоскогорья, которыя спадаютъ къ морю крутыми уступами, такъ что часто только искусственныя крутыя дороги ведутъ вверхъ по отвѣснымъ стѣнамъ скалъ. Промежуточныя залежи шлаковъ и туфовъ между плотными слоями горной породы служатъ для гнѣздъ и кладки яицъ многочисленнымъ морскимъ птицамъ, которыя роютъ себѣ дыры большею частью въ землѣ. Представителями плотныхъ породъ являются совершенно плотный базальтъ, кристаллическій базальтъ, или же миндальный камень, котораго полости и скважины наполнены разными окристаллизованными минералами, преимущественно цеолитами, известковымъ шпатомъ и агатами. Всюду на поверхности отдѣльныхъ плотныхъ слоевъ видны на подобіе каната извивающіеся вздутія, шлаки и проч., что указываетъ на бывшіе потоки этого базальтоваго покрова; а на нѣкоторыхъ островахъ, именно на островѣ Моллѣ, ясно видно, что потоки текли изъ одного центра, направляясь къ сѣверу и сѣверо-западу, оставивъ между собою глубоко вѣзанныя бухты въ которыхъ отчасти еще видны наслоенія другихъ породъ.

Если взять среднюю ось упомянутыхъ формаціи, которыя лежатъ между 6 и 7 градусами долготы на западъ отъ Гринвича и продолжить эту ось, то она встрѣтитъ странную группу Феррерскихъ острововъ, которые образованы совершенно также. 25 острововъ (изъ нихъ 8 только обитаемы) образуютъ группу, состоящую исключительно изъ однихъ и тѣхъ же слоевъ базальта и долерита, пропластованныхъ различными глинами, разрушенными шлаками, золою и немногими полосами смолистаго каменнаго угля. Тотъ же бурый каменный уголь попадаетъ между такими же базальтовыми туфами въ Ирландіи и на Гебридахъ; даже, какъ мы увидимъ послѣ, и въ Исландіи, такъ что его можно разсматривать, какъ геологическій горизонтъ, имѣющій большое значеніе для опредѣленія древности этихъ базальтовъ. И здѣсь, на Феррерскихъ островахъ почти вездѣ образовались миндальные камни, переполненные всевозможными кристаллическими цеолитами, которые очевидно образовались послѣ охлажденія жидкихъ массъ лавы дѣйствіемъ воды на пористыя породы. Такимъ образомъ можно отнести Фереры къ тому періоду образованій и къ той эпохѣ дѣятельности, какъ и великобританскіе базальты.

Продолжая нашу осевую линію этихъ базальтовыхъ формаціи дальше на сѣверъ—она почти упрется въ Бееренбергъ, этотъ могучій вулканическій конусъ, составляющій сѣверовосточный конецъ острова Янъ Майенъ.

Основа острова Исландіи, какъ признають теперь всѣ геологи, занимавшіеся его изслѣдованіемъ, состоитъ изъ тѣхъ-же породъ траппа, базальта, долерита и миндалянаго камня, которые заняли пространство въ 1800 геогр. квадратныхъ миль и въ цѣломъ образовали плоскую возвышенность въ 2000 ф. средней высоты и которая разнообразится внутри глубоко прорытыми руслами рѣкъ; а вдоль береговъ извилистыми фьордами. И здѣсь тѣ же явленія, что на Ферерахъ и Гебридахъ: многочисленныя, другъ на другѣ лежащіе слои породъ, раздѣленные туфами, конгломератами и глинами; частыя жилы, которыя, поднимаясь изъ глубины, продолжаютъ въ горизонтально протекшихъ слояхъ; кристаллическія вкрапленія разнаго рода, которыя развиваются до могучей чечевицы известковаго шпата, доставляющей извѣстный двойной исландскій шпатъ; слои бурога каменнаго угля, содержащіе довольно значительное количество ископаемыхъ листьевъ и деревьевъ, указывающихъ на болѣе теплый климатъ; медленное, весьма постепенное пониженіе базальтовыхъ плоскогорій къ серединѣ, что замѣчено также и на Ферерахъ.

Тѣмъ не менѣе есть значительное различіе между Ферерами и Исландіей: группа первыхъ раздѣлена глубокими фьордами и проливами на большое число острововъ, а отдѣльные куски исландской базальтовой мозаики сплавлены новѣйшими вулканами, образуя широкій поясъ внутри страны.

Легко указать на первой картѣ Исландіи, даже не геологической, размѣры вулканическаго и базальтоваго поясовъ вдоль морскаго берега. Вездѣ, гдѣ контуры морскаго берега, обравуютъ глубоко-врѣзанные зубчатые фьорды, часто раздѣленные другъ отъ друга длинными косами и высокими хребтами; гдѣ берегъ спускается круто въ море, такъ что часто только во время отлива есть дорога по береговому хрящу, часто-же ея вовсе нѣтъ вдоль моря, — тамъ можно навѣрное сказать, что базальтъ и родственныя ему породы образуютъ берегъ. Тамъ-же, гдѣ, напротивъ, медленно и постепенно спускаются къ морю пространныя песчаныя отлогости, гдѣ длинныя, узкіе валы дюнъ, за которыми останавливаются и заворачиваютъ рѣки, отдѣляютъ мелкія лагуны отъ самаго моря, тамъ можно навѣрное разсчитывать, что новѣйшіе вулканы дошли до самаго берега. Если провести линію отъ мыса Рейкьянеса на югозападъ до мыса Ланганеса на сѣверо-востокъ Исландіи, то вся мѣстность, лежащая на сѣверѣ, исключительно образована базальтовыми потоками. На югѣ нельзя опредѣлять границу съ такою же точностью; но долина рѣки Лаугаффильота можетъ приблизительно замѣнить ее, такъ какъ всѣ фьорды восточной стороны, лежащіе между Беруфьордомъ и Боргарфьордомъ, принадлежатъ къ базальтовой формации. Такимъ образомъ новѣйшіе вулканы заключаются въ удлиннномъ трапецидѣ, который съ одной стороны на востокъ, достигаетъ своею болѣе короткою стороною моря, у Ваинафьорда; съ другой-же, имѣетъ сво-

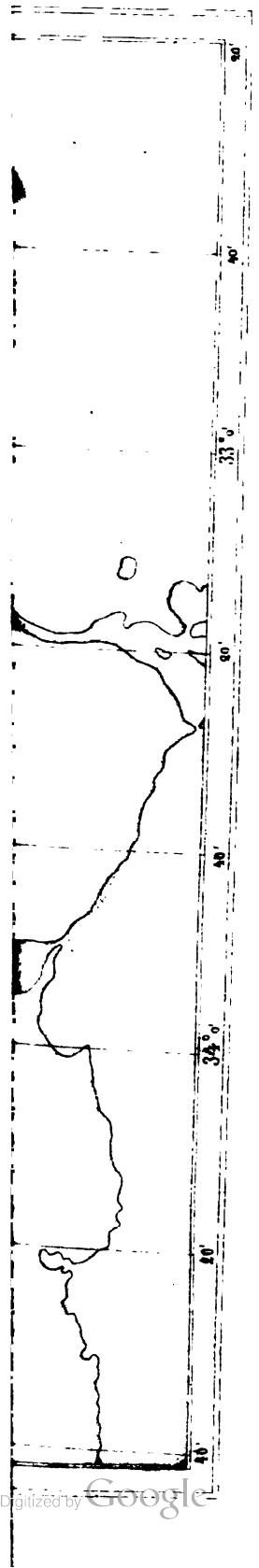
имъ основаніемъ весь южный берегъ отъ мыса Рейкьянеса до мыса Стоккнеса.

Но мы ошибемся, принимая, что новѣйшіе вулканы сплавили отдѣльныя базальтовые группы, только выполняя между ними срединную бухту. Очевидно въ самомъ началѣ существовало много отдѣльныхъ острововъ съ весьма неправильными границами, которые постепенно соединялись между собою поднятіемъ дна или выполненіемъ заливовъ, раздѣлявшихъ ихъ. Сѣверо-западный полуостровъ, столь похожій на руку, имѣющій свои центры въ двухъ могучихъ снѣжныхъ горахъ, Гламу—Іекулъ и Дронга — Іекулъ, въ мѣстѣ соединенія съ материкомъ такъ глубоко вдавленъ, что было бы достаточно малѣйшаго пониженія, чтобы подвести перешеекъ, едва въ 2 мили ширины, снова подъ уровень моря. Мысъ, такъ далеко на западъ выдавшійся въ море съ своимъ центромъ, горою Снефельсъ-іекулъ, составлялъ прежде, во всякомъ случаѣ, самостоятельный островъ, очень сходный по формѣ съ островомъ Янъ Майенъ по своему гигантскому конусу на одномъ концѣ и длиннымъ, прямолинейнымъ лавовымъ потокомъ на востокъ, хотя здѣсь и конусъ и потокъ имѣютъ прямо противоположное направленіе. Болѣе точное изслѣдованіе вѣроятно доказало бы, что многія длинныя косы, ушедшія въ море на подобіе реберъ на сѣверъ и на востокъ, были первоначально отдѣльными островами, которые соединялись только послѣдовательными потоками базальта. Выраженіе—что основа острова Исландіи есть древнѣйшая базальтовая мозаика, составленная изъ отдѣльныхъ кусковъ, которые частью сплывались позднѣйшими вулканическими изверженіями, частью покрылись ими—имѣло бы свое основаніе. Уже давно обращено вниманіе, что внутри вулканическаго пояса, который какъ сказано соединилъ въ одно цѣлое базальтовую основу Исландіи, обнаруживается сѣверо-восточное направленіе разсѣлинъ; особенно это замѣтно въ окрестностяхъ Регли и во многихъ другихъ окрестностяхъ еще дѣйствующихъ вулкановъ. Если продолжить это направленіе на сѣверъ, то оно совпадетъ съ продольнымъ направленіемъ острова Янъ Майена, пересѣкая на самомъ Бееренбергѣ линію, проведенную отъ Гебридскихъ острововъ. Нельзя не согласиться, что это совпаденіе представляетъ нѣчто замѣчательное и что подобное очертаніе всей вулканической группы сѣверо-запада Европы показываетъ нѣкоторое взаимное соотношеніе частей указываетъ на одну общую причину, дѣйствовавшую втеченіе долгаго времени. Уединенный Бееренбергъ на Янъ Майенѣ, представляющій какъ-бы крайнюю сѣверную точку длинной трещины, которая въ Исландіи имѣетъ свой южный конецъ, представляетъ въ то-же время и наибольшее напряженіе вулканической силы на всемъ протяженіи, такъ какъ онъ превышаетъ на нѣсколько сотъ футъ самый высокій изъ исландскихъ вулкановъ—Орфа-Іекулъ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
1300 EAST 58TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637

и

А
Б
В
Г
Д
Е
Ж
З
И
Й
К
Л
М
Н
О
П
Р
С
Т
У
Ф
Х
Ц
Ч
Ш
Щ
Ъ
Ы
Ь
Э
Ю
Я

А. ИСЛАНДІЯ.

Мы только что назвали базальтовой основу, из которой состоит большая часть массы острова Исландіи. Этимъ словомъ мы обозначили общую природу сплавленныхъ породъ, образующихъ эту основу, но не хотѣли обозначить отдѣльныхъ примѣсей, которыя непременно находятся въ породахъ, столь распространенныхъ и собранныхъ въ такихъ громадныхъ массахъ. По всеобщему соглашенію можно обозначить базальтовыми всѣ тѣ вулканическія породы, которыя можно разсматривать относительно кремнія какъ нейтральные или основные силикаты или выражаясь минералогически состоящія главнымъ образомъ изъ соединенія известковаго полеваго шпата (лабрадоръ или анортитъ) съ авгитомъ (нироксенъ), разлагаемаго при нагрѣваніи концентрированными кислотами. Удѣльный вѣсъ этихъ соединеній, — представляющихъ то однородно сплавленную основную массу (собственно базальтъ), то кристаллически-зернистый составъ (долеритъ), то чрезвычайно легкозернистое соединеніе (анамезитъ или трапшъ), то крупноклѣтчатую, пузырчатую массу (миндальный камень), — вообще значительнѣе вѣса вулканическихъ породъ, въ которыхъ кремнеземъ встрѣчается въ болѣе значительныхъ пропорціяхъ, такъ что вообще можно сказать, что силикаты тѣмъ легче, чѣмъ больше содержитъ кремнезема.

При разсматриваніи вулканическихъ породъ вообще не надо упускать изъ виду, что онѣ образуются на известной глубинѣ подъ поверхностью плотной земной коры при посредствѣ еще неизвѣстныхъ намъ химическихъ реакцій, въ которыхъ морская вода, вѣроятно, играетъ значительную роль. Всѣ еще нынѣ дѣйствующіе вулканы земнаго шара лежатъ такъ близко отъ морей или соляныхъ озеръ, что подземное сообщеніе этихъ бассейновъ съ вулканическими очагомъ считается не только возможнымъ, но даже вѣроятнымъ. Поднимающая сила, дѣйствующая въ вулканахъ и обуславливающая изверженіе шлаковъ и лавы, заключается въ упругости нагрѣтыхъ водяныхъ паровъ, прорывающихъ себѣ свободный выходъ въ расплавленной массѣ скалъ. Хлористыя соединенія, хлористые металлы, солянокислые пары имѣютъ большое значеніе при всѣхъ вулканическихъ изверженіяхъ и при вывѣтриваніи охлаждающихся лавъ; всѣ эти явленія указываютъ на присутствіе жидкостей, содержащихъ поваренную соль; словомъ, на присутствіе морской воды. Если это такъ, то съ другой стороны можно принять, что образование базальтовыхъ породъ обусловлено главнымъ образомъ воздѣйствіемъ породъ содержащихъ известь, т. е. на осадочныя породы, такъ какъ содержаніе извести во всѣхъ полевыхъ шпатахъ, встрѣчающихся въ этихъ осадочныхъ породахъ, составляетъ во всякомъ случаѣ значи-

тельную долю, которая имѣетъ не маловажное значеніе и при процессахъ разложенія.

Эти послѣдніе процессы конечно очень значительны. Всѣ безъ исключенія базальтовые породы содержатъ въ состояніи закиси большое количество желѣза, что придаетъ всей массѣ породы темный, бутылочно-зеленый или черный цвѣтъ. Частью это желѣзо принадлежитъ авгиту, частью же во всѣхъ базальтовыхъ породахъ встрѣчается въ большомъ количествѣ магнитный желѣзнякъ, который можно легко извлечь магнитомъ истолокши породу въ порошокъ и это можетъ быть уже представляеть первую степень разложенія.

Но разложеніе идетъ дальше. Сырая атмосфера, всегда содержащая углекислоту, дѣйствуетъ какъ слабая кислота на известковый полевои шпатъ: изъ своего соединенія съ кремневою кислотой известь выдѣляется въ видѣ углекислой извести, уносится просачивающейся водою и отлагается частью въ самой основной массѣ въ чрезвычайно раздробленномъ состояніи, частью отлагается въ промежуткахъ друзъ въ окристаллованномъ видѣ. Самый древній базальтъ Исландіи, Ферерскихъ и Гебридскихъ острововъ шипитъ въ соляной кислотѣ; въ друзахъ вездѣ находятъ окристаллованный полевои шпатъ, часто съ цеолитами, иногда же только подлѣ нихъ. Вездѣ тутъ же встрѣчается и свободный кремнеземъ, впрочемъ—на сколько извѣстно—никогда не окристаллованный въ видѣ горнаго хрустала, но только въ видѣ яшмы, агата или халцедона, т. е. въ такихъ формахъ, которыя соотвѣтствуютъ кремнезему, выдѣлившемуся изъ своихъ соединеній въ студенистомъ видѣ.

Какъ извѣстно, цеолиты, силикаты содержащіе воду, которые очевидно въ большей части случаевъ образовались изъ полевого шпата базальтовой основной массы. Мы не будемъ изслѣдовать обуславливаетъ ли покрытіе лавы моремъ и ея теченіе подъ водою—непремѣнное образованіе цеолитовъ, какъ утверждали въ новѣйшее время, но желали бы обратить вниманіе на то, что во многихъ мѣстностяхъ, чрезвычайно богатыхъ цеолитами—какъ наприм. Аннароде и Шиффенбергъ близъ Гиссена—нечего и думать о покрытіи морской водою базальтовыхъ потоковъ. Не будемъ говорить и объ образованіи цеолитовъ при высокой температурѣ и такомъ же давленіи, хотя изслѣдованія Добри (Daubree) у источниковъ Виши показываютъ возможность такого образованія. Мы видимъ, что цеолиты появляются въ базальтовыхъ лавахъ только тогда когда совершенно прекратилось всякое дѣйствіе высокой температуры и нагрѣтыхъ водяныхъ паровъ.

Поэтому цеолиты, известковый шпатъ и халцедонъ, какъ кажется, и есть тѣ члены разложенія, которые идутъ за образованіемъ магнитнаго желѣзняка, который вообще можно разсматривать какъ продуктъ разложенія. Естественно, что это разложеніе идетъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ пористѣе, пузыристѣе основная масса породы, и право нѣтъ надобно-

сти призывать ужаснаго давления на днѣ моря и т. под., чтобы вода проникла во всѣ трещины и полости породъ.

Но разложеніе идетъ дальше. Одни слои, какъ кажется, болѣе склонны къ этому чѣмъ другіе, именно: древніе туфы и конгломераты превращаются при продолжающемся окисленіи желѣза въ голубую и красную глину, въ болѣе и т. д. Часто встрѣчаются такіа разложившіяся землистыя массы, въ которыхъ только по отдѣльнымъ комкамъ и кристалламъ можно заключить о породѣ, изъ которой они произошли. Большею частью эти глины сносятся въ глубину долинъ и образуютъ тамъ тѣ непроницаемыя для воды слои, на которыхъ лежатъ исландскія торфяныя болота.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что могучіе слои, составляющіе базальтовую формацію Исландіи, были расплавлены. Хотя, кажется, г-нъ докторъ Винклеръ изъ горной Баваріи, который спустился съ своей альпійской родины и ѣздилъ на сѣверный островъ, держится другаго взгляда относительно происхожденія базальта. Закрученныя, на подобіе веревки, вздутія, шлаковыя образованія и жилы, которыя всюду пересѣкаютъ слои и переходя въ горизонтальныя слои расходятся въ видѣ покрова положеніе столбовъ, на которые поколоса остывавшій базальтъ и которое отвѣсно въ горизонтальныхъ покровахъ и горизонтально въ отвѣсныхъ жилахъ, т. е. всегда подъ прямымъ угломъ къ охлаждающейся поверхности — всѣ эти явленія доказываютъ ясно, что мы имѣемъ дѣло съ расплавленными породами. На жилахъ замѣчается тоже что и на теперешнихъ вулканахъ, гдѣ въ отвердѣвшую лаву проникли другія лавовыя жилы. Положеніе этихъ слоевъ нисколько не измѣнилось вблизи ходовъ. При изверженіи лавы, образовавшей такіа жилы растрескались отвердѣвшіе слои и лава вытекла, но извергающая масса не была въ состояніи приподнять слои вблизи жилъ.

Можно опредѣлять возрастъ вулканическихъ породъ главнымъ образомъ по дѣйствию, какое онѣ имѣли на осадочныя породы. Въ Исландіи мы вовсе лишены этой помощи, ибо нигдѣ нѣтъ даже и слѣда наслоенной осадочной породы за исключеніемъ тѣхъ туфовъ, которые выкинуты въ видѣ золы изъ вулкановъ въ море и осѣли на его днѣ. Такъ какъ раковины, встрѣчающіяся въ этихъ туфахъ, попадаютъ и теперь вблизи Исландіи, то надо отнести преобразование и наслоеніе этихъ туфовъ къ сравнительно новѣйшему геологическому періоду.

Но къ счастью въ прослойкѣ базальтовыхъ слоевъ бурнымъ углемъ, который встрѣчается на Гебридахъ, въ Исполиновой Плотнои и въ Исландіи и въ находящихся въ этомъ углѣ растительныхъ остаткахъ мы имѣемъ настоящій хронометръ, какъ бы медаль эпохи, когда образовались базальтовые потоки, переслоенные бурнымъ углемъ. Сарториусъ фонъ-Вальтерсгаузенъ описываетъ слѣд. образ. эти пласты, которые мы не могли изслѣдовать сами:

«Всѣ эти пласты ископаемаго дерева встрѣчаются у моря и на незначительной высотѣ надъ нимъ; они сопровождають узкими полосами тѣ круглыя террасы, обращенныя уступами къ морю, которыя такъ рѣзко характеризуютъ исландскія горы. Первый пластъ бурого угля, который я имѣлъ случай подробно изслѣдовать, находится на берегу между Гузовикомъ и Галльбарнастадръ-Камбуромъ на сѣверо-восточномъ берегу острова непосредственно надъ пластомъ туфа, который содержитъ въ себѣ безчисленныя, великолѣпныя третичныя конхлиіи (?), наполненныя желтобурыми кристаллами известковаго шпата. Бурый уголь отложился здѣсь слоемъ не толще пяди, который можно прослѣдить на небольшомъ разстояніи и который походитъ своимъ вѣдшимъ видомъ на ископаемыя деревья нашихъ сѣверо-германскихъ слоевъ бурого угля. Буча погибшихъ деревьевъ, сплюсненныя вѣтви и даже цѣлыя стволы попадаютъ здѣсь мѣстами. Въ слояхъ, лежащихъ глубже, непосредственно надъ уровнемъ моря попадаютъ вмѣсто бурого угля дерева, совершенно превращенныя въ известковый шпатель; кора и годовыя кольца видны чрезвычайно отчетливо.

«Весьма поучительно для геологіи этой страны, хотя и бесполезно для ея жителей, нахождение бурого угля на берегу моря, въ мѣстности называемой Раудубергъ Литла То, недалеко отъ Скегггастадра, между Рауфаргавномъ и Вапнафьордомъ.

«Здѣсь виденъ горизонтально наслоенный пластъ туфа, заключающій на различной высотѣ два слоя бурого угля, изъ которыхъ нижній прерывается отчасти приподнятой трапповой жилой. Между обоими слоями угля прошла отъ этой жилы горизонтальная боковая вѣтвь того же траппа. Хотя нельзя прослѣдить ближайшаго прикосновенія жилы съ бурымъ каменнымъ углемъ, все же замѣтно, что послѣдній на незначительномъ разстояніи отъ приподнятой трапповой породы превратился въ чудноблестящій антрацитъ, который употребляется въ кузні на близъ лежащемъ крестьянскомъ хуторѣ.

«И на южномъ берегу Вапнафьорда я видѣлъ бурый уголь въ подводныхъ образованіяхъ; въ непосредственно окружающихъ его туфахъ заключаются полосатые стебли каламитовъ съ ясными узлами, раздѣляющими колѣна стеблей. Остатки этихъ растений указываютъ на то, что, гдѣ поднимается теперь крутой скалистый берегъ, нѣкогда былъ уровень моря или немного выше его стояли болота и топи, покрытыя въ позднѣйшее время вулканическими изверженіями.

«Безъ сомнѣнія многія мѣстности въ которыхъ начинала развиваться растительность бурого угля, образовались сначала надъ моремъ и потомъ покрылись туфами, которые приняли подводный характеръ. Такъ какъ теперь онѣ лежатъ снова надъ моремъ, то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что почва въ такихъ частяхъ Исландіи подвергалась очень сильнымъ вѣковымъ колебаніямъ, пониженіямъ и поднятіямъ; явленіе ш-

сколько не удивительное на совершенно вулканическомъ островѣ, такъ такъ какъ оно замѣчено не разъ въ болѣе древнихъ и преимущественно въ третичныхъ формацияхъ другихъ странъ.

Профессоръ Стенструпъ изъ Копенгагена, путешествовавшій по Исландіи въ 1837 и 1838 годахъ, собралъ много ископаемыхъ растений въ буромъ углѣ и высказалъ на основаніи своихъ изслѣдованій, что эти пласты бурога каменнаго угля — лѣса, деревья которыхъ ближе всего подходятъ къ деревьямъ тропической Америки. Г. Сарторіусъ фонъ-Вальтерсгаузенъ, у котораго подводныя идеи вообще играютъ большую роль, думаетъ, что это возможно; но что пласты, изслѣдованные имъ въ сѣверной и восточной частяхъ острова принадлежать къ подводнымъ образованіямъ. Но такъ какъ кленъ, виноградникъ, тюльпанное дерево и ель врядъ ли растутъ подъ водой, то скорѣе можно предположить, что г. Сарторіусъ ошибся въ опредѣленіи того характера, который, по его мнѣнію, свойственъ только подводнымъ туфамъ.

Какъ бы ни было, всѣ растенія, собранныя Стенструпомъ и докт. Винклеромъ, были предъявлены г. Освальду Гееру въ Цюрихѣ, большому знатоку третичной флоры. Онъ изложилъ результаты своихъ изысканій въ книгѣ «*Untersuchungen über das Klima und die Vegetation des tertiärlandes*». (Изслѣдованіе о климатѣ и растительности третичныхъ формаций). Между 37 видами, которые были у него во множествѣ экземпляровъ, онъ нашелъ возможнымъ вполне опредѣлить 31 родъ и между ними конечно, растущіе на листьяхъ, маленькіе губки и одинъ видъ хвоща. Хвойныхъ деревъ было всего больше; между ними была *Sequoia*—родственный ей породы и теперь растутъ въ Калифорніи вблизи моря; три красныхъ сосны, двѣ пихты и двѣ сосны; всѣ онѣ очень походили на формы, растущія теперь въ сѣверной Америкѣ. Односѣмянодольныя очень немногочисленны: одинъ злакъ, одна осока и одна кувшинка—вотъ и все, что найдено до сихъ поръ; многочисленныя же двусѣмянодольныя, деревья и кустарники, дѣлятся на 13 семействъ: 3 березы, одинъ видъ ольхи, только одна ива, одно орѣховое дерево, одинъ дубъ, одинъ великолѣпный вязъ, одинъ платанъ, свойственная только Исландіи порода домбей, похожая на липо-листное фиговое дерево, одинъ великолѣпный кленъ съ большими плодами и лапчатыми листьями, одна порода виноградника, одно тюльпановое дерево, одно орѣховое дерево одинъ *Rhamnus* и одинъ *Rhus* образуютъ эту лѣсную флору, въ которой нашли стволы, имѣющіе на 30 футъ отъ корня все еще отъ 1½ до 2 ф. въ поперечникѣ; стало быть флора представляла великолѣпныя деревья. Многія растенія встрѣчаются и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ есть такія же залежи бурога угля третичнаго періода, наприм. въ Швейцаріи, въ Оверни, въ Силезіи. Американскій характеръ всѣхъ этихъ растеній выступаетъ очень ясно, какъ и вообще въ европейской третичной формации и даже такія дерева, какъ береза, дубъ, кленъ и др., ко-

торы и теперь ииѣютъ представителей въ европейской флорѣ, замѣнены въ исландскомъ буромъ углѣ породами, которыя болѣе всего приближаются сѣверо-американскимъ видамъ того же рода.

Далѣе эта флора показываетъ, что здѣсь встрѣчаются только растенія, которыя хорошо могутъ расти въ умѣренномъ климатѣ съ средней температурой въ + 9 по Ц. Вѣчно зеленныя растенія, принадлежащія тропическому и ближайшему къ нему климату и встрѣчающіяся въ подобныхъ же слояхъ бурога каменнаго угля Швейцаріи и другихъ средне-европейскихъ мѣстностяхъ: пальма Карликъ, камфорное и лавровое дерева вовсе не встрѣчаются въ исландской флорѣ. Тюльпанное и орѣховое дерево, виноградникъ и Sequoia, принадлежащія къ самымъ южнымъ породамъ исландской третичной флоры, великолѣпно произрастаютъ при средней годичной температурѣ въ 9 град., соответствующей примѣрно температурѣ Швейцаріи. Неудивительно стало быть, если въ такомъ климатѣ пышно росли большіе лѣса, а съ другой именно это отсутствіе трофическихъ формъ въ Исландіи и ихъ присутствіе въ средней Европѣ, гдѣ теперь ихъ нѣтъ, доказываетъ, что въ третичный періодъ было такое же пониженіе температуры къ сѣверу, какое существуетъ и теперь, хотя въ то время во всей Европѣ средняя годичная температура была на 9 или 10 гр. выше нынѣшней.

Для опредѣленія геологической эпохи, когда росли эти лѣса въ Исландіи, совершенно достаточно растеній, найденныхъ въ буромъ углѣ. Это было время средней третичной почвы, во время такъ называемой миоценовой эпохи; потому что найденные виды совершенно соответствуютъ находимымъ въ нижнихъ формаціяхъ бурога каменнаго угля въ лѣсахъ Швейцаріи у Лозанны также какъ формаціямъ Германіи и Веттерау, именно у Зальцгаузена, Мюнценберга и Фульды. Профессоръ Гееръ замѣчаетъ правда, что одна мѣстность, Гредаватъ, могла бы принадлежать можетъ быть древнѣйшей эпохѣ, именно верхнему Лесу Енингена; но кажется число найденныхъ тамъ породъ еще недостаточно, чтобы основать на немъ это различіе. Но такъ какъ эта мѣстность лежитъ на значительной высотѣ надъ моремъ, а потому принадлежитъ весьма вѣроятно къ болѣе свѣжему потоку базальта, чѣмъ остальные, находящіеся не высоко надъ моремъ, то это предположеніе можетъ имѣть еще вторую вѣроятность. По крайней мѣрѣ ничто не пренятствуетъ предположить, что изверженія базальта, покрывшія всѣ пласты бурога угля, продолжались во все время, пока швейцарскій бассейнъ между Альпами и Юрой наполнялся осадками, принадлежащими къ различнымъ ярусамъ Леса (Molasse). Если бы позднѣйшія изслѣдованія дѣйствительно доказали такое различіе въ возрастѣ различныхъ пластовъ бурога угля, то это подтвердило бы только предположеніе, что различныя изверженія базальта, составляющія основу Исландіи, происходили впродолженіе чрезвычайно долгаго времени, въ теченіе котораго въ Швейцаріи отложился рядъ слоевъ, достигшихъ толщины больше 6000 ф.

Всѣ слои бураго угля покоятся на базальтовыхъ туфахъ, на базальтовыхъ потокахъ лавы; всѣ они залиты такими же туфами, такими же слоями. Итакъ, подлежитъ никакому сомнѣнiю, что лѣса Исландiи росли въ промежутки изверженiй базальтовой лавы. Эти промежутки должны были быть настолько продолжительны, чтобы допустить вывѣтриванiе туфовъ и ихъ превращенiе въ черноземъ, въ которомъ лѣсъ могъ пустить корни. Весь же рядъ изверженiй и промежутковъ непремѣнно заключается въ среднемъ третичномъ періодѣ.

Изъ этихъ простыхъ фактовъ вытекаетъ, какъ неосновательно съ одной стороны приписывать эти пространныя прослойки въ Исландiи наноснымъ деревьямъ или съ другой стороны относить къ этимъ остаткамъ мифическія саги и древнія хроники, которыя говорятъ о пространныхъ лѣсахъ Исландiи. Если знаешь, что исландцы обозначаютъ громкимъ названiемъ лѣса несчастные березовые кусты, ползущіе по землѣ; если знаешь также, что названiя: «ледяная страна» (Исландiя) «и снѣжная страна» были даны пустынному, безплодному острову еще первыми, норвежскими выходцами, уже привыкшими къ сѣверной природѣ, то легко понять, что эти выходцы нашли на островѣ только нынѣшнюю флору кустарниковъ, стволы которыхъ конечно имѣли довольно времени сдѣлаться старше и толще нынѣшнихъ; но что флора третичнаго періода, отдаленная безконечнымъ временемъ, исчезла прежде и для этихъ первыхъ поселенцевъ была уже погребена, не оставивъ наслѣдниковъ.

Возвратимся къ нашему предмету. Мы доказали растительностью бураго угля, что базальтовая основа Исландiи образовалась въ среднемъ третичномъ періодѣ и вѣроятно постепенно воздвигалась въ продолженiе того періода. Слѣдующее за тѣмъ время можно также объяснить помощію фактовъ, хотя и съ большею трудностью.

Во многихъ мѣстахъ острова, которыя докторъ Циркель *) обозначилъ съ большою точностью, встрѣчаются частью отдѣльныя жили, частью вершины или горы преимущественно трахитовыхъ породъ; т. е. такихъ, которыя содержатъ въ своемъ составѣ кислые силикаты съ избыткомъ кремнезема, часто даже содержащихъ совершенно чистый кварцъ и полевой шпатъ, насыщенный натромъ, санидинъ или олигоккоглазъ. Часто въ этихъ породахъ встрѣчается даже совершенно свободный кварцъ, который образовался не разложенiемъ, какъ въ базальтахъ, но, кажется, содержится въ первичномъ составѣ породы. Ихъ цвѣтъ при меньшемъ количествѣ авгита и желѣза большею частью гораздо свѣтлѣе базальтовъ; удѣльный вѣсъ легче и сама порода часто

*) Въ превосходной книгѣ: Reise nach Island im Sommer 1860. Von William Preyer und Dr. Ferdinand Zirkel. Leipzig. bei Brockhaus. 1862. (Путешествіе во Исландiю лѣтомъ 1860 года Вильяма Прейера и д-ра Фердинанда Циркеля Лейпцигъ 1862 г.)

раскола не только столбами, но и на тонкія слоистыя пластинки. Цеолиты встрѣчаются гораздо рѣже въ этихъ трахитахъ, которые мѣстами сплавилась въ настоящій, стекловидный смолистый камень (пичить). Мы не можемъ не упомянуть, что въ семействѣ трахитовъ, подобно базальтамъ, можно различить извѣстный рядъ горнокаменныхъ породъ, по постепенно уменьшающемуся содержанию кремнезема и что такимъ образомъ они образуютъ переходъ и къ семейству базальтовъ. Дѣйствительно г. Циркель располагаетъ въ таблицѣ всѣ относящіяся сюда вулканическія породы, которыя, повидимому, удовлетворяютъ теоретически всѣмъ возможнымъ гипотезамъ; но при случаѣ было бы довольно трудно помѣстить правильно ту или другую породу на указанное ей мѣсто:

I. Семейство трахитовъ съ кислымъ щелочнымъ полевымъ шпатомъ:

- 1) Трахитъ содержащій кварцъ, ріолитъ: кварцъ и сандинъ.
- 2) Трахитъ: сандинъ или сандинъ съ олигоклазомъ.
- 3) Андезитъ: олигоглазъ.

посредствующій членъ: трахидолеритъ: олигоглазъ и лабрадоръ:

II. Семейство базальтовъ съ основнымъ известковымъ полевымъ шпатомъ:

- 1) Базальтъ: лабрадоръ.
- 2) Анортитовая порода.

Бонечное разложеніе, какое испытываетъ трахитъ, изучается удобнѣе всего у источника большаго Гейзера. Лаугарфьалль, у подошвы котораго горячая вода выбиваетъ наружу, состоитъ изъ желтовато-сѣраго трахита, который поколосъ на неправильные куски, покрытъ снаружи буровато зеленой окисленной корой и даетъ постоянный матеріалъ для продуктовъ разложенія. Горячая вода насыщается кремнеземомъ, который и осаждаеть потомъ въ видѣ кремневаго осадка; на днѣ остаются тяжелыя, пластическія глины огненно-краснаго, желтаго или сѣро-голубаго цвѣта, смотря по степени окисленія содержащагося въ нихъ желѣза и марганца; а сѣрдистые металлы, желѣзный колчеданъ, отлагаются въ глинахъ въ видѣ зеренъ.

Трахитовыя жилы большею частью пересѣкаютъ базальтъ, который прорывается ими; но массы трахита нигдѣ не простираются подобно базальтамъ длинными, первоначально почти горизонтальными покровами, а образуютъ не ограничиваясь одними жилами, массивныя груды, стремнистыя крутизны и всякія пирамиды, между коими Баула въ 3000 футъ вышины самая высокая. Впрочемъ попадаются мѣста, гдѣ базальтовыя породы пересѣкаютъ груды въ видѣ жилъ; но это исключенія и проникновеніе базальта трахитомъ гораздо чаще.

Если мы сопоставимъ эти факты, то придемъ къ заключенію, что трахитовыя изверженія начались въ концѣ базальтоваго періода, что

большая ихъ часть служила какъ бы продолженіемъ базальтовыхъ изверженій; но что нельзя указать рѣзкой границы между базальтовой и трахитовой эпохами, что, напротивъ, въ концѣ первой и въ началѣ послѣдней изверженія той и другой породы происходили одновременно. Такъ какъ первоначально въ трахитовыхъ породахъ почти нѣтъ извести, а если и попадаетъ, то, повидимому, занесена извнѣ; такъ какъ кремнеземъ находится въ нихъ въ большомъ количествѣ, то можно бы прійти къ заключенію, что трахитовыя породы произошли преимущественно отъ подземной обработки сланцевъ и кристаллическихъ породъ, а базальты могутъ быть обязаны своимъ происхожденіемъ отложившейся извести. Но, какъ мы послѣ увидимъ, между новѣйшими лавами, время появленія которыхъ засвидѣтельствовано исторіею, встрѣчаются лавы и съ болѣе окисленнымъ, т. е. трахитовымъ, и съ болѣе основнымъ, т. е. базальтовымъ содержимымъ хотя и выливаются изъ одного и того-же жерла, такъ что вѣроятно вулканическій очагъ захватываетъ на глубинѣ, въ различное время и при различныхъ изверженіяхъ, различныя области, переработка которыхъ и дала различный составъ лавы.

Прежде думали, что преимущественно трахитъ составляетъ широкій внутренній поясъ острова, сплавившій базальтовую мозаику; но новѣйшія изслѣдованія доказали, что онъ игралъ весьма незначительную роль въ построеніи Исландіи, что онъ проникъ только въ отдѣльные мѣстные прорывы и именно въ трещины, вблизи которыхъ нигдѣ не приподняты прорванные базальтовые слои. Справедливо обращаютъ вниманіе на то, что вблизи Баулы горизонтальные базальтовые слои, расколотые на вертикальные столбы, ни мало не потревожены въ своемъ положеніи — доказательство, что базальтовые слои только прорваны, но не подняты трахитомъ, проникшимъ въ трещины.

Обратили вниманіе на то, что многія главнѣйшія трахитовыя изверженія западной части острова лежатъ на прямой линіи, которую можно провести черезъ горы Баула и Лаугарфьеллы къ Гейзиру и что многія жилы и груды, лежація внѣ этой линіи, идущей отъ юговостока къ сѣверо-западу и пересѣкающей подъ прямымъ угломъ главное направленіе новѣйшихъ вулкановъ, по крайней мѣрѣ окрестность Геалы, параллельны ей. И такъ можно принять, что главнѣйшія трахитовыя изверженія прошли по системѣ трещинъ, имѣвшей указанное направленіе, хотя нѣкоторые пункты на сѣверѣ острова, гдѣ также попадаетъ трахитъ едва ли совпали бы съ этимъ главнымъ направленіемъ трахита. Но если бы мы захотѣли для каждаго базальтоваго хребта, для каждой рѣчной долины принять особое направленіе поднятія, какъ это сдѣлали нѣкоторые французскіе геологи, то мы насчитали-бы столько-же линій поднятія въ Исландіи, сколько ихъ есть на картушкѣ или сколько градусовъ въ кругѣ горизонта.

Формация новѣйшихъ исландскихъ вулкановъ, которые, какъ уже замѣчено, проходятъ широкой полосой по срединѣ острова и достигаютъ моря какъ у южнаго берега такъ и у сѣверовосточнаго, отличается главнымъ образомъ необычайнымъ богатствомъ туфовъ и громадной величиной лавовыхъ потоковъ, которые, повидимому, нисколько не соответствуютъ объему кратеровъ, изъ которыхъ вытекли. Въ самомъ дѣлѣ всѣ геологическіе учебники говорятъ, что самыя большіе, изъ извѣстныхъ намъ лавовыхъ потоковъ новѣйшаго времени, пролились въ Исландіи, и въ самомъ дѣлѣ при путешествіи внутрь страны съ перваго же взгляда убѣждаешься, что почва между потоками также какъ и длинныя горныя хребты и конусообразныя груды образованы туфами на всемъ поясѣ между Рейвьявикомъ Гузавикомъ и Вапнафьордомъ. Поэтому можно принять, что плоскостное протяженіе туфовъ и лавовыхъ потоковъ равно; но, если взять объемы, навѣрное перетянуть туфы, образующія цѣлыя горы въ нѣсколько тысячъ футъ вышины, тогда какъ потоки лавы представляютъ только ровно разлитыя покровы, толсто прослоенныя опять таки туфами. Всѣ рассказы объ изверженіяхъ, бывшихъ въ историческое время также свидѣтельствуютъ о страшномъ количествѣ золы, падавшей при каждомъ изверженіи не только на самозъ островъ, но и на сосѣднихъ земляхъ.

Между этими туфами такъ называемый палагонитъ, найденный г. Сарторіусомъ фонъ Вальтерсгаузеномъ наперво въ Сициліи, привлекъ тѣмъ большее вниманіе, что его происхожденіе подало поводъ къ спору между Сарторіусомъ и Бунзенемъ. Знаменитый химикъ доказывалъ, что можно приготовить палагонитъ, вводя промытый базальтовый порошокъ въ кипящую калиевую щелочь; а Сарторіусъ изъ наслоенія, положенія и содержимыхъ палагонита выводилъ, что это туфъ, наслоенный подъ морскою водою и происшедшій отъ дѣйствія морской воды на мелко раздробленную базальтовую массу. Истина вѣроятнѣе на сторонѣ Сарторіуса, но дальнѣйшія изслѣдованія вѣроятно приведутъ къ тому, что нельзя совершенно отвергать и предположеній Бунзена.

Самый чистый палагонитъ находится на полѣ дня пути отъ Рейкявика, въ нижнемъ Сельядалѣ, гдѣ ручей прорѣзалъ почву на значительную глубину. Сарторіусъ описалъ такъ подробно наслоеніе этой смолянобурой, похожей на канифоль, породы, что нечего прибавить къ его описанію. Тамъ можно собрать въ нѣсколько минутъ центнеры чистаго матеріала и убѣдиться, что онъ уже снова разлагается отъ дѣйствія атмосферы, такъ какъ всюду покрытъ трещинами, на внутреннихъ поверхностяхъ которыхъ вывѣтрились частью углекислая известь, частью же цеолитовыя минералы. Ознакомившись въ эту поѣздку съ типомъ чистаго палагонита, тотчасъ же узнаешь его всюду въ туфовыхъ горахъ, гдѣ его зерна большею частью помѣщаются то въ кусочкахъ лавы, то въ дальнѣйшихъ продуктахъ разложенія, образующихъ глинистый цементъ. Большія

глыбы, даже жилы базальтовой лавы находятся посреди туфов палагонита и доказываютъ, что образованіе этихъ лавъ и туфа происходило въ одинъ и тотъ же періодъ.

Палагонитъ легко разлагается на холодѣ посредствомъ умѣренно сконцентрированной соляной кислоты; глина-же не чувствительна къ этому реактиву. Такимъ образомъ вездѣ легко отдѣлится палагонитъ отъ глины, лавы, полевого шпата, авгита и зеренъ зидеромелана или тахилита, которые почти всегда сопровождаютъ его.

Во многихъ мѣстахъ глинистое разложение дошло до того, что палагонитъ составляетъ меньшую половину породы, а большая часть состоитъ изъ сѣро-желтой глины. Вдоль морскаго берега это замѣчается во всѣхъ слоистыхъ туфахъ, содержащихъ окаменѣлости, какъ наприм. у Фосфогра. По показанію Сарторіуса палагонитовый туфъ Милителло у Этны, заключающій въ себѣ окаменѣлости, содержитъ тоже большое количество глины, изъ которой надо вынимать зерна.

Чистый палагонитъ Сельядала не содержитъ и слѣда окаменѣлостей. Правда, Сарторіусъ говоритъ въ одномъ примѣчаніи: «по предложенію профессора Бузена г. Экгардъ нашелъ нѣсколько видовъ окаменѣлыхъ инфузорій въ палагонитахъ Сельядала и надо ждать, что тщательное изслѣдованіе исландскихъ туфовъ въ другихъ мѣстностяхъ дастъ подобные же результаты».

Но это показаніе основывается на заблужденіи. Кремнистые панцири навицеллъ и бацилларій, попадающіяся въ самомъ дѣлѣ мѣстами при микроскопическомъ изслѣдованіи, находятся только въ разсѣлинахъ и трещинахъ породы и занесены въ нихъ просочившеюся водою изъ верхняго травянистаго и болотистаго покрововъ. Я вынималъ крайне осторожно маленькіе плотные кусочки, выбранные изъ середины нерастреснувшихъ глыбъ и не нашелъ въ нихъ при микроскопическомъ изслѣдованіи и слѣда внѣшняго известковаго или цеолитоваго налета; я обрабатывалъ эти кусочки въ порошокъ и также тщательно изслѣдовалъ этотъ порошокъ. Такъ какъ кремнистые панцири микроскопическихъ организмовъ, о которыхъ говорится здѣсь, совершенно противятся соляной кислотѣ, въ которой разлагается палагонитъ, то я обрабатывалъ какъ этотъ порошокъ такъ и цѣлые кусочки холодной, разведенной соляной кислотой и изслѣдовалъ микроскопически остававшійся кремнистый скелетъ. Я не нашелъ и слѣда кремнистыхъ панцирей. Для повѣрки я передалъ изслѣдовать свѣжіе и обработанные образцы породы моему другу, профессору Клапереду, авторитетъ котораго въ микроскопическомъ дѣлѣ никто не станетъ оспаривать. И его изслѣдованія были безплодны. По Сарторіусу палагонитъ не содержится въ тѣхъ вулканическихъ туфовыхъ слояхъ, которые по историческимъ извѣстіямъ образовались надъ моремъ и даже въ новѣйшее историческое время. Крабла по Сарторіусу не кратеръ, а палагонитовый туфовый хребетъ, которому несправедливо приписали изверженія, бывшія въ

началъ прошлаго столѣтiя. Послѣ этого Циркель подтвердилъ, что Брабла все таки извергала и что вмѣстѣ съ массами туфа она вылила потоки лавы. Стало быть и это доказательство лопнуло.

Намъ кажется, что нельзя отвергать изверженiя палагонитовыхъ туфовъ дѣйствующими вулканами, также какъ и образованiя палагонита въ морѣ посредствомъ разложенiя базальтовой золы. Это образованiе палагонита есть безъ сомнѣнiя только приступъ къ дальнѣйшему разложенiю, которое какъ и у всѣхъ базальтовыхъ породъ кончается образованiемъ глины. Если же справедливо недавнее наше предположенiе, что вообще нагрѣтая морская вода имѣетъ большое значенiе въ вулканической дѣятельности; то легко понять, что тоже разложенiе, которое наступаетъ въ морской водѣ весьма медленно и постепенно, совершается въ вулканическомъ котлѣ съ большою скоростью подъ влiянiемъ теплоты и давленiя и что присутствiе известк при разложенiи, которая вообще необходима для образованiя базальтовыхъ породъ, дѣйствуетъ также какъ и въ опытѣ Буизена. По этому присутствiе палагонита нисколько не обуславливаетъ, какъ предполагаетъ Сарторiусъ, прежнее его пребыванiе подъ водою и наслоенiе палагонитовыхъ туфовъ, содержащихъ окаменѣлости, превращенiемъ части туфовъ въ глину именно доказываетъ, что они лежатъ большею частью на вторичныхъ пластахъ. У Фосфогра находятя большiя базальтова лавовыя глыбы, сплошь покрытыя тѣми же баланами, которые и теперь сѣются на всѣхъ каменныхъ породахъ морскаго дна; и мы отдали во Франкфуртскiй музей такой базальтовый катышъ величиною въ голову съ сидящими на немъ баланами и облѣпленнымъ палагонитовой глиной. Развѣ здѣсь не ясное доказательство, что эта палагонитовая глина постепенно смывалась съ сосѣднихъ палагонитовыхъ хребтовъ и наслоена морскими волнами въ видѣ вторичныхъ пластовъ и что эта глина облекала баланы не какъ палагонить, а какъ глинистый илъ?

Въ долгую зиму, которую исландцы принуждены проводить большею частью въ своихъ лачугахъ, они занимаются преимущественно исторiею своей страны. Изучаются старыя хроники и саги и безпристрастно доводятся до новѣйшаго времени; при этомъ отмѣчаются всѣ замѣчательные случаи и такимъ образомъ сохраняются для потомства. Со времени колонизацiи Исландiи и до нашего времени описаны съ похвальною точностью всѣ вулканическiя изверженiя, опустошавшия островъ, и главнѣйшия изъ нихъ переданы съ большою точностью. Циркель представилъ въ своемъ превосходномъ сочиненiи объ Исландiи хронологическое изложенеiе этихъ изверженiй до новѣйшаго времени и рассказалъ ихъ подробности, большею частью, словами самихъ лѣтописцевъ. Это тѣ же картины ужасныхъ опустошенiй отъ золенаго дождя и потоковъ лавы, которые производили голодъ и повальныя болѣзни, извѣстные намъ и въ другихъ вулканическихъ мѣстностяхъ. Но одно обстоятельство осо-

бенно характеризуетъ эти изверженія. Это — ужасныя потоки воды, которые, особенно при изверженіи южныхъ вулкановъ, изливаются съ высоты и прибавляютъ бѣдствія наводненія къ бѣдствіямъ огня. Такъ какъ всѣ болѣе высокіе вулканы покрыты до подошвы огромными массами льду и снѣга, которыя тѣмъ огромнѣе, чѣмъ значительнѣе промежутки времени между отдѣльными изверженіями; то не удивительно, что эти потоки воды, часто несущія большія ледяныя глыбы, бываютъ разрушительнѣе всякихъ изверженій.

Если сопоставить цифры Циркелевой таблицы, имѣя въ виду географическое положеніе отдѣльныхъ изверженій, то внутри новѣйшаго пояса вулкановъ выдаются съ большою ясностью отдѣльныя группы, которыя находятся другъ съ другомъ въ извѣстномъ соотношеніи и, повидимому, могутъ разсматриваться какъ отдушины общихъ подземныхъ очаговъ. Я представлю здѣсь это отношеніе не придавая ему другаго значенія, кромѣ того, что оно даетъ извѣстный взглядъ на возню подземнаго крота, который хозяйничаетъ на островѣ. Я дѣлаю это сопоставленіе такъ: возлѣ каждой горы я отмѣчаю годъ перваго и послѣдняго исторически извѣстнаго изверженія, опустивъ промежуточные числа, такъ какъ они имѣютъ только малое значеніе.

Такимъ образомъ можно различить слѣдующія группы:

1. Сѣверо-западная группа, центромъ которой служить Снефьяль. Весь полуостровъ состоитъ очевидно изъ стараго базальта и только древнѣйшія лѣтописи упоминаютъ объ изверженіяхъ близъ него. Съ 13-го столѣтія вулканическая дѣятельность совершенно прекратилась и ограничилась только углекислыми источниками.

Эльдборгъ у Колбейнстадира	880
Несъ Грешпуръ	1519.

2. Южная группа Геклы, которая направляется съ юго-запада на сѣверо-востокъ и дѣйствуетъ въ нѣсколькихъ кратерахъ съ историческихъ временъ до настоящаго времени.

Ботлугья	894 — 1860
Гекла	1004 — 1846
Мидалъ (Зольгеймаръ) Іекуль	1254 — 1262
Годаландъ Іекуль	1300
Эйяфьелла-Іекуль	1612 — 1821.

3. Юго-западная группа съ крайнею точкою мысомъ Рейкьянсъ. Направленіе трещинъ въ ней, повидимому, параллельно направленію, господствующему въ предъидущей группѣ, такъ что можно бы разсматривать ихъ какъ одну группу. Особенно же обнаруживается это сѣверо-восточное направленіе въ большомъ потокѣ лавы, который тянется непрерывно отъ Тингваллы до мыса.

Тураръ Раунъ	1000
Рейкьянсъ	1210 — 1783

Ледяная гора у Мозфелли	1340
Тингвалла Раунъ	1587
Гримсветнъ (Гофъ-Иекуль и Балль- Иекуль	1716.

4. Если продолжить трещину Геклы на сѣверовостокъ, то она пройдетъ по ужасной, пустынной поверхности Одата Раунъ, превосходящей пространствомъ пустыню Тингвалль. Отъ 12-го до 16-го столѣтія на южномъ краѣ этой пустыни появилось нѣсколько вулкановъ, которые съ того времени затихли; но ихъ можно обозначить, какъ центральную группу.

Трелладингія	1150 — 1570
Гердубрейдъ	1340 — 1570.

5. Подъ именемъ сѣверо-восточной группы можно обозначить тѣ огромные вулканы, которые лежатъ на краю ледяной пустыни, называемой Блефа Иекуль. Трудно указать въ ней опредѣленное направленіе трещинъ. Но замѣчательны два періода въ дѣятельности этой группы, съ промежуткомъ въ 350 лѣтъ отъ 14-го до 18-го столѣтія.

Раудукамбуръ	1311
Брейдамеркуръ	1362
Кнаппуръ-Иекуль	1332 — 1362
	1720 — 1727
Скейдараръ-Иекуль	1725 — 1727
Сиду-Иекуль	1728 — 1753
Скаптаръ-Иекуль	1783.

6. Сѣверная группа, которую можно разсматривать нѣкоторыхъ образомъ какъ центральную, открылась въ окрестности Комариного озера (Миватнъ) въ первой половинѣ 18-го столѣтія и выказала чрезвычайно энергическую дѣятельность, одновременно съ дѣятельностью юго-восточной группы, но затѣмъ совершенно прекратилась.

Брафла	1724 — 30
Гитаголлъ	1725
Бьарнаслагъ	1725 — 28
Лейрнукръ	1725 — 29
Хорзадральръ	1728
Рейкьялидаръ Сеттуръ	1728
Гверфьалль	1748 — 52.

Мы не должны забывать, что всѣ эти изверженія, случившіяся въ историческое время, выбрасывали весьма различную лаву и въ ея смѣсь нельзя открыть какого либо закона. Большая часть лавъ базальтового состава, т. е. съ незначительнымъ содержаніемъ кремнезема и быть можетъ возможно предположеніе, что онѣ составляютъ большую часть нерасплавленную базальтовую основу самого острова. Другія же лавы напротивъ болѣе трихатовой природы, отличаются болѣе значитель-

нымъ содержаніемъ кремнезема и, быть можетъ, выкинуты изъ большой глубины, можетъ быть изъ глубины кристаллическихъ каменныхъ породъ. Но объ этомъ можно говорить только гадательно. Во всякомъ случаѣ обстоятельство—что одинъ и тотъ же кратеръ извергалъ то трахитовыя, то базальтовыя лавы, доказываетъ неосновательность попытки, распредѣлить хронологически вулканическія формациі по ихъ составу.

В. ЯНЪ - МАЙЕНЪ.

Обстоятельство, что островъ Янъ-Майенъ лежитъ на продолженіи сѣверо-восточной линіи, которая дана направленіемъ трещины Геклы и сосѣднихъ вулкановъ вѣроятно имѣетъ свое значеніе. Самый островъ имѣетъ видъ длинной трещины, края которой на узкомъ хребтѣ, представляющемъ какъ бы хвостъ на западной сторонѣ острова, весьма мало возвышены надъ поверхностью моря; тогда какъ на восточной—конусъ Бееренберга своимъ широкимъ кратеромъ представляетъ точку, гдѣ сосредоточилась вулканическая дѣятельность и долгое время производила постоянныя изверженія. Мы знаемъ, что при подобныхъ вулканическихъ растрескиваньяхъ, вслѣдствіе которыхъ у главныхъ вулкановъ образуются боковые конусы, они всегда образуются на концѣ трещины, разрывающей гору. При знаменитомъ изверженіи 1669 года трещина кратера Этны протянулась до Монти Росси и только на своемъ концѣ набросала вулканическій конусъ; такимъ образомъ можно принять, что вулканическая трещина, очевидно представляющая Янъ-Майенъ, шла съ югозапада, т. е. отъ Исландіи къ сѣверо-востоку и кончилась Бееренбергомъ. Промѣры вблизи острова еще слишкомъ немногочисленны, чтобы дать понятіе объ образованіи морскаго дна и придти къ какому нибудь дальнѣйшему заключенію. Но обстоятельство, что на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ большая глубина начинается непосредственно у крутоспускающихся береговъ, служить, кажется, подтвержденіемъ нашего взгляда.

Огромный снѣжный ледяной покровъ, облегающій со всѣхъ сторонъ конусъ Бееренберга и спускающійся по ущельямъ къ морю въ видѣ глетчеровъ, можетъ служить доказательствомъ, что Бееренбергъ бездѣйствуетъ съ давнихъ поръ, пожалуй даже нѣсколько столѣтій; а обстоятельство, что Яичный кратеръ дымился еще въ маѣ 1818 года, доказываетъ намъ, что вулканическая дѣятельность погасла только въ недавнее время. Въ самомъ дѣлѣ мы не открыли ни малѣйшихъ слѣдовъ ея: нигдѣ не показывался ни дымъ, ни отдѣленіе газовъ. Ни одинъ горячій источникъ не выбрасывалъ водяныхъ лучей. Дно кратеровъ, въ которые мы заглядывали, представляло ровную плоскость,

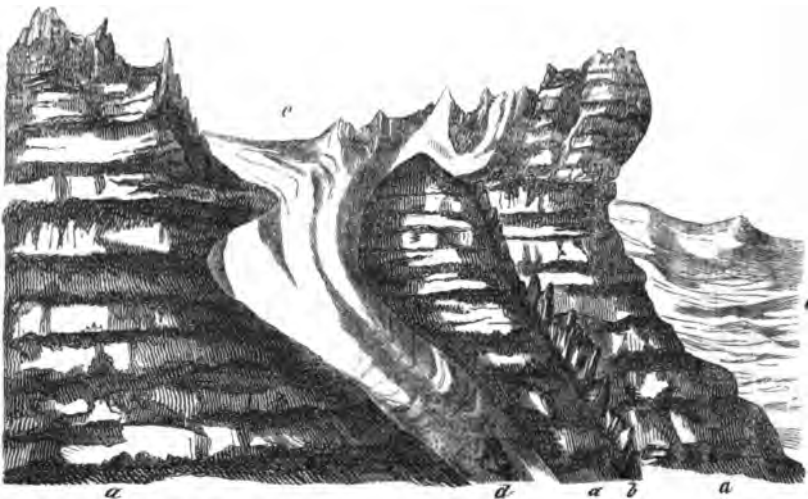
куда проточная вода снесла болѣе мелкія частицы золы. И такъ, какъ бы не были величественныя явленія, происходившія тамъ на окраинѣ ледовитаго моря въ прежнія столѣтія, теперь они совершенно прекратились и глетчеры налегли на лавы, бывшія нѣкогда въ огненно-жидкомъ состояніи, теперь же совершенно отвердѣвшія, словно плотный гранитъ. Вѣроятно даже, что Янъ Майенъ находился въ относительномъ покоѣ съ того времени, какъ норвежцы стали плавать по западному морю, т. е. болѣе тысячи лѣтъ, потому что нельзя представить, чтобы изверженія такого громаднаго конуса могли остаться незамѣченными для мореплавателей и ихъ лѣтописцевъ.

Можно бы попытаться опредѣлить время, когда было послѣднее изверженіе Бсеренберга, по толщинѣ глетчеровъ и по числу грязевыхъ линій, которыя наклонились на ихъ поверхности. Снѣжный покровъ могъ образоваться только послѣ послѣдняго изверженія; если даже онъ и накоплялся въ промежутки отдѣльныхъ изверженій, то было достаточно новой, вспышки вулканической дѣятельности, чтобы уничтожить его совершенно. Наше описаніе уже показало, что глетчеры Янъ Майена совершенно схожи съ альпійскими, всящими на отвѣсныхъ обрывахъ. Здѣсь какъ и тамъ мы видимъ морены, Gufertlinien, трещины и высунувшіяся оттуда иглы; а на южномъ глетчерѣ, который представлялъ по длинѣ равномерную покатость, мы замѣтили тѣ же грязевыя, дугообразныя линіи, за которыми на альпійскихъ глетчерахъ признано нѣкоторымъ образомъ значеніе годовыхъ колець. Дѣйствительно, въ лѣтнее время на снѣговомъ покровѣ горныхъ высотъ накапливается множество песку, грязи и проч., которые покрываются слѣдующею зимою снѣгомъ и современемъ, постепеннымъ движеніемъ глетчера внизъ, снова обнажаются въ видѣ изогнутыхъ линій, такъ что каждая грязевая линія соотвѣтствуетъ одному году. Но такъ какъ мы не ходили по глетчеру; такъ какъ для насъ не было возможности, точно опредѣлить толщину снѣжнаго слоя, выпадающаго на Янъ Майенъ въ одну зиму; то даже и исчисленіе этихъ годовыхъ колець, слѣдующихъ довольно тѣсно другъ за другомъ, не дало бы намъ точнаго отвѣта на нашъ вопросъ. Но такъ какъ снѣжныя, массы накопившіяся на высотѣ кратера, имѣютъ по крайней мѣрѣ 200 футъ толщины; такъ какъ можно предположить, что подъ широтою Янъ - Майена на высотѣ 7000 фут. надъ поверхностью моря его выпадаетъ очень мало; такъ какъ можно быть убѣжденнымъ, что вѣтры сдуваютъ большую часть снѣга на весьма наклонныхъ стремнинахъ конуса: то одна эта толщина снѣговыхъ слоевъ указываетъ на весьма долгое время, прошедшее со времени послѣдняго изверженія.

Разложеніе, которое можно наблюдать на лавѣ Янъ Майна, равнымъ образомъ доказываетъ, что изверженія кончились уже нѣсколько столѣтій. Въ большой части мѣсть ноздреватая лава разложилась очень глубоко внутрь, желѣзо окислилось и превратилось въ красную ржавчину,

которая видѣется уже издали. Даже болѣе твердые потоки лавъ окружены раскиданными массами разложившагося матеріала, въ видѣ глинистой земли, чернозема и краснаго болюса. Не смотря на снѣжный покровъ, застилающій весь островъ большую часть года, атмосферные дѣятели все таки имѣли время сильно повліять здѣсь.

Тѣмъ не менѣе Янъ Майенъ принадлежитъ по своей формациі къ той эпохѣ, въ которую произошли новѣйшіе вулканы Исландіи. Его лавы базальтовой породы и содержатъ мало кремнезема, но большое количество оливина, который вездѣ разсѣянъ въ кристаллахъ. Но нигдѣ незамѣтно слѣдовъ цеолитоваго образованія, котораго слѣды по крайней мѣрѣ появляются въ болѣе древнихъ пористыхъ базальтахъ. Нигдѣ не видно, чтобы полости лавы были наполнены или поросли тѣми кристаллическими налетами, которые служатъ признакомъ долго длившагося дѣйствія просачивающейся воды на массу горной породы. Поэтому могло пройти уже нѣсколько тысячелѣтій съ тѣхъ поръ какъ возникъ Янъ-Майенъ, хотя онъ и принадлежитъ къ новѣйшимъ вулканамъ нынѣшней эпохи.

У восточнаго берега Янъ-Майена.

a. Кажущіеся горизонтальные лавовые слои, прослоенные золою и глиной. *b.* Отвѣсная подобно стѣнѣ лавовая жила. *c.* Небольшой глетчеръ, яворванный глами. *d.* Его конечная морена. *e.* Сосѣдній глетчеръ.

Самый конусъ Бееренберга требовалъ бы болѣе внимательнаго изученія. Мы могли приблизиться къ его подошвѣ настолько, что зрительная труба давала намъ всѣ желаемыя объясненія, какія только можно получить безъ осязанія предметовъ. Какъ уже замѣчено, отвѣсные обрывы на восточной сторонѣ острова, состоятъ изъ горизонтальныхъ повидимому слоевъ лавы, имѣютъ часто значительную толщину и состоятъ, судя по собраннымъ съ пловучихъ льдинъ кускамъ, изъ тѣхъ же самыхъ лавовыхъ породъ, какія мы собрали въ гимнастической бухтѣ и

у горы Эска. Слои отдѣлены другъ отъ друга пластами золы, туфа, разложившимися большею частью въ бурюю землю, въ которой буревѣстники устроили безчисленные гнѣзда. Мѣстами видѣется жила, пересѣкающая поперегъ горизонтальные слои лавы, поднимаясь въ нихъ вертикально и выступая въ видѣ стѣны надъ вывѣтрившеюся поверхностью. Очевидно эти проникшія жилы состоятъ изъ болѣе твердой, плотной лавы, которая успѣшнѣе противится разрушенію, чѣмъ обломанные выступы лавовыхъ слоевъ, частью пористыхъ, изъ которыхъ образованы обрывы. Еслибы обрывы Соммы у Везувія или Валь дель Бове у Этны стояли до основанія въ водѣ, то они представили бы въ маломъ размѣрѣ тотъ же видъ, какой представляетъ восточный берегъ Явъ-Майена.

Если безпристрастно разсматривать конусъ Бееренберга и прослѣдить въ телескопъ на сколько возможно слои лавы кверху, какъ они представляются по краямъ утесовъ, выдавшихся изъ подъ снѣга, — можно убѣдиться, что наслоенные другъ на друга потоки лавы, образующіе конусъ, непременно должны были выливаться изъ него именно подъ тѣмъ же наклономъ, подъ которымъ они представляются и теперь. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о поднятіи кратера да и вообще вся эта теорія одного знаменитаго геогноста должна быть сдана въ архивъ послѣ убѣдительныхъ доказательствъ Лайелля. Основаніе Бееренберга образовано потоками лавы, которые разлились по мало наклонной плоскости, какъ показываетъ форма горы. Конусъ поднимался постепенно, вслѣдствіе большого склоненія выбрасываемыхъ веществъ въ непосредственной близости кратера, чѣмъ въ его окрестностяхъ и новыя изверженія лавы скрѣпляли эти свободныя массы, разливаясь по нимъ и защищали ихъ такимъ образомъ отъ вліянія воды. Отвѣсныя обрывы съ трехъ сторонъ основанія Бееренберга доказываютъ, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о поднятіи земной коры надъ поверхностью моря. Потоки лавы стекали во всѣ стороны. На югозападѣ они были сдержаны трещиной, которая уже приподнялась надъ поверхностью моря прежними потоками лавы; на три остальные стороны они текли, постепенно уменьшаясь, въ море, которое подмывало ихъ до нѣкоторой степени и такимъ образомъ постепенно произвело крутые обрывы, защищенные теперь песчаными дюнами отъ дальнѣйшаго разрушенія. Еслибы конусъ Бееренберга произошелъ отъ центрального поднятія, то слои, поднятые кругомъ идеальнаго центра, удалялись бы постепенно возвышаясь отъ моря, а не образовали бы эти утесы въ тысячу футъ высоты, которые, судя по промѣрамъ на сѣверной сторонѣ острова, отвѣсно опускаются въ глубину еще на нѣсколько сотъ футъ.

Замѣчательны частыя трещины, которыя поднимаясь вверхъ пересѣкаютъ основаніе Бееренберга въ различныхъ направленіяхъ и наполнены плотной лавой, которая представляетъ большое сопротивленіе дѣй-

ствію воздуха и моря. Зубчатые скалы, похожі съ виду то на пароходъ, то на нарусный корабль, то на маякъ и лежація кругомъ близкіе острова, вѣроятно ни что иное, какъ такія выполненія трещинъ, продолженіе которыхъ разрушено волнами. Онѣ соотвѣтствуютъ почти вездѣ скалистымъ мысамъ, которые составляютъ очевидно ихъ продолженіе и которыми они соединяются съ хвостовиднымъ придаткомъ острова. Когда главная трещина острова прорвалась и вылила свои потоки, то образовались конечно и боковыя трещины, которыя обыкновенно прошли вертикально въ главной трещинѣ и наполненіе которыхъ постепенно разрушалось моремъ, такъ что сохранились только немногіе остатки.

Конусъ Бееренберга и его основаніе образованы, какъ мы уже видѣли, большею частью вылившеюся лавою, а выбрасываемыя вещества, земля, зола и рапиды, занимаютъ въ его массѣ только второстепенное мѣсто. Совсѣмъ не то въ другихъ кратерахъ, которые мы могли подробнѣе изслѣдовать, какъ напр. кратеръ Эскъ, на который мы поднимались и кратеръ Берна, въ который сверху мы могли глубоко заглянуть. Кратеръ Эскъ извергалъ небольшіе потоки лавы; какъ киноварь красные утесы на его сѣверовосточной сторонѣ, у которыхъ мы приставали, представляютъ начало лавоваго потока, который вылился черезъ его край по направленію къ гимнастической бухтѣ. Вообще же большая часть этого боковаго кратера состоитъ изъ шлака, въ который глубоко погружается нога и который уже разлагается вслѣдствіе вывѣтриванія.

Кратеръ Берна

a. Море. *b.* Береговая дюна. *c.* и *d.* Ручьи, которые обтекаютъ съ двухъ сторонъ кратеръ и теряются въ песокъ. *e.* Отверстіе кратера. *f.* Обваженное мѣсто являющее пласты.

Вулканъ же Берна очевидно не пролилъ ни одного потока лавы, но выбрасывалъ только песокъ и золу, накопившіеся вокругъ него. Я представляю здѣсь рисунокъ по эскизу, который я снялъ у утеса при подошвѣ Эска, гдѣ я немного отдыхалъ. Большой ручей, который стекаетъ съ глетчера на юго-западной сторонѣ Бееренберга и разбивается на пространной песчаной площади Джемсоновой бухты на нѣсколько протоковъ,

вырылъ на восточной сторонѣ кратера глубокую лощину и нѣсколько обнажилъ его строеніе. Видно что совершенно круглый кратеръ, валъ котораго нигдѣ не прорванъ, образованъ слоями шлака и золы, которые приняли яркій цвѣтъ киновари подѣ влияніемъ окислѣнія. Съ мѣста, гдѣ я находился, можно обозрѣть только отчасти дно маленькаго кратера. Оно было очевидно таково, какъ у вулкана Эска, совершенно ровное и покрытое наносной золой. Представьте себѣ, что этотъ маленькій кратеръ, который, какъ сказано, извергалъ только песокъ и золу, а не лаву и край котораго выдался надъ уровнемъ моря, конечно не болѣе какъ на сто футъ, наполненъ водой или торфомъ и вы будете имѣть полную картину Мааръ (Maar) на Эйфелѣ. Основаніе маленькаго конуса лежитъ на обширной песчаной плоскости Джемсоновой бухты, которая возвышается надъ поверхностью моря едва на нѣсколько футъ. Весь кратеръ состоитъ изъ свободныхъ, несплавленныхъ выброшенныхъ веществъ, стало быть онъ могъ образоваться только на сушѣ и сохраниться только на ней — доказательство, что уровеньъ моря вблизи острова не мѣнялся со времени существованія кратера.

Громадныя массы песку и пепла, которыя всюду образуютъ болѣе плоскія дюны и береговыя полосы острова, должны были обратить на себя наше вниманіе тѣмъ болѣе, что мы обязаны были только этимъ скопленіемъ песку возможности пристать къ острову. Мы набрали множество песку и имѣли возможность произвести болѣе точное изслѣдованіе, въ которомъ самое большое участіе принялъ мой товарищъ Мариньякъ, за что я чувствительно благодарю его. Песокъ, который мы набрали въ Гимнастической бухтѣ и въ Лѣсной и который вообще имѣетъ темносѣровато-черный цвѣтъ съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, состоитъ изъ слѣдующихъ веществъ:

1) Зеленовато-желтые, очень слабо окрашенные, прозрачныя кристаллы стекляннаго блеска, которые подѣ микроскопомъ кажутся почти безцвѣтными. Они не плавятся при паяльной трубкѣ, представляютъ всего только одно гладкое, ясное листовое строеніе и часто попадаютъ въ хорошо развитыхъ кристаллахъ, въ удлинненныхъ призмахъ въ 130 градусовъ. Они легко разлагаются въ кипящей соляной кислотѣ, оставляя студенистый кремнеземъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти кристаллы нанесены въ такомъ множествѣ, что песчаная поверхность замѣтно освѣчиваетъ зеленовато-желтымъ. Это—перидотъ и именно разновидность этого минерала, называемая оливиномъ, часто разсматриваемая какъ характерная составная часть базальтовыхъ лавъ. Мѣстами, но только рѣдко, попадаютъ кристаллы той же формы, но томпаково-желтаго или красноватаго цвѣта съ болѣе темнымъ зерномъ внутри; они попадались слишкомъ рѣдко, чтобы хорошо изслѣдовать ихъ; но кажется они представляютъ видоизмѣненіе оливина, содержащее много желѣза и называемое гялозидеритъ.

2) Кристаллическія зерна темно-зеленаго, бутылочнаго или луковичнаго цвѣта, легкоплавкія съ стекляннымъ блескомъ, подъ микроскопомъ едва пропускаютъ свѣтъ и легко плавятся на огнѣ паяльной трубки. Встрѣчаются только зерна безъ ясной кристаллической формы, представляя двѣ ясныя спайныя плоскости подъ угломъ 78 градусовъ. Именно въ красной пористой лавѣ встрѣчаются такіе большіе куски этого минерала, въ которыхъ это хорошо замѣтно: это пироксенъ.

Быть можетъ пироксенъ находится въ соотношеніи съ очень маленькими, непрозрачными, желтокрасными, переходящими въ цвѣтъ киновари кристаллическими зернами, которыя впрочемъ попадаются весьма рѣдко и не могли быть лучше изслѣдованы.

3) Темно-черныя, плотныя зерна, которыя можно притянуть магнитомъ — магнитный желѣзнякъ.

4) Сѣро-свинцовыя зерна расплавленной лавы, достигающія мѣстами величины орѣха.

Чтобъ опредѣлить приблизительно его количественный составъ, я вытянулъ сперва магнитомъ весь магнитный желѣзнякъ и обработалъ остатокъ соляной кислотой и калиевой щелочью; этимъ способомъ я разложилъ оливинъ, но частью также и лаву и удалил кремнеземъ, происшедшій отъ разложенія. Я получилъ слѣдующій процентный составъ:

21,6 магнитнаго желѣзняка,
36,5 оливина и разложимой части лавы,
41,9 неразложимой части лавы.

Лавы, собранныя на Янъ-Майенѣ, удобно могутъ быть распределены на двѣ категоріи, изъ которыхъ однѣ лавы — темнаго, даже чернаго цвѣта, легко окисляются при большомъ содержаніи желѣза, очевидно находящагося въ нихъ и принимаютъ вслѣдствіе этого бурокрасный, даже киноварно-красный оттѣнокъ; другія же лавы нѣсколько болѣе свѣтлаго, сѣраго цвѣта противустоятъ атмосфернымъ дѣятелямъ съ большимъ успѣхомъ. Обѣ породы лавы встрѣчаются съ различною скважностью. Мы находили сѣрую лаву въ кускахъ, поразительно похожую на мелко-зернистый, плотный гнейсъ, но у насъ есть куски черной лавы, представляющіе строеніе подобное пемзѣ. Мы нигдѣ не могли замѣтить плотныхъ пластовъ лавы въ формѣ столбовъ. Тѣмъ многочисленнѣе обособленія въ формѣ пластовъ и они столь совершенны напр. въ потокахъ лавы Гимнастической бухты, что попадаютъ большія плиты, которыя могли бы быть употреблены на покрытіе неуклюжихъ крышъ такъ же хорошо, какъ плиты фonoлита употребляемая съ этою цѣлью въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

Черная лава отличается во всѣхъ своихъ разновидностяхъ большимъ количествомъ пироксеновыхъ основныхъ частей и значительнымъ развитіемъ кристалловъ. Передо мною кусокъ пѣнистой черной лавы, ко-

торый повидимому исключительно образованъ такими кристаллами, спаянныхъ большимъ количествомъ текшей лавы и между этими кристаллами есть разломанный экземпляръ, остатки котораго, ясно показывая разломы обѣихъ плоскостей, доказываютъ, что самый кристаллъ имѣлъ по крайней мѣрѣ 2 сантиметра длины. Въ этихъ черныхъ лавахъ содержаніе оливина менѣе значительно; но я все же не нахожу ни одного куска, гдѣ бы его окончательно не было.

Въ болѣе плотныхъ сѣрыхъ лавахъ основная сѣрая составная часть чрезвычайно мелко-зернисто кристаллическая, такъ что масса похожа на нѣкоторыя разновидности доломита. Свѣтлые кристаллы оливина и темноватые кристаллы пироксена такъ включены въ массѣ, что при выламываніи кристалловъ остается ихъ полный отпечатокъ. Въ серединѣ глыбъ кристаллы больше чѣмъ на поверхности, а въ стекловидной корѣ, покрывающей эти поверхности, также какъ и стѣнки внутреннихъ пузырьковъ, эти кристаллы представляются микроскопически малыми. И такъ они очевидно образовались въ самой лавѣ, бывшей въ огненно-жидкомъ теченіи и выкристаллизовались изъ массы, а не были, какъ доказываетъ одна новѣйшая теорія, выброшены за одно съ расплавленною жидкостію, какъ уже готовые, нѣкоторымъ образомъ, преждедущіе, куски.

Какъ въ самыхъ плотныхъ, такъ и въ пузыристыхъ экземплярахъ этой сѣрой лавы попадаются среди сѣрой массы болѣе свѣтлыя, бѣлыя кристаллическія выдѣленія, показывающія лучистое или звѣздчатое строеніе, но онѣ нигдѣ неразвились до того, чтобы можно было ясно распознать форму ихъ кристалловъ. Мѣстами впрочемъ ясно видѣются въ плотной лавѣ, какъ замѣчаетъ Мариньякъ, блестящіе какъ стекло, неокрашенные, слоистые кристаллы, которые представляютъ два ясныхъ листовыхъ перехода подъ угломъ 86 градусовъ, и повидимому принадлежащіе къ такъ называемымъ ложнымъ полевымъ шпатамъ, какъ лабрадоръ и альбитъ. Болѣе бѣлые кристаллы, имѣющіе впрочемъ всегда ясный стеклянный блескъ, принадлежатъ какъ кажется, тоже къ полевому шпату а не къ цеолитовому минералу, какъ я было предполагалъ сначала. Кристаллы едва измѣняются передъ паяльной трубкой и трудно плавятся, какъ и куски лавы, большую часть которыхъ они повидимому составляютъ. Если бы это были цеолиты, отличающіеся всегда значительнымъ содержаніемъ воды, то лава потерпѣла бы при нагрѣваніи значительную потерю. Но, по Мариньяку она теряетъ только двѣ тысячныя доли своего вѣса, которыя можно отнести къ гигроскопической водѣ, оставшейся въ пузырькахъ. Поэтому можно предположить, что большая часть сѣрой лавы образована ложнымъ полевымъ шпатою, лабрадоромъ, который вообще составляетъ главную составную часть всѣхъ базальтовыхъ лавъ.

Всѣ лавы Янгъ-Майена, даже свѣтло-сѣраго цвѣта, содержатъ магнитный желѣзнякъ, который можно извлечь изъ размельченной лавы

магнитомъ. Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ содержаніе его такъ значительно, что почти вся измельченная масса остается на магнитѣ. При микроскопическомъ изслѣдованіи, находишь внутри стекловидныхъ кусочковъ маленькія круглыя зернышки чернаго магнитнаго желѣзника, которыя не выдѣляются окончательно изъ своей оболочки полевого шпата даже при обращеніи въ порошокъ. Поэтому я расположенъ думать, что магнитный желѣзнякъ не продуктъ начинающагося разложениа; но, какъ таковой, былъ выдѣленъ изъ лавы.

И такъ, Янгъ-Майенъ — островъ, составленный изъ базальтовыхъ лавъ новѣйшей эпохи и происшедшій изъ трещины, на сѣверо-восточномъ концѣ которой при многократныхъ изверженіяхъ шлаковыхъ массъ и громадныхъ потоковъ лавы нагроможденъ Бееренбергъ. Побочные кратеры насыпаны большею частью золяными массами и шлаками и есть даже такіе, которые никогда не извергали потоковъ лавы, а только выбрасывали такія несплавленные массы.

